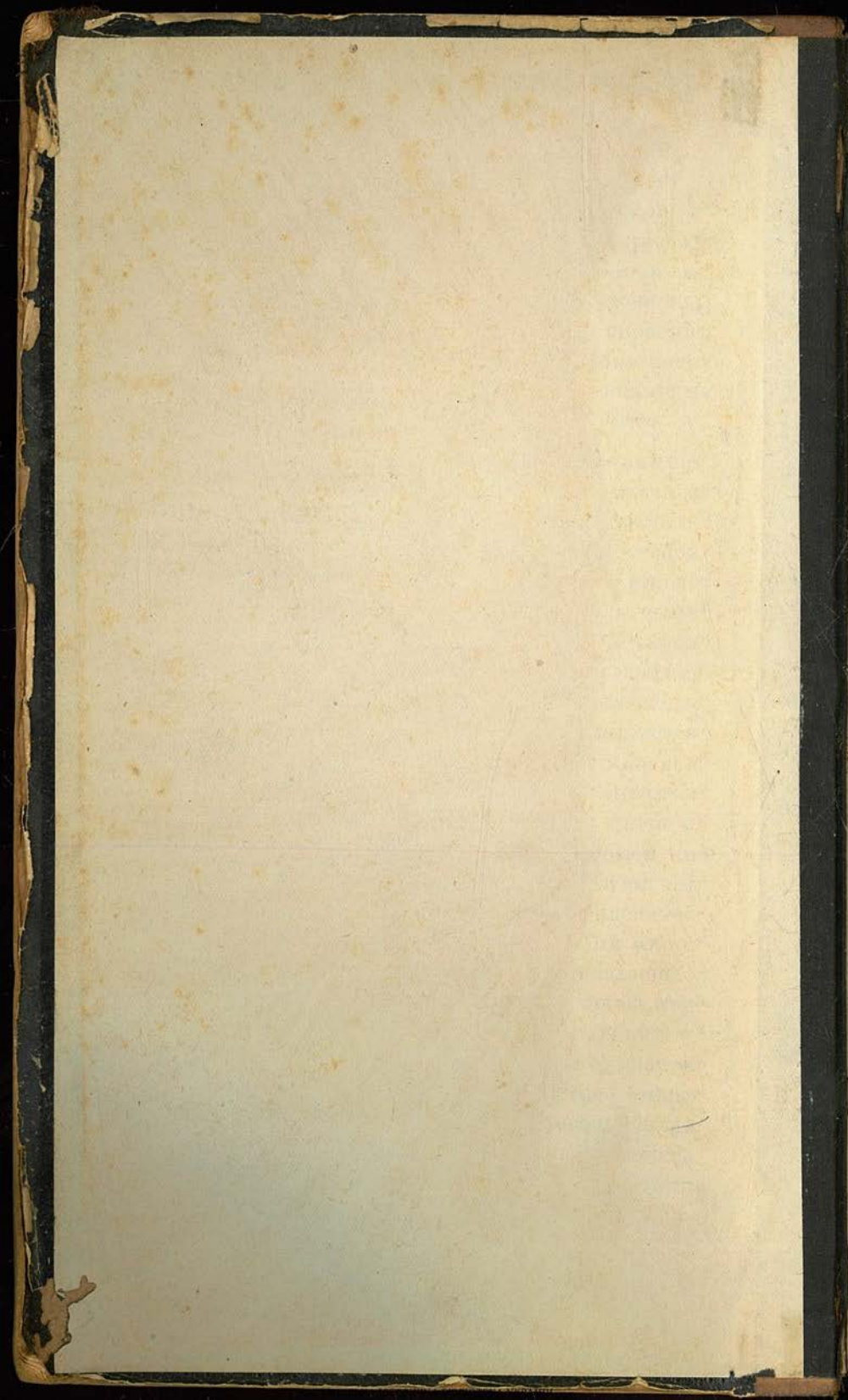

Меморіальні
виступи,

1898, август

№3309

✓
11/01/7

15
AP

4
F1011

Самозем

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

№ 1017
ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1898 г.

	СТР.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). IX—XI. (Продолженіе). Н. П. Мердеръ	5
II. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть вторая. I—VI. (Продолженіе) . .	49
III. Лепта вдовицы. (Разсказъ). П. Н. Потапенко	80
IV. На царскомъ пути. (Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена). Д. В. Федорова	103
V. Неудобоносимое нго. (Изъ давнихъ воспоминаній). П. Н. Полевого	122
VI. Недавніе люди. (Характеристики и воспоминанія). Степанъ Стамбуловъ. (Окончаніе). А. В. Амфитеатрова	132
VII. Къ біографіи Н. В. Успенскаго. Я. П. Полонскаго	148
VIII. Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки). III—V. (Окончаніе). А. Г. Слезкинскаго	152
Иллюстраціи: 1) Становище Еретики (портъ Владимира).—2) Колонія Малая Мотка.—3) Колонія Печенга.—4) Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.—5) Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.—6) Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ.—7) Пазъицкій погостъ. Церковь св. Бориса и Глѣба.—8) Городъ Кола.—9) Лопарская тупа.—10) Островъ Маланья на Ижандрѣ.—11) Расноволоцкая станція.—12) Поморская казарма.	
IX. Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. Марка Басанина	192
X. По китайскому побережью. Городъ Вей-ха-вей. В. Д. Черевкова	229
XI. Русскіе дипломаты XVIII столѣтія въ Англіи. I—III. В. А. Тимирязева	243
Иллюстраціи: 1) Андрей Артамоновичъ Матѣевъ.—2) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.—3) Князь Антиохъ Дмитриевичъ Кантемиръ.	
XII. Литературный памятникъ Н. В. Гоголю. В. В. Глинскаго	267
XIII. Критика и бібліографія.	276
1) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898. Б. Глинскаго.—2) А. Сорель. Монтеסקье. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. П. Карѣва. Спб. 1898. И.—снаго.—3) О. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897. Щ.—4) А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898. В. П.—5) У сина моря. Кн. Дм. Голыцынъ (Муравлинъ). Спб. 1898. А. Фаресова.—6) Очеркъ жизни и дѣятельности въ Востѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами. Составилъ генераль-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Спб. 1898. Первый царственный генераль-фельдшмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, 1798—1898 г. Біографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Спб. 1898 г. В. Т.—7) А. Н. Неустроевъ. Литературныя дѣятели XVIII вѣка. І. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихомировъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898. Проф. А. Архангельскаго.—8) Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897. Б. Г.—9) На сибирскихъ золотыхъ приискахъ. Н. Латкинъ. Спб. 1898. А. Фаресова.—10) И. Е. Тимошенко. Литературныя первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. С.—11) Очерки современной Японіи. Женщины-врача А. А. Черевковой. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898. Л. Ж.—12) Альбомъ кар-	

См. слѣд. стр.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ЕРОФѢВІЧЪ ОСТЕНЬ-САКЕНЪ.

дозв. ценз. 28 марта 1898 г. свб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

23.4.18

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Т О М Ъ LXXII.

1898.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

381 110 1961 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1898.

ВѢСТНИКЪ. ИСТОРИЧЕСКІЙ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ LXIII

1898

524125

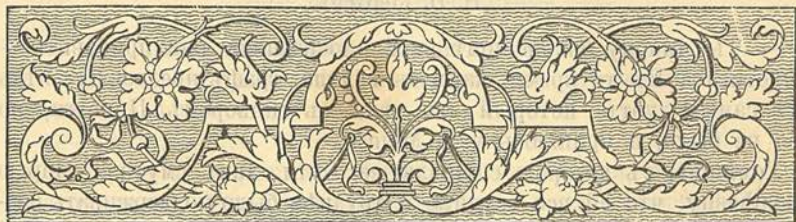
БІБЛІОТЕКА УРСР
Церковна історія

БІБЛІОТЕКА ІСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНА
УРСР

1898

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾

Романъ-хроника.

IX.

РАФЪ, наконецъ, поѣхалъ съ управляющимъ осматривать Артекино.

Очутившись въ обычномъ своемъ обществѣ за утреннимъ чаемъ, Марья Алексѣевна вспомнила, что цѣлую недѣлю забывала о существованіи Кати, и почувствовала угрызения совѣсти.

— Гдѣ ты вчера была весь день, душенька?— ласково спросила она у нея.— Даже къ ужину не пришла.

— Я гуляла,—отрывисто отвѣчала Катя.

— Очень жаль, что ты выбираешь для гулянья именно такое время, когда мы всѣ вмѣстѣ,—замѣтила Марья Алексѣевна, подавляя жуткое безпокойство, поднимавшееся въ ея душѣ отъ предчувствія непріятной сцены.—Графъ пѣлъ, у него прекрасный голосъ....

— Я стараюсь никому не мѣшать,—объявила Катя, обдавая Машу съ Соней такимъ выразительнымъ взглядомъ, что онѣ вспыхнули, а мать ихъ тотчасъ же поняла, что между дѣвушками опять произошла одна изъ тѣхъ размолвокъ, которыя ставили ее каждый разъ въ затруднительное положеніе.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», томъ LXXI, стр. 801.

— Ты никому бы не помѣшала,—поспѣшила она прибавить,—напротивъ... Въ то время, какъ ты гуляла, графъ предложилъ пѣть тотъ самый дуэтъ, который ты пѣла съ синьоромъ Пинетти, но тебя не было, и пришлось ужъ Машѣ...

Усмѣшка, съ которою слушала ее Катя, такъ смутила Марью Алексѣвну, что ей все труднѣе и труднѣе было поддерживать разговоръ въ миролюбивомъ тонѣ, но, тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она посовѣтовала ей повторить этотъ дуэтъ, чтобы завтра пропѣть его съ графомъ.

— Для чего же, когда Маша его поетъ?—возразили ей вызывающимъ тономъ.

— У тебя онъ выйдетъ лучше.

— Не думаю. Къ тому же мнѣ некогда повторять старыя вещи, я должна изучать партитуру изъ «Донъ-Паскаля».

Съ этими словами она поднялась изъ-за стола, ни на кого не глядя, вышла въ залу, и вскорѣ раздался ея звучный голосъ въ мастерски исполняемыхъ вокализахъ.

Марья Алексѣвна была уничтожена.

Съ какой стороны ни подойти къ этой отвратительной дѣвчонкѣ, непременно нарвешься на дерзости и непріятности. И всего хуже то, что придратъся къ ней невозможно; трудно передать тонъ, которымъ она умѣетъ произносить слова, когда она хочетъ ими кого нибудь уязвить; надо видѣть и слышать, сколько враждебности и холодного презрѣнія въ выраженіи ея лица и въ голосѣ.

Марья Алексѣвна взглянула на дочерей. Онѣ были точно также смущены, какъ и она, и переглядывались съ тоскливымъ недоумѣніемъ.

— Какъ это дурно съ вашей стороны, mesdemoiselles, всю эту недѣлю ни разу не пригласить ее въ гостиную вечеромъ,—строго объявила мать. —Вы знаете, какъ она болѣзненно самолюбива и какъ оскорбляется всякимъ невниманіемъ, а вы точно нарочно...

Дѣвушки, опустивъ глаза, молчали.

— Да и вообще вы всю эту недѣлю вели себя неприлично, и я ужъ давно ищу удобнаго случая, чтобы вамъ это замѣтить,—продолжала Марья Алексѣвна,—вы шепчетесь между собой, переглядываетесь, какъ дурно воспитанныя дѣвицы. Вчера, когда графъ предложилъ повторить дуэтъ, ты тотчасъ же кинулась къ клавишину, не взглянувъ на меня, не убѣдясь, нахожу ли я это удобнымъ,—обратилась она къ старшей дочери, которая съ трудомъ сдерживала слезы.

— И что за манера пропадать изъ гостиной вдвоемъ, не сказавъ, куда вы идете! Гдѣ вы были вчера послѣ обѣда, когда я заговорила съ графомъ о сегодняшней поѣздкѣ?

— Мы прошли по аллеѣ, папа,—отвѣчала Соня.

— Вдвоемъ?

— Да, мы разговаривали, но потомъ пришла Катя...

— И вы, безъ сомнѣнія, замолчали или заговорили о другомъ при ея появленіи?

— Да, маман.

— Ну, вотъ и разгадка всему! Вы ее обидѣли, и она до сихъ поръ сердится. Ахъ, дѣти, дѣти, какъ вы меня огорчаете!—вымолвила съ печальнымъ вздохомъ Марья Алексѣвна.—Сколько разъ повторяла я вамъ желаніе папеньки, чтобъ вы жили дружно съ Катей, и чтобъ она была у насъ довольна и счастлива!

Маша не въ силахъ была дольше бороться съ душившимъ ее волненіемъ.

— Простите меня, маменька!—вскричала она, срываясь съ мѣста и кидаясь обнимать мать.—Я знаю, что я виновата, но я сама не понимаю, что со мной дѣлается,—прибавила она прерывающимся отъ рыданій шопотомъ и прижимаясь лицомъ къ груди матери.

— Ступай, Соня, мнѣ надо поговорить съ твоей сестрой,—сказала Марья Алексѣвна и, оставшись наединѣ съ старшей дочерью, стала ее допрашивать.

Бѣдная дѣвочка тотчасъ же во всемъ созналась. Подозрѣніе, цѣлую недѣлю мучившее ея мать, оправдалось: Маша влюбилась до безумія въ графа. И она ужъ была несчастна этою любовью, ее уже мучили сомнѣнія и ревность. Вчера, находясь въ чаду отъ восторга, она блаженствовала, а сегодня она въ отчаяніи. Вчера она мечтала, что графъ будетъ ея мужемъ, а сегодня она убѣждена, что этого никогда не случится...

Марья Алексѣвна обомлѣла отъ страха, изумленія и жалости. Неужели опасенія ея начинаютъ сбываться! Какой переворотъ въ ихъ внутренней жизни, до сихъ поръ такой мирной и спокойной!

— Изъ чего же ты заключила, что ты ему нравилась?—спросила она, стараясь казаться спокойною.—Неужели онъ позволитъ себѣ говорить съ тобою о любви?

— О, нѣтъ, маменька! Этого слова онъ ни разу не произносилъ, но это по всему было видно,—отвѣчала, запинаясь, дѣвушка.—Онъ такъ на меня смотрѣлъ... и голосъ у него дѣлался совсѣмъ другой, когда онъ со мной говорилъ... Я не могу объяснить, но я это чувствую... И Соня тоже говорить, что я ему нравлюсь...

Ужъ и Соня это говорить! А Марья Алексѣвна воображала, что, кромѣ нея, никто не замѣчаетъ, какое впечатлѣніе произвела Маша на ихъ гостя, и что сама Маша смущается подъ его взглядомъ безсознательно, не подозрѣвая настоящей причины своего волненія.

О, какъ она заблуждалась!

Наступила, наконецъ, развязка, которую она съ такимъ постыднымъ малодушіемъ отдаляла отъ себя всѣми силами, вмѣсто того, чтобъ предупредить ее.

Какъ теперь поступить?

Какъ, сохраняя материнское достоинство и не унижаясь до недостойнаго сообщничества, открыть эту невинную душу, чтобъ знать, чѣмъ дѣйствовать противъ зарождающагося въ ней чувства, не запугивая ея, не оскорбляя, не усиливая ея страданій и не возбуждая въ ней недовѣрія?

Къ счастью, Маша сама облегчила матери эту задачу. Въ ея чистомъ сердцѣ для скрытности и обмана не находилось мѣста, и откровенность съ тою, которую она со дня рожденія привыкла любить и уважать больше всего на свѣтѣ, была для ея души такою же потребностью, какъ воздухъ для ея тѣла.

— Маменька, это очень не хорошо, что я чувствую? Это грѣхъ?— спросила она, опускаясь на колѣни передъ матерью и устремляя на нее взглядъ, полный невиннаго недоумѣнія и страха.

— Грѣхъ, дѣвочка, но если ты будешь меня слушать и ничего отъ меня не скроешь, мы будемъ вмѣстѣ молиться, чтобъ Господь простилъ тебѣ этотъ грѣхъ, и онъ проститъ.

— Мнѣ, кажется, что я ужъ не могу безъ него жить, маменька; когда онъ уѣхалъ сегодня утромъ, мнѣ было такъ больно, такъ больно, что хотѣлось умереть.

— Ну, а теперь?—спросила Марья Алексѣвна, заглядывая съ любовью въ милые, голубые глаза, устремленные на нее съ такимъ глубокимъ и невозмутимымъ довѣріемъ.

— Теперь мнѣ немножко легче.

— А когда ты мнѣ все скажешь, будетъ еще легче.

— Я отъ васъ ничего не скрою. Онъ сказалъ мнѣ вчера: «Мы вѣдь увидимся завтра, утромъ, въ саду, передъ моимъ отъѣздомъ, не правда ли?» И я сегодня утромъ пошла туда въ полной увѣренности, что, наконецъ, онъ мнѣ признается въ любви, и я молила Бога, чтобъ такъ и случилось... Это дурно, маменька? Объ этомъ грѣхъ молиться?

— Хорошо, что ты, по крайней мѣрѣ, сама это сознаешь. Но что-жъ онъ тебѣ сказалъ?

— Ничего онъ мнѣ не сказалъ, я его застала съ Катей. Они такъ заняты были разговоромъ, что онъ даже не обернулся, когда я подошла... Она смѣялась, а онъ держалъ себя такъ, точно меня совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... И вдругъ она пошла къ бесѣдкѣ, и онъ за нею...

— Ты, конечно, за ними не послѣдовала?

— Нѣтъ, маменька, я не могла, мнѣ было слишкомъ обидно... Я заплакала и убѣжала домой, а онъ уѣхалъ.

Слушая невинную, безыскусственную рѣчь несчастной влюбленной дѣвочки, Марья Алексѣвна съ трудомъ сдерживала слезы, подавившія ей къ горлу.

Много перенесла она горя въ жизни, много испытала разочаро-

ваній, такъ много, что, казалось, сердце ея должно бы было при-
выкнуть къ печали и обтерпѣться, а между тѣмъ это бѣдное, сла-
бое сердце обливалось кровью въ мучительной тоскѣ и страхѣ за
дочь еще больше, чѣмъ за себя. Вполнѣ безпомощною и придавлен-
ною чувствовала она себя подъ гнетомъ этого новаго и неожидан-
наго креста. Она хоть нѣкоторое время была счастлива съ избран-
никомъ сердца, сдѣлавшимся ея мужемъ, а неужели ея бѣдной дѣ-
вочкѣ даже такого счастья не суждено испытать, и она познаетъ
горечь разочарованія и ужасъ измѣны раньше, чѣмъ сдѣлается
женщиной?

— Неужели все кончено, маменька?—спросила дрожащимъ го-
лосомъ Маша, испуганная ея молчаніемъ и печальнымъ выраже-
ніемъ ея глазъ, въ которыхъ она съ мучительно пытливостью иска-
ла поддержки и утѣшенія.

И столько отчаянія звучало въ этомъ вопросѣ, что у Марьи
Алексѣвны не хватило духу сообщить ей печальное предчувствіе,
наполнявшее ея душу.

— Полно, дѣвочка, будь умницей, не мучь себя понапрасну,
ничего еще не случилось ужаснаго, вчера онъ говорилъ съ тобой,
сегодня съ Катей, завтра, можетъ быть, заговорить съ Соней, не
слѣдуетъ этому придавать значенія.

— Но вѣдь я пришла, чтобъ съ нимъ проститься, маменька!
Онъ самъ меня просилъ выйти пораньше въ садъ.

— Онъ могъ это забыть.

— Забыть?!.. Но тогда онъ и все остальное можетъ забыть, и
стало быть...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ.

Дѣлать нечего, пришлось открыть этому ребенку глаза на жизнь,
объяснить, какъ она бываетъ жестока и несправедлива, и какъ не-
обходимо сносить ея удары съ достоинствомъ, чтобъ не накликать
на себя злорадное презрѣніе или обидную жалость окружающихъ.

Кокетничанье съ графомъ, легкомысленно начатое Катей съ
цѣлью испробовать силу своего обаянія надъ юношей, влюбленнымъ
въ ея подругу, завлекло ее гораздо дальше, чѣмъ она ожидала.

Все къ тому способствовало: и холодная непріязненность, про-
глядывающая невольно въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ
Марьи Алексѣвны и ея дочерей, и чрезмѣрная сдержанность
Маши, которая, слѣдуя совѣтамъ матери и сознанію собственнаго
достоинства, пробудившагося въ ея душѣ вмѣстѣ съ чувствомъ
оскорбленія и отчаянія, черезчуръ рѣзко и рѣшительно отстраи-
лась, предоставляя безъ борьбы свое мѣсто соперницѣ, и, наконецъ,
возбужденное любопытство, съ которымъ вся дворня слѣдила за
неожиданнымъ поворотомъ въ разыгрывающейся въ барскихъ хо-

ромахъ идилліи, все это способствовало къ тому, что Катя съ графомъ очутились внезапно, какъ бы отрѣзанными отъ остального міра и предоставленными самимъ себѣ.

Сдѣлалось это само собой. Когда графъ вернулся вечеромъ изъ своей экскурсіи на хуторъ и, по обыкновенію, предложилъ барышнямъ заняться музыкой, Катя заняла мѣсто Маши у клавикордъ; услышавъ ея голосъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что если пожалѣлъ о чемъ нибудь, такъ развѣ только о томъ, что ему раньше не пришло въ голову просить ее съ нимъ пѣть. Тѣмъ не менѣе его мучило, что за весь день онъ не сказалъ ни одного любезнаго слова Машѣ и уѣхалъ, не простившись съ нею; всею душой хотѣлъ онъ исправить эту оплошность, но каждый разъ, когда онъ искалъ ее взглядомъ, съ готовымъ комплиментомъ на устахъ, либо ея тутъ не было, либо выраженіе ея лица было такъ серьезно и холодно, что у него слова не выговаривались.

Марья Алексѣевна тоже, невзирая на усиліе скрывать подъ спокойною привѣтливостію мучившія ея чувства, была печальна и молчалива, и помимо ея воли въ голосѣ ея и во взглядѣ выражались разочарованіе и досада; Соня же прямо враждебно относилась къ гостю, и онъ не могъ не замѣтить, какъ мать ея показывала ей знаками, чтобъ она относилась къ нему приличнѣе.

Всѣмъ было неловко и тяжело, кромѣ Кати, которая, притворяясь, что ровно ничего не замѣчаетъ, съ увлеченіемъ пѣла, играла и разспрашивала графа о томъ, понравилось ли ему мѣсто, выбранное для завода, и когда именно примутся за его постройку.

— Неужели же вы и зимой будете тамъ жить?—спросила она, между прочимъ, и на утвердительный отвѣтъ графа, съ непростительною развязностью, предложила ему поселиться въ ея Коржинскомъ домѣ.

— Не правда ли, сестрица, графу будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и лучше у меня, чѣмъ на хуторѣ?—прибавила она, напирая на слова «у меня».

Графъ невольно обернулся къ Марьѣ Алексѣевнѣ и былъ пораженъ выраженіемъ ея лица: оно поблѣднѣло отъ сдержаннаго гнѣва.

Не отвѣчая на дерзкій вызовъ Куклы, г-жа Коржина встала изъ-за стола и, ледянымъ тономъ пожелавъ графу покойной ночи, вышла изъ комнаты.

Дочери послѣдовали за нею, а Катя, оставшись съ графомъ за столомъ съ не доѣденнымъ десертомъ и не прибранной посудой, облокотилась обѣими руками на столъ, оперлась подбородкомъ на вывернутыя ладони и устремила на своего собесѣдника взглядъ, полный иронической пытливости.

— Марья Алексѣевна чѣмъ-то недовольна,—замѣтилъ графъ, смущаясь подъ этимъ взглядомъ.

— Ее всегда сердить напominаніе о томъ, что все здѣсь при-

надлежить не имъ, а мнѣ,—отвѣчала съ усмѣшкой Катя.—Точно я виновата, что отецъ оставилъ все мнѣ; у него были на это свои причины,—прибавила она, пожимая плечами.

Странная дѣвушка!

Онъ знаетъ ее только съ утра, и она коробить его грубою рѣзкостью, проскальзывающею по временамъ сквозь оболочку цивилизации, еще плохо усвоенной ея необузданнымъ, дикимъ нравомъ, а между тѣмъ она ужъ заставила его рассказать о себѣ то, чего онъ никогда никому не говорилъ, и успѣла открыть ему глаза на окружающихъ. Марья Алексѣевна представлялась ему теперь совсѣмъ не такою, какою она казалась ему еще вчера, а чистый образъ Маши тускнѣлъ отъ зарождающагося недовѣрія къ ея искренности и невинности. Ему ужъ трудно было вызвать въ воображеніи ту Машу, которою онъ восхищался цѣлую недѣлю, она представлялась ему теперь сообщницей матери въ погонѣ за богатымъ женихомъ.

Онъ долженъ быть благодаренъ Катѣ за то, что она открыла ему глаза, и ужъ изъ-за одного этого извинить грубую шероховатость ея пріемовъ и странности ея ума и характера.

Впрочемъ, она была такъ умна и красива, что и безъ всякихъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ ей можно было все простить.

— Ну, дозавтра, — сказала она, поднимаясь съ мѣста и присѣдая передъ нимъ по всѣмъ правиламъ искусства, съ жеманной граціей свѣтской дѣвицы, точно желая ему доказать, что она и вълюбомъ салонѣ можетъ быть у мѣста, если захочетъ.

Но въ этомъ онъ и не сомнѣвался, онъ считалъ теперь эту маленькую чародѣйку на все способною, и къ его восхищенію ея примѣшивался невольный страхъ. А между тѣмъ, его тянуло къ ней, ему хотѣлось быть съ нею дольше, всегда, и это слово: «дозавтра» долго-долго звучало въ его ухахъ, лаская его заманчивымъ обѣщаніемъ счастья.

Однако, на слѣдующее утро онъ вышелъ въ садъ съ смутною надеждой встрѣтить Машу и объясниться съ нею, но она не пришла, и ему стало такъ обидно и горько, что когда на поворотѣ изъ парка въ поле передъ нимъ очутилась Катя, онъ обрадовался ей, какъ старому другу, который пойметъ его печаль и сумѣетъ утѣшить его.

Онъ не ошибся; она заставила его забыть все, чѣмъ онъ мучился до ея появленія.

Кто подсказывалъ этой дѣвчкѣ именно такія слова, которыя лучше всего подходили къ настроенію его ума, вливали спокойствіе и бодрость въ его сердце и будили въ немъ такія чувства, на которыя онъ до сихъ поръ ни въ комъ еще не рѣшался искать отголоска?

Женскій инстинктъ, безъ сомнѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, но послѣ трехъ или четырехъ свиданій

ній съ Катей, когда еще между ними не было произнесено ни одного слова любви, графъ вспоминалъ про Машу только для того, чтобы съ досадою спрашивать себя: какъ онъ могъ увлекаться ею, когда въ томъ же домѣ находилось такое очаровательное существо, какъ Катя? Гдѣ у него были глаза? Сколько жизни, сколько разнообразія въ прелестяхъ этого шестнадцатилѣтняго ребенка! Какъ она умна и проницательна? Отъ нея ничего нельзя скрыть, и когда она останавливаетъ на немъ глубокий взглядъ своихъ чудныхъ, черныхъ глазъ, ему неудержимо хочется излить ей всю свою душу, безъ остатка.

Съ Машей онъ никогда ничего подобнаго не чувствовалъ.

Катѣ было весело.

Дня три тѣшилась она своимъ торжествомъ надъ Машей и новымъ чувствомъ, которое ей такъ ловко удалось пробудить въ сердцѣ графа, но на четвертый день, когда она, по обыкновенію, проснулась въ пять часовъ утра, она увидала, что стоявшая до сихъ поръ хорошая погода испортилась: было пасмурно, осенній вѣтеръ нагналъ тучи, грозившія каждую минуту разразиться дождемъ, и она подумала, что глупо въ такую рань покидать теплую постель, чтобы идти въ садъ.

Полячокъ ее тамъ ждетъ. Ну, и пусть! Надоѣло ужъ ей слушать его напыщенные жалобы на одиночество, на несправедливость къ нему судьбы, на то, что онъ всему міру готовъ отдать свое сердце, да никто его не беретъ, его намеки, что онъ узналъ счастье только съ тѣхъ поръ, какъ она обратила на него вниманіе... И какъ онъ вертится, какъ онъ изловчается, чтобы съ языка не соскользнуло запретное слово! Даже смѣшно слушать, право!

До сихъ поръ, и вчера, и третьяго дня, осторожность эта раздражала ее, ей не терпѣлось услышать, наконецъ, признаніе въ любви, первое въ жизни, и разыграть роль разочарованной героини романа, но сегодня все это ей казалось глупо и ей было досадно на себя за то, что она такъ волновалась, такъ хлопотала изъ-за пустяковъ. Ну, что ей въ этомъ мальчишкѣ? Не нуженъ онъ ей вовсе. Ни минуты онъ ей серьезно не нравился, даже и тогда, когда голосъ его и страстные взгляды, лаская ея самолюбіе, пріятно щекотали ей нервы. Позабавилась съ нимъ и довольно. Пусть идетъ теперь къ Машѣ, пусть признается ей въ любви, женится на ней, ей ни крошечки не будетъ завидно.

Въ комнату вошла Демьяновна. Увидавъ свою барышню въ постели, она всплеснула руками.

— Еще нѣжишься, а ужъ восьмой часъ! Ты чтожъ это сегодня гулять не пошла!

— Дождь идетъ,—отвѣчала, лѣниво потягиваясь, Катя.

— Съ чего ты это взяла? Солнышка, правда, не видать, а дождя нѣтъ.

Она отдернула занавѣску и растворила окно. Въ комнату во-
рвался свѣжій, душистый воздухъ, но Катя продолжала лежать не-
подвижно, устремивъ въ пространство задумчивый взглядъ.

— А прынецъ-то твой все тебя дожидается. Сидить, бѣдня-
жечка, одинъ одинешенекъ, подъ деревцомъ, ность повѣсивши, какъ
мокрый воробушекъ,—говорила старуха, не отходя отъ окна.

— Ну, и пусть сидить,—небрежно сказала Катя. И замѣтивъ
порывистое движеніе, съ которымъ Демьяновна откинулась за за-
навѣску, не переставая глядѣть въ садъ, она спросила:—Чего ты
испугалась?

— А ты встань-ка, да посмотри на твоего сокола яснаго, какъ
онъ вздрогнулъ, какъ окошко-то растворилось! Какъ ужаленный!
А лицо-то въ аршинъ вытянулось! Того и гляди сейчасъ запла-
четъ. Да иди же скорѣе, чего проклажаешься...

А Катя, въ одной рубашкѣ и босикомъ, съ включенными ку-
драми, стояла ужъ за ея спиной и, прячась за драпировку, смо-
трѣла черезъ ея плечо на печальную фигуру своего разочарован-
наго рыцаря. Не подозрѣвая, что за нимъ подсматриваютъ, онъ
пристально и съ выраженіемъ тоскливаго ожиданія въ широко
раскрытыхъ глазахъ глядѣлъ въ растворенное окно, точно пытаясь
силою своего желанія вызвать обожаемый образъ.

— Ну, и глупъ же твой прынецъ,—проворчала Демьяновна,—
развѣ прилично такъ долго передъ окномъ молодой дѣвицы стоять
да глазами ее къ себѣ на свиданіе выманивать! Хорошо, что те-
перь въ домъ не до него, и некому въ садъ выйтить...

— Почему некому?—спросила Катя.

— Да нешто я тебѣ не сказала? Сегодня ночью изъ города го-
нецъ прискакалъ, баринъ Леонтій Артемьевичъ изволилъ пріѣхать.
У губернатора присталъ. Чуть свѣтъ лошадей за нимъ выслали съ
коляской, Степанъ поѣхалъ. Сегодня къ ужину надо ждать, къ обѣду
не поспѣть. И суматоха же у насъ въ кухнѣ, страсть! Да и въ
домъ-то дымъ коромысломъ, все прибираютъ, занавѣски къ окнамъ
приколачиваютъ... Марья Алексѣевна въ Пустошкино за рыбой по-
слала. Ужъ не знаю, достанутъ ли...

Звонкая пощечина заставила ее оборвать рѣчь на полусловѣ и
схватиться рукой за щеку.

— Какъ ты смѣла мнѣ объ этомъ раньше не доложить, ста-
рая хрычевка?—вскричала Катя, блѣдная отъ волненія и гнѣвно то-
пая ногами.

— А ты драться! Хорошо же, ничего же я тебѣ больше не
скажу, разузнавай сама у кого хочешь,—плаксиво проворчала Демья-
новна и, не отнимая руки отъ лица, направилась къ двери.

— Не смѣй уходить!—запальчиво ее остановила госпожа.

— Да на что я тебѣ? Бить-то есть кого и безъ меня. Возьми
себѣ хоть дюжину дѣвокъ, да и расправляйся съ ними, какъ хо-

чешь, а ужь меня уволь. Я вотъ, какъ братецъ прїѣдетъ, въ ногахъ у него буду валяться, чтобъ на родину, въ Мурзоевку, меня сослалъ. Ничего, что дичь тамъ такая, что медвѣди въ сѣни заходятъ... отъ такого сахара, какъ ты, и въ Сибирь уйдешь...

— Ну, полно причитывать, обуи меня,—все еще сердито, но ужь болѣе спокойно сказала Катя, вытягивая босую ножку изъ-подъ одѣяла.

Старуха молча повиновалась.

— Что тамъ еще дѣлается?—спросила барышня, спрыгивая съ постели и указывая на дверь.

— Ничего. Барышни въ залѣ, за клавирами. Сперва Марья Леонтьевна пѣла, а таперича съ сестрицей въ четыре руки играютъ,—угрюмо отвѣчала старуха.

— Опусти штору, да прежде посмотри, тамъ ли еще онъ,—отрывисто кинула ей Катя.

— Ушелъ,—буркнула старуха.—Чего добраго, крику твоему испугался. А увидѣлъ бы, какъ его краля дерется...

— Какая я ему краля? Не смѣй глупости говорить! Его краля! Я еще ничья,—объявила барышня.

Гнѣвъ ея ужь миновалъ, она только притворялась сердитой, и Демьяновна, которой до тонкости были извѣстны всѣ отгѣнки ея нрава, видѣла это какъ нельзя лучше.

— Ладно ужь, не хочешь о немъ слушать, такъ и не буду, перестань только гнѣваться, не хорошо это молодой боярышнѣ сердитой да драчуньей прослыть; женихи и на богатство не посмотрятъ, обѣгать стануть,—проговорила она съ добродушною усмѣшкой, забывая, въ собачьей своей преданности, про пощечину, еще горѣвшую на ея щекѣ.

— Когда захочу, тогда и женихи будутъ.

— Это что говорить,—поспѣшила согласиться нянька.—Здѣсь, что ли, будешь чай кушать или со всѣми?

— Сюда принеси. Насмотрюсь я еще тамъ на нихъ за день-то, проронила Катя съ презрительною гримаской, а когда Демьяновна направилась къ двери, чтобъ исполнить приказаніе, она прибавила ей вслѣдъ:—да не забудь посмотреть и послушать, что тамъ дѣлается, мнѣ надо знать.

— Ладно, все тебѣ узнаю,—отвѣчала старуха, продолжая, не оборачиваясь, свой путь.

А Катя стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь то у окна, чтобъ посмотреть, не видно ли ея вздыхателя, то передъ зеркаломъ, чтобъ убѣдиться, что она свѣжа и хороша, какъ роза, гораздо красивѣе, чѣмъ была весной, когда она разставалась съ Петербургомъ и съ Леонтіемъ Артемьевичемъ.

Онъ навѣрное удивится, увидавъ, что она такъ выросла и пополнила. Что—то онъ ей скажетъ, когда они останутся вдвоемъ?

И какъ онъ съ нею теперь будетъ обращаться, какъ прежде или иначе?

Чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ больше волновалась. Сердце замирало отъ ожиданія. Казалось, что день этотъ никогда не кончится, такъ нестерпимо медленно тянулись минуты. Когда Демьяновна вошла съ подносомъ въ рукахъ, она накинута на нее съ упреками:

— Чего ты такъ долго таскалась? Цѣлый часъ я тебя жду!

— Какой тамъ часъ! и десяти минутъ не прошло. Сама же велѣла посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—отвѣчала съ усмѣшкой старуха, устанавливая на столъ большой подносъ съ чаемъ, булками, сливками и пр.—Ну, сидятъ всѣ за самоваромъ, барышня Марья Леонтьевна чай наливаютъ. Про пріѣздъ Леонтія Артемьевича говорятъ.

— Что же говорятъ?—съ живостью спросила барышня.

— Говорятъ, что сегодня къ вечеру надо ждать...

Катя молча принялась за чай, не замѣчая лукаваго выраженія, сверкавшаго въ глазахъ старой няньки.

— Чтожъ ты меня про графа-то не спрашиваешь?—снова начала эта послѣдняя, помолчавъ немного.

— Чего мнѣ про него спрашивать? Надоѣлъ онъ мнѣ,—замѣтила, пожимая плечиками, ея воспитанница.

— Надоѣлъ? Какъ у тебя это скоро! Причудница, право, причудница. Красавецъ вѣдь онъ.

— На чей вкусъ,—небрежно вымолвила барышня, наливая себѣ вторую чашку чая.

— Значить, ты больше и не желаешь имъ заниматься?—спросила, лукаво ухмыляясь, старуха.

— А тебѣ зачѣмъ это знать?

— Мало ли зачѣмъ! Можетъ, онъ мнѣ письмо далъ тебѣ отнести...

Катя встрепенулась. — Письмо? Неужели онъ мнѣ написалъ письмо? Не правда? Ты врешь? Гдѣ письмо? Давай скорѣе...

Она сорвалась съ мѣста и со смѣхомъ принялась тормошить старуху.

— Да вѣдь онъ тебѣ надоѣлъ,—тоже смѣясь, защищалась Демьяновна отъ нападенія.

— Давай, сейчасъ давай!—повторила Катя, роясь въ карманѣ ея передника.—Куда ты его дѣла?

Демьяновна вытащила изъ-за пазухи хитро сложенную цвѣтную, золотообрѣзную бумажку, съ графской короной, которую у нея немедленно вырвали изъ рукъ.

— Заранѣе оно у него ужъ было написано; вѣрно самой тебѣ хотѣлъ отдать, а какъ услышалъ, что ты къ чаю не выйдешь, обомлѣлъ и выскочилъ въ коридоръ, чтобы мнѣ эту пидулку въ руки сунуть...

«Вмѣстѣ съ червонцемъ» должна была бы она прибавить, чтобы оставаться вѣрною истинѣ. Впрочемъ, ея не слушали,—барышня съ жаднымъ любопытствомъ пробѣгала любовное посланіе, очень коротенькое, всего только три строчки, безъ подписи:

«Si Vous saviez comme je Vous aime, Vous ne me feriez pas souffrir l'intolérable supplice que j'endure depuis ce matin». «Если-бы вы знали, какъ я васъ люблю, вы не подвергали бы меня нестерпимой пытки, которую я выношу съ сегодняшняго утра».

Вотъ и все. Но довольно и этого. Ей стало такъ весело, такъ радостно, что захотѣлось прыгать отъ избытка чувствъ. Какой сегодня чудный день! Съ утра радости и удачи. Это письмо и прїѣздь обратно! А ему она покажетъ это письмо, чтобы онъ видѣлъ, какъ въ нее влюбился графъ? Непремѣнно покажетъ, неpremѣнно!—мелкало у нея въ головѣ.

— Чтожь, отвѣчать ему что ли будешь? — спросила Демьяновна, слѣдя съ любопытствомъ за своей любимицей.

— Отвѣчать? Съ какой стати? — со смѣхомъ возразила Катя. Она подошла къ своему бюро, отперла его и спрятала посланіе въ потайной ящикъ, гдѣ у нея лежали драгоценности, подаренныя ей отцомъ.

«Si Vous saviez comme je Vous aime», повторяла она про себя съ восхищеніемъ.

А между тѣмъ она не любитъ графа, онъ ей даже не нравился. Что же она будетъ чувствовать, когда эти самыя слова напишетъ ей любимый человѣкъ?

«Какъ хороша жизнь и какъ много еще счастья впереди! Какъ весело отбивать поклонниковъ у соперницъ и кружить головы красивымъ мужчинамъ! Какое наслажденіе сознать себя обаятельнѣе всѣхъ, умнѣе, талантливѣе и богаче», твердилъ ей на всѣ лады внутренній голосъ.

И ни разу воспоминаніе о печали Маши не защемило ей сердца, ни разу не пришло ей въ голову задуматься о томъ: честно ли было съ ея стороны завлекать человѣка съ единственною цѣлью разрушить счастье подруги и нанести ударъ его сердцу и самолюбію, чтобы отомстить ему за то, что въ ея присутствіи онъ осмѣлился обратить вниманіе на другую дѣвицу.

Вотъ какова была Катя пятнадцати лѣтъ.

Вспоминая впоследствии это время, она сама сознала, что не знала тогда разницы между добромъ и зломъ, а совѣсти у нея какъ не бывало, такимъ непробуднымъ сномъ спала она на самомъ днѣ ея души.

А между тѣмъ, юный идеалистъ серьезно влюбился въ нее и всѣ ея поступки объяснялъ по-своему и въ самомъ выгодномъ для нея смыслѣ. Внезапное ея охлажденіе къ нему онъ приписывалъ чув-

ству, заставившему, наконецъ, заговорить ея сердце, а, когда она, явившись къ обѣду, съ сдержаннымъ достоинствомъ отвѣчала на его поклонъ, не поднимая на него глазъ, и все время потомъ продолжала избѣгать его взгляда, опасаясь, безъ сомнѣнія, не выдержать горѣвшей въ немъ страсти и выдать свое чувство къ нему при постороннихъ, ему казалось, что иначе и быть не могло. Она не была бы той дѣвушкой, которую сердце его избрало себѣ въ подруги жизни между всѣми, если бы любовное признаніе не смутило бы ея дѣвической стыдливости. Очень можетъ быть, что онъ даже и оскорбилъ ее, обращаясь къ ней раньше, чѣмъ къ человѣку, заступившему ей мѣсто отца. Она такъ горда и чувствительна, что всякое напоминаніе о ея сиротствѣ и одиночествѣ не можетъ не уязвлять ея сердца. Онъ долженъ скорѣе загладить свою вину передъ нею, доказать ей чистоту своихъ помысловъ, чтобы она знала, что единственной его мечтой — посвятить ей всю свою жизнь. Къ счастью, черезъ нѣсколько часовъ долженъ пріѣхать Леонтій Артемьевичъ, и судьба его рѣшится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Мечтая такимъ образомъ и предаваясь радужнымъ надеждамъ, молодой человѣкъ, чтобы не встрѣчаться больше съ Катей и съ прочими обитательницами дома, приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и, объявивъ, чтобы къ вечернему чаю его не ждали, поскакалъ разсѣивать свое нетерпѣніе и сердечное волненіе по полямъ и по лѣсамъ, окружавшимъ старое боярское Коржинское гнѣздо.

Въ лѣсу онъ привязалъ лошадь къ дереву и долго бродилъ между вѣковыхъ деревьевъ, разряженныхъ въ пестрый, осенній нарядъ, размышляя объ ожидавшей его переменѣ жизни.

Какъ неожиданно и странно складывалась его судьба! Думалъ ли онъ, ѣхавъ сюда, три недѣли тому назадъ изъ Петербурга и знакомясь въ первый разъ со страной, которую его съ дѣтства пріучали презирать и ненавидѣть, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій его несчастной, поработенной отчизны, думалъ ли онъ, что въ нѣдрахъ этой страны, въ глухой провинціи, онъ найдетъ существо, которое яркимъ пламенемъ любви озаритъ его печальную жизнь.

Все, что онъ теперь испытывалъ, какъ будто давно ужъ кѣмъ-то подготовлялось для него... Его ангеломъ хранителемъ, безъ сомнѣнія! Развѣ не странно, что, пріѣхавъ въ Петербургъ по самому непріятному и щекотливому дѣлу — искать защиты отъ преслѣдованія родной матери, онъ съ первыхъ же шаговъ напалъ на такого человѣка, какъ Коржинъ, который сумѣлъ его ободрить и успокоить, научить, какъ и черезъ кого дѣйствовать и самъ за него ходатайствовалъ передъ высокопоставленными личностями, къ которымъ доступъ такъ труденъ для юноши, воспитаннаго за границей и не имѣющаго въ Россіи ни друзей, ни родныхъ, ни покровителей.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

Леонтіій Артемьевичъ такъ сумѣлъ овладѣть его сердцемъ и волей, что Ксаверій забылъ ненависть и жажду мщенія, завѣщанная ему изгнанникомъ отцомъ на смертномъ одрѣ, и всей душой привязался къ этому русскому человѣку. Въ его оправданіе надо сказать, что отъ своихъ соотечественниковъ онъ, кромѣ злобы, коварства и стремленія воспользоваться его наивностью и неопытностью, чтобы обобрать его, ничего до сихъ поръ не видѣлъ. Всѣмъ отраднымъ, испытаннымъ имъ въ жизни, онъ былъ обязанъ иностранцамъ, а родина, которую онъ совсѣмъ не зналъ, представлялась ему, какъ и мать его, злой, взыскательной и безжалостной мачихой. Леонтіій Артемьевичъ примирилъ его съ Россіей, а Катя— съ жизнью. Эти два существа наполняли для него весь міръ. Съ первымъ онъ будетъ работать на пользу людей, вторую будетъ любить. И все забудется, и горькое разочарованіе въ матери и тоска одиночества.

Только бы она была съ нимъ. Только бы онъ былъ увѣренъ, что она его понимаетъ и любитъ...

Чтобъ отогнать сомнѣнія, заползавшія въ его душу, онъ сѣлъ на коня и выѣхалъ на большую дорогу, но не успѣлъ проѣхать и полверсты, какъ услышалъ, сначала издалека, а затѣмъ все ближе и ближе, звонъ колокольчика и, узнавъ въ мчавшемся дорожномъ экипажѣ лошадей и коляску Коржиныхъ, поспѣшно свернулъ въ сторону, чтобъ не попасться Леонтію Артемьевичу на глаза.

Почему? Онъ этого самъ не зналъ. Подобно тому, какъ инстинктъ самохраненія удерживаетъ коня въ темную, бурную ночь на краю невидимой пропасти, такъ смутное предчувствіе заставило графа Ксаверія доѣхать до хижины старика пасѣчника и просидѣть у него, слушая его рассказы про старину, до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, и луна освѣтила ему своимъ мягкимъ, таинственнымъ блескомъ обратный путь.

Но радостное настроеніе его покинуло, и чѣмъ ближе наступала рѣшительная минута, тѣмъ сильнѣе омрачалась его душа сомнѣніями. Ихъ, наконецъ налетѣло такое множество, что для надежды и мѣста не осталось, и онъ въ уныніи себя спрашивалъ: не лучше ли повременить требованіемъ рѣшительнаго отвѣта? Не лучше ли продолжать тѣшить себя хотя бы смутной надеждой на счастье, чѣмъ убѣдиться въ невозможности его достигнуть даже современемъ.

Теперь и сама Катя представлялась ему совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Съ чего онъ возьмъ, что она его любитъ?

Все въ этой дѣвушкѣ загадочно и странно. Она и думаетъ и чувствуетъ не такъ, какъ всѣ. На нее ни въ чемъ полагаться нельзя. Она, какъ будто, и сама себѣ не можетъ дать отчета въ томъ, что въ ней происходитъ; то безъ причины радостна и болтлива, то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подозрительна, придирчива, и

язвительна, какъ змѣя, то страстно отзывчива, то замкнута и холодна какъ ледъ. Сколько наслажденій и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько мукъ успѣлъ онъ ужъ испытать изъ-за нея! Ни на одну минуту нельзя полагаться на постоянство ея чувствъ и мыслей, и нѣтъ такой странности, которой нельзя было бы отъ нея ждать.

Говорятъ—она зла. Это убѣжденіе дворни, осторожно переданное ему Казимиромъ, который, по всему видно, ничего такъ не боится, какъ чтобы владѣтельница Коржинскій усадьбы сдѣлалась его госпожей. Во всякомъ случаѣ, она не такой ангелъ, какъ Маша.

Маша! Вотъ сокровище... увы, навсегда для него утраченное! Графъ Ксаверій не можетъ болѣе ни на одну минуту остановиться на ней мыслями, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ Катю, сознавая при этомъ, какое ясное, безмятежное счастье ждало его съ первой, и какія терзанія готовить ему вторая. И несмотря на это сознаніе, онъ шелъ на встрѣчу къ этимъ терзаніямъ, отвертываясь отъ счастья.

По пріѣздѣ Леонтія Артемьевича, первый вопросъ его былъ о графѣ.

— А гдѣ же вашъ гость?—спросилъ онъ, здороваясь съ женой и дочерьми, выбѣжавшими встрѣчать его.

— Онъ поѣхалъ кататься верхомъ и вернется только къ ужину,—объявила Марья Алексѣвна.

— А Кукла гдѣ?

Катя, розовая отъ волненія, съ радостно сверкающими глазами, отдѣлилась отъ двери, у которой она ждала, чтобъ о ней вспомнили. Изъ-за ея спины выглядывала Демьяновна, прибѣжавшая посмотреть собственными глазами на встрѣчу своей барышни съ опекуномъ.

Прежде чѣмъ поцѣловать Катю, Леонтій Артемьевичъ быстрымъ взглядомъ скользнулъ по ея стройной, миниатюрной фигуркѣ, и весело улыбающееся лицо его сдѣлалось вдругъ серьезно. Ихъ окружала толпа людей, въ двухъ шагахъ стояла его жена и дочери. Прикасаясь губами къ ея щекѣ, онъ на одно мгновеніе прижалъ ее къ своей груди, но ей этого было достаточно, чтобъ убѣдиться что разлука не порвала того таинственнаго «нѣчто», возникшаго между ними весной, и сознаніе это привело ее въ восхищеніе; оно опыняло ее, какъ та чудная, волшебная вода жизни, о которой говорится въ сказкахъ.

— Ну, что, какъ вы съ нею?—спросилъ Леонтій Артемьевичъ у жены, когда они остались вдвоемъ. Онъ увелъ ее въ спальню, чтобъ предложить ей этотъ вопросъ.

— Да все попрежнему, Léonce,—отвѣчала смущаясь Марья Алексѣвна.

Онъ сдвинулъ брови.—То-есть какъ же это попрежнему?—сердито произнесъ онъ.

— Съ нею новозможно сблизиться, у нея все только каверзы на умѣ... Она только тогда и довольна, когда можетъ сдѣлать намъ непріятность... Мы всѣ несчастны черезъ нее... Я тебѣ потомъ все расскажу,—поспѣшила она прибавить, замѣчая, какъ затуманивается его лицо.

Нервно пощипывая бакенбарды, онъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Рассказывай теперь,—рѣзко произнесъ онъ.

— Но тебѣ надо умыться и переодѣться послѣ дороги, сейчасъ подадутъ ужинать,—нерѣшительно замѣтила Марья Алексѣвна.

— Все это успѣется. Садись и рассказывай.

Она повиновалась и все ему рассказала, про всѣ выходки Кати, про отношенія къ дворнѣ и, наконецъ, про исторію съ графомъ. Мало-по-малу одушевляясь перечнемъ вынесенныхъ страданій за себя и за дочь, Марья Алексѣвна не пожалѣла красокъ на описаніе Катинаго поведенія, и съ понятнымъ негодованіемъ останавливалась на развращенности и безсердечіи своей мучительницы.

— И это все?—спросилъ онъ, когда она кончила.

— А тебѣ этого кажется мало?—вскричала она внѣ себя отъ негодованія.—Изъ зависти, изъ подлаго тщеславія, сдѣлать несчастье подруги...

— Чье несчастье?—съ досадой перебили ее.

— Нашей дочери. Развѣ ты не слышалъ, что я говорю? Маша съ перваго дня понравилась графу, онъ дѣлую недѣлю ухаживалъ за нею, и мы имѣли полное основаніе думать... Маша имъ увлеклась...

— Ну, мало ли что! Надѣюсь, она не дала ему этого замѣтить?—прибавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

— Не въ томъ дѣло, Léonce, она, разумѣется, держитъ себя съ достоинствомъ, но ты только подумай, каково ей это переносить!

— Ахъ, душа моя, не надо этому придавать значенія, вотъ что главное! Всѣ дѣвочки шестнадцати лѣтъ влюбляются, и это не мѣшаетъ имъ выходить замужъ при случаѣ и быть счастливыми. Графъ завтра уѣдетъ отсюда, и если вы только не станете раздувать эту глупую исторію, то Маша очень скоро про него забудетъ,—прибавилъ онъ, небрежно пожимая плечами и направляясь къ двери.

— Такъ ты думаешь, что онъ и на Катѣ не женится? нерѣшительно спросила Марья Алексѣвна, слѣдуя за нимъ до двери и опуская руку на его плечо.

— На Катѣ? Это съ какой стати?—возразилъ онъ рѣзко.— Да вы тутъ, кажется, съ ума сошли на сватовствѣ! Мальчишка, которому еще нѣтъ двадцати двухъ лѣтъ, у котораго безконечный процессъ виситъ на носу, который самъ еще не знаетъ, куда его метнетъ отсюда черезъ мѣсяцъ, въ Америку, въ Китай или въ Индію, и его-то вы изволили произвести въ женихи, онъ позволяетъ себѣ явно волочиться то за одной барышней, то за другой, и вы это

дозволяете? Да какъ могли вы допустить, чтобъ до этого дошло?— вскричалъ онъ запальчиво.—И все это отъ нечего дѣлать и отъ скуки,—продолжалъ онъ стихая:—надо васъ скорѣе увезти отсюда. Впрочемъ, я за этимъ и пріѣхалъ.

Марья Алексѣевна совсѣмъ растерялась отъ грознаго окрика мужа и, мысленно упрекая себя въ томъ, что своею неосторожностью заслужила его гнѣвъ, робко спросила его:

— Гдѣ ты получилъ мѣсто?

Онъ назвалъ одну изъ южныхъ губерній, граничащую съ той, гдѣ находилось Коржино, и объявилъ, что онъ долженъ вступить на новый свой постъ не позднѣе октября.

— Если вы не успѣете собраться, я одинъ отправлюсь, а вы пріѣдете послѣ.

— Мы успѣемъ, Léonce.

— Ну, и прекрасно. Значить, недѣли черезъ двѣ и выѣдемъ. И вотъ что еще: убѣдительно прошу тебя не вспоминать про эту глупую исторію съ графомъ и сдѣлать такъ, чтобъ и въ домѣ про нее забыли. Намъ надо съ нимъ разстаться друзьями, я у него сорокъ тысячъ занялъ.

— Да вѣдь онъ тутъ заводъ хотеть строить?

Леонтій Артемьевичъ съ досадой махнулъ рукой.

— Мало ли, что онъ хотеть и что онъ воображаетъ! Будетъ такъ, какъ я хочу, и какъ мнѣ удобно,—прибавилъ онъ злобно.

Ужинъ прошелъ очень оживленно. Леонтій Артемьевичъ, обращаясь все больше къ гостю, рассказывалъ о столичныхъ новостяхъ, о томъ, что сказалъ ему министръ на прощальной аудіенціи, и какъ милостиво обошелся съ нимъ государь, когда онъ явился во дворецъ откланяться.

— Его величество изволилъ и про тебя вспомнить,—объявилъ онъ женѣ.

Въ тотъ же вечеръ имѣлъ онъ съ графомъ продолжительный разговоръ наединѣ. Что именно онъ нашелъ нужнымъ ему сказать, чтобъ заставить его рѣшиться немедленно уѣхать въ Варшаву, неизвѣстно, но графъ былъ точно въ чаду отъ сообщенныхъ ему извѣстій и всю ночь не ложился спать; до разсвѣта видѣли огонь въ окнахъ его комнаты и самого его за письменнымъ столомъ пишущимъ что-то такое. По временамъ онъ срывался съ мѣста, ходилъ большими шагами по комнатѣ, подходилъ къ окну и подолгу всматривался въ темноту, точно ожидая кого-то.

Но никого онъ не дождался.

Маша тихо плакала въ своей комнатѣ, рядомъ съ спальней, зарывшись лицомъ въ подушки, чтобы рыданіями своими не разбудить мать, а Катя, переживая ощущенія, испытанныя ею въ

этотъ день, въ радостномъ волненіи металась по постели. Мысли въ головѣ не было, были только впечатлѣнія, но такія живыя и ясныя, что порой ей казалось, что не въ воображеніи только, а на самомъ дѣлѣ братецъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Она чувствовала его горячія губы на своей щекѣ и его дрожавшую руку вокругъ своей талии, чувствовала его взглядъ, пронизывающій ее насквозь, какъ бывало прежде, и, сладко замирая подъ гнетомъ этихъ впечатлѣній, она закрывала глаза и вся уходила въ смутный, таинственный міръ дѣвическихъ, любовныхъ грезъ. Про графа она совсѣмъ забыла, и еслибъ ей сказали, что того, что происходило на прошлой недѣлѣ, совсѣмъ не было, а что все ей только приснилось, она безъ труда повѣрила бы этому.

Къ утру она, наконецъ, заснула и, когда проснувшись вспомнила, что Леонтій Артемьевичъ пріѣхалъ, вспыхнула отъ радости.

Первымъ ея вопросомъ, когда Демьяновна вошла въ ея комнату, было про него:

— Который часъ? Братецъ всталъ?

— Давнымъ давно! Графчика въ путь снаряжаетъ. Гуляютъ теперь по саду. Чаю вмѣстѣ накушались. Барыня съ барышнями изъ своихъ комнатъ еще не выходили.

Отлично, она, значитъ, первая его увидитъ!

— Одѣваться! Скорѣе, скорѣе,—вскричала Катя, вскакивая съ постели.

— Успѣешь еще съ нимъ попрощаться, раньше какъ послѣ-завтра не уѣдетъ,—замѣтила, ухмыляясь, старуха.

Барышня ея остановилась, какъ вкопанная, не добѣжавъ до умывальника.

— Развѣ онъ опять уѣзжаетъ? Куда? Зачѣмъ?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— А ты и не знала? Еще вчера вечеромъ баринъ приказалъ ихній экипажъ осмотрѣть и чтобъ лошади къ двѣнадцати часамъ были готовы. До города на нашихъ поѣдетъ, а тамъ на почтовыхъ...

Это графъ уѣзжаетъ. У Кати отлегло отъ сердца. Одѣвшись, она сбѣжала внизъ. Двери на половину Леонтія Артемьевича были растворены, и изъ нихъ несся тонкій ароматъ духовъ, всегда имъ употребляемыхъ. По коридорамъ взадъ и впередъ озабоченно шныряли лакеи и казачки, съ принадлежностями его туалета; кто осторожно несъ свѣжее бѣлье изъ гладильной и вычищенный сѣрый фракъ съ металлическими пуговицами, кто выносилъ серебряный умывальный тазъ съ водой; а въ столовой тѣмъ временемъ торопились убрать чайный сервизъ, чтобъ все готовить къ завтраку.

Весело припрыгивая, Катя сошла съ террасы и послѣ минутнаго колебанія пустилась бѣжать къ старой бесѣдкѣ.

Предчувствіе ея не обмануло; Леонтій Артемьевичъ былъ тамъ, но не одинъ, а съ графомъ. Это немного смутило ее, но не на-

долго. Радостно улыбаясь, подкралась она къ аллеѣ, по которой они прохаживались, о чемъ-то разговаривая. Впрочемъ, говорилъ только Леонтій Артемьевичъ, а графъ, блѣдный и взволнованный, понутивъ печально голову, только слушалъ.

— Вы скоро утѣшитесь, молодой человѣкъ, и будете мнѣ благодарны за то, что я такъ сурово съ вами теперь поступаю. Она такой еще ребенокъ, что оцѣнить вашего чувства не въ состояніи. Повѣрьте мнѣ, я ее хорошо знаю...

Произнося эти слова съ обычною привѣтливостью въ голосѣ и ироніей въ глазахъ, онъ поглядывалъ по сторонамъ и замѣтилъ бѣлое платье, мелькнувшее въ чащѣ уже на половину обнаженныхъ деревьевъ.

— Да вотъ, если хотите, мы сдѣлаемъ маленькое испытаніе, чтобъ убѣдить васъ, что она къ вамъ совершенно равнодушна и не понимаетъ, что такое любовь... Катя! Что же ты прячешься! Иди сюда!—прибавилъ онъ, возвышая голосъ и обращаясь къ предательскому платью, продолжавшему мелькать между деревьями.

Краснѣя отъ волненія и съ лукаво смѣющимися глазами, Катя выступила на аллею и сдѣлала реверансъ.

Графъ отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ, а Леонтій Артемьевичъ ласково потрепалъ ее по щекѣ. Она схватила на лету его руку и порывистымъ движеніемъ прижалась къ ней губами.

— Шалунья! Что ты пряталась? Вѣчно, проказы на умѣ! А ужъ, кажется, не маленькая, взрослая дѣвица, невѣста... Что мнѣ отвѣчать женихамъ, которые за тебя будутъ свататься, плутовка? Что?—весело шутилъ онъ съ нею, обнявъ ее одной рукой за талію и пристально глядя ей въ глаза.

— Я не хочу замужъ, братецъ, не хочу слышать про жениховъ,—капризно проговорила она, отвертывая въ сторону лицо съ опущенными глазами и улыбающимися губками.

— Ай, ай, ай, какой стыдъ! Развѣ такъ отвѣчаютъ опекуну, да еще при постороннемъ молодомъ человѣкѣ? Вы не умѣете себя вести, сударыня, васъ въ уголъ слѣдуетъ поставить,—продолжалъ онъ шуточно ее журить.—Какое мнѣніе увезетъ о васъ графъ? Онъ сейчасъ уѣзжаетъ, вы знаете?

Катя, не переставая прижиматься къ Леонтію Артемьевичу, выглянула исподлобья на молодого человѣка, который съ замирающимъ сердцемъ ждалъ этого взгляда и, не прочитавъ въ немъ ничего, кромѣ холоднаго любопытства, еще больше поблѣднѣлъ отъ боли, стиснувшей ему сердце.

Невзирая на старанія Леонтія Артемьевича открыть ему глаза, онъ до этой минуты все еще надѣялся, несчастный!

Неужели это та самая дѣвушка, которая за два дня передъ тѣмъ съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивала его сердечныя изліянія, которая изыскивала всевозмож-

ныя средства, чтобъ доказать ему, что ей пріятно оставаться съ нимъ наединѣ, и что она во всемъ ему сочувствуетъ, которая, если не словами, то взглядомъ и улыбкой давала ему понять, что онъ ей милъ, и всячески обнадеживала его? Теперь она смотрѣла на него съ полнымъ равнодушіемъ и, когда узнала о его отъѣздѣ, не выразила ни малѣйшаго сожалѣнія, точно она этого ждала, точно ей и въ голову не приходило, что могло бы быть иначе. Она даже не спрашивала, что сталося съ его планами насчетъ завода, куда онъ ѣдетъ и вернется ли когда нибудь.

Да, Леонтій Артемьевичъ былъ правъ, эта дѣвочка еще не понимаетъ любви.

— Графъ насъ покидаетъ сегодня, послѣ завтрака,—объявилъ Леонтій Артемьевичъ послѣ небольшого молчанія,—и у васъ не будетъ больше кавалера,—прибавилъ онъ съ шутливымъ сожалѣніемъ.

Катя хотѣла что-то сказать на это, но воздержалась и, презрительно пожимая плечиками, улыбнулась.

Ужъ это было слишкомъ. Графъ Ксаверій вспомнилъ, что ему надо присмотрѣть за приготовленіями къ отъѣзду, и послѣшно удалился, а Леонтій Артемьевичъ съ Катей, оставшись наединѣ, пристально взглянули другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Такъ тебѣ его не жалко, Кукла?—спросилъ Коржинъ, пригибаясь къ ней и понижая голосъ до шепота.

Не переставая смѣяться и подѣтски зажмурившись, она тряхнула кудрями.

— А вѣдь ты могла бы сдѣлаться графиней...

— Не хочу я быть графиней, братецъ.

У него радостно заискрились глаза.

— Ахъ, ты моя кукла!—весело вскричалъ онъ, обнимая ее, и, цѣлуя, прибавилъ:—зови меня Леонтиемъ. Какой я тебѣ братецъ! Мы съ тобой друзья на жизнь и на смерть.

X.

Изъ представителей того общества, среди котораго произошли послѣдующія событія, всѣ почти перемерли, но дѣти ихъ и внуки такъ много слышались про Леонтія Артемьевича Коржина и про таинственные и скандальныя его отношенія къ опекаемой имъ меньшей сестрѣ, что въ этой мѣстности до сихъ поръ разсказовъ о нихъ не оберешься, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, разсказы эти изобилуютъ противорѣчіями и несообразностями. Сложилася цѣлая легенда, изъ которой мнѣ ни за что не удалось бы вывести истину, еслибъ семейный архивъ, довѣренный мнѣ Анной Никитишной, да разсказы, слышанные ею отъ самой героини этого своеобразнаго романа, не облегчили бы мнѣ эту задачу.

Мы имѣемъ данныя предполагать, что первые два года послѣ вышеописанныхъ событій Коржинъ увлекся своею должностію столько же, если не больше, чѣмъ Катей. Имъ въ Петербургѣ очень довольны, его вызываютъ для совѣщаній по вопросу о разныхъ государственныхъ дѣлахъ, его производятъ въ тайные совѣтники, жалуютъ орденами, и ко всѣмъ его мнѣніямъ и предложеніямъ относятся съ особеннымъ вниманіемъ.

Живетъ онъ очень открыто въ большомъ губернаторскомъ домѣ на соборной площади; у него свой оркестръ музыки; на его балы и обѣды стѣзжаются помѣщики изъ сосѣднихъ губерній; такихъ поваровъ, какъ у Коржиныхъ, такого убранства комнатъ, освѣщенія, сервировки, старожилы не запомнятъ, чтобъ было у кого нибудь до ихъ появленія сюда, хотя одинъ изъ предшественниковъ Леонтія Артемьевича, извѣстный родовитый вельможа и любимецъ императрицы Екатерины II, былъ здѣсь еще на памяти у всѣхъ, когда назначили губернаторомъ Коржина.

И гдѣ только набрался этотъ послѣдній умѣнья держать себя такъ чванно, говорить такъ авторитетно и нагонять благоговѣйный страхъ даже и на такихъ людей, которые ни въ чемъ отъ него не зависѣли? Всѣ его боялись, всѣмъ сумѣлъ онъ, безъ словъ, однимъ своимъ взглядомъ и тономъ внушить убѣжденіе въ безпредѣльности своего могущества.

Ни съ кѣмъ онъ не сближался, и семью свою поставилъ на ту же ногу неприступной отчужденности.

Марью Алексѣевну и дочерей ея тоже всѣ считали гордыми. Ихъ видали только въ парадѣ, когда онѣ ѣздили съ визитами и принимали у себя на балахъ и на званыхъ обѣдахъ. Запросто онѣ къ себѣ никого не приглашали, и ихъ никто не отваживался звать иначе, какъ на торжественныя празднества.

Порвое время блѣдность и печальное выраженіе лица губернаторши заставляло предполагать, что она чѣмъ-то больна, и поэтому ведетъ уединенную жизнь, которую, понятно, должны были раздѣлять и ея дочери; нельзя же дѣвицамъ появляться въ свѣтъ безъ матери. И предположеніе это, благодаря по истинѣ столичной сдержанности этой семьи и замѣчательной дрессировкѣ окружавшей ихъ челяди, держалось довольно долго.

— Вотъ ужъ придворныя-то косточки,—говорили про нихъ губернскія кумушки,—каждое-то слово у нихъ взвѣшено и обдуманно. Напимъ барынямъ до нихъ далеко.

Мало-по-малу, въ общество стали проникать слухи про странныя отношенія, существующія между семьей губернатора и богатой наслѣдницей, которую онъ опекалъ, и слухи эти возбуждали всеобщее любопытство. Маменьки, разспрашивая своихъ дочерей о губернаторскихъ барышняхъ, узнавали, что Марья Леонтьевна и Софія Леонтьевна относятся ко всѣмъ съ одинаковымъ вниманіемъ,

но Катерина Артемьевна горда, надъ всѣми насмѣхается и, по всему замѣтно, въ очень холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ съ своими родственниками.

Впрочемъ и раньше, чѣмъ успѣли все это подслушать и подмѣтить, губернскимъ домамъ и дѣвицамъ Катя не нравилась. Всѣ почему-то ждали, что она будетъ при каждомъ удобномъ случаѣ проявлять свое капризное своеволие, всѣхъ третировать свысока, выставя на видъ превосходство своего ума, красоты и состоянія, и, Богъ знаетъ, откуда взявшееся мнѣніе объ ея безсердечіи, жестокости и коварствѣ, разползшееся съ непостижимой быстротой по всему городу, было всѣми принято безъ малѣйшаго сомнѣнія.

Что этому способствовало—трудно рѣшить: зависть ли къ ея привилегированному положенію (богата, красива, самостоятельна и умна), или смутные слухи про ея необузданный характеръ и привычку властвовать надо всѣми, долетавшіе сюда, можетъ быть, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она провела дѣтство и гдѣ такъ удачно испробовала силу своего обаяніи надъ первымъ поклонникомъ, наивнымъ юношей, мечтавшимъ плѣнить ее чистою, восторженной любовью, а, можетъ быть, она сама подавала поводъ къ подтвержденію всеобщихъ слуховъ и догадокъ на ея счетъ; выбитая изъ колеи всеобщимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ, постоянно раздражаемая непонятными для нея самой сердечными волненіями, озлобленная и втайнѣ удрученная нравственнымъ одиночествомъ, распространявшимся вокругъ нея все шире и шире, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло ее отвѣчать насмѣшками и надменностью на косые взгляды и холодное отчужденіе отъ нея. Такъ или иначе, по той или другой причинѣ, но и здѣсь ее терпѣть не могли и считали долгомъ это показывать, не опасаясь ниоткуда заступничества за нее.

Вдругъ какъ-то догадались, что и Марья Алексѣевна и дочерямъ ея пріятно, что безъ малѣйшей жалобы и намека съ ихъ стороны общественное мнѣніе возстало противъ ихъ мучительницы, и преслѣдованіе этой послѣдней приняло характеръ какого-то доблестнаго возмездія за угнетаемыхъ ею невинныхъ жертвъ.

— Бѣдная Марья Алексѣевна! Каково ей съ такимъ зельемъ постоянно маяться!—говорила, соболѣзнующе покачивая головой, мать пяти взрослыхъ дочерей, потерявшая надежду ихъ выдать замужъ съ тѣхъ поръ, какъ хорошенькія губернаторскія барышни появились на здѣшнемъ горизонтѣ.

— Надо еще дивиться, какъ это ея дочки не переняли манеръ этой кокетки. Вѣдь постоянно вмѣстѣ, долго ли молодымъ дѣвицамъ испортиться отъ дурнаго примѣра,—подхватывала другая, злившаяся на Катю за то, что она пренебрежительно усмѣхалась, слушая пѣніе ея дочери, и не отказалась спѣть послѣ нея ту же арію, для того, безъ сомнѣнія, чтобъ выставить превосходство своего голоса.

— Ну, знаете, мнѣ изъ вѣрнаго источника извѣстно, что Марья Алексѣевна тщательно отдаляетъ своихъ дочерей отъ этой язвы; онѣ только при гостяхъ вмѣстѣ, все остальное время это зелье хороится одна въ своихъ покояхъ,—злорадно спѣшила объявить третья кумушка, еще красная отъ сцены, только что выдержанной съ мужемъ, позволившимъ себѣ слишкомъ явно восхищаться прелестями «зелья».

Надо и то сказать, что Катя держала себя съ мужчинами очень вольно, и ничто ее такъ не забавляло, какъ кружить головы молодымъ и старымъ представителямъ сильнаго пола. Ей это было такъ легко! Нужно было только оставаться самой собой, никому не поддражать и никакимъ условнымъ свѣтскимъ правиламъ не подчиняться, чтобъ обратить на себя вниманіе самобытною прелестью врожденной граціи и остроумія, подчасъ рѣзкаго и злаго, но всегда оригинальнаго и смѣлаго.

Очень скоро всѣ такъ называемые женихи въ губерніи убѣдились, что ухаживать за нею съ другою цѣлью, кромѣ забавы, не стоитъ; никому не отдалъ она предпочтенія, всѣ передъ нею равны и ничтожны, надъ всѣми она глумится. Убѣжденіе это вмѣсто того, чтобъ отдалить отъ нея поклонниковъ, увеличило ихъ число. За нею бѣгали толпой. Изъ-за удовольствія протанцовать съ нею чуть не дрались, и закадычнѣйшіе друзья ссорились между собой. Ея остроты повторялись по всему городу, и счастливецъ, котораго она удостоила мимолетнымъ вниманіемъ, хвастался этимъ встрѣчному и поперечному, какъ не вѣсть какой удачей.

Но во всемъ этомъ страстномъ къ ней интересѣ, любопытствѣ и восхищеніи не было ни капли нѣжности и участія, никому не было никакого дѣла до ея чувствъ и душевныхъ страданій, никому не приходило въ голову себя спросить: счастлива ли она, не жаждетъ ли ея душа другаго удовлетворенія, кромѣ потѣхи тщеславію? А она была еще такъ молода и не только другихъ людей, а даже и себя, хорошо еще не знала. Все ее толкало въ бездну, и люди, и обстановка, и, благодаря пагубному воспитанію, страстный, преждевременно развившійся темпераментъ, и систематически растлѣвающее вліяніе единственнаго человѣка, отъ котораго она была въ зависимости, и который, какъ злой духъ, подкарауливалъ каждую свѣтлую искру, загоравшуюся въ ея душѣ, чтобъ тотчасъ же погасить ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Спасти ее было некому, она, въ полномъ смыслѣ этого слова, была одна на свѣтѣ, и самые лучшіе люди становились безсердечны, когда дѣло касалось до нея. Легко это вывести изъ множества медкихъ фактовъ, сохранившихся въ ея памяти до самой смерти.

Слѣдующій эпизодъ можетъ служить иллюстраціей ея тогдашняго душевнаго настроенія и отношеній къ ней окружающихъ.

Дѣло было весной. Леонтій Артемьевичъ губернаторствовалъ въ

Т—кой губерніи уже около двухъ лѣтъ. Устройство дома, роскошная жизнь и двѣ поѣздки въ Петербургъ такъ истощили его средства, что онъ занялъ крупную сумму подъ земли въ Оренбургской губерніи, принадлежавшія Катѣ. Избѣгнуть этого новаго займа онъ не могъ; собственныхъ средствъ на прекрасно веденныя дѣла (безъ толку тратилъ онъ только Катино состояніе) еле хватало на субсидіи двумъ сыновьямъ, гвардейцамъ, на туалетъ жены и дочерей, да на уплату старыхъ долговъ. Снова понадобилась ему Катина подпись подъ какой-то бумагой, которую онъ цѣлую ночь сочинялъ съ помощью пріѣхавшаго изъ Москвы подьячаго, извѣстнаго въ домѣ подъ кличкой востроносаго Ермолаича, и на другой день, рано утромъ, когда Катя упражнялась на арфѣ, Леонтій Артемьевичъ поввалъ ее къ себѣ.

Вышла она изъ кабинета, съ часъ спустя, и вошла въ свою комнату такая взволнованная, что Демьяновна не вытерпѣла, чтобы не спросить, о чемъ она разговаривала съ братцемъ.

Барышня, уткнувшись плавающимъ лицомъ въ подушку, ничего не отвѣчала.

— Ужъ не заставилъ ли онъ тебя опять бумаги какія подписывать?—спросила, переждавъ немного, старуха.

Это слово «бумаги» заставило Катю, какъ ужаленную, сорваться съ мѣста.

— А ты почему знаешь?—вскричала она запальчиво.—Подслушивала?

— Перекрестись, матушка, какъ же подслушать, что вы промежъ себя разговариваете, запершись въ кабинетѣ? Да тамъ такъ отъ всѣхъ далеко, что можно человека убить, никто крику его не услышитъ.

Катя успокоилась. Старуха была права, никто въ мірѣ не могъ знать, что происходитъ между ею и ея опекуномъ, когда она съ нимъ въ кабинетѣ одна.

Ничего предосудительнаго. Онъ дѣлится съ нею своими впечатлѣніями и планами, увѣряя, что ему это необходимо, что безъ ея одобренія и совѣта онъ ничего не предпринимаетъ... И какъ это не покажется страннымъ, но онъ съ нею говорилъ о самыхъ серьезныхъ дѣлахъ, и ея замѣчанія и возраженія были такъ остроумны и мѣткі, что вызывать ихъ было для него истиннымъ наслажденіемъ.

Ни одна жевщина въ мірѣ не доставляла ему столько удовольствія, сколько эта дѣвочка. Съ каждымъ днемъ становилась она ему необходимѣе; онъ дня не могъ провести, чтобы хоть нѣсколько минутъ не поговорить съ нею. Чѣмъ бы ни былъ онъ взбѣшенъ и раздосадованъ, стоило ей только войти къ нему, и дурнаго расположенія духа какъ не бывало. Самъ того не замѣчая, онъ дошелъ до того, что думалъ при ней вслухъ, и безъ малѣйшаго стѣсненія сообщалъ ей свои мысли про всѣхъ, даже про жену и про дѣтей.

Такимъ образомъ, она узнала, что давно ужъ ничто не связываетъ его съ Марьей Алексѣвной, кромѣ необходимости выказывать любовь и уваженіе законной супругѣ, никогда ни въ чемъ передъ нимъ не провинившейся и воспитывающей ихъ дѣтей по всѣмъ правиламъ морали и свѣтскихъ требованій. Онъ былъ влюбленъ въ нее двадцать лѣтъ тому назадъ и далъ ей свое имя,—вотъ и все. Любовь давнымъ давно прошла, а дружбы никогда между ними и не было. Она не поняла бы его, еслибъ онъ вздумалъ раскрыть ей тѣ уголки своей души, которые онъ теперь раскрываетъ Катѣ; она испугалась бы и назвала бы преступленіемъ его безпощадное, ни передъ чѣмъ не останавливающееся честолюбіе, его эгоизмъ и презрѣніе къ людямъ, доходившее до того, что онъ не задумываясь губилъ каждаго, кто становился на его пути къ достиженію цѣли. Вообще, онъ усвоилъ тѣ же понятія о жизни и людяхъ, которыми старый коршунъ руководствовался всю свою долгую, грѣшную жизнь. Міросозерцаніе Леонтія Артемьевича не внушало Катѣ ни малѣйшаго ужаса, напротивъ того, оно скорѣе вызывало сочувствіе въ ней и, во всякомъ случаѣ, забавляло ее. Дружно осмѣивали они дураковъ, не подозревавшихъ ни ихъ цѣлей, ни чувствъ, и имъ было очень весело вдвоемъ.

Леонтій Артемьевичъ такъ увлекался этой дружбой, что по временамъ относился къ Катѣ, какъ къ доброму товарищу, равному ему по возрасту и по понятіямъ, забывая, что она молодая и красивая дѣвушка.

Но стоило ему только подмѣтить, что кто нибудь проявляетъ попользованіе за нею поухаживать, какъ въ немъ тотчасъ же пробуждалась самая страстная и необузданная ревность, и онъ дѣлалъ ей жестокія сцены. Какъ мужъ или любовникъ, упрекалъ онъ ее въ кокетствѣ, грозно, со сверкающими гнѣвомъ глазами, запрещалъ ей поощрять воздыхателя, котораго осыпалъ насмѣшками, ругательствами и угрозами. Разъ онъ даже ударилъ ее, и Катя не только покорно снесла это, но даже не разсердилась на него.

Никогда никого не боявшаяся, она дрожала при одномъ воспоминаніи объ этихъ сценахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, время отъ времени, сама вызывала ихъ, такимъ необъяснимымъ, жуткимъ и сладкимъ блаженствомъ волновали онѣ все существо ея.

Иногда разговоры между ними длились долго, и тогда Леонтій Артемьевичъ дѣлался такъ раздражителенъ и жестокъ со всѣми домашними, что со всѣхъ сторонъ обращались къ Демьяновичъ съ просьбой помирить барыню съ бариномъ.

— Сладу съ нимъ нѣтъ, ко всѣмъ придирается... Вчера Яшку драли, сегодня Марушку за то, что на глаза ему въ коридорѣ попалась, Степану посулили лобъ забить, Петрушку въ подвалъ холодный приказалъ запереть... Съ барыней не говорить, барышни всю ночь проплакали... А ужъ въ правленіи что творится, страсть!

Не то, что писаря, а и чиновники то всё дрожма дрожать, не знаютъ, какимъ угодникамъ молиться, чтобы губернаторъ гнѣваться пересталъ...

Демьяновна выслушивала эти жалобы съ большимъ удовольствіемъ. Наконецъ-то она пригодилась и здѣшнимъ людишкамъ. Поняли, что безъ нея имъ еще плоше бы пришлось. Барышня ейная, какъ старымъ бариномъ вертѣла, такъ теперь и молодого въ руки забрала, что хочеть, то и заставляетъ его дѣлать, ни въ чемъ ей отказу отъ него нѣтъ. Мало-по-малу всё убѣдились въ этомъ, и къ Демьяновнѣ начали подѣзжать съ приношеніями. Опять оказывали ей въ людской такой же почетъ, какъ, бывало, въ Коржинѣ, при старомъ баринѣ. А за послѣднее время ужъ не одни крѣпостные ухаживали за нею, а также и тѣ изъ городскихъ обывателей, у которыхъ было дѣло до губернатора; послѣ тщетныхъ попытокъ склонить въ свою пользу ближайшихъ къ нему чиновниковъ, кидались къ ней за помощью и, конечно, не съ пустыми руками.

Аудіенціи свои старуха давала обыкновенно на нижней площадкѣ черной лѣстницы, выходившей на ту сторону двора, гдѣ были людскія, кухни и помойная яма. Дѣло происходило большею частью такимъ образомъ: проситель, дождавшись сумерекъ, осторожно пробирался къ заднему крыльцу черезъ нижнія ворота, въ которыя господа никогда не выѣзжали, и, остановившись у помойной ямы, терпѣливо ждалъ появленія казачка или дѣвчонки, которые съ утра до вечера, только и дѣлали, что сновали съ порученіями изъ дома въ людскую и обратно. Завидѣвъ такого посланца, проситель останавливалъ его, совалъ ему въ руку копейку или грошъ и просилъ доложить Аксинѣ Демьяновнѣ, что человѣчекъ тутъ одинъ желаетъ переговорить съ нею по дѣлу.

Утвердительно кивнувъ, посланецъ исчезалъ, а проситель проникалъ въ темныя сѣни и ждалъ. Иногда приходилось очень долго ждать. Случалось такъ, что Демьяновна была чѣмъ нибудь занята въ комнатѣ барышни, а иногда ей просто не хотѣлось сойти съ теплой лежанки въ дѣвичьей, на которой она вязала чулокъ. Но въ концѣ концовъ она все-таки выходила въ сѣни и, сердито насупившись, спрашивала у просителя шипящимъ шепотомъ, что ему надо.

Но не успѣвалъ онъ начать свое повѣствованіе, какъ она прерывала его:

— Ты много-то не лопочи, все равно забуду.

Тогда проситель совалъ ей въ руку мзду, чаще всего деньги, завернутыя въ тряпочку, которыя она тутъ же при немъ выворачивала, пересчитывала и опускала въ карманъ.

— Ну, скажи, какъ тебя звать по имени и прозвищу, больше ничего не надо,—объявляла она.

Проситель называлъ себя. Иногда случалось, что произнесенное имя было знакомо старухѣ, и она требовала поясненія.

— Александръ Терка... Намеднись народъ болталъ про того разбойника, что пять душъ загубилъ, тоже Теркой его звать. Ты ему какъ же доводишься?

— Братомъ роднымъ, бабушка,—не стѣсняйся, сознавался проситель.—Бумага отъ меня губернатору подана, прошу, значить, съ братикомъ свиданія...

— Такъ, такъ... А ты въ убивствѣ-то помогаль ему вѣрно?—спрашивала она, понижывая его исподлобья испытующимъ взглядомъ.

— Про меня ничего не доказано,—спѣшилъ заявить проситель.

— То-то, не доказано... Ну, вотъ что я тебѣ скажу, молодець, дѣло твое дрянъ...

— Мнѣ бы только съ братикомъ повидаться...

— А тамъ за рѣку удрать? Знаемъ мы вашу повадку! За рѣкой-то лѣсъ, вплоть до другой губерніи тянется, тамъ ужъ нашему губернатору тебя не достать... И ты это отъ плетей тремя золотыми откупиться желаешь? Ахъ, ты, бездѣльникъ эдакій! — злобно шипѣла Демьяновна.

Проситель валился въ ноги.

— Матушка, благодѣтельница! Еще принесу, смилуйся только!

— Принеси, тамъ увидимъ.

Такимъ образомъ случалось, что она и два, и три, и четыре раза отсылала просителя за новой мздой, находя недостаточной ту, которую онъ приносилъ ей.

Стоговавшись окончательно, она приступала къ барышнѣ: — «скажи ты братцу, чтобъ помиловаль такого-то», или: «далъ бы какое ни на есть мѣстишко такому-то», либо: «не дозволилъ бы ужъ больно прижимать такую-то. Да не забудь, смотри! Тебѣ ничего не стоитъ, а имъ счастье, молиться за тебя будутъ».

Чтобъ отвязаться отъ нея, Катя исполняла ея просьбы и всегда съ успѣхомъ. Братецъ ни въ чемъ не могъ ей отказать. Иногда онъ со смѣхомъ замѣчалъ:

— А у тебя кака-то особенная симпатія къ завѣдомымъ мерзавцамъ и влодѣямъ; ни разу еще ты не просила меня за порядочнаго человѣка.

— За тѣхъ пусть ужъ другіе просятъ,—возражала Катя, тоже смѣясь.

Наконецъ, дошло до того, что Леонтій Артемьевичъ узнавалъ черезъ Катю о нуждахъ и желаніяхъ собственной жены и дѣтей.

— Послалъ бы ты денегъ Сапѣ, ему нужно.

— А ты откуда знаешь? Развѣ онъ тебѣ писалъ?

— Онъ писалъ матери.

— А она тебѣ сказала?

— Нѣтъ, она мнѣ не скажетъ. Я узнала отъ Демьяновны. Но все равно, ты все-таки пошла.

Леонтій Артемьевичъ корчитъ озабоченное лицо.

— У меня теперь денегъ нѣтъ. Мальчики и безъ того мнѣ слишкомъ дорого стоятъ. Напрасно только я ихъ въ такой дорогой полкъ опредѣлить.

— Ну, что за вздоръ! Возьми изъ моихъ денегъ, если у тебя своихъ нѣтъ.

— Такъ дай записку. Мнѣ вѣдь придется передъ опекой за каждый твой грошъ въ отвѣтъ быть.

Катя писала и подписывала все, что угодно. Ей это ничего не стоило, такъ какъ она деньгамъ счетъ не знала; можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время она не понимала разницы между однимъ рублемъ и тысячею.

Постепенно и Леонтій Артемьевичъ такъ запутался въ дѣлахъ, начатыхъ по примѣру отца въ обѣихъ столицахъ и за границей, что потерялъ счетъ деньгамъ. Служба отошла на второй планъ, и на положеніе свое въ административномъ мірѣ онъ все больше и больше смотрѣлъ, какъ на поддержку въ его коммерческихъ предпріятіяхъ. Но, при его неопытности и страстности, онъ не могъ не попадать въ просакъ и не нуждаться постоянно въ крупныхъ суммахъ на поправку надѣланныхъ ошибокъ.

Все это, разумѣется, стало извѣстно въ губерніи, и къ нему начали являться все чаще и чаще болѣе или менѣе темныя личности съ предложеніями услугъ. Сначала онъ крѣпился и гналъ ихъ вонъ, предпочитая имѣть дѣло съ кліентами Ермолаича, ссужавшими ему деньги подъ залогъ Катинаго имущества, но въ одинъ прекрасный день не вытерпѣлъ и вошелъ въ долю съ богатѣйшимъ торговцемъ скотомъ и хлѣбомъ, который гонялъ свои гурты черезъ Z—скую губернію. А затѣмъ, нуждаясь въ деньгахъ на поѣздку въ Петербургъ, онъ рѣшился было взять крупный кушъ у нѣкоего Альбертини, итальянскаго еврея, наѣзжавшаго сюда изъ Одессы, гдѣ у него были дома и лавки. Торговалъ онъ всякой всячиной и, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Артеміемъ Васильевичемъ, самъ явился къ его сыну съ предложеніемъ услугъ какъ разъ въ то время, когда Леонтій Артемьевичъ, узнавъ черезъ доброжелателей изъ столицы, что на него подано множество доносовъ въ министерство, рѣшилъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Вмѣсто процентовъ за ссуду, Альбертини требовалъ отъѣмны приговора, по которому его компаньонъ Лемпрозаниусъ высылался изъ Россіи, по подозрѣнію въ сбытѣ фальшивой монеты.

Когда Катя все это узнала, она пришла въ ужасъ и стала умолять Леонтія Артемьевича, чтобъ онъ запретилъ этому Альбертини показываться ему на глаза. О человѣкѣ этомъ она много слышала отъ отца. Покойный старый коршунъ иначе не называлъ его, какъ разбойникомъ, и не разъ говаривалъ при ней, что онъ никого не знаетъ хитрѣе и коварнѣе этого мерзавца.

Катя все это помнила и съ чуткостью любящей женщины прозрѣвала неминуемую опасность тамъ, гдѣ опекунъ ея видѣлъ только рискъ. Она такъ краснорѣчиво сумѣла доказать ему справедливость своихъ доводовъ, что онъ началъ колебаться.

— Но вѣдь не могу я не ѣхать въ Петербургъ. Если назначать слѣдствіе, дѣло можетъ скверно окончиться для меня,—возразилъ онъ.

— Поѣзжай, непременно поѣзжай,—подхватила она съ живостью.

— На какія деньги! Вѣдь мнѣ нужно сейчасъ тысячь десять; на однѣ подмазки выйдетъ тысячь девять.

— Возьми мои брильянты!—вскричала Катя, внѣ себя отъ радости, что такая блестящая мысль осѣнила ее.

— Твои брильянты?—повторилъ онъ въ недоумѣніи.—Да развѣ у тебя ихъ такъ много?

— Сейчасъ принесу.

Она вихремъ вылетѣла изъ кабинета, вбѣжала въ свои комнаты и черезъ минуту вернулась къ нему съ шкатулкой изъ розоваго дерева въ рукахъ. Шкатулка была очень тяжела, но нервы ея были въ такомъ напряженіи отъ восторга, что она не чувствовала тяжести, и только тогда упала въ изнеможеніи на диванъ, когда поставила передъ Леонтіемъ Артемьевичемъ свои сокровища и передала ему снятую съ шеи золотую, тонкую цѣпочку съ миниатюрнымъ ключикомъ.

— Открой и возьми, все твое,—проговорила она задышающимъ отъ волненія голосомъ.

Леонтій Артемьевичъ отперъ шкатулку, и то, что онъ увидѣлъ въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ и сафьяновыхъ футлярахъ, которые онъ открывалъ одинъ за другимъ, такъ поразило его, что у него захватило духъ отъ восторга. Тутъ было цѣлое состояніе. Тысячь на полтараста драгоцѣнныхъ каменьевъ въ оправкахъ заграничной работы и чудной красоты.

И нигдѣ ни въ какой описи сокровища эти не значились. Опека неизвестно про ихъ существованіе; никто про нихъ не знаетъ, кромѣ его, Кати, да еще, безъ сомнѣнія, Демьяновны, но старуха такъ предана своей госпожѣ, что отдѣлить ихъ одну отъ другой невозможно.

У покойнаго отца, вѣроятно, были причины не помянуть про эти драгоцѣнности въ духовномъ завѣщаніи. Безъ сомнѣнія, онъ передалъ ихъ своей обожаемой Куклѣ изъ рукъ въ руки и съ глазу на глазъ...

Мысли эти вихремъ проносились въ его головѣ въ то время, какъ взглядъ его перебѣгалъ отъ колѣе изъ крупныхъ брильянтовъ къ діадемѣ изъ рубиновъ и жемчуговъ, отъ парюры изъ сафировъ къ браслетамъ изъ изумрудовъ, и, должно быть, чувства, волновавшія ему душу, очень явственно отражались на его лицѣ, по-

тому что Катя весело смѣялась, глядя на него сверкающими отъ радости глазами.

— Поздравляю, ты богаче, чѣмъ я думалъ,—сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая волненіе.

Онъ вложилъ футляры въ ящикъ, заперъ его и съ ключемъ въ рукахъ подошелъ къ дивану, на которомъ она лежала, облокотившись на сафьянную подушку и подперевъ вывернутою ладонью розовую щеку.

— Довольно тутъ будетъ, чтобъ тебѣ съѣздить Петербургъ, не обязываясь Альбертини?—спросила она, глядя на него снизу вверхъ съ лукавой усмѣшкой.

— Съ какихъ поръ у тебя это?—спросилъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ и кивая на шкатулку.

— Шкатулку папенька мнѣ подарилъ, когда я была совсемъ маленькая, но тогда она была еще почти пустая. Вещи набирались понемногу; инныя онъ самъ привозилъ, когда ѣздить въ Одессу и за границу, другія доставлялъ ему проклятый жидъ Альбертини, къ которому ты въ когти хочешь влѣзть. Папенька былъ охотникъ до камней и большой знатокъ въ нихъ. Бывало, взглянетъ на брильянтъ, на изумрудъ или другой какой камень, сейчасъ скажетъ, сколько за него можно дать. Много онъ ихъ покупалъ, а также и продавалъ. Сколько разъ хвастался онъ при мнѣ, что четыре императрицы въ его брильянтахъ щеголяли. Благодаря ему, и я въ нихъ толкъ знаю, онъ меня этому обучилъ.

— Тебѣ, значитъ, извѣстно, что все это стоитъ?

Не спуская съ него смѣющагося взгляда, она утвердительно кивнула.

— Ну, бери же ключъ и не соблазнь меня. Я прикажу отнести шкатулку къ тебѣ,—сказалъ Леонтій Артемьевичъ, подавая ей цѣпочку съ ключемъ.

— Ты прежде возьми, что тебѣ надо,—возразила Катя, отстраняя отъ себя небрежнымъ движеніемъ его руку съ цѣпочкой.—А еще лучше, возьми все,—прибавила она послѣ минутнаго колебанія.

— Ну, нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Лишить тебя твоихъ драгоценностей....

Катя приподняла голову съ подушки.

— А сама-то я развѣ тебѣ не принадлежу?—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

Взглядъ ея сверкалъ нѣжностью. Она была такъ прекрасна съ пылающими щеками и горѣвшими любовью глазами, что давно ужъ тлѣвшая въ немъ страсть вспыхнула и охватила все его существо.

— Да... да... ты моя, и я никому тебя не отдамъ. Я обожаю тебя!—глухо прошепталъ онъ, падая на колѣни передъ диваномъ и осыпая ее поцѣлуями

Когда онъ пришелъ въ себя отъ порыва страсти, помутившаго ему разумъ до полной потери сознанія, Кати уже не было въ комнатѣ.

Она вырвалась изъ его объятій и убѣжала прежде, чѣмъ онъ очнулся.

Еслибъ не шкатулка, стоявшая на столѣ, да не пѣпочка съ ключемъ, валявшаяся на полу, Леонтій Артемьевичъ могъ бы принять все случившееся за дьявольское наважденіе, за сновидѣніе наяву.

Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно, что баринъ собирается въ Петербургъ.

Требовали ли такого поспѣшнаго отъѣзда неотложныя служебныя дѣла, или ему не хотѣлось оставаться подъ одной кровлей съ Катей послѣ случившагося, такъ или иначе, но когда Марья Алексѣевна стала просить его повременить отъѣздомъ, онъ рѣзко возразилъ, что она сама не знаетъ, чего просить.

— Развѣ я для своего удовольствія ѣду? Ты въ моихъ дѣлахъ никогда ничего не понимала...

— Кто же въ этомъ виноватъ, Léonsee?—первала она его кротко, но настойчиво.—Развѣ ты когда нибудь дѣлился со мной твоими мыслями и намѣреніями? Развѣ ты всегда не отвертывался съ досадой отъ моихъ совѣтовъ? Даже и тогда, когда я была молода и ты меня любилъ,—прибавила она печально.

— Женщины въ дѣлахъ ничего не понимаютъ,—отрывисто замѣтилъ онъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ уйти.

— Зачѣмъ же ты съ нею совѣтуешься?—спросила дрогнувшимъ голосомъ Марья Алексѣевна.

Чего ей стоило произнести этотъ вопросъ, можно было понять, взглянувъ на нее: она даже поблѣднѣла отъ страха и волненія въ ожиданіи отвѣта на свой дерзкій вызовъ, но сердце ея такъ наболѣло за послѣднее время и за себя и за дѣтей, въ оскорбительныхъ догадкахъ и мучительныхъ предчувствіяхъ, что она не въ силахъ была дольше молчать, и ей казалось, что она вызоветъ на объясненіе мужа даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ знала навѣрное, что ей за такую дерзость грозитъ смерть. Она имѣла твердое намѣреніе поставить ему на видъ, что, допуская такую интимность между собой и Катей, онъ компрометируетъ свой престижъ, какъ сановника и отца семейства; хотѣла передать ему городскіе толки про всемогущество Демьяновны и про то, какъ эта старая вѣдьма злоупотребляетъ его слабостью къ ея питомницѣ, и, наконецъ, какъ сама Катя возбуждаетъ противъ себя общественное мнѣніе своей странной манерой себя держать; но при первыхъ же ея словахъ Леонтій Артемьевичъ такъ вспыхнулъ и устремилъ на нее такой злобный и пытливый взглядъ, что она смолкла на полусловѣ.

Впрочемъ это длилось одно только мгновеніе; онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и, пожимая небрежно плечами, процѣдилъ сквозь зубы съ презрительною усмѣшкой:

— Вы, кажется, съ ума сошли! Ревновать меня къ этой дѣвочкѣ!... Почему же бы и не къ Машѣ съ Соней?

Это было сказано очень обиднымъ и холоднымъ тономъ, но тѣмъ не менѣе у Марьи Алексѣевны отлегло отъ сердца, и, краснѣя отъ стыда, что она позволила себѣ оскорбить отца своихъ дѣтей незаслуженнымъ упрекомъ, она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Мнѣ жаль, что ты именно теперь уѣзжаешь,—проговорила она, съ нѣжностью взявъ его руку и поднимая на него умоляющій взглядъ.

— Почему?—все еще сердито спросилъ онъ.

— Да потому, что я имѣю основаніе думать... меня предупредили, что Лачиновъ хочетъ сдѣлать предложеніе Сонѣ,—объяснила она, запинаясь.

Онъ отнесся къ предполагаему сватовству болѣе, чѣмъ благосклонно, и лицо его просіяло отъ радостнаго изумленія.

Лачиновъ былъ молодой помѣщикъ безъ большого образованія, но честный и добрый малый и съ порядочнымъ состояніемъ.

— А Сонѣ онъ нравится?

— Кажется, нравится.

— Чтожъ, я ничего противъ этого не имѣю. Одно только развѣ, что младшая выскочить въ дамы раньше старшей,—прибавилъ онъ шутливо.

Неожиданная вѣсть его обрадовала. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, стремящагося къ чему-то недостижимому, передъ которымъ, вдругъ, нежданно, негаданно, одна изъ многочисленныхъ преградъ, заслоняющихъ цѣль, сама собою рухнула.

«Что это? Предзнаменованіе?»—мелькало у него въ головѣ помимо воли и разсудка.

А Марья Алексѣевна при напомниманіи о Машѣ взгрустнулось.

— И Маша была бы ужъ теперь, можетъ быть, замужемъ, кабы не Катя,—замѣтила она со вздохомъ.

— Охота вамъ про этого дурака вспоминать,—съ злой усмѣшкой замѣтилъ ея мужъ.

— Боюсь, что она никогда его не разлюбитъ...

— Полноте глупости говорить,—прервалъ онъ ее съ досадой.

Марья Алексѣевна не настаивала, ни никто не могъ вырвать изъ ея души убѣжденія, что дочь ея продолжаетъ любить графа Ксаверія также беззавѣтно, какъ два года тому назадъ, когда онъ гулялъ съ нею по тѣнистымъ аллеямъ Коржинскаго сада и каждымъ своимъ словомъ, каждымъ взглядомъ давалъ ей чувствовать, что увлеченъ ею столько же, сколько и она имъ.

О немъ съ тѣхъ поръ не было ни слуху, ни духу, какъ въ воду канулъ.

— Надо благодарить судьбу, что сватовство ваше не состоялось,—продолжалъ все съ тою же сардоническою усмѣшкой Леонтіи Артемьевичъ.—Этотъ безмозглый полячишка съ своими завыральными идеями до висѣлицы бы дошутился, еслибъ остался въ Россіи.

— А развѣ онъ уѣхалъ изъ Россіи?—вырвался у Марьи Алексѣвны вопросъ.

— Давно ужъ. Недавно я получилъ отъ него письмо изъ Америки,—небрежно отвѣтилъ ей мужъ и прибавилъ еще болѣе равнодушнымъ тономъ:—Онъ хорошо сдѣлалъ, что убрался отсюда по добру-по-здорову, въ Польшѣ-то пошевеливаются... Но намъ на все это наплевать. Съ этимъ графчикомъ, чортъ бы его побралъ, у меня всѣ счеты покончены, а вы лучше подумайте о томъ, чтобъ Лачиновъ поторопился съ своей деклараціей...

— Онъ сегодня же къ тебѣ явится, если узнаетъ, что ты уѣзжаешь въ Петербургъ,—поспѣшила заявить Марья Алексѣвна.

Она такъ боялась мужа, что не рѣшалась сознаться ему, что Лачиновъ ужъ обращался къ ней съ предложеніемъ, и что, зная чувства къ нему Сони, она обѣщала ему употребить всѣ усилія, чтобъ склонить Леонтія Артемьевича на согласіе.

Проученная горькимъ опытомъ, Марья Алексѣвна держала отъ всѣхъ въ строжайшемъ секретѣ весь этотъ несложный романъ своей второй дочери, а сама героиня его, вострушка Соня, даже съ сестрой говорила про ухаживанье приглянушагося ей кавалера не иначе, какъ шопотомъ и при закрытыхъ дверяхъ. Катя надѣлала имъ столько горя и обиды, что недовѣріе къ ней обѣихъ сестеръ и ихъ матери было весьма естественно, и когда Марья Алексѣвна объявила дочери, что отецъ согласенъ на ея бракъ съ Лачиновымъ, первымъ побужденіемъ Сони было спросить:

— А вы увѣрены, маменька, что Катя не заставитъ папеньку раздумать?

Но Катѣ было теперь не до того, чтобъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и разстроивать чужое счастье. Она отнеслась совершенно равнодушно къ извѣстію о помолвкѣ своей младшей подруги.

Свадьбу рѣшено было сыграть по возвращеніи Леонтія Артемьевича изъ Петербурга, т. е. мѣсяца черезъ два, на Красную горку.

Въ хлопотахъ и сборахъ къ отъѣзду, Леонтіи Артемьевичъ совсѣмъ не видѣлъ Катю наединѣ. Оба, точно сговорившись, избѣгали оставаться вдвоемъ, и простился онъ съ нею при всѣхъ. Она стояла рядомъ съ его женой и дочерьми, въ двухъ шагахъ отъ многочисленной дворни, сбѣжавшейся провожать барина въ далекій путь. Прикоснувшись губами къ ея лбу, онъ поспѣшно и не оглядываясь, сбѣжалъ съ крыльца. Сердце его сильно билось; передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, онъ сталъ ее искать глазами въ толпѣ, тѣснившейся у подножія лѣстницы, но ея тутъ не было, она осталась на верхней ступенькѣ, и стройная фигура ея въ на-

кинутой на плечи мѣховой шубкѣ, крытой алымъ бархатомъ, одиноко вырѣзывалась на сверкающемъ фонѣ яснаго, холоднаго утра.

Глаза ихъ встрѣтились, и то, что онъ прочелъ въ ея взглядѣ, заставило тоскливо сжаться его сердце. Все вдругъ вспомнилось, все, отъ чего онъ, какъ отъ зловѣщаго сна, упорно отвертывался послѣдніе два дня, и ему стало такъ жаль съ нею разстаться, что къ горлу его подступили слезы.

XI.

Конецъ этой зимы и весна ознаменовались въ семьѣ Коржиныхъ слѣдующими, такъ сказать, официальными событіями: во-первыхъ, побѣдоноснымъ возвращеніемъ Леонтія Артемьевича изъ столицы, съ новымъ знакомъ монаршей милости на груди и съ одобреніемъ министромъ его дѣйствій въ видѣ конфиденціального выговора его противникамъ, председателю уголовной палаты и предводителю дворянства, за неумѣніе жить въ мирѣ и согласіи съ губернаторомъ и за размноженіе клеветниковъ и клеветниковъ въ губерніи, дерзающихъ утруждать высшее начальство безыменными доносами, ничѣмъ инымъ, кромѣ злобы за справедливыя взысканія, не побуждаемыми.

Вторымъ событіемъ, оживившимъ всю губернію недѣль на шесть по крайней мѣрѣ, было обрученіе второй губернаторской дочки съ помѣщикомъ Лачиновымъ, затѣмъ и свадьба, справленная съ необычайною пышностью. Тутъ ужъ Леонтій Артемьевичъ развернулся, какъ говорится, во всю. Злые языки утверждали, что на одинъ свадебный пиръ потрачено тщеславнымъ губернаторомъ втрое больше того, чѣмъ стоило приданое его дочери, съ брильянтами, серебромъ и экипажами включительно, и къ этому прибавляли, что во всемъ остальномъ онъ проявилъ себя достойнымъ сыномъ своего отца, настоящимъ алчнымъ коршуномъ и ничѣмъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ тряпокъ, одной семьѣ дворовыхъ да родительскаго благословенія въ оправѣ, дочь свою не наградила.

Ни имѣнія, ни капитала Лачиновъ за женой не получилъ. На это жаловались друзья и родственники послѣдняго, что же касается до него самого, женитьба на любимой дѣвушкѣ приводила его въ такой восторгъ, что о приданомъ онъ и не думалъ. Еслибъ можно было, онъ и отъ тѣхъ сундуковъ съ тряпками, что за нею дали, отказался бы, только бы ее-то отпустили съ нимъ скорѣе въ деревню, хотя бы въ томъ самомъ простенькомъ, перкалевымъ платьицѣ, въ которомъ онъ въ первый разъ ее увидѣлъ и безъ памяти въ нее влюбился.

И никто не замѣтилъ бы отсутствія молодыхъ на пирахъ, въ честь ихъ устраиваемыхъ, всеобщее вниманіе было поглощено Ка-

тей, которой опекунъ навезъ такихъ роскошныхъ нарядовъ изъ Петербурга, что когда она въ нихъ явилась, красота и роскошь прочихъ щеголихъ померкли въ ея блескѣ, какъ меркнуть звѣзды въ сіяніи солнца.

Дамы, задыхаясь отъ изумленія и зависти, рассказывали, что въ день свадьбы на ней было платье изъ розоваго муара по пятнадцати рублей аршинъ и все отдѣланное такими кружевами, которыми и цѣны нѣтъ, а на балѣ, дня два послѣ вѣнчальнаго обряда, одни цвѣты, покрывавшіе почти сплошь ваперовую юбку, стоили не менѣе трехъ сотъ рублей.

— А каковъ клокъ, въ которомъ она вошла въ церковь? Замѣтили? Настоящимъ горностаемъ подбитъ, какъ у царицы!

— А брильянтовъ, брильянтовъ-то сколько она на себя нацѣпляла!—воскликали съ негодованіемъ губернскія кумушки.—Сейчасъ видно, что по своей волѣ живетъ, и никто ей не смѣетъ сказать, что такъ одѣваться молодой дѣвушкѣ неприлично.

— Ахъ, Боже мой, да развѣ она кого нибудь послушаетъ! Марья Алексѣевна ужъ давно на нее махнула рукой. Она и читаетъ все, что хочетъ, какъ дама. Отецъ ея былъ извѣстенъ своею безнравственностью и вольнодумствомъ; послѣ него осталась богатѣйшая бібліотека, ну, все это она ужъ успѣла перечитать и всякимъ гадостямъ научиться.

Дамы были правы, дѣйствительно Катю никто не стѣснялъ ни въ выборѣ книгъ, ни въ поступкахъ.

Чѣмъ ближе сходилъ съ нею Леонтій Артемьевичъ, тѣмъ дальше отходили отъ нея жена его и дочери.

Это выходило само собою, инстинктивно, какъ неминуемое послѣдствіе загадочно-фальшиваго положенія, которое онъ создалъ своей питомицѣ въ домѣ и въ обществѣ страннымъ своимъ обращеніемъ съ нею.

Отчужденіе отъ Кати окружавшей ея семьи, постепенно возраста, дошло наконецъ до того, что никому и въ голову не приходило давать ей почувствовать, что она на каждомъ шагу нарушаетъ самыя элементарныя правила свѣтскихъ приличій. Всѣ объ одномъ только заботились: не раздражать ее и не сближаться съ нею.

Ей это особенно было замѣтно во время частыхъ отлучекъ Леонтія Артемьевича по губерніи. При немъ она ни въ комъ не нуждалась, но когда онъ уѣзжалъ, одиночество тяготило ее, хотѣлось развлечься отъ тяжелыхъ мыслей, забыть хотя на минуту удручающую душу тайну, пожить чужой жизнью и позабавиться чужими интересами. Но когда она входила въ гостиную, гдѣ находилась Марья Алексѣевна съ дочерьми и съ будущимъ своимъ зятемъ, посѣщавшимъ ихъ домъ ежедневно на правахъ жениха, интимные разговоры прерывались, на всѣхъ лицахъ выражалась худо скрытая досада, всѣ переглядывались и неловко начинали распространяться о погодѣ,

городскихъ новостяхъ и т. п. И Катя, съ трудомъ сдерживая злобное раздраженіе, спѣшила уйти съ смутною жаждой мщенія въ сердцѣ.

А иногда случалось и хуже.

Разъ какъ-то, въ то время, какъ Леонтіій Артемьевичъ ѣздилъ въ Петербургъ, остановившаяся у нихъ въ домѣ, проѣздомъ въ Варшаву, дальняя родственница и пріятельница Коржиной, увлекшись разговоромъ о новомъ французскомъ романѣ, стала рассказывать его содержаніе, но, дошедши до того мѣста, гдѣ несчастную героиню лишаетъ невинности гнусный обольститель, она въ замѣшательствѣ прервала на полусловѣ свое повѣствованіе, сообразивъ, что при дѣвицахъ нельзя упоминать о такихъ скабрзныхъ предметахъ.

Догадавшись о причинѣ ея смущенія, Марья Алексѣвна приказала дочерямъ идти въ садъ.

Маша съ Соней немедленно повиновались; за ними послѣдоваль и Лачиновъ.

Но Катя, сидѣвшая у окна за пальцами, не тронулась съ мѣста. Не разслышала ли она приказанія сестрицы или рѣшила ждать, чтобъ къ ней обратились отдѣльно съ просьбой не мѣшать бесѣдѣ старшихъ, такъ или иначе, но она осталась въ комнатѣ. И вдругъ, ее точно что-то толкнуло поднять глаза съ работы и, увидавъ въ растворенную балконную дверь удаляющуюся молодежь, она машинально перевела взглядъ на сидѣвшихъ въ глубинѣ комнаты двухъ дамъ, какъ разъ въ ту минуту, когда гостя краснорѣчивымъ кивкомъ на нее указывала, а Марья Алексѣвна съ горькой и презрительной усмѣшкой отвѣчала вполголоса на обращенный къ ней нѣмой вопросъ:

— О, при этой все можно говорить!

Она намекала, безъ сомнѣнія, на своеволие Кати, на ея привычку читать безъ разбора все, что попадалось ей подъ руку, и на невозможность подчинить какой бы то ни было нравственной дисциплинѣ ея испорченную съ малолѣтства, необузданную натуру, но Катѣ слышалось еще другое въ этихъ словахъ; ее отъ нихъ, какъ варомъ, обдало съ ногъ до головы, а щеки ей зардѣлись, какъ отъ пощечины.

Какъ сорвалась она съ мѣста, какъ выбѣжала изъ комнаты, и замѣтили ли ея исчезновеніе, этого она не знала; она была, какъ въ чадѣ отъ обиды и гнѣва. Ей было такъ больно, она чувствовала себя такой одинокой и безпомощной, что, упавъ на кровать и зарывая пылающее гнѣвомъ и стыдомъ лицо въ подушки, она молила Бога о смерти.

На нее вдругъ нашло просвѣтленіе, и на одно мгновеніе она увидѣла бездонную, мрачную пропасть, на краю которой она стояла; ей сдѣлалось страшно, и она сознала, что жить ей не для чего, что, кромѣ горя и позора, ей нечего ждать отъ жизни, что чѣмъ

дальше, тѣмъ для нея будетъ все хуже и хуже... Слезы, лившіяся по ея щекамъ, не смягчали душівныхъ ее мукъ, а жгли ее, какъ расплавленнымъ свинцомъ. Мысли, одна другой безотраднѣе, вихремъ кружились въ мозгу.

Но что всего было ужаснѣе, это сознаніе, что онѣ правы, ненавидя ее и презирая. Она достойна того еще больше, чѣмъ онѣ воображаютъ. Если бъ Марья Алексѣевна знала, что произошло въ кабинетѣ ея мужа за два дня до его отъѣзда въ Петербургъ! О, еслибъ она это знала! Она тогда не вполголоса и не обиняками намекала бы своимъ друзьямъ о томъ, что Катю нельзя сравнивать съ ея дочерью, она объявила бы во всеуслышаніе, что потерянная дѣвушка не достойна дышать однимъ воздухомъ съ чистыми и невинными существами; она запретила бы дочерямъ подходить къ Катѣ и сочла бы позоромъ даже лишнюю минуту, оставлять ихъ подъ одной кровлей съ ненавистной всѣмъ любимицей стараго дѣда коршуна.

«Да, да, ты потерянная», повторялъ ей внутренній голосъ такъ громко, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, это ужасное слово звенѣло въ ея ушахъ, точно не она сама, а другой кто-то громко и ясно изрекалъ надъ нею смертный приговоръ всякой надеждѣ на радость и счастье.

А ей всего только восемнадцать лѣтъ, она, можетъ быть, проживетъ еще долго, долго...

И ей стало себя такъ жалко, что она еще съ часть времени плакала о себѣ, о своей поруганной дѣвической чести, поруганной тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго отецъ избралъ ей въ покровители.

О, еслибъ покойникъ могъ предвидѣть, что случится! Но онъ заботился только о томъ, чтобъ приумножить наслѣдство, которое онъ ей оставитъ. И успѣлъ въ этомъ, она богата, слава Богу, богаче всѣхъ дѣвицъ, которыхъ она знаетъ. А деньги много значать. Деньги важнѣе всего. Ужъ на что отецъ ея былъ злой и черствый старикъ, но онъ былъ богатъ, и всѣ его боялись и уважали.

Да, деньги важнѣе всего, и много счастья могутъ онѣ доставить.

Ей вспомнилась сцена, предшествующая ея паденію, сіяющее благодарностью и любовью лицо Леонтія Артемьевича, когда она объявила ему, что онъ можетъ взять всѣ ея драгоценности, если захочетъ, и отчаяніе ея стало постепенно утихать.

Стоить оскорбляться чьими бы то ни было намеками и горевать о томъ, что она не можетъ уже считаться такой невинной и чистой дѣвицей, какъ Маша съ Соней, когда никто этого не знаетъ, когда она красивѣе ихъ, умнѣе, богаче, и любима человѣкомъ, выше котораго нѣтъ никого на свѣтѣ! Она имъ себя покажетъ, она всему міру себя покажетъ, всѣхъ заставитъ удивляться и восхищаться собой.

И подъ впечатлѣніемъ новыхъ мыслей и ощущеній, нахлынувшихъ ей на душу, блѣдная и трепещущая, съ глазами еще распух-

ними отъ слезъ, пролитыхъ въ минуты отчаянья, Катя сорвалась съ постели, сѣла къ своему письменному столику и написала длинное письмо Леонтію Артемьевичу, съ перечнемъ нарядовъ, которые она приказывала ему привезти ей изъ столицы.

И по мѣрѣ того, какъ она писала, воображеніе ея развертывалось все шире и шире; она видѣла себя то въ розовомъ шелку, то всю въ цвѣтахъ, то въ бархатѣ и, мысленно любуясь собой, улыбалась прелестнымъ образамъ, возникавшимъ одинъ за другимъ въ ея фантазіи, и зависти, которую она будетъ возбуждать.

Леонтій Артемьевичъ исполнилъ въ точности ея требованія и даже привезъ ей множество вещей, о которыхъ она не упоминала, потому что не знала о ихъ существованіи.

Ему была на руку ея безразсудная расточительность, и онъ не упускалъ случая поощрять ее.

Послѣ свадебныхъ празднествъ и отъѣзда молодыхъ въ деревню домъ затихъ и опустѣлъ. Началась прежняя жизнь. Марья Алексѣвна принялась вышивать большой коверъ въ спальню новобрачныхъ, а Маша снова занялась воздухами въ церковь, которые она начала по обѣщанію, еще до обрученія сестры. Обѣ, и мать и дочь, сидѣли съ утра до вечера въ глубокой зеленой гостиной, съ окнами въ густой садъ, и работали большею частью молча.

Дѣлиться мыслями имъ не хотѣлось: горе ихъ было такого рода, что словами его не разсѣять, а только пуще разбередишь. Да и не было ни у той, ни у другой такихъ словъ, которыми можно было бы выразить то, что томило имъ сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Ксаверій уѣхалъ, прошло два года, но Маша продолжала его любить, думать о немъ и вспоминать тѣ минуты, когда и онъ тоже ее любилъ. Надежды на свиданіе съ нимъ у нея не было ни малѣйшей, еще меньше мечтала она о томъ, чтобъ погибшее счастье воскресло когда нибудь; ей просто нельзя было жить настоящимъ. Разочарованіе въ восхитительной мечтѣ, которой она предавалась съ безграничнымъ упованіемъ невинной души, незнакомой съ коварствомъ судьбы и людей, убило въ ней вкусъ къ жизни. Послѣ минутнаго небеснаго блаженства, испытаннаго ею, земныя радости не находили больше отклика въ ея сердцѣ; оно въ безпредѣльной тоскѣ рвалось выше, туда, гдѣ нѣтъ ни лжи, ни обмана, ни разочарованій. Какъ нѣжное растеніе, охваченное морозомъ, блекла она, ни на что не жалуясь, никого не упрекая, ничего не требуя ни отъ жизни, ни отъ людей. И такъ тихо и ясно уходила она постепенно всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ отъ окружающаго ея міра, что, кромѣ ея матери, никто этого не замѣчалъ. Одна только мать видѣла, какихъ мучительныхъ усилій стоило ей принимать участіе въ мірскихъ утѣхахъ и суетѣ, и какъ равнодушна она къ земнымъ досадамъ и печалямъ. Все это, съ той высоты, въ которой она теперь парила, казалось ей такъ ничтожно, что Марья Але-

ксѣвна ужъ перестала дѣлиться съ нею своими опасеніями, тревогами и печалами и съ отъѣздомъ Сони очутилась въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Однако, когда она стала замѣчать со дня на день усиливающуюся разсѣянность Маши и равнодушіе ея ко всему мірскому, когда она узнала, что старшая дочь ея иногда по цѣлымъ ночамъ простаиваетъ на колѣняхъ передъ образами, каждый день изыскиваетъ средства пойти въ церковь и тогда только счастлива, когда, забившись въ темный уголъ промежъ нищихъ, упивается божественной службой, Марьѣ Алексѣевнѣ стало жутко. Неужто ея дѣвочка уйдетъ изъ міра, не испытавши земныхъ радостей? Неужто ей не суждено быть ни супругой, ни матерью, а только молитвенницей за тѣхъ, кому она могла бы всю свою жизнь служить счастьемъ и утѣхой?

И упрекая себя въ слабости и грѣхѣ, она тѣмъ не менѣе со слезами молила Бога отвести отъ ея устъ эту новую чашу горечи, оставить ей Машу, на утѣшеніе и поддержку ея изнемогающаго подъ бременемъ испытаній, духа.

Сыновья ея были далеко, и вся жизнь ихъ пройдетъ вдали отъ нея, въ чуждыхъ ей интересахъ, радостяхъ и печаляхъ. Если ужъ дочь, по выходѣ замужъ, для матери отрѣзанный ломоть, то съ сыномъ и подавно обрываются связи, когда онъ вылетаетъ въ жизнь изъ родного гнѣзда.

Но чѣмъ она особенно терзалась въ глубинѣ души, не смѣя сознаться въ этомъ даже передъ самой собой, это страхомъ остаться съ мужемъ наединѣ.

Теперь, когда она начинала смутно подозрѣвать, что до сихъ поръ ошибалась въ немъ и любила въ немъ не его, а существо, созданное ея фантазіей, когда проникала все глубже и глубже въ эту мрачную, до сихъ поръ сокрытую отъ нея душу, она съ ужасомъ убѣждалась въ томъ, что, кромѣ равнодушія къ ней и къ дѣтямъ, лицемѣрія, алчности и разврата, ничего въ ней нѣтъ, она содрогалась при мысли, что связана съ этимъ нравственнымъ уродомъ неразрывными узами до самой смерти.

Бросить его, разстаться съ нимъ ей и въ голову не приходило. Развѣ она не поклялась передъ алтаремъ ему принадлежать до послѣдняго издыханія? Развѣ онъ не отецъ дѣтей, за которыхъ она должна дать отвѣтъ передъ Богомъ, и развѣ позоръ его не падетъ на ихъ голову, если она не предотвратитъ этого позора, цѣной собственнаго спокойствія?

Пока она съ нимъ, никто не осмѣлится явно его осуждать, пока она съ нимъ, дѣти ихъ будутъ его любить и уважать, значить долгъ повелѣваетъ ей съ нимъ не разлучаться, а она всю жизнь покорялась долгу. И наконецъ развѣ не можетъ наступить минута, когда онъ тоже будетъ несчастливъ и нуждаться въ ея поддержкѣ и преданности, вѣдь не даромъ же Господь ихъ соединилъ.

Вотъ сколько причинъ имѣла Марья Алексѣевна покоряться безропотно судьбѣ и оставаться въ глазахъ свѣта супругой Леонтія Артемьевича, такой же преданной и любящей, какой она была, когда вѣрила въ его честь, совѣсть и любовь.

А это было еще недавно. Не дальше, какъ три мѣсяца тому назадъ, она приписывала его ухаживаніе за Катей единственно тому, что ея деньги ему нужны для предпріятій, начатыхъ съ цѣлью обогатить ихъ дѣтей. Разумѣется, одобрить этого она не могла и желала бы лучше прожить всю жизнь въ бѣдности, чѣмъ видѣть, что корысть, развивающаяся въ немъ, грозитъ превратиться въ опасную страсть, но она была тогда далека отъ мысли подозрѣвать его въ преступномъ увлеченіи дѣвушкой, отданной на его попеченіе умирающимъ отцомъ, и съ которой онъ былъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Да и теперь, когда эта мысль навертывалась ей на умъ, она съ ужасомъ отгоняла ее прочь отъ себя, всячески старался себя увѣрить, что этого не можетъ быть, и что съ ея стороны преступно предполагать такую гнусность.

Но увы, улики, подтверждающія это подозрѣніе, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ размножались, какъ песокъ морской. Она читала ихъ на лицахъ городскихъ дамъ, которыя при имени Кати или при ея появленіи съ какимъ-то страннымъ недоумѣніемъ переглядывались, и во взглядахъ, полныхъ почтительнаго состраданія, которыми дворовые смотрѣли на бѣдную барыню, и въ застенной злобѣ, съ которой всѣ слѣдили за каждымъ движеніемъ виновницы готовящагося семейнаго разгрома. А старанія Леонтія Артемьевича избѣгать всякаго столкновенія съ женой, его боязнь нарваться на объясненіе съ нею и постоянная забота, чтобъ, когда онъ дома, были всегда гости, которые не позволяли бы ему оставаться наединѣ съ семьей, даже на минуту,—развѣ все это не подтверждало ея догадокъ?

Что же касается до Кати, она, какъ говорится, закусилла удила и въ мучительной борьбѣ съ своими чувствами, въ стремленіи скрыть роковую страсть, волнующую все ея существо, увѣрить весь міръ, что ей не въ чемъ себя упрекать и нечего стыдиться, она доходила до наглости и однимъ своимъ вызывающимъ тономъ выдавала себя головой.

Все это раздражало Леонтія Артемьевича до чрезвычайности и, чтобъ развлечься, успокоить напряженные нервы, онъ предпринималъ далекія путешествія по губерніи, нагоняя внезапными наѣздами страхъ на подчиненныхъ, повсюду устанавливая образцовый порядокъ и нововведенія, слѣды которыхъ до сихъ поръ можно найти въ той мѣстности, гдѣ мѣстами торчатъ еще пни насаженныхъ по его предписанію деревьевъ по обѣимъ сторонамъ большой, столбовой дороги, развалины красивыхъ грандіозныхъ казенныхъ зданій, воздвигнутыхъ въ бытность его тутъ губернаторомъ, и тому подобное.

Но ничто ему не помогало, ни лихорадочная дѣятельность, ни продолжительная разлука съ предметомъ его страсти, ни попытки развлечься любовными похождениями съ другими красавицами, ничто его не успокаивало; безумное его чувство къ Катѣ не переставало усиливаться, и черезъ два года послѣ описанныхъ событій, передъ свадьбой меньшей его дочери, ему ужъ нужны были не деньги Куклы, а сама Кукла.

По временамъ ему казалось, что онъ тогда только успокоится, когда уѣдетъ съ нею на край свѣта, въ какую нибудь пустыню, гдѣ ихъ никто не знаетъ, и гдѣ они никого, кромѣ другъ друга, не будутъ видѣть.

Долго ли будетъ удовлетворять его такого рода счастье, и какія произойдутъ оттого послѣдствія, онъ даже и останавливаться на этихъ соображеніяхъ не хотѣлъ и не могъ, въ одномъ только былъ онъ твердо увѣренъ, это въ томъ, что счастье это онъ долженъ испытать во что бы то ни стало, и хотя бы имъ обоимъ это стоило жизни.

Намѣреніе это съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше крѣпло, и въ изысканіи средствъ привести его въ исполненіе онъ проводилъ цѣлыя ночи.

И вдругъ, совершенно неожиданно навернулся для него удобный предлогъ.

На суконной фабрикѣ, невзирая на размолвку съ графомъ Ксаверіемъ, основанной годъ тому назадъ близъ Коржина, произошли безпорядки, которые во избѣжаніе огромныхъ убытковъ надо было во что бы то ни стало прекратить, какъ можно скорѣе, а для этого немедленно смѣнить управляющаго-нѣмца, найти другого и наказать примѣрно зачинщиковъ бунта, большею частью изъ дворовыхъ, принадлежащихъ Катѣ.

Леонтій Артемьевичъ рѣшилъ, что присутствіе этой послѣдней тамъ необходимо, и сталъ собираться съ нею въ путь.

Когда въ домѣ это стало извѣстно, въ дѣвичьей, послѣ тайнаго совѣщанія, между старой горничной Аннушкой, нянюшкой Петровной и старикомъ буфетчикомъ Самсонычемъ, рѣшено было, что барынѣ надо этому воспротивиться.

— Это будетъ срамъ на весь міръ, если баринъ съ барышней Катериной Артемьевной хоть недѣлку проживутъ вдвоемъ въ старомъ Коржинскомъ домѣ! Послѣ этого добрымъ людямъ и въ глаза нельзя будетъ смотрѣть!

— Нельзя ему этого дозволить, нельзя,—повторялъ, покачивая сѣдой головой, Самсонычъ.

— А какъ ему запретить?—спросила Аннушка.

— Барыня должна запретить,—рѣшила Петровна.

— Послушаетъ онъ ее, какъ бы не такъ!

— Не можетъ не послушать, они въ законѣ,—строго объявилъ старикъ.

— Ну, а барынь-то какъ же сказать?

— Начни съ того, что доложи про ихъ сборы: такъ и такъ, дескать, сударыня, позвольте вашей милости доложить про то, что людишки наши болтають, будто баринъ вдвоемъ съ барышней Катериной Артемьевной въ Коржино изволятъ ѣхать. Ну, а тамъ сообразно съ отвѣтомъ и дѣйствуй. Если ничего не скажетъ тебѣ на это, тогда...

— Тогда ужъ я съ нею поговорю и все ей представлю,—подхватила Петровна.

— Да и я не побоюсь на сѣдую свою голову бѣду накликасть, а ужъ всю правду ей выложу,—объявилъ Самсонычъ,—скажу ей, что грѣхъ такому соблазну потачку давать.

Послѣдствіемъ этого совѣщанія было то, что Марья Алексѣевна рѣшилась умолить мужа прекратить отвратительный скандалъ, возмущавшій весь домъ.

Съ этимъ намѣреніемъ она послала просить его къ себѣ и, ожидая его въ лихорадочномъ волненіи, прохаживалась взадъ и впередъ по длинной и темноватой гостиной, стараясь сообразить, какими словами на него лучше подѣйствовать; но въ головѣ ея былъ такой хаосъ, что она ни на чемъ не могла остановиться и рѣшилась положиться на волю Божию: что Господь ей внушитъ, она ему то и скажетъ.

Ждать пришлось недолго, Леонтію Артемьевичу не хотѣлось, чтобъ обвинили его въ трусости, и не прошло пяти минутъ, какъ шаги его послышались по залѣ, и раздался твердый, громкій голосъ, которымъ онъ спрашивалъ лакея: почему лампы не зажжены?

— Восьмой часъ... того и гляди, гости пріѣдутъ, а у васъ тутъ темень... Что за безпорядокъ! Барыня въ гостиной?

Съ этими словами онъ быстро вошелъ въ комнату, гдѣ его съ трепетомъ ждали.

— Что вамъ отъ меня угодно, *chère amie*? Я страшно занятъ... готовлю на завтра почту... курьеръ дожидается... надо еще донесеніе министру просмотрѣть, эти писаря вѣчно перевирають... Какъ у васъ темно!..

Но онъ былъ этому радъ. При свѣтѣ она замѣтила бы волненіе, которое онъ старался скрыть подъ обычнымъ рѣзкимъ тономъ и высыкомѣнной развязностью.

— Ты собираешься ѣхать въ Коржино, *Léonce*?—спросила она.

— Да... Представь себѣ, тамъ эти мерзавцы фабричные устроили настоящій бунтъ... Клеменць прислалъ нарочнаго съ письмомъ... грозить уѣхать, не дождавшись замѣстителя, если я тотчасъ же не пріѣду... Это въ самый разгаръ работы...

— И ты рѣшилъ ѣхать?

— Разумѣется. Надо самому все на мѣстѣ изслѣдовать. Главными зачинщиками оказались изъ Коржинской дворни...

— Ты їдешь одинъ?— снова прервала его Марья Алексѣвна, для которой разговоръ этотъ былъ настоящей пыткой.

— Нѣтъ, съ Катей,—твердо произнесъ онъ.

И бросивъ ей, со свойственною ему смѣлостью, этотъ вызовъ, онъ продолжалъ ужъ спокойнѣе.

— Ей ужъ девятнадцать лѣтъ, скоро придется сдать ей все ея состояніе, пусть управляетъ имъ, какъ знаетъ... Но моя обязанность ее подготовить... а этого заочно не сдѣлаешь, надо, чтобъ она лично ознакомилась и съ людьми своими, и съ дѣлами, пора. Да она и сама, узнавши про донесеніе Клеменца, объявила, что хочетъ ѣхать со мной въ Коржино, и ты понимаешь, что запретить этого я ей не могу, усадьба принадлежитъ ей,—прибавилъ онъ, слегка недоумѣвая передъ терпѣливымъ молчаніемъ, съ которымъ его выслушивали.

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ и мы съ Машей съ вами поѣдемъ,—объявила дрогнувшимъ голосомъ Марья Алексѣвна.

Онъ до этой минуты говорилъ, не глядя на нее, но несвойственная ей твердость, звучавшая въ ея голосѣ, еще больше, чѣмъ слова, произнесенныя ею, такъ его удивили, что онъ устремилъ на нее полный любопытства и подозрительности взглядъ. Глаза ихъ встрѣтились, и то, что онъ въ нихъ прочелъ, усилило его раздраженіе и смущеніе.

— Какъ хотите,—сказалъ онъ, помолчавъ.—Я вамъ это не предлагалъ потому, что, сколько мнѣ помнится, вы не желали подвергать Машу непріятнымъ воспоминаніямъ... Но если вы теперь иного мнѣнія, поѣдьте всѣ вмѣстѣ,—послѣшилъ онъ прибавить, избѣгая повода къ продолженію опаснаго разговора, который на этомъ и прекратился.

Семья Леонтія Артемьевича пріѣхала въ родовое имѣніе безъ него. Необходимость цѣлыхъ трое сутокъ сдерживаться, сидя рядомъ съ женой въ большой четверомѣстной каретѣ, и не выдавать ни во взглядѣ, ни въ голосѣ своихъ чувствъ къ сидѣвшей противъ него Катѣ, довела его до такого раздраженія, что подвергаться этой нравственной пыткѣ еще нѣсколько лишннихъ часовъ онъ ужъ былъ не въ силахъ и, не дождая версты пятидесяти до Коржина, вышелъ изъ экипажа, пересѣлъ въ бричку, съ прислугой и поклажей, слѣдовавшую за каретой, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо, какъ можно скорѣе разобратъ недоразумѣнія рабочихъ съ управляющимъ, поскакалъ въ Артемкино.

Подѣзжая къ усадьбѣ, Катя, все время молча смотрѣвшая изъ окна на знакомую мѣстность, обратилась вдругъ къ Марьѣ Алексѣвнѣ съ заявленіемъ, что она намѣрена поселиться въ комнатахъ покойнаго отца.

— Я ужъ говорила объ этомъ съ братцемъ, ему все равно, гдѣ ни жить, вѣдь онъ не надолго, ему можно устроить спальню и кабинетъ въ зеленой угловой,—поспѣшила она прибавить.

— Какъ хочешь, и намъ тоже все равно, не правда ли, Маша?

Маша утвердительно кивнула. Разумѣется, ей теперь все равно, гдѣ ни жить въ Коржинѣ; прошло то время, когда она, чуть забрезжится заря, срывалась со своей постели, чтобъ бѣжать къ окну и, отвернувъ кончикъ занавѣски, посмотрѣть, не прохаживается ли по липовой аллеѣ бѣлокурый юноша, дожидаясь ея появленія.

О, да, это время такъ безвозвратно прошло, что ей иногда кажется, что все это было не наяву, а во снѣ. Но какой это былъ чудный, свѣтлый сонъ! Какую пустоту и холодъ оставилъ онъ въ ея душѣ, отлетая! И, кромѣ этой ледяной пустоты,—ничего. Первое время она чувствовала себя обиженной, и ей хотѣлось спросить у Кати, за что она нанесла такой ударъ ея счастью? Ей казалось, что ей будетъ легче, если Катя узнаетъ, какъ она страдаетъ изъ-за нея, и что она будетъ сама мучиться раскаяніемъ. Въ глубинѣ сердца, когда боль становилась невыносима, Маша роптала на мать за то, что она такъ сдержанно отнеслась ко всей этой исторіи и и ни словомъ не намекнула Катѣ, что она ее осуждаетъ за причиненное, изъ тщеславія, зло. Ей было отраднo сознать, что Соня возненавидѣла Катю съ этихъ поръ, а къ ней стала относиться еще любовнѣе. Но мало-по-малу и эти чувства застыли; Катя не возбуждала въ ней больше ни злобы, ни досады, ей даже порой было ее жалко. Съ чуткостью изстрадавшейся души Маша чувствовала, что подруга ея далеко не такъ счастлива, какою кажется, что и ей тоже гложетъ сердце какой-то червь.

Не подозрѣвая настоящихъ причинъ враждебнаго недовѣрія къ ней Маріи Алексѣвны, ей ужъ давно хотѣлось сказать матери: «перестань на нее сердиться, я зла къ ней не чувствую. Все, что терзало мнѣ сердце, теперь ужъ умерло...».

А съ нѣкоторыхъ поръ, прозрѣвая душой новыя цѣли и стремленія, съ мірскими радостями ничего общаго не имѣющая, ей хотѣлось къ этому прибавить: «и все къ лучшему».

Она даже, повидимому, отнеслась равнодушно къ извѣстію о побѣдѣ въ тѣ мѣста, гдѣ все, каждая вещь, каждый кустикъ и цвѣтокъ будетъ ей напоминать о погибшемъ счастьѣ. Но ужъ съ этой минуты начала безсознательно пробуждаться въ ея душѣ заглушенная была тоска и, чѣмъ ближе подбѣжала она къ Коржину тѣмъ жгуче и непреодолимѣе становились ея страданія. Воспоминанія, навѣваемые на нее самымъ воздухомъ, которымъ она здѣсь дышала, безпощадно угнетали все ея существо. Чувствуя себя безсильною съ ними бороться, она съ сладострастіемъ безпомощнаго отчаянія имъ предалась, упиваясь ими, какъ сладкимъ ядомъ, влекущимъ за собою забвеніе и смерть.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ¹⁾.

(Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

О ОКОНЧАНІИ грустныхъ церемоній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, и послѣ погребенія государя, императрица переѣхала на время въ Аничковъ дворецъ. Изъ фрейлинь переѣхали туда съ ея величествомъ графиня Ти-зенгаузенъ и я. Аничковъ дворецъ оставался любимымъ пребываніемъ императрицы Александры Θεодоровны въ Петербургѣ и по воспоминаніямъ прежнихъ счастливыхъ, беззабот-

ныхъ дней, когда великій князь и великая княгиня не подозрѣвали, что ихъ ожидаетъ всероссійскій престолъ, и потому, что воздухъ въ этомъ дворцѣ былъ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ Зимнемъ, ради его Амосовскаго отопленія, которое сушитъ человека; Амосовское отопленіе было устроено послѣ пожара Зимняго дворца въ 1837 году. Ихъ величества переѣзжали почти каждый годъ въ началѣ весны въ Аничковъ дворецъ. Что касается меня, то я очень любила это пребываніе. У меня тамъ была преуютная

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 454.

комната наверху; вообще жизнь въ Аничковомъ дворцѣ была гораздо симпатичнѣе, походя скорѣе на дачную жизнь.

Погрѣсеніе всей нервной системы у императрицы было страшное; она еще чаще прежняго болѣла. Дни грустно проходили за днями; все было мрачно и тяжело вокругъ насъ. Ихъ величества пріѣзжали каждый день навѣщать матушку; ихъ любящимъ заботамъ не было предѣла.

Мы начали наши дежурства при императрицѣ Маріи Александровнѣ. Я отправлялась изъ Аничкова въ Зимній, когда приходила моя очередь. Но это дежурство было, такъ сказать, совсѣмъ фиктивное; оно состояло въ томъ, что императрица позоветъ меня къ себѣ, скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ и сейчасъ же отпуститъ опять къ матушкѣ императрицѣ. Императрица Марія Александровна такъ понимала своимъ чуткимъ сердцемъ, что и ея августѣйшей свекрови и мнѣ было не легко это новое положеніе. Онѣ-то сами, наши возлюбленныя, всегда добры и сердечны во всемъ.

Послѣ смерти Николая Павловича, я впервые узнала, что значить «паденіе съ высоты». Впослѣдствіи, съ годами, я съ этимъ чувствомъ хорошо познакомилась и смотрѣла на него свысока и съ презрѣніемъ; но тогда оно было для меня ново, и я имъ страшно возмущалась. Но ангельское сердце императрицы, хотя и очень чувствовало все, что происходило вокругъ нея, такъ кротко и спокойно принимало это, какъ бы до нея не касающееся; она только потихоньку и снисходительно улыбалась, и тѣмъ давала великій примѣръ и намъ, кипѣвшимъ отъ негодованія, и тѣмъ, которые поступали такъ неблагородно противъ нея. Что была за великая душа у этой женщины, какъ она умѣла понимать и цѣнить людей, стараясь, однако, всегда и во всѣхъ видѣть только хорошую сторону. Она была очень сообщительнаго характера и любила быть окружена близкими ей людьми; съ ними она дѣлилась своими впечатлѣніями и всегда была одинаково милостива и добра. У нея былъ удивительно ровный характеръ. Никогда нельзя было сказать, на примѣръ, про императрицу Александру Ѳеодоровну, что «въ эту минуту она не въ духѣ, къ ней лучше не приступаться». Она во всю жизнь была для всѣхъ и всегда доступна и готова подать помощь въ какомъ бы видѣ ни было. Сколько слезъ было ею осушено, сколько несчастныхъ осчастливлено, сколько голодныхъ накормлено: она была настоящая мать своихъ подданныхъ, всѣхъ безъ исключенія, понимая и принимая свои обязанности такъ серьезно и высоко; никогда никто не получалъ отказа въ своей просьбѣ, если только была малѣйшая возможность ее удовлетворить. Это была истинно христіанская душа въ полномъ смыслѣ слова, которая проливала только добро вокругъ себя, и часто, очень часто дѣлала добро поевангельски, такъ что «правая рука не знала, что творитъ лѣвая». Ея душа была трогательно дѣтская, чистая и непорочная, оставалась

она такою всю свою жизнь до самой смерти, и эта душевная чистота отражалась на всемъ ея существѣ и во всѣхъ ея дѣйствіяхъ.

Я знаю, что Александрѣ Ѳеодоровнѣ ставили и ставятъ въ укоръ, что она любила только свѣтъ, общество, была расточительна и т. п. Но какъ этотъ укоръ не справедливъ и доказываетъ, какъ люди любятъ напрасно осуждать, не зная сути того, что осуждаютъ.

Въ молодости императрица Александра Ѳеодоровна, какъ уже сказано, дѣйствительно любила и вела вполне свѣтскую жизнь, но развѣ это порокъ, когда при томъ никогда не забываешь свой долгъ жены, матери и царицы.

II.

На лѣто высочайшій дворъ переѣхалъ по обыкновенію въ Петергофъ, живя очень спокойно и уныло; носился строгій трауръ. Великая княгиня Ольга Николаевна оставалась при матери до поздней осени.

Мы всѣ, фрейлины, занимались вышивкой большого ковра, предназначавшагося къ могилѣ государя, чтобъ покрыть пустое мѣсто, ожидавшее Александру Ѳеодоровну, на которое мы не могли хладнокровно смотрѣть.

Я жила, какъ всегда, въ Знаменскомъ съ отцемъ, который видимо слабѣлъ и угасалъ отъ своей болѣзни сердца.

Императрица хворала, была очень грустна и слаба, часто ѣздила на могилу дорогого покойника; переносила жгучее горе съ покорностью волѣ Божіей.

Осада Севастополя продолжалась и поглощала все болѣе и болѣе нашихъ людей; все было мрачно и тяжело. Но ужасна была минута, когда пришла вѣсть о паденіи Севастополя. Императрица Александра Ѳеодоровна была совсѣмъ убита этой вѣстью, хотя ожидала ее со дня на день...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ наше семейство постигло личное горе; 13 числа, какъ уже сказано, отецъ скончался отъ разрыва сердца, оплакиваемый своей семьей и своими подчиненными, любившими его, какъ рѣдко подчиненные могутъ любить. Императрица Александра Ѳеодоровна была очень огорчена его смертью. Государь, всѣ великіе князья и великія княгини отдали послѣдній долгъ вѣрному слугѣ ихъ родителей, присутствовавъ при его отпѣваніи. Сестра же моя, Софія, жившая всегда при отцѣ, немедленно была взята въ свиту императрицы и переѣхала на жительство во дворецъ.

Слѣдующую зиму императрица Александра Ѳеодоровна провела очень дурно; состояніе ея здоровья все ухудшалось. Она страшно тосковала по мужѣ, когда бывала наединѣ, или съ лицами, не стѣсняющими ее; при другихъ она принуждала себя казаться твердой и спокойной духомъ, главное не огорчать своего сына, больше чѣмъ нужно, которому и безъ того было такъ тяжело...

Весной было рѣшено медиками везти императрицу на воды для возстановленія силъ, въ виду предстоящей коронаціи, на которой она хотѣла непременно присутствовать.

Назначены были сопровождать ея величество изъ фрейлинъ графиня Тизенгаузенъ и я. Изъ мужчинъ, состоящій при ея особѣ генералъ-адъютантъ графъ С. О. Апраксинъ и оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ—послѣдній ѣхалъ съ императрицей матерью въ послѣдній разъ, передъ его переходомъ къ новому императору.

Императрица встала съ одра болѣзни, чтобъ пуститься въ путь. Такъ какъ она не могла сама ѣхать въ Казанскій соборъ, чтобъ приложиться къ образу Божіей Матери, какъ вся императорская фамилія имѣетъ обычай это совершать передъ дальнимъ отъѣздомъ изъ Петербурга и по приѣздѣ въ оный, то образъ былъ привезенъ во дворецъ, и въ покояхъ императрицы былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Этотъ отъѣздъ былъ ужасно грустенъ, всѣ рыдали, и остающіеся и отъѣзжающіе. Императрица была до того слаба, что казалось невозможнымъ ее привезти въ живыхъ обратно.

Мы выѣхали изъ Петербурга въ маѣ на Варшаву въ дорожныхъ каретахъ; желѣзной дороги еще не существовало. Ёхали мы «à petites journées», чтобъ ея величество не утомлялась ¹⁾.

Черезъ недѣлю, или десять дней, мы наконецъ добрались до Варшавы и провели нѣсколько дней въ Лазенкахъ для отдыха ея величества. Тамъ погода была уже теплая, и замѣтна была тѣнь улучшения въ состояніи здоровья императрицы. Потомъ мы отправились по желѣзной дорогѣ чрезъ Кенигсбергъ въ Берлинъ.

Въ Кенигсбергъ на встрѣчу своей августѣйшей сестры приѣхалъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и туда же собрались всѣ короли, королевѣ, владѣтельные герцоги, принцы и принцессы всей Германіи привѣтствовать вдову великаго Николая, обаяніе котораго еще царствовало надъ всѣми. Притомъ, всѣ такъ любили и глубоко чтили императрицу Александру Теодоровну, что всякій чувствовалъ потребность ее увидать и выказать свое соболѣзнованіе въ ея великой скорби. Собралось всѣхъ этихъ коронованныхъ особъ человѣкъ около ста, если не болѣе. Между ними былъ король греческій Оттонъ съ супругою, несчастный король ганноверскій—слѣпой, и разные другіе несуществующіе больше теперь, которыхъ жизнь и владычество уже заросли быльемъ. Тамъ императрица оставалась дня два, окруженная всѣми этими гостями, относившимися къ ней съ величайшимъ почтеніемъ и нѣжностью. Затѣмъ ея величество отправилась, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Николаевича, догнавшаго свою мать въ Динабургъ, короля прусскаго и другихъ принцевъ ея братьевъ, прямо въ «Sans-Souci» ²⁾.

¹⁾ Малыми переѣздами.

²⁾ Санъ-Суси—около Берлина.

Только что я вошла въ приготовленную мнѣ комнату въ Потсдамскомъ дворцѣ, меня пришли приглашать въ собраніе «*Marschal soirée*». Усталая съ дороги, я кое-какъ приодѣлась и пошла на это собраніе и тотчасъ же была окружена множествомъ не знакомыхъ мнѣ лицъ, которыя наперерывъ подходили ко мнѣ представляться и рекомендоваться очень любезно; но я была еще молода и до крайности застѣнчива, и меня все это страшно конфузило; сверхъ того, я говорила плохо по нѣмецки; а такъ какъ я носила не русскую фамилію и была дочь пруссачки, то всѣ эти господа хотѣли во что бы то ни стало меня заставить говорить по нѣмецки; мнѣ просто хотѣлось бѣжать вонъ изъ комнаты, тѣмъ болѣе мнѣ было неловко, что по возрасту я была самая младшая изъ фрейлинь и привыкла въ необыкновенныхъ случаяхъ быть за спиной старшихъ, а тутъ я очутилась совершенно одна, все относилось ко мнѣ первый разъ въ жизни, и я совсѣмъ терялась между всѣми этими чужими людьми. Когда я на другое утро рассказала это императрицѣ, она посмѣялась надо мной. Впослѣдствіи я со всѣми этими господами перезнакомилась, передружилась и стала тоже и ихъ «*enfant gatée*». Меня вѣчно всѣ баловали, не знаю уже почему.

При дворѣ Фридриха-Вильгельма IV все были очень престарѣлые люди. За маршальскими обѣдами въ «*Sans-Souci*» я имѣла постояннымъ сосѣдомъ знаменитаго Александра Гумбольдта. Онъ былъ уже весьма преклонныхъ лѣтъ, совершенно сгорбленный, небольшого роста старикъ, и когда говорилъ съ вами, какъ-то своеобразно приподымался всѣмъ тѣломъ, смотря на васъ выразительными, цвѣта бирюзы, глазами; волоса его были совершенно серебристо-бѣлые. Онъ очень много говорилъ про свой «Космосъ», рассказывалъ про свои путешествія и т. д., очень изящно выражался по-французски, а умъ его такъ и блисталъ въ голубыхъ глазахъ. Теперь я бы наслаждалась такимъ постояннымъ собесѣдникомъ, но тогда, признаюсь откровенно, меня гораздо больше «Космоса» интересовали два черные глаза, смотрѣвшіе на меня съ конца стола, и мнѣ очень хотѣлось бы пересѣсть пониже отъ знаменитаго старика, чтобы поболтать съ молодежью, но этикетъ, строго соблюдаемый при прусскомъ дворѣ, этого не позволялъ, и я принуждена была слушать умныя рѣчи Гумбольдта. Какъ я еще была молода и глупа въ то время! Еще тамъ были изъ допотопныхъ стариковъ: фельдмаршалъ Врангель, боготворившій память императора Николая I и не называвшій его иначе, какъ «*mein Kaiser*»¹⁾; между прочимъ онъ очень любезничалъ со мною, очень походилъ на печеное яблоко, одѣтое въ кирасирскій мундиръ, и много болталъ; старый генералъ-адъютантъ фонъ-Гребенъ, оберъ-гофъ-маршалъ гр. Келлеръ, генералъ-адъютантъ Герлахъ и прочіе. Герлахъ очень

¹⁾ Мой императоръ.

любили сладкіе пирожки; когда подавали десертъ, то гр. Келлеръ всякій разъ клалъ два пирожка на тарелку и посылалъ ихъ черезъ офиціанта Герлаху, который, получивъ пирожки, привставалъ съ своего стула и чинно отвѣшивалъ низкій поклонъ Келлеру. Мы объяснили, что эта церемонія происходитъ ровно 40 лѣтъ между этими двумя стариками за каждымъ обѣдомъ.

Императрица провела тогда шесть недѣль въ «Sans-Souci». Въ это время прибылъ въ Берлинъ нашъ новый царь Александръ II, чтобы повидаться съ королемъ прусскимъ, а, главное, съ своей матерью. Императрица, великій князь Михаилъ Николаевичъ и мы всѣ выѣхали въ Берлинъ на встрѣчу государя. Его приняли съ большимъ почетомъ и церемоніей. Такъ какъ онъ въѣхалъ въ прусскую столицу вечеромъ, то была устроена большая иллюминація, колокольный звонъ и проч., и проч. Дня черезъ два его величество приѣхалъ въ «Sans-Souci» и прожилъ тамъ съ августѣйшей матушкой въ семейномъ кругу нѣсколько дней. Въ то же время я имѣла удовольствіе познакомиться и подружиться съ милой принцессой Анной, дочерью принца Карла Прусскаго. Она очень напоминала своимъ ростомъ, таліей и граціей нашу незабвенную покойную великую княгиню Александру Николаевну. Принцесса Анна тогда только-что вышла замужъ за вдовца Александры Николаевны, принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго. Она къ намъ, русскимъ, питала особенную любовь.

Изъ Берлина императрица поѣхала въ Веймаръ навѣстить старшую сестру императора Николая I, великую княгиню Марію Павловну, къ которой государь питалъ всегда глубокое уваженіе и относился, какъ къ матери; пока великая княгиня была жива¹⁾, ни одинъ членъ царской семьи, находившійся за границей, не пропускалъ заѣхать въ Веймаръ засвидѣтельствовать свое почтеніе ея высочеству. Свиданіе этихъ двухъ высокихъ свояченицъ было раздирающее душу, послѣ понесенной ими утраты. Императрица жила у великой княгини въ Бельведерѣ, — загородномъ дворцѣ ея высочества, — равно какъ и мы всѣ. Данъ былъ большой обѣдъ въ честь ея величества и великаго князя Михаила Николаевича. За обѣдомъ этимъ мы пришлось сидѣть около протоіерея Сабинина, духовника великой княгини. Я не подозрѣвала тогда, что семейство его будетъ играть такую громадную роль въ моей жизни.

Послѣ обѣда мы имѣли великое удовольствіе слушать игру знаменитаго Листа. Еще разъ въ жизни, но, увы, послѣдній, я услышала этого гения музыки и фортепіанной игры. Съ тѣхъ поръ никогда больше не приходилось его слышать.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Веймарѣ, императрица отправилась въ Штутгартъ, къ нашей дорогой великой княгинѣ

¹⁾ Она скончалась въ 1859 г., очень преклонныхъ лѣтъ.

Ольгѣ Николаевнѣ. Тамъ я была счастлива и довольна, живя на виллѣ¹⁾ и чувствуя себя совершенно дома между моихъ возлюбленныхъ: императрицы и дочери ея.

Послѣ шести-недѣльнаго пребыванія у своей августѣйшей дочери, императрица отбыла съ нею же въ Вильдбадъ, гдѣ предприняла курсъ лѣченія. Тамъ жили мы тоже 6 недѣль и проводили время очень пріятно. Но почти все время шелъ дождь, и поэтому у насъ, въ шутку, выработалась поговорка «il pleut»²⁾. Однажды императрица нарисовала на бумажкѣ гору и по бокамъ двѣ елки, подписавъ «il pleut», и прислала мнѣ этотъ рисунокъ въ мою комнату; онъ хранится до сихъ поръ у меня; для меня это было очень знаменательно, потому что доказывало, что она опять входитъ въ свою колею и даже начинаетъ понемногу шутить. Я этимъ была такъ счастлива, потому что постоянно дрожала за ея дорогую жизнь.

Въ Вильдбадѣ я узнала довольно много интересныхъ личностей, между прочими, живописца Винтергальтера, который написалъ въ это время портретъ ея величества для императора Александра Николаевича. Извѣстный портретъ Александры Ѳеодоровны въ профиль, натуральный величины, почти до колѣнъ; одѣта вся въ бѣломъ. Винтергальтеръ удивительно хорошо схватилъ сходство лица, равно какъ и всю ея статную и граціозную фигуру. Несмотря на довольно преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе, императрица Александра Ѳеодоровна вполнѣ сохранила свою несравненную грацію и изящность до послѣдней минуты своей жизни. Еще я видала тамъ знаменитаго маэстро Россини, испросившаго честь представиться ея величеству. Онъ былъ уже старъ, очень тученъ и собственно не представлялъ собой ничего замѣчательнаго. Еще я узнала тамъ княгиню Ливенъ, игравшую въ то время большую роль въ политическомъ мірѣ. Она была невѣсткой той княгини Ливенъ, которая была наставницей августѣйшихъ дѣтей императора Павла I и императрицы Маріи Ѳеодоровны; постоянно жила въ Парижѣ уже много лѣтъ, гдѣ имѣла у себя очень вліятельный политическій кружокъ. Она всякую недѣлю писала императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ весьма интересныя письма по своему политическому содержанию; писаны они были на какой-то бумагѣ особеннаго зеленого цвѣта и назывались у насъ «les lettres vertes»; когда такое зеленое письмо приходило, то эта вѣсть распространялась по всему дворцу, и мы, самыя приближенные къ государынѣ, собирались къ ней слушать это письмо, читаемое вслухъ одною изъ фрейлинъ. Очень было интересно познакомиться съ авторомъ этихъ «зеленыхъ писемъ». Княгиня Ливенъ была уже очень преклонныхъ лѣтъ, не могла ходить, ее возили въ креслахъ на колесахъ, но умомъ она была совершенно бодра и свѣжа.

¹⁾ Villa Бергъ подъ самымъ Штутгартомъ.

²⁾ Идетъ дождь.

Въ началѣ августа мы возвратились чрезъ Штетинъ пароходомъ въ Петербургъ. Путешествіе и вильдбадскія ванны принесли императрицѣ видимую пользу, и мы всѣ были такъ счастливы привести ея величество домой совѣтъмъ другою, чѣмъ увозили; силы ея удивительно возстановились. Мы очень веселились на пароходѣ во время этого морского перехода. Съ нами находились разные принцы, отправлявшіеся на коронацію, между прочими, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Пруссійскій¹⁾. Онъ только-что былъ помолвленъ съ принцессою Викторією Англійскою; такой онъ былъ милый, симпатичный, можно сказать, еще юноша. Кто могъ ожидать тогда, что его унесетъ такая страшная болѣзнь! Затѣмъ—принцъ Вильгельмъ Баденскій, женившійся впоследствии на дочери великой княгини Маріи Николаевны, княжнѣ Маріи Максимиліановнѣ Лейхтенбергской; наконецъ, принцъ Леопольдъ Гогенцолернскій, изъ-за котораго загорѣлась франко-прусская война въ 1870 г. Если бы въ то время мнѣ кто нибудь сказалъ, что я буду на этой войнѣ въ качествѣ сестры милосердія, — вотъ посмѣялась бы я и сочла бы это предсказаніе сумасброднымъ, однако же оно было такъ. Вся эта молодежь, плывущая съ нами, въ полномъ цвѣтѣ юности, рѣзвилась и радовалась предстоящимъ празднествамъ.

Въ Петергофѣ мы прожили, кажется, недѣлю и потомъ всѣ поспѣдовали за императрицей-матерью въ Москву, на нѣсколько дней впередъ ихъ величествъ.

III.

Императрица Александра Ѳеодоровна, по прибытіи въ Москву, поселилась со всей своей свитой въ Александрію, а ихъ величества нѣсколькими днями позже проѣхали прямо въ Останкино, имѣніе графа Шереметева, гдѣ прожили недѣлю въ полномъ уединеніи, говѣя къ миропомазанію.

Между тѣмъ въ Москву съѣзжались августѣйшіе и высокопоставленные гости. Приѣхала и великая княгиня Марія Павловна, несмотря на свои преклонныя лѣта, присутствовать на коронаціи своего племянника.

Во время говѣнія ихъ величествъ, пріемъ всѣхъ этихъ высокихъ гостей лежалъ всецѣло на императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что ее, понятно, очень утомляло.

Наканунѣ высочайшаго торжественнаго въѣзда въ столицу, императрица-мать со свитой переѣхала въ Петровский дворецъ, откуда высочайшее шествіе имѣло начаться. Вечеромъ этого же дня ихъ величества прибыли туда же изъ Останкина и были приняты ихъ

¹⁾ Императоръ германскій, скончавшійся 3-го (15-го) іюня 1888 г., отъ рака въ горлѣ.

любящей матерью во дворцѣ съ многолѣтнемъ и задравной литіей. Это была первая глубоко потрясающая минута изъ всѣхъ, которыя были еще впереди; видѣть вдову отца, принимающую въ свои объятія сына и его супругу и благословляющую ихъ на великій шагъ въ ихъ жизни при громкомъ пѣніи «многая лѣта»! Не мало тихихъ, скрытныхъ, но неудержимыхъ слезъ лилось въ эту минуту.

Сама же мать, при всей своей слабости и неутѣшномъ горѣ, которое, несмотря ни на что, изнуряло тайно ея сердце, была удивительно бодрa и крѣпка духомъ. Материнская любовь брала верхъ надъ всѣмъ. Она хотѣла присутствовать при всѣхъ церемоніяхъ, утомительныхъ и потрясающихъ, принадлежащихъ къ коронованію русскихъ царей; при томъ это было коронованіе ея возлюбленнаго сына, ея Саши! И она хотѣла своимъ благословеніемъ и молитвою сопровождать его при каждомъ его шагѣ въ эти великіе для него и для Россіи дни. Твердою волей она преодолѣла свою физическую слабость, все перенесла и выполнила данную себѣ задачу на удивленіе всѣхъ окружающихъ ее.

Можно только удивляться, какъ, при всей нѣжности, добротѣ и мягкости характера императрицы Александры Ѳеодоровны, она была тверда духомъ, когда это требовалось отъ нея. Замѣчательная она была женщина во всемъ и всегда.

А царь-то и сынъ какъ былъ тронутъ и благодаренъ своей возлюбленной матери, вполне понимая и цѣня, что она дѣлала для него и его супруги въ эти серьезные минуты. Вижу еще нашу матушку-императрицу въ день самой коронаціи, какъ она была поразительна во всемъ блескѣ наряда русской царицы, въ порфирѣ и коронѣ! Ея высокій прямой станъ поражалъ своимъ величіемъ и граціей. По окончаніи церемоніи, какимъ твердымъ и величественнымъ шагомъ она первая подошла къ своему коронованному сыну и приняла его въ свои материнскія распростертые объятія. Боже! какая это была потрясающая минута!

Для насъ, свитскихъ фрейлинъ, время коронаціи императора Александра Николаевича было что-то такое сверхъестественно-утомительное, что, я думаю, изъ насъ, оставшихся еще въ живыхъ, свитскихъ фрейлинъ императрицы Александры Ѳеодоровны того времени¹⁾, всякая хорошо помнитъ эти дни. Мы буквально должны были разрываться между обѣими императрицами, и, несмотря на то, что мы по службѣ должны были слѣдовать всюду за императрицей Маріей Александровной, все-таки наша обязанность была не отлучаться отъ императрицы Александры Ѳеодоровны, которая не присутствовала при всѣхъ празднествахъ, послѣдовавшихъ за коронаціею. Наша матушка, какъ мы ее называли, будучи, понятно, все-таки въ очень

¹⁾ Живы только: гр. Гудовичъ, вдова кн. М. И. Голицына, Н. А. Бартеньева и я (1888 г.).

напряженномъ состояніи, часто неожиданно уѣзжала или въ Александрию, или въ Петровское; поэтому мы часто не знали, гдѣ намъ придется ночевать. Напримѣръ, день проведется по службѣ, на высочайшихъ приѣмахъ, обѣдахъ, балахъ, что случалось почти ежедневно, и, возвратясь домой поздно вечеромъ, мы узнавали, что наша возлюбленная матушка уѣхала въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ. Тогда мы сбрасывали нашъ нарядъ и летѣли за нею, гдѣ бы она ни была, и какъ бы поздно ночью это ни было, чтобы на другое утро быть на своемъ мѣстѣ при ея величествѣ. Для насъ было бы ужаснымъ горемъ, если бы она одну изъ насъ потребовала, и она бы не оказалась тутъ, чтобы нашей императрицѣ, какъ мы тоже ее звали, и въ голову не могло прийти, что мы ею пренебрегаемъ и льнемъ къ восходящему солнцу.

Лично для меня это время коронаціи было очень тяжело; во-первыхъ, это положеніе между двухъ императрицъ мнѣ не нравилось—оно совсѣмъ не подходило къ моему характеру. Одну я боготворила и всецѣло ей принадлежала,—къ другой мнѣ надо было привыкать. Во-вторыхъ, я была еще въ траурѣ по отцѣ и, хотя я, по обязанности, и присутствовала на празднествахъ, но на балахъ не танцевала и очень скучала, бродя по заламъ, когда другіе веселились. Въ-третьихъ, умиралъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Виельгорскій, котораго я привыкла любить съ дѣтства и огорчалась его приближающейся кончиной, а, въ-четвертыхъ, кто-то ко мнѣ сватался, и меня очень уговаривали принять это предложеніе, но я чувствовала, что оно дѣлается не ради меня, а ради моего положенія при дворѣ, и мнѣ это было гадко¹⁾. Въ концѣ-концовъ я рѣшительно отказалась отъ этого брака, и тогда успокоилась. Вздохнула я свободно, лишь когда сѣла въ дорожную карету, увозившую меня въ свитѣ нашей матушки за границу. Доктора требовали рѣшительно, чтобы послѣ всѣхъ утомленій и потрясеній императрица Александра Θεодоровна провела зиму въ Ниццѣ, опасаясь тоже для ея шаткаго здоровья за петербургскій климатъ и морозы, которые положительно ея величество не могла больше переносить безъ опасности для жизни.

IV.

Послѣ напутственнаго молебна и прощальнаго завтрака у императрицы матери въ московскомъ Николаевскомъ дворцѣ, мы тронулись въ долгое путешествіе. На этотъ разъ императрицу сопровождали: графиня Тизенгаузенъ, графиня Гудовичъ, баронесса Пиллеръ и я, изъ мужчинъ: графъ С. Ѳ. Апраксинъ и баронъ Петръ Казимировичъ Мейендорфъ съ женою. Послѣдней не могу не посвятить нѣсколько словъ. Это была женщина безусловно умная, до-

²⁾ Была пожалована въ день коронаціи въ камеръ-фрейлины.

нельзя оригинальная, и своими остроумными, шутливыми выходками поражала и занимала всѣхъ. Она была родомъ австріячка, графиня «Bool»¹⁾. Мое первое знакомство съ нею было преоригинально. Мужъ ея, баронъ Мейендорфъ, долго жилъ за границей при различныхъ русскихъ миссіяхъ. Послѣдніе годы онъ былъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ. Уже довольно преклонныхъ лѣтъ онъ возвратился въ Россію и получилъ званіе гофмейстера высочайшаго двора. Это еще было при жизни Николая Павловича. Въ Знаменскомъ дворцѣ, гдѣ наше семейство постоянно проводило лѣто, какъ сказано выше, давался однажды танцевальный вечеръ. Императрица Александра Θεодоровна очень любила Знаменское, принадлежащее лично ея величеству, и во дворцѣ часто давались обѣды, вечера и балы; случалось, что императрица проводила тамъ нѣсколько дней, къ моей великой радости въ дѣтствѣ! Она завѣщала Знаменское сыну своему, великому князю Николаю Николаевичу. Вотъ на этотъ танцевальный вечеръ, вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Петербургъ, были приглашены баронъ и баронесса Мейендорфъ. Какъ-то случилось, что я не представилась баронессѣ по разсѣянности ли, или по увлеченію танцами—не помню. Въ концѣ вечера, когда всѣ стали расходиться, я шла по лѣстницѣ около баронессы и внутренно конфузилась, что ей не была представлена. Вдругъ она надменнымъ голосомъ говоритъ мнѣ: «votre bras»²⁾, чтобы ей помочь сойти съ лѣстницы; я поспѣшила ей подать руку, и такимъ образомъ мы познакомились, а впослѣдствіи очень подружились. У нея былъ холодно гордый видъ, а въ сущности она была добрейшая, мягкосердечная женщина. Во время нашего пребыванія въ Ниццѣ я задумала учиться у нея хорошему нѣмецкому чтенію; она очень хорошо читала понѣмецки, такъ какъ императрица между нами, фрейлинами, не находила хорошей чтенія на ея родномъ языкѣ, и когда случалось читать что нибудь понѣмецки, нужно было прибѣгать къ какому нибудь постороннему лицу. Я ходила къ баронессѣ каждый день брать свой урокъ, но изъ этого ничего не вышло, потому что мы больше проводили время въ пріятныхъ разговорахъ и смѣхѣ—она слова не могла сказать, чтобы не разсмѣшить до упаду. Императрица любила и цѣнила общество этой пріятной женщины.

Изъ Москвы мы опять проѣхали черезъ Берлинъ въ Штутгартъ, тамъ провели довольно долгое время на виллѣ у Ольгѣ Николаевны, которая умѣла всегда такъ успокоительно и благотворно дѣйствовать на свою мать. У нея императрица вполне отдохнула отъ утомительнаго времени коронаціи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы отправились въ Ниццу, куда великая княгиня Ольга Николаевна должна была позже прибыть, чтобъ провести зиму съ матерью.

¹⁾ Буоль.

²⁾ Вашу руку.

Путь нашъ лежалъ черезъ Бернардино; на «Via mala» мы, три фрейлины, подверглись страшной опасности, которая могла намъ стоить жизни.

Императрица ѣхала впереди съ графиней Тизенгаузенъ въ легкомъ экипажѣ, за ней слѣдовала, гуськомъ, вся ея свита, въ нашихъ большихъ, тяжелыхъ, русскихъ дорожныхъ экипажахъ. Графиня Гудовичъ, баронесса Пиллеръ и я сидѣли въ восьмирессорной, четырехмѣстной каретѣ, нагруженной важами, разными баулами и ящиками, какъ это въ то время еще практиковалось; это было не экипажъ по теперешнимъ понятіямъ, а какой-то движущійся домъ въ видѣ башни. Мы, три молодыя дѣвушки, очень интересовались мѣстностью, по которой проѣзжали въ первый разъ, придумали, чтобы лучше наслаждаться зрѣлищемъ горъ, насъ окружавшихъ,—зрѣлищемъ, дѣйствительно поражающимъ своимъ величіемъ и поэзіей,—выйти изъ душной кареты, заграждающей намъ всѣ прелести этого пути, и пересѣсть на лакейскія мѣста; графиня Гудовичъ и баронесса Пиллеръ устроились на широкихъ запяткахъ въ видѣ коляски, а я сѣла на небольшія козла въ видѣ высокаго торчка. Почтальонъ управлялъ, сидя верхомъ, шестью большими сильными лошадьми, а лакея, сопровождавшаго насъ, мы посадили въ карету. Вотъ ѣдемъ мы, такимъ образомъ, очень весело и благополучно, восхищаясь гористою мѣстностью и нашей выдумкой, пока мы подымались въ гору!... Начинается спускъ; мы ѣдемъ хорошо... спускъ становится круче... колеса хотя и заторможены,—карета спускается быстро, несмотря на свою тяжесть; наконецъ чувствуется, что ѣзда дѣлается слишкомъ ускоренною, я обращаю вниманіе на почтальона и замѣчаю, что онъ что-то очень возится, и лошади у него путаются... я ему кричу понѣмечки, чтобы онъ держалъ лошадей... онъ отвѣчаетъ «ich kann nicht!»¹⁾ Карета мчится во весь духъ, уклоняясь все влѣво къ пропасти. Нужно сказать, что «Via mala» находится на вершинѣ Бернардино, и потому, можно себя представить, что за пропасть зіяла по нашей лѣвой сторонѣ. Наше удовольствіе мало-по-малу превращается въ ужасъ! Лошади несутъ; нашъ рыдванъ покачивается со стороны на сторону, какъ щепочка, и все тянется больше и больше къ пропасти, къ коей, вѣроятно, дорога имѣла уклонъ. Вдругъ лошади со всего размаха кидаются влѣво, и передняя пара уже виситъ надъ пропастью, а задняя четверка барахтается на краю оной, еще мгновеніе... и вся эта машина съ нами полетѣла бы въ потокъ, бурлившій у подножія горы и казавшійся узенькою ленточкой съ этой громадной высоты. Тутъ уже Господь Богъ, видимо заступился за насъ! Карета получаетъ сильный толчекъ и мгновенно останавливается, зацѣпившись за гнилой пенъ, у самой пропасти, такъ что оба лѣвья

¹⁾ Я не могу.

колеса, переднее и заднее, висятъ надъ нею, а весь шестерикъ карабкается на крутомъ склонѣ и держится только постромками за карету, висящую на гнилушкѣ! До сихъ поръ морозъ по кожѣ подираетъ, когда припоминаю это положеніе... Мои подруги съ запятокъ не могутъ соскочить, потому что съ лѣвой стороны пропасть и прямой обрывъ, такъ что немислимо удержаться, а съ правой стороны фартукъ запятокъ наглухо зашить; въ этотъ моментъ, полный ужаса, потому что гнилушка трещить и время дорого, къ нашему счастью, буквально, слетаетъ съ противоположной горы охотникъ, разрѣзаетъ ударомъ своего ножа злосчастный фартукъ и помогаетъ моимъ подругамъ выйти изъ этого страшнаго положенія. Я же сама съ большими усиліями освобождаюсь отъ своего фартука, къ счастью моему, не зашитаго, а туго затянутаго, а то бы отъ толчка кареты мнѣ пришлось неминуемо слетѣть, и соскакиваю съ своей вышки на дорогу съ правой стороны... можно себя представить наше состояніе! Докторъ Карель, ѣхавшій за нами, видя нашу неминуемую гибель, выскочилъ отъ страха изъ своего экипажа и бѣжалъ за нами съ распростертыми руками, блѣдный, какъ полотно. Первые его слова были: «Васъ Богъ спасъ!» Со стороны, я думаю, еще страшнѣе было видѣть эту мчавшуюся карету прямо въ пропасть съ сѣдоками, почтальономъ и лошадьми. Лакей нашъ, нѣкто Мѣлинъ, вылѣзъ полумертвый изъ кареты. Пожалуй, мы благую часть избрали, не сѣвъ въ эту клѣтку; все лучше видѣть, что съ вами происходитъ, когда грозитъ опасность.

Тутъ стали спасать лошадей, которыя, скользя по утесу и стараясь прицѣпиться за что нибудь, изображали изъ себя какой-то живой клубъ, — вытаскивать экипажъ, словомъ приводить все въ порядокъ, что взяло не мало времени.

Когда мы перекрестились и поблагодарили Бога за спасеніе, первая наша мысль, конечно, была о нашей дорогой матушкѣ, какъ она будетъ беспокоиться, видя, что мы такъ опаздываемъ на ночлегъ, который былъ по срединѣ спуска въ какой-то избушкѣ. Пока перепрягали лошадей, мы, по совѣту Кареля, пошли пѣшкомъ впередъ, чтобы успокоиться.

Когда нашъ злополучный экипажъ насъ догналъ, мы принуждены были влѣзть въ карету, представлявшуюся теперь намъ мѣстомъ пытки, но такъ какъ оставалось довольно много еще ѣзды до мѣста перемѣны лошадей, нечего было дѣлать, надо было отправляться какъ можно скорѣе въ путь. На этотъ разъ намъ было уже не до видовъ... мы рѣшились войти въ карету, но положеніе наше было ужасно, намъ все казалось, что карета катится къ пропасти, и мы всѣ три держались за правую дверцу, которую не запирали крѣпко съ намѣреніемъ, въ случаѣ бѣды, выскочить поскорѣе. Въ настоящее время (1888 г.) этому происшествію ровно 32 года, — я до сихъ поръ сохранила это чувство, — когда ѣду въ

экипажъ и если онъ наклоняется даже немного на лѣвую сторону, то мнѣ дѣлается очень непріятно, хотя я вовсе не труслива и собственно ничего не боюсь, да и съ тѣхъ поръ были со мною другіе опасные случаи разнаго рода! До слѣдующей станціи, откуда уже ея величество давно отбыла, мы доѣхали благополучно, но продолжать путешествіе въ этомъ постоянномъ страхѣ, вися на дверцѣхъ кареты, было невысказуемо, и мы объявили, что ни подъ какимъ видомъ больше не сядемъ въ нашу колымагу. Послѣ большой возни на этой станціи, чтобъ найти себѣ экипажъ поменьше, мы наконецъ добились своего, и намъ подали какую-то удивительную каріолку, двухмѣстную, узенькую, въ пару лошадей, въ которую мы помѣстились втроемъ, какъ могли, съ почтальономъ на козлахъ, и предовольныя пустились въ дальнѣйшій путь, бросивъ свой рыдванъ съ лакеемъ на произволъ судьбы. Но недолго мы такъ спокойно ѣхали; съ нами случилось опять маленькое происшествіе. Мы встрѣтили по дорогѣ громадное стадо воловъ, которые своими огромными рогами чуть не перевернули нашу низенькую каріолку, но криками нашего кучера и пастуховъ мы, наконецъ, выпутались изъ этого рогатаго легіона и поѣхали дальше. День уже клонился къ вечеру, мы потеряли много время со всей этой возней. Всѣ экипажи свиты прослѣдовали впередъ, не имѣя возможности насъ забрать потому, что въ подобныхъ путешествіяхъ всѣ мѣста рассчитаны, и при томъ намъ не хотѣлось уже разставаться въ нашей бѣдѣ; экипажи же не могли ѣхать медленно за нашей парой лошадей, которыя еле подвигались. Словомъ, мы остались совсѣмъ одни. Совершенно смерклось. Мы проѣзжали по дремучему лѣсу, но, къ счастью, взошла луна и освѣтила намъ путь. Зрѣлище было великолѣпное! Мы восхищались, болтали и смѣялись втроемъ, позабывъ уже о грозившей намъ опасности; молодость брала верхъ надъ всѣмъ и входила въ свои права! Становилось уже поздно, а мы все не доѣзжали до ночлега. Однако же, мало-по-малу, началъ насъ разбирать страхъ; ночью, въ густомъ лѣсу, съ чужимъ человекомъ, стало казаться намъ немного непріятнымъ. Тогда, чтобъ придать себѣ храбрости, мы попросили графиню Гудовичъ спѣть что нибудь; у нея былъ чудный сопрано, и она прелестно пѣла малороссійскія пѣсни. Эти звуки, раздавшіеся по дремучему лѣсу, на чужбинѣ, производили такое тихое, отрадное чувство на душѣ! Когда она замолкала, то нашъ молодой возница поворачивался и съ сіяющей отъ восторга улыбкой говорилъ: «Singen sie noch»¹⁾; его добродушная фигура насъ окончательно ободрила, и мы уже совсѣмъ спокойно ѣхали въ нашей каріолкѣ. На ночлегъ мы добрались очень поздно; насъ встрѣтили всѣ въ ужасной тревогѣ. Императрица страшно безпокоилась; ее почти принудили лечь хотъ

¹⁾ Спайте еще.

въ постель — о снѣ не было и рѣчи. Графиня Тизенгаузенъ была особенно въ отчаяніи, узнавъ отъ Кареля, что съ нами случилось; она обожала свою племянницу Нину Пиллеръ; камеръ-фрау ея величества, m-me Рорбекъ ¹⁾, довѣренное лицо императрицы, насъ встрѣтила съ ворчаньемъ. Она всегда на всѣхъ ворчала, начиная съ самой императрицы, на всѣхъ ея дѣтей и даже иногда на императора Николая Павловича; она была вполне хорошая, честная женщина, ее всѣ очень почитали, хотя и побаивались. Тутъ же общимъ совѣтомъ мы рѣшили скрыть отъ ея величества случившееся съ нами страшное происшествіе, потому что на другой день предстоялъ опять длинный спускъ, и опасались, что она будетъ слишкомъ тревожиться за всѣхъ. М-me Рорбекъ пошла сказать ея величеству что-то такое, кажется, что у насъ лошади не шли, и что поэтому мы такъ запоздали. Лишь спустя довольно долгое время, мы рассказали императрицѣ всю правду, и, несмотря на это, нашъ рассказъ произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе, такъ ея величество всегда заботилась и любила окружающихъ ее.

На другой день мы опять тронулись въ путь рано утромъ тѣмъ же порядкомъ. Но лично мы, три фрейлины, иначе устроились. Графиня Гудовичъ сѣла въ карету графа Апраксина, а баронесса Пиллеръ и я предпочли всему нашу излюбленную каріолку, которую на этотъ разъ запрягли въ четыре лошади, и весь нашъ поѣздъ благополучно и въ порядкѣ доѣхалъ и спустился въ Ломбардію, въ городокъ Домодоссоло, гдѣ мы провели сутки для отдыха императрицы.

Какъ прелестна эта мѣстность! Когда послѣ лѣсистаго темнаго Бернардино вѣѣжаешь въ этотъ маленький городокъ, имѣющій уже совсѣмъ итальянскій характеръ, чувствуешь какую-то невыразимую веселость и бодрость. Солнце какъ-то иначе свѣтитъ и обдаетъ васъ своимъ пріятнымъ жаромъ! Массы народа встрѣтили нашъ мчавшійся поѣздъ, съ побрякушками, щелканіемъ бичей и проч. Народъ такой привѣтливый, живой, веселый, въ своихъ праздничныхъ костюмахъ, составлялъ такую разнообразную картину. Все улыбалось, все стремилось посмотреть на русскую царичу и на ея сѣверныхъ подданныхъ; это была такая рѣдкость въ то время! Тутъ были и восторженные крики, и забрасыванія цвѣтами, и выраженіе удивленія на наши колымаги, покачивающіяся со стороны на сторону отъ быстрой ѣзды. Словомъ, впечатлѣніе было самое радужное, въ особенности послѣ пережитыхъ нами накануне ужасовъ.

¹⁾ Г-жа Рорбекъ состояла при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ около 40 лѣтъ, сперва старшей камеръ-юнгферой, а по смерти г-жи Элизъ была сдѣлана камеръ-фрау. Послѣ кончины государыни она жила на покой въ Зимнемъ дворцѣ и была посѣщаемая всей царской семьей. Скончалась въ 1889 году.

Въ Домодоссоло съ императрицей былъ... даже не знаю, какъ назвать... ну, положимъ, маленький инцидентъ, не представляющий ровно ничего особеннаго и совершенно обыкновенный, но возбудившій такіе глупые толки, что я считаю своею обязанностью здѣсь о немъ упомянуть, чтобы доказать всю нелѣпость напраслинъ, взводимыхъ на императрицу Александру Ѳеодоровну ¹⁾.

Послѣ обѣда ея величество отдыхала, и, по обыкновенію, я при ней сидѣла. Подъ окнами занимаемой императрицей гостиницы заиграла шарманка самаго простого свойства; играла она итальянскіе мотивы, и между прочими одна пѣсенка очень характерная понравилась ея величеству, и она приказала мнѣ спросить, что это такое; выйдя на балконъ, я спросила у ободраннаго шарманщика, что онъ играетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ: «la bella Dgigugina» ²⁾. Императрица приказала мнѣ что нибудь дать шарманщику и велѣла повторить этотъ мотивъ. Я вынула изъ кармана пятифранковую монетку и собственноручно опустила ее въ грязную шапку шарманщика. Кажется, это просто? Впослѣдствіи мы узнали, что это была самая революціонная гарибальдійская пѣсня. Императрица, узнавъ это, посмѣялась и пошутила надъ собою, что ей понравилась революціонная пѣсня, — тѣмъ все и кончилось и, конечно, позабылось нами, какъ всякіе мелкіе факты обыденной жизни.

Что же наша добрая русская публика вывела изъ этого? Что императрица Александра Ѳеодоровна въ послѣдніе годы своихъ поѣздокъ за границу бросала горстями золото въ окно и именно больше всего шарманщикамъ!.. Ну, можно ли выдумывать такую чепуху?! И кто только занимается такими нелѣпостями? Эта молва такъ распространилась въ публикѣ и такъ держится крѣпко и упорно, что даже еще теперь (1888 г.), когда рѣчь пойдетъ о нашей незабвенной дорогой императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, всегда припомнятъ ей эту лживую, нелѣпую басню. Еще надняхъ я имѣла разговоръ съ одной барыней, которая, не зная совсѣмъ моихъ отношеній къ императорской фамиліи, рассказала мнѣ эту исторію про императрицу, какъ самый вѣрный фактъ. Хорошо же она попала! Я ее выслушала терпѣливо до конца, а потомъ отпѣла ей такую нотацію, что, вѣроятно, она больше про этотъ вздоръ не заговоритъ.

Отдохнувъ, какъ сказано, въ Домодоссоло, мы прослѣдовали на

¹⁾ Въ 1896 году я читала въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ни на чемъ не основанные отзывы о расточительности императрицы Александры Ѳеодоровны въ «Разсказахъ объ императорѣ Николаѣ I», сообщенныхъ г. Эвальдомъ, гдѣ онъ затрогиваетъ даже характеръ ея величества; меня это возмутило до глубины души, и я сейчасъ же послала опроверженіе въ «Русскій Архивъ». Прибавлено авторомъ сихъ воспоминаній въ 1897 году.

²⁾ Белла Джигуджина! — не могу перевести, сама не зная, что это означаетъ; это — на народномъ ломбардскомъ нарѣчій.

другой день въ Геную; за нѣсколько времени до прїѣзда туда, уже не упомию, въ какомъ мѣстѣ, встрѣтилъ императрицу двоюродный братъ короля сардинскаго—принцъ Кариніанскій, и сопутствовалъ императрицѣ до Генуи. Изъ себя онъ не представлялъ ничего особенно интереснаго, былъ малоразговорчивъ, довольно тученъ и грузенъ, и его умъ казался такимъ же тяжелымъ. Онъ все время (нѣсколько часовъ ѣзды) простоялъ въ вагонѣ въ полной формѣ, и никакія увѣщанія ея величества не могли его убѣдить сѣсть. Съ нимъ прибылъ генералъ-адъютантъ короля—Саласко и камергеръ Далліе; послѣдніе назначались состоять при ея величествѣ на все пребываніе ея въ Ниццѣ, тогда еще сардинской.

Въ Генуѣ императрица была встрѣчена королемъ Викторомъ-Эммануиломъ съ необычайною торжественностью; онъ принялъ ея величество на дебаркадерѣ желѣзной дороги и потомъ сопровождалъ ее со всѣмъ своимъ штабомъ, верхомъ, самъ красуясь около дверцы коляски, до своего дворца, приготовленнаго имъ для пріема нашей государыни.

Улицы, по которымъ мы проѣзжали въ нарядныхъ экипажахъ сардинскаго двора, были наполнены войсками, стоявшими шпалерами по обѣимъ сторонамъ, публикой, народомъ, флагами, цвѣтами, коими осыпали императрицу и насъ тоже, хорами музыки, игравшими русскій гимнъ, виватами—«a l'imperatrice di Russia»¹⁾, словомъ, «galant-huomo»²⁾ ничего не забылъ и старался выказать всевозможную любезность и восторгъ высокой вдовѣ того, противъ котораго два года назадъ онъ такъ жестоко сражался.

Императрицѣ было тяжело и непріятно ѣхать въ Сардинію, и такъ какъ она была всегда и во всемъ очень откровенна, пряма и тверда въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, то въ первую же минуту, какъ только Викторъ-Эммануилъ вошелъ въ вагонъ, чтобъ представиться ея величеству и поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ, императрица ему прямо высказала то, что тяготило ея сердце, а именно, что «только непреодолимые обстоятельства могли заставить ея величество прїѣхать въ его владѣнія»... Король видимо смутился и перемѣнился въ лицѣ. Мы всѣ немного испугались, не зная, что изъ этого можетъ выйти. Но императрица Александра Θεодоровна, которая иногда умѣла ошеломить человѣка, когда хотѣла,—по добротѣ же сердечной это случалось съ нею очень рѣдко,—умѣла тоже сейчасъ же его ободрить добрымъ словомъ. Она имѣла, какъ никто, эту способность, и въ этотъ разъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, ей стало жаль сконфуженнаго короля, и она, со свойственною только ей обаятельною сердечною любезностью, заставила Виктора-Эммануила склонить передъ нею свою

¹⁾ Россійская императрицъ.

²⁾ Честный человѣкъ—прозвище, которымъ пользовался Викторъ-Эммануилъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXI.

гордую, но повинную голову; а впоследствии онъ имѣлъ къ императрицѣ,—если можно выразиться такъ,—нѣжное почтеніе, которое онъ старался выказывать, когда и какъ только могъ; онъ держался передъ императрицей, какъ почтительный ученикъ, ожидающій только приказаній, чтобы броситься ихъ исполнить съ восторгомъ.

Король Викторъ-Эммануилъ былъ замѣчательно невзраченъ наружною; средняго роста, онъ былъ коренастый, неотесанный обрубокъ, имѣлъ нагло-гордый видъ, вскидывалъ постоянно голову, выпучивая глаза и стараясь взглядомъ внушать страхъ; но въ сущности онъ былъ добродушенъ, имѣлъ рыцарскія чувства, въ разговорѣ былъ боекъ и рѣзокъ и выказывалъ нѣкоторую остроту, весьма оригинальную подчасъ своею дикостью; вообще, когда его узнавали ближе, онъ скорѣе былъ пріятный, чѣмъ непріятный собесѣдникъ.

Дворецъ въ Генуѣ, въ коемъ мы провели два дня, представляеть изъ себя что-то магическое своимъ положеніемъ на возвышенномъ мѣстѣ, надъ самымъ портомъ, имѣя всю Геную у своего подножія.

Прибывъ въ наши великолѣпные апартаменты, мы успѣли только немного вздохнуть послѣ нашего долгаго, утомительнаго пути и торжественнаго вѣзда, какъ пришли насъ приглашать къ королевскому столу. Переодѣвшись въ большіе парадные туалеты, очень нарядные, мы отправились на этотъ замѣчательный для насъ обѣдъ. Императрица, само собою разумѣется, была не въ силахъ послѣ такого утомленія присутствовать на такомъ банкетѣ, данномъ впрочемъ въ ея честь. Графиня Тизенгаузенъ, вѣроятно, почувствовавъ усталость, тоже отказалась отъ обѣда, не обдумавъ, конечно, что мы, три молодыя фрейлины, не имѣвшія права отказаться по той же причинѣ, очутимся одни посреди 50 или болѣе мужчинъ разнаго возраста, званія и положенія.

При этомъ дворѣ не было дамъ. Викторъ-Эммануилъ вдовѣлъ уже давно, а его дочь, принцесса Клотильда¹⁾, была еще подросткомъ и оставалась съ своими гувернантками въ Туринѣ.

Намъ было ужасно неловко посреди этой массы мужчинъ, смотрѣвшихъ на насъ въ упоръ, нисколько не стѣняясь. Но что дѣлать! Усѣлись за столъ послѣ обычныхъ представленій и церемоній. Король посрединѣ стола, имѣя около себя съ правой стороны графиню Гудовичъ, съ лѣвой меня; я сидѣла между нимъ и Кавуромъ, извѣстнымъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, а графиня Гудовичъ—между королею и принцемъ Кариніанскимъ; баронесса Пиллеръ противъ короля, имѣя по обѣ стороны—министра двора Нигра и... не упомяну, кого именно.

Всѣ три мы не смѣли смотрѣть другъ на друга, чтобы не расхохотаться, такъ намъ это положеніе—быть однимъ посреди нѣ-

¹⁾ Впоследствии супруга принца Наполеона «Plon—plon».

сколькихъ десятковъ мужинъ, пожирающихъ насъ глазами, какъ коршуны, казалось ново и смѣшно и тоже не нравилось нашимъ русскимъ кавалерамъ—барону Мейендорфу¹⁾, а въ особенности графу Апраксину, бывшему старинныхъ правилъ и очень щепетильнымъ насчетъ приличія для молодыхъ дѣвушекъ; имѣя самъ двухъ дочерей, онъ очень ворчалъ на графиню Тизенгаузенъ за ея невниманіе къ намъ.

Обѣдъ былъ изященъ во всѣхъ отношеніяхъ; сардинскій дворъ былъ великолѣпно и очень нарядно обставленъ. Король сидѣлъ, упираясь руками на свою саблю, а подбородкомъ на руки, ни до чего не дотрогивался, даже не развертывалъ салфетки, увѣряя насъ, что онъ ѣстъ и пьетъ разъ въ сутки—только въ 11 часовъ вечера, но тогда «ѣстъ и особенно пьетъ очень плотно». Онъ безъ умолку съ нами болталъ, не стѣсняясь въ выборѣ своихъ разговоровъ; извѣстно, что обхожденіе его съ женскимъ поломъ было довольно свободно, чтобы не сказать—очень свободно; въ этомъ отношеніи онъ велъ себя очень прилично съ нами, но анекдоты, которыми онъ насъ занималъ и смѣшилъ, были далеко не того же свойства; онъ намъ того наговорилъ, что мы не знали, куда и смотрѣть,—лукаво прищуриваясь на насъ и крутя свой громадный усъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ казался такимъ «*bon enfant*», что негодовать на него не было возможности.

Наконецъ, наша оригинальная пытка кончилась. Насъ отпустили на свободу, и мы всѣ три побѣжали прямо къ нашей матушкѣ подѣлиться впечатлѣніями, пережитыми нами. Много было смѣху, когда мы ей все подробно рассказывали. Но ея величество была не совсемъ довольна графиней Тизенгаузенъ; императрицѣ и въ голову не могло прійти, что графиня насъ оставитъ однихъ посреди этого мужского двора.

Вечеромъ, мои подруги отправились въ «*spectacle de gala*»²⁾, данный по случаю пріѣзда русскихъ гостей, а я осталась дома, такъ какъ императрица не ѣхала въ театръ, и необходимо было, чтобы кто нибудь находился при ея величествѣ.

Мы съ Алиной Гудовичъ вдвоемъ занимали прелестную квартиру въ верхнемъ этажѣ дворца. Наши окна выходили на море, видъ былъ восхитительный; бухта была освѣщена луной, и сотни кораблей, стоящихъ въ гавани, представляли своими разнообразными формами и мачтами волшебное зрѣлище. Я, радуясь отдохнуть спокойно, устроилась у окна, чтобъ писать письма и пометтать. Мало-по-малу я стала припоминать о нашемъ удивительномъ обѣдѣ; въ голову невольно пришелъ мнѣ тоже удивительный разговоръ съ Викторомъ-Эммануиломъ, я стала его разбирать подробно въ умѣ, и мнѣ

¹⁾ Баронесса путешествовала отдѣльно отъ ея величества.

²⁾ Торжественный спектакль.

сдѣлалось какъ-то не по себѣ одной въ этихъ громадныхъ высокихъ покояхъ, полныхъ старины.... Вдругъ, мнѣ пришла глупая мысль — ну, если «galant-huomo» придетъ въ голову намъ сдѣлать визитъ не въ обычный часъ?!... Сознаюсь, что нужно быть очень молодой, неопытной и съ пылкимъ воображеніемъ, чтобы возымѣть такую мысль, но я была и молода, и неопытна, и съ очень пылкимъ воображеніемъ,—и разъ, что эта мысль зародилась во мнѣ, я уже не могла отъ нея отдѣлаться. Чѣмъ становилось позднѣе, тѣмъ страхъ мой возросталъ. Рѣшительно никого не было около меня во всемъ этажѣ; мы отпустили нашихъ дѣвушекъ и всю нашу русскую прислугу тоже въ театръ. Наконецъ, я рѣшилась пройти по всей нашей длинной анфиладѣ комнатъ, чтобы произвести рекогносцировку, что меня вовсе не утѣшило, потому что я натыкалась на массу потаенныхъ дверей, лѣстницъ, чулановъ и проч., какъ обыкновенно бываетъ въ старинныхъ жилищахъ такого рода. Нужно сказать, въ свое оправданіе, что въ теченіе разговора своего за обѣдомъ Викторъ-Эммануилъ, поглядывая многозначительно на насъ и крутя свой длинный усъ, предупреждалъ насъ, что изъ нашихъ апартаментовъ потаенная лѣстница ведетъ прямо къ нему въ кабинетъ; это-то меня пуще всего и смущало. Я начала заглядывать во всѣ углы и за всѣ занавѣси и въ концѣ концовъ наткнулась таки въ одномъ изъ алькововъ на потаенную дверь,—я ее открыла, и передо мной представилась узенькая, очень ярко освѣщенная лѣстница.... не было сомнѣнія, лѣстница вела прямо въ кабинетъ «galant-huomo», и онъ насъ предупреждалъ не напрасно, воображая себѣ, что мы въ родѣ итальянокъ... Страхъ мой увеличивался, воображеніе все больше и больше разыгрывалось... Наконецъ, очень поздно вечеромъ пріѣхала изъ театра Алинъ, и, видя мое перепуганное лицо, не понимала, что могло случиться со мною; я сообщила ей свои опасенія; сперва она стала надо мной смѣяться; но когда я ей напомнила разговоръ короля и показала въ доказательство потаенную, освѣщенную лѣстницу—неоспоримый фактъ—то и ей стало тоже не по себѣ, или, лучше сказать, ее страхъ разобралъ, хотя она была и постарше меня; но, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, она рѣшила, повидимому, сдѣлать самое простое—замкнуть дверь, но оказалось, что и помину не было о замкѣ или задвижкѣ; положеніе становилось самое непріятное. Тогда мы придумали заслонить эту злосчастную дверь столами и стульями; вздумано—сдѣлано! — мы нагромодили всякую мебель, и тогда только немного успокоились и рѣшились лечь спать, потому что усталость насъ одолѣвала.... Только что мы улеглись и не успѣли еще заснуть.... слышимъ шорохъ на этой лѣстницѣ, кто-то положительно по ней поднимается; мы притаились,—ни живы, ни мертвы! Шаги приближаются.... они уже у двери.... сердце совсѣмъ упало отъ страха... Наконецъ, стучатся въ дверь—мы молчимъ и еле дышимъ.... стучатся вторично—

отвѣта нѣтъ. Вдругъ слышимъ за дверью.... «Aber, meine Damen, was antworten sie nicht?»...¹⁾ это голосъ madame Рорбекъ!... Тутъ мы вскакиваемъ обрадованныя, отодвигаемъ наши барикады и впускаемъ ее; видя такой безпорядокъ у насъ, m-me Рорбекъ, конечно, ничего не понимаетъ и думаетъ, что мы несомнѣмъ въ здоровомъ умѣ; мы ей сейчасъ же все разясняемъ!... ну, и посмѣялась же она надъ нами! Оказалось, что нашей матушкѣ не спалось; она стала беспокоиться за насъ обѣихъ, вѣроятно, припоминая переданный нами ея величеству разговоръ съ королемъ, и она послала m-me Рорбекъ, въ своей всегдашней заботѣ, посмотреть, что у насъ дѣлается, и узнать, хорошо ли и покойно ли намъ, а страшная потаенная лѣстница, причинившая намъ столько опасеній, вела не къ Виктору-Эммануилу, а прямо къ нашей дорогой императрицѣ.

На другой день мы осматривали Геную; ѣздили на виллу Паллавичини, въ знаменитомъ саду коей императрица провела нѣсколько часовъ, сидя въ тѣни столѣтнихъ деревьевъ, а вечеромъ мы перешли на нашъ пароходъ «Олафъ», чтобы отплыть въ Виллафранку. Вечеръ былъ восхитительный, море какъ зеркало. Король провожалъ свою высокую гостью, со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ. Весь большой дворцовый садъ, доходящій до самого моря, былъ иллюминированъ. Изъ дворца идетъ подземный коридоръ, выходящій на самую пристань. Императрицу несли на носилкахъ—она не могла много ходить отъ слабости, а коридоръ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ полъверсты длины, если не больше; король и обѣ свиты ихъ величествъ сопровождали императрицу. Это шествіе освѣщалось факелами и представляло весьма оригинальный «Fackelzug» по этой сводчатой галлерей. Когда же мы вышли изъ двери, представилось нашимъ глазамъ восхитительное зрѣлище.

Эти миллионы огней, обливающіе и рейдъ и садъ и отражающіеся въ водѣ, казались чѣмъ-то сверхъестественнымъ! Одинъ «Олафъ», готовящійся къ отплыву, стоялъ по срединѣ рейда, какъ черная масса. Тутъ императрица распростилась дружески съ королемъ, поблагодаривъ его за радушный пріемъ; онъ обѣщался навѣстить ея величество зимою въ Ниццѣ, и мы поплыли на нашъ родной пароходъ.

V.

Въ Ниццѣ для императрицы была нанята русскимъ дворомъ, villa банкира «Avigdor»²⁾ на «Promenade des anglais». Король предлагалъ свой дворецъ ея величеству, но это предложеніе было отклонено государыней; тогда онъ просилъ позволеніе, по крайней

¹⁾ Но, мои дамы, что же вы не отвѣчаете?

²⁾ Вилла Авигдоръ на Англійской набережной.

мѣръ, устроить нанятый домъ приличнымъ образомъ, и поэтому нашимъ дворомъ взята была нѣкоторая недостающая мебель изъ ницскаго дворца, чтобы не слишкомъ обидѣть отказами на всѣ предложенія короля.

Домъ банкира Авидоръ былъ довольно мило устроенъ, но безъ всякой роскоши; вообще роскошь избѣгалась императрицею Александрою Оеодоровной, насколько возможно было въ ея высокомъ положеніи, а за границей тѣмъ болѣе, вопреки тому, что послѣ ея кончины распространилось ложнаго на счетъ ея любви къ роскоши.

Предложеніе же собственныхъ своихъ лошадей королемъ, для выѣздовъ ея величества, было принято императрицею. Тильбюри же ея привезенъ былъ на «Олафъ» изъ Петербурга.

Жизнь наша въ Ниццѣ потекла мирно и спокойно. Нѣсколько времени спустя, прибыла туда и великая княгиня Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Трое сыновей ея величества, великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, пріѣзжали попеременно въ Ниццу, чтобы провести по нѣсколько недѣль съ августѣйшей матерью. Всѣ дѣти окружали мать свою такою любовію и такими сердечными заботами, не допуская, чтобы она оставалась безъ кого либо изъ членовъ семьи. Счастлива была эта мать своими дѣтьми, а она-то какъ ихъ любила! Братья императрицы — принцы прусскіе, тоже пріѣзжали въ Ниццу навѣщать августѣйшую сестру.

Для насъ же, фрейлинъ, это было очень счастливое время. Мы почти весь день проводили при нашей дорогой матушкѣ, начиная съ утренняго завтрака. Кофе подавался императрицѣ и намъ отдѣльно, но за однимъ столомъ. Она имѣла всегда свой собственный маленькій приборъ и любила сама для себя распоряжаться. Для меня же императрица дѣлала исключеніе, она всегда наливала мнѣ сама чашку кофе по старой памяти дѣтства моего и, какъ бы въ оправданіе передъ моими товарищами, чтобы ихъ не обидѣть, прибавляла, что она знаетъ, что Маша любитъ пить кофе ея приготовления. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ, въ сущности, фактѣ не для хвастовства, а только, чтобы показать нагляднѣе всю тонкость чувствъ, даже въ самыхъ мельчайшихъ обстоятельствахъ, этой несравненной женщины. Конечно, моимъ товарищамъ и въ голову не приходило мнѣ завидовать; мы слишкомъ были въ хорошихъ отношеніяхъ для этого, въ особенности Алинѣ Гудовичъ, бывшей моимъ лучшимъ другомъ; притомъ императрица умѣла такъ равнять всѣхъ если не однимъ, то другимъ. Послѣ завтрака занимались чтеніемъ или писаніемъ. По утрамъ чтеніе было всегда самаго серьезнаго или ученаго содержанія; читались тоже газеты. Послѣ обѣда и вечеромъ читали ея величеству какіе нибудь мемуары или новые романы и т. п. Въ это время она постоянно что нибудь работала.

Императрица имѣла привычку каждый день вести свой дневникъ,

съ своихъ юныхъ лѣтъ. Для этого у нея были нарочно заказываемые маленькіе альбомы продолговатаго формата, въ темномъ сафьянномъ переплетѣ, съ видами Петербурга или его окрестностей, подъ стекломъ на лицевой сторонѣ обложки; всѣ эти книжечки хранились въ деревянной шкатулкѣ, которая сопровождала всюду ея величество. Писала императрица постоянно сама, но въ то время ея зрѣніе начинало страдать отъ слезъ и физической слабости, поэтому свои путевыя впечатлѣнія государыня диктовала Алинѣ, и въ томъ же интересномъ дневникѣ императрицы Александры Теодоровны многое написано рукою графини Гудовичъ. Мнѣ же государыня диктовала письма къ своимъ дѣтямъ, съ которыми вела постоянно переписку, когда была съ ними въ разлукѣ. Приходилось писать, такимъ образомъ, государю и императрицѣ. Два раза въ недѣлю государыня имѣла свой докладъ по дѣламъ, присылаемымъ съ курьерами изъ Петербурга¹⁾; докладывалъ ея величеству секретарь ея Н. А. Шторхъ. Всѣ эти занятія происходили по возможности, въ саду, такъ какъ ея величеству предписано было больше всего находиться на воздухѣ.

Послѣ второго завтрака катались; иногда мы всѣ сопровождали ея величество, а иногда только одна дежурная. Ихъ высочества большею частью прогуливались отдѣльно отъ матери, совершая прогулки длиннѣе и дальше... Великая княгиня Ольга Николаевна постоянно каталась и гуляла пѣшкомъ со своимъ супругомъ.

Обѣдали мы не всегда съ ея величествомъ. Она часто кушала въ своихъ внутреннихъ комнатахъ семейно, а у насъ былъ гофмаршальскій столъ, за который приглашались постоянно офицеры нашей маленькой русской эскадры, состоявшей изъ «Олафа», «Свѣтланы» и корвета «Медвѣдь»; командовалъ эскадрой адмиралъ Нордманъ. Эскадра имѣла стоянку въ Виллафранкѣ.

Къ вечернимъ собраніямъ приглашались нѣкоторые гости. Въ Ниццу съѣхалось тогда много соотечественниковъ, извѣстныхъ ея величеству, такъ что общество было очень пріятное.

Великая княгиня Елена Павловна²⁾ проживала тоже въ это время въ Ниццѣ, на виллѣ «Bermond». Она часто бывала у императрицы со своей свитой, состоявшей изъ фрейлинъ: Е. П. Эйлеръ, баронессы Э. О. Раденъ, дѣвицы Стааль и шталмейстера барона Розена. Вечера эти были весьма пріятны. Иногда играли въ «jeux d'esprit»³⁾, иногда что нибудь читали, новопоявившуюся повѣсть или

1) Посылались ея величеству дѣла изъ Петербурга чрезъ курьеровъ, а не боченки невиской воды, какъ это ложно рассказываютъ, которую императрица Александра Теодоровна никогда въ ротъ не брала, живя даже въ Петербургѣ. Ея величество употребляла постоянно для питья зельтерскую воду—здоровья ради.

2) Вдова великаго князя Михаила Павловича.

3) Остроумныя игры.

комедию Октава Фелъе и т. п. Баронесса Радентъ имѣла замѣчательный даръ читать вслухъ¹⁾, императрица и мы всѣ очень охотно ее слушали. Въ это же время графиня Гудовичъ и я очень подружились съ Е. П. Эйлеръ²⁾, и мы часто проводили свободное время вмѣстѣ. У великой княгини Елены Павловны мы тоже бывали на вечернихъ собраніяхъ, но рѣдко, такъ какъ императрицѣ вечеромъ не очень-то позволяли выѣзжать.

Иногда нѣкоторые изъ насъ отправлялись въ театръ, съ позволенія ея величества; у насъ была своя ложа. Въ то время въ Ниццѣ былъ маленькій и гаденькій театръ, но очень хорошенькая итальянская опера.

Проживалъ тогда въ Ниццѣ извѣстный пѣвецъ Тамбурини, который столько лѣтъ плѣнялъ своимъ пѣніемъ и игрой петербургскую публику. Онъ былъ уже старъ и жилъ на покой, но, несмотря на это, иногда пѣлъ у императрицы на вечерахъ и даже разъ, для благотворительной пѣли, выступилъ на сценѣ въ своей знаменитой роли въ «Севильскомъ цирюльникѣ», роли, которую онъ создалъ, и, несмотря на свою старость и упадокъ голоса, привелъ публику въ восторгъ своей игрой и манерой пѣть.

Среди зимы нашъ баронъ Мейендорфъ былъ отозванъ въ Петербургъ, получивъ мѣсто директора императорскаго кабинета; мы очень горевали, разлучаясь съ милой баронессой, которая оставляла пустое мѣсто за собой въ нашемъ небольшомъ кружкѣ. Барона Мейендорфа замѣнилъ графъ Матвѣй Юрьевичъ Вѣльгорскій. Съ его прибытіемъ начался у насъ музыкальный періодъ. Присутствіе въ Ниццѣ графа Матвѣя Юрьевича привлекло множество артистовъ; между прочими явились знаменитости: Вьетанъ, который еще дивно игралъ на скрипкѣ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Затѣмъ тутъ были извѣстный виолончелистъ Серве, Антонъ Рубинштейнъ; послѣдній впрочемъ находился при Еленѣ Павловнѣ. Въ Ниццѣ проживала тогда тоже извѣстная итальянская пѣвица Крувелли, только что вышедшая замужъ за барона Вижье и недавно покинувшая сцену. Она была еще въ полномъ блескѣ своего голоса и часто пѣла у насъ. Но я не восхищалась ею. Она была врагомъ милой графинѣ Росси, которая сама мнѣ рассказывала, какъ Крувелли ей строила разные подкобы и козни въ театральномъ мірѣ. Память о Росси была еще слишкомъ свѣжа для меня, и мнѣ казалось измѣной противъ нея восхищаться ея личнымъ врагомъ; она же была одной изъ причинъ отъѣзда графини Росси въ Америку.

¹⁾ Она была взята первоначально чтицей къ великой княгинѣ.

²⁾ Въ супружествѣ княгиня Сайнъ-Витгенштейнъ.

VI.

Здоровье императрицы видимо укрѣплялось. Она уже начинала дѣлать часто поѣздки за городъ, какъ-то: въ Виллафранку, «St.-Jean» и другія мѣста. Тогда вся наша маленькая царская колонія со свитами ѣхала вмѣстѣ въ нѣсколькихъ экипажахъ или на пароходѣ, или графиня Гудовичъ и я сопровождали ея величество верхомъ. Обыкновенно брался съ собою завтракъ, гдѣ нибудь останавливались и кушали подъ тѣнью апельсиновыхъ деревьевъ, маслинъ и пальмъ. Императрица такъ любила природу, что для нея было настоящее наслажденіе эти прогулки по рощамъ и лѣсамъ.

Однажды, мы катались съ ея величествомъ въ четырехмѣстномъ тильбюри. Упоминаю объ этой прогулкѣ, потому что для меня она очень памятна, какъ увидать дальше—почему; тильбюри былъ «à la Domon»¹⁾. Государыня сидѣла на заднемъ мѣстѣ съ графиней Ти-зенгаузенъ, а Алина и я на козлахъ, мы ѣхали въ «St.-André». Передъ нами ѣхалъ верхомъ, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ странахъ для царскихъ особъ, поитальянски такъ называемый «battistrada», то-есть «piqueur», ведущій прогулку и очищающій дорогу отъ встрѣчающихся экипажей. Проѣзжали мы по узенькой дорожкѣ въ густой чащѣ лѣса. «Battistrada» уже уѣхалъ на нѣсколько саженъ впередъ, когда, откуда ни возьмись, выскочила съ проселочной дороги, идущей изгибомъ по лѣсу въ гору, какая-то длинная телѣга, запряженная быстро бѣгущей парой лошадей. Поселянинъ, правившій ими, не успѣвъ ихъ удержать, въѣхалъ дышломъ прямо въ тильбюри, между заднимъ мѣстомъ, гдѣ сидѣла императрица, и козлами. Мы всѣ страшно перепугались, но я, слава Богу, не потерявъ голову²⁾, высунулась всѣмъ корпусомъ съ козелъ почти на императрицу и толкнула рукой дышло; отъ этого толчка мужицкія лошади подались назадъ, испугавшись моей бросающейся на нихъ фигуры, этимъ движеніемъ лошадей длинное дышло отъ телѣги приподнялось и прошло надъ самой головой императрицы, не задѣвъ ея; не дай я этого толчка, императрица получила бы сильный ударъ по головѣ. Конечно, это все произошло въ одинъ мигъ, потому что и мы ѣхали довольно крупною рысью. По возвращеніи домой, батистрада велѣлъ мнѣ о себѣ доложить, пришелъ отъ своего имени и отъ имени везшаго насъ жокея меня поздравить, что я такъ нашлась. Можно себѣ представить, какъ я сама-то была счастлива.

¹⁾ Жокей съ коня.

²⁾ Тутъ никакой заслуги для меня нѣтъ, потому что имѣю въ характерѣ не терять въ опасныя минуты голову. Будучи ребенкомъ 5-ти или 6-ти лѣтъ, я разъ играя зажгла оконную занавѣску, бывъ одна въ комнатѣ, и хотя испугъ мой былъ великъ, я бросилась сама сзывать людей и, схвативъ кастрюлю въ кухню, побѣжала за водой, такъ что все было потушено, прежде чѣмъ страхъ этотъ дошелъ до моихъ родителей.

Иногда мы предпринимали дальнія поѣздки, но уже безъ императрицы; изъ нихъ двѣ остались мнѣ памятны, и я хочу ихъ здѣсь описать. Одна изъ нихъ была устроена графомъ Стакельбергомъ, въ то время нашимъ посланникомъ въ Туринѣ, находившимся во все пребываніе въ Ниццѣ при особѣ ея величества; онъ былъ женатъ на очень красивой барышнѣ французскаго происхожденія, m^{lle} Tamisier. Графиня была очень мила и любезна и постоянно находилась съ нами; у насъ была, кромѣ нея, еще одна молодая дама, графиня М. С. Шувалова¹⁾, жена графа П. Г. Шувалова; онъ былъ вояжнымъ маршаломъ при ея величествѣ; его обязанность была готовить и нанимать помѣщенія и все устроить въ мѣстахъ, куда ѣхала ея величество; на немъ же лежала и хозяйственная часть путешествія государыни.

Графъ Стакельбергъ давалъ завтракъ въ честь великаго князя Михаила Николаевича, который смѣнилъ своихъ двухъ братьевъ и, будучи еще холостымъ, могъ дольше всѣхъ оставаться при матери.

Мы всѣ были приглашены на эту «partie de plaisir»²⁾ графомъ Стакельбергомъ. Ёхали въ экипажахъ до Виллафранки, оттуда нужно было плыть на катерѣ въ «St.-Jean», а изъ «St.-Jean» идти еще далеко пѣшкомъ по лѣсу, чтобъ попасть на мѣсто, гдѣ насъ ожидалъ завтракъ. Все это исполнилось благополучно, но взяло болѣе времени, чѣмъ предполагалось, такъ что, позавтракавъ, или, лучше сказать, пообедавъ, потому что часъ уже былъ скорѣе обѣденный, мы отправились обратно въ сумерки; сбились съ тропинки въ лѣсу и блуждали довольно долго, не зная, какъ попасть въ «St.-Jean»; наконецъ, дошли туда, но уже совсѣмъ впотьмахъ. Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтерокъ и нѣкоторое волненіе на морѣ, въ катерѣ возвращаться было невысказуемо, такъ что мы принуждены были идти пѣшкомъ изъ «St.-Jean» въ Виллафранку; путешествіе весьма длинное, лѣсомъ и все по тропинкамъ, дороги не было; шли мы, освѣщенные фонаремъ, захваченнымъ въ катерѣ. Насъ было большое общество; страшнаго эта ночная прогулка по лѣсу ничего не представляла, но мы были ужасно утомлены; вдобавокъ еще пошелъ дождь, такъ что мы вернулись поздно вечеромъ домой, измученные и промокшие до костей. Но хуже всего, что эта не совсѣмъ удавшаяся «partie de plaisir» причинила большое безпокойство нашей матушкѣ, такъ что уже было послано насъ розыскивать.

Другой разъ мы поѣхали въ «Cannes»; императрица отпустила графиню Гудовичъ и меня, чтобъ мы посѣтили Антибскіе острова. Съ нами отправились: фрейлина Эйлеръ, нашъ общій другъ княгиня Трубецкая³⁾, съ дочерью проживавшая въ Ниццѣ, графъ Апраксинъ,

¹⁾ Рожденная княжна Гагарина.

²⁾ Гуляніе.

³⁾ Рожденная княгиня Четвертинская.

нашъ вѣрный спутникъ, когда мы ѣхали куда нибудь безъ императрицы, и мой дядя графъ Гуровскій ¹⁾, проживавшій тоже тогда въ Ниццѣ и часто бывавшій съ нами.

Каннъ тогда былъ совсѣмъ пустая деревушка съ однимъ единственнымъ каменнымъ домомъ, гдѣ, говорили, умерла знаменитая Рапелъ. Каннъ былъ еще только извѣстенъ своимъ сосновымъ лѣсомъ на берегу моря, насаженнымъ Наполеономъ I и къ которому онъ присталъ, возвращаясь съ острова Эльбы. Больше рѣшительно тамъ ничего не было замѣчательнаго.

Въ Каннѣ мы наняли парусную шлюпку и поплыли въ «Antibe». На островѣ себя вообразили, что на этой шлюпкѣ ѣдетъ сама императрица всероссійская, и приготовили встрѣчу. Можно себя представить наше конфузное положеніе, когда насъ встрѣтилъ комендантъ крѣпости со своимъ штабомъ въ полной парадной формѣ, и для большаго чествованія русской царицы было назначено помилованіе нѣсколькихъ арестантовъ, содержавшихся въ крѣпости. Ошибку французовъ мы поспѣшили выяснить, но арестантовъ мы все-таки заставили освободить именемъ императрицы. Возвратясь домой, мы передали все случившееся съ нами ея величеству, которая осталась очень довольна, что мы употребили ея имя для добраго дѣла.

Для императрицы на виллѣ Авидоръ былъ поставленъ походный иконостасъ и устроена маленькая, совсѣмъ простенькая церковь, куда допускалась безъ исключенія вся русская колонія, проживавшая въ Ниццѣ. При этой домово́й церкви были придворные: протоіерей, протодіаконъ и четыре пѣвчихъ, между прочими, теноръ Никольскій, который по нашему совѣту бралъ въ Ниццѣ серьезные уроки пѣнія у очень хорошаго итальянскаго учителя и перешелъ впослѣдствіи въ русскую оперу, гдѣ долго восхищалъ нашу публику, напоминая своимъ голосомъ Тамберлика.

Императрица пожелала, чтобы мы участвовали въ церковномъ хорѣ: графиня Гудовичъ, Е. П. Эйлеръ и я. Хоръ нашъ былъ очень хорошъ, мы пѣли всякіе концерты Бортиянскаго и проч. Но нашъ регентъ, одинъ изъ пѣвчихъ, старый хохоль Подгородинскій, донималъ насъ своими спѣвками. Иногда мы сидимъ съ гостями, вдругъ сѣдая голова его просовывается въ дверь, и онъ говоритъ басомъ: «надо бы спѣвочку»; онъ смотрѣлъ очень серьезно на это пѣніе, и если кто нибудь изъ насъ ошибется, то онъ кричитъ: «стойте, вы сдѣлали гагачку», и мы, конечно, всегда расхохочемся на репетиціяхъ, а онъ нахмурясь заставляеть насъ повторять.

Видя, какъ много соотечественниковъ постоянно проживаютъ и умираютъ въ Ниццѣ и до какой степени имъ тяжело безъ православной церкви, равно какъ и нашимъ морякамъ, останавливаю-

¹⁾ Извѣстенъ тѣмъ, что въ молодости увезъ инфанту Изабеллу изъ монастыря, въ коемъ она воспитывалась въ Мадридѣ, и на ней женился.

щимся мимоходомъ на судахъ въ Виллафранкѣ, императрица задумала устроить православную, постоянную церковь въ Ниццѣ.

Ея величество дала крупную сумму изъ собственныхъ денегъ на приобрѣтеніе земли. Немедленно выбрали мѣсто, купили участокъ и приступили къ работамъ. Все было подведено такъ, чтобъ до своего отъѣзда императрица положила первый камень фундамента этого православнаго храма въ Ниццѣ, починъ и созданіе коего принадлежитъ всецѣло государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Морское министерство тоже приняло участіе въ постройкѣ этой церкви, были и частные жертвователи; но главныя заботы и расходы императрица Александра Ѳеодоровна приняла на себя. Сверхъ того, ея величество пожертвовала богатую церковную утварь и весь иконостасъ. Онъ былъ заказанъ нашимъ русскимъ рѣзчикамъ на Охтѣ и весьма изящно исполненъ ими изъ дубоваго дерева; хотя специальность Ниццы это именно рѣзба по дереву, но государыня хотѣла, чтобы всѣ предметы, жертвованные ею, были только русскаго произведенія. Иконы писалъ тоже русскій, и онѣ очень хороши.

Какъ императрица, такъ и мы всѣ принимали большое участіе въ устройствѣ этой церкви, много о ней хлопотали и старались какъ можно лучше ее соорудить, такъ что можно по истинѣ сказать, что ниццкая православная церковь вполнѣ дѣло рукъ императрицы Александры Ѳеодоровны и ея свиты.

Не думали мы тогда въ нашихъ радостныхъ заботахъ объ этой церкви на пользу нашихъ соотечественниковъ, для какого горестнаго событія она будетъ служить около девяти лѣтъ спустя.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, сколько помню, посѣтилъ императрицу король Викторъ-Эммануиль. Онъ пробылъ въ Ниццѣ нѣсколько дней. Опять начались парадныя обѣды, вечера, туалеты и проч. Между прочимъ, онъ далъ съ своей стороны большой обѣдъ въ честь ея величества, на коемъ въ этотъ разъ она присутствовала съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, великими княгинями: Ольгой Николаевной, Еленой Павловной, наследнымъ принцемъ Виртембергскимъ и всѣми свитами.

Послѣ обѣда, когда подали ея величеству карету для возвращенія домой, въ то же время подвели королю верховую лошадь, и, несмотря на то, что онъ былъ въ нарядномъ статскомъ платьѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо подъ фракомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, что лилъ сильный дождь и была большая слякоть въ этотъ день, что и въ Ниццѣ случается, — онъ вскочилъ на сѣдло, какъ былъ, и у дверцы кареты сопровождалъ императрицу, окруженный своей свитой, тоже верхомъ, изъ своего дворца на виллу Авигдоръ. Онъ промокъ до костей, съ него лила буквально вода, но онъ оставался на конѣ, снявъ шляпу, пока ея величество вышла изъ кареты и удалилась въ свои покои; тогда только онъ ускакалъ домой. Вотъ каковъ былъ *galant-huomo*!

Между прочими, въ многочисленной свитѣ короля находились въ то время три молодыхъ адъютанта, имена которыхъ позже стали извѣстны въ военной лѣтописи при соединеніи Италіи въ одно государство въ 70-хъ годахъ. «Cialdini», «Robilant» и «Clavezana» — всѣ три сдѣлались «cavalliero servente» насъ трехъ фрейлинъ: первый — графини Гудовичъ, второй — баронессы Пиллеръ, третій — мой.

Въ день отъѣзда короля изъ Ниццы былъ данъ большой обѣдъ у ея величества въ его честь; была приглашена тоже вся его свита. Послѣ обѣда, откланявшись императрицѣ и простясь дружески съ нами всѣми, онъ отправился домой. Великій князь Михаилъ Николаевичъ провожалъ его до экипажа. Вдругъ великій князь возвращается въ гостиную императрицы, гдѣ мы всѣ еще были собраны, держа въ рукахъ чудный букетъ цвѣтовъ, говоря, что король поручилъ ему передать этотъ букетъ графинѣ Гудовичъ со словами: «à la plus charmante»¹⁾. Несравненная наша матушка, при всемъ ея горѣ и слабомъ здоровьи, очень смѣялась надъ любезностью короля къ одной изъ ея фрейлинъ — уже невѣстъ тогда кн. М. П. Голицына; императрица одна знала эту тайну, помолвка гр. Гудовичъ не была еще объявлена.

Государыня принимала такое живое участіе въ окружающихъ ее, во всемъ и всегда, такъ что мы, фрейлины, никогда ничего отъ нея не скрывали и ей первой повѣряли всѣ наши тайны, радостныя или горестныя; въ первомъ случаѣ она такъ искренно принимала участіе и радовалась съ нами, а въ послѣднемъ случаѣ умѣла всегда поддержать и утѣшить. Этимъ вполне материнскимъ отношеніемъ къ каждому она такъ глубоко привязывала къ себѣ. Около нея все оживало, и такъ было отрадно и тепло на душѣ! Если же она была чѣмъ нибудь недовольна, что рѣдко случалось, потому что снисходительнѣе ея мнѣ никого не встрѣчалось во всю мою долгую жизнь, и ей необходимо было сдѣлать замѣчаніе и даже выговоръ, то она никогда не выкажетъ свое неудовольствіе, даже не посмотреть сурово, но кротко и мягко удовольствуется лишь сказать «je gronde»²⁾, и тѣмъ все кончается! Мы всѣ ее такъ любили, такъ любили, что готовы были бы отдать жизнь, чтобы только ее утѣшить и успокоить въ ея скорби, тайно гложущей ее, да не мы одни, приближенные къ ней, питали это чувство глубокой любви — всѣ боготворили императрицу Александру Ѳеодоровну, кто имѣлъ счастье хоть немного ее знать.

А когда императрица посѣщала институты, Боже мой, что это было за восторгъ! Дѣти и дѣвицы ее окружали совершенно, какъ мать родную. Тутъ не существовало императрицы и воспитанницъ, тутъ была нѣжная мать съ любящими ее дочерьми. То же самое

¹⁾ Для самой милой.

²⁾ Я браню.

было, когда еще съ своимъ великимъ супругомъ ея величество посѣщала кадетскіе корпуса, въ лагерѣ и на гуляньяхъ въ Петергофѣ лѣтомъ. Вообще ихъ величества относились особенно благосклонно къ учащейся молодежи. Въ институтахъ же дѣвицы стремились къ императрицѣ безъ всякаго стѣсненія, малютки лѣзли къ ней на колѣни, взрослые окружали ее. Дежурной фрейлинѣ, сопровождавшей ея величество, часто плохо приходилось: такъ ее тѣснили, толкали, чтобы отдалить хоть на минуту отъ государыни, и фрейлинѣ приходилось проходить, какъ сквозь строй, между воспитанницами, которыя съ ревностью ей кричали: «счастливая! счастливая! счастливая!». Но главное трудно было спасать вещи императрицы, которыя фрейлина держала, какъ-то: мантилью, шаль или какой нибудь платочекъ. Если, бывало, на минуту не обратишь вниманія на эти предметы, то мигомъ вырвутъ что нибудь изъ рукъ, и тогда кончено, все обращается въ клочки, чтобы сохранить на память хоть шелковинку или ниточку. Классныя дамы пытались иногда водворять порядокъ, но напрасно: ихъ такъ закружатъ, что онѣ не знаютъ, куда и дѣться. О, какъ эта несравненная женщина была любима всѣми и какъ она дѣлала разумно много добра!..

Возвращаюсь въ Ниццу. Въ началѣ весны данъ былъ большой народный праздникъ въ честь нашей императрицы. Городъ соорудилъ новый бульваръ около берега моря, который долженъ былъ вести, кажется, въ Виллафранку. Когда часть этого бульвара была готова, то старшины города приплы просить позволенія посвятить этотъ новый бульваръ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и называть его «*Avenue de l'Impératrice*»¹⁾). Церемонія этого посвященія, по ихъ обычаю, состояла въ томъ, что въ началѣ поперекъ аллеи была протянута простая бѣлая лента, которую, проѣзжая въ экипажѣ, ея величество должна была собственноручно разрѣзать простыми ножницами, поданными мэромъ города императрицѣ. Ея величество все исполнила, какъ отъ нея требовалось,—перерѣзала ленту при громкихъ и восторженныхъ крикахъ народа.

Все было убрано цвѣтами и флагами, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, музыка играла, публика была очень довольна, весела, радовалась, кричала. Словомъ, народный праздникъ этотъ самаго скромнаго свойства, безъ всякихъ обѣдовъ и угощеній, вполне удался; погода была чудная, и послѣ нѣсколькихъ минутъ присутствія ея величества уѣхала при громкихъ и восторженныхъ демонстраціяхъ народа.

Ниццары очень полюбили нашу императрицу, которая своею обаятельною натуральною привѣтливостью и ихъ плѣнила; когда ея величество возвратилась въ Ниццу во второй разъ, ее приняли съ такою неподдѣльною радостью и совсѣмъ, какъ свою. Но не слѣдуетъ думать, что это потому, что она бросала горстями русское

¹⁾ Аллея императрицы.

золото и дарила народу какіе-то серебряные стаканчики съ своимъ вензелемъ. Пусть тѣ, которые распространяють эту непростительную ложь про нашу незабвенную императрицу Александру Оеодоровну, и еще болѣе тѣ, которые ей вѣрятъ,—краснѣють отъ стыда.

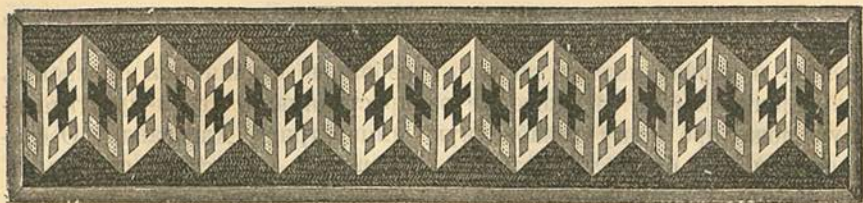
Я это говорю потому, что опять-таки теперь (1888 г.) послѣ болѣе тридцати лѣтъ назадъ у меня спрашивали люди, которые еле тогда родились на свѣтъ Божій,—«правда ли, что во время своего пребыванія въ Ниццѣ императрица Александра Оеодоровна, августѣйшая бабушка нынѣ царствующаго императора Александра Александровича, открывала тамъ какую-то дорогу, черезъ которую было протянуть золотой шнуръ, который прорѣзала она золотыми ножницами, стоя въ экипажѣ между двумя громадными мѣшками, набитыми золотомъ, которое она бросала горстями въ народъ, и что вообще, когда она каталась въ Ниццѣ, то изъ ея коляски только и были видны вылетающія горсти золота».

Ну, можно ли сочинять такіа напраслины!? И не права ли я, неразлучная, самая близкая свидѣтельница всей жизни послѣднихъ лѣтъ императрицы Александры Оеодоровны, говоря, что нужно «краснѣть отъ стыда» за распространеніе подобныхъ лживыхъ и нелѣпыхъ слуховъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что императрица Александра Оеодоровна дѣлала добро и помогала бѣднымъ въ Ниццѣ, какъ и всюду, гдѣ она бывала. Да развѣ всякій этого не дѣлаетъ по мѣрѣ силы и возможности? Въ особенности царственные лица, которыхъ всегда и вездѣ забрасываютъ просьбами всякаго рода,—могутъ ли они оставаться безъ отзыва къ нуждающимся жителямъ той мѣстности, въ которой они пребываютъ и въ которую они пріѣзжаютъ для возстановленія своего здоровья? Но не слѣдуетъ думать, что поступающія просьбы не разсматриваются; онѣ, напротивъ того, очень тщательно приводятся въ извѣстность посредствомъ наводимыхъ справокъ, и согласно полученнымъ справкамъ рѣшается, какъ поступать. Сверхъ того, назначается особенная сумма, выдающаяся въ пользу бѣдныхъ той мѣстности, которую царственная особа оставляетъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ оной; кажется, этотъ обычай долженъ бы быть извѣстенъ. Деньги эти особы и не выдаются въ ущербъ тѣмъ благотѣніямъ, которыя производятся дома, въ Россіи. Такимъ образомъ дѣлается вездѣ и у всѣхъ, и такимъ же образомъ дѣйствовала и императрица Александра Оеодоровна, а не бросала горстями русское золото.

Баронесса Фредериксъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЕПТА ВДОВИЦЫ.

(Рассказъ).

I.

БЛО ЭТО восходило на благоусмотрѣніе его преосвященства, который и далъ ему окончательное рѣшеніе. А произошло оно слѣдующимъ образомъ.

Въ пригородѣ, верстахъ въ трехъ отъ губернскаго города, умеръ дьякъ Филиппъ Ивановичъ Кадиловъ. Умеръ онъ естественною смертію, хотя и мѣстный настоятель, и благочинный, и другія столь же высокопоставленныя особы духовной іерархіи, когда онъ еще былъ живъ, часто говорили ему:

— Эй, Филиппъ Ивановичъ, помани ты мое слово, когда нибудь ты шею себѣ сломаешь, либо переѣдетъ тебя пополамъ мужицкая телѣга!

Филиппъ Ивановичъ на это обыкновенно махалъ рукой и отвѣчалъ въ томъ или другомъ тонѣ, смотря потому, съ кѣмъ говорилъ. Но смыслъ его рѣчи всегда былъ одинаковъ. Если это былъ благочинный, онъ редактировалъ свой отвѣтъ въ безусловно почти-тельныхъ выраженіяхъ:

— Оно, конечно, ваше высокопреподобіе,—говорилъ онъ,—слабость человѣческая... А только, ежели которая смерть человѣку отъ Бога назначена, той и не избѣжишь.

Если то былъ настоятель, отецъ Меодій Свѣтлоризовъ, то отвѣтъ Филиппа Ивановича, не теряя своей почтительности, принималъ нѣкоторый отгѣнокъ свободомыслія.

— Э, отецъ Мееодій,—говорилъ тогда Филиппъ Ивановичъ Кадиловъ:—волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. Живой человѣкъ о жизни и думаетъ, а смерть и сама придетъ.

Если же укорялъ его человѣкъ, своимъ званіемъ не превышавшій его самого, напримѣръ, сверхштатный псаломщикъ той же пригородной церкви, Амосъ Риленко, то ему Филиппъ Ивановичъ отвѣчалъ просто:

— А плевать мнѣ, Амосъ, на твои глупыя слова! Переѣдетъ, такъ переѣдетъ. Меня переѣдетъ мужицкій возъ, а не тебя, и ты еще въ такомъ случаѣ доволенъ будешь, потому послѣ моей смерти штатное утвержденіе получишь.

Но вышло, однако, что всѣ ошиблись. Филиппъ Ивановичъ взялъ да и умеръ естественною смертію. Положимъ, передъ этимъ онъ три недѣли такъ пьянствовалъ, что вѣсть объ этомъ даже до архіерея дошла, а затѣмъ умеръ отъ какой-то болѣзни, секретъ которой онъ унесъ съ собою на тотъ свѣтъ, такъ какъ не имѣлъ обыкновенія обращаться къ докторамъ. Говорили, что у него внутри какая-то кишка перегорѣла. Но достоверно этого никто не зналъ. Во всякомъ случаѣ Филиппъ Ивановичъ умеръ съ совершенно цѣлой шеей и самъ былъ вполнѣ цѣлъ, такъ какъ его не переѣхала пополамъ никакая телѣга.

А послѣ того, какъ онъ умеръ, какъ это обыкновенно бываетъ въ духовномъ званіи, осталась дѣлчиха и при ней горбатая дочка лѣтъ пятнадцати. Умеръ дьякъ Кадиловъ, прослуживъ на приходѣ лѣтъ четырнадцать, и потому вдова его никакой пенсіи не получила. И такъ какъ Амоса Риленко сейчасъ же утвердили въ званіи штатнаго псаломщика, то онъ изъ наемной квартиры перешелъ въ церковный домъ, для чего, согласно закону непроницаемости, который имѣетъ силу и въ духовномъ сословіи, долженъ былъ вытѣснить вдову Филиппа Ивановича Кадилова.

И вдова съ дочерью, благодаря особой снисходительности настоятеля, перешла въ сторожку, отнявъ, по распоряженію того же настоятеля, одну изъ двухъ миниатюрныхъ комнатокъ у сторожа, который хотя и былъ этимъ очень недоволенъ, но молчалъ, такъ какъ дорожилъ мѣстомъ церковнаго сторожа, доставлявшимъ ему квартиру и семь рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Въ первое время всѣ эти обстоятельства произвели въ средѣ причта пригородной церкви нѣкоторое замѣшательство, но прошло нѣсколько недѣль, и всѣ привыкли къ новымъ ролямъ. Сторожъ съ большимъ искусствомъ размѣстилъ въ единственной комнатѣ себя, жену, пятерыхъ дѣтей и тещу; вдова Филиппа Кадилова съ своей дочерью тяжело вздыхала въ другой комнатѣ, а штатный псаломщикъ Амосъ Риленко славилъ Бога, вполнѣ довольный изряднымъ помѣщеніемъ въ церковномъ домѣ.

Только для настоятеля, отца Меодія, переменна прошла совершенно незамѣченной. Онъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, который давно уже купилъ у мѣщанина Беркушина. И вообще все въ приходѣ шло съ обычной аккуратностью и постоянствомъ, какъ будто дьякъ Филиппъ Кадиловъ не только не умеръ, но и вовсе никогда не существовалъ. Когда люди рождались, ихъ крестили, когда люди женились, ихъ вѣнчали, когда люди умирали, ихъ хоронили. И при всѣхъ этихъ случаяхъ получали доходъ.

Но очень скоро выплыло наружу одно обстоятельство, которому въ первую минуту всѣ удивились, но потомъ, подумавъ, пришли къ заключенію, что это такъ и должно быть, а именно: что вдовѣ Филиппа Кадилова съ дочерью нечего ѣсть.

Первый узналъ объ этомъ сторожъ. Оно такъ и слѣдовало, потому что онъ жилъ рядомъ съ вдовой. И узналъ онъ это самымъ страннымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что въ сторожкѣ была только одна печь, въ которой можно было варить кушанья. Помѣщалась она въ сѣнцахъ. И вотъ сторожъ, желая жить въ мирѣ съ сосѣдями, которыхъ онъ еще такъ недавно по своему служебному положенію не только уважалъ, но даже и боялся, зашелъ въ комнату вдовы и сказалъ:

— Я собственно къ тому, Дарья Антоновна, чтобы не было у насъ свары... И какъ печка у насъ одна и варить разомъ на два семейства невозможно, то, чтобы вы варили въ одно время, примѣрно, утречкомъ, а моя баба въ остальное время.

— Да что варить-то?—спросила его Дарья Антоновна.

Сторожъ удивился, что могъ существовать такой вопросъ.

— Какъ что? Собственно пишу варить... Вѣдь обѣдъ варить, на примѣръ, вы будете для себя и для дочери.

— Да ты мнѣ скажи, что варить-то?—спросила его еще разъ вдова дьяка Кадилова.

На это сторожъ уже не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, и Дарья Антоновна продолжала:

— Варить-то нечего. Ты мнѣ скажи, изъ какихъ доходовъ варить я буду? Понялъ?

— Это дѣйствительно такъ,—согласился сторожъ,—но только собственно, какъ же безъ пищи?

— Не знаю я, какъ... А только варить у меня нечего... Покойникъ пропивалъ все, что зарабатывалъ. Насчетъ пенсіи ходила я къ благочинному, такъ онъ мнѣ сказалъ, что не полагается, мало, говорить, служилъ твой дьякъ.

Сторожъ все это принялъ къ свѣдѣнію и на этотъ день выдалъ ей немного картошки, но такъ какъ онъ получалъ всего только семь рублей въ мѣсяцъ, то очень дорожилъ картошкой, и его великодушіе не могло длиться болѣе двухъ дней.

Тогда онъ рассказалъ о своемъ открытіи штатному псаломщику

Амосу Риленкѣ. Амосъ Риленко, хотя и былъ долгое время всего только сверштатнымъ псаломщикомъ, тѣмъ не менѣе въ это время размножился исправно и когда переселился въ церковный домъ, то семья его заняла всѣ углы двухъ комнатъ и кухни, въ хлѣву поселилась свинья, въ сараѣ—корова, а во дворѣ—нѣсколько куръ и двѣ собаки.

Когда сторожъ сообщилъ ему о случившемся, онъ подумалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, да такъ оно и должно быть! Откуда же ей взять?

— Такъ какъ же быть, Амосъ Петровичъ?—спросилъ сторожъ.

— А ужъ не знаю, не знаю... Не могу же я изъ своего дохода давать ей? У меня у самого вонъ какая каша!.. Теперь только руки развязались. Тридцать копеекъ съ рубля получаю и третій хлѣбъ съ панихиды. А то, вѣдь, братецъ ты мой, когда сверхштатнымъ былъ, на десяти копейкахъ съ рубля сидѣлъ лѣтъ восемь, а хлѣба бывало дадутъ—спасибо, а не дадутъ—и такъ пойду! А ужъ ежели и дадутъ, такъ выберутъ который похуже. Особенно ежели сама матушка дѣлать, самъ знаешь, какая она... Одно слово—сверхштатный!

Тѣмъ не менѣе и Амосъ Петровичъ выдалъ вдовѣ Филиппа Кадилова изъ своего добра довольно большую булку, три дня тому назадъ полученную на похоронахъ. Она уже изрядно подсохла, но, размочивъ въ водѣ, ее можно было ѣсть. Для вдовы и то находка.

Кромѣ того, Амосъ Петровичъ счелъ своимъ долгомъ поговорить съ вдовой о ея бѣдственномъ положеніи и, чтобы нѣсколько утѣшить ее, сказалъ:

— Мнѣ жаль васъ, Дарья Антоновна, сердечно и душевно жаль. Но что же я, напримѣръ, могу сдѣлать? Человѣкъ я маленький, сами знаете, никакой власти не имѣю. Ежели бы я былъ, напримѣръ, архіереемъ, то я приказалъ бы выдавать вамъ, ну, хоть пять копеекъ съ рубля, а то, вѣдь, я только штатный псаломщикъ не больше, а все же, по моему мнѣнію, надобно поговорить съ отцомъ Мееодиѣмъ. Онъ человѣкъ вліятельный. Онъ и съ благочиннымъ хорошъ, и преосвященный его любитъ. Можетъ, онъ вамъ что нибудь и хлопочетъ.

— Охъ, ты, Господи!—воскликнула вдова Филиппа Кадилова:—мнѣ бы только всего два рубля въ мѣсяцъ. Всего только два рубля. Да топлива немного, чтобъ печку протапливать. Всего-то только два рубля, Господи ты, Боже мой!..

И, говоря эти слова, она воздѣвала очи и молитвенно складывала руки по направленію къ висящему въ углу образу въ посе-ребренной ризѣ—единственное достояніе, какое оставилъ ей покойный мужъ.

Амосъ исполнилъ слово и въ субботу послѣ вечерни, когда они вмѣстѣ съ отцомъ Мееодиѣмъ вышли изъ церкви, повелъ рѣчь и

о вдовѣ дьяка Кадилова. Онъ началъ издалека, такъ какъ не хотѣлъ огорчать разомъ отца Мееодія.

— А Дарья-то поселилась въ сторожкѣ, отецъ Мееодій; сторожа, конечно, притѣснила, да что дѣлать?.. По бѣдности, конечно!

— Что дѣлать,—откликнулся отецъ Мееодій:—Филиппъ самъ виноватъ, могъ бы еще долго жить. Машина-то какая была! Говорилъ я ему: не пей, Филиппъ, худо будетъ, вотъ и допился.

— Конечно, онъ виноватъ, отецъ Мееодій, какъ же не виноватъ! А только Дарью жалко, и дочка у ней горбатая... Жалко ихъ...

— А, жалко? Какъ же не жалко! Да что-жъ подѣлаешь!? Несчастье...

— Оно несчастье—это само собой!—осторожно подъѣзжалъ Амосъ.—да вотъ ѣсть имъ нечего, отецъ Мееодій.

— Ёсть? Говоришь, нечего ѣсть?—спросилъ отецъ Мееодій и чуть-чуть омрачился.

— Да, нечего, отецъ Мееодій, доходовъ никакихъ. Прямо-таки нечего ѣсть. Мнѣ и сторожъ говорилъ, и она сама... Ужъ я булку ей пожертвовалъ... Да, вѣдь, булкой долго нельзя питаться...

— Гм... Такъ пускай она придетъ ко мнѣ, я тоже дамъ ей булку... Ахъ, несчастье! А самъ виноватъ Филиппъ, говорилъ я ему: не пей, худо будетъ, вотъ и допился... Смотри же, Амосъ, завтра въ половинѣ восьмого обѣдню звони, у меня въ городѣ дѣло есть, хочу пораньше отдѣлаться.

И отецъ Мееодій ушелъ къ себѣ домой. Амосъ сказалъ Дарьѣ, чтобъ сходила къ нему за булкой, но онъ не могъ считать, что его рассказъ произвелъ на отца Мееодія глубокое впечатлѣніе. Такъ вопросъ и остался открытымъ.

Дарья сильно бѣдствовала. На дворѣ стояла осень. Попахивало холодомъ. Покаѣсть можно было обходиться безъ топлива, но надвигалась зима. Кромѣ того, вотъ уже четыре недѣли, какъ они съ дочкой горячей пищи не ѣли. То Амосъ пожертвуетъ хлѣбъ, то церковный староста сжалится, пришлетъ сухарей, то отецъ Мееодій, по особому заявленію Амоса, отпуститъ полъ-хлѣба. Дарья плакала, но это не помогало.

Въ это самое время въ голову Амосу пришла мысль, которая сперва показалась ему настолько опасною, что онъ хотѣлъ было затантъ ее въ себѣ. Но загѣмъ, хорошенько подумавъ, высказалъ.

II.

Первый, кто узналъ эту мысль, была супруга Амоса. Онъ ей сказалъ:

— Я насчетъ Дарьи Антоновны думаю. Невозможно ей, напирѣ, съ дочкой такъ оставаться. Онѣ съ голоду помереть могутъ.

- А само собою можуть,—согласилась супруга Амоса.
- И я такого мнѣнія, что, напимѣрь, ей полезно просвиры печь, и этимъ себѣ кусокъ хлѣба снискивать...
- Гм... Просвиры. А матушка? Ты полагаешь, она дастъ ей?
- Отдать—не отдастъ, а только это будетъ по справедливости.
- Мало, что по справедливости. Можетъ, по справедливости тебѣ не псадомщикомъ надо быть, а, напимѣрь, протоіереємъ, а ты псаломщикъ.
- О-го-го! Хватила. Протоіереємъ! Хотя бы въ діаконы выползти. Ну, а только я полагаю, что ей, Дарьѣ Антоновнѣ, напимѣрь, безъ просвиринаго дѣла обойтись никакъ невозможно. Ничего другого не остается.
- Такъ вѣдь матушка ей глаза выпарапаетъ, она жадная?
- А ужъ это, какъ онѣ себѣ тамъ знаютъ... А я такъ думаю... И надо, чтобы сторожъ шепнулъ ей это какънибудь. Ей самой это въ голову не придетъ, потому что она человѣкъ забитый, а у забитаго человѣка никакихъ мыслей не бываетъ. Самъ по себѣ знаю. Когда сверхштатнымъ былъ, овца овцой ходилъ... Куда ни пихнуть тебя, идешь, какъ баранъ. А теперь, какъ утвердили, смотри, совсемъ другая походка у меня явилась, потому знаю, что безъ причины меня съ мѣста спихнуть никто не можетъ... Надо сказать сторожу...
- Эй, Амосъ, лучше бы ты при себѣ держалъ это! Не нажилъ бы ты на этомъ хлопотъ?!
- Зачѣмъ хлопотъ, мое дѣло сторона. Я скажу сторожу, а тамъ они сами между собой, какъ знаютъ...
- Супруга Амоса покачала головой, но Амосъ вечеромъ, когда сторожъ пришелъ брать у него ключи отъ церкви, все-таки сказалъ ему:
- Ты, Михайло, сумѣй это сказать умно. Моя хата съ краю, понимаешь... Я тутъ, можно сказать, не при чемъ. А ты это умно сдѣлай! Дарьѣ Антоновнѣ тоже, вѣдь, помирать не приходится. Тоже, вѣдь, человѣкъ она, и жить ей надо. Понялъ?
- Извѣстно, надо.
- Ну, вотъ! Такъ ты ей и шепни. Не отъ себя и не отъ меня, напимѣрь, а такъ, молъ, отъ людей слышалъ, что самое, молъ, настоящее ей занятіе—это просвирное дѣло. Просвирой она уже какъ никакъ сто карбеванцевъ въ годъ выручитъ. А для вдовы это лепта большая.
- А какъ же матушка, Амосъ Петровичъ? Матушка просвиры не отдастъ.
- А ужъ это ихнее, промежду собою дѣло. Насъ съ тобой это не касается, мы сторона, понимаешь? Ты только шепни. Доброе зерно, да ежели оно на добрую почву упадетъ, такъ ужъ оно непременно произрастетъ. Понялъ?.. А наша хата съ краю, напимѣрь. Это главное...

— Я скажу, Амосъ Петровичъ, а только не разсвирѣпѣла бы матушка, тогда худо будетъ. Я мѣста лишусь, а у меня семейство. Вы, Амосъ Петровичъ, человѣкъ штатный, васъ зря не могутъ уволить, а меня во всякое время прогнать могутъ.

— Такъ ты умно скажи, понимаешь? Отъ людей, молъ, слышалъ,—вотъ и все...

Сторожъ долго колебался. Съ одной стороны видѣлъ онъ, что Амосу пришла хорошая и справедливая мысль. Онъ былъ старый и опытный церковный сторожъ. Раньше служилъ онъ сторожемъ въ другихъ приходахъ. Не всякій человѣкъ можетъ быть церковнымъ сторожемъ. Конечно, для этого не надо учиться какимъ нибудь высокимъ наукамъ, но все же надо знать дѣло и, кромѣ того, обладать особымъ искусствомъ—трезвона на разные лады. Такимъ образомъ, за него были опытъ и искусство.

Но матушка,—это всѣмъ было извѣстно,—дама рѣшительная, захочетъ и сгонитъ, невзирая на искусство. Служилъ онъ раньше въ трехъ мѣстахъ и нигдѣ не видалъ, чтобы просвирное дѣло вела попададя. Оно даже какъ-то и неловко особѣ въ такомъ важномъ санѣ заниматься такими пустяками. Всюду дѣломъ этимъ завѣдывала либо дьяконица, либо дьячиха, а если имѣлась въ приходѣ духовная вдова, то обязательно она. Но матушка отца Меодія держала въ своихъ рукахъ просвирное дѣло и добровольно выпустить его не захочетъ.

Тѣмъ не менѣе сторожъ рѣшился такъ или иначе повѣдать эту мысль Дарьѣ и выбралъ для этого весьма подходящий моментъ, когда Дарья вмѣстѣ съ своей дочкой, съ утра ничего не ѣвшая, попросила у него сухарей.

— Гм... сухарей,—какъ-то неопредѣленно сказалъ сторожъ:—а вы думаете, Дарья Антоновна, сухари у меня на огородѣ растутъ?

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, коли ѣсть нечего?

— Вы не обижайтесь, Дарья Антоновна, это я не къ тому. Конечно, вамъ кушать надо, и я сухарей вамъ дамъ... А только я къ тому говорю, что, примѣрно, я вамъ дамъ сухарей сегодня, ну, и завтра, скажемъ, дамъ, а потомъ и у меня сухарей не станетъ... Я къ тому говорю.

— А это такъ... Разумѣется, не станетъ... Я знаю... Ты самъ человѣкъ бѣдный!

— Вотъ это самое я и говорю. Вамъ надобно и о себѣ подумать, Дарья Антоновна.

— Эхъ, сколько ни думала, ничего не могла придумать.

— Вы, Дарья Антоновна, послушайте, что люди говорятъ...

— А что мнѣ ихъ слушать? Говорятъ они много, а хлѣба мнѣ не дадутъ...

— Нѣтъ, вы только послушайте. Иной разъ и хорошо скажутъ. Примѣрно, я слышалъ... Такъ вотъ слышалъ, не знаю и отъ кого...

Такъ себѣ, человѣкъ идетъ по улицѣ и говоритъ: по моему, говорить, мнѣнію, вдовѣ Дарьѣ Антоновнѣ, супругѣ покойнаго дьяка Филиппа Ивановича, самое подходящее дѣло просвиры печь...

— Просвиры?

— Я это, Дарья Антоновна, не отъ себя говорю, а отъ людей... Я тутъ—стороннее лицо. Люди говорятъ такъ: ей самое справедливое дѣло просвирой заниматься... Сто карбованцевъ на худой конецъ въ годъ заработаетъ. Примѣрно въ великій постъ или въ спасовку большое говѣніе бываетъ. Просвира, она за семь копеекъ продается, а матеріалу на нее всего копейки на три пойдетъ, не больше—такъ это доходъ!

— Да кто же мнѣ дастъ ее, просвиру-то?

— Хе! Я вамъ такъ скажу, Дарья Антоновна, что никто ничего не даетъ, а надо взять. Примѣрно вотъ у меня въ кладовкѣ сухари есть, и они лежатъ, и съ какой стати я возьму ихъ да и отдамъ вамъ, а вотъ вы попросили, я и согласился дать. Гдѣ вы видѣли, чтобы человѣкъ шелъ по улицѣ, да и раздавалъ, скажемъ, деньги или хлѣбъ? Такого дурака вы не найдете. А надо имѣть свои права, и надо искать ихъ.

— Да гдѣ искать-то ихъ?

— А ужъ это ваше дѣло... Такъ люди говорятъ, а я тутъ не при чемъ. И вы, Дарья Антоновна, въ случаѣ какого разговора, меня и не поминайте. Я вѣдь тоже кушать хочу съ моимъ семействомъ. Я семь рублей получаю, они тоже на улицѣ не валяются.

Сухарей онъ Дарьѣ отпустилъ. И Дарья два дня ѣла ихъ вмѣстѣ съ дочкой, а на третій опять ѣсть захотѣла. Въ первое время, послѣ разговора съ сторожемъ, она даже не обсуждала вопроса о просвирѣ: до такой степени ей казалось невозможнымъ, чтобы матушка уступила ей просвирное дѣло. Но, когда очень захотѣлось ѣсть, просвира стала не давать ей покою. Старалась она всячески отдалить отъ себя эту мысль, какъ бесполезную, но просвиры рисовались ея воображенію, являлись передъ нею цѣлыми десятками, сотнями и довели ее до того, что она однажды вечеромъ надѣла на шею сильно потертый шерстяной платокъ, который она называла шалью, и отправилась къ настоятелю.

У отца Мееодія въ это время пили чай и, когда работница доложила о приходѣ Дарьи Антоновны, матушка сказала:

— Вѣдь, кажется, ей недавно выдали полъ-булки. Чего же она еще хочетъ?

Отецъ Мееодій, сидѣвшій въ свѣтломъ полукафтанѣ съ разстегнутой шеей, замѣтилъ на это:

— Душа моя, она бѣдная. Выдай ей что нибудь!

— Бѣдныхъ много на свѣтѣ,—возразила матушка;—я не виновата, что ея мужъ пропивалъ все, что зарабатывалъ, и ей ничего не оставилъ.

— Душа моя, прошу тебя, выдай ей какіе нибудь тамъ пустяки. Мы должны помогать ближнему.

— Ну, хорошо! Дай ей мѣрочку житнихъ сухарей. Только ты напомнимъ ей, что нельзя же каждую недѣлю просить. Мы не можемъ содержать ее.

— Матушка,—сказала работница,—онѣ желаютъ васъ видѣть и батюшку.

— Это зачѣмъ еще?

— Говорятъ, дѣло есть...

— Ну, вотъ глупости... Какое еще тамъ дѣло?

— Душа моя,—примирительно промолвилъ отецъ Меѳодій,—почему же у нея не можетъ быть дѣло? У всякаго человѣка можетъ быть дѣло, прими ее.

— Ну, не стану же я ее приглашать сюда. Самъ посуди...

— Почему же, душа моя? Она дьячиха... Она духовнаго званія... Я не вижу причины.

Кончилось тѣмъ, что Дарью позвали въ столовую, но, когда она вошла, ее оставили стоять у порога.

Отецъ Меѳодій встрѣтилъ ее ласково. Онъ всегда и всѣхъ встрѣчалъ ласково и иначе не могъ. Это было видно по его лицу—веселому, добродушному, сіяющему довольствомъ, красивому, обрамленному роскошными кудрями и шелковистой свѣтлой бородой. Это лицо сыграло большую роль въ его жизни. Какъ-то рука не подымалась обидѣть человѣка, у котораго было такое пріятное лицо.

Отецъ Меѳодій не кончилъ курса семинаріи и былъ сперва дьякономъ въ деревенскомъ приходѣ, но когда онъ явился къ архіерею просить іерейскаго сана, то архіерей только взглянулъ на него, и ему уже сдѣлалось пріятно, онъ сталъ улыбаться и сдѣлалъ его священникомъ. То же лицо было причиной перевода отца Меѳодія въ завидный приходъ въ пригородѣ. И, наконецъ, оно же сдѣлало его общимъ любимцемъ и благочиннаго, и консисторіи, и прихода, и всѣхъ знакомыхъ, и самого преосвященнаго. И никакихъ другихъ достоинствъ не было у отца Меѳодія, а только пріятное лицо. Это было счастливое лицо въ полномъ смыслѣ этого слова.

Другое дѣло—матушка. У нея было лицо непріятное, и ея никто не любилъ. Она была бездѣтна и страдала какими-то болѣзнями, которыя сдѣлали ея характеръ мрачнымъ и необщительнымъ. И лицо у нея было худое, желтое и злое. И никому не было пріятно бесѣдовать съ нею.

— Что скажешь, Дарьюшка,—спросилъ отецъ Меѳодій, когда Дарья остановилась на порогѣ и низко поклонилась ему и матушкѣ?

— Что я скажу, отецъ Меѳодій? Такое мое горе, что мнѣ и сказать нечего.

— Ну, вотъ,—желчно воскликнула матушка,—а говоришь по дѣлу.

— По дѣлу, матушка, именно по дѣлу. Только не знаю, какъ и сказать?

— А ты, вотъ такъ возьми да и скажи—вотъ и все,—посовѣтоваль отецъ Меодій.—Такъ, какъ я говорю сейчасъ. Можетъ, попросить чего желаешь?

Но Дарья на это не успѣла отвѣтить, такъ какъ матушка перебила. — Но нельзя же весь вѣкъ просить? Человѣкъ даетъ, даетъ, да и устанетъ. Мы тоже не богачи какіе нибудь. Тоже свой хлѣбъ зарабатываемъ.

— Душа моя, ты дай ей сказать! Ну, о чемъ же ты просишь, Дарьюшка?

— Не я, отецъ Меодій, а люди говорятъ. Не мое это, а отъ людей...

— Что же такое люди говорятъ?

— Жить мнѣ не въ могу... Вотъ и сегодня я съ утра не ѣвши...

— Гм... Налей ей чаю, матушка. Пусть она выпьетъ...

Матушка нахмурила брови, но чаю все-таки налила. Чай вышелъ слабый, едва окрашенный, такъ какъ матушка полагала, что дьячиху не къ чему баловать крѣпкимъ чаемъ.

Но дьячиха за столъ не сѣла и чаю не взяла. Она видѣла, что ее не такъ поняли, и торопилась высказать свою мысль.

— Люди говорятъ, отецъ Меодій, что я должна выпросить себѣ просвирное дѣло...

— Какое это такое просвирное дѣло?—спросилъ отецъ Меодій, а матушка прищурила глаза и пытливо посмотрѣла на Дарью.

— На счетъ печенья просвиръ... Это, говорятъ люди, твое дѣло, Дарья, это тебѣ заработокъ дать. На него ты и проживешь...

У матушки ротъ скривился въ презлую усмѣшку.—А умные то были люди, какъ погляжу,—сказала она.—Неглупо они тебѣ посовѣтовали. Очень даже неглупо...

— Я сама подумала такъ... Что жъ, мнѣ другого выхода нѣту, хоть съ голоду помирай.

— Гм... Меня это удивляетъ, право, удивляетъ...—какъ-то нерѣшительно промолвилъ отецъ Меодій. Кажется, что въ душѣ его легла тѣнь сомнѣнія, и онъ, какъ человѣкъ, не привыкшій брать на себя отвѣтственность за дѣйствія, смотрѣлъ на матушку и ожидалъ отъ нея отклика.

Дарья Антоновна, высказавъ суть дѣла, замолкла. А матушка свирѣпо кусала то нижнюю, то верхнюю губу, и опытный глазъ могъ бы разглядѣть въ ея лицѣ назрѣвавшую бурю. Вдругъ она откинулась на спинку стула, гордо подняла голову и промолвила рѣзко и отрывисто.

— А ты вотъ что, голубушка. Скажи ты своимъ умнымъ людямъ, что они дураки и къ тому же еще разбойники. И больше ты ко мнѣ съ такими дѣлами не являйся. Скажите, пожалуйста, что придумала. Вотъ тебѣ и бѣдная вдова! Скажите, пожалуйста! Просвиры. Очень, очень даже неглупо. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ!

— Но, душа моя... началъ было отецъ Мееодій.

— Да что—душа моя, душа моя. Я знаю твой характеръ (надо сказать, однако, что въ жизни отца Мееодія еще никогда не было такого случая, чтобы онъ снялъ кафтанъ и отдалъ кому нибудь), а я себя разорять не намѣрена. Ну, и больше тебѣ здѣсь нечего торчать. Можешь идти.

Дарья помялась съ минуту, ожидая, можетъ быть, что отецъ Мееодій заступится за нее. Но отецъ Мееодій, очевидно знавшій по опыту, что заступничество въ такихъ случаяхъ приводитъ къ противоположному результату, смотрѣлъ на дно своего стакана и молчалъ.

Тогда Дарья низко поклонилась и вышла. Будучи въ передней, она слышала, какъ матушка, тотчасъ же послѣ ея ухода, сорвалась съ мѣста, и въ ту же минуту изъ устъ ея полился бурный потокъ сильныхъ словъ. Но она ничего не разслышала. Она старалась поскорѣе убраться.

Дома ее встрѣтилъ сторожъ.

— Ну, что Дарья Антоновна?—спросилъ онъ.

Дарья только махнула рукой и удалилась въ свою комнату.

III.

Безъ сомнѣнія, трудно было во всемъ губернскомъ городѣ вмѣстѣ съ пригородами отыскать существо болѣе смирное, чѣмъ вдова штатнаго дьяка Филиппа Кадилова. Смиряла ее многолѣтняя жизнь съ мужемъ, который только наканунѣ праздниковъ, а въ самые праздники до полудня, пока не кончилась обѣдня, бывалъ трезвъ—все же остальное время своей жизни былъ пьянъ. Смиряла ее и простилавшая отъ такого положенія нужда, и внезапная потеря, со смертью мужа, того небольшого блага, какимъ она владела, и переходъ въ сторожку, и голодъ. Поэтому трудно было ожидать, чтобы при такихъ обстоятельствахъ Дарья Антоновна стала предпринимать что нибудь противъ такого сильного въ приходѣ человѣка, какъ матушка.

Но зима приближалась, уже начались холода, и по утрамъ на деревьяхъ и крышахъ домовъ виденъ былъ сѣдой иней, а многочисленныя лужи, которыми изобиловали улицы предмѣстья, покрывались сверху тончайшимъ слоемъ льда. По ночамъ было холодно въ сторожкѣ, а утромъ такъ хотѣлось согрѣть грѣшное тѣло чашкой теплаго чая и дать работу желудку при посредствѣ ломтика хлѣба, да не одному желудку, а двумъ, такъ какъ горбатая дочка тоже хотѣла ѣсть. Голодъ и холодъ самаго смиреннаго человѣка способны подвинуть на смѣлыя дѣла.

И вотъ въ одинъ скверный осенній день Дарья, украсивъ свои плечи «шалью», единственнымъ предметомъ, который способенъ былъ придавать ей нѣсколько парадный видъ, покинула предмѣстье и

пошла по направленію къ городу. Если бы мы внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и пристально изучали предшествовавшія этому событія, то, можетъ быть, замѣтили бы, что предварительно Дарья Антоновна совѣтовалась и съ сторожемъ, и съ Амосомъ, и даже съ его женой, которая вообще изъ осторожности держалась въ этомъ дѣлѣ въ сторонѣ. Мы могли бы сказать, что именно Амось и былъ виновникомъ столь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Дарьи Антоновны, а сторожъ вполне раздѣлялъ его мнѣніе.

Но, взявъ во вниманіе, что и у Амоса и у сторожа большія семейства, и что имъ обоимъ очень важно сохранить за собою мѣста, мы не станемъ губить ихъ и потому лучше пройдемъ мимо всего этого.

Съ насъ достаточно того факта, что Дарья, накинувъ на плечи шаль, отправилась въ городъ и, дойдя до соборнаго дома, гдѣ жило счастливое соборное духовенство, вошла въ ворота и направилась къ широкому крыльцу, которое вело въ квартиру благочиннаго.

О. благочиннаго не было дома, но онъ вернулся часа черезъ полтора и, когда поднимался по ступенькамъ крыльца, то увидѣлъ худую и блѣдную женщину, которая усердно и часто кланялась ему и говорила:

— Къ вашей милости прибѣгаю, ваше высокопреподобіе! Отъ васъ спасенія жду, отецъ благочинный!

Благочинный смотрѣлъ на нее, но не узналъ. Да онъ въ сущности и не зналъ ее, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, видѣлъ когда нибудь, когда случалось ему бывать въ предмѣстьи. Правда, она приходила къ нему просить на счетъ пенсіи, но извѣстно, что лица просителей, особенно такихъ, у которыхъ нѣтъ шансовъ, особенно плохо сохраняются памятью.

— Кто ты такая?—спросилъ благочинный.

— Вдова штатнаго дьяка Филиппа Кадилова.

— А! Кадиловъ! Филиппъ Кадиловъ!

Когда благочинный услышалъ это имя, то для него все стало яснымъ.

— Вдова Кадилова! Ты, должно быть, на счетъ пенсіи?.. Такъ пенсіи не дадутъ. Не дослужилъ онъ, твой дьякъ, до пенсіи, потропился...

— Нѣтъ, ваше высокопреподобіе, я на счетъ другого.

— А, на счетъ другого. Ну, хорошо. Иди сюда. Иди въ домъ...

Дарья послѣдовала за нимъ и очутилась въ весьма благоустроенномъ кабинетѣ благочиннаго. Благочинный снялъ камилавку и рясу и остался въ кафтанѣ изъ толстаго сукна, потомъ пригласилъ ее сѣсть.

Дарья начала излагать свое дѣло, благочинный слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ все никакъ не могъ уловить сути. Дарья отъ излишняго старанія быть краснорѣчивой и трога-

тельной страшно путалась и единственное, что могъ понять благочинный, это то, что ей съ дочерью нечего ѣсть.

— Такъ,—сказалъ онъ,—такъ. Вижу, вижу, что дѣло твое плохо. А во всемъ виноватъ твой дякъ. Говорилъ я ему: не пей, Филиппъ, плохо будетъ, ну, вотъ и вышло... Такъ что же я могу сдѣлать? Ты говоришь, что тебѣ дали сторожку? Ну, что жъ это хорошо. Все-таки ты имѣешь пристанище. Надо за это поблагодарить добраго отца Мееодія.

— Ваше высокопреподобіе! Я къ вамъ съ просьбой. Люди говорятъ, не я говорю, а люди, что мнѣ, какъ вдовѣ дяка, безъ средствъ, подходящее дѣло просвиры печь.

— Просвиры? Что жъ прекрасно. Пеки просвиры. Хорошая мысль. Это тебя прокормитъ. Пеки просвиры.

Дарья не ожидала такого скорого и блестящаго результата, встала и отвѣсила благочинному низкій поклонъ.

— Уже я, ваше высокопреподобіе, всю жизнь съ дочерью буду за васъ Бога молить, поддержали вы бѣдную вдову.

— Да чѣмъ же я тебя поддержалъ, милая? Я ничего для тебя не сдѣлалъ. Пеки себѣ просвиры. Что жъ мнѣ отъ этого?

— И буду печь, отецъ благочинный, и прокормлюсь съ дочкой, прокормлюсь! Она у меня горбатенькая; замужъ никто не возьметъ ее. Всю жизнь должна при себѣ держать. Поддержали вы сиротъ, отецъ благочинный.

И опять Дарья отвѣсила ему низкій поклонъ.

— Ну, вотъ и хорошо!—сказалъ благочинный и всталъ, давая этимъ понять, что просительницѣ пора уходить. Но Дарья не уходила.

— Ваше высокопреподобіе, такъ вы уже разомъ сдѣлайте и распоряженіе.

— Какое распоряженіе?

— Распоряженіе на счетъ печенія просвиръ.

— Для чего же распоряженіе? Пеки себѣ просвиры, милая. Для этого никакого распоряженія не требуется.

— Ваше высокопреподобіе, такъ вѣдь просвиры печетъ матушка...

— Какая матушка?

— Матушка... Отца Мееодія супруга.

— Да—а? Супруга отца Мееодія печетъ просвиры?

— Печетъ, отецъ благочинный.

— Гм... Вотъ что... Ну, и что же? Ты не просила у нея?

— Просила, отецъ благочинный, такъ она меня вонъ выгнала...

— Гм... Вотъ что. Я не зналъ, не зналъ... Это совсѣмъ другое дѣло. Совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло. Такъ это надо подумать, поговорить надо... Ты зайди ко мнѣ потомъ, потомъ.

— Значитъ распоряженія не будетъ, отецъ благочинный.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты погоди... Къ чему торопиться! Мы подумаемъ, поговоримъ, а ты зайди потомъ... Ну, иди, милая, у меня есть дѣла...

Дарья съ нѣсколько растеряннымъ видомъ поклонилась ему и неохотно вышла. Теперь она не знала, какъ ей надлежитъ понимать все дѣло. Одно только было ясно, что счастье, которое, какъ ей казалось, она держала въ рукахъ, отдалилось отъ нея.

За симъ послѣдовалъ рядъ событій, которыя произошли не столь явнымъ образомъ, какъ тѣ, что описаны выше, и потому о нихъ мы можемъ судить только по слухамъ.

Извѣстно, что отецъ благочинный, послѣ того какъ Дарья ушла, отправился во внутренніе покои и сказалъ своей женѣ, которая въ это время вышивала ему туфли:

— Можешь себѣ представить, мой другъ, что я узналъ? Оказывается, что супруга отца Меоодія просвиры печетъ. Никогда не ожидалъ этого. У нихъ такой богатый приходъ, что, если бы я не занималъ мѣсто въ соборной церкви, то не желалъ бы для себя лучшаго... И она еще такимъ занятіемъ не брезгаетъ, какъ печеніе просвиры, и у вдовы, понимаешь ли ты, у вдовы дьячка отнимаетъ... Не ожидалъ, никакъ не ожидалъ...

— Ахъ, она всегда была жадная!.. Развѣ ты не зналъ? Она извѣстна своей жадностью,—сказала супруга благочиннаго.

Затѣмъ извѣстно также, что благочинный написалъ отцу Меоодию посланіе, въ которомъ, не говоря ни слова о просвирахъ, деликатно просилъ его пожаловать къ себѣ, чтобъ поговорить по одному дѣлу. Отецъ Меоодій получилъ посланіе и сказалъ:

— Это, должно быть, преосвященный по епархіи ѣхать собирается, такъ ужъ непременно меня съ собой взять хочетъ.

Такъ думалъ отецъ Меоодій не безъ основанія. Давно уже ходили слухи, что преосвященный собирается ѣхать по епархіи, а ужъ если такъ, то никакъ не обойдется безъ того, чтобы онъ не взялъ съ собою отца Меоодія. Безъ отца Меоодія онъ не могъ ѣздить. Скучное путешествіе по сквернымъ проселочнымъ дорогамъ могъ оживить своимъ веселымъ лицомъ только одинъ отецъ Меоодій. Скучающему человѣку (а преосвященный все-таки былъ человѣкъ) довольно было взглянуть на его лицо, какъ ему становилось весело.

И отецъ Меоодій поѣхалъ къ благочинному. Разговоръ происходилъ у нихъ въ кабинетѣ, при чемъ дверь была плотно притворена, и никто не знаетъ, что собственно они сказали другъ другу. Знаетъ, положимъ, это супруга благочиннаго, которая стояла все время около двери въ гостиной и прислушивалась. Но она сохраняетъ это въ тайнѣ и никому не скажетъ.

Только послѣднія фразы были произнесены уже при открытыхъ дверяхъ. Благочинный, пожимая руку отцу Меоодию, сказалъ:

— Ну, однимъ словомъ, отецъ Меоодій, уладьте, пожалуйста, это дѣло: корысть отъ него небольшая, а оно, знаете, лучше будетъ намъ съ вами, лучше будетъ! А то, знаете, пойдутъ разговоры и пересуды и прочее.

Отець Мееодій сказавъ въ отвѣтъ:

— Отець благочинный, вѣдь вы же знаете, что я, можно сказать, человекъ какъ бы подневольный. Я поговорю, крѣпко поговорю... А только... Ну, однимъ словомъ желаю вамъ здравствовать, отецъ благочинный.

И онъ удалился. А когда прибылъ домой, то позвалъ къ себѣ въ кабинетъ матушку и долго говорилъ ей что-то своимъ мягкимъ, добродушнымъ голосомъ, а у матушки въ это время глаза наливались кровью, и ея большіе зубы безжалостно кусали губы—каждую по очереди.

Послѣ этого въ кабинетѣ произошла буря, которую отецъ Мееодій нѣсколько разъ пробовалъ утишить ласковымъ обращеніемъ.

— Но, душа моя... душа моя...

Но буря все-таки разразилась и окончилась тѣмъ, что матушка съ шумомъ растворила дверь и, убѣгая изъ кабинета, крикнула:

— Да, пусть онъ и не выдумываетъ, твой благочинный! Никому я не отдамъ просвирь! Никому! Слышалъ? Такъ и скажи ему: не отдамъ, не отдамъ и не отдамъ. Никто себѣ не врагъ и нѣтъ такого дурака на свѣтѣ, который взялъ бы да вынулъ бы изъ кармана сто рублей и отдалъ бы другому. На, молъ, кушай на здоровье. И я не такая дура. Такъ и скажи своему благочинному!

— Но, душа моя, худо будетъ, ежели дойдетъ до преосвященнаго... Непріятно будетъ...

— А тамъ хоть и до самого митрополита пускай доходить!

Тутъ матушка хлопнула дверью и, на подобіе вихря, промчалась черезъ всѣ комнаты, направляясь въ кухню.

Какъ разъ въ это время тамъ, въ широкомъ и высокомъ горшкѣ, имя которому было «макитра», уже высоко поднялось тѣсто, изъ котораго вечеромъ должны были печь просвиры. И, можетъ быть, никогда еще съ такимъ усердіемъ не занималась она этимъ дѣломъ, какъ въ этотъ разъ, видя въ этомъ единственный способъ отомстить своимъ врагамъ.

Отець Мееодій долго ходилъ по кабинету, и его красивое лицо съ ясными свѣтлыми глазами смотрѣло уже не такъ весело, какъ всегда. Онъ былъ удрученъ.

Онъ думалъ о томъ, что въ сущности претензія вдовы дьяка Кадилова вполне справедлива, но у него нѣтъ никакихъ средствъ убѣдить въ этомъ свою попадью. Онъ думалъ и о томъ, что ему придется дать благочинному отрицательный отвѣтъ и, такимъ образомъ, поставить себя въ глупое положеніе. По лицу и по тону, какимъ говорилъ съ нимъ благочинный, было ясно, что онъ мысленно на сторонѣ Дарьи и, если не сказалъ этого, то лишь изъ деликатности. Благочинный очень любилъ отца Мееодія и зналъ также, что преосвященный его любить. Всего этого было достаточно, чтобы благочинный не рѣшился на крутыя мѣры, передъ которыми онъ

не остановился бы, если бы дѣло шло не объ отцѣ Меѳодіи, а о другомъ іереѣ.

Но есть случаи, когда даже власть благочиннаго кончается. Есть еще консисторія, есть наконецъ преосвященный; любятъ его и въ консисторіи, ласковъ къ нему и архіерей, но не можетъ же онъ разсчитывать, что всѣ изъ-за него захотятъ сдѣлать несправедливость.

Наконецъ, самое худое то, что пойдутъ разговоры про его жадность. Будутъ говорить: вотъ человѣкъ, у котораго лучший приходъ въ городѣ. Уже, кажется, судьба взыскала его своими милостями, а ему и этого мало. Польстился на какіе-то тамъ сто рублей, и у кого урвалъ? у бѣдной вдовицы съ горбатой дочерью.

Да, будутъ такъ говорить. Непремѣнно будутъ, потому что въ городѣ и въ губерніи у него очень много враговъ. Многія духовныя лица дали бы себѣ ногу отрѣзать за удовольствіе видѣть его посрамленіе и погибель. Кто только не завидуетъ ему, человѣку, не кончившему курса въ семинаріи и, тѣмъ не менѣе, пользующемуся столь великими благами!

И грустно было лицо у отца Меѳодія, когда онъ на своей собственной маленькой телѣжкѣ ѣхалъ въ городъ къ благочинному. Когда благочинный взглянулъ, то понялъ все безъ словъ.

Они тихо бесѣдовали въ кабинетѣ, а въ заключеніе благочинный сказалъ:

— Вы знаете, отецъ Меѳодій, какъ я васъ люблю. Я васъ сердечно люблю, отецъ Меѳодій, и я буду молчать, я ничего не предприму, но... Но знаете, отецъ Меѳодій, не хорошо это, ей, ей, не хорошо! Не приличествуетъ настоятелю. И оно можетъ проявиться съ другой стороны. Вотъ что худо. Тогда и вамъ, и мнѣ стыдно будетъ.

Отецъ Меѳодій уѣхалъ отъ благочиннаго съ такимъ же печальнымъ лицомъ, съ какимъ пріѣхалъ къ нему.

Прошло уже болѣе недѣли съ той поры, когда Дарья, вдова дьяка Кадилова, была у благочиннаго. Никто не приходилъ къ ней и не предлагалъ печь просвиры. Она этому удивлялась и не разъ поздно вечеромъ бесѣдовала съ сторожемъ и также заходила къ Амосу и спрашивала: что это значитъ?

Сторожъ пожималъ плечами, такъ какъ онъ, по своей специальности, умѣлъ хорошо звонить во всѣ колокола, но не могъ достаточно хорошо смыслить въ такихъ тонкихъ дѣлахъ. Но Амосъ качалъ головой и говорилъ:

— Я вамъ скажу, Дарья Антоновна, напимѣрь, что дѣло ваше замято... Такъ я полагаю, что оно замято, и никакого распоряженія вамъ печь просвиры и не будетъ.

— Такъ какъ же мнѣ быть?—спросила Дарья Антоновна.

— Да, вѣдь, что жъ мнѣ совѣтовать вамъ, Дарья Антоновна. Я человѣкъ дѣлу посторонній, что жъ я могу посовѣтовать? Конечно, отецъ Меѳодій сильный человѣкъ, и у благочиннаго онъ сильный,

и у преосвященнаго онъ сильный. Однако я полагаю, что справедливость, напимѣрь, выше ихъ будетъ... такъ я полагаю, Дарья Антоновна, хотя я здѣсь посторонній. А ходъ такому дѣлу извѣстный. Благочинный, напимѣрь, персона, а все же надъ нимъ есть консисторія... Это я такъ себѣ говорю, а, впрочемъ, напимѣрь, я тутъ лицо постороннее, у меня жена и дѣти, сами знаете...

Дарья хорошо понимала, что и у сторожа, и у Амоса жена и дѣти, а потому во всѣхъ своихъ злоключеніяхъ ни разу не упомянула ихъ. Но изъ этого разговора она очень легко вывела мысль о томъ, что ей совершенно необходимо отправиться въ консисторію.

Можетъ быть, покажется странной такая рѣшимость со стороны смиренной вдовы дьяка Кадилова, но не нужно забывать, что у вдовы была такая сильная побудительная причина, какъ голодъ и наступавшій съ приближеніемъ зимы холодъ.

IV.

Консисторія—страшное слово для людей, носящихъ на себѣ скромное званіе дьячка, пономаря, псаломщика до дьякона включительно. Входитъ онъ въ предѣлы этого зданія робко, нерѣшительно, говорить голосомъ тихимъ, подавленнымъ, и даже тѣ, кто обладаютъ густыми басами, вдругъ начинаютъ разговаривать едва слышными альтиками.

И кажется имъ, что каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ, даже каждой мыслью они совершаютъ дѣяніе, за которое можно сослать въ монастырь на епитимію, лишитъ прихода и тѣхъ надеждъ, которыми живетъ человѣкъ въ этой скучной юдоли, называемой землею.

Но, если такъ чувствуютъ себя въ этомъ зданіи люди, носящіе на себѣ, хотя и маленькіе, но все же данные имъ отъ Бога и епархіальнаго начальства чины, то ихъ горестныя вдовы и сироты, нося на себѣ только отраженіе скромныхъ достоинствъ ихъ умершихъ мужей, вступаютъ на порогъ большого казеннаго зданія, именуемаго консисторіей, испытывая такое ощущеніе, какъ будто душа временно покидаетъ ихъ и остается ждать ихъ за порогомъ.

Въ этихъ огромныхъ шкафахъ съ поцарапанной облѣзлой полировкой, въ этихъ длинныхъ тяжеловѣсныхъ столахъ, на этихъ подоконникахъ и просто въ углахъ—кучи толстыхъ дѣлъ и всякаго рода бумагъ, въ которыхъ заключается судьба всего духовенства всей губерніи. Тутъ и мѣста, тутъ и пенсіи и награды, тутъ и судъ, и расправа, и помилованіе, и кара.

А эти молчаливые люди, такъ важно и безшумно двигающіе перьями по бумагѣ знаютъ и могутъ все, что касается духовныхъ особъ. Однимъ почеркомъ пера они могутъ повернуть дѣло въ ту или другую сторону. Какъ же не дрожать при видѣ всего этого

какому нибудь смиренному пономарю, прибывшему изъ глухого захолустья ходатайствовать о переводѣ въ другой приходъ, или о награжденіи саномъ дьячка? Какъ «не потерять душу» еще болѣе смиренной вдовѣ, не умѣющей даже толкомъ выразить, въ чемъ состоитъ ея нужда? Страшное слово—«консисторія» и страшное мѣсто—этотъ большой угрюмый домъ, который носитъ это названіе.

Но Дарья все-таки пришла къ нему. Она не могла не прийти, потому что ее подгонялъ голодъ. Она пришла и очень долго безъ причины и цѣли стояла внизу во дворѣ, не рѣшаясь подняться наверхъ по лѣстницѣ. Но и на это она рѣшилась.

Въ большой передней два сторожа въ какихъ-то форменныхъ кафтанахъ съ мѣдными пуговицами спросили, кого ей надо — и это было первое затрудненіе, какое она встрѣтила здѣсь. Она не знала, кого ей надо.

— У меня дѣло,—сказала она,—мое собственное дѣло.

— А по какому столу?

— Не знаю я, по какому оно будетъ столу...

— Такъ нельзя и доложить... Какъ же такъ? Нельзя же доложитъ всѣмъ разомъ.

Дарья простояла тутъ съ полчаса, все надѣясь, что выйдетъ такой человѣкъ, который пойметъ ее сразу. Но такой человѣкъ не появлялся. Въ консисторію приходили всевозможныя лица — и важныя духовныя особы въ камилавкахъ съ крестами на груди, въ красивыхъ и богатыхъ рясахъ, и заморенные деревенскіе причетники, въ замусленныхъ полукафтанныхъ съ косичками на затылкахъ, и молодые семинаристы, только что получившіе аттестаты и высматривавшіе мѣсто подходнѣе, и такія же вдовы, какъ она. И всѣхъ сторожа опрашивали и всѣ знали, кого имъ нужно, и по какому столу, и ихъ куда-то звали, и они потомъ возвращались съ видомъ удовлетворенія.

Наконецъ, сторожъ сжалился надъ нею или ему надоѣло, что она торчитъ передъ нимъ. Онъ спросилъ ее.

— Вы, сударыня, скажите, въ чемъ такомъ ваше дѣло состоитъ? Можетъ, мы и разберемъ, кому оно принадлежить...

— Мое дѣло вдовье,—сказала Дарья.

— Да вдовьихъ-то дѣлъ множество. Одной вдовѣ надо хлопотать по части пенсіона, другой по дѣтской части, чтобы на казенномъ коштѣ учили ихъ, третья желаетъ мужнину мѣсто за дочкой зятю передать. Да, мало ли что, всего не переберешь!..

— Нѣтъ,—сказала Дарья,—мое дѣло совсѣмъ другое. Мое дѣло просвирное.

— Какъ такъ просвирное?

— На счетъ того, чтобы просвиры мнѣ печь...

Сторожъ сдѣлалъ на лицѣ мину недоумѣнія.—Ну, это дѣло странное... Оно, кажется, ни къ какому столу не подойдетъ.

— Какъ же не подойдетъ? Должно подойти.
— Да такъ... Никогда не слыхалъ, чтобъ такія дѣла были... Вамъ, должно быть, придется къ самому секретарю обратиться.
— Родной ты мой, устрой ты мнѣ это. Къ кому ни на есть, лишь бы мнѣ мое дѣло высказать...
— Трудно. Секретарь—онъ птица большая.
— Ахъ, да какая ужъ ни на есть тамъ птица, а только ты доведи.
— Не знаю. Не могу ручаться. Я, пожалуй, скажу чиновнику, который при немъ.

Сторожъ ушелъ и довольно долго не возвращался. Объясняя чиновнику, въ чемъ дѣло, онъ встрѣтилъ такія же затрудненія, какія Дарья Антоновна, когда объясняла то же самое ему.

— Просвирное дѣло... На счетъ просвирь... Печенье просвирь... говорилъ онъ.

— Какія просвиры? Развѣ консисторія завѣдуетъ печеньемъ просвирь? Что ты, братецъ мой?

— Не могу знать... А только она на счетъ просвирь объясняетъ.
— Навѣрно ты что нибудь перепуталъ.

— Нѣтъ, такъ говорю, какъ есть. Я сказалъ: такого и стола нѣтъ, говорю, а она все ожидаетъ.

— Ну, позови ее сюда...

Позвали Дарью. Она объяснила то же, что и сторожъ.

— Но, позвольте,—спросилъ ее чиновникъ,—при чемъ же тутъ консисторія? Консисторія здѣсь не при чемъ.

— Консисторія при всемъ,—отвѣтила Дарья на этотъ разъ очень твердо, такъ какъ это было ея глубокое убѣжденіе,—консисторія все можетъ сдѣлать.

— Выполагаете?—съ иронической усмѣшкой спросилъ чиновникъ.

— Все можетъ сдѣлать консисторія, ежели захочетъ.

— Ага... А гдѣ вашъ мужъ служилъ?

— Онъ служилъ въ пригородѣ. А фамилія ему была Кадиловъ, Филиппъ.

— Ахъ, Кадиловъ!

Лицо чиновника просвѣтлѣло. Съ этимъ именемъ было связано множество смѣшныхъ и невѣроятныхъ анекдотовъ, которые рассказывала вся губернія.—Такъ вы Кадилова?

— Кадилова. Ужъ устройте, пожалуйста.

— Гм... Устроить. А кто же у васъ теперь просвиры печетъ?..

— Печетъ ихъ много уже лѣтъ матушка, отца Меоодія жена.

— А, вотъ что!.. Странное занятіе для матушки. И она вамъ не даетъ? Такъ, понялъ. Такъ вы значить съ жалобой на отца Меоодія?

Дарья даже испугалась этого предположенія.—Охъ, нѣтъ! Гдѣ же мнѣ съ жалобой ходить? Я не съ жалобой. Я такъ... Прошу... Потому мнѣ съ дочкой ѣсть нечего, прямо таки нечего ѣсть...

— Да, ну, знаете, съ отцомъ Меоодиємъ затѣвать дѣло не безо-

пасно. Онъ любимецъ преосвященнаго. Онъ и съ членами консисторіи хорошъ. Ужъ не знаю, что вамъ и посовѣтовать. Вы вотъ что: напишите прошеніе. Да, да, напишите прошеніе, а мы дадимъ ему ходъ, и тогда уже видно будетъ... Да, да! Тогда будетъ видно.

И, сказавъ это, чиновникъ углубился въ бумагу. Дарья отошла прочь. Написать прошеніе она сама не могла, но очень хорошо знала, что въ консисторіи никто ничего даромъ не дѣлаетъ. Между тѣмъ у нея въ карманѣ не было ни одной копейки. Вспомнила она, что дочка ея недурно умѣетъ писать, и рѣшила вернуться домой. Она прошла мимо двухъ сторожей и стала уже спускаться по лѣстницѣ. Въ это время замѣтила она, что снизу по лѣстницѣ подымается что-то величественное. Вотъ они уже поравнялись. Дарья подняла глаза. Это былъ отецъ Меодій.

— А, это ты, Дарьюшка!—противъ ея ожиданія, ласково заговорилъ отецъ Меодій,—ты что-жъ на счетъ просвиръ хлопотала?

— Что-жъ мнѣ больше дѣлать, отецъ Меодій? Что-жъ мнѣ дѣлать бѣдной вдовѣ?

И Дарья вдругъ, неожиданно для самой себя, заплакала и вытерла слезы рукавомъ кофты. Она продолжала сквозь слезы:—голодъ и холодъ, отецъ Меодій, погнали меня сюда, не сама я пошла, нѣтъ, не сама.

— Такъ, такъ. Но ты не плачь, не плачь... Ну, и что же тебѣ сказали тутъ въ консисторіи?

— Прошеніе подать велѣли...

— Ага! Значить прошеніе... Такъ... Вотъ что, голубушка, ты прошенія не подавай—это такъ уладится.

— Значить, матушка согласилась?

— Нѣтъ, какой тамъ, и слушать не хочетъ. А только я тебѣ говорю, уладится! И ты вотъ что: ты этого никому не говори, что видѣла меня, и что я тебѣ это сказалъ, никому, слышишь!? Ну, и иди себѣ съ Богомъ домой. Ты сегодня небось не ѣла? Ну, такъ вотъ тебѣ двадцать копеекъ. Купи себѣ хлѣба и дочкѣ... Иди съ Богомъ. Только никому, слышишь? Никому не говори...

Дарья съ изумленіемъ посмотрѣла на отца Меодія, взяла двадцать копеекъ и пошла внизъ, а онъ поднялся въ консисторію.

V.

Эта встрѣча, если хорошо вникнуть въ дѣло, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ нѣчто роковое.

Дѣло въ томъ, что отецъ Меодій въ консисторію зашелъ просто по пути, рассчитывая тамъ встрѣтить благочиннаго и перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами. Но, подымаясь по лѣстницѣ, думалъ онъ о вдовѣ дьяка Кадилова, Дарьѣ Антоновнѣ.

Вот уже нѣсколько дней, какъ онъ переживалъ борьбу. Въ сущности онъ былъ человѣкъ мягкій и добрый, но въ то же время лѣнивый и равнодушный. Онъ могъ бы сто лѣтъ смотрѣть на то, какъ вдова дьяка Кадилова изнываетъ отъ голода и холода и, пожалуй, искренно скорбѣть по этому поводу, но изъ лѣни не сдѣлалъ бы ни одного шага, чтобы улучшить ея положеніе.

Но тутъ дѣло было совсѣмъ другого рода. Благочинный хотя и любилъ отца Меодія, но былъ человѣкъ слабый и не могъ удержаться, чтобы не высказать кое-кому изъ близкихъ людей свое удивленіе по поводу того, что матушка отца Меодія дорожитъ такими пустяками, какъ просвиры.

Съ своей стороны и штатный псаломщикъ Амосъ Риленко тоже разсказалъ кое-кому изъ низшей іерархіи, а церковный сторожъ проговорился кое-кому изъ прихожанъ пригорода. Въ результатъ получилось, что всѣ знали о событіи, случившемся въ пригородѣ; и отцу Меодию показалось, что кое-кто при встрѣчѣ даже намекалъ ему на это.

Такъ одинъ молодой батюшка, котораго недавно помѣстили на самомъ скудномъ приходѣ и который поэтому страшно завидовалъ отцу Меодию, встрѣтился съ нимъ на улицѣ и, бесѣдуя о погодѣ, вдругъ безъ всякаго повода сказалъ:

— Да, дурная погода, отецъ Меодій, а особенно плохо отъ нея приходится бѣднымъ вдовамъ духовнаго званія, которыя живутъ въ сторожкахъ!

Тутъ отецъ Меодій протянулъ ему руку и началъ торопливо прощаться. Были и другіе намеки, и отецъ Меодій, рѣшивъ, что столь худая молва не приличествуетъ его положенію, вступилъ въ дѣятельную борьбу съ своей матушкой.

Но что подѣлаешь съ упорнымъ женскимъ характеромъ? Она затвердила себѣ, что, хотя бы молъ самому митрополиту жаловались—все равно она не дура и добровольно хорошаго дѣла изъ рукъ не выпуститъ. Отецъ Меодій привелъ ей всѣ доказательства, какія только зналъ, но она стояла на своемъ.

— Наконецъ,—сказалъ онъ ей,—неужели ты хочешь, чтобы самъ преосвященный вмѣшался въ дѣло и предписалъ?

— Преосвященный? Вотъ еще выдумалъ! Станетъ преосвященный заниматься такими пустяками,—я думаю, у него дѣла поважнѣе есть.

Однимъ словомъ, отецъ Меодій убѣдился, что тутъ разумными доводами ничего не подѣлаешь, и рѣшился на сильное средство, такое средство, на какое, можетъ быть, никто никогда еще не рѣшался. Онъ и шелъ осуществить его, а, встрѣтившись съ Дарьей, только укрѣпился въ своемъ рѣшеніи.

Въ консисторіи онъ не нашелъ благочиннаго, но ему показалось, что чиновники смотрѣли на него какими-то странными глазами. Особенно тотъ чиновникъ, который принималъ по дѣламъ къ секретарю. Онъ поскорѣе ушелъ и направился прямо къ архіерею.

На немъ была новая темнокоричневая суконная ряса, камилавка а на груди крестъ. Курчавые волосы свои и бороду онъ расчесалъ, густымъ гребнемъ.

Швейцаръ и келейникъ, увидѣвъ его, просіяли, какъ сіяли всѣ при встрѣчѣ съ отцомъ Меоодіемъ. Преосвященный былъ дома и, когда ему доложили о приходѣ отца Меоодія, несмотря на то, что страдалъ въ это время отъ ревматизма, улыбнулся и сказалъ:

— А! отецъ Меоодій! вотъ хорошо! Проси, проси его.

И вотъ уже отецъ Меоодій стоитъ передъ архіереемъ, беретъ у него благословеніе, а потомъ, по приглашенію хозяина, сидитъ на стулѣ, тогда какъ самъ архіерей въ креслѣ,—другъ противъ друга.

— Ну, съ чѣмъ пришелъ, отецъ Меоодій? говори, исповѣдывайся,—молвилъ архіерей, который никакъ не могъ разговаривать съ отцомъ Меоодіемъ серьезно.

— Пришелъ, ваше преосвященство, съ безпокойнымъ дѣломъ.

— Неужели съ безпокойнымъ? Да неужто и у тебя бываютъ безпокойства? А лицо у тебя такое, что не повѣрилъ бы. У тебя лицо самого счастливаго человѣка, отецъ Меоодій.

— Я и не жалуюсь, ваше преосвященство. Я счастливъ. Особливо вашею милостію взысканъ, ваше преосвященство. А дѣло мое такое, что я какъ бы на себя самъ жалуюсь и прошу учинить съ меня строгое взысканіе...

— Это любопытно, отецъ Меоодій. Такое дѣло только съ тобой и можетъ случиться.

— Умеръ въ моемъ приходѣ извѣстный вашему преосвященству дякъ Кадиловъ.

— Ну, какъ же не извѣстный? Весьма печальной извѣстности дякъ Кадиловъ.

— И оставилъ послѣ себя вдову съ дочерью.

— И ты обидѣлъ вдову? А? Притѣснилъ? Не повѣрю. У тебя такое лицо, что ты никого притѣснить не можешь.

— Ахъ! ваше преосвященство!.. Но у меня есть жена... И пекла она много лѣтъ просвиры для церкви и для продажи. А теперь бѣдственной вдовѣ надо бы это дѣло передать, а она не хочетъ...

— Должна передать,—сказалъ преосвященный.—Это по обычаю—лепта вдовицы. Обязана передать.

— Я и говорю ей, что должна. А она не слушаетъ. Болѣзненная и оттого норовистая она, ваше преосвященство. И вдова эта благочинному жаловалась и въ консисторію ходила.

— Такъ и благочинный и консисторія ничего не могли подѣлать съ твоей женой? А? Ну значитъ сила же твоя попадья, отецъ Меоодій, большая сила! Выходитъ, что и ты претерпѣваешь кое-что въ жизни. А? На всякаго человѣка, даже на самого счастливаго, имѣется своя кара. Вотъ я отъ ревматизма претерпѣваю, а ты отъ

жены. А что хуже—не знаю. Такъ чего же ты отъ меня желаешь, отецъ Меодій?

— Желаю, чтобъ ваше преосвященство строго предписали мнѣ передать печеніе просвиры вдовѣ дьяка Кадилова. Тогда уже нельзя будетъ не исполнить.

— А жена твоя тогда тебя пополамъ перепилить... А? Ну, вотъ что. Я въ воскресенье хотѣлъ отслужить обѣдню въ какойнибудь приходской церкви—избираю твою. И завтра ты получишь о семъ бумагу. А остальное предоставь моему хитроумію. Постараюсь такое предписаніе сдѣлать, чтобы и вдовицѣ польза была, и жена твоя тебя оставила въ цѣлости. Ну, иди съ миромъ!

На другой день, дѣйствительно, въ пригородѣ была получена бумага, которую принялъ и росписался въ книгѣ штатный псаломщикъ Амосъ Риленко. А, получивъ бумагу, онъ, разумѣется, не выдержалъ и прочиталъ ее. А читавъ вдругъ позвалъ громкимъ голосомъ не только своихъ жену и дѣтей, но послалъ въ сторожку за сторожемъ и за Дарьей и за ея дочерью, а когда всѣ собрались, Амосъ прочиталъ вслухъ слѣдующее:

«Симъ доводится до свѣдѣнія причта пригородной церкви, что его преосвященство изъявилъ желаніе отслужить литургію въ той церкви въ воскресенье, такого-то числа. При семъ присовокупляется, что его преосвященству благоугодно совершать службу непременно на просфорахъ, отъ лепты вдовицы умершаго дьячка, Филиппа Кадилова, происшедшихъ».

Услышавъ такое предписаніе, Дарья тутъ же на мѣстѣ принялась плакать отъ радости, а когда Амосъ отнесъ бумагу отцу Меодію, онъ, познакомившись съ нею, не говоря ни слова, отослалъ бумагу матушкѣ.

Минуты черезъ двѣ работница принесла бумагу обратно.

— Что же сказала матушка?—спросилъ отецъ Меодій.

— Матушка сказали: пусть она подавится ими, этими просвирами!...

— Ну, слава Богу!—сказалъ отецъ Меодій и съ облегченіемъ перекрестился.

А на другой день въ сторожкѣ были несказанные хлопоты. Это было уже дѣломъ Амоса уговорить церковнаго старосту дать Дарьѣ для перваго раза муки и дрожжей, и закипѣла работа, въ которой приняли участіе всѣ члены семейства церковнаго сторожа.

Въ воскресенье, въ пригородной церкви была архіерейская служба. Преосвященный служилъ торжественно, совершая литургію на просвирахъ, «отъ лепты вдовы умершаго дьячка Кадилова происшедшихъ». Лицо отца Меодія было такое веселое, какимъ никогда еще не бывало. Дарья стояла позади клироса въ своей торжественной шали и усердно молилась. Только матушка, несмотря на столь торжественную службу, совсѣмъ не явилась въ церковь.

Такъ была восстановлена справедливость въ пригородѣ губернскаго города.

И. Потапенко.

НА ЦАРСКОМЪ ПУТИ.

(Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена).

«А тамъ Сакенъ-генераль
«Все акаисты читаль
«Богородицъ»...
(Солдатекая пѣсня).

I.

РОБЪЗЖАЯ минувшимъ лѣтомъ чрезъ Елизаветградскій уѣздъ Херсонской губеріи, по дорогѣ, носившей еще не такъ давно названіе «Царскаго тракта», я совершенно неожиданно очутился въ имѣніи наслѣдниковъ извѣстнаго графа Дмитрія Ерооевича Остенъ-Сакена. Такъ какъ молва о причудахъ этого историческаго лица, а также о достопримѣчательностяхъ его помѣстья, уже не разъ доходила до моего слуха,

то весьма естественно, что я не преминулъ воспользоваться представившимся мнѣ случаемъ, чтобы осмотрѣть графскую усадьбу и разспросами у мѣстныхъ старожиловъ пополнить запасъ имѣвшихся у меня свѣдѣній касательно покойнаго Остенъ-Сакена. Собранный мною при этомъ матеріалъ даетъ мнѣ возможность представить довольно вѣрную и не безынтересную картину частной жизни этого оригинальнаго человѣка; однако, прежде считаю нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу происхожденія названія: «Царскій трактъ».

До появленія въ Новороссіи желѣзныхъ дорогъ, особы императорской фамиліи, а также другія высокопоставленныя лица, совершали путешествіе на югъ, въ Одессу или Крымъ, на лошадяхъ,

направляясь большею частью по дорогѣ, пересѣкающей Елизаветградскій уѣздъ Херсонской губ. и ведущей къ городу Николаеву. Въ указанной мѣстности высокіе гости часто и даже подолгу останавливались то въ имѣніи графа Остенъ-Сакена, то въ усадьбѣ Д. И. Лорера, лежащей верстѣ на 20 южнѣе мѣстечка Ольгополя (оно же — «Графское»). Вотъ эти-то проѣзды, а въ особенности остановки, и упростили за дорогой названіе «Царской». Наканунѣ проѣзда кого либо изъ высокихъ путешественниковъ, къ почтовой станціи доставлялись лошади со всей окрестности, и изъ нихъ выбирались, конечно, самыя лучшія; для достиженія этой цѣли лошадей запрягали обыкновенно поочередно (по 8—12 паръ цугомъ) въ большой возъ, нагруженный тяжелою кладью, и гнали ихъ во весь духъ до слѣдующей станціи; если во время этого перегона какая нибудь лошадь падала, то владѣлецъ ея получалъ въ послѣдствіи приличное вознагражденіе изъ рукъ царскаго казначея, слѣдовавшаго постоянно въ хвостъ императорскаго поѣзда; павшее животное замѣнялось другимъ, и такимъ образомъ испытаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не оказывались въ запряжкѣ лошади, могущія съ быстротою вѣтра и безъ всякихъ приключеній пробѣжать перегонъ въ 20—25 верстѣ.

Чаще всего останавливался въ домѣ Остенъ-Сакена императоръ Николай Павловичъ, пріѣзжая осматривать южнорусскія военныя поселенія и расположенныя въ Новороссіи войска. Объ одномъ изъ такихъ пріѣздовъ императора къ графу мнѣ пришлось слышать отъ мѣстнаго церковнаго старосты, престарѣлаго крестьянина, слѣдующій разсказъ. Получивъ извѣщеніе о днѣ прибытія императора въ м. «Графское», Остенъ-Сакенъ въ назначенное время уже находился на почтовой станціи; тутъ же присутствовала почти вся графская дворня, одѣтая въ парадные костюмы, и почетный караулъ отъ уланскаго полка; самъ графъ былъ въ полной формѣ съ массою различныхъ орденовъ на груди, представлявшей собою настоящій иконостасъ; Д. Е. поминутно выходилъ на дорогу и пристально всматривался вдаль. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ дня, на дорогѣ показалось густое облако пыли, скрывавшей царскій поѣздъ, который чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже у станціи.

— Его императорское величество изволить почивать, — сообщилъ кто-то изъ генераловъ, обратившись къ Остенъ-Сакену, направлявшемуся уже къ государевой каретѣ.

— Это ничего, — отвѣтилъ съ улыбкой графъ, открывая къ великому ужасу присутствующихъ дверцу экипажа.

Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на остановку кареты и стукъ отворяемой дверцы, продолжалъ почивать глубокимъ сномъ. Видя это, графъ Д. Е. взялъ слегка ногу государя и, тряся ею, произнесъ громко:

— Ваше императорское величество, проснитесь!..

При первыхъ звукахъ этого голоса государь быстро приподнялся

и съ видомъ крайняго изумленія и даже гнѣва посмотрѣлъ на дерзкаго, осмѣливагося потревожить сонъ самодержца Россіи; узнавъ Остенъ-Сакена, государь моментально выскочилъ изъ экипажа и, поздоровавшись самымъ радушнымъ образомъ съ Д. Е., сказалъ:

— Извини, пожалуйста, меня, любезный графъ, что я оказался въ отношеніи тебя такимъ невѣжею; вѣдь мнѣ было хорошо извѣстно, что ты выѣдешь встрѣчать меня на станцію...

Съ этими словами онъ взялъ за руку Остенъ-Сакена и, сѣвъ съ нимъ въ другую карету, направился къ графской усадьбѣ... Случай этотъ служить доказательствомъ того, какимъ расположеніемъ и даже любовью со стороны царственныхъ особъ пользовался покойный графъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, графа также часто посѣщаль и государь Александръ II Николаевичъ, проводившій здѣсь иногда цѣлые дни. Еще до сихъ поръ въ памяти нѣкоторыхъ лицъ графской дворни свѣжо воспоминаніе о томъ обѣдѣ, которымъ угощаль Остенъ-Сакенъ этого государя вскорѣ послѣ покушенія Каракозова. По рассказамъ очевидцевъ, какъ изготовленіе обѣда, такъ и подача его, сопровождались рядомъ предосторожностей и формальностей, не говоря уже о томъ, что главный надзоръ за всѣмъ дѣломъ былъ порученъ одному изъ высшихъ генераловъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ императора. Изъ кухни пища передавалась прежде всего на расположенный у двери обѣденнаго зала небольшой столикъ, за которымъ сидѣлъ лейбъ-медикъ и пробоваль каждое блюдо; отсюда уже оно передавалось на царскій столъ. По обѣ стороны входа въ столовую находились часовые съ саблями наголо; позади государя стояли два лейбъ-казака. Не зная, что подобныя предосторожности были вызваны печальными обстоятельствами послѣдняго времени, народъ пришелъ къ тому заключенію, что императоръ всегда и повсюду обѣдаетъ при такой обстановкѣ.

II.

Причиною расположенія и довѣрія къ Д. Е. Остенъ-Сакену со стороны двухъ русскихъ монарховъ была неподкупная честность графа, а также его феноменальное безкорыстіе и непоколебимая преданность престолу и отечеству. Самъ Д. Е. неоднократно говариваль:

— Любовь и вниманіе къ себѣ батюшки-государя я заслужилъ тѣмъ, что всегда оберегалъ интересы казны паче собственныхъ... И въ то время, когда графъ Х., князь У. и князь З. подъ шумокъ войны сумѣли сколотить себѣ кругленькіе капиталы и приобрѣли затѣмъ имѣнія въ 10 и болѣе тысячъ десятинъ земли,—я на свой счетъ организоваль цѣлый кавалерійскій полкъ, одѣваль и кормилъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, затрачивая на это огромныя деньги... Все это и было впослѣдствіи по справедливости оцѣнено импера-

торомъ, который назначилъ мнѣ двѣнадцати-тысячную аренду и повелѣлъ отрядить въ мою усадьбу особый конвой подъ командой офицера; этотъ отрядъ солдатъ былъ предназначенъ для меня въ видѣ личной охраны по день моей смерти.

Необходимо замѣтить здѣсь, что формированіе названнаго полка оказало большую услугу въ свое время всей Новороссіи. Дѣло въ томъ, что въ первую половину текущаго столѣтія наши черноморскія степи были переполнены различными бродягами, большинство которыхъ принадлежали къ числу бѣжавшихъ отъ жестокихъ помѣщиковъ крестьянъ; остальная же часть этой вольницы состояла изъ всевозможныхъ преступниковъ, ухитрившихся улизнуть изъ рукъ правосудія. Пока еще сельскохозяйственная промышленность здѣшняго края находилась въ зачаточномъ состояніи, а обширныя пространства Новороссіи оставались малонаселенными,—этотъ бродячій элементъ промышлялъ разбоями и грабежами, нападая преимущественно на чумацкіе обозы, а также на знатныхъ и богатыхъ лицъ, проѣзжавшихъ по большимъ дорогамъ. По мѣрѣ развитія земледѣлія и увеличенія жителей въ южнорусскихъ степяхъ здѣшнимъ бродягамъ приходилось перекочевывать въ болѣе пустынные восточныя и юговосточныя мѣстности, или же входить въ составъ туземнаго осѣдлаго населенія и приниматься за честный трудъ; однако, подобныя переселенія и «обращенія» совершались до того медленно, что даже въ концѣ сороковыхъ годовъ мѣстное начальство имѣло еще не мало хлопотъ съ полудикой вольницей, являвшейся въ исторіи Новороссіи однимъ изъ весьма важныхъ препятствій въ отношеніи сельскохозяйственнаго прогресса. Невзирая на рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ противъ здѣшнихъ бродягъ со стороны генераль-губернатора М. С. Воронцова, они все-таки отъ времени до времени напоминали о своемъ существованіи, производя попрежнему нападенія на путешественниковъ и даже на помѣщичьи усадьбы. Преслѣдуемые же, однако, постоянно властями эти искатели приключеній доведены были въ концѣ концовъ до того, что стали искать спасенія на службѣ у южнорусскихъ землевладѣльцевъ, а также у богатыхъ нѣмцевъ-арендаторовъ и поселянъ, обязываясь исполнять хозяевамъ всевозможныя работы почти задаромъ, лишь бы избѣжать тюрьмы и ссылки; въ свою очередь хозяева могли весьма удобно скрывать нелегальныхъ работниковъ отъ зоркихъ глазъ исправника и становаго пристава, которые, впрочемъ, и сами частенько смотрѣли сквозь пальцы на подобные поступки мѣстныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ, получая зато весьма приличную мзду. Нечего, разумѣется, и говорить, что, пользуясь трудомъ безпаспортнаго люда, такіе хозяева очень рѣдко расплачивались добросовѣстно съ своими рабочими, которые по своему положенію безусловно не могли жаловаться на незаконныя дѣйствія помѣщика. Въ силу послѣднихъ обстоятельствъ, черноморская вольница еще долго могла бы

влачить свое преступное, но жалкое существованіе, если бы на помощь новороссійской администраціи не явился графъ Остенъ-Сакенъ, затѣявшій сформировать изъ здѣшнихъ бродягъ кавалерійскій полкъ. Получивъ на это разрѣшеніе правительства, Д. Е. принялся за дѣло съ такимъ умѣньемъ и энергіей, что не прошло и года, какъ въ его рукахъ оказалась значительная часть степныхъ «гайдамакъ». По словамъ очевидцевъ, въ это время по всѣмъ направленіямъ Новороссіи день и ночь скакали графскіе люди и полицейскіе чины, розыскивая бродягъ и вообще всякаго рода подозрительныхъ людей. Не было деревушки, хутора, оврага и лѣса, куда бы не заглянули ищейки Остенъ-Сакена. Слѣдствіемъ этого было то, что остальная «вольница» поспѣшила частью скрыться въ лѣса Бессарабіи и прикубанскія степи, а частью сочла болѣе благоразумнымъ приписаться всякими правдами и неправдами къ разнымъ мѣщанскимъ обществамъ. Лица же, вошедшія въ составъ сформированнаго графомъ Остенъ-Сакеномъ полка, получили полную «амнистію» и, принявъ вскорѣ участіе въ севастопольской кампаніи, выказали рѣдкую храбрость и самоотверженіе въ борьбѣ съ врагами отечества. Впослѣдствіи этотъ полкъ былъ зачисленъ въ регулярную кавалерію и получилъ названіе О-скаго уланскаго полка.

III.

Въ 1856 г. графъ Д. Е. оставилъ дѣйствительную службу и всецѣло посвятилъ себя хозяйству, дѣламъ благотворительности и молитвѣ. На первыхъ порахъ его сельскохозяйственныя занятія шли довольно успѣшно, благодаря энергіи самого владѣльца, а также умѣнію его управителя изъ поляковъ.

Въ это время земледѣліе и скотоводство въ имѣніи графа Остенъ-Сакена было поставлено вполне раціонально, служа такимъ образомъ примѣромъ для всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

Кромѣ прекрасныхъ плуговъ иностранной конструкціи, онъ ввелъ еще въ своемъ хозяйствѣ такъ называемыя «балансовыя» бороны, которыхъ, несмотря на ихъ несомнѣнныя достоинства, теперь уже почти нигдѣ не видно въ Новороссіи. Особенность этихъ боронъ состояла въ томъ, что онѣ, двигаясь по полю, принимали круговращательное движеніе, способствовавшее быстрому и прекрасному разрыхленію почвы. Для улучшенія своихъ овецъ и рогатаго скота графъ выписывалъ племенныхъ производителей изъ Германіи, Швейцаріи и Франціи, не останавливаясь въ этомъ отношеніи ни предъ какими затратами.

Всѣ административныя лица графскаго имѣнія боялись Остенъ-Сакена, какъ огня; причиною этого было то, что графъ Д. Е., несмотря на свою доброту, старался все-таки держать подчиненныхъ ему людей въ строгихъ рукахъ, а, отличаясь подчасъ необычайною

вспыльчивостью, онъ могъ расправиться съ любымъ изъ своихъ низшихъ «администраторовъ» чисто повоенному; однако, все увеличивающаяся съ теченіемъ времени наклонность графа къ мистицизму и пунктуальному исполненію мельчайшихъ религіозныхъ обрядностей послужила причиною того, что экономическая сторона хозяйства Остенъ-Сакена скоро сильно пошатнулась; въ особенности это стало для всѣхъ очевидно тотчасъ послѣ смерти управителя-поляка, который отличался рѣдкими административными способностями и глубокимъ знаніемъ агрономіи. Графъ искренно и долго сожалѣлъ о потерѣ этого разумнаго, добраго и честнаго человѣка. Въ усадьбѣ Остенъ-Сакена до сихъ поръ можно видѣть могилу этого управителя; на ней находится прекрасная плита съ краткою, но весьма выразительною надписью на польскомъ языкѣ. Разстройству графскаго хозяйства не мало способствовало еще то обстоятельство, что Д. Е. сильно увлекался сооруженіемъ различныхъ зданій и безграничною благотворительностью. Очутившись въ уединеніи деревенской жизни, графъ въ скоромъ времени принялся за постройку въ своемъ имѣніи церкви, мѣсто для которой было выбрано среди весьма живописной рощи, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ барскаго дома. Это сооруженіе сильно интересовало Д. Е., и онъ проводилъ значительную часть дня, сидя на какомъ нибудь камнѣ вблизи возводимаго зданія. По окончаніи постройки храма совершенно было торжественное освященіе его въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ особъ и императрицы Маріи Александровны, которая прибыла для этой цѣли изъ Петербурга по просьбѣ графа. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, Остенъ-Сакенъ получилъ отъ него для своей церкви частицы св. мощей многихъ угодниковъ. Эта святыня и до сихъ поръ хранится въ алтарѣ храма, привлекая всегда массу молящихся. Въ той же рощѣ, распланированной отчасти наподобіе Геосиманскаго сада вблизи Іерусалима, находится еще нѣсколько предметовъ, заслуживающихъ вниманія туриста. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ искусственныхъ гротовъ было устроено графомъ даже нѣчто въ родѣ виолеемскаго вертепа съ яслями и красивою звѣздой. Здѣсь также находилась частица святыхъ мощей, горѣла неугасимая лампада и въ опредѣленные дни совершалось богослуженіе; въ праздникъ же Рождества Христова подлѣ яслей привязывался для большей реальности и осель. Въ этомъ вертепѣ безотлучно находился особый старикъ-монахъ, получавшій содержаніе отъ графа и обязанный слѣдить за чистотою и неприкосновенностью вертепа. Послѣ смерти Д. Е. вертепъ существовалъ еще около десяти лѣтъ; но затѣмъ, вслѣдствіе образовавшейся вверху грота трещины, велѣно было вынести оттуда всѣ священные предметы и навсегда упразднить эту странную «копію» съ виолеемской святыни.

Неподалеку отъ храма была расположена еще часовня, устроенная надъ фамильнымъ склепомъ графовъ Остенъ-Сакеновъ и тоже напоминавшая собою часовню, устроенную надъ гробомъ Господнимъ. Въ прежнее время по обѣ стороны ея дверей были нарисованы даже турецкіе часовые, якобы оберегающіе входъ въ одну изъ величайшихъ христіанскихъ святынь. Здѣсь тоже горѣла неугасимая лампада, стояла гробница со св. мощами и часто служились панихиды, на которыхъ постоянно присутствовали самъ графъ, а иногда и члены его семейства. Но самую интересную достопримѣчательность рощи составляла подлинная келья извѣстнаго русскаго святителя, Димитрія Ростовскаго. Перевозка этой кельи на разстояніи почти 2000 верстъ стоила графу не малыхъ денегъ и хлопотъ; кромѣ того, осуществленіе подобной затѣи сопряжено было еще съ массою другихъ затрудненій; и только благодаря участію того же митрополита Филарета, Остенъ-Сакену удалось довести до конца задуманное дѣло. Въ виду того, что доставленная въ усадьбу графа келья отличалась уже необыкновенною ветхостю, пришлось устроить надъ нею особаго рода каменное прикрытіе; сама же келья была превращена въ часовню, гдѣ, кромѣ иконы, подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, аналоя и другихъ священныхъ предметовъ, постоянно горѣла лампада предъ частію мощей св. Димитрія Ростовскаго. На самомъ берегу большого пруда, занимавшаго глубокую долину среди рощи, стояли три довольно изящныхъ домика, для помѣщенія въ нихъ трехъ инвалидовъ О—скаго полка, шефомъ котораго графъ состоялъ до самой своей смерти. Какъ только кто либо изъ этихъ инвалидовъ умиралъ, Д. Е. тотчасъ же замѣщалъ свободную вакансію новымъ лицомъ изъ числа солдатъ того же полка. На обязанности этихъ инвалидовъ лежалъ, между прочимъ, присмотръ за рощей, а также забота о поддержаніи въ должной чистотѣ лѣсныхъ дорожекъ и двора подлѣ домиковъ. Общее наблюденіе за рощей принадлежало садовнику Матвѣю, которому было памятно еще возникновеніе этого лѣса. По его словамъ (старикъ, какъ жетса, уже умеръ), графъ садеть бывало на лошадь и ѣдетъ по отведенному для рощи мѣсту, а садовникъ долженъ ставить колья въ тѣхъ точкахъ, гдѣ стояли лошадиныя ноги; затѣмъ на этихъ мѣстахъ производилась посадка деревьевъ. Часто графъ, проѣзжая по извилистымъ дорожкамъ рощи въ небольшомъ экипажѣ, приказывалъ садовнику водить подъ уздцы лошадь по нѣскольку часовъ сряду; при этомъ Остенъ-Сакенъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы колеса экипажа не портили на поворотахъ правильности дорожекъ; если же это случалось, то на голову неосторожнаго садовника сыпался градъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, а то и ударовъ хлыстомъ. На первыхъ порахъ Матвѣй, конечно, безропотно переносилъ эту ругань и «заушенія», но въпослѣдствіи, когда графъ по причинѣ старости сдѣлался глухъ, садовникъ, выслушивая брань Остенъ-

Сакена, тоже не оставался въ долгу, осыпая съ своей стороны отборными ругательствами и барина.

Графъ, какъ оказывалось, хотя и не слышалъ, но отлично понималъ, въ чемъ дѣло, и когда садовникъ слишкомъ ужъ возвышалъ голосъ, онъ спокойно произносилъ слѣдующую фразу:

— Матвѣй, закрой ротъ, а не то языкъ простудишь...

Домики инвалидовъ были просторны, свѣтлы и чисты; какъ наружная, такъ и внутренняя отдѣлка ихъ отличалась довольно изящнымъ видомъ; полы въ каждомъ изъ нихъ были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ камней, представляя собою нѣчто въ родѣ инкрустацій. Не задолго до своей смерти Остенъ-Сакенъ вздумалъ было построить на мѣстѣ этихъ домиковъ настоящій пріютъ для нѣсколькихъ десятковъ престарѣлыхъ лицъ; но затѣй его не суждено было осуществиться. Изъ всѣхъ домиковъ до настоящаго времени уцѣлѣлъ только одинъ; въ немъ теперь живутъ въ качествѣ пансіонеровъ старикъ-регентъ и какая-то вдова; оба и до сихъ поръ получаютъ ежегодно отъ наслѣдниковъ графа незначительное денежное вспомошествованіе.

IV.

Домъ Остенъ-Сакена представлялъ собою довольно оригинальное зданіе. Выстроенный еще чуть ли не въ концѣ прошлаго столѣтія и отличавшійся прежде весьма скромными размѣрами, онъ съ теченіемъ времени такъ расширился множествомъ разнообразнѣйшихъ пристроекъ, что къ концу семидесятыхъ годовъ, по своему внѣшнему виду, уже напоминалъ не то Ноевъ ковчегъ, не то какой-то гигантскій грибъ. Во всемъ домѣ была только одна сколько нибудь порядочная обширная и высокая комната; это — гостиная, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что представляла внутренность какой-то богатой кунсткамеры, въ которой хранилось безчисленное множество весьма дорогихъ и рѣдкихъ подарковъ, пожалованныхъ Остенъ-Сакену въ разное время высочайшими особами. Особенною же оригинальностью и простотою отличался кабинетъ самого графа. Онъ былъ сдѣланъ на подобіе сруба обыкновенной крестьянской избы въ строго выдержанномъ старо-русскомъ стилѣ. Внутри этого кабинета не было ни обоевъ, ни какихъ либо другихъ украшеній, если не считать изящной рѣзной работы вокругъ оконъ и дверей. Въ комнатѣ находились только: простая походная кровать, небольшой столъ, покрытый чернымъ сукномъ, и аналой, на которомъ постоянно лежало раскрытое евангеліе; по обѣ стороны аналая, а также въ переднемъ углу подъ образами, стояли большіе подсвѣчники (ставники) для восковыхъ свѣчей; позади аналая стояло большое распятіе. Въ кабинетѣ также теплилась неугасимая лампада. Такимъ образомъ эта комната во многомъ напоминала собою часовню или келью какого нибудь схимника.

Вставалъ Д. Е. очень рано, зимою—въ 6—7 часовъ, а лѣтомъ въ 4 часа. Вскочивъ съ постели, онъ тотчасъ же умывался и одѣвался по большей части самъ, безъ помощи лакея, затѣмъ становился на колѣни предъ распятіемъ и громкимъ голосомъ произносилъ утреннія молитвы, послѣ этого вставалъ и, перейдя къ аналою, прочитывалъ еще нѣсколько главъ изъ евангелія. Въ такихъ занятіяхъ Д. Е. проводилъ около часу, послѣ чего отворялъ дверь кабинета и принималъ нѣкоторыхъ членовъ семьи, а такъ же служащихъ, являвшихся къ графу по дѣламъ хозяйства. Каждый изъ нихъ, войдя въ кабинетъ долженъ былъ прежде всего пожелать Д. Е. добраго утра, потомъ сдѣлать нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ распятіемъ и прочитать молитву за царя; если же кто забывалъ сдѣлать это, то графъ самъ напоминалъ ему, говоря:

— А за батюшку-государя забылъ помолиться? Сію же минуту становись опять на колѣни и читай: «Спаси, Господи, люди твоя»... Не надо забывать, что каждый вѣрнопопанный россиянинъ долженъ ежедневно молиться о томъ, кто послѣ Господа-Бога является для насъ главнымъ отцомъ и попечителемъ на землѣ...

По окончаніи этихъ обрядностей Д. Е. давалъ присутствующимъ въ кабинетѣ лицамъ свое благословеніе и допускалъ ихъ къ цѣлованію графской руки, а затѣмъ уже дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія по хозяйству. Такой порядокъ соблюдался ежедневно; нѣкоторыя измѣненія допускались только во время большихъ праздниковъ, а также въ случаѣ болѣзни графа.

Послѣ утренняго чая, Остенъ-Сакенъ отправлялся по хозяйству, не переставая шептать молитвы и раздавать благословенія встречающимся во дворѣ и саду людямъ. Если погода стояла хорошая, то Д. Е. садился въ маленькую одноколку, въ которую долгое время закладывался его любимый конь Васька, и отправлялся въ поле, взявъ съ собою въ дорогу маленькое евангеліе, завернутое въ кусокъ чернаго бархату. Все имѣніе графа, около 3.000 десятинъ, было раздѣлено на квадраты, или клѣтки по 10 десятинъ въ каждой; по угламъ каждой изъ этихъ «клѣтокъ» лежали большіе камни съ вырѣзанными на нихъ инициалами Остенъ-Сакена. Подѣзжая къ какому нибудь изъ этихъ межевыхъ знаковъ, Д. Е. останавливался, открывалъ евангеліе и прочитывалъ изъ него строкъ пять-шесть. Такого рода чтеніе совершалось графомъ и въ томъ случаѣ, если въ экипажѣ находилось какое нибудь постороннее лицо. Эти остановки на межахъ до того вошли въ привычку Д. Е., что не только онъ, но и его лошадка никогда бывало не пропустить лежащаго на границѣ «клѣтки» камня. Остановившись на межѣ, умный Васька трогался дальше только тогда, когда графъ прекращалъ чтеніе евангелія. Проѣзжая мимо какого нибудь стада рогатаго скота, табуна или «кирда» овецъ, графъ требовалъ, чтобы пастухи подходили къ нему, выслушивали нѣсколько стиховъ изъ евангелія и цѣловали

руку Д. Е., который благословлялъ ихъ, подобно священнику. Находясь въ добромъ настроеніи духа, Остенъ-Сакенъ вступалъ въ бесѣду съ пастухами.

— Ну, что, какъ васъ тутъ Господь милуетъ?—спрашивалъ онъ ихъ.—Здорова ли ваша скотина и не нуждается ли она въ чемъ нибудь?

— Слава Богу, ваше сіятельство, все пока обстоитъ благополучно...

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, и да сохранить васъ Господь-Вседержитель и на будущее время отъ всякихъ бѣдъ и напастей... Не забывайте только воздавать Ему должную хвалу утромъ, вечеромъ и во всякъ часъ дня!..

— Слушаемъ, ваше сіятельство!—отвѣчали съ притворнымъ благоговѣніемъ пастухи, надѣвая свои шапки и возвращаясь обратно къ стадамъ, гдѣ, спустя нѣкоторое время, преспокойнѣйшимъ образомъ рѣзали барскаго барашка и съѣдали его за здоровье графа.

Часто Остенъ-Сакенъ бралъ въ свою одноколку кого либо изъ экономическихъ администраторовъ, и тѣ впослѣдствіи много рассказывали о необыкновенной религіозности Д. Е., который во время такихъ объѣздовъ не стѣнялся повѣствовать сидящему съ нимъ въ экипажѣ лицу о своемъ прошломъ. Чаше всѣхъ другихъ графа сопровождалъ въ этихъ поѣздкахъ нѣкто С., служившій у него въ качествѣ управляющаго послѣ смерти поляка-агронома. Видя рѣдкую набожность Остенъ-Сакена, упомянутый С. спросилъ его однажды:

— Почему это вы, ваше сіятельство, такъ часто читаете евангеліе и почти безпрестанно шепчете молитвы? Мнѣ кажется, что даже монахи не удѣляютъ столько времени бесѣдѣ съ Богомъ?

На это графъ отвѣтилъ:

— Если бы я могъ вдвое больше времени употреблять на молитвы и чтеніе этой св. книги, то и тогда не замолилъ бы всѣхъ своихъ прегрѣшеній, сдѣланныхъ мною въ молодости.

— Но развѣ у вашего сіятельства есть на душѣ больше грѣховъ, чѣмъ у другихъ подобныхъ вамъ лицъ?—продолжалъ С.

— О-хо-хо, голубчикъ,—отвѣчалъ графъ:—велики были дѣла на моихъ рукахъ, но зато и немалыми грѣхами отягчена душа моя.

— Однако, насколько мнѣ извѣстно,—замѣтилъ С.,—ваше сіятельство всегда пользовались рѣдкимъ расположеніемъ государя императора; изъ этого я заключаю, что находившіяся на вашихъ рукахъ дѣла были въ прекрасномъ состояніи...

— Такъ-то оно такъ, голубчикъ С., но, благодаря своей ужасной вспыльчивости, я подчасъ слишкомъ сурово обращался съ людьми, за что неоднократно получалъ выговоры отъ самого императора Николая Павловича. Ты видѣлъ надняхъ у меня въ кабинетѣ залитую свинцомъ саблю, а?

— Видѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ С.

— А приходилъ ли тебѣ въ голову вопросъ: чего ради у такого лица, какъ я, была залита сабля?

— Да, я, дѣйствительно, не разъ задумывался надъ этимъ вопросомъ, ваше сіятельство.

— То-то же, а причина тому не маленькая. Ты вотъ говоришь, что меня царь-батюшка любилъ и любить; это—вѣрно, но бывали случаи, что онъ на меня сильно гнѣвался, и причиною того была одна моя вспыльчивость; изъ-за нея и саблю мою залили по приказу императора Николая Павловича; хоть это и шутя было сдѣлано, однако все-таки подобное наказаніе для генерала великій позоръ.

— По какому же случаю, позвольте, ваше сіятельство, спросить, было примѣнено такое наказаніе?—обратился къ графу С.

— А вотъ, видишь ли, донесли мнѣ какъ-то подъ Силистріей, что одинъ изъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ снюхался будто бы съ непріателемъ и затѣваетъ, что-то недоброе противъ своего же государя и отечества. Понятное дѣло, что подобная штука возмутила меня до глубины души. Я немедленно потребовалъ къ себѣ измѣнника и, не вдаваясь въ подробное разбирательство дѣла, съ грязью смѣшалъ офицера и тутъ же хотѣлъ собственноручно снять ему голову. Къ счастью, Господь во время образумилъ меня, и рука моя такъ и застыла въ воздухѣ съ обнаженною саблею, лишь только мнѣ пришла въ голову мысль, что стоящій предо мною офицеръ можетъ оказаться совершенно невиновнымъ въ взведенномъ на него преступленіи... Такъ оно впоследствии и вышло. Между тѣмъ объ этомъ происшествіи узналъ какимъ-то образомъ государь и при первомъ случаѣ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе за неумѣстную горячность. «Въ виду же того», присовокупилъ его величество, «что съ тобой подобныя вещи случались уже неоднократно, я повелѣваю залить свинцомъ твою саблю; для охраны же твоей особы достаточно будетъ и находящагося при тебѣ конвоя, который я могу оставить при тебѣ до твоей смерти». И, дѣйствительно, этотъ конвой сохранили мнѣ и по выходѣ моемъ въ отставку.

Залитую свинцомъ саблю Остенъ-Сакенъ часто показывалъ г. С.

По поводу необычайной вспыльчивости графа существуетъ среди мѣстныхъ житетей еще слѣдующаго рода легенда. Узнавъ, что одинъ изъ его сыновей, крестникъ государыни, вступилъ въ сношенія съ польскими мятежниками, Остенъ-Сакенъ явился въ Петербургъ и, позвавъ къ себѣ молодого человѣка, лишилъ его жизни. Совершивъ это ужасное преступленіе, графъ отправился тотчасъ же къ императору и чистосердечно рассказалъ ему обо всемъ. Что послужило основаніемъ къ распространенію столь удивительной легенды,—трудно сказать, но что она существуетъ въ нѣсколькихъ вариантахъ и перешла далеко за предѣлы описываемой мною мѣстности,—этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

V.

Въ праздничные дни Остенъ-Сакенъ отправлялся въ церковь по первому звону колокола, дабы всё приготовленія къ совершенію божественной литургіи были сдѣланы подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Сначала Д. Е. ходилъ въ храмъ пѣшкомъ, но по мѣрѣ приближенія старости онъ сталъ ѣздить туда въ каретѣ, въ которую впрягались не лошади, а обыкновенные украинскіе волаы съ вызолоченными рогами. Въ Вербоное же воскресенье вмѣсто воловъ употреблялся тотъ оселъ, который фигурировалъ по временамъ въ «виолеевской» пещерѣ. Для большей торжественности на ослѣ возсѣдалъ кто нибудь изъ графской дворни. Нечего и говорить, что на первыхъ порахъ эти оригинальные «выѣзды» Остенъ-Сакена привлекали къ себѣ массу любопытныхъ, но съ теченіемъ времени народъ до того присмотрѣлся къ злоторогимъ воламъ и ослу, что ужъ почти никакого вниманія не обращалъ на экипажъ графа. Съ такими же церемоніями Д. Е. разъѣзжалъ изрѣдка и по сосѣдямъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Остенъ-Сакенъ предпочиталъ воловъ лошадямъ потому, что при такомъ способѣ передвиженія совершенно устранялась опасность вылетѣть когда нибудь изъ экипажа и поплатиться боками, а то и жизнью. Во всякомъ случаѣ такого рода «путешествія» представляли нѣчто въ высшей степени комичное, и молва о нихъ переходила далеко за предѣлы нашей губерніи...

— Для чего же вы, Д. Е., рога-то этимъ воламъ велѣли вызолотить?—спросить кто нибудь изъ гостей.

— А для того,—отвѣчаетъ графъ,—чтобы этихъ животныхъ не взялъ кто нибудь по ошибкѣ въ другую работу; вѣдь они у меня считаются до нѣкоторой степени священными воликами...

Въ церкви графъ любилъ до глубокой старости исполнять многія обязанности пономаря: онъ зажигалъ свѣчи и лампы, носилъ свѣчу впереди священника во время большого и малаго выходовъ; когда же совершалось причащеніе мірянъ, Остенъ-Сакенъ собственноручно подводилъ каждаго мужика къ св. чашѣ, стараясь слабыхъ поддерживать, а дѣтей даже приподнималъ, хотя въ послѣднее время уже и самъ еле-еле держался на ногахъ.

Въ усадьбу графа народъ стекался на богомолье, словно въ какой нибудь монастырь. Объясняется это, во-первыхъ, присутствіемъ въ церкви и часовняхъ Остенъ-Сакена мощей многихъ угодниковъ, а, во-вторыхъ, религіозностью самого владѣльца, который съ рѣдкою внимательностью и радушіемъ относился всегда къ богомольцамъ. Въ особенности много народу собиралось сюда въ такіе дни, какъ Вознесенье, Пятидесятница, Воздвиженье Креста Господя и храмовой праздникъ. Въ такое время здѣсь оказывалось нищихъ и всевозможнаго рода странниковъ несмѣтное число, и каждый изъ нихъ

получалъ отъ Д. Е. изрядную лепту. Сначала раздачею милостыни завѣдывалъ домашній врачъ графа, которому, какъ лицу, пользовавшемуся большою довѣренностью со стороны Остенъ-Сакена, отпускалась для этой цѣли опредѣленная сумма денегъ; впослѣдствіи же, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, этимъ дѣломъ руководила одна молоденькая особа, исполнявшая въ то же время и обязанности домашняго секретаря графа и графини. Кстати, замѣчу, что за исключеніемъ этой дѣвицы, въ домѣ Сакена постоянно жили и останавливались въ качествѣ гостей лица весьма преклонныхъ лѣтъ. По поводу этого обстоятельства рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ.

Къ Д. Е. часто заѣзжали почти все епархіальные архіереи не только во время ревизіи своихъ епархій, но и неофициальнымъ образомъ; нѣкоторые изъ нихъ гостили у графа по нѣсколько дней и служили литургію въ мѣстной церкви. Въ такое время все принимало въ усадьбѣ праздничный видъ, приглашались болѣе почетные сосѣди, и вообще замѣтно было значительное оживленіе. Правда, и въ подобныхъ случаяхъ домашняя жизнь и вся обстановка Д. Е. мало чѣмъ отличались отъ порядковъ какой нибудь иноческой обители, а бесѣда собравшихся къ графу гостей не выходила за предѣлы общеизвѣстныхъ духовныхъ темъ; однако самъ Остенъ-Сакенъ во многомъ измѣнялъ свой обычный режимъ, что отражалось и на внѣшности Д. Е., который наряжался въ парадный мундиръ, а въ церковь надѣвалъ все ордена, приводя въ крайнее удивленіе присутствующихъ на литургіи крестьянъ, находившихъ, что на груди Остенъ-Сакена гораздо больше крестовъ, чѣмъ образовъ на иконостасѣ; кромѣ того, графъ въ такіе дни меньше занимался чтеніемъ евангелія и молитвъ, а все почти время посвящалъ гостямъ. Однажды усадьбу Остенъ-Сакена посѣтилъ архіепископъ одесскій Платонъ, бывшій впослѣдствіи кievскимъ митрополитомъ. За обѣдомъ, устроеннымъ въ честь такого почетнаго гостя, очутились слѣдующія лица: самъ Д. Е., имѣвшій уже около 90 лѣтъ, его супруга мало чѣмъ уступавшая въ возрастъ своему мужу, архіерей—80 лѣтъ, домашній докторъ графа—90 съ лишнимъ лѣтъ, гувернантка графини—болѣе 80 лѣтъ, сосѣдка-генеральша—70 лѣтъ, садовникъ—85 лѣтъ и еще нѣсколько стариковъ приблизительно такого же возраста. Когда гости уѣли за столъ, то Остенъ-Сакенъ, обратившись къ нимъ, замѣтилъ въ шутиломъ тонѣ:

— Если бы сложить лѣта всехъ присутствующихъ здѣсь въ данный моментъ, то получилось бы сумма, далеко превышающая число пятьсотъ.

— А я такъ полагаю,—прибавилъ владыка,—что сегодня за столомъ вашего сіятельства обѣдаетъ цѣлое тысячелѣтіе...

Весьма естественно, что отсутствіе молодежи, а также постоянное и самое строгое соблюденіе мельчайшихъ религіозныхъ обря-

довъ со стороны Остенъ-Сакена, служило причиною того обстоятельства, что заѣзжавшіе къ нему изрѣдка вмѣстѣ съ своими дѣтьми сыновья не долго засиживались въ усадьбѣ и спѣшили поскорѣе выбратъся на вольный свѣтъ изъ монастырской атмосферы графскаго дома; для овдовѣвшей же невѣстки, принужденной по многимъ соображеніямъ жить нѣкоторое время въ деревнѣ, Д. Е. выстроилъ совершенно отдѣльный домъ.

VI.

По мѣрѣ приближенія глубокой старости, характеръ Остенъ-Сакена подвергался быстрой перемѣнѣ: прежняя необузданная вспыльчивость уступала мѣсто спокойному и разумному отношенію къ окружающимъ модамъ и предметамъ, а врожденная доброта графа превращалась въ самую широкую благотворительность и всепрощеніе. И старый, и малый, и знатный, и простолюдинъ, всѣ шли къ Д. Е. за помощью, протекціей или за совѣтомъ; и не было кажется случая, чтобы кто нибудь изъ нихъ уходилъ отъ графа неудовлетвореннымъ. Не говоря уже о томъ, что причтъ его церкви, а также всѣ лица, имѣвшія какое бы то ни было отношеніе къ храму, вертепу и часовнѣ, содержались исключительно на счетъ Остенъ-Сакена, къ нему стекались нищіе и всякаго рода обиженные судьбой люди за десятки и сотни верстъ; особенно много ихъ можно было встрѣтить здѣсь въ тѣ дни, когда графъ получалъ свою аренду, что случилось нѣсколько разъ въ годъ. Вообще щедрость покойнаго Д. Е. въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ, и если бы не вмѣшательство графини, которая пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы не допускать къ мужу разныхъ попрошаекъ, то Остенъ-Сакенъ могъ бы въ короткое время раздать все свое имущество. Не мало добра дѣлалъ графъ крестьянамъ еще тѣмъ, что неоднократно принималъ на себя роль третейскаго судьи относительно разбора многихъ тяжбъ, такъ часто встрѣчающихся въ деревенскомъ быту и ведущихъ нерѣдко мужика къ полному разоренію, если только никто не наставитъ его на первыхъ же порахъ на путь истины. Зная нелицепріятность и доступность графа, крестьяне и крестьянки зачастую обращались къ его справедливому суду; при этомъ Д. Е. въ большинствѣ случаевъ стремился къ тому, чтобы склонить спорящихъ на миръ, говоря: «Самъ Спаситель и святые угодники Божіи совѣтовали людямъ жить въ мирѣ и прощать обижающимъ и ненавидящимъ насъ...». Достоинно, между прочимъ, удивленія то обстоятельство, что послѣ графскаго разбирательства никто изъ мужиковъ не прибѣгалъ къ апелляціи...

Получая, кромѣ пенсіи, еще 12.000 аренды, пожалованной ему государемъ по окончаніи Севастопольской войны, Д. Е. тратилъ почти всю эту сумму, а также значительную часть доходовъ имѣнія

на дѣла благотворительности; причѣмъ деньги раздавались не только въ усадьбѣ и селѣ, но разсылались еще по нѣкоторымъ монастырямъ и столичнымъ богоугоднымъ заведеніямъ. Не довольствуясь выстроеннымъ уже храмомъ, графъ не задолго до своей смерти приступилъ къ сооруженію еще небольшой зимней церкви, которая должна была соединяться посредствомъ коридора съ домомъ. Однако, это зданіе не было окончено, такъ какъ графиня и остальные члены семейства не сочувствовали новой затѣѣ старика, находя, что для нихъ и для мѣстнаго населенія вполнѣ достаточно и одной церкви. Пока еще Остенъ-Сакенъ былъ въ состояніи самъ руководить работами по постройкѣ затѣянныхъ имъ сооружений, то онъ, во избѣжаніе излишнихъ сценъ съ женой, велѣлъ, чтобы наблюдавшій за рабочими церковный староста являлся къ нему за приказаніями какъ можно пораньше, т. е. пока графиня еще въ постели; при этомъ неоднократно случалось, что староста, войдя въ кабинетъ и видя спящаго еще Д. Е., подолгу ждалъ его пробужденія. Замѣтивъ это, графъ и говоритъ однажды церковному старостѣ:

— Что же ты, братецъ, не будишь меня тотчасъ же, какъ войдешь въ комнату, а?

— Не осмѣливаюсь беспокоить васъ, ваше сіятельство.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же не осмѣливаешься, коли я тебѣ это приказываю самъ дѣлать постоянно!

— Да я, ваше сіятельство, не знаю, какъ будить васъ,—отвѣчаетъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ мужикъ.

— Ха-ха-ха!—покатился графъ со смѣху... Что же, или тебѣ никогда не приходилось будить спящаго человѣка?

— Какъ не приходилось?—приходилось, ваше сіятельство; но то человѣкъ, а то вы...

— А я, что же, по твоему, не человѣкъ?—и при этомъ графъ расхохотался больше прежняго.

— Ну, такъ я научу тебя, братецъ, какъ надо будить меня. Полагаю, ты еще помнишь, какъ мы встрѣчали однажды государя Николая Павловича, и какъ я разбудилъ его въ каретѣ?

— Помню, помню, ваше сіятельство.

— Такъ вотъ тебѣ и примѣръ; если я осмѣлился потянуть за ногу спящаго императора, то чего же тебѣ не попытаться и меня будить подобнымъ же образомъ, а?

Мужикъ молча ухмылялся.

— Смотри же,—заклучилъ графъ:—какъ только застанешь меня спящимъ, тотчасъ же безъ всякой церемоніи тащи за ноги...

Надо отдать справедливость церковному старостѣ: онъ неоднократно съ пунктуальной точностью исполнялъ это оригинальное приказаніе. Когда Д. Е. не могъ уже совершенно выходить изъ дому и наблюдать за работами, тогда по распоряженію графини была окончательна приостановлена постройка новой церкви и приюта,

основаніе котораго можно видѣть и до сихъ поръ въ усадьбѣ Остенъ-Сакена; тѣмъ не менѣе, графу ежедневно дѣлали подробный докладъ о ходѣ работъ относительно воздвигаемыхъ зданій. Выслушивая эти доклады, Д. Е. снабжалъ являвшагося къ нему старосту новыми инструкціями, планами и чертежами, радуясь отъ души, что его предпріятія близятся къ осуществленію.

VII.

Пользуясь постояннымъ расположеніемъ государя, Остенъ-Сакенъ часто имѣлъ возможность помогать многимъ лицамъ и въ Петербургѣ своимъ заступничествомъ и ходатайствомъ. Такъ, напримѣръ, еще до сихъ поръ свѣжо въ памяти всѣхъ здѣшнихъ обывателей то участіе, которое принималъ покойный графъ въ судьбѣ декабриста Н. И. Лорера и его дочери, которая послѣ отправления отца въ Сибирь осталась круглою сиротою на рукахъ своего дяди Д. И. Лорера; имѣніе этого послѣдняго находилась, какъ я уже говорилъ выше, на той же «Царской» дорогѣ, верстъ на 20 южнѣе усадьбы Остенъ-Сакена. Благодаря ходатайству графа, Н. И. Лореръ былъ возвращенъ изъ Сибири гораздо раньше извѣстнаго манифеста. Правда, возвращеніе это было обусловлено тѣмъ, чтобы Лореръ жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ В—кѣ, доставшейся ему въ наслѣдство послѣ генерала В—скаго вскорѣ по пріѣздѣ на родину. Не мѣшаетъ тутъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ изъ жизни м-ле Лореръ, находившейся нѣкоторое время подъ покровительствомъ Остенъ-Сакена. Окончивъ образованіе въ одномъ изъ столичныхъ учебныхъ заведеній, она затѣмъ снова вернулась къ своему дядѣ и долго еще жила у него на правахъ ближайшей, но бѣдной родственницы. Несмотря на свою привлекательность, м-ле Лореръ нескоро нашла себѣ мужа; причиною этого было, во-первыхъ, то, что сосланный въ Сибирь Н. И. Лореръ не оставилъ своей дочери почти никакого состоянія, а, во-вторыхъ, что на нее, какъ на дочь декабриста, всѣ смотрѣли съ нѣкоторою подозрительностью, опасаясь даже связывать свою судьбу съ этой дѣвушкой. Вотъ тутъ-то ей на помощь и подоспѣлъ графъ Остенъ-Сакенъ. Замѣтивъ, что его адъютантъ Г—съ неравнодушенъ къ м-ле Лореръ, и что она также симпатизируетъ молодому офицеру, Д. Е. взялся самъ за устройство свадьбы; когда же Г—съ заявилъ, что главнымъ препятствіемъ къ браку является матеріальная необеспеченность жениха и невѣсты, то графъ обѣщалъ сдѣлать своего адъютанта въ самомъ непродолжительномъ времени полковымъ командиромъ. Нечего и говорить, что, заручившись покровительствомъ и поддержкой такого лица, какъ Остенъ-Сакенъ, Г—съ посмѣлился сдѣлать предложеніе м-ле Лореръ. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ получилъ команду надъ О—скимъ уланскимъ полкомъ. Спустя нѣ-

сколько лѣтъ, Г—су досталось въ наслѣдство около 7.000 десятинъ земли, принадлежавшей упомянутому выше генералу В—скому, такъ какъ возвратившійся изъ ссылки Лореръ безусловно отказался вести хозяйство въ полученномъ имѣніи и передалъ все дочери. Сдѣлавшись такимъ образомъ однимъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, Г—съ поспѣшилъ оставить военную службу и принялся хозяйничать; а такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи оказался полнѣйшимъ профаномъ, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, несмотря на свободное отъ всякихъ долговъ помѣстье и на перевозку въ усадьбу значительной части полкового имущества, нашъ молодой хозяинъ скоро успѣлъ такъ запутаться, что поневолѣ пришлось познакомиться съ кредитными учрежденіями. Правда, быстрому разоренію Г—са немало способствовали и семейныя дѣла, въ особенности съ того времени, какъ его жена сочла необходимымъ перѣѣхать въ Италію для образованія дѣтей. Тутъ ужъ потребовались ежегодно баснословныя суммы денегъ; а, между тѣмъ, какъ разъ въ эту пору начался рядъ неурожайныхъ годовъ, падежъ скота, и хозяйство, несмотря на всѣ ухищренія ученаго нѣмца агронома, пришло въ окончательный упадокъ. На нѣкоторое время дѣла Г—са поправились, благодаря смерти Д. И. Лорера, оставившаго своей племянницѣ около 3.000 десятинъ земли. Однако, и это имѣніе скоро было заложено въ банкъ, такъ какъ выдача нѣсколькихъ дочерей замужъ, а затѣмъ болѣзнь жены, чуть ли не удесятирили бывшіе до того времени расходы Г—са. Наступали сроки банковскихъ платежей, а денегъ въ наличности не оказывалось. Приходилось понемножку спускать землю. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ первой продажи, какъ Г—су пришлось продать всѣ свои помѣстья. Расплатившись съ кредиторами, онъ уѣхалъ въ Прибалтійскій край, гдѣ на оставшіяся крохи приобрѣлъ клочекъ земли десятинъ въ 300 и сталъ доживать свой вѣкъ... Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовались великолѣпныя зданія усадьбы Д. И. Лорера, гдѣ царили роскошь и богатства стариннаго барства, гдѣ останавливались и подолгу гостили высочайшія особы,—въ настоящее время, повторяю, тамъ господствуетъ мерзость запустѣнія. Переходя изъ рукъ въ руки, одно имѣніе Лорера досталось какому-то кулаку, который окончательно разорилъ старое «дворянское гнѣздо», превративъ большую часть полуразвалившихся зданій въ магазины для сѣпки хлѣба; а на мѣстѣ бывшаго сада и парка построилъ скотныхъ дворовъ и «кошаръ» для испанскихъ овецъ.

VIII.

Такъ какъ безграничная щедрость графа и его сооруженія требовали большихъ расходовъ, то весьма естественно, что для удовлетворенія ихъ пришлось скоро заложить въ банкъ помѣстье. Полу-

ченная посредствомъ этой операціи сумма также быстро была израсходована, послѣ чего получаемой Остенъ-Сакеномъ аренды еле-еле хватало на погашеніе банковскихъ платежей. Въ эту критическую пору графа поддержалъ самъ государь, а произошло это слѣдующимъ образомъ. По случаю исполнявшагося пятидесятилѣтняго служенія Остенъ-Сакена въ генеральскихъ чинахъ ему была высочайше пожалована сабля, украшенная брильянтами, и выражено особое монаршее благоволеніе. Вскорѣ послѣ этого графскому имѣнію стала угрожать публичная продажа за долги. Дабы избѣжать этого скандала, Д. Е. рѣшился, какъ говорятъ, заложить находящіеся на саблѣ брильянты, а на ихъ мѣсто вставить искусственные камни. Когда объ этомъ узналъ императоръ Александръ Николаевичъ, то при первой же встрѣчѣ сдѣлалъ Остенъ-Сакену за это выговоръ.

— Виноватъ, ваше императорское величество, — послѣшилъ извиниться графъ: — причиною такого обстоятельства была моя чрезмѣрная благотворительность, слѣдствіемъ которой оказалась крайняя задолженность принадлежащаго мнѣ имѣнія...

Спустя нѣкоторое время, государь велѣлъ принять долги Остенъ-Сакена на счетъ казны, а подлинные брильянты водворить на прежнее мѣсто.

Знакомство съ мѣстною аристократіею графъ поддерживалъ весьма слабо, да и не любилъ онъ подолгу засиживаться въ гостяхъ и вести разговоры на современные темы. Будучи нѣкоторое время начальникомъ южнорусскихъ поселеній, онъ изрѣдка заѣзжалъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ всегда останавливался въ домѣ полковника Р—скаго. Сюда въ такихъ случаяхъ заходили два мѣстныхъ генерала П. и С., извѣстныхъ между прочимъ, тѣмъ, что, несмотря на связывавшую ихъ дружбу, вели между собою нескончаемые споры по поводу какого нибудь военного вопроса. Слушая эти жаркіе дебаты, Остенъ-Сакенъ часто говорилъ съ добродушной улыбкой Р—скому:

— Послѣ бесѣды этихъ двухъ Аяковъ у меня въ головѣ пѣлую недѣлю шумить, а сути ихъ спора все-таки никогда не уловишь.

Полковникъ спрашивалъ графа:

— Почему же вы сами, Д. Е., никогда не вмѣшаетесь въ ихъ бесѣду?

— Да это положительно невозможно, такъ какъ съ гг. С. и П. только въ томъ случаѣ удастся заговорить, когда кто нибудь изъ нихъ закашляется или начнетъ чихать...

Я забылъ сказать выше, что Остенъ-Сакенъ заканчивалъ свой день также продолжительными молитвословіями въ присутствіи нѣкоторыхъ служащихъ въ экономіи и членовъ семьи; даже ночью можно было видѣть его стоящимъ на колѣняхъ предъ распятіемъ или читающимъ евангеліе у аналоя.

Умеръ графъ, какъ извѣстно, спустя два или три дня послѣ смерти государя Александра Николаевича. Извѣстіе объ этомъ ужасномъ событіи до того сильно подѣйствовало на Д. Е., что онъ тотчасъ же слегъ въ постель и больше уже не вставалъ съ нея. По приказанію графини, уѣхавшей вскорѣ за границу, вся находившаяся въ кабинетѣ ея мужа въ день его кончины обстановка сохраняется въ неприкосновенности и до сихъ поръ. У гроба покойнаго графа въ теченіе нѣсколькихъ дней стоялъ почетный караулъ отъ О—скаго полка, такъ какъ погребеніе тѣла было отложено до пріѣзда одного изъ сыновей Остенъ-Сакена. Заканчивая настоящую статью, мы не можемъ не замѣтить, что умершій графъ Д. Е., несмотря на всѣ свои причуды и крайній религіозной мистицизмъ, оставилъ по себѣ самое лучшее воспоминаніе среди мѣстнаго населенія, которое и понынѣ считаетъ Остенъ-Сакена чѣмъ-то въ родѣ угодника Божія.

Д. В. Федоровъ.

НЕУДОБОНОСИМОЕ ИГО.

(Изъ давнихъ воспоминаній).

ИВЫЯ и чрезвычайно интересныя воспомина-
нія нашего талантливаго писателя, графа Са-
ліаса, напечатанныя въ первыхъ книжкахъ
«Историческаго Вѣстника», побудили и меня
порыться въ моей памяти и извлечь изъ ея
запаса воспоминаніе объ одномъ довольно
курьезномъ эпизодѣ.

«Подъ арестомъ» мнѣ никогда не случалось
быть; но зато я имѣлъ удовольствіе цѣлыхъ
двѣнадцать лѣтъ подъ рядъ состоять подъ
надзоромъ полиціи, хотя въ теченіе всей своей жизни ни на
мгновеніе не переставалъ питать въ душѣ моей самыя искреннія
патріотическія чувства, никогда не сносился ни съ какими сколько
нибудь сомнительными личностями, не былъ замѣшанъ ни въ ка-
комъ «дѣлѣ», и — могу сказать смѣло — не погрѣшилъ ни одной
хлесткой фразой, судя потому, что цензура, въ теченіе моей почти
сорокалѣтней литературной дѣятельности, никогда не вычеркнула
у меня ни одной строчки, ни одного слова!.. Согласитесь, что, при
этихъ условіяхъ, попасть подъ надзоръ полиціи — курьезно, и
что этотъ фактъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія? Но рассказъ
мой приходится начинать издалека...

Въ 1866 году (25-го марта) я былъ командированъ Новороссій-
скимъ университетомъ за границу «съ ученою цѣлью»; заглянулъ
недѣльки на двѣ въ Петербургъ и въ послѣднихъ числахъ мая дви-
нулся (въ первый разъ въ жизни!) за границу. Проѣхавъ всю Гер-

манію въ поѣздахъ, переполненныхъ войсками, которыя двигались къ австрійскимъ границамъ, я въ первыхъ числахъ іюня очутился въ Парижѣ и засѣлъ тамъ надолго, работая въ тогдашней императорской (нынѣ національной) бібліотекѣ, а по вечерамъ—въ бібліотекѣ св. Женевиѣвы. Знакомыхъ у меня въ Парижѣ не было, а потому въ свободное отъ занятій время я, съ непривычки, еще скучалъ и очень былъ радъ, когда розыскалъ въ Парижѣ сына поэта Мицкевича и познакомился съ нимъ, напомнивъ ему о старыхъ московскихъ связяхъ нашихъ отцовъ. Знакомство было пріятное, сходились мы по вечерамъ довольно часто, говорили о многомъ, и очень много, и очень настойчиво спорили о польскомъ вопросѣ, который тогда въ Россіи составлялъ насущную злобу дня. Спорили мы, не горячась и не раздражаясь, потому что Владиславъ Мицкевичъ не принадлежалъ къ партіи «непримиримыхъ» и былъ человекомъ такъ же умѣренного склада, какъ и я. Помню, что Мицкевичъ, на прощаньи подарилъ мнѣ даже одно изъ своихъ изданій («Memoires d'un seigneur polonais») и провожалъ меня на желѣзную дорогу...

Возвратился я изъ-за границы въ Петербургъ, чтобы повидаться съ своей семьей, и подъ живымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ моего пребыванія въ Парижѣ, написалъ нѣсколько фельетоновъ для Коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ одномъ изъ этихъ фельетоновъ я разсказалъ совершенно откровенно о своемъ знакомствѣ съ В. Мицкевичемъ и о нашихъ спорахъ ¹⁾. Затѣмъ я уѣхалъ въ Одессу, служилъ тамъ еще два года, потомъ служилъ годъ инспекторомъ гимназій въ Херсонѣ, потомъ—еще три года—въ Варшавѣ, профессоромъ главной школы и новоучрежденнаго Варшавскаго университета, и наконецъ въ 1871 году (въ февралѣ) вышелъ въ отставку, переселился въ Петербургъ и занялся издательствомъ. Само собою разумѣется, что, переживъ въ этотъ довольно бурный пятилѣтній періодъ моей жизни очень много трудныхъ и черныхъ дней, я совсѣмъ забылъ и о статьѣ своей, и даже,—каюсь,—о самомъ Владиславѣ Мицкевичѣ...

Во время трехъ-лѣтняго моего пребыванія въ Варшавѣ, моя семья оставалась въ Петербургѣ, и я проводилъ съ нею зимнія и лѣтнія вакаціи и еще наѣзжалъ раза два въ годъ на недѣлку, на десять дней. Чрезвычайно страннымъ казалось мнѣ, при этихъ временныхъ пребываніяхъ моихъ въ столицѣ, какое-то необыкновенно-предупредительное отношеніе ко мнѣ со стороны петербургской полиціи... Чуть только я, бывало, приѣду, ужъ на другой день, утромъ,

¹⁾ Помню, что А. С. Суворинъ, бывший въ то время секретаремъ редакціи, дружески совѣтовалъ мнѣ смягчить нѣкоторыя выраженія этой статьи и ослабить кое-гдѣ краски, что послужило статьѣ на пользу.

ко мнѣ непременно явится въ квартиру околоточный ¹⁾, попросить показать ему мой отпускной билетъ, справится, когда я думаю обратно уѣхать, черкнетъ нѣсколько словъ на какомъ-то листѣ въ своемъ неразлучномъ портфель, и удалится съ поклономъ. Ничего не предполагая, я былъ не любопытенъ; околоточный былъ не разговорчивъ, и визитъ его кончался очень быстро. Къ тому же, времена тогда были довольно смутныя, и эту внимательность полиціи къ моимъ прїѣздамъ и отъѣздамъ я больше относилъ къ тому, что, молъ, за всѣми прїѣзжими въ столицѣ приказано слѣдить; ну, вотъ и за мною тоже поручено слѣдить, какъ за прїѣзжимъ...

Послѣ моей отставки прошло еще полтора или два года; въ теченіе этого времени я переселился со старой квартиры (на Невскомъ, противъ д. Бенардаки), въ Надеждинскую, на уголъ Итальянской. Какъ-то весною, отправивъ семью въ деревню, я и самъ собрался ее навѣстить, и задумалъ запастись въ Петербургѣ подорожной, чтобы не подвергаться обычнымъ въ то время прижимкамъ на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ. Для полученія подорожной изъ петербургскаго уѣзднаго казначейства, по тогдашнимъ порядкамъ (я говорю о началѣ 70-хъ годовъ), надо было отправить свой паспортъ съ дворникомъ въ полицію, получить разрѣшеніе на выѣздъ, и потомъ уже съ полицейскимъ разрѣшеніемъ и паспортомъ отправиться въ казначейство, гдѣ, по уплатѣ прогонныхъ денегъ, выдавалась подорожная на гербовомъ бланкѣ.

Рано утромъ призываю дворника, даю ему въ руки паспортъ и сколько-то мелочи на ускореніе процедуры, и затѣмъ начинаю укладываться, соображая такъ:

— Къ 12-ти часамъ онъ мнѣ принесетъ разрѣшеніе; къ 3-мъ часамъ получу я въ казначействѣ подорожную, а съ вечернимъ поѣздомъ и выѣду...

Но прошель и полдень, и часть, и второй — нѣтъ дворника съ разрѣшеніемъ на выѣздъ!.. Я посылаю узнать, и онъ приходитъ самъ, нѣсколько смущенный.

— Ну, что же, братецъ?

— Да еще не получились.

— Отчего же такъ долго?

— Не могу знать... Приставъ... тамъ... говорить — справки какія-то... Въ 6 часовъ вечера приказалъ придти.

Меня это удивило и раздосадовало: подорожной въ тотъ день я уже не могъ получить, и поѣздку приходилось отложить еще на день. Жаль!

¹⁾ Этого околоточнаго зналъ весь Петербургъ: высокій, черноглазый, съ большой сѣдой бородой, онъ стоялъ постоянно у Аничкина моста, противъ дома (бывшаго) Вѣлосельской; онъ былъ челоуѣкъ недалекій и добродушный, и погибъ во время какой-то стачки на Кренгольмской мануфактурѣ, гдѣ хотѣлъ выказать усердіе... Его страшно избили, и онъ умеръ отъ побоевъ.

Но каково же было мое удивленіе, когда дворникъ вернулся изъ участка въ 7-мъ часу и заявилъ мнѣ категорически:

— Не выдаютъ-сь.

— Какъ не выдаютъ? И почему?..

— А такъ. Господинъ приставъ сами ко мнѣ вышли и говорятъ: сегодня нельзя.

— Да какъ же нельзя? Такъ отдай мнѣ паспортъ... Гдѣ онъ у тебя?

— Тамъ у ихъ остался. И паспортъ не выдаютъ; приказали васъ просить, чтобы вы сами къ нимъ пожаловали, утречкомъ, часу въ одиннадцатомъ...

Съ тѣмъ и ушелъ, оставивъ меня въ весьма непріятномъ недоумѣніи. И признаюсь, сколько я ни ломалъ голову, никакъ не могъ понять, что бы все это значило, и почему меня задерживаютъ въ городѣ.

Послѣ очень дурно проведенной ночи, нервно и гнѣвно настроенный, ровно въ 10 часовъ утра, иду на другой день въ участокъ. Пробираюсь черезъ толпу дворниковъ и какихъ-то темныхъ субъектовъ, наполняющую и сѣни, и прихожую участка, и прошу доложить обо мнѣ господину приставу. Писецъ или мелкій чиновникъ, къ которому я обратился, оглядываетъ меня съ головы до ногъ, медленно закладываетъ перо за ухо, еще медленнѣе поднимается изъ-за столика и направляется въ сосѣдную комнату.

— Пожалуйте, — говоритъ онъ мнѣ какъ-то особенно хмуро, выходя опять къ своему столику.

Вхожу въ приемную господина пристава и вижу его за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами... Это высокій, стройный мужчина, очень красивый, съ правильными чертами лица; только глаза у него — свѣтло-сѣрые — какіе-то черезчуръ острые и непріятные; въ нихъ есть что-то хищное... Въ манерахъ, во всей выправкѣ и даже въ томъ, какъ на немъ отлично сидитъ сюртукъ, чувствуется несомнѣнно гвардейская выправка. Онъ весьма предупредительно поднимается мнѣ на встрѣчу и подвигаетъ мнѣ кресло.

— Вы, вѣроятно, удивлены, г. профессоръ, этою невольною задержкою, которую я долженъ былъ вамъ сдѣлать...

— Конечно, удивленъ и рѣшительно не понимаю, по какому поводу?..

— Какъ?.. Въ самомъ дѣлѣ не понимаете? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ меня приставъ.

— Положительно не понимаю! — подтвердилъ я съ неменьшимъ удивленіемъ.

— Да вѣдь вы же... вы... состоите подъ надзоромъ полиціи... Неужели это вамъ неизвѣстно?

Но на моемъ лицѣ, вѣроятно, слишкомъ ясно выразилось, что этотъ фактъ мнѣ былъ дѣйствительно неизвѣстенъ, потому что г. приставъ счелъ долгомъ добавить.

— Какъ же, какъ же! И уже давно... Должно быть, пять-шесть лѣтъ...

— Да, помилуйте! за что же? Чѣмъ я провинился?—проговорилъ я съ нескрываемою досадою.

— Признаться сказать, и не припомню... Да вотъ, если угодно, мы съ вами вмѣстѣ сейчасъ посмотримъ!

И онъ любезно развернулъ какую-то лежавшую у него на столѣ огромную книгу съ очень многими графами, розыскавъ въ ней мою фамилію и, прикрывъ листомъ бумаги остальные фамиліи, далъ мнѣ прочесть все, что обо мнѣ значилось въ этой «книгѣ живота».

— Вотъ, извольте посмотрѣть—Полевой, Петръ Николаевичъ, отставной профессоръ—за сношенія съ эмигрантами, живущими за границей...

— Господи, Боже мой!—воскликнулъ я, вскакивая съ мѣста.—Да это ложь! Чистѣйшая ложь!... Въ жизни своей ни съ однимъ эмигрантомъ ни въ сношеніяхъ, ни въ перепискѣ не состоялъ—и не зналъ, и не хотѣлъ ихъ знать...

И я зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, едва владѣя собою.

— Ужъ это, конечно, вамъ лучше знать. Да вотъ вы, можете быть, догадаетесь, почему именно вы записаны сюда? Тутъ вотъ стоитъ, въ графѣ, съ какого времени: съ 1868 года, по докладу варшавскаго жандармскаго генерала...

— Рѣшительно не могу догадаться!.. И во время службы въ Варшавѣ тоже ни съ какими эмигрантами не сносился!—воскликнулъ я съ полною увѣренностью...

Мнѣ и въ голову не пришло, что эту услугу мнѣ могла оказать моя печатная и цензурованная статья о моемъ знакомствѣ съ Владиславомъ Мицкевичемъ.

— Э-э, да вы не волнуйтесь, г. профессоръ!—въ видѣ утѣшенія заговорилъ приставъ.—Вѣдь это, въ сущности, одна только формальность, которая нисколько не можетъ васъ затруднить.

— Какъ же не можетъ, когда ужъ затруднила!—проговорилъ я съ досадою.—Вѣдь вотъ, вмѣсто того, чтобы выѣхать вчера, я, пожалуй, и сегодня еще не выѣду...

— О, нѣтъ! Сегодня выѣдете—вотъ вамъ и разрѣшеніе на выѣздъ приготовлено, и всѣ препятствія устранены...

И онъ подалъ мнѣ паспортъ и разрѣшеніе, которое я поспѣшно сунулъ въ карманъ.

— Скажите, пожалуйста, ну, а если бы я не вздумалъ брать по дорожную, а просто бы уѣхалъ въ деревню—что тогда?

Приставъ покрутилъ свои красивые усы, пожалъ плечами и проговорилъ:

— Да ничего!.. Отмѣтили бы васъ, что вы выбыли неизвѣстно куда—и только! Я вамъ говорю: пустяки... одна формальность... И вы не думайте: вѣдь въ одномъ положеніи съ вами—сотни и сотни лицъ, и всѣ живутъ, слава Богу!.. И есть курьезы! Вотъ, напримѣръ,

посмотрите: мужъ—тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ, а жена подъ надзоромъ у насъ! Вотъ генераль и сенаторъ, заслуженный, почтенный человекъ, а сыновья его и дочь подъ надзоромъ!

Приставъ захопнулъ книгу и, откланиваясь мнѣ, проговорилъ весьма любезно:

— Извините за невольную задержку... И все же очень радъ, что она доставила мнѣ случай съ вами познакомиться.

Можно себя представить, что шевельнулось у меня на душѣ въ въ отвѣтъ на эту любезность ¹⁾...

Я уѣхалъ въ тотъ же день, вечеромъ, изъ Петербурга и провѣлъ два мѣсяца въ глуши Новгородской губерніи. Отъ мѣстнаго станового пристава, человека весьма простого и ограниченного, я узналъ потомъ, что обо мнѣ, какъ о важномъ лицѣ, было послано отъ полиціи отношеніе къ новгородскому губернатору съ точнымъ обозначеніемъ моего лѣтнаго мѣстопробыванія; а отъ губернатора—бумага къ мѣстному исправнику (хорошо знакомому мнѣ человеку) и отъ исправника—къ простоватому становому, съ тайнымъ (замѣтьте: тайнымъ!) порученіемъ за мною слѣдить и своевременно донести, куда я отбуду изъ деревни... Господи Боже! сколько такой напрасной переписки ведется на матушкѣ Руси—подумаешь.

Съ годъ послѣ того я провѣлъ совершенно спокойно и, дѣйствительно, не ощущалъ никакихъ неудобствъ отъ своей «поднадзорности»; только изрѣдка, когда мое странное, двусмысленное положеніе приходило мнѣ на память,—мнѣ становилось какъ-то жутко, какая-то безсильная досада закипала на сердцѣ, и я старался поскорѣе забыть о своемъ непріятномъ кошмарѣ, отгонялъ отъ себя черныя мысли обычнымъ людскимъ утѣшеніемъ:

— Ну, что же дѣлать! Не я первый, не я послѣдній... Многие другіе раздѣляютъ со мною эту глупую невзгуду...

Но когда мое издательское дѣло разрослось настолько, что я завязалъ сношенія съ Парижемъ и почти каждый годъ сталъ туда ѣздить,—вотъ тогда-то я вкусилъ всю прелесть той «пустой формальности», которой судьба меня подчинила...

Каждый разъ, когда мнѣ нужно было получить разрѣшеніе на выѣздъ изъ полиціи, это разрѣшеніе затыгивалось на цѣлую недѣлю, а иногда и долѣе. Ждешь, ждешь, наконецъ потеряешь терпѣніе и идешь объясняться съ любезнымъ приставомъ.

— Что же, это батенька! Сколько еще времени продлятся проволочки ваши! — спрашиваешь съ горечью и досадою.

— Честью увѣряю васъ, что съ моей стороны тутъ никакой вины нѣтъ. Еще шесть дней тому назадъ я отослалъ въ секретное

¹⁾ Этотъ приставъ впоследствии сдѣлалъ блестящую полицейскую карьеру, дослужился до генеральскаго чина и съ большимъ почетомъ вышелъ въ отставку. Много разъ потомъ онъ оказывалъ мнѣ дѣйствительно любезное содѣйствіе въ обходъ всякихъ формальностей.

отдѣленіе при градоначальникѣ всѣ ваши бумаги и свой отзывъ, что препятствій къ выѣзду не имѣется...

— Ну, и что же?

— Ну, и не возвращаютъ вашихъ бумагъ; а я безъ этого не могу вамъ выдать разрѣшеніе...

— Да когда же они возвратятъ наконецъ?

— А кто же ихъ знаетъ!

— Но какъ же быть?.. Посоветуйте!

— Да развѣ ужъ вамъ самимъ бы съѣздить туда да попросить, чтобы вашимъ дѣломъ занялись поскорѣе...

И онъ дѣлалъ мнѣ различныя указанія: куда и какъ тамъ войти, къ кому обратиться и въ какое именно время. Бѣду, скрѣпя сердце, въ указанное имъ вѣдомство, вхожу туда, вмѣстѣ съ какими-то довольно подозрительными личностями, которыя держатъ себя тамъ вполне развязно, какъ несомнѣнные завсегдатаи, и шнырять изъ комнаты въ комнату, безслѣдно исчезая за неслышно запирающимися дверьми.

Отыскиваю указанное мнѣ приставомъ лицо, какого-то юркаго, рябенькаго, быстроглазаго чиновника, излагаю ему, въ чемъ дѣло, и совершенно несжиданно подвергаюсь слѣдующему курьезному допросу.

— Да вы по какому собственно дѣлу замѣшаны?

— Я?.. Ни по какому!

— Отчего же такая выходитъ задержка?

— Вамъ это лучше знать... Я недоумѣваю.

Юркій чиновничекъ поглядываетъ на меня съ нѣкоторымъ недо-вѣріемъ и, понижая голосъ, говоритъ мнѣ:

— Да, можетъ быть, у васъ какое нибудь... этакое... не политическое дѣло... но все же уголовного характера?..

— Не приведи Богъ! Никогда подъ судомъ не былъ, ни съ кѣмъ не судился и дѣлъ въ судѣ не имѣю...

Чиновничекъ пожимаетъ плечами...

— Такъ обождите... Вотъ я справлюсь.

Ожидаю; справляется—и высылаетъ ко мнѣ другого чиновника: молодого, красиваго малаго, обворожительно любезнаго.

— Ваши бумаги здѣсь—почти недѣля,—говорилъ онъ мнѣ, граціозно разводя руками,—и представьте: мы все ищемъ, и никакъ не можемъ отыскать, по какому собственно дѣлу...

— Да ни по какому дѣлу я не замѣшанъ,—говорю я уже съ досадою, начиная горячиться.

— Такъ, такъ... Предполагать мы ничего не смѣемъ... Но, можетъ быть, вы сами будете такъ любезны, что наведете, направите насъ.

Вижу, ясно вижу изъ его словъ, что они и сами ничего не знаютъ.

— Не могу васъ навести, при всемъ желаніи,—отвѣчаю я уже съ невольною улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте—я вотъ еще у Семена Ивановича спрошу... Будьте такъ добры, присядьте. Я сейчасъ...—и онъ устремляется въ одну изъ боковыхъ дверей; но черезъ минуту возвращается также стремительно.

— Pardon! еще однимъ вопросомъ васъ обезпокою: вы не изволили давать по какому нибудь случаю подписки о невыѣздѣ?

— Никогда, никому! И не думалъ!

— Нѣтъ! Я вѣдь васъ потому только объ этомъ спрашиваю, что тогда это у насъ особый картонъ... Впрочемъ, я сію минуту.

На этотъ разъ приходится ждать подольше; тѣ же развязные завсегдагаи вѣдомства шныряютъ мимо меня, весело и весьма игриво о чемъ другъ съ другомъ перешептываясь... Мимо меня проходятъ какія-то дамы въ траурѣ, какой-то студентъ со старикомъ отцомъ, какая-то всхлипывающая баба... Наконецъ обворожительно-любезный чиновникъ опять вылетаетъ ко мнѣ.

— Будьте спокойны,—утѣшаетъ онъ:—завтра, много послѣзавтра, мы возвратимъ бумаги и васъ извѣстимъ объ этомъ изъ участка.

— Значить, я могу разсчитывать навѣрно?

— Навѣрно, навѣрно! Тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ ничего важнаго: однѣ только пустыя формальности...

И онъ распаркивается удивительно ловко и красиво.

— Охъ, ужъ эти мнѣ формальности!—думаю я почти съ озлобленіемъ, выходя на свѣтъ и воздухъ.

Черезъ три дня получаю изъ участка свои бумаги и разрѣшеніе на выѣздъ, въ которомъ значится, что препятствій не имѣется. Но мытарства мои этимъ еще не оканчиваются... Когда я пріѣзжаю въ паспортное отдѣленіе, чиновникъ, завѣдывающій выдачею заграничныхъ паспортовъ, говоритъ мнѣ, конфиденціально отводя меня въ сторону:

— Сегодня вамъ паспортъ не можемъ выдать... Объ васъ мы еще не имѣемъ свѣдѣній.

— Да какія же вамъ еще свѣдѣнія? Вотъ тутъ всѣ мои бумаги и разрѣшеніе отъ полиціи!

— Это для насъ ничего не значить... У насъ вѣдь свои правила. Пока не получимъ извѣщенія изъ секретнаго отдѣленія...

— Да когда же этому конецъ будетъ?—восклицаю я, окончательно выведенный изъ терпѣнія.

— О! мы васъ не задержимъ... Вѣдь это все не болѣе, какъ маленькія формальности...

И только два дня спустя я, наконецъ, получаю заграничный паспортъ.

Подобнымъ мытарствамъ я подвергался при каждомъ выѣздѣ за границу и отъ начала до конца каждый разъ выносилъ ту же унижительную и ничѣмъ незаслуженную муку... Наконецъ, я твердо рѣшился избавиться отъ этого «ига неудобноносимаго» во что бы то

ни стало! Къ тому же, во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ явился графъ Игнатьевъ, прославленный своею любезностью и доступностью, и я, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, ни у кого не справившись ни о какихъ «формальностяхъ», рѣшился прямо къ нему явиться въ одинъ изъ пріемныхъ дней и подать письмо, въ которомъ изложилъ главную суть моего дѣла.

Письмо написалось у меня какъ-то особенно удачно. Я указалъ въ немъ на всю нелѣпость моего положенія; указалъ на то, что по моимъ учебникамъ учились и учатся десятки тысячъ юношей, а я состою по милости какого-то жандармскаго генерала Варшавскаго округа подъ надзоромъ полиціи. Упомянулъ я и о томъ, что одинъ изъ моихъ историческихъ трудовъ удостоенъ высокой чести покровительства и помощи со стороны его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича (въ Бозѣ почившаго императора Александра III),—а я состою подъ надзоромъ полиціи? Затѣмъ, совершенно искренно высказывая свои убѣжденія и отрицая какіе бы то ни было поводы къ «поднадзорности», я, въ заключеніе письма, просилъ графа разслѣдовать серьезно мое дѣло, и либо отдать меня подъ судъ, если будетъ доказано, что я въ чемъ нибудь виновенъ и вину свою укрываю, либо избавить меня отъ несноснаго, тяготящаго на мнѣ, ига.

Въ опредѣленный день и часъ я пріѣхалъ къ подъѣзду историческаго «зданія у Цѣпнаго моста», гдѣ тогда жилъ графъ Игнатьевъ, или по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ принималъ лицъ, имѣвшихъ до него дѣло или нужду. Сильно взволнованный, сталъ я въ пріемной тамъ, гдѣ мнѣ было указано стоять. Немного спустя, графъ вышелъ изъ кабинета и сталъ обходить присутствующихъ; разговаривалъ съ одними, отбиралъ прошенія у другихъ... Когда онъ подошелъ ко мнѣ и чиновникъ назвалъ ему мою фамилію, графъ обратился и ко мнѣ съ обычнымъ вопросомъ.

— Я бы просилъ ваше сіятельство выслушать меня наединѣ,— сказалъ я съ поклономъ.

— Въ такомъ случаѣ подождите до конца пріема,— сказалъ графъ.

Когда пріемъ былъ оконченъ, онъ любезно пригласилъ меня въ кабинетъ, сѣлъ на диванъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты, и указалъ мнѣ на кресло рядомъ.

— Ну, я васъ слушаю,— и онъ сказалъ это такъ просто, что мое волненіе сразу успокоилось, и я коротко и ясно изложилъ ему все дѣло, а затѣмъ подаль заготовленное мною письмо.

Графъ выслушалъ меня очень внимательно, потомъ пробѣжалъ мое письмо и, дочитавъ до конца, улыбнулся:

— Ну, до суда не дойдетъ дѣло!.. Мы это разберемъ... Не долго васъ заставимъ ждать!

И онъ поднялся съ дивана.

— Усердствуют! Все усердствуют!—добавилъ онъ, прощаясь со мною.

Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ ко мнѣ, въ одно прекрасное утро, явился офицеръ-жандармъ и предложилъ мнѣ заѣхать на слѣдующій день въ то же «зданіе у Цѣпного моста». «Но только не съ того подъѣзда»,—замѣтилъ онъ мнѣ,—«а съ другого»,—и онъ растолковалъ, какъ войти, и куда.

На другой день, въ назначенный часъ, я входилъ въ указанный подъѣздъ.

— Что вамъ угодно?—спросили меня два усача, заступая мнѣ дорогу.

Я объяснилъ, что мнѣ велѣно было сюда явиться, и подалъ свою карточку. Усачъ посмотрѣлъ на карточку, попросилъ «повременить» и ушелъ съ карточкой. Минуты черезъ двѣ онъ вернулся и сказалъ мнѣ:

— Пожалуйста по коридору налѣво: тамъ они васъ ждутъ.

Они—оказался высокимъ господиномъ въ вицъ-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ. Лица я не могъ разсмотрѣть, потому что въ коридорѣ было довольно темно. Раскланившись со мною, высокій господинъ спросилъ меня:

— Вы — г. Полевой?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ позвольте васъ поздравить... Ваше дѣло окончено... Съ васъ все снято, по вашему желанію.

И, поклонившись мнѣ, онъ исчезъ за дверью.

У меня точно камень съ сердца свалился... На этотъ разъ, слава Богу, обошлось безъ формальностей!..

П. Полевой.

НЕДАВНІЕ ЛЮДИ¹⁾

(Характеристики и воспоминанія).

II.

Степанъ Стамбуловъ.

УБОВОЮ девяткою Стамбулова оказались роковыя настоянія его на военномъ положеніи. Онъ споткнулся на камнѣ, о который издавна запинались ноги весьма многихъ политическихъ Васекъ Буславыхъ—диктаторовъ воинственныхъ, но не военныхъ: на арміи.

Романъ съ m—me Савовою былъ для Стамбулова фатальнымъ не скандальною огласкою своею, но косвеннымъ послѣдствіемъ—что на мѣсто удалившагося Савова военнымъ министромъ былъ назначенъ полковникъ Рачо Петровъ, пресловутый «рущукскій убійца», подписавшій смертный приговоръ друзьямъ своимъ и однокашникамъ Узунову и Панову за руссофильскій заговоръ. Креатура Стамбулова, Петровъ былъ слѣпымъ исполнителемъ его воли, пока не сѣлъ въ министерскія кресла, но тутъ показалъ свои когти. Молодой, талантливый, страшно честолюбивый, съ характеромъ жестокимъ и холоднымъ, съ желѣзною силою воли, съ кошачьею гибкостью натуры, новый министръ сразу овладѣлъ довѣріемъ князя и арміи и почувствовалъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., мартъ, стр. 950.

себя во главѣ силы, рѣшающей судьбы государства. Стихийная мощь Стамбулова стала встрѣчать вѣжливый, но систематическій отпоръ въ правильной военной организаціи, руководимой Петровымъ. Стамбуловъ понялъ свою ошибку, спохватился, но было уже поздно.

Былой одесскій семинаристъ, Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, хотя и неоднократно проявлялъ въ дѣятельности своей признаки воинственного азарта, но арміи не зналъ, корпоративному духу ея былъ чуждъ, да, я полагаю, и не любилъ ея. Армія, съ своей стороны, не любила диктатора. Когда Стамбуловъ палъ, ни въ Софіи, ни въ провинціи—даже въ такихъ городахъ, какъ Рушукъ, гдѣ комендантомъ былъ архи-стамбулистъ Дандеревскій—войско не шевельнулось въ защиту «льва Болгаріи». Напротивъ, въ беспорядкахъ 18 мая софійскій гарнизонъ сыгралъ, хотя нейтральную, но важную роль, весьма прозрачно покровительствуя анти-стамбуловскому движенію. Объ этомъ я расскажу нѣсколько ниже, теперь же—два слова объ отношеніяхъ между Стамбуловымъ и военнымъ міромъ.

Диктаторъ любилъ хвалиться, будто онъ націонализировалъ армію.

— Самостоятельная національная обособленность Болгаріи, полное отчужденіе отъ Россіи, націонализированная армія, посильное сближеніе съ Турціей,—вотъ задачи, которыхъ я достигалъ и достигнулъ,—говорилъ онъ мнѣ и смѣялся при этомъ:—ха-ха-ха! могъ ли я, борецъ первыхъ освободительныхъ возстаній, членъ бухарестскаго комитета, предполагать, что современемъ долженъ буду тянуть Болгарію къ союзу съ турками?

Но, націонализируя армію, онъ въ то же время находилъ удобнымъ дурачить обѣщаніями за ея счетъ австрійскихъ дипломатовъ и дѣлалъ это съ такою самоувѣренностью, что даже личный другъ Стамбулова, участникъ его политическихъ и финансовыхъ операцій, австрійскій агентъ Бурьень считалъ возможнымъ поддерживать предъ своимъ правительствомъ Стамбулова въ его заносчивыхъ посулахъ въ родѣ указаннаго уже, объ инструкторахъ. Это трактованіе арміи, какъ вещи, которою или по крайней мѣрѣ именемъ которой можно распоряжаться по произволу, отзывалось въ военныхъ кругахъ серьезнымъ неудовольствіемъ. Я живо помню рѣзкій отзывъ Петрова о Стамбуловѣ по этому поводу.

— Это басня!—горячился онъ,—безосновательная нелѣпая басня. Я даже не вѣрю, чтобы она исходила отъ Стамбулова. Онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ знаетъ Болгарію для подобнаго замысла. Онъ долженъ понимать, что, если бы даже и затѣялъ что либо подобное, то не смогъ бы выполнить свой планъ. Какой военный министръ согласится быть проводникомъ мѣры, и не нужной до бессмыслицы, и до бѣшенства оскорбительной и для него, и для арміи, и для страны? Болгарская армія считаетъ пятнадцать лѣтъ существованія. Она прошла русскую школу, вполне достаточную, чтобы охранять внѣшнее спокойствіе страны. Мы имѣемъ много офицеровъ,

заявившихъ себя опытными, храбрыми и толковыми служаками. Дисциплина войскъ безупречна. Зачѣмъ намъ при всѣхъ этихъ условіяхъ иностранные инструкторы, да еще австрійскіе? Неужели наши офицеры хуже австрійскихъ? Австрійцевъ не было съ нами, когда мы били сербовъ при Сливницѣ! Мы разбили ихъ сами, съ помощью недавней русской школы: вѣдь наши учителя только что были отозваны отъ насъ. И, какъ же мы плакали, ихъ провожая! Нѣтъ, ученыхъ учить — только портить. Сажать на шею нашимъ офицерамъ иноземцевъ — и нелѣпость, и несправедливость. Армія никогда не снесла бы такой пощечины. Я первый подалъ бы въ отставку, если бы зашла рѣчь о подобной мѣрѣ!..

Кое-что Стамбуловъ сдѣлалъ для арміи хорошаго и, надо отдать ему полную справедливость, сдѣлалъ сознательно, хотя, какъ оказалось потомъ, и на свою голову. Напуганный политическимъ вліяніемъ поборниковъ, памятуя военную революцію противъ Баттенберга, смущаемый армейскими заговорами Паницы, Узунова и т. п., въ постоянномъ опасеніи офицерскаго авантюризма, онъ чрезъ своихъ ставленниковъ-министровъ принялся очень ловко и послѣдовательно отучать армію отъ политики и добился въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ,—для себя самого, повторяю, чрезвычайъ блестящихъ... до неожиданности! Армія настолько выучилась видѣть въ себѣ орудіе исключительно внѣшней національной защиты, а не хозяйку внутренняго распорядка страны, что очутилась совершенно внѣ сферы партійной борьбы, и когда Стамбулову самому понадобилось позвать ее въ партію, онъ встрѣтилъ въ военныхъ кругахъ гдѣ холодное недоумѣніе, а гдѣ—и явное негодованіе: какое молъ намъ до васъ дѣло? мы—спеціально военная корпорація, со своимъ спеціальнымъ управленіемъ, и знать не хотимъ ни иныхъ государственныхъ функцій, кромѣ тѣхъ, вершить которыя мы спеціально призваны, ни иного командирства, кромѣ того, которому мы спеціально подчинены.

Новый министръ, выдвинутый къ этому посту Стамбуловымъ съ цѣлью поправить «ошибки» восьмилѣтняго воспитанія арміи въ столь безупречно конституціонномъ направленіи, совершенно обманулъ надежды диктатора. Уличная софійская кличка зоветъ Петрова «кошечкой»—«котка». Кошечка не захотѣла таскать изъ огня каштаны для перваго министра, обжигая при этомъ свои собственныя лапы. Петровъ подумалъ:

— Зачѣмъ арміи быть частью стамбуловской партіи, когда она, сама по себѣ, партія—и самая завидная, самая грозная изъ всѣхъ? Зачѣмъ я позволю г. Стамбулову распоряжаться своими судьбами, когда онъ самъ вложилъ въ мои руки власть распоряжаться судьбою его?

И, главное, теперь это ему ровно ничего не стояло. Надо было лишь исполнить долгъ истинно военнаго человѣка и истинно кон-

ституційного громадянина, то-єсть: держати підчиненну Петрову армію в стіль же строгому удаленні від державних бурь, як завелось це до Петрова; не допускати до розпорядительству армії нікого, крім себе, на то княжескою волею і поставленого, і спасти болгарську бойову силу від превращення в легіони преторіанцев, послухних особистої волі Стамбулова, виконавців його особливих цілей, особливих завдань. Роль ефектна, а сыграти її — і благородно, і просто, і вигідно.

Замітив свою помилку в Петрові, Стамбулов зробав один з тих ризикованих політичних стрибків наудалую, ким він часто, в хвилини крайньої небезпеки, брав верх над противниками, заставляючи їх терятися перед сюрпризами абсолютно виключальної наглості. По болгарській конституції, перший міністр, в відсутність князя з країни, замінює його особу з підкоренням собі всіх міністерств, крім військового. Стамбулов вимагав розповсюдження цього параграфа і на військове міністерство. Для князя Фердинанда це значило — або безвизово приїжджати до Софії, відмовившись від всяких екскурсій в Європу, що, по важкому його тогочасному положенню, було абсолютно неможливо; або, їздячи, кожний раз визнавати, скрививши серце, що залишив своє державство всього в руках Степана Ніколаєвича, в неконтрольованому його розпорядженні, з руками, розв'язаними для якої угодно узурпації. Бог знає, на що рішився б Фердинанд, сиди на місці Петрова другий військовий міністр. Але тепер Стамбулов промахнувся. Упевнений в підтримку Петрова, убивдаваний принцесою Марією-Луїзою, підстримуваний хвилюванням народу, до якого вже дійшли відголоски дворцового конфлікту, Фердинанд відверг претензії диктатора і відпочав прийняти відставку Стамбулова. Вульварська дев'ятка була бити, шуллер політєв в вікно.

Уличні сцени перевороту 18 травня розказані мною в «Софійському житті-бутті». Вони були грозні, але, без косвенного участя в революції полковника Петрова, стамбуловської поліції удалось би задавити демонстраційне рухання міщан і студентів Великої Школи. Петров передписав військам дуже двусмысленний озброєний нейтралітет: спосібствуйте, мол, припиненню безпорядків, обуздывая разыгравшіся страсти обидвох ворожующих сторін в рівній мірі. Нам же все рівно, хто і за кого дереться. Ми — вишняя оборона, а це діла внутрішні. Так воно і сталося... на словах і папері. На ділі ж війська странным образом опаздывали становитися між народом і агентами Стамбулова всюди, де народ одолєвав поліцію, і моментально появлялись там, де поліція одолєвала народ. Кучка мальчуганів срывала вивіски з іменем Стамбулова на вулиці, внаслідок переіменованної вмісто Стамбуловської вулиці 18-го травня. Поліція схватила шалунов і

заклѣчила плѣнниковъ въ страшной памяти пятый участокъ. Толпа хлынула ихъ освобождать. Участокъ осаждали. Жандармы дали залпъ. Толпа отвѣчала градомъ камней. Явились войска; солдаты раздѣлили осажденныхъ и осаждающихъ тѣсною стѣною. Жандармы потеряли возможность стрѣлять по толпѣ, а революціонеры продолжали швырять камни черезъ головы солдатъ, которые отъ души смѣялись этому нелѣпому бою—междоусобию съ дозволенія начальства. Потерявъ терпѣніе, жандармы ринулись было сквозь солдатскіе ряды на вылазку. Войска не препятствовали до перваго револьвернаго выстрѣла. Чуть Стамбуловскіе агенты взялись за привычные имъ револьверы, солдаты загородили народъ грудью и, пустивъ въ ходъ приклады, загнали стамбуловцевъ обратно въ участокъ.

Тѣмъ временемъ, какъ на Софійскихъ улицахъ разыгрывались подобныя сцены, во дворцѣ все было полно и надеждъ, и сомнѣній. Князь, въ нерѣшительности, сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Предъ нимъ лежала стамбуловская просьба объ отставкѣ. На дворцовой площади гудѣла многотысячная толпа: «дѣлу тирана, дѣлу блудника, дѣлу Стамбулова!» Кто-то изъ свиты почтительно указалъ князю на народное нетерпѣніе знать, какъ рѣшится роковой вопросъ, быть или не быть министерству Стамбулова? Князь возразилъ:

— Я не могу согласиться на требованія господина Стамбулова, но не могу также уволить министерства, не зная, какъ составить новое.

Ему замѣтили:

— Ваше высочество, обыкновенно новыя назначенія совершаются лишь послѣ того, какъ уничтожены старыя.

Князь промолчалъ. Тогда Грековъ—стамбуловецъ больше, чѣмъ самъ Стамбуловъ, и теперь, по смерти самого эксъ-диктатора, шефъ стамбуловской партіи,—будучи увѣренъ, что колебанія князя искренни, и никакъ не предполагая, что отставка Стамбулова можетъ быть принята, позволилъ себѣ сказать, повысивъ голосъ и съ заносчивой горячностью:

— Ваше высочество, рѣшайте такъ или иначе! Въ Софіи безпорядки... при такомъ положеніи дѣлъ мы не хотимъ удерживать наши портфели.

Нахальство Грекова вылило въ чуть тлѣвшій огонь цѣлую бочку керосина.

Князь поблѣднѣлъ, смѣрилъ Грекова долгимъ взглядомъ, молча взявъ перо и подписавъ отставку. Грековъ былъ такъ пораженъ, что присѣлъ на мѣстѣ...

Министерство еще не было составлено. Стоиловцы торговались съ каравелистами и никакъ не могли сторговаться... всѣ партіи боялись другъ друга, правительство шаталось. Тогда-то именно Рачо Петровъ и прислалъ къ Стоилову своего адъютанта съ наставле-

ніємъ, что нельзя испытывать народное терпѣніе и оставлять страну безъ правительства, и въ предупрежденіе, что, если въ теченіе двухъ часовъ онъ, Петровъ, не получитъ списокъ новаго кабинета, то вынужденъ будетъ къ пропосciamento и объявить военную диктатуру... Эта энергическая мѣра прекратила споры... Получить на свою шею новаго Стамбулова, горше прежняго, да еще вооруженнаго грозною силою сливническихъ штыковъ, никто не желалъ. Хоть плохо, да сговорились на скорую руку. Создалась, изъ обрывковъ разныхъ партій, лыкомъ шитая, на живую нитку сметанная «народная партія», надъ которою такъ зло издѣвался потомъ Стамбуловъ. Объявлено было народу выдѣленное ею министерство Стоилова. Народъ принялъ вѣсть съ восторгомъ. Ему было все равно, кто,—только бы не Стамбуловъ.

Когда Стамбуловъ, послѣ прощальной аудіенціи у князя, возвратился домой, проѣхавъ сквозъ строй народнаго волненія, подъ крики, насмѣшки, брань, угрозы толпы, между нимъ и княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ по телефону:

— Ваше высочество, бунтовщики, подученные моими врагами—вашимъ новымъ министерствомъ, угрожаютъ мнѣ смертью, хотятъ разграбить мой домъ.

Князь отвѣчалъ горько и язвительно:

— Успокойтесь, Степанъ Николаевичъ, я уже просилъ гг. Стоилова, Радославова и Начевича принять мѣры къ охраненію васъ отъ вашего народа.

Въ поясненіе этой фразы надо напомнить, что сильнѣйшимъ козыремъ въ игрѣ Стамбулова съ княземъ была его фальшивая манера держать князя въ увѣренности, будто Степанъ Николаевичъ необычайно популяренъ въ болгарскомъ народѣ: вся де нація за него, а противъ него лишь ничтожная кучка честолюбивыхъ крикуновъ, реакціонеровъ-русофиловъ и неблагонадежныхъ антидинастическихъ партизановъ. Для этого стамбуловская полиція выбивала изъ населенія благодарственные адреса диктатору, организовала искусственные митинги, разсылала телеграфическія привѣтствія, хвалы и одобренія, сфабрикованныя по участкамъ. Въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ» рассказано, какую важную роль сыграла измѣна диктатору государственнаго телеграфа въ роковой день 18 мая.

Отвѣтъ князя поразилъ Стамбулова. Онъ растерялся и, вопреки обычной своей находчивости, не сумѣлъ ничего отвѣтить, кромѣ:

— Хорошо, ваше высочество, очень хорошо... Благодарю, ваше высочество, очень благодарю.

Впослѣдствіи, Стамбуловъ увѣрялъ, что благодарность его была ироническою, — врядъ ли: ему приходилось въ это время туго до ироніи. Вообще, опаматовавшись отъ перваго погрома, онъ усиленно старался доказать, что въ дни переворота ничуть не струсилъ. Но сотни очевидцевъ единогласно свидѣтельствовали мнѣ, что онъ

совершенно потерялъ голову. Да и трудно было не потерять. Стамбуловъ зналъ, что у него врагамъ счета нѣтъ, но все же, кажется, самъ не подозревалъ всей силы народной ненависти, какую воспиталъ онъ въ странѣ, и оцѣнилъ грозную полноту ея, лишь когда полетѣлъ въ пропасть и не нашелъ ни соломинки, за что бы ухватиться, погибая. Струсить въ такой моментъ не стыдно. Не всѣмъ же дано быть эпическими римлянами.

Первые годы бытія самостоятельной Болгаріи — богатый матеріалъ для историческихъ романистовъ будущаго, а Стамбуловъ и князь Фердинандъ — безспорно, интереснѣйшіе изъ всѣхъ героев болгарскихъ драмъ, отношенія ихъ между собою — любопытнѣйшее и общественно-политическое, и психологическое явленіе. Разъ мы стоимъ у момента, когда Фердинандъ и Стамбуловъ явились въ особенно обострѣнномъ противопоставленіи одинъ другому, остановимся нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, одинаково характерныхъ и для болгарскаго государя, и для его министра.

Европейскій дипломатъ, котораго я въ этомъ очеркѣ уже неоднократно цитировалъ, объясняя долгую пассивность князя подъ стамбуловскимъ гнетомъ, рисовалъ мнѣ такую картину.

— Принцъ—европеецъ, а Болгарія—порядочная Азія. Она еще не успѣла отвыкнуть отъ авторитета кулака и палки турецкаго наслѣдія. У Фердинанда ни воли, ни власти бить кулакомъ и палкой не было, а чтобы утвердиться, кулакъ и палка были ему необходимы. Вотъ вамъ и вся тайна его покорности Стамбулову. Стамбуловъ, который, случись ему стать ренегатомъ, могъ бы сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ исламѣ—онъ рожденъ для власти на ориентальный манеръ—оборудовалъ для принца огромное дѣло: онъ вколотилъ Кобурга въ Болгарію. Процессъ былъ острый, не могъ не возбудить ненависти, но, какъ показали теперь послѣдствія, не противъ вколотеннаго принца, а противъ мастера, который его вколачивалъ. Пока принцъ чувствовалъ себя слабымъ, онъ терпѣлъ, когда Стамбуловъ въ своемъ азартѣ,—онъ весь сотканъ изъ азарта,—задѣвалъ и его. Окрѣпъ, кулакъ и палка стали ненужны—вонъ ихъ! Старая хлѣбъ-соль забывается. Стамбуловъ мнилъ себя чуть ли не державцемъ, а на дѣлѣ былъ просто игрушкой политическаго Witz'a. Надо было быть очень самонадѣяннымъ, вотъ именно какъ самонадѣянъ Стамбуловъ, чтобы этого не замѣчать. Онъ считалъ принца ничтожествомъ, а ничтожество, какъ Сикстъ V, въ одинъ прекрасный день выпрямилось и заговорило барскимъ тономъ: ты мой слуга, я тобой недоволенъ, пошелъ вонъ!

Что князь Фердинандъ, въ душѣ, убѣжденный абсолютистъ,—старинное обвиненіе его враговъ. А Стамбулова иные удачно характеризовали, какъ анархиста, ставшаго тираномъ. Стремленіе къ неограниченной власти было сильно у обоихъ — у Фердинанда, умѣренное воспитаніемъ европейскаго принца, тактомъ, званіемъ консти-

туціоннаго государя, у Стамбулова разнузданное до истинно-семинарскаго бѣснованія. Одесская бурса успѣла таки породить полудикаря, кого капризъ судьбы сдѣлалъ вполнѣдствіи полудержавнымъ властелиномъ цѣлаго славянскаго народа.

Помимо долгой взаимной необходимости, Стамбулова могла соединять съ Фердинандомъ и нѣкоторая фантастичность, свойственная натурамъ, какъ перваго, такъ и втораго. Авантюристъ, ставшій первымъ министромъ, и молодой государь, брошенный имъ на путь политическаго авантюризма,—щадимые Европою, оставленные безъ вниманія, на произволъ судьбы русскимъ царемъ,—въ упоеніи властью, наперерывъ строили воздушные замки—широкіе планы, огромные замыслы. Болгарія имъ была тѣсна, хотѣлось уже ее расширить. Для князя Фердинанда то былъ періодъ Sturm und Drang, необходимыхъ въ каждой веснѣ—какъ житейской, такъ и политической.

Стамбуловъ, по присоединеніи Румелии, тотчасъ же принялся за интриги въ Македоніи. А при свиданіи со мною онъ высказалъ не маленькую мысль, что разъ всѣ и каждый въ Европѣ добиваются Константинополя, отчего же не попробовать въ этомъ направленіи счастья и болгарамъ, причемъ даже прямо указалъ на Кобурга, какъ на человѣка съ честолюбіемъ, способнымъ посягнуть на такую огромную цѣль. Высказалъ онъ это въ весьма громкихъ словахъ:

— Меня утѣшаетъ одно сознаніе: я сдѣлалъ, что могъ. Я всегда работалъ для одной Болгаріи. Ни одна иностранная держава, не только Россія, не можетъ указать, чтобы я поступилъ для нея хоть шагомъ въ области болгарскихъ интересовъ. Я отвѣчалъ Трикупису—первому министру греческаго королевства—на его предложеніе тройственнаго раздѣла Македоніи: если вы думаете, что болгарскій элементъ въ Македоніи—посторонній, попробуйте владѣть ею безъ раздѣла; если же болгарскій элементъ тамъ свой—Македонія должна быть нашею. Я готовъ разорваться за каждую пядь земли, тронутую болгарской пятой. Вы, русскіе, видите въ Болгаріи ключъ къ Константинополю. Кто будетъ владѣть Константинополемъ, будетъ и повелителемъ великаго балканскаго государства, которое должно будетъ тогда создаться самою силою вещей. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы эта сила попала въ русскія руки. Наше государство молодо, невелико, но... есть же и у него какое нибудь счастье! Почему знать? Можетъ быть, именно намъ и суждено пробиться къ Босфору и сыграть тамъ историческую роль... Это загадка будущаго.

Все это, конечно, очень похоже на старинную пѣсенку:

Malbrough s'en va-t en guerre,
Dieu sait quand reviendra.

Полковникъ Петровъ расхохотался, когда я сообщилъ ему замыслы Стамбулова повторить подвиги царя Симеона.

— Добираться до Константинополя? намъ? съ какими же силами? Господинъ Стамбуловъ каждому говорить что нибудь такое, что должно произвести эффектное или странное впечатлѣніе, удивить, озадачить, заставить задуматься надъ новостью идеи. Какъ будто все дѣло въ томъ, чтобы дойти до Константинополя и занять его! Константинополь взять не трудно, но кто въ состояніи его удержать? И такія предположенія строятся для Болгаріи, не имѣющей ни флота, ни средствъ его построить!

Здѣсь будетъ уместно привести личное мнѣніе князя Фердинанда о Стамбуловѣ, высказанное мнѣ послѣ 18 мая, опредѣляющее въ то же время, какое участіе принималъ въ событіи самъ князь.

— Я ничуть не перемѣнился къ Стамбулову послѣ его паденія, какъ думаютъ нѣкоторые, — говорилъ принцъ. — Воображаютъ, будто я былъ съ нимъ очень близокъ. Нѣтъ, между нами давно уже были только официальные встрѣчи: Но, такъ какъ онъ былъ первымъ министромъ, то, естественно, встрѣчи эти были чаще, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ. Да, я относился къ нему всегда такъ, какъ отношусь теперь. На мой взглядъ, его энергія и упрямство принесли въ разное время много добра Болгаріи. Онъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію въ болгаряхъ національнаго самосознанія и націоналистической политики. Онъ очень уменъ, очень талантливъ, хотя и слишкомъ крутъ и жестокъ. Въ свое время онъ былъ не только полезенъ — былъ необходимъ. Но Стамбулова испортило сознаніе своихъ заслугъ и своей силы. Онъ сдѣлался капризенъ, какъ женщина, онъ не выносилъ противорѣчій и много разъ подавалъ въ отставку. Я не считалъ возможнымъ ее принять, пока видѣлъ въ Стамбуловѣ человѣка послѣдовательнаго. Но этого не было въ послѣдніе годы, и особенно въ 1893—1894 гг. Наоборотъ, онъ дѣйствовалъ какъ-то внезапно, точно подъ вліяніемъ минутныхъ вдохновеній. Минутнымъ вдохновеніямъ нельзя вѣрять судьбы страны молодой и неустановившейся. И потомъ, онъ вѣчно хотѣлъ срывать игру угрозами своей отставки... Я предупреждалъ Стамбулова: смотрите, г. Стамбуловъ, можетъ выйти такое совпаденіе обстоятельствъ, что вы опять должны будете подать въ отставку, а я — ее принять... Онъ не слушалъ. И вотъ такое совпаденіе нашло себѣ мѣсто.

— Предполагалъ ли Стамбуловъ, что ваше высочество примете отставку? — просилъ я.

— Нѣтъ, не предполагалъ, — рѣшительно заявилъ принцъ. — Онъ былъ очень изумленъ, и плодъ этого изумленія — софійскіе беспорядки 18 мая. Господинъ Стамбуловъ, — сказалъ принцъ не безъ горечи, — могъ бы уйти съ политической арены тихо, съ достоинствомъ, но, вѣря въ свое обаяніе въ народѣ, онъ предпочелъ уйти съ шумомъ; какъ видите, онъ наказанъ за это самообольщеніе: демонстраціи упали на его голову...

Что князь Фердинандъ, хотя и горько разочарованный въ Стам-

буловъ, былъ крайне недоволенъ скандаломъ, сопровождавшимъ его паденіе, можно вѣрить. Ни одному монарху не доставляло наслажденія убѣждаться воочию въ революціонныхъ способностяхъ своего народа, да еще такихъ блестящихъ, какъ проявили софійцы. При томъ же, хоть за отставку Стамбулова князь Фердинандъ и былъ прославленъ «вторымъ освободителемъ Болгаріи», но, такъ какъ послѣдняя управлялась восемь лѣтъ Стамбуловымъ не отъ своего, а отъ князя Фердинанда имени, то вышло повидимости, какъ будто князь освободилъ ее отъ самого себя въ прошломъ, давая какія-то покаянныя программы на будущее. И народъ волненіемъ противъ Стамбулова выразилъ князю рѣзкое порицаніе за прошлое, снисходительно принявъ будущую программу,—такъ сказать, выражаясь парламентскимъ языкомъ, «выразилъ довѣріе правительству», хотя и сильно скомпрометтированному.

Что дворъ князя Фердинанда желалъ сбыть павшаго Стамбулова за границу, тоже весьма вѣроятно. Потерявъ власть, Стамбуловъ сталъ ужасно лишнимъ въ Софії. Точно какое-то пугало—не то, что страшное, а неприличное—стѣснительное и надоедливое. Завѣдомый врагъ, котораго надо мало, что терпѣть,—сторожить и оберегать: того гляди, станется съ нимъ чтонибудь неладное... и что тогда скажетъ Европа? Его оскорбятъ,—за него отписывайся! Его убьютъ,—за него отвѣчай! Мы его береги! а онъ себѣ, припѣваючи, будетъ сидѣть у моря да ждать погоды, строя козни, заговоры, фабрикуя новую революцію... Тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы Стамбуловъ говорилъ искренно, когда передавалъ мнѣ, будто съ презрѣніемъ отклонилъ предложеніе тайнаго бѣгства въ чужіе края. Онъ и радъ бы имъ воспользоваться, какъ правительство радо бы сбыть его съ рукъ, да нельзя было: желанія двора разошлись съ желаніями министерства, которое, сгоряча, рѣшилось было исполнить требованіе народной Немезиды—судить отставленнаго диктатора. Кромѣ государственнаго суда, на голову Стамбулова обрушились десятки частныхъ обвиненій въ разныхъ уголовныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ; онъ очутился на положеніи подслѣдственнаго преступника, не посаженнаго въ предварительное заключеніе лишь по трусости властей. За нимъ былъ учрежденъ негласный полицейскій надзоръ. Въ провинцію его, правда, отпустили бы, но мы видѣли, что значило для Стамбулова отправиться въ провинцію. Стамбуловъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи. Внутрь страны ѣхать нельзя—убьютъ, вонъ изъ страны—не позволяють. Оставалось сидѣть въ Софії и—faire bonne mine au mauvais jeu, притворяясь, что сидитъ онъ по собственной своей доброй волѣ, въ защиту друзьямъ и на страхъ правительству. Выходило въ родъ известной побасенки:

— Медвѣдя поймалъ!

— Веди его сюда!

— Да онъ меня не пускаетъ!

Изъ всѣхъ корреспондентовъ, говорившихъ въ то время съ Стамбуловымъ, я имѣлъ то случайное преимущество, что, явившись первымъ, засталъ эксъ-диктатора въ искреннемъ раздраженіи недавнею катастрофою, которая вызывала его къ большей обычного откровенности. Предо мною онъ не скрывалъ, что поймалъ медвѣдя, который его не пускаетъ. Онъ прозрачно намекалъ, что—съ судомъ или безъ суда—онъ, на болгарской территоріи, человекъ погибшій. Онъ собирался бѣжать; говорятъ, бѣжалъ даже переодѣтый въ старушечье платье, но былъ узнанъ и водворенъ восвояси.

— Объ одномъ жалѣю, что его, негодая, не фотографировали тогда!—злорадствовалъ политиканъ, сообщавшій мнѣ эту легенду.

Задержавъ Стамбулова въ Софіи, правительство, когда остыли первые восторги побѣды, весьма скоро поняло однако, что и оно по отношенію къ Стамбулову поставлено не лучше, чѣмъ Стамбуловъ къ нему: оно тоже поймало медвѣдя, котораго никуда не поведешь, ибо онъ не пускаетъ. Судить Стамбулова, какъ выяснялось со дня на день все ярче и ярче, было немислимо: судъ надъ нимъ,—это онъ говорилъ правду,—явился бы судомъ и надъ всѣмъ правительствомъ князя Фердинанда до самого князя... включительно. Съ другой стороны, обѣщанный горяча судъ сдѣлался уже надеждою народною: его ждали, его требовали,—замять его, замолчать было невозможно. Нельзя судить, а надо судить! Толпа видѣла затрудненія власти и относилась къ нимъ съ непріязненною подозрительностью. Выпустить Стамбулова за границу стало совсѣмъ невозможно: за нимъ слѣдила во всѣ глаза ненависть оскорбленной и ограбленной націи. Итакъ, сидѣли они, волею или неволею прикованные на одну и ту же цѣпуру и смотрѣли другъ на друга ненавистными глазами—Стамбуловъ, смущенный невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлаютъ, а правительство, смущенное невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлать. И обѣ стороны храбрились.

Выходъ изъ затрудненія представлялся одинъ: могила.

Уѣзжая въ 1894 году изъ Болгаріи, я предсказывалъ, что, не зная, какъ отдѣлаться отъ «стамбуловскаго вопроса», бывшаго диктатора, вѣроятно, отправятъ ad patres путемъ таинственнаго покушенія. Пророчество оправдалось, къ сожалѣнію, какъ по писанному: ровно черезъ годъ, 3—15 іюля 1895 года, Стамбуловъ былъ изрубленъ, въ двухъ шагахъ отъ Union-Club, тремя неизвѣстными лицами—засвѣтло, только что не середъ бѣла дня, почти что на глазахъ полиціи, не ударившей палецъ о палецъ, чтобы помочь своему бывшему шефу. Три дня спустя, тиранъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Онъ самъ задолго предчувствовалъ свою участь.

— Меня убьютъ!—вырвалось у него среди разговора со мною. Онъ понималъ, что больше съ нимъ нечего дѣлать его политическимъ побѣдителямъ.

Убийцы Стамбулова,—собственно говоря, всѣмъ знакомые незна-

компы,—остались фактически безнаказанными, да, пожалуй, даже и не уличенными. Иначе и быть не могло, ибо ни правительству, ни народу не было рѣшительно никакой нужды въ наказаніи людей, разрубившихъ своимъ преступленіемъ Гордіевъ узелъ болгарской политики. Всякій понималъ, что смерть его, одновременно, и частное и политическое убійство: и личная месть и судъ Линча, казнь самосуда народнаго. Убить стоило,—и убили, и скрыли убійць, не справляясь о правахъ, о законѣ, какъ у насъ въ деревняхъ пришибаютъ конокрадовъ и за грѣхъ того не считаютъ. Какъ трудно было провести даже формальное слѣдствіе по стамбуловскому процессу, рассказано въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ». Въ Черной Джаміи я видѣлъ одного изъ убійць Стамбулова—Боно Георгіева. Впослѣдствіи онъ, хотя и осужденный, очутился милостью властей на свободѣ и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ эмиссаровъ болгарскаго революціоннаго комитета въ Македоніи.

Смерть Стамбулова и послѣдовавшія за похоронами его бурныя демонстраціи взволновали умы во всей Европѣ. Кто убилъ? обсуждалось съ горячностью всею европейскою прессою мѣсяца два, если не болѣе. Въ государствахъ тройственнаго союза и въ Англіи Стамбуловъ, въ качествѣ заклятаго руссофоба, былъ весьма популяренъ. Такъ какъ въ это время уже назрѣвало болгаро-русское примиреніе, и въ Петербургѣ гостила депутація, отправленная болгарскимъ народомъ на поклонъ государю императору, жидки вѣнской печати, а, всѣдъ за ними, и Берлинъ зашумѣли было, что убійство Стамбулова—дѣло рукъ руссофильской партіи: Болгарія де поклонилась Россіи головою Стамбулова. Авторитетное слово князя Бисмарка разбило эту глупую клевету. Тогда тяжесть обвиненія перевалили на плечи князя Фердинанда. Вопреки крикамъ о томъ стамбулиствѣ и въ особенности вдовы Стамбулова, можно съ увѣренностью утверждать, что, изъ всего болгарскаго правительства князь менѣе всѣхъ могъ быть причастенъ къ смерти своего отставнаго министра.

Въ преступленіяхъ, не лишенныхъ политической окраски, роковой уголовный вопросъ—*qui prodest*,—играетъ особо важное значеніе. И это — противопоставленіе клеветѣ на князя Фердинанда. Зачѣмъ было ему убивать Стамбулова, обезвреженнаго, подъ судомъ, безъ полиціи своей—одного противъ цѣлаго народа-антистамбулиста, противъ цѣлой арміи, слѣпо повинующейся полковнику Рачо Петрову, вопросъ о чьемъ подчиненіи стамбуловской диктатурѣ и вызвалъ переворотъ 18-го мая. Что касается до угрозъ письмами, яко бы компрометирующими принца Фердинанда, пущенныхъ одно время въ ходъ Стамбуловымъ, теперь хорошо извѣстно, каковы были эти письма: на первыхъ порахъ по прибытіи въ Болгарію князь не сразу стряхнулъ съ себя «австрійскаго поручика» и не только пожуировалъ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ государю страны, но и писалъ шуточные записки объ этихъ похожденияхъ участнику

своего жуирства Степану Стамбулову, предполагая, что, какъ водится между порядочными людьми, записки эти уничтожаются и, во всякомъ случаѣ, не увидать свѣта. А Стамбуловъ пряталъ «документы» въ шкатулку на всякій случай... Компрометировать князя политически письмами этими Стамбуловъ, конечно, не могъ, но Болгарія—страна пуританская, на кутежъ и донъ-жуанство смотритъ косо и устроить легонькій скандалчикъ князю онъ былъ бы въ состояннн. Что касается «политическихъ документовъ», одинъ изъ приближенныхъ къ Фердинанду, пользующихся его довѣріемъ придворныхъ, увѣрялъ меня:

— Такихъ у Стамбулова не было и не могло быть. Князь не вѣрилъ Стамбулову, боялся его и не могъ дать ему въ руки оружія противъ себя. И если стамбуловская партія когда либо огласитъ какіе нибудь политическіе документы отъ имени князя, первую мою мыслью будетъ: «это подлогъ!»—подлогъ во вкусѣ пресловутыхъ русскихъ бумагъ Якобсона и, можетъ быть, именно его же рукъ мастерство.

Стамбуловъ долженъ былъ скоро умереть — и непременно насильственной смертью, и зналъ это самъ. Онъ набилъ слишкомъ много людей, убилъ и помучилъ слишкомъ много невинныхъ. А его насильническіе грѣхи по бабьей части? А обманутые имъ македонцы? За нимъ всегда слѣдили мстители. Боно Георгіевъ когда-то на могилѣ Паницы, котораго онъ былъ личнымъ секретаремъ, далъ, колѣнопреклоненный, клятву зарѣзать Стамбулова. Стоило зазѣваться полиціи, чтобъ эксъ-диктаторъ погибъ. Но вотъ вопросъ: какъ она зазѣвалась—нечаянно или съ расчетомъ? стерегла или не стерегла или не стерегла вовсе? Былъ выданъ Стамбуловъ своимъ мстителямъ, или они взяли его сами? На этотъ вопросъ, я думаю, могутъ отвѣтить только префектъ полиціи, да, можетъ быть, г. Тюфѣчьевъ... оправданный судомъ «не убійца» Стамбулова.

— Раздѣлаться съ Стамбуловымъ,—говорилъ мнѣ въ 1894 году одинъ каравеловецъ,—да ничего нѣтъ проще! Когда правительству надоѣстъ это бѣльмо на глазу, оно сниметъ полицейскій надзоръ и уведетъ роту солдатъ, слѣдующую за домомъ Стамбулова, во избѣжаніе народныхъ беспорядковъ. Словомъ, оставить Стамбулова одного, лицомъ къ лицу съ обиженными имъ людьми. А затѣмъ за голову Стамбулова я не прозакладываю ни одного лева.

Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что, едва палъ Стамбуловъ, какъ на него было заявлено болѣе семидесяти жалобъ лишь за насильственныя дѣйствія надъ женщинами, не считая насилій имущественныхъ!.. Были люди, которые боялись его, и падшаго, вѣроятно, по правилу, что

Змѣя израненая злѣе,
Чѣмъ невредимая змѣя.

— Что тамъ еще судить его? — выражали мнѣніе даже вполне интеллигентные люди, съ европейскимъ образованіемъ, — онъ ловокъ, вывернется, пожалуй. Его низверженіе — полумѣра. Надо было его убить.

— Какъ? Вы говорите — убить? Не выслушавъ, не давъ оправдаться?

— Эхъ! Говорилъ же Стамбуловъ народному собранію, что будетъ управлять Болгаріей по внутреннему убѣжденію... ну, и спровадить его можно по внутреннему убѣжденію!

При подобномъ настроеніи народномъ, понятно, что похороны Стамбулова превратились въ неописуемый скандалъ. Полиціи и войскамъ пришлось вооруженною силою отражать толпу, ринувшуюся въ атаку на погребальную процессію. Хотѣли разбить гробъ и выбросить покойника въ болотистый ровъ. Перепуганное духовенство чуть не бѣгомъ бѣжало до кладбища, гдѣ закипѣла отчаянная свалка, сопровождаемая яростными демонстраціями противъ представителей державъ, дружелюбныхъ Стамбулову. Пострадали и безъ вины виноватые: сербскаго и румынскаго агентовъ сбили съ ногъ и ходили по нимъ, какъ по паркету. Князь Фердинандъ былъ въ это время въ Карлсбадѣ. Его адъютантъ явился въ домъ Стамбулова съ выраженіемъ высочайшаго соболѣзнованія, — адъютанта не приняли. Тогда князь прислалъ вдовѣ Стамбуловой сочувственную телеграмму, — она отвѣчала градомъ дерзостей, открыто обвиняя правительство въ убійствѣ мужа. Что за человекъ жена Стамбулова, трудно опредѣлить съ точностью. При жизни мужа она совершенно исчезала за его колоссальною для Болгаріи фигурою. О ней какъ-то совсѣмъ не говорили. Къ его безобразнымъ любовнымъ похождениямъ она относилась съ равнодушіемъ истинно восточной гаремной женщины, для приличія дѣлая видъ, что не вѣритъ слухамъ. Даже савовская исторія не вывела ее изъ этого искусственного безразличія. Въ Софіи говорятъ о ней скорѣе хорошо, чѣмъ дурно. Любила она Стамбулова, кажется, до безумія и, по убійствѣ его, превратилась въ яростную тигрицу, жаждавшую мести и крови охотниковъ, умертвившихъ ея самца... Въ процессѣ убійцы Стамбулова она вела себя геройски. Когда я пріѣхалъ на февральскія торжества, мнѣ бросился въ глаза траурный флагъ на одномъ домѣ: оказывается, подняла его — демонстративно противъ примиренія съ Россіей — вдова Стамбулова. Софійцы пожимали плечами и говорили:

— Взбалмошная баба!

Что убило Стамбулова болгарское правительство, она кричитъ до сихъ поръ.

Болѣе умѣренные стамбулисты говорили о попустительствѣ. Самъ Стамбуловъ, умирая, указывалъ, что его убили «князь, Тюфекчиевъ, Халиу и Бельчевъ», намекая этимъ послѣднимъ именемъ на мстителей за повѣшенныхъ имъ мнимыхъ убійцъ министра Бельчева —

по извѣстному миларовскому процессу... Фердинандъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Въ официальномъ органѣ появилась телеграмма изъ Эбенталя, холодно и рѣзко заявившая: «Въ виду непріязненнаго отношенія родственниковъ Стамбулова къ благоговѣйному и сердечному почину князя, онъ считаетъ неумѣстнымъ подвергать своихъ вѣрныхъ слугъ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ и признаетъ необходимымъ запретить гражданскимъ и военнымъ чинамъ участвовать въ погребеніи Стамбулова». Престарѣлая мать Миларова прислала вдовѣ Стамбулова телеграмму столь ужасную въ дикомъ трагизмѣ своемъ, что развѣ у героевъ Эсхила да въ эпосѣ Нибелунговъ можно найти подобную энергію ненависти!

«Плачьте,—писала старуха,—плачьте о кровопійцѣ и убійцѣ, который, веселясь въ Бургасскомъ монастырѣ, при пѣсняхъ и танцахъ цыганъ, подписалъ смертный приговоръ моему незабвенному сыну Святославу. Богъ далъ мнѣ силы дожидаться того времени, когда я увидѣла убійцу плавающимъ въ своей собственной крови! Утѣшенная, посылаю свое презрѣніе его разлагающемуся трупу». Выразить «послѣднее презрѣніе» трупу Стамбулова приглашали и расклеенныя повсемѣстно въ Софіи афиши. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались намъ, русскимъ, что могила диктатора — истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри,—и навалѣть на нее всякой гадости... Не прощенъ даже за гробомъ! Признаюсь, эта каннибальская ненависть братушекъ къ человѣку, предъ которымъ они, заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма противною. Онъ стоилъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стоило его. Какъ говорятъ поляки — wart Ras palasa, а palas Rаса.

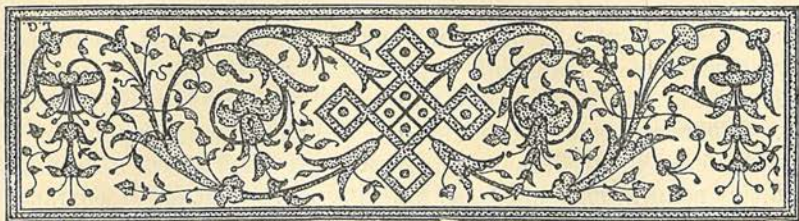
Такъ погибъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ, но, безспорно, и самыхъ замѣчательныхъ людей новѣйшей европейской исторіи. Ворвался онъ въ нее грубо и неожиданно,—грубо же и былъ ею извергнутъ. «Анархистъ у власти» — Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, явленіе глубоко поучительное; даже теряешься, соображая, какъ могла въ концѣ XIX вѣка, вѣка парламентаризма и правового порядка, возникнуть на горизонтѣ политическомъ такая дикая насмѣшка именно надъ парламентаризмомъ и правомъ, словно посланная въ міръ лукавымъ Асмодеемъ, чтобы убить всякое къ нимъ довѣріе?

Что оставилъ по себѣ Стамбуловъ потомству? Ровно ничего. Грубый авантюристъ въ политикѣ, онъ старался приобрѣсти славу націоналиста, что и удалось ему въ глазахъ людей близорукихъ или заинтересованныхъ въ успѣхахъ его лже-націоналистическаго режима. Невѣжественный и жестокий, онъ, если даже исключить эгоистическія цѣли, вѣчно преслѣдуемый имъ въ своей политикѣ, превратилъ послѣднюю въ самодурство. Съ народною волею онъ не считался, народнаго духа знать не хотѣлъ. Подобно Угрюмъ-

Бурчеву, что хотѣлъ заставить рѣку течь вспять, онъ насилывалъ управляемый имъ болгарскій народъ къ культурной эволюціи, совершенно ему не свойственной, отрывая его отъ единства съ Россією, великимъ корнемъ славянства, и искусственно прививая къ нему швабовъ и швабство. Но, хотя рѣки иной разъ и мѣняютъ русла, а вспять еще ни одна изъ нихъ не пошла. И болгарскій ручей, побурливъ малость въ стамбуловской запрудѣ, все-таки, въ концѣ концовъ, принявъ свое естественное теченіе,—бросился въ русское море, смывъ съ лица земли всѣ сооруженія диктатора и потопивъ въ своемъ разливѣ его самого... Напрасное зданіе, кичливо выстроенное на пескѣ, рухнуло... «И погиге память его съ шумомъ».

Ал. Амфитеатровъ.

КЪ БЮГРАФИИ Н. В. УСПЕНСКАГО.

АЗСКАЗЪ г. Юдина о Н. В. Успенскомъ, помѣщенный на страницахъ «Историческаго Вѣстника», впервые сообщаетъ намъ нѣкоторыя данныя о жизни и характерѣ этого полузабытаго нами писателя, лично мнѣ когда-то знакомаго. Но всѣ данныя, собранныя г. Юдинымъ, касаются главнымъ образомъ службы и карьеры Николая Успенскаго.

Когда мы съ нимъ познакомились, и онъ сталъ посѣщать меня, я смотрѣлъ на него только какъ на начинающаго писателя, и, ознакомившись съ первымъ изданіемъ его рассказовъ, старался понять, какой именно путь въ области литературы проложить себѣ этотъ оригинальный талантъ, который сразу всѣмъ пришелся по вкусу своими небольшими сценками, разговорами людей всякаго рода, званій и возрастовъ.

Сценки эти были такъ правдивы, что казались точно подслушанными авторомъ, что, конечно, справедливо только на половину: чтобъ умѣть начать ихъ и кончить, дать имъ извѣстный колоритъ, наложить печать своего личнаго взгляда на пустоту окружающей жизни,—нуженъ былъ талантъ, и талантомъ этимъ Н. В. Успенскій обладалъ и не выходилъ изъ границъ того небольшого кругозора, который дала ему сама жизнь, и той формы, которая оказалась ему по плечу. Къ счастью для его литературнаго успѣха, форма его рассказовъ оказалась оригинальной и соотвѣтствующей настроенію тогдашняго молодого общества. Книжку съ рассказами г. Успенскаго, едва я приобрѣлъ и прочелъ ее, взяли у меня читать на два дня и зачитали.

Что Н. В. Успенскій никогда не напишетъ большого романа или повѣсти, это было мнѣ ясно и въ то время, когда я съ нимъ знакомился; я и тогда понималъ, что Успенскій былъ талантливымъ рисовальщикомъ, а это еще не значить быть живописцемъ. Неожиданный успѣхъ въ литературномъ мірѣ, къ сожалѣнію, очевидно кружилъ ему голову. Онъ дорого цѣнилъ свои летучія произведенія.

Помню, однажды (въ 1861 г., если не ошибаюсь), онъ зашелъ ко мнѣ сильно взволнованный и тотчасъ же сталъ рассказывать, что онъ прибѣжалъ ко мнѣ прямо отъ Некрасова.

— Что съ вами?—спросилъ я.—Пожалуйста, успокойтесь и расскажите.

— Вообразите,—началъ онъ,—что со мной сдѣлалъ Некрасовъ. Я считалъ его у себя въ долгу, такъ какъ онъ не заплатилъ мнѣ всего, что мнѣ слѣдуетъ, и я уже нѣсколько разъ заходилъ къ нему за деньгами... заходилъ неудачно, такъ какъ лакей его мнѣ отказывалъ постоянно: то говорилъ, что барина дома нѣтъ, то увѣрялъ, что онъ вернулся поздно изъ клуба и спитъ. Наконецъ, сегодня я его засталъ... говорю ему: такъ и такъ, подавайте деньги.—Я, говорить, ничего вамъ не долженъ, не приставайте.—Я сталъ горячиться—и что же вы думаете?! Некрасовъ взялъ заряженное охотничье ружье и поставилъ его около себя, въ уголкѣ. Я тотчасъ же понялъ, чѣмъ это пахнетъ... и, разумѣется, ради самосохраненія ушелъ.

Все это было рассказано мнѣ съ величайшимъ негодованіемъ,—Успенскій и блѣднѣлъ, и краснѣлъ, и задыхался отъ волненія, точно и въ самомъ дѣлѣ жизнь его была въ опасности, и не уйди онъ во время, Некрасовъ бы застрѣлилъ его. Тогда съ Некрасовымъ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и я настолько зналъ его, что, понятно, въ его намѣреніе подстрѣлить Успенскаго не повѣрилъ. Мнѣ было только одно очевидно, что Некрасову Успенскій такъ надоѣлъ, что ему захотѣлось напугать его: дескать, берегитесь, иначе я, чего добраго, и выстрѣлю. Зналъ я и то, что сотрудники «Современника» довольно аккуратно получали свой гонораръ, и въ данномъ случаѣ Некрасовъ, безъ торгу взявшись напечатать что-то изъ сочиненій Ник. Успенскаго, заплатилъ ему по расчету столько, сколько, по его мнѣнію, слѣдовало ему заплатить. Успенскій этого не ожидалъ, ибо цѣнилъ себя втрое дороже другихъ беллетристовъ, печатавшихъ въ то время въ журналѣ Некрасова. Явилось крупное недоразумѣніе, и настойчивость Успенскаго получить за труды свои несравненно больше того, что было ему уплачено, наткнулась на человѣка тоже настойчиваго, переломить котораго ему было не по силамъ.

Что я говорилъ Успенскому, какой разговоръ въ то время между нами послѣдовалъ, не помню, а сочинять цѣлые разговоры при изложеніи своихъ воспоминаній есть тѣмъ охотниковъ, я не изъ ихъ числа. Вотъ еще, что помню я изъ жизни Успенскаго... Когда вре-

менно исправлялъ я обязанность редактора только что появившейся «Пчелы», затѣянной г. Героглифовымъ, Успенскій приносилъ мнѣ свою повѣсть (не помню заглавія). Я ее прочелъ — повѣсть эта сильно мнѣ не понравилась; но, какъ мнѣ кажется, она все же была напечатана. Я всегда былъ такого мнѣнія, что авторъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность и даже ставшій любимцемъ читающей публики, самъ за себя отвѣчаетъ.

Г. Юдинъ говоритъ о пристрастіи Н. Успенскаго къ спиртнымъ напиткамъ, но пьянымъ я никогда его не видалъ.

Вѣроятно, сталъ онъ пить уже позднѣе, когда самъ замѣтилъ охлажденіе къ себѣ и публики и журналовъ. Публика же наша также иногда скоро простываетъ, какъ и воспаляется. Г. Юдинъ описываетъ въ своей статейкѣ скитанія несчастнаго, сбившагося уже съ пути Ник. Успенскаго, — но знаетъ ли онъ его отношенія къ Ив. С. Тургеневу? Разъ, явился онъ къ Тургеневу въ его имѣніе «Спасское» и упросилъ его дать ему въ полное его владѣніе нѣсколько десятинъ земли, увѣряя его, что ему тяжело шлаться и ничего не дѣлать, что на землѣ, уступленной ему Тургеневымъ, онъ построить избушку, будетъ въ ней жить и обрабатывать поле, что онъ разведетъ огородъ, будетъ продавать овощи и какъ нибудь проживетъ безъ особенной нужды. Тургеневъ далъ ему, неподалеку отъ своей усадьбы, нѣсколько десятинъ земли (кажется, не болѣе пяти), и Успенскій былъ въ восторгѣ.

Чѣмъ же все это кончилось? Черезъ годъ или два Тургеневъ сталъ получать отъ своего управляющаго извѣстія, что Успенскій съ своей племянницей поселился у него въ домѣ, что для него готовятъ обѣдъ, что онъ часто пьянъ, и что на своихъ десятинахъ онъ ровно ничего не дѣлаетъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что Тургеневъ взялъ у него эту землю обратно, и Успенскій выѣхалъ изъ его усадьбы, ругая Тургенева на всѣ корки и говоря всѣмъ, что Тургеневъ его надулъ, что онъ отнялъ у него то, что было ему подарено, и тому подобное.

Вѣроятно, найдутся еще люди, которые лучше меня выяснятъ отношенія Тургенева къ Н. В. Успенскому и подробнѣе расскажутъ эту исторію о подаренной землѣ, я же могу только удостовѣрить, что Тургеневъ былъ очень радъ, что отдѣлался отъ посѣщеній Успенскаго. Не знаю, какія были отношенія Успенскаго къ его двоюродному брату Глѣбу Успенскому, который, какъ талантливый беллетристъ, значительно переросъ его; слышалъ только, что отношенія эти были далеко не родственныя. Утверждать же, чего я не знаю, не могу, я говорю только о томъ, что подсказываютъ мнѣ мои отрывочныя воспоминанія.

Скажу въ заключеніе, что въ тѣ годы, когда еще заходилъ ко мнѣ Н. Успенскій, я не замѣтилъ въ немъ никакой молчаливости или меланхоліи, напротивъ, со мною онъ былъ говорливъ и откро-

вененъ. Я вѣрилъ въ его литературный вкусъ, — въ его смекалку, что хорошо, что дурно, и, помню, бросилъ писать одну начатую мною комедію подъ заглавіемъ: «Воры», только потому, что Успенскій, — не успѣлъ я и одной страницы прочитать, — замахалъ руками и воскликнулъ:

— Не такъ! не такъ!

Недавно попались мнѣ на глаза черновыя страницы этой пьесы, и я невольно вспомнилъ моего безпощаднаго критика.

Я. Полонскій.

ПОѢЗДКА НА МУРМАНЬ ¹⁾

(Путевыя замѣтки).

III.

О ДРУГУЮ сторону Кольской губы тянется западный Мурманскій берегъ и оканчивается рѣкой Ворьемой, впадающей въ Варангерскій заливъ. Въ этой губѣ много маленькихъ бухтъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто девять колоній: Грязная, Рослякова, Бѣлокаменная, Варламова, Средняя, Тюва, Екатерининская гавань, Сайда и Торосъ. Океанскій пароходъ доставилъ меня въ Екатерининскую гавань; въ ней я пробылъ сутки. Любопытно было посмотрѣть мѣстность, гдѣ предполагается построить самый сѣверный городъ, подъ именемъ, какъ я слышалъ еще въ Петербургѣ, Екатерининской Колы. Бухта будущаго города узкая, но глубокая, съ высокими берегами, дугообразная. Подъ уклономъ праваго берега раскинулись строенія, принадлежащія колонистамъ и пароходному обществу.

— Зачѣмъ общество содержать здѣсь дома?—спросилъ я сторожа.

— Одинъ пароходъ зимуетъ въ гавани, такъ живутъ матросы,—отвѣчалъ онъ.—Съ марта тянутся промышленники на весенніе промыслы, ну, пароходъ и возить ихъ по становищамъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 981.

На одному зданіи я прочелъ предупрежденіе, которымъ строго воспрещалось ломать деревья и тѣмъ паче рубить. Я смотрѣлъ во всѣ стороны и никакихъ деревьевъ не видалъ. Должно быть, предупрежденіе заботилось насчетъ кустарника по берегамъ, да и тотъ былъ низкорослый, изуродованный суровымъ климатомъ и подпочвеннымъ камнемъ. За скалами лѣваго берега открывается долина, — избранное мѣсто, на которомъ въ ближайшемъ будущемъ возникнетъ новый городъ. Насколько тверда здѣсь почва, самъ я въ этомъ лично не убѣждался, но мнѣ рассказывали люди, работавшіе при изслѣдованіи плотности ея. Сверлили буравомъ на 56 футовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли добраться до твердаго грунта. Тогда же у изслѣдователей явилось предположеніе, что на этомъ мѣстѣ было когда-то озеро, какія и теперь существуютъ по сосѣдству въ глубинѣ материка. Озеро годъ отъ году мелѣло, заволакивалось тиной, заростало травой и, быть можетъ, черезъ вѣка образовалась наглядная сушь; тѣмъ не менѣе, озеро тянетъ къ себѣ заросли, тянетъ, конечно, такъ незначительно, что невозможно примѣтить осадка. Но когда будетъ городъ, черезъ нѣкоторое время на постройкахъ можетъ отразиться видимое втягиваніе, въ смыслѣ искривленій, востаній въ землю и даже разрушеній. Скалы, затрудняющія доступъ къ городу, думаютъ взорвать динамитомъ. Работы были отданы норвежскому инженеру, отъ котораго въ гавань прибыли уже изъ Норвегіи и рабочіе, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и промѣрщикъ, состоявшій въ Вадзѣ школьнымъ учителемъ. Говорили, что динамитныя работы извѣстны норвежцамъ болѣе, чѣмъ кому либо, и притомъ они, новержцы, согласились взорвать скалы дешевле, нежели предлагали наши инженеры, но въ какихъ размѣрахъ выражалась разница — никто не могъ сказать, да и врядъ ли, кромѣ нанимателя, кому она извѣстна. Передавали также, что въ городъ будетъ переведена изъ Колы вся администрація, будутъ отдаваться бесплатно дома свободнымъ переселенцамъ; для передвиженія грузовъ черезъ городъ протянутся рельсы, а двухмѣсячная мгла уступитъ электрическому освѣщенію. Въ отношеніи же снабженія горожанъ прѣсною водою, предположено углубить ближайшую рѣчку и придвинуть ее къ долиніѣ канализаціоннымъ способомъ. Вообще, я слышалъ утѣшительные отзывы объ устройствѣ новаго города, только климатическія условія что-то не хвалятъ.

— Страшное дѣло, баринъ, — рассказывалъ мнѣ колонистъ. — Зимой поднимется такая мятель, что свѣту Божьяго не видно. А къ осени пойдутъ сильные вѣтры съ дождемъ. Какъ задуетъ и начнетъ врать да метать, того и гляди изба кувырнется въ воду. Ежели-бъ не горный берегъ — спасенія нѣтъ.

Изъ Екатерининской гавани я отправился на шлюпкѣ къ пароходу «Казенному», который стоялъ въ 5-ти верстахъ отъ Колы. Оказалось, что пароходъ собирался въ Вардѣ за динамитомъ и попутно

взять въ Мотовскомъ заливѣ шняку съ телеграфною проволокою, чтобы сбуксировать ее въ колонію Малую Мотку, находящуюся въ одной изъ бухтъ Варангерскаго залива. Поэтому онъ легко могъ меня доставить во всѣ колоніи Кольской губы, Мотовскаго залива и Рыбачьяго полуострова. «Казенный» — пароходъ небольшой, съ низкою кормою. Машина и уголь занимаютъ въ немъ громадное мѣсто, такъ что на долю пассажировъ приходятся коморки; только для «его благородія» имѣется отдѣльная каюта и даже съ предупредительною дощечкой его имени.

И теперь ѣхалъ на пароходѣ «его благородіе» и, кромѣ того, молодой человекъ г. Ш., собиравшій въ Мурманскомъ краѣ цѣны на рыбу. Его я видѣлъ въ восточныхъ становищахъ, но онъ все время скрывалъ цѣли своего уполномочія, тѣмъ не менѣе я узналъ, что г. Ш. собираетъ свѣдѣнія для какого-то предпріятія на Мурманѣ, затѣваемаго обществомъ архангельской желѣзной дороги.

Долго пароходъ не снимался съ якоря, хотя былъ уже подъ парами.

— Однако, мы стоимъ порядочно безъ толку, — замѣтилъ я капитану изъ отставныхъ моряковъ.

— Всегда такъ, какъ онъ съ нами, а онъ когда не ѣдетъ?.. Ни одного разу не пропустить.

— Кто такой — онъ?

Капитанъ наклонился и, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Лапландскій правитель. Онъ копается въ своей каютѣ. Видѣли, гдѣ дощечка прибита?

Я утвердительно кивнулъ головою, а капитанъ продолжалъ:

— Мы его приказаній слушаемъ. Сегодня онъ, навѣрно, прокопается десять часовъ.

— Это почему же?

— Какъ почему?! Человекъ вы изъ Петербурга, надо начальство разыграть, не уронить своего достоинства — хитрый старикъ.

— Ну, пусть его, — сказалъ я и перемѣнилъ разговоръ на болѣе существенную тему. — Скажите, капитанъ, что дѣлаетъ вашъ пароходъ на Мурманѣ?

— Вотъ сегодня поѣдемъ въ Норвегію за динамитомъ, по пути завеземъ въ Мотку проволоку, тамъ еще кой-что подвернется.

— Это теперь, а въ началѣ навигаціи?..

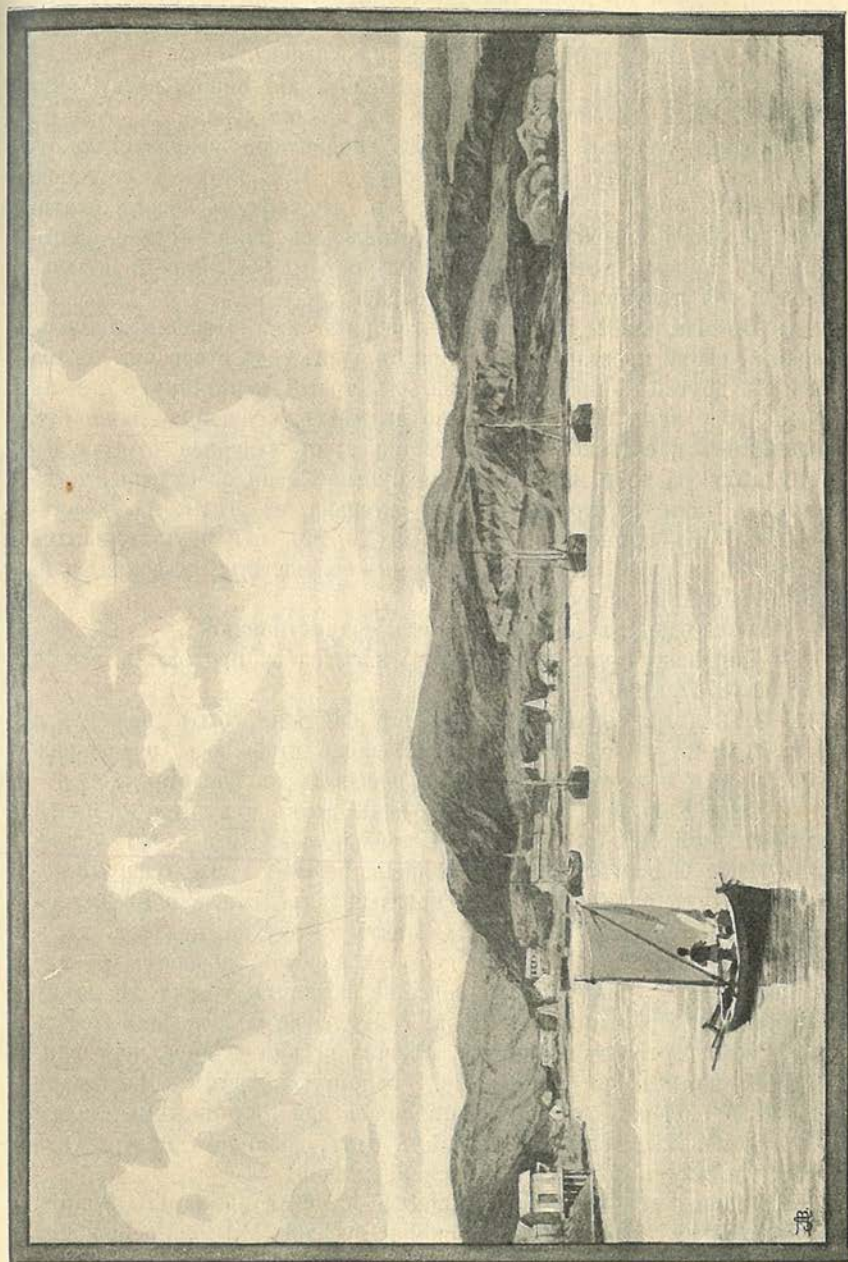
— Тогда буксировали телеграфные столбы отчасти...

— То-есть, какъ отчасти?

— Не всегда. Потому что столбы идутъ плотомъ, сильно упорствуютъ; такой ходъ портитъ машину. Возимъ въ необходимыхъ случаяхъ. На это есть буксирный пароходъ мурманскаго общества «Кандалакша».

— Прекрасно. А въ прошломъ году чѣмъ занимались?

— Мало ли чѣмъ. Доставляли въ становища чиновъ, стояли

Становище Ерегикі.

у Колы, ходили въ докъ чиниться, опять ѣздили кое-куда, работы было достаточно,—уклонялся отъ прямого отвѣта капитанъ.

— А сколько стоитъ содержаніе парохода въ годъ?

— Оно обходится казнѣ въ 16 тысячъ. Но министерству внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что здѣсь все крайне дорого.

На этихъ словахъ нашъ прервалъ «правитель» приказаніемъ отъправляться въ путь. Пароходъ тронулся. При встрѣчѣ со мною «правитель» сразу началъ съ того, что лѣтъ десять назадъ статистика по Архангельской губерніи составлялась дутая и только, благодаря его трудамъ, хотя невмѣненнымъ ему въ обязанность начальствомъ, она получила правдивую окраску.

— Прежде, знаете, какъ было?—говорилъ онъ.—Цифра колоніямъ, дворамъ, скоту проставлялась дома: въ одинъ годъ отбросятъ справа ноль, въ другой — прибавятъ два, въ третій передвинутъ прочія цифры. А у меня все обслѣдовано на мѣстѣ, все добыто лично отъ колонистовъ и сельской администраціи. Я съ любовью отнесся къ этому дѣлу, за то и начальство не пустило меня со службы, когда я хотѣлъ уйти въ отставку. Вотъ, батенька, не угодно ли позаимствовать? Онъ принесъ папку и вынулъ изъ нея внушительныхъ размѣровъ тетрадь; затѣмъ, подавая мнѣ ее, сказалъ:—здѣсь вы найдете мельчайшія подробности.

Я поблагодарилъ и отказался отъ «займствованій».

— Напрасно гнушаетесь. Кто до васъ здѣсь проѣзжалъ, всякій списывалъ отсюда.

Я объяснилъ «правителю», что его свѣдѣнія, быть можетъ, и прекрасны, но чужой статистики я вообще сторонюсь, а собираю самъ данныя и интересуюсь лично побывать въ колоніяхъ.

Колоніи Кольской губы расположены другъ отъ друга въ 5—15 верстахъ. Всѣ онѣ въ 1—3 двора, только одна Сайда имѣетъ 5 дворовъ. Избы большею частью земляныя, поэтому грязь, спертый вонючій воздухъ царятъ въ нихъ круглый годъ. Населеніе преимущественно финляндское. Колонисты ловятъ треску на поддевъ, удочкой. Остановится ловецъ среди губы на карбасѣ, заброситъ грузило съ крючкомъ и дергаетъ уду, пока не зацѣпитъ треску за спину или брюшко. Промышляютъ также семгу, ловя ее неводами и сѣтками. Скотоводство въ колоніяхъ, конечно, весьма скудное, но у финляндцевъ замѣчается его развитіе. У одного колониста въ Варламовѣ есть до 500 оленей, которые составляютъ для него важную доходную статью. Лѣсу строеваго совѣзмъ нѣтъ, дровянаго мало; хлѣбъ дорогъ, питаются соленой и сушеной треской.

Изъ кольскихъ колоній обращаетъ на себя вниманіе Средняя, въ которой два двора—финляндскій и русскій. У перваго большой домъ, прочный, красивый, совѣзмъ какъ въ городѣ. Внутри обширная комната; по стѣнамъ висятъ картины; на столѣ бронзовые часы, скатерть, посуда. Когда я вошелъ съ матросами къ колонисту, по-

слѣдній довольно чисто порусски предложилъ мнѣ вина, сигаръ, сыру; причемъ оказалось, что вино норвежское, сигары гамбургскія, сыръ шведскій. Былъ я и въ кладовой финляндца для покупки консервовъ, видѣлъ тамъ соль, треску, семгу, кильки, сардины, бифштексы, котлеты въ жестянкахъ, чай, сахаръ — словомъ, довольно приличный съѣдобный, а также и красный товаръ. При уходѣ, колонистъ просто меня озадачилъ, когда предложилъ мнѣ, не желаю ли я купить въ дорогу двѣ-три царочки бутылочъ мадеры, хересу, портвейну, рому. Надо было удивляться, кто можетъ въ такой глуши покупать изысканные предметы. Я приобрѣлъ у финляндца сигаръ, консервовъ и вина, а матросы купили 10 ф. чаю по 65 к. и 1 ф. въ 2 рубля.

— Куда вамъ столько чаю?—спросилъ я матросовъ, возвращаясь на пароходъ.

— Это не намъ, а его благородію, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Да и онъ покупаетъ не для себя.

— Для кого же?

— Ладить выдавать норвежцамъ, что пріѣхали въ гавань для городскихъ работъ. Они на чай не берутъ; у нихъ такое заведеніе, чтобы хозяинъ ихъ даромъ поилъ чаемъ. Ихъ 20 человѣкъ привалило — чаю надо не мало. Вотъ онъ смѣшаетъ дешевый сортъ съ дорогимъ, и сойдетъ въ лучшую.

— Развѣ «его благородіе» считается хозяиномъ по постройкамъ?

— Надо думать. Онъ принимаетъ, отпускаетъ, расчетъ чинить. Что говорить — ворочаетъ, — пояснилъ матросъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ жилищу русскаго колониста. Это была землянка; кругомъ ни кола, ни двора, а внутри ни ложки, ни плошки. Бѣдность, убожество, нищета, наложили на всемъ печать. Насъ встрѣтила старуха, мать колониста, и горько плакала. Она рассказывала, что переселились они сюда съ надеждой заполучить отъ казны «пособіе», на которое рассчитывали построить избу, купить корову, завести карбасъ, рыболовныя снасти и жить своимъ хозяйствомъ, ловя въ морѣ рыбку. Сынъ послалъ по начальству прошеніе о пособіи, и прошло два года, а отвѣта все нѣтъ. Нынѣ онъ подалъ вторично, но семья мало питаетъ надежды на благопріятный исходъ, больше склонна къ тому, что изъ этого дѣла ничего путнаго не выйдетъ. Между тѣмъ, землянка рушится, помощи ниоткуда нѣтъ, сынъ ушелъ далеко на ловли, просто «кусить нечего». Вслѣдствіе такого положенія старуха просила:

— Добрый баринъ, скажи ты тамъ, кому надо, о нашей нищетѣ, закинь словечко насчетъ пособія; вѣдь изморились, ожидаючи его. Помоги, родненькій, вѣчно будемъ Бога молить за твою милость.

Я объяснилъ старухѣ, что эти дѣла скоро не дѣлаются: наведутъ справки, заслушаютъ прошеніе, составятъ, напишутъ и, вѣроятно, семья получитъ просимое.

Вернулся я на пароходъ удрученный и сталъ рассказывать «правителю» о русской семьѣ.

— Много ихъ тутъ вонючихъ переселяется, — злобно возразилъ онъ, даже не выслушавъ меня до конца, и затѣмъ обратился къ матросамъ: — Ну, что, привезли?

Матросы отвѣтили утвердительно, причемъ одинъ прибавилъ:

— 3-хъ рублей не хватило.

— Ладно, подождетъ. А баранъ какъ?

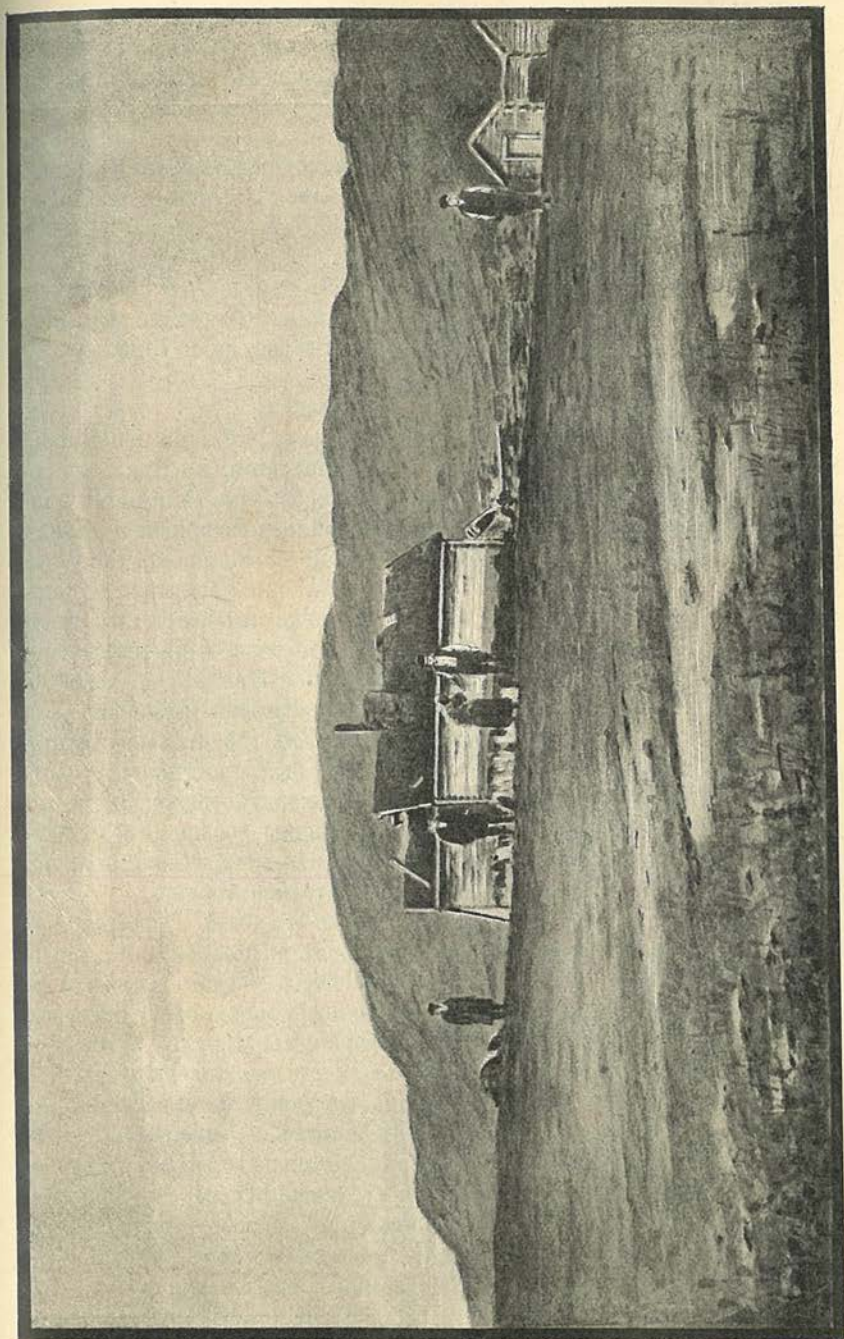
— Не нашлось подходящаго, — былъ отвѣтъ.

Вскорѣ пароходъ тронулся дальше. Сѣли обѣдать. Я поставилъ на столъ вино и замѣтилъ, что оно куплено у финляндца въ колоніи Средней, между тѣмъ законъ 1876 г. о дарованіи мурманскимъ колонистамъ льготъ едва ли разрѣшаетъ продажу имъ иностранныхъ винъ. «Правитель», видимо, согласился со мною и снисходительно вставилъ: «за всѣми не угоняешься». Обѣды у насъ были разные: мнѣ и г. Ш. подавали обыкновенныя блюда, «правитель» аппетитно истреблялъ морошку съ молокомъ, а капитанъ ѣлъ исключительно жареную треску и гречневую кашу безъ масла. Капитанъ въ этомъ отношеніи оказался оригиналомъ: кромѣ трески и каши, онъ круглый годъ никакой больше пищи не употребляетъ.

Мы выѣхали изъ Кольской губы, которая считается едва ли не самой большой по длинѣ изъ всѣхъ губъ океана. Въ концѣ губы довольно тепло; берега низкіе, сплошь покрытые луговою растительностью. Часто попадаются березки, сосны, словомъ съ береговъ все смотреть весело, нарядно. По мѣрѣ удаленія температура понижается и даетъ ясное понятіе, что вы приближаетесь къ океану. Берега постепенно повышаются и какъ бы стряхиваютъ съ себя лишнюю флору. Травы уже не имѣютъ вида зеленого ковра, а виднѣются только въ логахъ между скалами. Деревья встрѣчаются и ниже, и рѣже; сама же губа становится шире и чаще вдается въ материкъ малыми бухтами. Еще дальше — и навстрѣчу вѣтъ уже рѣзкимъ холодомъ. Скалистые берега чужды всякой растительности. Фонъ ихъ бурый, мѣстами съ темнозелеными пятнами, которыхъ не могутъ смыть вѣковые дожди. Наконецъ, губа разветвляется во всю ширь, и открывается путь въ Ледовитый океанъ.

Пароходъ повернулъ на западъ въ Мотовской заливъ. Въ бухтахъ этого залива водворилось семь колоній: Кислая, Ура, Ара, Малая и Большая Лица, Большая Мотка и Эйна. Изъ нихъ двѣ послѣднія на сѣверномъ берегу, а прочія — на южномъ. Есть въ заливѣ также два лѣтнихъ становища, безъ колоній: Еретики и Титовка. Въ первомъ мы остановились тотчасъ же послѣ входа въ заливъ.

Становище заключается въ двухъ большихъ станахъ, построенныхъ на берегу маленькой бухты. Здѣсь я нашелъ четырехъ промышленниковъ и нѣсколько зуйковъ.

Колонія Мала Мотка.

— Какъ ловится? — спросилъ я поморовъ.

— Жаловаться нечего, слава Богу, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Да, вѣдь намъ какая съ лововъ польза, развѣ вотъ за хорошій уловъ хозяинъ похвалить.

— Почему нѣтъ пользы?

— Мы ловимъ изъ жалованья, въ покручникахъ не состоимъ. Пройдетъ лѣто, тамъ сколько ни словили, а денежки ряженыя подавай.

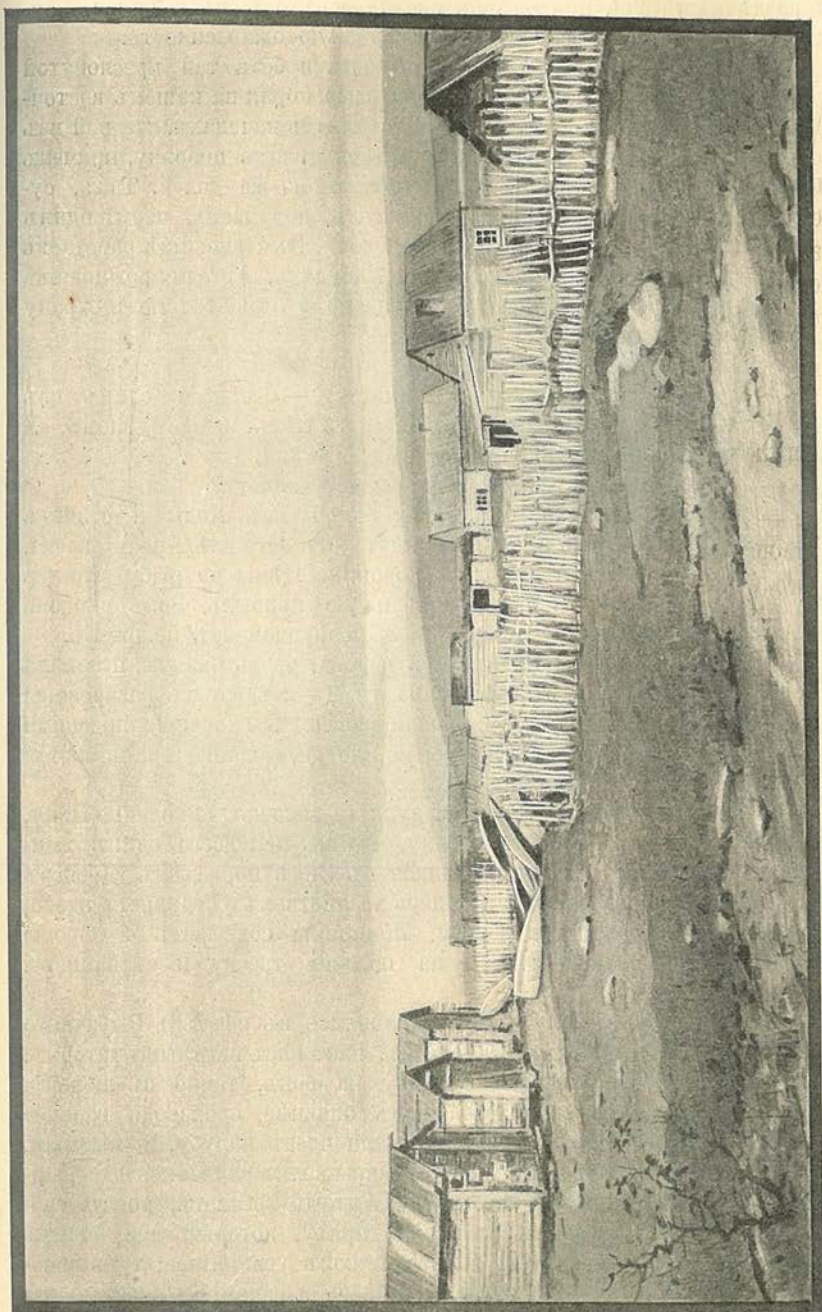
— Сколько же получаете?

— Работникъ, къ примѣру, 50 рублей, зуюкъ — 15 рублей въ лѣто. Насъ тутъ съ зуйками до 80 человекъ наберется, служимъ только двумъ норвежскимъ ховяевамъ, Пильфельду и Кнюцену.

— Какъ продовольствуетесь?

— Все хозяйское: харчи, посудины, снасти.

Отсюда я отправился на китобойный заводъ, стоящій неподалеку отъ становища. Заводъ прекратилъ свои операціи, но при немъ сохранились всѣ постройки, машины, приспособленія. Нынѣшній владѣлецъ, г. Гебель, рассказывалъ, что китобойное предпріятіе погубили управители, которые насчетъ завода больше бражничали, чѣмъ старались развить выгодное дѣло. Убивъ кита, они не думали объ интересахъ предпріятія, а рассчитывали, сколько онъ дастъ имъ бутылокъ шампанскаго. Затѣмъ, въ недалекомъ разстояніи слѣдовали колоніи, изъ которыхъ въ Малой и Большой Лицахъ проживаетъ смѣшанное населеніе, а въ остальныхъ водворились исключительно финляндцы. Впрочемъ, въ самой большой Урѣ (25 дворовъ) попробовалъ поселиться русскій, но онъ вскорѣ былъ вытѣсненъ финляндцами. Въ финляндскихъ колоніяхъ говорить порусски никто не умѣетъ, да и на родномъ языкѣ финляндцы сообщаютъ свѣдѣнія вяло и неохотно. Колонисты занимаются ловомъ трески на яруса и уды, но скотоводство здѣсь ведется настолько хорошо, что считается едва ли не первой доходной статьей въ быту. Особенно оно развито въ Урѣ, гдѣ имѣется до 120 коровъ и 300 овецъ и оленей. Каждый дворъ уплачиваетъ казнѣ 30 копеекъ лѣсного налога и за это пользуется правомъ вырубать годовую пропорцію: 7 бревенъ, 6 жердей и 4 кв. с. дровъ. Весною колонисты берутъ хлѣбъ въ своемъ магазинѣ въ кредитъ, а осенью, когда онъ подешевѣетъ, покупаютъ въ Колѣ, уплачиваютъ долгъ магазину и запасаютъ до весны. Въ общемъ здѣшніе колонисты живутъ хорошо: избы прочныя; внутри чисто, опрятно. Въ концѣ Мотовскаго залива я любовался становищемъ Титовскимъ, этимъ живописнымъ и бойкимъ уголкомъ крайняго сѣвера. На берегахъ его чувствуется совсѣмъ какъ будто не на сѣверѣ: высокихъ, угрюмыхъ скалъ нѣтъ, и кое-гдѣ виднѣются отдѣльно небольшіе камни. Берега сплошь покрыты мелкимъ сыпучимъ пескомъ, а выше тянутся отлогіе зеленые луга и уходятъ куда-то въ даль. Разговоръ и крики рыбаковъ, засолка

Колонія Печенга.

и раздѣлка трески, приходъ съ океана и уходъ въ голымень судовъ—все это придавало становищу рѣдкую оживленность.

Въ Титовскомъ промыселъ производится безъ той пресловутой «покруты», которая глубоко пустила злые корни на нашемъ восточномъ Мурманѣ. Здѣсь ловятъ на артельныхъ началахъ, каждый изъ равной части. Выловленную рыбу артель дѣлитъ поровну, причемъ хозяинъ судна со снастями пользуется такою же долей. Такъ, судохозяинъ, не выѣзжавшій на промыселъ, получаетъ, что и одинъ промышленникъ, а выѣзжавшій—двѣ доли. Въ становищѣ работаетъ 150 рыбаковъ и 60 мальчиковъ, на 70 судахъ. Артели проживаютъ въ 12 досчатыхъ станахъ, которые на зиму отдаются подъ охрану ближайшимъ лопарямъ.

— Кому вы рыбу сбываете?

— Продаемъ тутъ же купцу Хипатову, — отвѣчалъ одинъ изъ поморовъ. — Онъ изъ Колы, занимается 13 лѣтъ этимъ дѣломъ. У него въ становищѣ свой домъ, двѣ салогрѣйки.

— А кто вамъ съѣстные припасы доставляетъ?

— Все онъ же, Хипатовъ. Муку везетъ изъ Колы и ставитъ 6 р.—6 р. 50 к. куль, а припасы идутъ отъ него изъ Архангельска. Оборотистый купецъ и для насъ хорошій. Цѣны на рыбу ставитъ хорошія, а на припасы беретъ маленькую прибыль. Вонъ церковь ладитъ соорудить въ становищѣ, ужъ и фундаментъ положенъ.

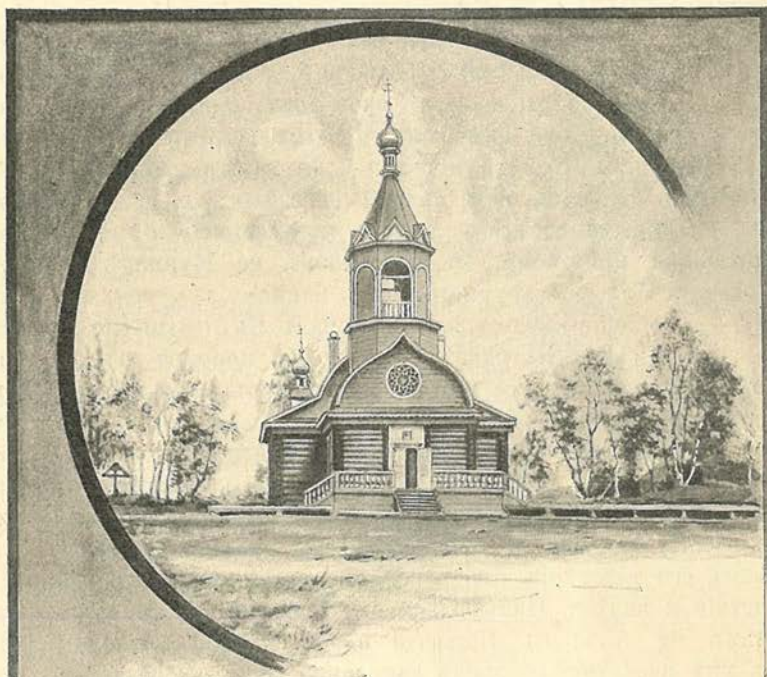
Изъ Титовскаго мы проѣхали 6 верстъ, чрезъ заливъ, и попали въ Мотовскую губу, гдѣ по берегамъ въ 1—2 верстахъ разбросаны землянки—это была колонія Большая Мотка съ 12-ю финляндскими дворами. Кромѣ скотоводства и рыбной ловли, колонисты занимаются охотой на нерповъ и ловятъ акулъ.

По сѣверному берегу мы завернули въ маленькую колонію Эйну, которую слѣдуетъ отмѣтить потому, что въ ней всего одинъ женскій дворъ. Въ 1860 году поселился въ Эйнѣ норвежецъ Дренеръ съ сыномъ, но оба умерли и теперь хозяйствомъ управляетъ вдова, а работниками у нея три дочери. Женщины содержатъ 4 коровы и 40 овецъ и оленей; ловятъ на поддевъ треску и сѣтками въ р. Эйнѣ семгу.

Изъ Мотовскаго залива мы отправились въ объѣздъ Рыбачьяго полуострова. Едва вышли въ океанъ, какъ насъ встрѣтилъ штормъ. Пароходъ стало раскачивать съ боку на бокъ, точно въ люлькѣ. Чрезъ нѣкоторое время вѣтеръ рвалъ сильнѣе, производя грозное волненіе. Волны одна за другой бѣжали чрезъ палубу, и мы шли, такъ сказать, подъ водой. Плескъ, удары волнъ сливались со страшнымъ ревомъ океана. На пароходѣ то что-то треснетъ, то съ грохотомъ упадетъ. Бодрость уступала страху, который все больше овладѣвалъ нами, состояніе было слишкомъ угнетенное; тутъ вспоминалось все дорогое—и суша, и родные, и семья. Къ счастью, мы шли въ эту ужасную бурю недолго и завернули въ колонію Ципъ-Наволокъ, гдѣ переждали штормъ.

Въ этой колоніи населеніе норвежское, проживаетъ въ 8 дворахъ. По разведенію скота (45 штукъ), зажиточности, замкнутой жизни, колонія скорѣе похожа на финляндскія колоніи.

Здѣсь я обратилъ вниманіе на особыя строенія и спросилъ о нихъ у сопровождавшаго меня матроса, такъ какъ изъ колонистовъ никто порусски не говорилъ. Оказалось, что ранѣе въ Ципъ-На-

Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.

волоктъ существовало большое становище, куда стекались поморы на весенніе промыслы. О прежней промышленной жизни краснорѣчиво говорили уцѣлѣвшіе рыбацкіе станы, больница, православный храмъ и пр. Въ 20 верстахъ отъ Ципъ-Наволока мы миновали цѣпь Зубовскихъ острововъ съ колоніей Зубовской, изъ одного финляндскаго двора. Въ этой колоніи я видѣлъ также рыбацкіе станы, но теперь становище заброшено промышленниками.

Проѣхавъ еще 30 верстъ, мы приблизились къ колоніи и становищу Вайдо-Губа, лежащимъ на самомъ сѣверѣ Рыбачьяго полуострова. Становище это служить такимъ же главнымъ промышленнымъ пунктомъ весною на западномъ Мурманѣ, какъ Гаврилово и Териберка,—лѣтомъ на восточномъ. Въ мою бытность становище, конечно, бездѣйствовало, станы были заколочены, но весною оно привлекаетъ до 1000 рыбаковъ и 170 зуевъ. Промышляютъ на 200 посудинахъ, грузится болѣе 25 судовъ треской.

Въ колоніи 3 норвежскихъ и 8 финляндскихъ дворовъ, поселившихся съ 1865 года. Колонисты занимаются рыболовствомъ, скотоводствомъ и живутъ безбѣдно. На берегу меня встрѣтилъ колонистъ норвежецъ Пильфельдъ, слышій за перваго богача на Мурманѣ. Онъ пригласилъ меня въ свой домъ, прекрасный по внѣшности и внутри. Дома мнѣ былъ предложенъ столъ, уставленный всевозможными питіями и яствами норвежскаго произведенія. Самъ Пильфельдъ старался быть крайне любезнымъ и даже приниженнымъ, видимо, заподозрѣвъ во мнѣ лицо, почему-то могущее имѣть официальные притязанія къ его дѣламъ на Мурманѣ. Я раньше слышалъ о Пильфельдѣ многое. Онъ записался русскимъ колонистомъ, выучился русскому языку, попалъ въ печенгскіе волостные старшины и свилъ на русской территоріи прочное гнѣздо. У него не мало промышленныхъ и грузовыхъ судовъ, не мало рыболовныхъ снастей, свои станы, образцовое хозяйство. Въ семьѣ Пильфельда никто не обмолвится русскимъ словомъ; дѣти обучаются въ Норвегіи, и самъ онъ обрѣтается тамъ постоянно, чувствуя себя какъ дома—словомъ, если жизнь Пильфельда вывернуть на изнанку, то несомнѣнно, что онъ съ ногъ до головы преданъ Норвегіи, только карманъ его толстѣетъ отъ русскихъ силъ и на русской землѣ. Впоследствии я видѣлъ Пильфельда въ Норвегіи, но тамъ онъ былъ совсѣмъ не тотъ: въ Норвегіи этотъ русскій колонистъ отвѣчалъ мнѣ неохотно, говорилъ заносчиво, съ пренебреженіемъ, сводя мысленно обращеніе со мной къ одному: «вѣдь мы съ вами не въ Россіи».

Сидя у Пильфельда въ колоніи, я спросилъ его:

— У васъ работаютъ покручники?

— Нѣтъ, я въ поморѣ народа не беру, онъ ко мнѣ приходитъ самъ и нанимается въ работники. У меня жить легко и сытно; иные живутъ по пяти и больше лѣтъ.

— Отчего же норвежцевъ не беретъ?

— Нашъ людъ требовательный; подавай имъ свинину, сало, кофе; русскій же человѣкъ доволенъ хлѣбомъ да треской; къ тому же норвежцы больше способны ловить на поддевъ, а на русскомъ берегу ловятъ ярусами.

— А рыбу гдѣ продаете?

— Намъ ближе сбывать норвежскимъ купцамъ.

— Почему же не русскимъ торговцамъ: вѣдь ихъ бываетъ въ Норвегіи сотни?

— Мы продаемъ за деньги, а русскіе больше мѣняють хлѣбъ на рыбу.

— Однако, русскіе промышленники ловятъ съ вами въ одномъ становищѣ, а везуть на свои рынки, хотя ѣхать ближе въ Норвегію.

— Такъ ужъ оно ведется давно. Вы какъ думаете? Моя рыба тоже попадаетъ въ Россію, но только чрезъ норвежскія руки. Архангельскіе рынки требуютъ очень много рыбы. На нихъ сбывается весь уловъ русскихъ береговъ, а также и нашихъ, особенно низшій сортъ рыбы.

— Какой же лучший сортъ?

— Это хорошо очищенная, безъ хребтовой кости, треска; она солится и вялится на солнцѣ. Такой сортъ называется лабарда-номъ, русскіе готовятъ его мало, а изъ Норвегіи онъ идетъ въ Италію и Францію.

— Ваша колонія сѣверная; я думаю, климатическія условія здѣсь тяжелыя?

— Особенно жаловаться грѣшно. Зимой не бываетъ выше 20°, зато лѣтомъ жаркій день считается съ 15°. Вѣтеръ и бури очень часты; зимою при вѣтрѣ морозъ становится невыносимъ. И растительность порядочная: колонисты накашиваютъ сѣна для всего скота. Сажаютъ картофель, и вырастаетъ. Я пробовалъ выращивать редиску, тоже растетъ, но поспѣваетъ поздно.

Затѣмъ Пильфельдъ показывалъ мнѣ свое хозяйство. Я видѣлъ хлѣвы, конюшни (у него двѣ лошади) съ деревянными полами, особыми мѣстами для каждого животнаго и всѣми удобными приспособленіями для лежки и корма скота. Смотрѣлъ также помѣщенія для рабочихъ, кухню и печь, выпекающую въ сутки куль ржаной муки. Всюду замѣчались удобства и чистота. Въ концѣ концовъ, Пильфельдъ сталъ угощать меня даже шампанскимъ.

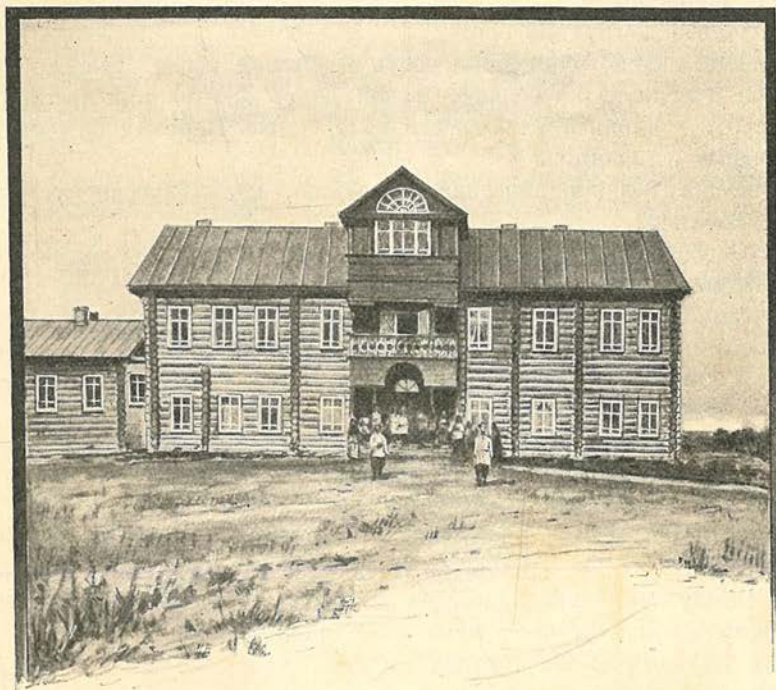
Изъ Вайдо-Губы мы поѣхали на югъ, вдоль восточнаго берега Варангерскаго залива, мимо двухъ финляндскихъ колоній: Земляной (40 дворовъ) и Червляной (11 дв.).

Одинъ изъ колонистовъ водилъ насъ внутрь полуострова и указывалъ на залежи кроновой краски. Мы пришли къ небольшой безымянной рѣчкѣ, шумно бѣжавшей въ каменистыхъ берегахъ. По фарватеру неслась чистая прозрачная вода, но у береговъ, соприкасаясь съ грунтомъ, она окрашивалась въ пурпурный цвѣтъ. На берегахъ подъ камнями лежитъ кроваво-красный слой песку, который настолько густо смѣшанъ съ крономъ, что достаточно бросить горсть песку въ рѣчку, какъ вода тотчасъ побагровѣетъ. Вообще берега этой рѣчки изобилуютъ краской, никому еще, вѣроятно, неизвѣстной своимъ мѣстоименіемъ.

При дальнѣйшемъ пути, мы спустились въ юго-восточный уголокъ

залива, гдѣ нашли колонію Малую Мотку, съ 4 норвежскими дворами. Здѣсь только одинъ дворъ приписной, а остальные колонисты проживаютъ съ десятокъ лѣтъ по паспортамъ.

За колоніей, на открытой полянѣ, виднѣлись палатки, у которыхъ копошились люди, собираясь, точно солдаты, куда-то въ походъ. Это былъ телеграфный станъ.

Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.

— Очень кстати подъѣхали, господа. Здравствуйте, — привѣтствовалъ насъ телеграфный чиновникъ.

— Почему такъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Въ этой губѣ мы работы уже окончили, и надо перебираться въ другую. У насъ рабочіе, провіантъ, инструменты, и все это приходится переправлять на двухъ карбасахъ—безъ буксировки невозможно. Вотъ и сидимъ у моря да ждемъ погоды. Теперь вы насъ подтащите въ слѣдующую губу.

Чиновникъ отдалъ приказаніе рабочимъ, и карбасы быстро стали нагружаться разными принадлежностями стана. Я вступилъ въ разговоръ съ чиновникомъ.

— Скажите, большая линія ведется?

— Немаленькая. Телеграфное сообщеніе существуетъ до г. Кеми, а нынѣ линія пойдетъ отъ Кеми на Кандалакшу, Колу; отсюда предполагается проложить три вѣтви: на Гаврилово, Вайдо-Губу и

Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ.

до норвежскаго телеграфнаго пункта. Я работаю на послѣдней вѣтви и иду теперь на колонію Печенгу.

— Трудно работать?

— Очень даже. Случается утверждать столбы на высокихъ скалахъ; тамъ выбивать ямы медленно и тяжело, солнце виситъ надъ головой и палитъ весь день. Просто съ рабочими не сбиться; иные отказываются отъ работъ и не берутъ меньше 20 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. При проведеніи линіи въ Вайдо-Губу, у моего товарища рабочіе забастовали, онъ хотѣлъ ихъ удержать невыдачей жалованья, такъ они безъ получки сбѣжали. Значитъ, нелегко.

Наконецъ, все собрались, и пароходъ повелъ на буксиръ два баркаса съ живымъ и мертвымъ грузомъ. Надо было отыскать губу Потайную и оставить тамъ грузъ. Прошли 2 — 3 версты и повернули обратно, будто бы прозѣвали искомую губу. Присматривались, приглядывались къ берегу, а губы нѣтъ какъ нѣтъ. Телеграфный чиновникъ безпрестанно кричалъ съ карбаса, что губа гдѣ-то здѣсь, гдѣ-то очень близко отъ колоніи Малой Мотки. Снова сдѣлали оборотъ, проѣхали слишкомъ 6 верстъ, а губы все-таки не нашли. Капитанъ вывелъ заключеніе, что губа Потайная вполне отвѣчаетъ своему названію, и для ея отысканія потребуется немало времени. Рѣшили подтащить карбасы поближе къ берегу и предоставить розыски спрятавшейся губы самому чиновнику.

Выѣзжая изъ Маломотовской губы, мы съ интересомъ наблюдали, какъ тучами проходила рыба сайда, преслѣдуемая массою чаекъ. Послѣднія съ жадностью впивались когтями въ добычу, вытаскивали ее изъ воды и уносились въ высъ. Рыба укрывалась всевозможными способами: плескала по водѣ хвостомъ, кувыркалась, прыгала.

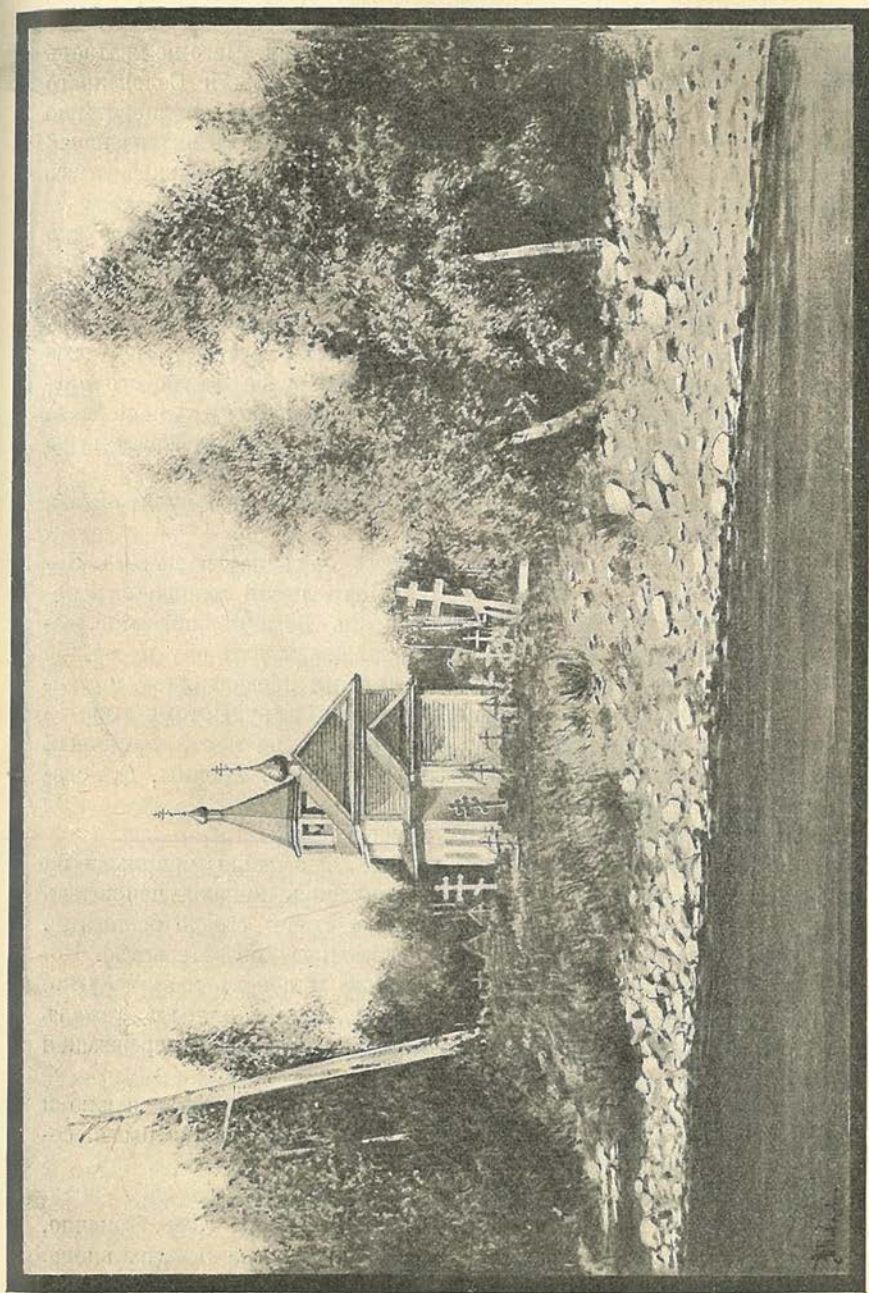
Приѣхавъ въ Печенгскую губу, я оставилъ пароходъ, такъ какъ онъ отсюда направлялся чрезъ Варангерскій заливъ за динамитомъ въ Вардэ, а я намѣренъ былъ побывать въ населенныхъ пунктахъ южнаго берега этого залива. Здѣсь ходитъ пароходъ мурманскаго общества «Трифонъ», дѣлая рейсы отъ Печенгской губы вдоль русскаго берега до г. Вадзэ, а тамъ передаетъ пассажировъ, ѣдущихъ въ Вардэ, на норвежскій пароходъ.

Печенгская губа вдается въ материкъ узкою полосой, съ мало-скалистыми берегами, покрытыми густою травою и кустарникомъ. Въ этой губѣ, какъ и Кольской, водворилось нѣсколько колоній: Печенга, Гагарка, Баркина, Княжуха, Трифонова и Оленья Горка.

Колоніи сгруппировались въ концѣ губы; онѣ имѣютъ отъ 6 до 26 дворовъ и населены корельскими православными колонистами. Жизнь въ печенгскихъ колоніяхъ держится тѣмъ же скотоводствомъ и рыбными промыслами, какъ и въ другихъ колоніяхъ. Я пожелалъ осмотрѣть здѣсь монастырь, о которомъ слышалъ ранѣе, какъ о самой глухой сѣверной обители; монастырь стоитъ въ сторонѣ, въ 18 верстахъ отъ колоніи, и потому я взялъ лошадей въ Печенгѣ.

Монастырь составляютъ старая и новая деревянныя церкви, братское общежитіе, гостиница и надворныя службы. Онъ живописно раскинулся на р. Печенгѣ, которая быстро несетъ чистыя воды среди высокихъ песчаныхъ береговъ въ морскую губу.

При мнѣ въ Печенгской обители насчитывалось до 40 человѣкъ братіи; изъ нихъ одинъ игумень, 4 іеромонаха, 3 іеродіакона и 7 неслужащихъ монаховъ; остальную часть составляютъ послушники и тѣ «годовики», которые, по данному обѣту, приходятъ въ монастырь и работаютъ въ теченіе года по доброй волѣ, бесплатно.

Пазрівський погост. Церковь св. Бориса и Глѣба.

Сѣнокосы здѣсь прекрасные; есть огороды, гдѣ растутъ картофель, лукъ и пр.

Изъ скота содержится 8 коровъ и 5 лошадей. Чего не хватаетъ въ продолженномъ отношеніи, то привозится изъ Соловецкаго монастыря, которому подчинена обитель. Проводить по монастырю и указать его примѣчательности любезно предложилъ мнѣ казначей о. Эммануилъ. Я осмотрѣлъ ризницу, ходилъ по церквамъ и въ новой, между прочимъ, обратилъ вниманіе на жернова.

— Объ этихъ жерновахъ,—замѣтилъ о. казначей,—существуетъ преданіе. Въ XVI столѣтіи иновѣрцы разорили въ Колѣ монастырь. Изъ него пришелъ сюда извѣстный просвѣтитель лапландскаго народа, преп. Трифонъ, и для основанія храма принесъ на себѣ эти жернова. Онъ построилъ храмъ и началъ было крестить мѣстныхъ лопарей, но закоренѣлые вожаки идолопоклонства сугубо его преслѣдовали; проповѣдникъ удалился и скрывался въ пещерахъ. Одна изъ такихъ пещеръ сохранилась и понынѣ на берегу губы Пазы, подъ именемъ Трифионовой.

— Слѣдовательно Трифонъ далеко удалился, потому что Пазы лежатъ въ предѣлахъ Норвегіи.

— Да, вѣдь они, нехристи, какъ надъ нимъ издѣвались-то. Попробуйте спросить у лопаря, почему у него лысая голова, онъ непременно отвѣтитъ, что случилось это отъ Бога въ наказаніе, зачѣмъ ихъ предки нападали на Трифона, оказывали ему презрѣніе и трепали его за волосы. А все-таки гоненія прекратились, и Трифонъ сталъ явно проповѣдывать христіанскую вѣру. Потомъ открыто поселился въ Печенгской губѣ и тамъ вскорѣ, на мѣстѣ нынѣшней колоніи Печенги, основалъ монастырь во имя св. Троицы, гдѣ спасалось до 100 монаховъ.

— Что же сдѣлалось съ этимъ монастыремъ?

— Когда начались на сѣверѣ войны, къ обители приплыли на корабляхъ шведы и, какъ ни сопротивлялись монахи, непріятель перерѣзалъ ихъ, разграбилъ монастырь и сжегъ его до основанія. Да, я вамъ сейчасъ представлю вещественное доказательство. Пожалуйте за мною,—добавилъ о. Эммануилъ и повелъ меня въ угловое помѣщеніе церкви; здѣсь онъ указалъ на витрину, гдѣ лежалъ обуглившійся кусокъ изъ сплава какого-то металла и пережженной кости.

— Смотрите, что мы нашли. Въ Печенгѣ вынимали землю и откопали вотъ это самое. Теперь ясно, что монастырь былъ сожженъ, а съ нимъ сгорѣла и убогая братія.

— Для чего же тамъ рыли землю?

— А разрѣшено перенести туда Печенгскій монастырь. Конечно, какъ перенести?.. Здѣсь все упразднятъ, а тамъ построить вновь. Уже камень доставленъ подъ бутъ, заводъ кирпичный поставленъ, на немъ работаютъ «годовики».

— Что же съ колонистами будетъ?

— Ихъ избы монастырь относитъ на свой счетъ въ другія колоніи, а имъ и ладно. У другого хата старая; къ ней бревешекъ прибавятъ, сложатъ и будетъ новая. Все это орудуетъ нашъ игуменъ. Монахъ онъ нестарый, изворотливый; тамъ, въ Питерѣ, онъ знаетъ, кто можетъ жертвовать деньгами, кто лѣскомъ,—однимъ словомъ,—человѣкъ ходовой.

Затѣмъ мы ходили съ домъ общежитія, монастырскую гостиницу для богомольцевъ и на сѣнокосы.

Въ гостиницѣ о. Эммануиль предложилъ мнѣ обѣдъ, такой вкусный и сытный, что стоитъ привести его меню. Подавали: селедку съ лукомъ, малосольную семгу, холодное со свѣжими огурцами и свѣжей семгой, щи изъ кислой капусты съ палтусиной и семгой,—кашу пшеничную и морошку со сливками. За обѣдомъ о. казначей угощалъ меня какимъ-то старымъ виномъ, довольно вкуснымъ и крѣпкимъ. При послѣднемъ блюдѣ онъ замѣтилъ:

— Эта ягода—испытанное средство противъ цынготныхъ заболѣваній. У насъ ея готовится въ прокъ изрядное количество, и братія ѣсть ее въ сушеномъ, вареномъ и моченомъ видѣ. И нынѣ нашъ игуменъ отсутствуетъ по той причинѣ, что находится на Аинскихъ островахъ, гдѣ наблюдаетъ за сборомъ морошки. Онъ сегодня хотѣлъ вернуться; можетъ быть, повидаете его.

Вскорѣ послѣ обѣда, поблагодаривъ о. Эммануила за любезный приемъ, я уѣхалъ изъ монастыря и игумена не дождался.

На обратномъ пути, въ Печенгѣ, къ моему удивленію, меня встрѣтила цѣлая толпа колонистовъ, снимая шапки и низко кланяясь.

— Зачѣмъ вы собрались?

— Прошеніе подать! жалобу принести!—раздались голоса; причемъ одинъ колонистъ приблизился ко мнѣ и подаль листъ бумаги. Въ немъ они жаловались на Соловецкій монастырь и поясняли, что, послѣ того, какъ ему разрѣшили построить въ Печенгѣ новую обитель, онъ переноситъ изъ нея дворы въ другія колоніи и незаконно обездоливаетъ послѣднія въ отношеніи покосовъ, лѣсовъ и семуужьихъ лововъ на р. Печенгѣ. Больше сѣтовали на игумена, который будто бы безъ всякаго права завладѣлъ Аинскими островами, издавна принадлежавшими имъ, колонистамъ, и приносившими хорошій доходъ по сбору морошки и сѣна.

— Вы бы обратились къ мѣстнымъ властямъ,—посоветовалъ я имъ.

— Было дѣло. Посылали прошеніе не разъ—ни слуху ни духу,—говорила толпа.

— Еще пошлите, и, вѣроятно, разслѣдуютъ.

— Толку-то въ посылкѣ никакого, поэтому мы къ вамъ лично. Защитите; у монастыря—сила, а мы—народъ темный.

— Я не имѣю права входить въ разборъ жалобы,—отвѣчалъ я, и мнѣ оставалось только пожалѣть бѣдныхъ тружениковъ, хотя жалоба ихъ была справедлива.

На пароходѣ «Трифонъ» я попалъ къ вечеру и, утомленный, легъ спать. Вдругъ ночью меня будить прислуга и сообщаетъ, что ко мнѣ пріѣхалъ печенгскій игумень. Я вышелъ въ общую каюту, гдѣ, правда, сидѣлъ монахъ, въ сообществѣ лѣснаго генерала и среднихъ лѣтъ дамы, которая, какъ говорили послѣ, не одинъ годъ совершаетъ путешествіе изъ Крыма на сѣверъ съ единственною цѣлью побывать въ Печенгскомъ монастырѣ.

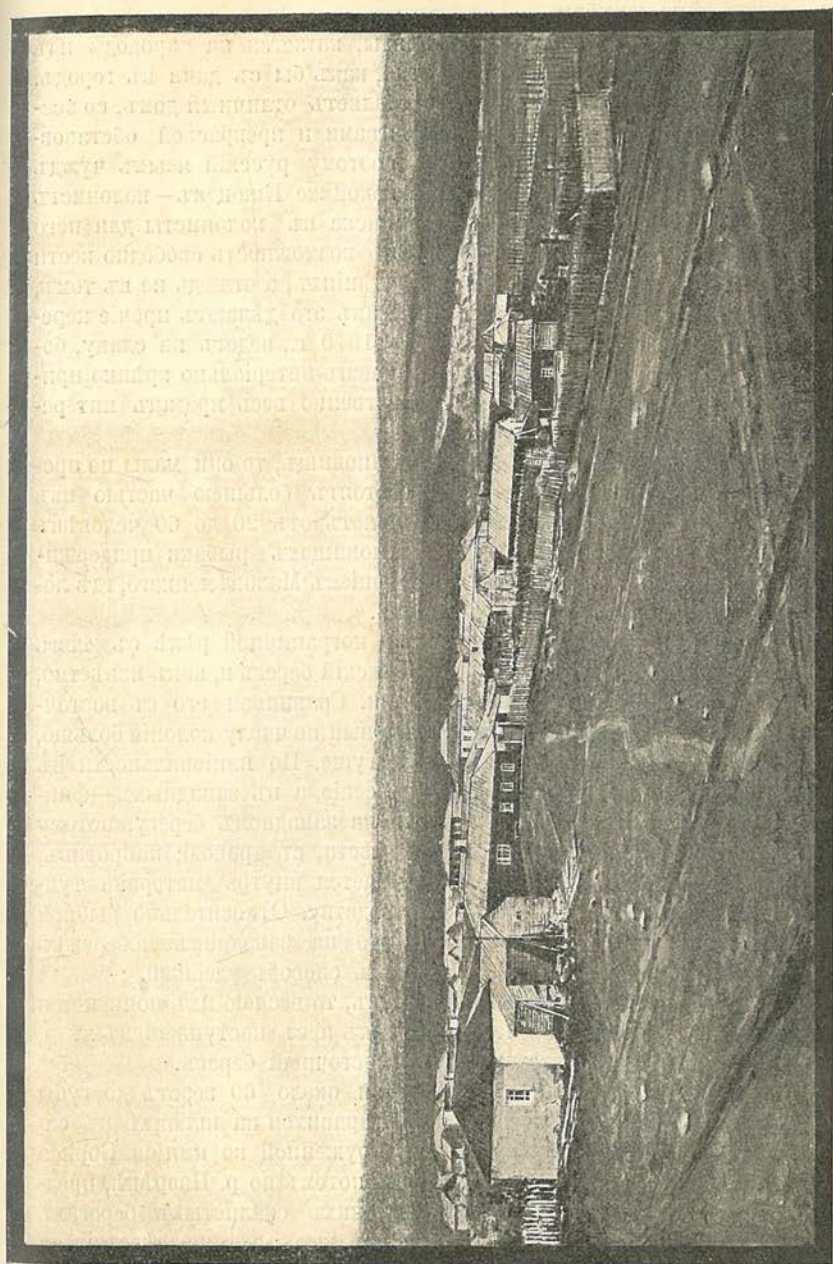
— Вамъ, кажется, жаловались колонисты?—спросилъ меня игумень.

— Не только «кажется», но и на самомъ дѣлѣ жаловались.

— Этакій людъ неблагодарный. Начальство разрѣшило снести Печенгу во имя будущаго монастыря—и, конечно, мы и расселяемъ ихъ на свой счетъ; строимъ имъ избы, помогаемъ въ хозяйствѣ, ставимъ, такъ сказать, ничего неимущихъ на ноги, а они что? за благо воздаютъ зло, жалуются, клеветуютъ. Ну, и алчный народъ эти колонисты!

Игумень, видимо, долго бы распространялся касательно причинаемаго колонистами «зла», но я поспѣшилъ замѣтить, что съ моей стороны прямого и существеннаго отношенія къ жалобѣ рѣшительно нѣтъ, и поэтому лица, заинтересованныя въ недовольствѣ колонистовъ, могутъ быть вполне спокойны; затѣмъ я извинился и вышелъ.

Изъ Печенгской губы и отправился по Варангерскому берегу. Здѣсь образовалось четыре маленькихъ колоніи со становищами: Малонѣмецкая, Столбовая, Фильманская и Ворьсма. Первая лежитъ сейчасъ же за поворотомъ изъ Печенгской губы, а послѣднія расположились въ 27 верстахъ отъ первой и отдѣляются другъ отъ друга разстояніемъ въ $1\frac{1}{2}$ —1 версту. Въ колоніяхъ водворилось по 1—3 двору и притомъ со смѣшаннымъ населеніемъ; только въ Фильманской проживаетъ одинъ семейный норвежецъ, Кнюценъ, считающійся вторымъ богачемъ на русскомъ Мурманѣ. У него есть въ трехъ становищахъ все для промысловыхъ операцій: наемные работники, промысловыя и мореходныя суда, станы, рыболовныя снасти; есть такъ же пароходъ съ неводами для лова наживки. Кнюценъ—тотъ же Пильфельдъ, тотъ же колонистъ, ничего общаго съ русской колонизаціей не имѣющій. Впрочемъ, можно указать между ними разницу лишь въ томъ, что послѣдній добился выборной сельской власти, завелъ у себя въ колоніи хозяйство, такъ сказать, старается казаться русскимъ колонистомъ, а первый, напротивъ, дѣйствуетъ прямо, безъ всякой маскировки. Кнюценъ физическаго труда никакого не несетъ, равно не несетъ такого труда и семейный работникъ, сынъ его. Отецъ играетъ роль владѣльца промысла, а сынъ

Городъ Кола.

исполняетъ обязанности приказчика. Женскій полъ въ семействѣ норвежца сѣна не убираетъ, за скотомъ не ходитъ, снастей не отвиваетъ, а, разодѣтый въ модные наряды, катается на пароходѣ изъ Фильманскаго въ Норвегію и обратно, какъ бы съ дачи въ городъ. Колонистскій дворъ Кнюцена представляетъ отличный домъ, со всевозможными приспособленіями, удобствами и прекрасной обстановкой. Дѣти обучаются въ Норвегіи, поэтому русскій языкъ чуждъ для всей семьи. Послѣ всего этого, какой же Кнюценъ—колонистъ мурманскаго берега! Разумѣется, приписка въ колонисты для него важна въ томъ отношеніи, чтобы имѣть возможность свободно вести промышленныя дѣла въ русскихъ владѣніяхъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы преслѣдовать осѣдлую жизнь, какъ это дѣлаютъ прочіе переселенцы. Вотъ онъ и ведетъ дѣла съ 1870 г., ведетъ на славу, богатѣетъ, блаженствуетъ—словомъ, Кнюценъ матеріально крѣпко привязанъ къ нашему отечеству, а нравственно весь преданъ интересамъ Норвегіи.

Что же касается варангерскихъ становищъ, то они малы по промышленной производительности и состоятъ большею частью изъ земляныхъ становъ; въ нихъ промышляютъ отъ 20 до 60 человѣкъ и непремѣнно лѣтомъ. Во всѣхъ становищахъ рыбаки придерживаются системы «покрута» за исключеніемъ Малонѣмцаго, гдѣ ловятъ лопари на артельныхъ условіяхъ.

Отъ колоніи Ворьсмы, стоящей на пограничной рѣкѣ съ тѣмъ же названіемъ, начинается уже норвежскій берегъ и, какъ извѣстно, западный русскій Мурманъ кончается. Сравнивая его съ восточнымъ, увидимъ нѣкоторую разницу. Первый по числу колоній больше, зато самыя колоніи перваго населены гуще. По національности въ восточныхъ колніяхъ преобладаютъ русскіе, а въ западныхъ—финляндцы. Скотоводство сильно развито на западномъ берегу, потому что тамъ чаще встрѣчаются отлогія мѣста, съ травой; напротивъ, восточный берегъ скалистѣе, раскидывается внутрь материка тундрами и больше способствуетъ оленеводству. Относительно рыбной промышленности слѣдуетъ сказать, что на западномъ побережьѣ юрсами ловятъ рѣже, а распространенъ способъ удебный.

Что же касается пришлыхъ поморовъ, то весною ихъ появляется на западномъ Мурманѣ до 1.000 человѣкъ а, съ наступленіемъ лѣта, $\frac{2}{3}$ этого количества переселяется на восточный берегъ.

Отъ колоніи Ворьсмы мы проѣхали около 60 верстъ до губы Пазы, и пароходъ бросилъ якорь. Я отправился на шлюпкѣ къ самой сѣверной православной церкви, сооруженной во имя св. Бориса и Глѣба. Сначала путь лежалъ по губѣ, потомъ по р. Пазрѣкѣ, представляющей собою два плеса. На высокихъ скалистыхъ берегахъ попадались красивые дачные домики, изъ которыхъ въ послѣдствіи на пароходъ сѣло много норвежцевъ, ѣхавшихъ въ Вадзз. Норвежскія владѣнія простираются до половины второго плеса и обозначаются

столбомъ, сложеннымъ на берегу изъ камней. За этимъ столбомъ на правомъ берегу прячутся въ густомъ березникѣ старая и новая церкви, и тутъ же въ низинѣ скрывается Пазрѣцкій погостъ лопарей, а за нимъ снова начинается Норвегія. Такимъ образомъ, русское селеніе съ церквями стоитъ на концѣ узкой полосы, и попасть въ него лѣтомъ нельзя иначе, какъ черезъ норвежскую терріорію.

Въ погостѣ я встрѣтилъ священника отца Константина, который любезно пригласилъ меня къ себѣ. Прежде всего батюшка выразилъ сожалѣніе, что въ Пазрѣцкую мѣстность очень мало заглядываютъ русскіе, а больше являются иностранные путешественники и живутъ по нѣсколько дней. Такъ, три года назадъ пріѣзжали два англичанина и пробыли, живя въ грязной лопарской вежѣ, цѣлое лѣто, лишь изъ одного только удовольствія ловить въ Пазрѣкѣ семгу.

— Я десять лѣтъ веду книгу,—сказалъ священникъ,—и прошу путешествующихъ записывать свои фамиліи.—Онъ подаль мнѣ книгу и прибавилъ:—Не угодно ли полюбопытствовать—все иностранные гости.

Правда, стояли англійскія, французскія, голландскія имена; записать и я свою фамилію.

— Да, англичанинъ и французъ—народъ любопытный, любознательный,—снова заговорилъ батюшка, смотря безцѣльно въ открытую книгу.—Вѣдь надо же притащиться, скажемъ, изъ Лондона за такимъ пустякомъ, какъ половить семгу. Поди, нашего русака и за дѣломъ не прогонишь.

Я вполне согласился съ отцомъ Константиномъ и прибавилъ, что проѣхалъ весь Мурманъ, останавливался, жилъ въ колоніяхъ, а встрѣтилъ одну только русскую даму изъ Крыма, между тѣмъ иностранцевъ видѣлъ нѣсколько.

— Вотъ и теперь,—сказалъ я,—остались на пароходѣ два молодыхъ англичанина. Со мною они ѣдутъ отъ Печенгской губы; дорогою все заглядываютъ въ морскую карту, дѣлаютъ въ книжкахъ помѣтки, набрасываютъ карандашомъ рисунки нашихъ судовъ. Да, кстати сказать, варангерскій берегъ небезынтересенъ въ международномъ отношеніи, какъ русско-норвежская граница.

— Охъ, ужъ эти границы,—вздыхнулъ батюшка.—Мнѣ извѣстно по документамъ—въ половинѣ XVI вѣка царь Іоаннъ Грозный далъ игумену Печенгскаго монастыря, Гурію, грамоту, которою жалуетъ братію морскими губами: Мотовской, Лицкой, Урской, Пазой и Нявдемской. Въ 1826 году была утверждена конвенція, и Россія потеряла до 800 квадратныхъ верстъ, и въ эту площадь вошли Паза и Нявдема. Не такъ важны губы, какъ берегъ отъ рѣки Ворьсмы до Пазы: онъ самый лучший промысловой; его долго будутъ помнить наши рыбаки—поморы. Наконецъ, обрѣтали на этомъ берегу остатки православныхъ крестовъ. Отсюда ясно, что здѣсь про-

мышляли рускіе на своей землѣ и водружали, по обыкновенію, на пустынныхъ мѣстахъ кресты.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ отецъ Константинъ сообщилъ мнѣ относительно границъ любопытный рассказъ, который хотя и кажется анекдотичнымъ, но тѣмъ не менѣе его выдаютъ за фактъ. Норвежцы, будто бы, желая завладѣть промысловымъ берегомъ, посулили русскому чиновнику мѣшечекъ червонцевъ, если онъ устроитъ имъ это дѣло. Чиновникъ соблазнился предлагаемой данью и сдѣлалъ такъ, какъ угодно было норвежцамъ, причемъ, чтобы православная церковь не очутилась на норвежской землѣ, выдѣлили для нея указанную полосу. Такой гнусный поступокъ былъ наказанъ смертью. Подъ верхнимъ слоемъ золота оказались обыкновенныя мѣдныя монеты. Предатель пришелъ въ бѣшенство и тутъ же повѣсился. Послѣ я отъ многихъ слышалъ этотъ рассказъ съ заключительными словами: «туда ему и дорога, Іудѣ».

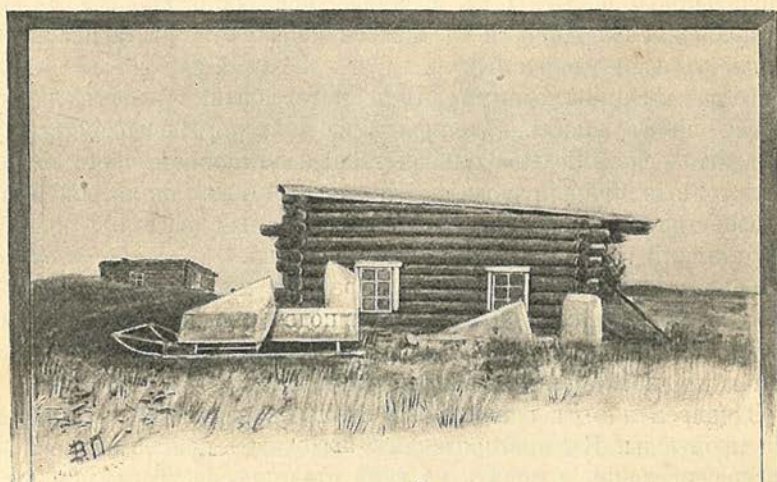
Затѣмъ я побывалъ въ обѣихъ церквахъ. Древняя представляетъ собою развалившуюся деревянную избу. Церковная утварь въ ней ветхая и относится къ отдаленнымъ временамъ. Видѣлъ, напримѣръ: деревянный подсвѣчникъ для свѣчи, съ которою ходитъ при служеніи діаконъ; смотрѣлъ священническое облаченіе, вышитое одноголовыми и двуглавыми орлами. Эти орлы, какъ объяснилъ батюшка, обозначаютъ переходное состояніе въ эпоху царя Грознаго, которымъ облаченіе и было прислано въ даръ храму. Надъ райскими вратами и по бокамъ висятъ желѣзные подсвѣчники. Въ иконостасѣ, между прочимъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе: по древности—образъ Іоанна Богослова, съ надписью «Иванъ Богословъ», и по оригинальности живописи—образъ Богородицы, гдѣ Богоматерь изображена прядущею нитки. Призываетъ людей къ молитвѣ не колоколь, а било—желѣзный полукругъ, на подобіе шины. Новая церковь заложена лишь въ 1870 году, въ бытность великаго князя Алексѣя Александровича, отъ котораго имѣются въ храмѣ пожертвованные образа.

Поблагодаривъ отца Константина за радушный пріемъ, я отправился изъ губы Пазы въ норвежскіе города Вадзэ и Вардэ.

Эти города имѣютъ одну и ту же фізіономію: изрѣзаны гладкими каменными дорогами; дома исключительно деревянные, всевозможныхъ уродливыхъ формъ, покрыты большею частью, за дороговизною лѣса, дерномъ. Тѣ же въ нихъ санитарныя условія, отъ которыхъ можно прійти въ ужасъ. Вонь и смрадъ заявляютъ о себѣ еще въ то время, когда вы приближаетесь къ городу, въ особенности къ Вардэ, который отъ китобойныхъ заводовъ буквально пропитанъ запахомъ жира. На берегу вонь ударяетъ васъ точно палкой по носу, вызываетъ тошноту и одурѣніе. Да, и не мудрено, если, при раздѣлкѣ рыбы, головы и внутренности бросаются на берегъ; тутъ же сваливаются и отбросы отъ перегона трескаваго жира.

Все это разлагается на солнцѣ и распространяетъ убійственный, заразительный запахъ.

Городское населеніе показалось мнѣ угрюмымъ, несловоохотливымъ; смотреть на русскихъ какъ-то подозрительно. Можетъ быть, за краткимъ пребываніемъ, въ этомъ опредѣленіи я ошибаюсь, но во всякомъ случаѣ послѣднее въ норвежцахъ рѣзко выдѣляется. 2-го августа, я былъ уже въ Колѣ, самомъ сѣверномъ уѣздномъ городкѣ, оставшемся нынѣ «за штатомъ». Онъ стоитъ на мыскѣ, между рѣками Туломой и Колой, и смотреть въ Кольскую губу. Кола именуется городомъ, конечно, вслѣдствіе присвоенной ей адми-

Лопарская тупа.

нистраціи, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она просто-на-просто поморское село съ сотнею дворовъ и пятью сотнями душъ обоего пола. Улицъ нѣтъ, дома старые, кривые, въ безпорядкѣ разбросаны. Среди города стоитъ каменный храмъ во имя Благовѣщенія.

Лѣтомъ коляне занимаются рыбными промыслами, и мужчины поголовно уходятъ въ море; остаются только женщины да чиновники мѣстныхъ учрежденій. Зимой коляне бездѣйствуютъ—нѣтъ ни работъ, ни промысловъ, и они проживаютъ то, что заработали лѣтомъ. Торговля сосредоточена въ рукахъ 2—3 лавочниковъ и, какъ мнѣ передавали, негласныхъ торгашей, на которыхъ власть имущіе смотрятъ сквозь пальцы.

Я думалъ, что въ такомъ отдаленномъ уголкѣ живетъ скучно, но на самомъ дѣлѣ ошибся.

— У насъ очень весело,—говорила мнѣ одна колянка,—не замѣтишь, какъ время бѣжитъ. Особенно лѣтомъ привольно. Кругомъ сутки свѣтло; солнышко ни на минуту не закатывается, только лѣто короткое. Днемъ работаемъ по дому, а вечеромъ гуляемъ, пѣсни поемъ, катаемся и даже иногда, въ тихую погоду, выѣзжаемъ въ ближайшія колоніи. Зимой собираемся на вечера: кто въ карты играетъ, кто танцуетъ—бываетъ весело. Танцуемъ подъ пѣсни и подъ гитару, на которой у насъ отлично играетъ казначейскій чиновникъ.

Что кольскіе обыватели любятъ пѣсни, я самъ убѣдился. Когда пришлось порядочно ожидать отхода парохода, то мимо насъ по направленію отъ Колы къ взморью постоянно скользили лодки, переполненные людьми, и съ каждой непременно раздавалась какая нибудь русская удалая пѣсня.

Когда именно возникъ этотъ интересный городокъ дальняго сѣвера, ни въ какихъ лѣтописяхъ не найдено, но говорятъ и пишутъ, что основаніе Колы покрыто сѣдою стариной. Чуть ли не въ XIII столѣтіи пришли сюда новгородцы и стали заниматься въ губѣ рыболовствомъ, построивъ на берегу вольный рыбацкій поселокъ, послужившій зачаткомъ нынѣшняго городка.

Кола за свое существованіе пережила много разныхъ преобразованій—гражданскихъ и военныхъ; подвергалась нападеніямъ шведовъ и норвежцевъ, была нерѣдко разграбляема непріятелемъ, сгорала дотла и все-таки снова воскресала.

Одновременно съ основаніемъ Колы начались и наши мурманскіе промыслы. Къ новгородскимъ выходцамъ присоединилось бѣломорское населеніе, и ловить въ губѣ стало тѣсно. Тогда поморы изъ губы подвинулись сначала на западъ, а потомъ на востокъ. Поэтому Кольская губа и раздѣлила Мурманскій берегъ на восточный и западный.

Не знаю, въ какихъ размѣрахъ существовалъ въ древности промыселъ, но нынѣ Мурманъ, по собраннымъ мною статистическимъ даннымъ, привлекъ изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ болѣе 4 тысячъ поморовъ, которые, выѣзжая изъ 18 становищъ, ловили на 1.000 судовъ. Пойманная рыба была погружена въ 155 судовъ и отправлена преимущественно на архангельскіе рынки. Количество ея выражалось въ 800 тысячъ пудовъ, изъ печенокъ отъ этой рыбы было вытоплено 40 тысячъ пудовъ жира. Весь рыбный продуктъ по цѣнамъ на мѣстахъ лова стоитъ болѣе 500 тысячъ рублей. Дѣла о колонизаціи Мурмана, хотя идутъ тихо, но все-таки лучше, нежели до 1868 г., когда былъ обнародованъ законъ о льготахъ для переселенцевъ на сѣверъ. Теперь на Мурманѣ считается 40 колоній съ 270 дворами. Производительная сила ихъ выражается въ 370 семей-

ныхъ работникахъ и въ 240 наемныхъ. Всѣ колонисты имѣютъ для рыбныхъ промысловъ болѣе 200 судовъ. Для подспорья въ быту, колонисты содержатъ болѣе 3.000 штукъ скота, причемъ половина приходится на оленей.

Преобладающій элементъ въ Мурманскомъ краѣ—финляндцы, затѣмъ русскіе и норвежцы. Инородцы живутъ лучше, богаче; они даютъ русскихъ и ставятъ ихъ въ зависимость.

IV.

Изъ Колы я рѣшилъ переправиться чрезъ Лапландію къ Бѣлому морю. Обычныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ. Зимой отъ с. Кандалакши, лежащаго въ сѣверо-западномъ углу моря, до Колы тянется тропа, по которой бѣгаютъ олени, запряженные въ кережи-сани, безъ полозьевъ, на подобіе лодочки, нерѣдко обтянутые сверху парусиною. Лѣтомъ же переправа совершается на карбасахъ чрезъ озера и рѣки, но гдѣ встрѣчаются пороги, путникъ принужденъ дѣлать обходы, именуемые тайболами. Конечно, вся дорожная часть исполняется лопарями; они и оленями управляютъ, и на карбасахъ ѣздятъ, и таскаютъ за спиною крошки съ багажемъ. Со мною шелъ телеграфный инженеръ г. М., и четыре лопаря несли наши скудные пожитки. Г. М. былъ мнѣ попутчикомъ на полъ-дороги, далѣе онъ долженъ былъ свернуть въ сторону къ рабочему стану, который велъ по Лапландіи телеграфную линію.

Сейчасъ же за городомъ намъ пришлось подниматься на высокую гору Соловаровку. Трудно было идти по извилинамъ и камнямъ. Съ горы открывался видъ на тундру и Кольскую губу, удаляющуюся къ океану. Я спросилъ лопарей, не знаютъ ли они, откуда эта гора получила названіе, не было ли здѣсь когда нибудь производства соли?

— Не слыхали, баринъ,—отвѣтилъ лопарь Семенъ.—Надо полагать, за то ее прозвали такъ, что солоно по ней подниматься.

Спустившись, мы подошли къ р. Колѣ, гдѣ встрѣтили урядника, какъ оказалось, занимавшаго здѣсь таможенный постъ.

— Какое же ему ввѣрено разстояніе для охраны?—спросилъ я своихъ проводниковъ.

Одинъ изъ лопарей махнулъ лѣвою рукою въ одну сторону, а правую въ другую и флегматично замѣтилъ:

— Сюда—до св. Носа, сюда—до Финляндіи.

— Мы уйдемъ далѣе, и онъ уйдетъ въ Колу,—вставилъ другой.

Отсюда нашъ путь лежалъ по р. Колѣ, которая начинается внутри Лапландіи плесомъ и на своемъ протяженіи дѣлаетъ нѣсколько такихъ плесовъ, именуемыхъ мѣстнымъ населеніемъ озерами. Изъ главныхъ, по величинѣ, считаются: Мурдозеро, Пулозеро, Колозеро.

Плеса занимають пространство 10—20 верстъ; они неглубоки, берега частью каменистые, частью песчаные, съ тощею растительностью.

Какъ ни пустыньны и бѣдны природою эти озера, но для населенія они имѣють промышленное значеніе; въ нихъ лопари ловятъ кумжу, форелей, щукъ, сига и пр.

Мѣстами р. Кола завалена порогами, поэтому ихъ приходилось обходить тайболами. По тайболамъ обыкновенно вела узкая тропа, извиваясь по болотамъ и торфяникамъ, а если гдѣ и попадался лѣсокъ, то низкій, тщедушный, корявый.

Островъ Маланья на Имандрѣ

Наши спутники сами по себѣ больше молчали, даже на вопросы отвѣчали кратко и лѣнливо. Лопари—народъ вообще несловоохотливый, да и заняты они были своимъ дѣломъ крѣпко: на карбасѣ сильно работали веслами, а по тайболамъ не отставали отъ насъ, обливаясь потомъ подъ крошнями. Только одинъ Семень оказался какъ-то развязнѣе своихъ земляковъ.

— Прибыльное это озеро, — сказалъ онъ послѣ суточного путешествія, когда мы ѣхали по Пулозеру.

— Должно быть, рыбоводное?

— Рыба особѣ статья, — отвѣчалъ онъ, — а есть еще промыселъ. Въ Пулозеро течетъ рѣчка, махонькая, безъ всякаго прозвища. Въ ней лопари промышляютъ жемчужную раковину. Бѣда, что цѣны жемчугу не знаютъ.

— Кому же сбывается онъ?

— А приѣзжаютъ сюда издалека покупатели; они что дадутъ, то и ладно. Другое дѣло—кандалакшскіе ловцы; они продаютъ въ Архангельскъ, а лопарь не полѣзетъ; онъ несмѣлый, темный, дальше своей земли лопской никуда не ступить.

Въ концѣ Пулозера г. М. предложилъ мнѣ посмотрѣть строящійся здѣсь телеграфный домъ, гдѣ будетъ жить чиновникъ и контролировать извѣстный участокъ. Въ домѣ складывались печи и вставлялись рамы. Г. М. сообщилъ, что пройдетъ мѣсяцъ, и домъ

Расноволоцкая станція.

будетъ совсѣмъ готовъ, поспѣетъ какъ разъ къ тому времени, когда откроется передача депешъ отъ Кандалакши до Колы. Чѣмъ-то страннымъ казалось это сооруженіе, украсившее берега безлюдного, пустынного озера, но въ то же время оставалось пріятное впечатлѣніе, что свѣтъ культуры сталъ проникать и въ нашу Лапландію.

На Колозерѣ мы привалили къ Мисельскому погосту, но тамъ никого не было. Всѣ лопари разбрелись по озерамъ для рыболовства. Они живутъ на берегахъ все лѣто во временныхъ жилищахъ—вежахъ, сложенныхъ конусообразно изъ кольевъ и покрытыхъ мхомъ. Полъ вежи устилается оленьими шкурами, а сверху оставляется отверстіе для дыма.

Въ погостѣ стоятъ черныя убогія тупы — постоянныя жилища лопарей. Размѣромъ тупа въ $1\frac{1}{2}$ —2 саж.; стѣны срублены изъ тонкихъ бревенъ; потолокъ въ большинствѣ случаевъ не подъ крышей, а обложенъ дерномъ. Въ стѣнахъ врѣзаны 1—2 конца и маленькая дверь, въ которую лопарь не входитъ, а лѣзетъ на-четверенькахъ. Внутри, въ углу стоитъ камелокъ (печь), сложенный изъ дикаго камня. Онъ поднимается до самаго потолка и трубы не имѣетъ, а, вмѣсто нея, сіяетъ черная дыра, чрезъ которую изъ тупы видно небо. Лицевая сторона совершенно открыта и даетъ возможность ставить дрова дыбомъ—словомъ, лопарскій камелокъ отнюдь не походитъ на русскую печь, а скорѣе напоминаетъ каминъ. У одной стѣны нары, а вдоль другихъ—тянутся скамьи. Въ тупѣ 1—2 стола. У стѣнъ прибиты полки, гдѣ хранится глиняная посуда. Вообще внутренность тупы соответствуетъ внѣшности и носитъ печать неряшливости и неопрятности лопарей.

Отличительный характеръ лопарскихъ погостовъ заключается въ томъ, что тупы въ нихъ разбросаны и ютятся въ ложбинахъ, дабы не очень донимала обитателей ихъ снѣжная пурга.

— Живутъ же такъ люди и довольны своей судьбой,—сказалъ я, идя съ проводникомъ по погосту.

— А чего жъ не жить, — отозвался все тотъ же Семень. — Лопинъ здѣсь родится, здѣсь и умираетъ. Да для насъ ничего нѣтъ краше тундры да олешковъ. Проѣхать зимою по тундрѣ куда какъ пріятно: самому въ совичкѣ тепло, а вокругъ морозно, вьюжно. Опять же съ холоду въ тупу ввалиться, да поспѣть къ вяленой оленчанѣ—вѣдь это праздникъ лопину. — Слова эти Семень сказалъ съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Все такъ, да пустынно, дико, непроходимая тьма въ народѣ.

— А лопину не надо болѣ, что есть. Живетъ онъ не хуже своихъ отцовъ—и ладно. Куда ему еще...

— Вотъ это-то и худо, что онъ не желаетъ жить лучше. Его надувають, а онъ не смекнетъ.

— Вы развѣ баринъ знаете, какъ насъ обманываютъ?—вдругъ спросилъ меня Семень.

Я сообщилъ ему, что слышалъ, какъ лопарей эксплуатируютъ разные торгаши и кулаки. Разсказалъ объ отставномъ чиновникѣ, который проживаетъ въ Колѣ и снабжаетъ масельскихъ лопарей съѣстными продуктами безъ всякихъ торговыхъ документовъ. Прежде всего этотъ чиновникъ лопаря угоститъ водкой до опьяненія, а затѣмъ обсчитываетъ, обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ его. Въ прошлую зиму чиновникъ-кулакъ ставилъ въ кредитъ лопарямъ капорскій чай 80 коп. за фунтъ, соль по 50 к. за пудъ, куль муки 9 р. 20 к., причемъ угощеніе записывалось также на счетъ лопарямъ и, конечно, не безъ барышей.

Все это лопари выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— Точно, это самое бываетъ, — подтвердилъ Семень. — Лопинъ видитъ обманъ, но не ссорится; ужъ, видно, ему отъ Бога положено молчать супротивъ всякихъ обидъ.

— Вѣдь главнымъ образомъ лопари занимаются оленеводствомъ и рыболовствомъ?

— Именно. Зимомъ промышляемъ шкурами, а по лѣту проживаемъ вокругъ озеръ.

— А какъ продовольствуетесь?

— У насъ все свое. Только муку, соль и еще кое-что прикупаемъ, когда продадимъ свой товаръ.

Лопари — народъ полудикій, полукочующій; онъ не имѣетъ понятія о значеніи памятниковъ, поэтому и не оставляетъ ихъ. Специалисты дѣлали попытки составить точную исторію Лапландіи, но напрасно. Впрочемъ, она составлена при наличности отрывочныхъ свѣдѣній, да и то заимствованныхъ отъ народовъ Даніи, Швеціи и Норвегіи.

Съ сожалѣніемъ я удивлялся, какъ это до сего времени не проникнетъ въ Лапландію народный культъ.

— Здѣсь, мнѣ кажется, — говорилъ я, — можно завести хотя небольшое хозяйство, заняться новыми промыслами. Думается, что содержаніе молочнаго скота, лѣсные промыслы, ископаемые продукты возможны — отчего бы не попробовать лопарямъ.

— А знаете что! — какъ бы озаренный какою-то мыслью, воскликнулъ г. М. — Сама по себѣ культура — вещь прекрасная, но она вредна для Лапландіи.

— Это почему же?

— Лопарь смиренный, кроткій, честный, а появившись въ его странѣ культура и, повѣрьте, чрезъ десятокъ лѣтъ нашего лопаря не узнаешь; къ нему привьется всякая гадость, народятся разные порочные элементы.

— Однако и теперь они есть, но народъ не развращается.

— Настоящій лопарь дальше своей Лапландіи шагу не сдѣлаетъ, а тогда, въ силу культурныхъ операцій, онъ пойдетъ за предѣлы родины и принесетъ самъ домой немало соблазна.

Далѣе вдаваться въ детали этого вопроса я не могъ, такъ какъ подробно не изучалъ этого народа, и потому уклонился отъ дальнѣйшаго разговора. Я только думалъ одно, что лопари — совсѣмъ забытый народъ въ Россіи и достойный всякаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что у него сохранилось рѣдкое по нынѣшнимъ временамъ качество — это честность.

За Колозеромъ мы переходили съ $1\frac{1}{2}$ версты водораздѣлъ лапландскихъ водъ и поѣхали озеромъ Пермесомъ, отъ котораго воды изливаются въ Бѣлое море. Съ Пермеса показались вдали горы, время отъ времени окутываемыя группами свѣтлыхъ и темныхъ облаковъ.

— Кажется, близко и хребет Хибинских горъ.

— Ну, не скажите, баринъ,—заговорилъ Сементъ.—Лопская мѣстность нами измѣрена въ точности; скажу, что отсюда до Хибинъ будетъ хорошихъ 40 верстъ. Онѣ на глазъ такъ показываются, потому высота у нихъ непомѣрная; вѣдь на нихъ снѣгъ не таетъ, почитай, съ сотворенія міра.

Затѣмъ снова проходили тайболой и пришли къ громадному озеру.

— Вотъ и наша кормилица Имандра,—сказалъ одинъ изъ лопарей, когда послѣдніе сѣли на берегу, чтобы освободиться отъ крошней.

— Она васъ кормить?

— А какъ же! Много кормить. Настанетъ лѣто, сколько лопари выловятъ въ ней рыбы—и для себя, и для промысла, а вѣдь насъ въ Лопской землѣ, почитай, двѣ тысячи.

Въ началѣ пути по Имандрѣ мы остановились на Расноволоцкой земской станціи. Подобныхъ станцій, кромѣ указанной, считается по дорогѣ отъ с. Кандалакши до г. Колы четыре: Зашеечная, Эко-стровская, Масельская и Кицкая. Станціи сдаются съ торговъ отъ Архангельскаго комитета за 200—300 р. въ годъ. Арендаторами обыкновенно являются зажиточные крестьяне изъ поморья и кольскіе мѣщане, но сами они избѣгаютъ натурального обязательства, а подражаютъ частнымъ образомъ лопарей за 40—50 р., которые, какъ уже сказано, и возятъ проѣзжающихъ, давая на каждого зимою двухъ оленей, а лѣтомъ, вмѣсто одного оленя, двухъ провозятыхъ.

Въ Расноволокѣ весною стекается весь «покручный» людъ, идущій съ родины на мурманскіе промыслы, поэтому здѣсь устроены три казармы и церковь. Изъ Расноволока поморы расходятся въ стороны. Одни идутъ на Ловозерскій погостъ и развѣтвляются по становищамъ восточнаго берега, а другіе тянутся на Колу и попадаютъ на западный берегъ. Во время движенія на промыслы въ Расноволокѣ можно видѣть и хозяевъ, снабжающихъ покручниковъ деньгами на дальнѣйшій путь, и полицейскихъ чиновъ, записывающихъ рабочій людъ; здѣсь поморы мѣняють оленей, закупають провизію, рядятся съ лопарями, словомъ, Расноволокѣ тогда оживляется, суетится, шумитъ. Въ Лапландіи поморы проходятъ большія пространства, не приваливая къ жилымъ помѣщеніямъ, ибо ихъ на пути имѣется крайне недостаточно. На этихъ пространствахъ лопари сворачивають оленей въ лѣсъ для кормежки, и тогда поморы должны ночевать подъ открытымъ небомъ, въ стужѣ, на снѣгу. Въ Расноволокѣ скучивается иногда до 900 человѣкъ въ день, и казармы не могутъ вмѣстить такого числа, поэтому несчастные набиваются на нары сверхъ нормы и даже валяются на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ лучше спать въ тѣснотѣ и теплѣ, чѣмъ на свободѣ, да въ холодѣ.

Казарма—бревенчатая изба съ тесовою крышей; длиною 5 саж., шириною—3 саж. и вышиною—2 саж. Внутри кругомъ въ два яруса нары, шириною въ $2\frac{3}{4}$ арш. Среди наръ—печь до самаго потолка одинаковой съ нарами ширины.

Послѣ Расноволока вскорѣ потянулись по лѣвому берегу Хибинскія горы, отражаясь на безоблачномъ небѣ всевозможными формами. На вершинахъ ихъ брильянтами блестятъ вѣчный снѣгъ и придавалъ горному хребту чудный видъ. Черезъ 2—3 часа пути Хибины стали понемногу теряться, удаляясь внутрь материка.

Поморская казарма.

Подѣзжая къ Экостровской станціи, мы миновали живописный островокъ, берега котораго какъ бы нарочно вымощены камнями, а на верху растутъ красивыя ели. Среди растительности мелькали деревянные кресты, напоминающіе кладбище. Это былъ островъ Маланья, гдѣ дѣйствительно лопари погребаютъ покойниковъ.

На Экостровской станціи мы ночевали. Я опишу ее вообще, какъ образецъ. Экостровская станція представляетъ какую-то конуру. Всюду щели; дуетъ постоянный сквознякъ, такъ что отдыхать и спать даже лѣтомъ невозможно. Крыша развалилась, потеряла наклонность и настолько одырявилась, что во время дождя съ потолка льются цѣлые потоки. Внутри все переломано, сгнило, состарилось и загрязнилось до омерзѣнія. Воображаю, что происхо-

дять здѣсь зимою. Тогда, по словамъ лопарей, быть въ такой избѣ — все равно, что чувствовать себя подъ открытымъ небомъ. Насъ страшно клонило ко сну, и мы, не взирая на убожество избы, расположились спать. Подъ утро, когда стало холоднѣе, свѣжій вѣтеръ гулялъ по избѣ и нѣсколько разъ заставлялъ меня перемѣнять ложе, такъ что въ концѣ концовъ я очутился въ печкѣ.

Отдохнувъ съ грѣхомъ пополамъ на этой станціи, мы разстались съ г. М., и я поѣхалъ дальше. По дорогѣ я завернулъ къ другому и послѣднему поморскому пункту. Въ этомъ пунктѣ одна казарма, при которой живетъ сторожъ Миронъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ ночуютъ въ этой казармѣ поморы.

— Перебывается ихъ болѣе трехъ сотенъ. Я считалъ три года и бросилъ — надоѣло. Кладъ и провизію оставляютъ на снѣгу, а сами набьются въ казарму стоймя и, Богъ вѣдаетъ, какъ они тамъ ложатся. Иной разъ не войдутъ всѣ и ночуютъ на холоду въ парусинныхъ балаганахъ. У казармы разводятъ костры, варятъ рыбу, а больше согрѣваютъ чайники и пьютъ чай, потому дешевле и тѣлу теплѣй.

Отъ казармы оставалось проѣхать до Зашеечной станціи, которою и оканчивался путь по Имандрѣ. Насколько я замѣтилъ, озеро Имандра длинное, узкое; берега отлогіе, каменистые, покрыты мелкимъ лѣсомъ. Оно изобилуетъ небольшими губами и островами, такъ что надо имѣть опытнаго лопаря-кормчаго, чтобы не заблудиться въ заливахъ и среди водныхъ кургановъ.

Въ общемъ кормилица лопскаго народа произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и это зависѣло, конечно, отъ сравнительно тихой погоды, державшейся все время перехода. Но я слышалъ, что Имандра озеро злое, постоянно бурное, и плаваніе по немъ очень опасно. Въ штормы путникъ спасается на берегу и живетъ тамъ подъ судномъ цѣлыми недѣлями.

Отъ Имандры до с. Кандалакши надо пробираться частью пѣшкомъ, частью озеромъ Пинозеромъ и р. Нивой. Въ началѣ рѣки мѣстами попадаются пороги и настолько сильные, что вода въ нихъ кипитъ точно въ котлѣ, оглашая окрестности страшнымъ шумомъ. Въ концѣ же, за 12 верстъ до села, по берегамъ тянутся высокія Кандалакшскія горы, а внизу лежитъ сплошной порогъ: вода бѣжитъ по камнямъ, перекачивается чрезъ нихъ бѣлыми гребнями, неистово рвется и мечется. Гребни сливаются и заволакиваютъ рѣку бѣлымъ покровомъ.

Такимъ образомъ, Ледовитый океанъ соединяется съ Бѣлымъ моремъ чрезъ Лапландію внутреннею водною системою, къ сожалѣнію, недоступною для плаванія судовъ. Вся система тянется слишкомъ 200 верстъ, изъ коихъ въ общемъ на долю каменистыхъ заваловъ приходится 60 верстъ. Все-таки и черезъ эти завалы иной разъ пробіраются маленькія лодки, управляемыя, конечно, ловкими и опытными сынами Лапландіи.

V.

Изъ Кандалакши я поѣхалъ Бѣлымъ моремъ. Довольно странные установлены здѣсь рейсы. Чтобы попасть изъ указанного села въ г. Кемь, приходится побывать во всѣхъ селеніяхъ Кандалакшскаго залива, съѣздить на терскій берегъ и оттуда уже вернуться къ назначенному мѣсту. Желая попасть въ Кемь, я такъ и катался на пароходѣ «Королева Ольга Константиновна». Въ заливѣ насъ застигъ сильный штормъ. Всѣхъ страшно укачало, всѣ лежали больными. Близъ с. Керети подвернулася другая бѣда: палъ туманъ. Пароходъ посвистывая пошелъ тихимъ ходомъ.

Когда мы были у терскаго берега, погода стихла. Пассажиры выходили на палубу съ веселыми лицами; доносился чей-то басъ, кто-то сѣлъ за піанино—словомъ, все замѣтно оживилось. Въ нѣкоторыхъ терскихъ селеніяхъ пароходъ бралъ на бортъ крестьянъ, которые говорили о перенесенномъ нами штормѣ, какъ объ одномъ изъ немногихъ. «Погодишка была гораздо изморная, буря стояла знатная»...—сообщали новые пассажиры. Близъ Соловецкихъ острововъ показался маякъ. Но что это за маякъ? Онъ такъ былъ слѣпъ, что мы его увидали позже, чѣмъ берега острововъ. Содержитъ маякъ дирекція лоціи, а управляютъ имъ соловецкіе монахи. Вообще Бѣлое море далеко не можетъ похвастаться маяками, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

Вскорѣ увидали Соловецкую обитель, замѣчательную своимъ образцовымъ хозяйствомъ и обособленною жизнью. Сначала обрисовывались скиты на горахъ Сѣкирной и Голгоѣ, потомъ открылся видъ и самаго монастыря, съ многочисленными главами, обнесеннаго каменною древнею стѣною. Этотъ монастырь привлекаетъ массу богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи; его многіе знаютъ лично и по описаніямъ.

За островами вниманіе всѣхъ было обращено на англійскій пароходъ «Фламборо», сѣвшій два мѣсяца назадъ на банку. Пароходъ отъ насъ находился такъ далеко, что замѣтенъ былъ небольшой чертой. Я глядѣлъ въ бинокль, и казалось, что онъ сидѣлъ высоко, нѣсколько покачнувшись на бокъ. О печальной исторіи съ пароходомъ среди пассажировъ рассказывалъ какой-то норвежецъ.

— Этотъ пароходъ шелъ съ лѣсомъ изъ Кеми въ Англію,—говорилъ норвежецъ.—Онъ бѣжалъ полнымъ ходомъ и налетѣлъ на банку съ такою силой, что три парохода стаскивали, проволочный трость лопался, и то не могли тронуть съ мѣста. А потерпѣлъ онъ аварію по винѣ морской русской карты. На ней въ 4 миляхъ отъ Соловецкихъ острововъ обозначена банка, вотъ пароходъ и держался курса въ 8 миляхъ, а тамъ какъ разъ лежитъ такая же банка. «Англичанинъ» вѣдь несется, какъ угорѣлый и въ туманѣ, и въ

штормъ; бѣжить сломя голову и никому не свищеть, ну, и налетѣлъ всѣмъ корпусомъ.

— На картѣ не обозначена банка, такъ вѣху должны поставить,—замѣтилъ кто-то.

— Раньше ставили и нынѣ прїѣзжали, но опоздали. Прїѣхали, увидѣли пароходъ, да, смѣясь, и говорятъ: «напрасно мы беспокоились, тутъ уже вѣха стоитъ здоровая». Недавно другой пароходъ «Вествудъ» сѣлъ близъ с. Ковды тоже на банку, не показанную на картѣ. Ужасная небрежность.

Прибывъ въ г. Кемъ, я перебрался на пароходѣ «Великая Княгиня Ксенія» и отправился въ Сумскій посадъ, гдѣ намѣренъ былъ оставить морскія воды и ѣхать на лошадахъ въ г. Повѣнецъ. Среди новыхъ пассажировъ я, между прочимъ, встрѣтилъ двухъ студентовъ изъ Петербурга, которые, крайне интересуясь солнечнымъ затменіемъ, были на Новой Землѣ.

— Удачно наблюдали?—спросилъ я ихъ.

— Къ счастью, да,—отвѣтилъ одинъ изъ студентовъ.—Правда, надежды были почти потеряны, такъ какъ все время небо бороздили непроницаемыя облака, но за два какихъ нибудь часа вдругъ стало ясно.

— Много вынесли полезнаго?

— Какъ вамъ сказать... ожидали больше, чѣмъ получили. Были, видите ли, среди новоземельныхъ экспедицій профессора, отъ которыхъ мы думали почерпнуть не мало новаго, но жестоко ошиблись. Дорогою почтенные ученые рассказывали анекдоты, а на берегу постоянно переругивались.

Затѣмъ студенты передали мнѣ интересный фактъ, какъ пароходъ «Ломоносовъ», на которомъ они ѣхали, при входѣ въ заливъ Малыя Кармакулы, потерялъ правый винтъ. Впереди «Ломоносова» шелъ военный транспортъ «Самоѣдъ», имѣвшій въ авангардѣ паровой катеръ. Послѣдній дѣлалъ промѣры и нашелъ банку, о чемъ сообщилъ «Самоѣду», который моментально далъ задній ходъ и вошелъ въ бухту, не сдѣлавъ никакого сигнала. «Ломоносовъ», шедшій сзади и не оповѣщенный объ угрожавшей опасности, налетѣлъ на подводный камень. Когда пароходъ миновалъ банку, отдѣлавшись сравнительно легкою аваріей, то съ «Самоѣда» вдругъ раздался салютъ, привѣтствовавшій какъ бы храбрость «Ломоносова». Объ этомъ членъ экспедиціи Казанскаго университета, г. Б., составилъ актъ; пассажиры подписали его и просили капитана г. Постникова непременно дать акту законный ходъ.

Сумскій посадъ—одинъ изъ зажиточныхъ населенныхъ пунктовъ—раскинулся на р. Сумѣ, въ 5—6 верстахъ отъ моря. Въ немъ болѣе полуторы тысячи жителей. Мужское населеніе занимается рыболовствомъ, а женское прекрасно вяжетъ кружева и вышиваетъ узоры на бѣлѣхъ. Посадскіе богачи вербуютъ «покрутчиковъ» и ве-

дутъ на Мурманѣ тресковый промыселъ. Есть также судохозяева, которые занимаются мѣнною торговлей въ Норвегіи. По дорогѣ отъ Сумы до Повѣнца безпрестанно попадаются горы; по сторонамъ чередуются луга, пашни и чаще участки нашихъ сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ. Между прочимъ, ѣхали и на паромѣ чрезъ р. Выгъ. Здѣсь на берегу стоитъ село Петровскій Ямъ, названное такъ въ память о стоянкѣ Петра I, во время путешествія по сѣверу. Паромщики рассказывали, какъ неподалеку ходитъ медвѣдь, который успѣлъ уже на глазахъ мужиковъ унести жеребенка.

— И кричитъ Потапычъ на разные голоса,—пояснилъ одинъ изъ мужиковъ.

— А именно?

— Погагарски, пожеребачьи. Иной разъ засвиститъ, какъ полицейскій, и на послѣдокъ съ трескомъ. Одного жеребенка доѣдаетъ, а теперь присматриваетъ другого.

— Вы бы убили его.

— Гдѣ-жъ его убить, коли онъ ходитъ ночью. Нашли крестьяне половину жеребенка, насторожили четыре ружья, да пришла лисица и стравила ружья, а въ самое пуля не попала.

— А днемъ такъ-таки и не дастъ знать о себѣ?

— Бываетъ. Днемъ почнетъ щелкать въ когти, словно косточками, сначала рѣдко, а потомъ въ частую, или заржетъ, какъ жеребенокъ, чтобы матку выманить. Хитроумный, бестія!

Изъ с. Ямъ меня повезъ ямщикъ, совершенно безусый, съ юношескимъ лицомъ, просто мальчикъ, но, несмотря на это, онъ былъ уже два года женатъ.

Заинтересовавшись имъ, я сталъ его разспрашивать.

— Зовутъ меня Власомъ,—началъ онъ.—Самъ я не сваталъ, а сватами были отецъ и зять. Перво-на-перво засватали по сосѣдству въ деревнѣ—дѣло не выгорѣло. Дѣвка ранѣ манила, а потомъ отказала. Батъка нашелъ другую. Я говорю: рано мнѣ жениться, дайте годъ погулять или послѣ солдатчины. А отецъ мнѣ—мать при смерти, самъ я старикъ, работниковъ нѣтъ, женись, или уходи прочь. Что-жъ думаю, эта дѣвка согласна будетъ, хотя я съ ней и не игралъ, только слово подкати—и готово. Обмыслилъ, да и рѣшилъ жениться. Начали облаживать свадьбу о великомъ мясоѣдѣ; мнѣ въ ту пору не хватало до 18 лѣтъ. Батюшка не въ согласіи былъ вѣнчать; говорилъ, бумаги выправи, прошеніе подай. Тутъ отецъ, замѣстъ обыкновенныхъ 3 р., совъ попу двѣ красненькихъ,—ну, и повѣнчали.

— А въ приданое взялъ деньги?

— У насъ этого не полагается.

— Такъ что же дали?

— Моя баба изъ бѣдныхъ, потому и пошла безъ прекословья. Маленько-то дали: привели корову, пару овецъ, платице тамъ какое есть.

— Сколько твоей женѣ лѣтъ?

— Она выходила по началу семнадцати.

Лѣсность проѣзжаемой мною мѣстности даетъ населенію хорошіе лѣсные заработки, а также приучила крестьянъ къ охотничьимъ промысламъ. Въ каждой деревнѣ можно видѣть собакъ желтой масти, съ короткими торчащими ушами. Собаки идутъ на птицъ: мошняка, каплана, тетерку; на звѣрей: медвѣдя, лисицу, бѣлку, куницу. Стрѣляютъ крестьяне изъ своихъ винтовокъ мѣтко, почти безъ промаха, даже на птицу пускаютъ не дробь, а пулю.

Обращая вниманіе на хлѣбныя поля, я убѣдился, что многіе крестьяне ведутъ подсѣчное хозяйство: рубятъ лѣсъ, сжигаютъ его и этимъ удобряютъ землю.

Изъ Повѣнца—этого небольшого чистенькаго городка—я поѣхалъ по Онежскому озеру въ г. Петрозаводскъ. Путь лежалъ среди малыхъ острововъ, покрытыхъ травою, а больше кустарникомъ. Пароходъ заходилъ въ заливы, къ селеніямъ. Много садилось крестьянъ, грузился скотъ. Въ концѣ концовъ пассажировъ набилось, какъ сельдей въ бочкѣ.

Въ Петрозаводскѣ я пересѣлъ на другой пароходъ и снова поѣхалъ Онежскимъ озеромъ. На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что служащіе на пароходѣ, во главѣ съ капитаномъ г. Бекманомъ, грубы, невѣжественны и, вѣроятно, потому, что на немъ царитъ полнѣйшій произволъ.

Тотчасъ послѣ отхода я просилъ капитана предупредить меня насчетъ предстоящихъ свирскихъ пороговъ, а онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда.

— Но у васъ есть помощники.

— Вамъ офиціантъ скажетъ,—продолжалъ г. Бекманъ.

Между тѣмъ, когда мы отвалили, на пароходѣ взрывались ракеты, воспламенялись искристыя мельницы, солнца. Въ ухахъ отдавались выстрѣлы, искры падали на головы, публика приходила въ негодованіе. Я спросилъ одного изъ служащихъ.

— Что обозначаетъ этотъ фейерверкъ?

— Ничего особеннаго, просто капитанъ любитъ эти штуки, ну, и забавляется отъ нечего дѣлать.

— Слѣдовательно, у него много свободного времени?

— Сколько угодно. Здѣсь штурвалистъ хорошій капитанъ; за нимъ, какъ за каменной стѣной.

Если позволяется такая невѣжливость съ интеллигентными людьми, то надо представить себѣ, какъ обращается капитанъ-пиротехникъ съ пассажирами изъ рабочаго класса. Мнѣ говорили, пароходъ возметъ грузъ больше нормы и въ свирскихъ порогахъ не можетъ идти. Тогда капитанъ приказываетъ «палубной» публикѣ выходить на берегъ. Рабочіе вылѣзаютъ на берегъ и шагаютъ десятки верстъ, часто на дождѣ, по грязи. Миновавъ порожистыя мѣста, капитанъ

ждеть, да на рабочихъ же и ругается, зачѣмъ они отстаютъ и задерживаютъ пароходъ.

Приѣхали въ с. Вознесенье, куда стягиваются всѣ продукты Онежья и Заонежья. Здѣсь я любовался громадными судами о семи и болѣе парусахъ, со множествомъ рей. Суда напоминаютъ прежніе корабли, плававшіе въ русскихъ водахъ до примѣненія пара.

Плывя по р. Свири, конечно, нельзя не обратить вниманія на пороги, изъ которыхъ самыми большими считаются: Остреченскій, Медвѣдскій и Сиговецъ. Теченіе въ порогахъ чрезвычайно быстрое, фарватеръ узкій, постоянно заваливается камнями, потому на берегахъ все время не снимаются ворота, поднимающія съ пороговъ камни.

Свирь течетъ въ однообразныхъ луговыхъ берегахъ, къ устью становится извилистою и обрамленною ровнымъ сосновымъ лѣсомъ, какъ будто бы насажденнымъ искусственно. Рѣка крайне оживленная. Часто попадаютъ селенія и, повидимому, все зажиточныя. У береговъ встрѣчаются разбитыя суда съ грузомъ, около которыхъ копошится рабочій людъ, отливая воду и разгружая суда. Тамъ и сямъ работаютъ землечерпательныя машины. По всей рѣкѣ снуютъ одного типа буксирные пароходики, стучать винтами и пронзительно посвистываютъ встрѣчнымъ собратьямъ.

Далѣе путь лежалъ по Ладожскому озеру и р. Невѣ—путь довольно скучный и бѣдный природою. 20-го августа я приѣхалъ въ Петербургъ.

А. Слезкинскій.

ЕВРЕЙСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ АРГЕНТИНѢ.

I.

Европейская эмиграція въ Аргентину.—Отношеніе аргентинскаго правительства къ эмигрантамъ. — Первые еврей-эмигранты. — Баронъ Гиршъ и первая еврейская колонія.

ВЪ ЕВРОПѢ, съ 1857 года, начинается эмиграціонное движеніе въ Южную Америку, преимущественно, въ Аргентину, страну новую, почти незнакомую и, однако, уже извѣстную обширностью своей территоріи, мягкимъ климатомъ, роскошною растительностью, богатствомъ, щедростью, а главное, свободой и независимостью. Натуры отважныя и предприимчивыя, которымъ надоѣло сидѣть дома, гдѣ онѣ не находили, къ чему приложить руки, фантазеры, искатели приключеній, бѣдняки, которымъ нечего было терять, наконецъ, преступники, предпочитавшіе избѣгнуть законной кары,—все это устремилось въ Аргентину.

До 1895 года, по официальной статистикѣ, туда прибыло 2.139,467 эмигрантовъ, не считая пассажировъ I класса. Многіе изъ нихъ вернулись впослѣдствіи на родину или отправились искать счастья въ другихъ мѣстахъ, но полтора милліона остались и окончательно утвердились въ странѣ. Эти полтора милліона въ аргентинскомъ просторѣ оказались каплей въ морѣ.

Аргентинская республика занимаетъ пространство въ 2.888,203 квадратныхъ километра. Если предположить плотность населенія равной таковой во Франціи, то-есть, семьдесятъ три человѣка на

квадратный километръ, то понадобилось бы 200.000.000 человекъ, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ населить Аргентину.

Въ настоящее же время плотность ея населенія едва достигаетъ 1,40 человекъ на 1 квадратный километръ. Аргентинское правительство давно уже сознало всю важность заселенія своихъ обширныхъ, до времени бесполезно лежащихъ пустынь и въ свое законодательство внесло рядъ параграфовъ специально для эмигрантовъ, общая имъ свое покровительство и возможные выгоды и льготы.

Вотъ эти параграфы:

1) Иностранцы пользуются всѣми гражданскими правами наравнѣ съ коренными жителями страны. Они могутъ заниматься какою угодно промышленностью, торговлей или профессіей, приобретать недвижимость и продавать ее, свободно проживать всюду, исповѣдывать свою религію, присягать и вѣнчаться по своимъ законамъ. Они не обязаны принимать подданство республики, а равно платить особые подати и налоги. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ безъ перерыва въ странѣ, они имѣютъ право считать себя аргентинцами. Этотъ срокъ, въ виду особыхъ заслугъ или настоятельныхъ ходатайствъ, можетъ быть сокращенъ.

2) Федеральное правительство всячески будетъ способствовать эмиграціи изъ Европы, тщательно избѣгая всего, что могло бы ограничить или стѣснить ее. Съ этой цѣлью всякій, кто желаетъ заниматься земледѣліемъ, расширеніемъ какой нибудь промышленности или преподаваніемъ наукъ и искусствъ, освобождается отъ пошлинъ.

Эти два параграфа относятся, главнымъ образомъ, къ пассажирамъ I и II класса, которые обыкновенно не называютъ себя эмигрантами.

Но существуютъ специальные постановленія и для пассажировъ III класса, который, собственно, и есть классъ эмигрантовъ, такъ какъ третьеклассники не имѣютъ претензіи, подобно будущимъ во II и I классѣ, изображать изъ себя людей, путешествующихъ для своего удовольствія, и не желаютъ отказываться отъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ общаются.

Впрочемъ, нерѣдко случается, что выгоды эти заставляютъ и тѣхъ, кто называлъ себя просто путешественникомъ, становиться въ ряды эмигрантовъ.

Напримѣръ, въ случаѣ карантина, когда всякій пассажиръ обязанъ платить за свое содержаніе соотвѣтственно занимаемому имъ классу, тѣ самые люди, которые не желали называться эмигрантами, объявляли, что они, эмигранты, чтобы имѣть право не вносить платы. Нежеланіе слыть эмигрантомъ на кораблѣ происходитъ отъ того, что насколько аргентинское правительство старается покровительствовать эмигранту, заманивать его своими обѣщаніями, льготами и правами, настолько же пренебрежительно, почти презрительно, относится къ этому эмигранту начальство и экипажъ.

Позднѣе, несмотря на всякія заманиванія, онъ встрѣчаетъ это презрительное отношеніе и въ аргентинцѣ, который полезность эмигрантовъ сознаетъ, но не уважаетъ людей, бросившихъ свою родину и пришедшихъ къ нему просить гостепріимства.

Чтобы правами эмигрантовъ не вздумали пользоваться и другіе пассажиры, въ законодательствѣ сказано:

1) Эмигрантомъ считается всякій иностранецъ, не старѣе шестидесяти лѣтъ,—кто бы онъ ни былъ, журналистъ, художникъ, ремесленникъ, земледѣлецъ, учитель,—пріѣзжающій въ республику съ тѣмъ, чтобы въ ней основаться, независимо отъ того, на свои ли средства прибылъ онъ или на средства націи и покровительствующихъ эмиграціи и колонизаціи обществъ.

2) Лица, не желающія называться эмигрантами, должны о томъ заявить капитану, садясь на корабль.

Каждый эмигрантъ, владѣющій какимъ бы то ни было ремесломъ, искусствомъ или знакомый съ какою нибудь отраслью промышленности, а также отличающійся хорошимъ поведеніемъ, вступающая на аргентинскую землю, имѣетъ право на слѣдующія привилегіи:

1) Онъ пользуется квартирой и содержаніемъ на счетъ правительства, пока не найдетъ себѣ подходящаго занятія или, если заболѣетъ, пока не поправится.

2) Правительство предлагаетъ ему на выборъ мѣсто, соотвѣствующее его способностямъ во всей странѣ.

3) Правительство на свой счетъ обязуется доставить его въ любое мѣсто республики, гдѣ онъ пожелаетъ основаться.

4) Эмигрантъ имѣетъ право ввезти въ страну вещи, необходимыя для его употребленія: одежду, мебель, земледѣльческія орудія, инструменты и оружіе въ одномъ экземплярѣ на каждого совершеннолѣтняго. Все, что относится къ эмигрантамъ, относится и къ ихъ семействамъ.

5) Въ городахъ Буэносъ-Айресѣ, Лаплатѣ и другихъ, вездѣ, гдѣ можно ожидать наплыва эмигрантовъ, для нихъ имѣются спеціальныя дома, въ которыхъ они могутъ рассчитывать найти временный пріютъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такихъ домовъ, особая коммиссія займется доставленіемъ помѣщенія и всего необходимаго въ городскихъ гостиницахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ.

6) Впродолженіе пяти дней эмигрантъ имѣетъ полное право на столъ и квартиру отъ правительства.

7) Въ случаѣ болѣзни, правительство переноситъ этотъ срокъ до дня выздоровленія.

8) Исключеніе изъ послѣднихъ правилъ представляютъ тѣ эмигранты, которые приглашены правительствомъ въ колоніи, и которые до тѣхъ поръ имѣютъ право на пищу и квартиру, пока ихъ не доставятъ на мѣсто назначенія.

Съ цѣлью облегчить положеніе эмигрантовъ на первыхъ порахъ и помочь имъ устроиться, учреждены были бюро, на обязанности которыхъ лежитъ пріискивать занятія, вести переписку съ обращающимися за совѣтомъ и доставлять имъ мѣста; бюро, кромѣ того, вступаютъ въ переговоры, заключаютъ контракты и наблюдаютъ интересы эмигрантовъ.

Эмигранты, желающіе переѣхать въ какую нибудь провинцію, доставляются туда на счетъ правительства и получаютъ впродолженіе десяти дней квартиру и полное содержаніе. Но тѣ эмигранты, которые пожелали бы, воспользовавшись этой льготой, переѣхать въ пограничныя съ Аргентиной страны, рискуютъ оплатить всѣ издержки.

На ряду съ этими покровительствующими эмиграціи мѣрами, Аргентина не брезгуетъ и другими средствами. Распространяются брошюры, восхваляющія страну, которая въ нихъ изображается земнымъ раемъ, рассылаются агенты, подтверждающіе рассказанныя въ нихъ басни, а главное обѣщается земля даромъ или за безцѣнокъ.

Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ Европа бредила Аргентиной. Самые невѣроятные, сказочные слухи проникли во всѣ слои общества и начали волновать даже неподатливыхъ и серьезныхъ людей; нечего и говорить о неудачникахъ и обездоленныхъ, которымъ рассказы о необыкновенныхъ урожаяхъ, о рѣкахъ, буквально текущихъ по золотому дну, и безчисленные примѣры поразительно быстрыхъ обогащеній просто не давали спать.

Эти годы были годами памятнаго правленія президента Хуареса Сельмана, который, заказавъ по порученію конгресса въ Нью-Йоркѣ миллиардъ бумажныхъ песо (наши 75 копеекъ, денежная единица въ Аргентинѣ), кстати распорядился заказать еще миллиардъ, который и подѣлили между собой онъ и его два сподвижника.

Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело въ бѣдной деньгами Аргентинѣ это денежное наводненіе. Деньги не знали куда дѣвать. Иностранецъ, прибывшій съ сотней франковъ въ карманѣ, получалъ аргентинскими деньгами такую сумму, что не вѣрилъ глазамъ, до того упалъ курсъ. Обладателями миллиарда овладѣла манія строительства. Возводились грандіозныя зданія, проектировались и вчернѣ исполнялись цѣлые города. Рабочія руки стали небывало дороги. Зѣмли стали дѣйствительно давать даромъ или за самую ничтожную сумму. Деньги стали не нужны. Ихъ и безъ того было слишкомъ много. Правительство бредило колонизаціей и спѣшило приготовить мѣсто для колонистовъ.

Тогда же въ голой пустынѣ разбитъ былъ планъ города Лаплаты, и сооруженъ былъ его грандіозный портъ. Повидимому, дѣйствительность оправдывала самыя смѣлыя мечты.

Теперь ужъ не одни рассказы агентовъ и брошюры, а письма родныхъ и знакомыхъ изъ Аргентины полны были чудесъ.

Послѣдствія бѣшеннаго ажіотажа и денежной горячки не заставили себя долго ждать. Но реклама была сдѣлана. Для всякаго, кто только задумывался надъ переселеніемъ, Аргентина являлась золотымъ дномъ, земнымъ раемъ.

Чѣмъ же другимъ, какъ не обѣтованной землей, предметомъ вѣчныхъ исканій и желаній, должна была рисоваться Аргентина въ воображеніи евреевъ, этого народа безъ отечества, отовсюду гонимаго и всюду чужаго?

А отсутствіе всякихъ стѣсненій, чрезмѣрные барыши, возможность легкой и чрезвычайной наживы?

И все это обѣщается еврею, нашему русскому еврею, живущему въ чертѣ осѣдлости, въ тѣснотѣ, въ нищетѣ (ибо когда же еврей бываетъ не бѣденъ, если живетъ среди единовѣрцевъ?), задышающемуся въ грязныхъ предмѣстьяхъ и городишкахъ Западнаго края?

Конечно, не ширь и просторъ полей, не таинственная сѣнь лѣсовъ, не жаркій блескъ полуденнаго солнца, не апельсины и лимоны, которые подъ нимъ зрѣютъ, не синее, уходящее въ недосигаемую высь небо, не вѣчный ропотъ,—то нѣжный лепетъ, то грозный рокотъ,—темно-зеленой волны морской, набѣгающей на берегъ, не черная ночь, не золотыя звѣзды, не розово-палевыя зори влекли его. Да и зналъ ли онъ о нихъ? Могъ ли представить себя? Желалъ ли ихъ? Мечталъ ли о нихъ?

Но что-то все-таки чудилось ему, что-то манило и звало его и заставляло его, отвернувшись съ омерзѣніемъ отъ окружающаго, думать подолгу и страстно объ Аргентинѣ.

Что рисовалъ онъ себя? Быть можетъ, болѣе уютный и чистый домъ, дѣтей не въ лохмотьяхъ и не такихъ худыхъ и блѣдныхъ, жену въ нарядномъ платьѣ, себя въ новомъ люстриновомъ лапсердакѣ и плисовомъ картузѣ?

А, можетъ, просто глубокомысленно соображалъ и рассчитывалъ, во сколько лѣтъ и при какихъ процентахъ можно въ Аргентинѣ изъ ста рублей сдѣлать сто тысячъ.

Конечно, много было между ними горячихъ, увлекающихся головъ, много было и корыстолюбцевъ, и просто глупыхъ людей. Но были и люди серьезные, люди, постаравшіеся подойти, какъ можно, ближе къ дѣлу, насколько возможно, познакомиться со страной, выписывавшіе книги изъ Аргентины объ Аргентинѣ, обращавшіеся и за границу къ разнымъ ученымъ и знающимъ господамъ, а чаще къ агентамъ, предлагавшимъ пароходные билеты.

Агентовъ этихъ и теперь въ достаточномъ количествѣ можно встрѣтить въ Константинополѣ, въ Одессѣ, повсемѣстно въ Западномъ краѣ, въ Венгріи, въ Вѣнѣ, въ Галиціи, въ Гамбургѣ, въ Бременѣ и Любекѣ, въ Италіи, въ Испаніи,—ездѣ, гдѣ есть недовольный, неустойчивый элементъ, безпечный и несчастный, легкомысленный и жалкій, вѣчно нищій и вѣчно мечтающій стать богатымъ.

Вотъ съ этими-то агентами, получающими процентъ за каждого доставленнаго ими на пароходъ пассажира отъ пароходныхъ обществъ, а за каждого эмигранта, высадившагося въ Аргентинѣ, отъ эмиграціоннаго департамента, и приходилось говорить серьезнымъ евреямъ.

И вотъ сто семействъ бросаютъ родину, распродаютъ все, что имѣютъ, покидаютъ родныхъ, близкихъ и ѣдутъ въ невѣдомую, но, какъ имъ сказали, гостепріимную, богатую и щедрую страну.

Не будемъ останавливаться на томъ, сколько труда и энергіи, силы воли, мучительныхъ заботъ, тревогъ и волненій понадобилось только для того, чтобы подняться съ насиженнаго мѣста. Нечего также говорить о тѣхъ страданіяхъ, нравственныхъ и физическихъ, лишеніяхъ, униженіяхъ, опасностяхъ, которыя имъ пришлось перенести за время своего путешествія на пароходѣ, гдѣ они ѣхали въ самыхъ скверныхъ условіяхъ, употребивъ на проѣздъ мѣсяць съ лишкомъ.

Всякій, болѣе или менѣе, можетъ себѣ представить это. Все это они перенесли относительно легко и бодро. Ихъ поддерживала увѣренность, что это только тернистый путь въ царство небесное, та пустыня аравійская, за которой лежитъ обѣтованная земля.

Въ 1890 году эти сто семействъ, первые піонеры, первые еврей-эмигранты, прибыли въ портъ Буэносъ-Айресъ.

Не успѣли они вступить на эту столь жданную землю, какъ на ихъ бѣдныя головы обрушились всевозможныя несчастія и бѣдствія.

Когда они стали требовать земли, имъ отвѣтили, что нѣтъ такихъ земель, которыя давались бы даромъ. Въ отчаяніи они метались туда и сюда и вскорѣ очутились въ положеніи людей, которые буквально негдѣ преклонить голову.

Въ такомъ положеніи застало ихъ предложеніе богатаго землевладѣльца Паласіоса взять у него часть земли на выплату съ тѣмъ, что первый годъ онъ будетъ выдавать имъ содержаніе.

Измученные, обезсиленные, разочарованные, они согласились на всѣ условія съ закрытыми глазами.

Изъ Буэносъ-Айреса ихъ перевезли въ провинцію Санта-Фре, на чистое поле, подъ открытое небо, въ департаментъ Кристобаль, едва населенный, гдѣ Паласіосъ владѣлъ громадными участками земли въ 66.548 гектаровъ.

Благодѣтель выдалъ каждому семейству четыре дикихъ быка и лошадей и предоставилъ имъ устраиваться, какъ знаютъ...

Что пережили они, что выстрадали, можно себѣ представить, если только подумать, что никакого подобія жилищъ у нихъ не было, что дикіе быки и лошади не только не могутъ идти въ работу, но свирѣпы и представляютъ большую опасность для людей, не умѣющихъ съ ними обращаться. Наконецъ, была осень, дожди въ этомъ году были проливные, мѣткость, это голое поле, гдѣ ихъ оставили съ ихъ пожитками, однихъ, съ дикимъ скотомъ, бѣгавшимъ по степи,

вся была залита водой. Ихъ сундуки, чемоданы, платье, бѣлье,—все это плавало, все портилось, гнило, а сами они сидѣли въ водѣ и не имѣли возможности отъ нея укрыться. Если бы не изобиліе рыбы, которая, благодаря наводненію, сама, что называется, шла въ руки, имъ угрожала бы опасность умереть съ голода.

Ища спасенія хотя гдѣ нибудь и отодвигаясь отъ настигавшей ихъ всюду воды, они добрались до лѣса и пріютились на его опушкѣ. Здѣсь провели они два мѣсяца, кое-какъ сдѣлавъ себѣ изъ сучьевъ шалаши, и около этого же лѣса похоронили 85 ребятишекъ. Эти 85 могилокъ-бугровъ можно видѣть и теперь.

Въ томъ же году, позднѣе нѣсколькими мѣсяцами, прибылъ въ Буэносъ-Айресъ докторъ Левенталь. Извѣстный филантропъ, обладатель колоссальнаго состоянія, нынѣ уже умершій, баронъ Морицъ Гиршъ поручилъ Левенталю на мѣстѣ ознакомиться съ Аргентиной, разузнать, какія земли можно приобрести въ ней и на какихъ условіяхъ.

Услыхавъ объ этомъ, несчастные евреи послали къ Левенталю депутацію, умоляя его спасти ихъ отъ медленной ужасной смерти. Левенталь такъ былъ тронутъ разказами этихъ людей и ихъ жалкимъ видомъ, что тотчасъ же вступилъ въ переговоры съ Паласіосомъ и предложилъ ему продать шесть легвъ земли. Паласіосъ согласился, и Левенталь телеграфировалъ о покупкѣ Гиршу, который немедленно перевелъ деньги.

Такъ положено было начало еврейскимъ аргентинскимъ колоніямъ.

Послѣ покупки земли, рѣшено было приступить къ постройкѣ жилищъ. Но такъ какъ евреи сами строители плохіе, а въ Аргентинѣ рабочихъ рукъ мало, подѣздныхъ путей нѣтъ, наконецъ, тамъ, гдѣ поселились евреи, прямо не было дорогъ, то, чтобы не оставлять несчастныхъ переселенцевъ еще долгое время безъ крова, Левенталь рѣшился выписать изъ-за границы разборныя палатки. Доставка ихъ обошлась безобразно дорого, и сами по себѣ очень дорогие онѣ, какъ оказалось впоследствии, далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Но на первое время и онѣ были все-таки лучше, чѣмъ ничего. Это первое еврейское поселеніе названо было Моизесвилъ.

II.

Вторая еврейская колонія.—Памписты.—Ихъ бѣдствія.—Покупка земли въ провинціи Энтреріосъ.—Администрація.—Петербургскій комитетъ и вербовка эмигрантовъ.—Голодный тифъ.—Пятьдесятъ покойниковъ и общая паника.—Послѣдняя партія.

Вслѣдъ за первой сотней семействъ стали приѣзжать въ Аргентину новые евреи-переселенцы.

Левенталь приобрѣлъ тогда въ провинціи Буэносъ-Айресъ еще участокъ земли въ три легвы и назвалъ его Мориціо, въ честь барона Гирша.

Охотниковъ заселить эту новую колонію, повидимому, было много. Извѣстіе о покупкѣ барономъ Гиршемъ земель въ Аргентинѣ распространилось по всему свѣту и перебило начавшееся около этого времени сильное движеніе евреевъ въ Болгарію.

Всѣ они устремились на зовъ своего благодѣтеля, обѣщавшаго имъ новый Іерусалимъ и звавшаго ихъ на новую жизнь и на новый трудъ.

Легко и быстро агенты барона набрали пятьсотъ человѣкъ, нагрузили ими огромный морской пароходъ «Пампу» и отправили въ Аргентину.

Все это были селибатары, т. е. одинокіе. Тѣ изъ нихъ, что были женаты, ѣхали безъ семей, оставивъ ихъ на родинѣ.

Часть «пампистовъ», какъ называли эту первую партію гиршевскихъ переселенцевъ, послали въ Мориціо, а остальныхъ поселили въ Моизесвилѣ, гдѣ первые эмигранты все еще находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Прошелъ годъ, а они продолжали жить въ своихъ палаткахъ, неустроенные, голодные, больные, дрожа отъ холода зимой и палимые зноемъ лѣтомъ. Непривычка къ климату, невозможныя условія, масса насѣкомыхъ, страшныя грозы, рѣзкіе, мучительные холода, отъ которыхъ подъ открытымъ небомъ и въ картонныхъ жилищахъ они страдали невыносимо, а главное, совершенное отсутствіе работы, какого нибудь осмысленнаго, имѣющаго цѣль занятія,—все это окончательно привело ихъ въ отчаяніе. Они упали духомъ и безропотно стали ждать смерти.

И смертность между ними была страшная. Изъ ста семействъ осталось пятьдесятъ.

Чтобы дать имъ подобіе труда и ободрить ихъ, стали строить шоссе и платили имъ за поденную работу. Это шоссе стоило 50.000 песовъ, но оно не пробудило энергіи переселенцевъ и нисколько не улучшило положенія этой несчастной колоніи.

А между тѣмъ Левенталь высмотрѣлъ еще землю въ провинціи Энтреріосъ, въ департаментѣ Вилагвай, и купилъ ее. Сюда перевели большую часть «пампистовъ» и нѣкоторыхъ изъ семейныхъ. Дѣло

колонизаціи, повидимому, наладилось. Надо было только заботиться о томъ, чтобы оно шло успѣшно и правильно. Явилась необходимость въ администраціи. Во главѣ ея сталъ нѣкто Ротъ, вмѣсто уѣхавшаго въ Европу Левенталъ.

Кстати сказать, объ этомъ Левенталѣ сохранилось среди евреевъ-колонистовъ самое благодарное воспоминаніе и симпатичное представленіе, чего нельзя сказать о послѣдующихъ правителяхъ Аргентинской Іудей.

Мѣстомъ жительства администрація избрала Энтреріосъ, будущій центръ еврейской колонизаціи, гдѣ можно было поселить наибольшее количество переселенцевъ.

Но пока администрація могла дѣйствовать, такъ сказать, только теоретически. На практикѣ же ей немного было дѣла. Колонистовъ было еще слишкомъ мало, и огромный участокъ Энтреріосской земли пока пустовалъ и ждалъ работниковъ.

Притомъ же первые колонисты, какъ скоро замѣтила администрація, представляли элементъ, мало подходящий для предложенной цѣли. Особенно пятьсотъ «пампистовъ», спѣшно и безъ разбора набранные не въ мѣру усердными агентами, никогда не имѣвшие земли и не работавшіе на ней, жители городовъ и мѣстечекъ, ремесленники, торговцы, старьевщики и тому подобный народъ, сразу стали въ положеніе опекаемыхъ и могли только повредить колонизаціи, дурно дѣйствуя на другихъ.

Съ цѣлью поддержать эмиграціонное движеніе и вмѣстѣ упорядочить его, учрежденъ былъ въ Петербургѣ комитетъ, который долженъ былъ заботиться объ отправкѣ эмигрантовъ въ колоніи и выбиралъ бы надежныхъ, имѣющихъ понятіе о земледѣліи и не слишкомъ нуждающихся людей.

Комитетъ остановился на губерніяхъ Бессарабской и Подольской и отправилъ туда своихъ агентовъ, снабдивъ ихъ самыми подробными инструкціями, вербовать охотниковъ ѣхать на землю Гирша.

Съ своей стороны, послѣдній вошелъ въ соглашеніе съ паровой итальянской компаніей, которая обязалась, по возможно дешевой цѣнѣ, со всевозможными льготами и удобствами, перевозить евреевъ-эмигрантовъ въ Аргентину. Не имѣвшихъ денегъ на дорогу перевозили за счетъ барона Гирша, причемъ комитетъ бралъ договорныя обязательства, которыя предстояло уплатить уже на мѣстѣ, по частямъ и по мѣрѣ силъ.

Возможность ѣхать на чужой счетъ, хотя бы въ долгъ, была слишкомъ соблазнительна, и триста пятьдесятъ семействъ изъявили желаніе эмигрировать.

На этотъ разъ комитетъ рѣшилъ дѣйствовать, какъ можно, осторожно, и, помимо строгаго и осмотрительнаго выбора, придумалъ рядъ мѣръ, которыя должны были прикрѣпить къ землѣ буду-

щихъ колонистовъ и въ случаѣ неудачъ и разочарованій отрѣзать имъ путь къ отступленію.

Каждый глава семьи обязывался внести не менѣе двухсотъ рублей въ обезпеченіе его долга администраціи и, кромѣ того, подписывалъ контрактъ, гдѣ по пунктамъ перечислялись его обязанности, нарушение которыхъ тотчасъ же влекло за собой наказаніе. Этимъ же контрактомъ колонистъ признавалъ долгъ свой администраціи за проѣздъ, за аренду земли, за строительные матеріалы, больницы, школы и т. п. заведенія, земледѣльческія орудія, пособия, за все, кромѣ воздуха.

Въ случаѣ же нежеланія колониста оставаться въ колоніяхъ, залогъ его, какой бы онъ ни былъ, ему обратно не выдавался.

Очевидно, что въ эту группу попали только зажиточные люди. Многие изъ нихъ внесли по тысячѣ и полторы залогоу. Ни одинъ изъ нихъ не обѣщалъ, такъ сказать, сѣсть на шею администраціи.

Ихъ отправили изъ Одессы на Геную, разрѣшивъ имъ захватить съ собой все, что имъ угодно, и они повезли весь свой домашній скрабъ, мебель, посуду, земледѣльческія орудія, даже телѣги и доски.

Аргентинское правительство, усмотрѣвъ въ этихъ эмигрантахъ большія выгоды для страны, освободило ихъ отъ всякой таможенной пошлины и даже обѣщало не досматривать ихъ вещей.

Можно было надѣяться, что эти триста пятьдесятъ семействъ, поставленные, повидимому, въ несравненно лучшія условія, чѣмъ первые колонисты, благополучно придутъ въ Аргентину. Но переселеніе ихъ совершилось при самыхъ трагическихъ и плачевныхъ обстоятельствахъ.

Во-первыхъ, пароходъ, благодаря худой погодѣ и карантину, задержалъ почти на три недѣли.

Не столь невзыскательныя, какъ «памписты», эти семьи, какъ болѣе зажиточныя и избалованныя, и безъ того трудно мирились съ непривычною и тяжелою обстановкой. Когда же переѣздъ затянулся, они окончательно изнемогли. Къ этому присоединилась скверная пароходная пища, отъ которой многіе предпочитали со-всѣмъ отказываться, и на кораблѣ начался повальный голодный тифъ.

Больные вопли они въ портъ Лаплата.

Здѣсь, не обращая вниманія ни на болѣзнь, угнетавшую ихъ, ни на потребность въ отдыхѣ, столь необходимомъ послѣ такого мучительнаго и долгаго пути, ихъ пересадили на маленькіе рѣчные пароходы и отправили вверхъ по Лаплатѣ въ Энтреріосъ.

Было холодное и сырое время года, когда теченіе Лаплаты, этой громадной и полноводной рѣки, особенно бурно, и когда въ степяхъ дуетъ страшный памперо. Плоскіе рѣчные пароходы, неудобные, маленькіе, плохо нагруженные, качаются невыносимо, и

эта качка куда противнѣе морской. Только на третій день доставлены были переселенцы въ Энтреріосъ, обезсиленные, простуженные, въ самомъ жалкомъ положеніи.

На ихъ счастье въ Энтреріосъ уже была устроена больница. Помѣщеніе однако было такъ недостаточно, что многихъ больныхъ пришлось положить прямо на землю. Завѣдывавшій больницей докторъ, русскій еврей, кончившій медицинское образованіе въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, приложилъ всѣ свои знанія и всю энергію, чтобы спасти ихъ. Наиболѣе слабыхъ и нуждавшихся въ уходѣ онъ помѣстилъ у себя въ домѣ и съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ ухаживалъ за ними.

Этотъ докторъ,—фамилія его Ярхо,—и въ настоящее время находится въ колоніяхъ и не только любимъ своими единовѣрцами, но сумѣлъ покорить сердце грубаго, необузданнаго и подозрительнаго гаучо и завоевать его уваженіе и довѣріе.

Но что могъ сдѣлать одинъ человѣкъ тамъ, гдѣ были сотни больныхъ? Несмотря на всѣ мѣры, пятьдесятъ колонистовъ умерли.

Эти пятьдесятъ покойниковъ поселили панику между вновь прибывшими.

Изнуренные трудной дорогой, болѣзною, пораженные потерей друзей и близкихъ, обезумѣвшіе отъ страданій, слезъ и горя, обезсиленные лишеніями, неспособные къ труду и къ борьбѣ, въ концѣ разочарованные и отчаявшіеся въ своихъ надеждахъ, они были окончательно добиты видомъ этихъ пятидесяти труповъ.

Не внимая никакимъ доводамъ, ничему не вѣря, ни на что не надѣясь, они остановились только на одной мысли: бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе.

Шестьдесятъ семействъ оставили свои залоги, побросали имущество и поспѣшили покинуть ненавистную имъ Аргентину.

Остальныхъ ждали еще новыя испытанія, правда, сравнительно съ тѣмъ, что перенесли ихъ предшественники, и съ тѣмъ, что пережили они сами, не столь тяжелыя.

Это было въ 1893 году, памятномъ всей Аргентинѣ, какъ послѣдній урожайный годъ. Въ этомъ году былъ неслыханный урожай. Первые колонисты и памписты были вознаграждены. Нѣкоторые заработали отъ восьми до десяти тысячъ песо.

Прибывшіе послѣдними еще только учились работать и привыкали къ обращенію съ дикимъ скотомъ, и не могли ничего собрать.

А на слѣдующій годъ прилетѣла лангоста (саранча) и съѣла все, что было посѣяно въ Энтреріосъ.

Съ этихъ поръ, въ продолженіе двухъ почти лѣтъ, евреи не переселяются въ Аргентину.

Эмиграція, несмотря на всѣ старанія заинтересованныхъ лицъ, прекратилась.

Наконецъ, въ 1895 году, прибыла третья и послѣдняя партія,

набранная главнымъ образомъ въ Гродненской и отчасти въ Таврической губерніи (мѣстечко Перлиса).

Итальянская пароходная компанія Флоріо и Рубитино доставила ихъ въ Аргентину въ количествѣ 120 семействъ. Они попали сравнительно въ прекрасныя условія, но только сравнительно. Они уже застали каменные и кирпичные дома. Были сложены печи, вырыты колодцы, заведены школы,—онѣ же синагоги. Въ самой администраціи выработался извѣстный порядокъ. Притомъ, большинство этихъ новыхъ пришельцевъ жило очень плохо на родинѣ и въ нѣкоторомъ смыслѣ очутилось даже въ лучшей обстановкѣ. Но все въ Аргентинѣ покупается дорогой цѣной, и за каждую выгоду приходится мириться съ нѣсколькими невыгодами, за изобиліе въ одномъ приходится платиться многими тяжелыми лишеніями.

Въ настоящее время приливъ эмигрантовъ-евреевъ свелся на ноль. Аргентина жестоко обманула всѣ расчеты и безжалостно насмѣялась надъ всѣми надеждами.

III.

Провинція Энтреріосъ.—Земли барона Гирша.—Колоніи-деревни.—Колоніи-группы.—Хозяйство колонистовъ.—Рабочія руки.—Дѣти-труженики.—Школы и учителя.—Штуче, или субсидія.—Альмасены.

Провинція Энтреріосъ лежитъ между 30,7 и 34 градусами южной широты и между 57° 45' и 60° 40' западной долготы по Гринвичскому меридіану.

Расположенная между исполинскими рѣками Параной и Уругваемъ, эта аргентинская Месопотамія (Энтреріосъ значитъ между-рѣчье), орошаемая множествомъ рѣкъ, богатая черноземомъ, защищенная съ сѣвера, съ его тропическими жарами и вѣтрами, дремучими лѣсами Монтиело, дѣйствительно, представляется одной изъ самыхъ удобныхъ для земледѣлія и въ далекомъ будущемъ обѣщаетъ стать житницей для Аргентины.

Занимая площадь въ 551.480 квадратныхъ километровъ, Энтреріосъ имѣетъ только 302.000 жителей, считая въ томъ числѣ и 70.000 иностранцевъ.

Провинція дѣлится на 102 административныхъ участка, въ которые входятъ 29 городовъ, городковъ и мѣстечекъ и 933 мелкихъ поселка. Все остальное пространство представляетъ однообразную степную равнину, по которой бродитъ дикій и манситый (укрошенный, ручной, отъ испанскаго слова manso), какъ говорятъ здѣшніе евреи, скотъ.

По рѣкамъ Парана и Уругвай существуетъ правильное пароходное сообщеніе, которое вмѣстѣ съ желѣзными дорогами даетъ

возможность Энтреріосу находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Буэносъ-Айресомъ и сосѣдними провинціями.

Главный городъ провинціи Парана, съ портомъ и таможенной, находится въ 493 километрахъ отъ Буэносъ-Айреса и въ 12-ти отъ города Санта-Фе, откуда желѣзная дорога проведена въ столицу, куда поѣздъ, если ѣхать на Розаріо, идетъ пятнадцать часовъ.

Климатъ этой провинціи, удаленной отъ моря и сѣвернымъ краемъ своимъ граничащей съ югомъ провинціи Корріентесъ, гдѣ уже сказывается близость экватора, имѣетъ характеръ континентальный.

Но о немъ лучше всего могутъ дать понятіе цифры:

Средняя температура года	+18° 45
Средняя температура лѣта	+35° 5
Средняя температура зимы	— 1° 9
Атмосферическое давленіе	755, 25
Количество осадковъ	76, 2

Минеральныхъ богатствъ пока въ этой провинціи не найдено, да врядъ ли они и есть. Но здѣсь есть все, что обезпечиваетъ ея процвѣтаніе въ будущемъ.

Уже въ настоящее время мы находимъ въ Энтреріосѣ много промышленныхъ заведеній. Торговля скотомъ, живымъ, въ гуртахъ, и битымъ, и теперь ведется на широкихъ началахъ; сотни тысячъ кожъ сушоновыхъ и соленыхъ ежегодно отправляются за границу; туда же или внутрь страны везутъ шерсть, рогъ, конскій волосъ, мясные консервы и проч. продукты. Кромѣ фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ скотоводству, которое занимаетъ первое мѣсто, здѣсь основываются и развиваются и другія промышленныя предпріятія.

Изъ сказаннаго можно заключить, что мѣсто для еврейской колонизаціи выбрано очень удачно, тѣмъ болѣе, что барономъ Гиршемъ куплены лучшія земли въ Энтреріосѣ какъ по ихъ качеству, такъ и потому, что онѣ находятся вблизи линіи желѣзной дороги Уругвай-Вилагвай, и всѣ колоніи расположены недалеко отъ станцій. Въ настоящее время колоніи владѣютъ 150.000 гектаровъ земли, и постоянно прикупаются все новые и новые участки.

Всѣ условія еврейской колонизаціи таковы, что на первый взглядъ кажется несомнѣннымъ, что колоніямъ обезпечены успѣхъ и процвѣтаніе.

Но на практикѣ видимъ другое.

Первыя еврейскія колоніи, встрѣчающіяся по желѣзной дорогѣ изъ Уругвая въ Вилагвай, расположены у станціи Примеро-де-Майо. Это колоніи-деревни Аккерманъ I и Аккерманъ II. У слѣдующей ст. Басо-биль-басо находятся еще двѣ подобныя же колоніи Новобургъ I и Новобургъ II.

Названіе ихъ указываетъ, изъ какихъ мѣстъ переселенцы.

Всѣ эти четыре колоніи очень напоминаютъ наши русскія деревни въ степной полосѣ.

По сторонамъ широкой улицы бѣлыя мазанки, кирпичныя хатки, подъ навѣсомъ около домовъ русскія телѣги, и тѣ же кудлатыя собаченки, у которыхъ хвостъ вѣромя, и одно ухо постоянно торчитъ вверхъ, а другое виситъ внизъ, а морда умильно и глупо улыбается, бросаются съ визгомъ и лаемъ подъ ноги лошадей. Попадаются люди, одѣтые въ рубахи и въ штаны, въ сапоги, и всюду слышится русская рѣчь, иногда очень хорошая рѣчь, безъ того непріятнаго и рѣзкаго акцента, который такъ коробитъ насъ въ Россіи.

Происходитъ это отъ того, что еврейская молодежь въ Аргентинѣ говоритъ между собою почти исключительно порусски. Жаргономъ она гнушается, а испанскій языкъ еще чуждъ ей. Но старики говорятъ почти исключительно на жаргонѣ и не знаютъ и испанскаго.

Пока ѣдешь въ колоніи, мѣстность до того однообразна и пустынна, что одинъ видъ деревни уже радуетъ взглядъ. Но когда приглядишься къ этимъ деревнямъ, съ ихъ бѣдными, маленькими домишками, поражаетъ убожество хозяйства, отсутствіе деревьевъ, унылая нагота, оскорбляющая взоръ, тщетно ищущій хоть чегонибудь похожего на садикъ, на огородъ.

Отъ станціи Басо-биль-басо до станціи Домингесъ, центра еврейской эмиграціи, два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Поѣздъ двигается медленно среди голой, печальной равнины. Только въ одномъ мѣстѣ, близъ станціи Уркиса, по кампѣ, какъ зовутъ здѣсь степь, рѣдко раскиданы некрасивыя, кривыя, съ бѣдной листвою деревья. Это парайсо. Растутъ они такъ рѣдко, что отъ дерева до дерева добрыхъ десять шаговъ. Но здѣсь это называется лѣсомъ.

На каждой станціи васъ заставляютъ стоять очень долго, столько, сколько потребуется, чтобы разгрузить товарные вагоны. Но вотъ и Домингесъ. Обычная картина: среди голаго поля кусокъ черной, какъ уголь, и рыхлой, какъ жидкая каша, земли. На немъ убогое зданіе вокзала (эстасьонъ), станція,—сарайчикъ, сложенный изъ тонкаго, плохого и неровнаго кирпича въ однослойку, съ плоской кровлей и двумя дверями-окнами.

По платформѣ, вымощенной тоже кирпичемъ, на пространствѣ двухъ сажень, расхаживаетъ *vigilante de policia provincial*, то-есть блюститель порядка провинціальной полиціи, существо, съ черной, за небольшими исключеніями, рожей, въ красной баскѣ на головѣ, въ синихъ, необъятныхъ спускающихся до щиколотки бамбачахъ—шараварахъ, въ прямой, какъ у нашихъ бабъ, кофть, въ неизмѣнныхъ альпаргатахъ, бѣлыхъ парусинныхъ туфляхъ и съ саблей въ жестяныхъ ножнахъ на боку.

Отъ станціи необыкновенной ширины скверная немощеная дорога ведетъ въ колоніи, до которыхъ добрыхъ 10 верстъ. Направо, налево, впереди, сзади, все та же голая, мертвая степь, отдѣленная отъ дороги аламброй (проволокой).

Находящіеся здѣсь колоніи - деревни носятъ общее названіе «Клара».

Этихъ деревень немало.

Три изъ нихъ: Зоненфельдъ, Файнбергъ и Бѣльцы, съ населеніемъ по пятидесяти семействъ, заняты семьями, присланными петербургскимъ комитетомъ съ извѣстнымъ выборомъ. Почти у всѣхъ были средства, и на мѣстѣ они получили земледѣльческія орудія и нашли уже кирпичные дома. Но живутъ бѣдно, и у большинства недовольный, удрученный видъ. Затѣмъ идутъ:

«Рахиль»	25 семействъ.
«Рошпино»	8 »
«Кармела»	23 »
«Баронъ Гиршъ»	16 »
«Ида»	12 »
«Мигуэль»	14 »

Теперь и эти имѣютъ каменные дома, а раньше они жили въ мазанкахъ. Это были первые колонисты «Клары», охотники-піонеры, перевезенные сюда изъ Моизесвиля.

Всѣ эти деревни до того похожи одна на другую, что разнятся только количествомъ домовъ. А всѣ дома выстроены одинаково и до того ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, что на нихъ, наконецъ, становится противно смотрѣть. Но деревни все-таки куда веселѣе группъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, разбросанныхъ—desparatados (деспарамадость).

«Баронъ Гинсбургъ» имѣетъ населеніе въ 100 семействъ, въ трехъ группахъ. «Санъ Ангонио» недавно пріобрѣтенъ. Здѣсь заселено только восемь группъ и занято только 28 домиковъ, тогда какъ всѣхъ домиковъ выстроено 300. «Памписты», выходцы изъ Константинополя, которыхъ помѣстили здѣсь, оказались плохими колонистами, и большая часть ихъ покинула колоніи. «Перлиса» съ 25 семействами, «Бареросъ» съ 20 семействами (носить это названіе по имени помѣщика), «Ачиросъ» (растеніе) съ 22 семействами, «Ласмоскасъ» (комары) съ 18 семействами населены послѣдними прибывшими въ Аргентину. Они находятся въ колоніяхъ только два года. Это преимущественно литовцы изъ Гродненской губ., гдѣ они жили бѣдно и привыкли мириться съ нуждой. Притомъ они нашли все готовое, попали въ мѣстность населенную, и населенную своими. Они довольнѣе другихъ и пока могутъ считаться самыми надежными изъ колонистовъ.

Всѣ хозяйственные постройки въ колоніяхъ сдѣланы на счетъ адми-

нистраціи, по выработанному ею плану. Точно также весь хозяйственный инвентарь, живой и мертвый, составляет собственность администраціи и только выдается для пользованія колонистамъ.

Каждый колонистъ получаетъ отъ администраціи:

- 12 воловъ,
- 2 коровы,
- 2 жеребца,
- 7 кобылъ,
- 1 телѣгу,
- 2 желѣзныхъ плуга (одинъ ручной),
- 4 плужныхъ цѣпи,
- 2 деревянныхъ бороны съ желѣзными зубьями,
- 6 ярмъ съ ремянными кожундами,
- 2 лопаты желѣзныя,
- 1 топоръ,
- 1 пилку ручную,
- 2 ведра,

а также лѣсъ и доски, необходимые въ хозяйствѣ. Кромѣ того, на участокъ въ 100 гектаровъ дается жатвенная машина и вѣялка.

Потреро, то-есть пастбище, устраивается общественное, со своимъ или наемнымъ пастухомъ. Администрація завѣдуетъ также дорогами, мостами, заводитъ и поддерживаетъ школы, пока на свой счетъ, но съ раскладкой долга на колонистовъ.

Населеніе перечисленныхъ нами колоній равняется 5.000 душъ. Рабочія силы ихъ считаются въ 2.000 душъ, въ возрастѣ отъ 14-ти до 50-ти лѣтъ. Не надо забывать, что еврей, попавшій въ Аргентину уже въ зрѣломъ возрастѣ, только съ трудомъ и неохотно занимается земледѣліемъ, которому ему надо еще учиться. Если къ тому же мы примемъ во вниманіе, что рабочихъ рукъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, въ Аргентинѣ нѣтъ какъ потому, что мало людей, такъ и потому, что гаучо, или *hijo del país*—сынъ страны, какъ онъ себя величаетъ, ненавидитъ трудъ и не идетъ работать,—то тогда становится очевиднымъ, что вся тяжесть труда падаетъ на молодежь.

Но труда не мало, а молодыхъ людей не такъ уже много, и на помощь являются дѣти.

Дѣти въ Аргентинѣ—настоящіе труженики. Они несутъ постоянный и тяжелый трудъ. Не только восьмилѣтній ребенокъ въ еврейской семьѣ считается работникомъ, но уже въ четыре года, въ пять лѣтъ дѣти трудятся. Пятилѣтняя дѣвочка и покачаетъ маленькаго братишку, и присмотритъ за самоваромъ, и нальетъ воды птицамъ и соберетъ на столъ, и сбѣгаетъ съ завтракомъ къ отцу и братьямъ, въ поле. Въ восемь лѣтъ мальчикъ справляется съ такими работами, какъ перепашка, уборка маиса, присмотръ за скотомъ. Кончили работы въ полѣ, они идутъ въ школу. Школу можно встрѣ-

титъ въ каждой еврейской деревнѣ. Изъ нихъ 14 благоустроены, и каждая изъ нихъ имѣетъ учителя. Кромѣ того, есть инспекторы надъ всѣми школами.

Въ каждой такой школѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и синагога. Пока всѣ затраты дѣлаетъ администрація. Только учителямъ древне-еврейскаго языка (меламедамъ) колонисты платятъ сами. Остальные учителя получаютъ жалованье отъ администраціи. Знающіе испанскій языкъ получаютъ 75 песо, а незнающіе — 45 песо. Большинство этихъ учителей — интеллигентные колонисты. Такихъ процентовъ десять среди евреевъ. Нѣкоторые занимаютъ мѣста въ администраціи.

Школа, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя снаружи точно такъ же кирпичный домикъ, какъ и всѣ остальные. Внутри сарай иногда перегороденъ на двое, для старшаго и младшаго отдѣленія, а иногда безъ перегородки. Полъ земляной, крыша изъ пахи (соломы). Дѣти сидятъ за партами, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ.

Даже въ младшемъ отдѣленіи всѣ они хорошо читаютъ по-испански, на это обращаютъ особенное вниманіе. Кромѣ того, ихъ учатъ нѣмецкому языку, ариметикѣ, началамъ географіи. Дѣвочкамъ преподаютъ рукодѣлье.

Дѣти любятъ школу и посѣщаютъ ее охотно. Самыя занятія сравнительно съ обычнымъ трудомъ не обременительны, а классы пѣнія и географіи являются пріятнымъ развлеченіемъ. Но чтобы посѣщать школу, ребенку колонисту приходится затрачивать очень много силъ. Разстоянія здѣсь громадныя. 6—8 километровъ до школы — это очень близко. Есть школы, которыя находятся въ 12—15 километрахъ. Если погода хорошая, то это еще ничего. Но если распутица, а здѣсь стоитъ пойти дождю, чтобы дороги превратились въ жидкую, черную кашу, то можно себѣ представить, какъ должны уставать дѣти, являющіяся въ школу по такой дорогѣ, даже если они не идутъ пѣшкомъ, а пріѣзжаютъ на лошади, на которой обыкновенно ихъ сидитъ двое, трое, а то и четверо.

Въ школѣ можно ночевать, но не говоря о томъ, что удобствъ никакихъ тамъ для ночлега нѣтъ, ребенокъ все-таки терпитъ еще отъ того, что лишень ласки матери, не видитъ своихъ родныхъ, а, можетъ быть, ляжетъ голодный спать. Въ одну изъ такихъ школъ мнѣ пришлось заглянуть въ такую скверную погоду. Только четыре дѣвочки, жившія близко, отважились явиться на уроки. Ихъ посадили на скамейку, заставили показать тетрадки, въ которыхъ онѣ писали по-испански и постароеврейски. Двумъ учителямъ задалъ задачу, а одну вызвалъ къ классной доскѣ, продиктовалъ ей нѣсколько испанскихъ фразъ и велѣлъ перевести.

Дѣвочки были очень смущены и отвѣчали робко, но толково и, очевидно, понимая, что говорить. Послѣ этого маленькаго экзамена, учитель показалъ намъ кое-какія школьныя пособія, между про-

чимъ, сказалъ, что ужъ два года занимается въ этой школѣ, что дѣти очень способны, учатся съ большою охотой и за это время далеко подвинулись. Разговорившись, онъ разсказалъ, что убѣждаетъ на югъ Франціи, гдѣ его ожидаетъ невѣста. Онъ взялъ отпускъ отъ администраціи на шесть мѣсяцевъ, такъ какъ теперь начинаются полевые работы, и дѣти будутъ заняты, а, женившись, онъ пріѣдетъ назадъ и привезетъ съ собою молодую жену.

Глядя на холодное, голое зданіе школы, на раскинувшуюся кругомъ пустыню и на невылазную грязь, среди которой тонулъ одинокій, точно упавшій сюда съ луны, неуютный кирпичный сарай, невольно думалось, что много потребуется любви и самопожертвованія у молодой жены учителя, чтобы влачить здѣсь печальное, полное лишеній существованіе. Не на чемъ остановиться взору, не съ кѣмъ сказать слова.

Кажется, и у самого учителя мелькнула та же мысль, и онъ высказалъ надежду, что его молодая жена полюбитъ деревню и сумѣетъ устроить и свою, и его жизнь.

Но главный расходъ администраціи составляютъ не школы и не постройка и ремонтъ и т. п. необходимыя затраты, а субсидія или, по выраженію евреевъ, штюце. Каждая колонистская семья пользуется субсидіей—пособіемъ. Каждый взрослый членъ семьи получаетъ ежемѣсячно восемь песо, считая отъ 10-ти-лѣтняго возраста, отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ—4 песо (песо—75 коп.), чета—25 песо.

Въ настоящее время евреи цѣликомъ зависятъ отъ администраціи. Нѣтъ ни одного еврея, который бы былъ долженъ менѣе 10.000, а есть и такіе, задолженность которыхъ администраціи доходитъ до 30.000 песо.

Чтобы поддержать въ нихъ мужество, имъ недавно простили четверть долга. Но долгъ этотъ все растетъ и общается рости. Колонистъ еврей съ перваго момента дѣлается должникомъ администраціи. Уже за переѣздъ каждый изъ нихъ долженъ отъ 700 до 1.500 песо. Пока съ нихъ не взыскиваютъ, да и взыскать нечего.

Не будь субсидій, еврей колонистъ обреченъ на голодную смерть. Если даже предположить въ будущемъ богатый урожай, то и тогда немного изъ этого урожая останется въ его пользу. Нѣтъ колониста, который былъ бы бѣднѣе еврея. Будь это испанецъ, итальянецъ, французъ, англичанинъ, онъ можетъ сѣсть безъ копейки на землю, но за то онъ никому и не долженъ. Что бы онъ ни посѣялъ, что бы ни посадилъ,—все его.

Еврей совсѣмъ въ другомъ положеніи. У него — все чужое, и онъ самъ—чужой. Онъ не можетъ себя чувствовать хозяиномъ ни этого дома, выстроеннаго не такъ, какъ онъ бы его построилъ для себя, ни этого участка земли, который ему не принадлежитъ и, можетъ быть, никогда принадлежать не будетъ, ни этихъ орудій, ни этого скота, выданныхъ ему администраціей, которая всегда можетъ

ихъ отобрать. Онъ здѣсь не хозяинъ, а разъ онъ не хозяинъ, самый могучій, самый главный стимулъ дѣятельности, энергія труда отсутствуетъ.

Поэтому еврейская колонизація носитъ характеръ искусственности, дѣланности и поддерживается только милліонами Гирша.

Не будь контракта, не будь долга и связанныхъ съ нимъ обязательствъ, евреи давно бы побросали колоніи. Съ 1893 года они ничего не могли собрать со вспаханныхъ и засѣянныхъ ими полей, и не будь субсидіи, умерли бы съ голоду.

Да и съ субсидіей они живутъ впроголодь. Представьте себѣ семью, въ которой трое взрослыхъ, четверо старше четырехлѣтняго возраста и трое моложе. Эта семья въ десять человѣкъ будетъ получать сорокъ песо въ мѣсяцъ. Сорокъ песо въ мѣсяцъ въ деревнѣ, какъ мы привыкли это понимать, дѣло хорошее. Но надо считаться съ мѣстными условіями.

Мѣшка муки такой семьѣ не хватитъ, а онъ стоитъ 18 песо. Своихъ овощей нѣтъ, плодовъ нѣтъ. Всѣ продукты, какъ сахаръ, соль, чай, вино, печеный хлѣбъ очень дороги. Мясо, правда дешево, но за то и плохо. А одежда? бѣлье? Но это роскошь, о которой колонисты не мечтаютъ. Они и сейчасъ ходятъ въ томъ, въ чемъ пріѣхали въ Аргентину. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ колоніяхъ населеніе въ 5.000 душъ. Отчасти ихъ поддерживаетъ надежда, что въ слѣдующемъ году лангосты не будетъ, а съ другой стороны имъ мѣшаютъ уйти недостатки характера и рѣшимости, страхъ разорвать съ обществомъ, и, наконецъ, не изъ послѣднихъ стимуловъ надо признать отвычку отъ самостоятельности. Конечно, субсидія, выдаваемая еврейской администраціей, — благодѣяніе, но что это благодѣяніе развращаетъ и деморализуетъ благодѣтельствуемыхъ, убиваетъ въ нихъ личную энергію и приучаетъ ихъ рассчитывать не на свои силы, а на могущественную поддержку общества, съ этимъ врядъ ли можно не согласиться.

Такъ какъ еврей, выбывшій изъ колонистовъ, исключается изъ ихъ числа навсегда и обратно ни въ какомъ случаѣ не принимается, то и это пугаетъ нѣкоторыхъ, и у нихъ не хватаетъ духу объявить войну обществу. И все-таки больше половины ушло. Кто занялся торговлей въ Буэносъ-Айресѣ, другіе устроились въ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Нѣкоторые тутъ же на желѣзной дорогѣ, на самой станціи, завели альмасены, мелочныя лавки. Почти всѣ они устроились хорошо, особенно послѣдніе. Альмасенъ колонисту необходимъ. Все, что ему нужно, онъ здѣсь найдетъ и за все заплатить втридорога.

Администрація барона Гирша не разъ подумывала о томъ, какъ бы избавить колониста отъ эксплуатаціи альмасенера, но до сихъ поръ не пришла ни къ какому практическому рѣшенію этого вопроса, для еврея колониста составляющаго вопросъ первой важности.

Одно время предполагалось устроить потребительскую лавку, которая находилась бы въ вѣдѣніи особо избраннаго комитета изъ числа колонистовъ.

Но собрать необходимые взносы съ нищихъ евреевъ нечего было и рассчитывать, тѣмъ болѣе, что они отнеслись къ этой затѣѣ съ большимъ недовѣріемъ.

Устроить же лавку отъ администраціи показалось слишкомъ щекотливымъ. Колонисты враждебно относятся къ администраціи и недовѣрчиво принимаютъ каждое ея нововведеніе.

— Можно съ увѣренностью сказать,—говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ администраторовъ,—что устроилъ мы имъ лавку, большинство, несмотря на самыя умѣренныя цѣны и превосходное качество товара, предпочло бы лучше имѣть дѣло съ кулакомъ—альмасенеромъ, чѣмъ съ нами.

И это вѣрно.

Колонисты почти безъ исключенія смотрятъ на администраторовъ, какъ на враговъ и на ближайшую причину своихъ несчастій.

— Наши директора—пауки, а мы—мухи,—съ тонкой улыбкой говорилъ мнѣ одинъ колонистъ.—Всѣ они богатѣли на нашъ счетъ и, напившись нашей крови, уѣзжали въ Европу. А мы становимся все бѣднѣе да бѣднѣе.

IV.

Мизерія.—Гаучо.—Какъ живетъ еврей въ колоніяхъ.—Отцы—горожане и дѣти земледѣльцы.—Отношеніе тѣхъ и другихъ къ Россіи.—Косеча и лангоста.

Мы уже говорили, что 1893 годъ былъ послѣдній урожайный годъ въ Аргентинѣ. Съ тѣхъ поръ земледѣльцы не сняли ни одной косечи (*cosecha*—жатва, урожай).

Въ настоящее время Аргентина переживаетъ кризисъ. Въ Аргентинѣ, по выраженію итальянцевъ и испанцевъ, мизерія.

Пароходы, прежде подвозившіе въ Буэнос-Айресъ и Лаплату многочисленными партіями эмигрантовъ всѣхъ національностей и уходившіе въ Европу налегкѣ, теперь привозятъ ихъ едва въ половинномъ количествѣ, а отходятъ переполненные пассажирами, возвращающимися на родину.

Особенно много уѣзжаетъ итальянцевъ и испанцевъ, преимущественно, бѣдняковъ, не имѣющихъ возможности выжидать и не желающихъ на чужбинѣ мириться съ знакомой имъ нуждой, отъ которой они бѣжали за море.

Эмиграція пріостановилась, а съ ней пріостановился и притокъ капиталовъ.

Кромѣ хлѣба и скота, Аргентина не имѣетъ продуктовъ для рынка. Земли ея раздѣлены между богатыми и не приносятъ ничего или приносятъ мало.

Гаучо, жившій въ кампѣ господиномъ, теперь всюду натывается на ненавистную ему аламбру (провода). Скотъ въ полѣ—весь чужой, перемерченъ клеймами, разобранъ по рукамъ, и гаучо говорить, что онъ не смѣетъ охотиться за нимъ. Тогда какъ прежде онъ набрасывалъ свои боласть—лассо, съ тремя круглыми камнями на любого вола, закалывалъ его ножомъ, вырѣзывалъ кусокъ мякоти, жарилъ свою осаду (тонкіе куски жаренаго на угляхъ мяса) и, поужинавъ, ѣхалъ дальше. Гдѣ угодно, могъ онъ поставить свое ранчо (шалашъ, хижину), лежать и сосать мате (парагвайскій чай). Теперь онъ въ кампѣ не хозяинъ, а гость. Всюду аламбра, всюду ненавистный *extranjero* (иностранецъ). Голодный, холодный, озлобленный, не имѣя коня, — какое униженіе для гаучо, — уныло бродить онъ по кампѣ и рѣшается, наконецъ, идти въ пеоны (поденщики), нанимается къ эстансiero (помѣщику), ищетъ работы, онъ, презирающій всякій трудъ и считающій себя сеньоромъ.

Молодымъ евреямъ, особенно подросткамъ, которые уже акклиматизировались, освоились со страной, гаучо еще не такъ страшенъ. Они сами превращаются въ гаучо, по крайней мѣрѣ, своею внѣшностью, своей повадкой не отличаются отъ него. Но старики и зрѣлые люди боятся гаучо, какъ огня.

— Нѣтъ въ немъ человѣческихъ чувствъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ еврей, котораго гаучо прокололъ сзади, бросивъ ему ножъ въ спину. — Жалости, раскаянія онъ не знаетъ. Зарѣзать человѣка ему нипочемъ.

Къ этому надо прибавить, что еврей угнетенъ своей бѣдностью, зависимостью отъ администраціи, которая связываетъ ему руки и, заставляя его заниматься несвойственнымъ и, очевидно, невыгоднымъ трудомъ, лишаетъ его возможности нажить. Аргентина — страна наживы; всѣ заботятся только о наживѣ. Сюда пріѣзжаютъ только для того, чтобы нажить деньги, и не слишкомъ задумываются надъ способами. И будь это французъ, испанецъ, итальянецъ, грекъ, нѣмецъ, англичанинъ, у всѣхъ цѣль одна: затратить ничтожный капиталъ и выиграть на него состояніе. И еврей съ завистью видитъ, что многимъ это удается. А онъ прикрѣпленъ къ землѣ и нищій. А если взять во вниманіе удручающую обстановку, становится понятнымъ, что для еврея, особенно для русскаго, привыкшаго къ нашей нѣсколько распущенной, халатной и сравнительно изобильной жизни, — ужъ непремѣнно изобильной противъ Аргентины, гдѣ въ иномъ захолустѣ фунтъ сахару стоитъ пять рублей, — жизнь въ колоніяхъ невыносима. Такому еврею, съ его перинами, подушками, русскимъ самоваромъ и привычками, — хотя, можетъ быть, и ограниченными, но для Аргентины роскошными, — къ чаю, къ сахару, къ леденцамъ, къ варенью, къ селедкамъ, къ молочнымъ продуктамъ, въ родѣ сыра, масла, къ яйцамъ, здѣсь слишкомъ не по себѣ.

Масло здѣсь въ ходу только оливковое, какъ называютъ его

изъ деликатности. На самомъ дѣлѣ, это просто рициновое масло. Мѣстный сыръ сквернаго приготовленія—рубль, полтора фунтъ. Варенье,—но о вареньѣ лучше не говорить. Конфеты,—но, во-первыхъ, за ними скачи сто верстъ, не доскачешь, а, во-вторыхъ, цѣна на нихъ страшно кусается, и эти дорогія конфеты хуже русскихъ дешевыхъ леденцовъ.

Наконецъ, между этими евреями очень много интеллигентныхъ. Есть семьи, въ которыхъ старшій сынъ—бывшій студентъ, второй попалъ въ Америку изъ пятаго класса гимназіи. Есть еврейки колонистки, бывшія гимназистки. Встрѣчаются хозяева значительныхъ торговыхъ фирмъ, ужъ не говоримъ о тѣхъ, что были прежде портными, часовщиками, сапожниками и жили все-таки куда въ лучшихъ условіяхъ.

Къ климату они не могутъ привыкнуть. Зимой страдаютъ отъ холода, лѣтомъ отъ жары, отъ которой негдѣ укрыться, и которая пугаетъ ихъ больше холода, потому что случаи солнечнаго удара очень обыкновенны. Сильныя грозы, съ страшными раскатами и непрерывными, освѣщающими полнеба молніями, съ непривычки производятъ потрясающее впечатлѣніе. Докторъ еврейскихъ колоній говорилъ мнѣ, что нерѣдко среди евреевъ, особенно среди женщинъ, наблюдаются во время грозы припадки столбняка и истерики. Эти же припадки и временное помѣшательство являются вслѣдствіе тоски по родинѣ.

А сколько убито евреевъ и ранено гаучо? Сколько погибло отъ дикихъ лошадей и воловъ?

Даже люди, хорошо устроившіеся, совсѣмъ обезпеченные, служащіе въ администраціи, получающіе хорошіе оклады, и тѣ тоскуютъ, и тѣ мечтаютъ о томъ, чтобы скопить капиталецъ и уѣхать.

Въ домѣ одного богатаго эстансѣро мнѣ пришлось познакомиться съ гувернанткой-еврейкой изъ колонистокъ. Она кончила въ Россіи гимназію, была на курсахъ въ Женевѣ, и когда ея родители уѣхали въ Аргентину, она поѣхала за ними, не кончивъ своихъ курсовъ.

«Я ѣхала сюда, — рассказывала она мнѣ: — полная надеждъ и силъ. Мнѣ казалось, что кончатъ мое образованіе не нужно, что это возьметъ много времени, а тамъ, куда меня зовутъ, интеллигентные люди нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

«Я рисовала себѣ жизнь на лонѣ природы, русскую деревню, какія бываетъ въ Малороссіи,— мы изъ Екатеринославля,—бѣлыя мазанки, тополя, кусты черешень, яблони, усыпанныя бѣлыми цвѣтами, цвѣтушія степи, просторъ и свободу.

«Я мечтала, какъ заведу въ такой деревнѣ школу, окружу себя дѣтьми и буду работать для нихъ. Но все это и осталось мечтами. Ничего не дала мнѣ дѣйствительность изъ того, что создала моя фантазія. Дикая, печальная природа поразила меня съ первыхъ

шаговъ. Сердце мое сжалось, когда предо мною встали еврейскіе дома, тогда еще просто сложенные изъ земли и глины жалкія лачуги, около которыхъ, какъ и теперь, не видно было ни одного деревца, ни одного кустика.

«Но что почувствовала я, когда переступила порогъ такой лачуги!

«Меня встрѣтили отецъ, сгорбленный, не похожій на себя, полуслѣпой, мать, съ глазами, полными слезъ, съ лицомъ, котораго никогда не забуду, братья, оборванные, грубые, настоящіе мужики, сестры, еще маленькія, еле прикрытыя лохмотьями и дикія.

«На другой же день пришлось приняться за тяжелый, отвратительный для меня, трудъ. Была пятница. У насъ, евреевъ, въ этотъ день принято убираться въ домѣ. Все моютъ, чистятъ, приводятъ въ порядокъ. И въ нашей лачугѣ принялись за уборку. Я увидала, что мать слаба и больна, сестры еще малы и плохія помощницы, у братьевъ своя работа, и какая тоже работа. Я принялась за дѣло. Я говорила себѣ, что надо быть мужественной и умѣть мириться съ обстоятельствами, что плохъ тотъ, кто на первыхъ порахъ бросаетъ все, при первомъ разочарованіи отказывается отъ цѣли.

«Не хотѣлось мнѣ также огорчать мать и остальныхъ родныхъ, не хотѣлось показать, какъ мнѣ не по себѣ среди этой обстановки. Наконецъ, вѣдь они-то жили же въ ней, выносили ее, а вѣдь я — то же, что они. И они привыкли къ лучшей жизни. Братья учились, старшій былъ студентомъ, дѣвочекъ одѣвали барышнями.

«Скрѣпя сердце, принялась я за работу. Полъ былъ земляной. Отъ времени онъ становился неровнымъ, негладкимъ, и вотъ чтобы поправить его, колонисты собирали конскій навозъ, мѣшали его съ землей и разбавляли водой. Когда эта замазка была готова, надо было мазать полъ; онъ, высыхалъ и становился гладкимъ; хорошъ трудъ для гимназистки-бѣлоручки!

«Но это было хоть не страшно и не опасно, а потомъ пришлось мнѣ познакомиться и съ лошадьми, почти всегда полудикими, съ волами, манситыми, какъ говорятъ у насъ, и тоже дикими, не привыкшими къ ярму.

«О школѣ, о моихъ затѣяхъ — нечего было и думать. Времени не было. Надо было мѣсить хлѣбы, варить обѣдъ, чинить лохмотья, въ рабочую пору работать въ полѣ, ломать маисъ, возить его на мельницу.

«Годъ прожила я со своими, наконецъ, не выдержала: захворала. Поправилась, но стала слаба. Вижу, что не могу такъ жить. Тоска взяла такая, что думала наложить на себя руки. Мать испугалась, стала меня просить бросить работу. Но жить съ ними и не работать было невысказано.

«На счастье, я попала сюда въ гувернантки. Я получаю 50 песо въ мѣсяцъ, кромѣ того, со мною живетъ маленькая сестра. Сегодня она уѣхала домой на праздникъ. Здѣсь мы не терпимъ ли-

шеній, не видимъ черной работы, но я чувствую, что жить такъ не могу. Я только и думаю о томъ, чтобы накопить денегъ и уѣхать въ Европу. Но накопить трудно. 25 песо я даю каждый мѣсяць роднымъ, на нихъ они нанимають пеона, да приходится и на себя тратить. Но я уѣду, уѣду. Этой надеждой я только и живу. Посмотрите на меня, вѣдь я старуха, у меня сѣдые волосы, а между тѣмъ, мнѣ только 26 лѣтъ.

И дѣйствительно на видъ моей собесѣдницѣ было никакъ не менѣе 30.

Вообще, здѣсь, въ Аргентинѣ, сѣдѣють рано, и среди еврейскихъ дѣвушекъ колонистокъ многія имѣють сѣдые волосы.

Зато дѣти производять отрадное впечатлѣніе. Они здоровы, веселы, смѣлы и имѣють цвѣтущій видъ. Это и понятно: тревоги, заботы старшихъ имъ чужды, а климатъ и просторъ полей дѣйствуетъ на нихъ прекрасно. Подростки же лѣтъ 12, 13, 14-ти прямо изумляютъ. Они высоки, сильны, плечисты, обыкновенно несутъ очень тяжелый трудъ. Иногда на плечахъ такого парнишки вся семья: старикъ-отецъ, мать, двѣ-три сестры и младшіе братья. Смотришь—у него 50—60 десятинъ воздѣланной земли, и онъ не только не жалуется, а еще очень доволенъ.

И когда проѣзжаешь по еврейскимъ колоніямъ и видишь сотни зеленѣющихъ десятинъ и другія сотни черной, хорошо вспаханной, приготовленной къ посѣву земли, то невольно задаешь себѣ вопросъ: сколько нужно было потратить силъ, какой запасъ энергіи, желанія, надо было имѣть, чтобы совершить эту тяжелую работу почти безъ надежды на вознагражденіе? И тогда становится понятнымъ, что только молодость, съ ея неизсякаемой энергіей, съ ея непочатыми свѣжими силами, съ ея беззавѣтной вѣрой въ жизнь и въ радость жизни, съ ея кипучей жадной дѣятельности, могла совершить этотъ гигантскій трудъ.

И все это—дѣло не зрѣлыхъ людей, а юношей, подростковъ и дѣтей, да, дѣтей, восьми-десятилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Это—колонисты, земледѣльцы. Они любятъ и эту землю, жирную, черную, плодородную и щедрую землю, и эту унылую, вѣчно-желтую безъ конца, безъ края, съ далеко-уходящимъ горизонтомъ степь, и дикій, непослушный, упрямый и некрасивый скотъ, который пасется въ ней, и это небо, и это солнце.

Грозы ихъ не пугають, къ лишеніямъ они привыкли и равнодушно внимають старикамъ-родителямъ, слезливо жалующимся на отсутствіе гешефта и барыша и зовущимъ ихъ въ города, рисуя имъ соблазнительную картину бойкаго, дающаго хорошій пурцентъ, хандлунга.

Не понятны имъ также сѣтованія стариковъ на то, что они не могутъ вернуться въ Россію, и сожалѣнія о ней. Тѣ изъ нихъ, что покинули Россію уже юношами, не жалѣють о ней и предпочи-

таютъ свободную и независимую Аргентину, а про подростковъ и дѣтей и говорить нечего. Они давно забыли и думать о Россіи, по-испански они говорятъ свободно и считаютъ этотъ языкъ своимъ, и нравы, и обычаи страны имъ не кажутся дики. Но старики скучаютъ, грустятъ и не могутъ равнодушно говорить о Россіи. Ко всякому русскому, прибывшему изъ Россіи или заброшенному въ Аргентину и живущему тамъ, еврей относятся хорошо, больше, чѣмъ хорошо, братски, и готовы подѣлиться съ нимъ всѣмъ, чѣмъ могутъ. Еврей охотно говоритъ о Россіи, и рѣдкій изъ евреевъ не отзывается о ней, какъ о милой и родной отчизнѣ.

Въ еврейской избѣ вы встрѣтите и русскія книги, и портреты русскихъ великихъ людей. Самыя ихъ отрадныя воспоминанія—о Россіи. Ихъ лучшіе годы, драгоценные каждому челоѣку, дѣтство и юность протекли тамъ. А сколько пріѣхало сюда дряхлыхъ стариковъ, которые не могутъ привыкнуть къ новой странѣ и тоскуютъ!

Еслибъ они еще видѣли, что трудъ ихъ дѣтей окупается, и что земля вознаграждаетъ ихъ, они бы еще могли помириться съ земледѣліемъ, съ этимъ нелюбимымъ и чуждымъ имъ занятіемъ.

Но и этого нѣтъ. Вотъ уже пять лѣтъ ждутъ еврей «косечи» (урожай) и пять лѣтъ не имѣютъ ничего. Каждый годъ вспахивается и засѣвается земля, каждый годъ зеленѣютъ всходы, и каждый годъ прилетаетъ лангоста (саранча) и съѣдаетъ все дочиста.

Косеча и лангоста—вотъ два слова, которыя не сходятъ съ языка еврея-колониста.

О чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили, въ концѣ концовъ вы договоритесь до одного: нѣтъ косечи, потому что есть лангоста.

Земля все родить прекрасно, сѣмя, брошенное въ нее, возвращается сторицею, но все уничтожаетъ лангоста. И вотъ почему такое унылое, такое безотрадное впечатлѣніе производятъ еврейскія колоніи.

Еще тамъ, гдѣ дома скучены, на подобіе русской деревни, они выглядятъ не такъ грустно, но въ группахъ, въ *desparamados*, гдѣ четыре домика, обращенные въ одну сторону,—въ подвѣтряную, чтобы не сорвало крышъ,—стоятъ по краямъ грязно-черной дороги среди неприглядной, голой, необозримой равнины,—и не смотрѣлъ бы на нихъ! Кругомъ ничего: ни двора, ни навѣса, ни клѣти, ни огорода, ни какого растенія.

Встрѣтишь такую группу, протащившись верстъ двѣнадцать по ужасной, избитой, пустынной и затерявшейся въ степи дорогѣ, но мелькнутъ четыре кирпичныхъ сарайчика-дома, построенные, какъ не строятъ у насъ и конюшенъ, и опять потянется скучная дорога до новой, такой же безотрадной, затерянной въ глуши группы.

Самая степь здѣсь не похожа на нашу степь. Нѣтъ ни высокой по грудь, волнующейся, какъ море, зеленой травы, ни разнообразныхъ

и разноцвѣтныхъ, тонко благоухающихъ цвѣтовъ. Жесткая, колючая, желтая лѣтомъ отъ зноя, зимой отъ холода, невысокая, некрасивая трава, похожая на ту низкорослую, растущую кучками осоку, что встрѣчается у насъ помочевинамъ и низкимъ мѣстамъ, вблизи болотъ и лѣсныхъ, покрытыхъ зеленоватою плѣсенью и заросшихъ камышомъ и мхомъ прудовъ, разнообразится только репейникомъ и волчьимъ.

Ежегодно администрація выдаетъ деньги на посадку деревьевъ, и деревья принимаются и должны бы расти. Но колоніи и группы не утопаютъ въ зелени; вашего взора не ласкаютъ сады, рощи и огороды, и въ зной вы не найдете тѣни въ голой степи, гдѣ ни деревца, ни бѣдной тычинки.

Каждый годъ сажаются деревья и каждый годъ съѣдаетъ ихъ лангоста. Въ Энтреріосѣ двѣ лангосты. Во-первыхъ, своя черная, постоянная и сравнительно не очень серьезная непріятельница; кромѣ нея, есть еще красная лангоста, вотъ уже нѣсколько лѣтъ сподрядъ прилетающая изъ Чако. Это бичъ неотвратимый и ужасный.

Гостя черной тучей, затмевающей солнце, несется на поля. Эта страшная гостя—лангоста *voladora* (летучая). Но она еще не такъ страшна, она можетъ пролетѣть мимо, страшнѣе ея лангоста *saltona* (прыгающая), которая отроится отъ первой.

Выбравъ удобное мѣсто, мягкую, рыхлую почву, лангоста кладетъ въ нее яички, 80—100 штукъ. Изъ нихъ сначала выйдутъ личинки, червячки, а потомъ вырастутъ у нихъ крылья. Въ шесть недѣль, необходимыхъ для того, чтобы изъ личинокъ вышла летучая лангоста, все будетъ уничтожено: не только хлѣбъ на поляхъ, овощи на огородахъ, молодые побѣги,—кора на большихъ деревьяхъ, платье, занавѣси на окнахъ, обивка на мебели. Спаситься отъ лангосты нѣтъ возможности. Средствъ нѣтъ, рукъ нѣтъ, чтобы бороться съ ея безчисленными полчищами. Въ провинціи Санта-Фе отпущено было въ прошломъ году $1\frac{1}{2}$ милліона на борьбу съ лангостой. Между прочимъ, въ одномъ изъ департаментовъ вырыли канаву, въ два метра глубиною. Лангоста наполнила всю канаву, и слой ея надъ канавой достигъ полутора метровъ.

Но вотъ снялась лангоста и улетѣла. На мѣстѣ зеленѣющихъ полей голая, черная земля. Отъ молодыхъ деревьевъ не осталось и слѣда. Большія деревья засохли и погибли. Овощи уничтожены, домашнія вещи испорчены, паха (солома) на крышахъ и та съѣдена. Всѣ надежды, всѣ расчеты на урожай и на сопряженные съ ними радости безжалостно опрокинуты и разрушены. Въ нѣсколько часовъ колонистъ превращается въ нищаго.

У колониста еврея есть поддержка, о немъ заботится администрація. Она не дастъ ему умереть съ голода. Но колонистъ, не принадлежащій къ еврейской колонизаціи, осужденъ на голодную смерть. Надѣяться ему не на что, помощи ждать не отъ кого. Онъ соби-

раетъ свои жалкіе пожитки и пѣшкомъ съ семьей уходить съ насиженнаго мѣста, оставляя свой домъ и все, чего онъ не можетъ захватить.

Бывали и такіе случаи: выйдетъ колонистъ на поле, взглянетъ на черную землю, на обглоданныя деревья, постоитъ, подумаетъ, тихонько вернется за ружьемъ и застрѣлится.

Еврей-колонистъ знаетъ, что ему не дадутъ погибнуть. Но и у него глаза не глядѣли бы на эту политую его слезами и потомъ землю.

За послѣднее время даже самые ретивые молодые работники стали отчаиваться.

— Еще два такихъ года,—говорятъ они,—и надо будетъ уходить. Что же работать на лангосту?

Но къ лангостѣ мы еще вернемся.

V.

Вмѣшательство аргентинскаго правительства въ дѣло еврейской колонизаціи.—Контрактъ и внесенныя въ него [поправки.—Лангоста или задолженность?—Почему непременно земледѣліе, а не скотоводство.

17-го іюля 1895 г. генеральный комиссаръ эмиграціоннаго департамента въ Буэнос-Айресѣ, заинтересованный наплывомъ евреевъ-эмигрантовъ и желая вникнуть въ отношенія между ними и Обществомъ еврейской колонизаціи, издалъ распоряженіе, чтобы особо-образованная коммиссія задерживала всѣхъ евреевъ, прибывающихъ на пароходахъ, и предлагала имъ слѣдующіе вопросы:

- 1) На какихъ условіяхъ Общество еврейской колонизаціи предложило имъ устроиться въ Аргентинѣ?
- 2) Что побудило ихъ покинуть родину?
- 3) Какой контрактъ или условіе заключили они съ Обществомъ, въ какомъ учрежденіи или при какомъ официалномъ лицѣ?
- 4) Заключая условіе, ясно ли сознавали всю важность принимаемыхъ на себя обязательствъ?
- 5) Занимались ли они на родинѣ тѣмъ дѣломъ, какимъ собираются заняться въ республикѣ; какова ихъ профессія; если были земледѣльцы, то что сѣяли; держали ли домашнихъ животныхъ и какихъ именно: лошадей, коровъ или овецъ; думаютъ ли они и здѣсь завести ту же отрасль и на чьи средства?
- 6) Имѣютъ ли контрактъ или копію его?
- 7) Приняли ли они на себя обязательство исполнять только ту работу, на которую ихъ опредѣлитъ Общество, или они свободны выбирать себѣ занятія и могутъ покупать и продавать, что имъ угодно?
- 8) Обѣщали ли имъ, въ случаѣ нежеланія ихъ оставаться въ колоніяхъ, доставить ихъ обратно на родину на счетъ Общества?

Начиная съ 1-го августа того же года, комиссія стала спрашивать по вышеписанной программѣ евреевъ эмигрантовъ и составила рядъ протоколовъ этихъ опросовъ.

Для примѣра приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Русскій эмигрантъ Грабе Шмуль съ парохода «Манильця», представъ предъ комиссіей, на первый вопросъ отвѣтилъ, что агенты Блуменпедъ и Мулившицъ барона Гирша предложили ему перевезти его въ Аргентинскую республику, гдѣ ему дадутъ семьдесятъ пять гектаровъ земли, и получили съ него пятьсотъ рублей, въ чемъ выдали ему росписку, которую онъ передалъ отцу своему въ Бессарабіи.

На второй вопросъ отвѣтилъ, что на родинѣ у него плохо шли дѣла.

На третій—что не заключалъ никакого контракта и поѣхалъ въ Аргентину съ цѣлью улучшить свое положеніе.

На пятый—что занимался всегда земледѣліемъ, сѣялъ овесъ, кукурузу, пшеницу, а также держалъ домашній скотъ. На чей счетъ ѣхалъ, не знаетъ.

На шестой—что не имѣетъ никакого письменнаго условія или копии съ него.

На седьмой—что онъ рассчитываетъ заниматься земледѣліемъ, но позволятъ ли ему продавать продукты, не знаетъ.

На восьмой—что онъ объ этомъ не спрашивалъ, а ему не говорили.

Допрашивается комиссіей русскій эмигрантъ Зухъ Мительманъ.

На вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ еврейское колонизаціонное общество предложило ему пріѣхать въ республику, отвѣтилъ, что одинъ изъ агентовъ еврейскаго общества, по имени Файноергъ въ бытность свою въ Бессарабіи, предложилъ ему перевести его въ Аргентинскую республику, на что онъ согласился и заплатилъ субъ-агенту Шлёмъ Лунтону 350 (триста пятьдесятъ рублей) за 75 гектаровъ земли, которые онъ долженъ получить въ колоніяхъ, гдѣ будетъ заниматься земледѣліемъ.

На вопросъ, есть ли у него документъ на уплаченные имъ деньги, представилъ росписку на русскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія:

«Еврейское колонизаціонное общество,

«1895 года, 24-го апрѣля.

«Получено отъ Лудвига Мительмана и Марка Гамшвитца 350 рублей на путевые расходы двухъ семействъ и ихъ багажа.

«Агентъ: Шлюма Лунтонъ».

Спрошенный, почему покинулъ родину, отвѣтилъ, что русское правительство два года тому назадъ запретило евреямъ заниматься земледѣліемъ и не даетъ имъ земли. На вопросъ, обращался ли онъ

къ русскому правительству съ предложеніемъ купить землю, отвѣчалъ, что нѣтъ и не знаетъ, продали ли бы ему землю.

На третій вопросъ отвѣтилъ, что никакого контракта ни въ Россіи, ни здѣсь съ Обществомъ или его агентомъ не заключалъ, а что на словахъ ему обѣщали 75 гектаровъ земли, скотъ, земледѣльческія орудія, сѣмена, съ разсрочкой платежа на 13 лѣтъ. Купчую, сказали, выдадутъ въ колоніяхъ.

На четвертый отвѣтилъ, что никакихъ обязательствъ не принималъ.

На пятый отвѣтилъ, что земледѣліемъ никогда не занимался, скотъ не держалъ, на родинѣ былъ старьевщикомъ, здѣсь въ колоніяхъ намѣренъ заняться земледѣліемъ.

На вопросъ, обязался ли онъ заниматься тѣмъ трудомъ, какой укажетъ ему общество, или воленъ дѣлать, что угодно, и можетъ самостоятельно покупать и продавать, что найдетъ нужнымъ по своему усмотрѣнію, отвѣтилъ, что условился заниматься только земледѣліемъ, и не знаетъ, можетъ ли продавать продукты, такъ какъ долженъ окупить въ продолженіе трехъ лѣтъ земледѣльческія орудія, взятые у общества.

На послѣдній вопросъ отвѣтилъ, что о возвращеніи на счетъ общества въ Россію не было разговора.

Русскій эмигрантъ Грабе Авраамъ на допросѣ показалъ:

1) что агентъ докторъ Муничокъ предложилъ ему переѣхать въ Аргентинскую республику, чтобы работать на земляхъ барона Гирша, гдѣ ему дадутъ 75 гектаровъ земли. Онъ согласился на взносъ 500 (пятьсотъ рублей).

2) что слышалъ, что въ республикѣ многіе изъ его соотечественниковъ хорошо устроились.

3) что въ Россіи дѣла у него шли плохо, такъ какъ не даютъ заниматься, чѣмъ хочешь.

4) что контракта не заключалъ и удовольствовался словеснымъ обѣщаніемъ,

5) что не знаетъ, прибрѣтетъ ли въ колоніяхъ землю въ свою собственность,

6) что въ Россіи занимался земледѣліемъ, выдавая себя за христіанина, такъ-какъ иначе русское правительство не дозволило бы ему работать на землѣ, теперь же не знаетъ, на кого будетъ здѣсь работать на себя или на общество,

7) что не знаетъ также, имѣетъ ли право продавать продукты кому бы то ни было, кромѣ общества,

8) что о возвращеніи на родину не было и рѣчи.

Протоколы эти подписали:

Шефъ департамента торговли Анхель Карріонъ.

Судовой инспекторъ Х. Вильсонъ.

Присяжные переводчики: Энрике Сольти.

Отто фонъ-Дуйсбургъ.

Такихъ протоколовъ масса, и во всѣхъ допрашиваемые показывали приблизительно одно и то же съ незначительными варіаціями.

Въ архивѣ эмиграціоннаго департамента находимъ и такой документъ:

«27-го іюля 1895 года въ департаментъ явился русскій эмигрантъ, израэлитъ Израэль Грицпонъ, 24-хъ лѣтъ, родившійся въ Одессѣ, и показалъ, что, около года тому назадъ агентъ барона Гирша въ Одессѣ уговорилъ его ѣхать въ Аргентинскую республику.

«Грицпонъ объяснилъ ему, что онъ не земледѣлецъ, а электро-механикъ, на что агентъ возразилъ, что это не важно, и что онъ можетъ въ колоніяхъ Гирша заниматься своимъ ремесломъ. Поѣхалъ на счетъ еврейскаго Общества во второмъ классѣ и, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, прибылъ на пароходѣ «Оріонъ» со своимъ компаньономъ и его семействомъ, женой и четырьмя дѣтьми.

«Компаньонъ его, тоже механикъ, по имени Вольфъ Янкелевичъ, завербованъ былъ тѣмъ же агентомъ. Изъ Лаплаты, гдѣ они высадились, ихъ немедленно отправили въ Басо-биль-басо на счетъ, какъ они полагали, Общества. Въ колоніи они явились къ администратору Рапопорту, который сказалъ имъ, что здѣсь не нужно механиковъ, но что онъ дастъ имъ землю, которую они могутъ обрабатывать. Компаньонъ отказался и ушелъ въ Санта-Фе, гдѣ поступилъ на желѣзную дорогу, а онъ Грицпонъ остался и получилъ небольшую чакру (участокъ). Рапопортъ далъ тотчасъ же знать объ этомъ еврейскому Обществу въ Буэносъ-Айресь.

«Прошло три недѣли. Рапопортъ получилъ приказъ отъ Общества не принимать Грицпона въ колонисты, такъ какъ онъ не семейный. Въ виду этого его лишили земли, и онъ три мѣсяца жилъ безъ работы въ одной семьѣ, которая дала ему пріютъ и кормила его.

«Тогда онъ отправился къ Рапопорту, прося помочь ему. Тотъ далъ ему тридцать песо подъ росписку и рекомендательное письмо къ директорамъ Общества въ Буэносъ-Айресь, совѣтуя ему искать тамъ занятіе.

«Директоровъ онъ не могъ добиться видѣть, но одинъ изъ служащихъ далъ ему рекомендательное письмо къ г. Оствальду, а тотъ рекомендовалъ его директору перваго газоваго общества, и его приняли на службу электромеханикомъ. Онъ проработалъ пять дней и принужденъ былъ уйти, по незнанію испанскаго языка, что удостовѣрилъ выданнымъ ему тамъ свидѣтельствомъ.

«Теперь онъ живетъ въ улицѣ Вьямонта, 1600, у пріятели Махмановича. Не имѣя возможности найти мѣсто или занятіе, обращается въ департаментъ съ просьбой дать ему работу.

«На вопросъ, заключилъ ли онъ съ агентомъ контрактъ въ Одессѣ, отвѣтилъ, что нѣтъ, и что ему сказали, что все уладится въ Буэносъ-Айресь. И здѣсь точно также не было заключено никакого договора».

Рядъ такихъ жалобъ и протоколовъ показали, что въ еврейской колонизаціи далеко не все такъ хорошо, какъ кажется, и побудили эмиграціонный департаментъ обратиться къ еврейскому Обществу съ запросомъ, на какихъ условіяхъ доставляются въ Аргентину эмигранты-евреи, и существуетъ ли документъ, которымъ бы гарантировались права переселенцевъ и опредѣлялись ихъ обязательства по отношенію къ Обществу.

На это Общество отвѣтило, что до сихъ поръ документа не было, но въ настоящее время составленъ контрактъ, который оно называетъ «контрактомъ на обѣщанную продажу», и экземпляръ котораго при семъ прилагаетъ.

Каковъ былъ этотъ контрактъ, видно изъ того, что Хуанъ Альсина, генеральный комиссаръ эмиграціоннаго департамента въ своемъ докладѣ отзывался о немъ, какъ о сводѣ стѣснительныхъ условій и тяжелыхъ обязательствъ, подъ бременемъ которыхъ изнываетъ колонистъ, сверхъ того постоянно рискующій потерять все, плоды долгихъ трудовъ, домъ, орудія, засѣянную имъ землю и т. д.

Департаментъ, оговорясь, что, хотя по конституціи частные договоры не подлежатъ критикѣ правительства, тѣмъ не менѣе пришло къ заключенію, что въ данномъ случаѣ, въ виду важности эмиграціи и ея нормальнаго теченія для страны, а также въ виду безпомощности евреевъ-колонистовъ по отношенію къ Обществу еврейской колонизаціи, необходимо просить Общество внести въ контрактъ нѣкоторыя поправки и смягчить его, насколько возможно. При этомъ департаментъ подчеркнул заголовокъ контракта: «Контрактъ на обѣщанную продажу» — *Contracto de promesa de venta*.

Вотъ этотъ контрактъ, въ сокращенномъ и смягченномъ по настоянію аргентинскаго правительства видѣ.

Колонія №

Общество еврейской колонизаціи и колонистъ N положили:

1. Общество обѣщаетъ продать колонисту N слѣдующія недвижимости:

- а) участокъ земли въ . . . гектаровъ, стоимостью . . . гектаръ;
- б) домъ и усадьбу въ . . . гектаровъ, стоимостью . . . гектаръ.

Кромѣ того, Общество считаетъ за колонистомъ долгъ въ . . . за расходы на проѣздъ, доставку его на мѣсто, стройку и ремонтъ, покупку скота, земледѣльческихъ машинъ и орудій, предметовъ домашней обстановки, сѣмянъ и на выдачу ему и его семейству субсидіи.

Колонистъ обязуется заплатить Обществу за недвижимость всю означенную сумму сполна, съ $\frac{0}{100}$ изъ пяти годовыхъ, а также арендную плату за всѣ года въ количествѣ . . . , причемъ первый взносъ

долженъ быть произведенъ 1-го апрѣля 18... года, а послѣдній 1-го апрѣля 18... года.

2. Колонистъ обязуется, безъ расчетовъ на возмѣщеніе и безвозмездно, освободить участокъ, необходимый для проложенія улицъ, дорогъ и другихъ общественныхъ цѣлей, какъ по требованію правительства, такъ и по требованію Общества.

3. Въ случаѣ смерти колониста, наслѣдники его, подъ страхомъ уничтоженія настоящаго контракта, обязуются отнюдь не дѣлить недвижимости, пока не выполнены будутъ всѣ обязательства.

4. Пока колонистъ не очистилъ участокъ отъ долга, онъ обязуется заниматься исключительно земледѣліемъ и воздѣлывать его съ членами семьи или другими колонистами, отнюдь не позволяя, безъ письменнаго разрѣшенія администраціи, работать на немъ третьему лицу, за исключеніемъ времени жатвъ, когда онъ можетъ нанимать пеонровъ. Запрещается также заниматься торговлей, промыслами или имѣть заведеніе.

5. Пока колонистъ долженъ, урожай есть обезпеченіе его долга, каковъ бы онъ ни былъ. Поэтому колонистъ обязывается свозить въ галлоны Общества часть продуктовъ. Общество отвѣчаетъ за количество принятыхъ имъ четвериковъ, но во всемъ остальномъ не беретъ на себя никакой отвѣтственности. Общество вольно продать этотъ запасъ, за счетъ и рискъ колониста, и деньги взять себѣ, если въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ колонистъ самъ не продастъ его.

6. Всѣ подати, налоги, существующія или имѣющія быть отъ правительства, колонистъ безъ исключенія принимаетъ на себя.

7. Настоящій контрактъ и все, что къ нему относится, не можетъ быть переданъ третьему лицу, а равно колонистъ не имѣетъ права, безъ письменнаго разрѣшенія администраціи, сдать землю въ аренду или поселить на ней постороннее лицо.

8) Въ случаѣ отказа колониста выполнять этотъ контрактъ или вносить, по требованію администраціи, арендную плату, Общество имѣетъ право вступить во владѣніе его участкомъ, а также постройками, посѣвами, насажденіями и тому подобнымъ безъ всякихъ возмѣщеній и вознагражденій.

9) Съ того момента, какъ колонистъ исполнилъ всѣ свои обязательства, Общество составляетъ перепись всей недвижимости и того, что въ ней заключается. До уплаты же единственнымъ хозяиномъ считается Общество, а колонистъ разсматривается только, какъ жилецъ.

10) Въ случаѣ недоразумѣній и неудовольствій, могущихъ возникнуть между колонистомъ и дирекціей въ Буэносъ-Айресѣ, условлено обращаться за разъясненіемъ къ лицу, живущему въ Буэносъ-Айресѣ и ежегодно назначаемому президентомъ «Еврейскаго всемірнаго союза» въ Парижѣ.

Подписали...

Добавочные параграфы.

1) Во время уборки, колонисты обязуются помогать другъ другу. Споры разрѣшаются назначенными Обществомъ администраторами.

2) Помимо сѣянiя хлѣба, колонистъ обязуется засѣять не менѣе гектара альфальфой (люцерна).

3) Ежегодно колонистъ обязанъ посадить 100 деревьевъ, по крайней мѣрѣ, на своей чакрѣ.

4) Деревья, срубленные колонистомъ на его участкѣ, должны быть замѣщены.

5) На второй годъ послѣ вступленiя въ силу настоящаго контракта, колонистъ обязанъ аламбировать (огородить проволокой) свою чакру.

6) Каждый колонистъ обязуется дѣлать взносы на школы, бани, врачебную помощь и т. под., по раскладкѣ

Познакомившись съ этимъ контрактомъ, можно видѣть, что и въ смягченномъ видѣ, онъ своего рода перлъ, всѣмъ контрактамъ — контрактъ.

Какъ согласить этотъ контрактъ съ филантропiей?

Передъ нами 5.000 душъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, связанныхъ страшнымъ обязательствомъ, которое не только отнимаетъ у нихъ все, что они имѣютъ, но отнимаетъ у нихъ волю, заставляетъ ихъ жить жизнью рабовъ и преступниковъ, разрѣшаетъ имъ сѣять, жать, работать только то и только такъ, какъ прикажутъ, — 5.000 душъ, не имѣющихъ своего угла, потому что изъ этого угла ихъ всегда могутъ выгнать самымъ законнымъ образомъ, и въ неоплатномъ долгу у администраціи.

И еврей-колонистъ плачется на лангосту и ждетъ счастливой поры, когда ея не будетъ, чтобы, наконецъ, собрать косечу и... свезти её въ галпоны администраціи. Лангосты не будетъ, она можетъ не прилетѣть, но задолженность всегда тутъ, и избавиться отъ нея еврею-колонисту еще долго не удастся, да и удастся ли когда либо. И съ лангостой и безъ лангосты на шеѣ колониста-еврея петля, и эта петля, пожалуй, страшнѣе лангосты. Если вникнуть въ этотъ контрактъ, если принять въ соображеніе, какъ великъ долгъ cadaго колониста, и какъ страшно прогрессируетъ этотъ долгъ, то надо сознаться, что это своего рода «лангоста», которая можетъ съѣсть самую роскошную «косечу».

Все, что окружаетъ еврея, все, что онъ ѣстъ и пьетъ, видитъ кругомъ, все это долгъ. И когда подумаешь, какія громадныя суммы ежегодно расходуются на управленіе этими колоніями, на администрацію, невольно приходится на умъ странное сопоставленіе: зачѣмъ для столь несчастнаго, можно сказать, нищаго населенiя, какъ

еврей-колонистъ, нужна такая грандіозная, стоящая сотни тысячъ администрація?

Раньше дѣла вѣдалъ баронъ, теперь управляетъ совѣтъ, главная контора котораго находится въ Парижѣ, и администрація еврейскихъ колоній должна сноситься съ парижской дирекціей.

Мы не знаемъ, изъ кого состоитъ послѣдняя, получаетъ ли оклады, или нѣтъ. Но вотъ оффиціальныя данныя расходовъ по администраціи въ самой Аргентинѣ.

Администрація владѣетъ на одной изъ лучшихъ улицъ Буэносъ-Айреса, на Кальяо или Каджао, прекраснымъ домомъ, которымъ не побрезговаль бы любой изъ европейскихъ банковъ.

Главноуправляющіе Гиршъ и Казесъ

получаютъ	60.000	франковъ	ежегодно.
Три секретаря	12.000	»	»
На бухгалтерію	15.000	»	»
На бюро корреспонденцій	15.000	»	»
Главный бухгалтеръ, семь помощниковъ и кассиръ получаютъ	35.000	»	»
Мелкіе служащіе	5.000	»	»

Итого въ Буэносъ-Айресѣ расходуется 142.000 франковъ ежегодно.

Кромѣ того, въ Энтреріосѣ, гдѣ находятся колоніи:

Главный управляющій получаетъ . .	20.000	франковъ	ежегодно.
Пять помощниковъ по 3.000 фр. . .	15.000	»	»
Канцелярія	12.000	»	»

Съ прежними . . . 189.000 франковъ ежегодно.

Кромѣ того, на ежемѣсячную субсидію колонистовъ, на доставку строительнаго матеріала, покупку скота, орудій, земли, возведеніе построекъ, рытье колодцевъ, посадку деревьевъ, ремонтъ и т. д. уходитъ ежемѣсячно до 85.000 франковъ, что въ годъ составляетъ капиталъ 1.020.000 франковъ. Вообще деньгами распоряжается администрація свободно.

— Насколько сдѣлаемъ команду, столько и получимъ, — выразился одинъ изъ служащихъ.

Все это прекрасно и, можетъ быть, доказываетъ, насколько еврейское колонизаціонное Общество заботится о своихъ единовѣрцахъ.

Но если оно такъ заботится, отчего эти заботы такъ мало отражаются на колоніяхъ? Евреи—колонисты съ негодованіемъ говорятъ о томъ, что ихъ администраторамъ живется слишкомъ хорошо, а имъ слишкомъ плохо. При такой огромной, такими щедрыми средствами оплачиваемой администраціи, не было бы слишкомъ смѣло рассчитывать и на лучшіе результаты.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать этой администраціи, получающей

такіе оклады, расходующей такія огромныя суммы, какъ не заботиться о нуждахъ евреевъ? И неужели положеніе колонистовъ евреевъ такъ безвыходно, что администрація не можетъ придумать ничего иного, чтобы облегчить и улучшить ихъ положеніе, какъ выдавать имъ жалкія нищенскія подачки, оставляя ихъ въ прежнихъ условіяхъ и не стараясь поставить ихъ въ инныя?

На такіе вопросы тотчасъ же отъ людей заинтересованныхъ вы услышите въ отвѣтъ, что Энтреріосъ неудачно выбранъ, тутъ де постоянно «лангоста», «бичемора», все, что посѣешь, — все пропадетъ и т. д. Людей мало, средствъ нѣтъ бороться, поневолѣ приходится бѣдствовать.

Это все такъ. Но если это такъ, то то же самое относилось бы и ко всѣмъ колоніямъ, не къ однимъ еврейскимъ. Однако мы не видимъ этого.

Въ той же провинціи, Энтреріосъ, не одни только еврейскія колоніи, и лангоста посѣщаетъ не одну только провинцію Энтреріосъ. Провинція Санта-Фе ежегодно подвергается нападеніямъ лангосты, и однако въ этой провинціи масса колоній, — итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п., и всѣ существуютъ безъ всякой поддержки, рассчитывая только на себя и на свои силы, затративъ обыкновенно самый ничтожный капиталъ на пріобрѣтеніе земли. А рядомъ еврейскія колоніи, пользующіяся такой сильной поддержкой, поставленныя въ несравненно лучшія условія, погибаютъ.

Является и другой вопросъ. Цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, — т. е. урожайныхъ, но не для колониста, урожай весь сняла лангоста, — кажется, наглядно доказалъ, что земледѣліе здѣсь возможно только тогда, когда нѣтъ лангосты. Но лангоста прилетаетъ каждый годъ, слѣдовательно, бесполезно говорить о томъ, что въ Энтреріосѣ великолѣпная земля, что здѣсь все рождается сторицей, что лѣсъ вырастаетъ въ десять лѣтъ. Тутъ чѣмъ лучше, тѣмъ хуже. Лѣсовъ, выросшихъ въ десять лѣтъ, мы не видимъ. Болѣе безотрадной мѣстности, какъ въ еврейскихъ колоніяхъ, трудно себѣ представить. Это, говорятъ, отъ того, что поѣла лангоста, но что же это за хозяйство, цѣль котораго пахать и сѣять для того, чтобы кормить лангосту!

Очевидно, что надо избавиться отъ лангосты. На это, говорятъ, нѣтъ средствъ.

Тогда придумайте другіе способы вести хозяйство. Англичане давнымъ давно это поняли и рѣшительно не занимаются земледѣліемъ въ Аргентинѣ. Ихъ примѣру слѣдуютъ французы, итальянцы и испанцы. Правда, у англичанина вы увидите почти всегда около дома небольшую рощу, тѣнистый паркъ, садъ, усаженный цвѣтами и фруктовыми деревьями. Французъ ужъ непременно разведетъ у себя огородъ, предъ домомъ разобьетъ клумбы, но вотъ и все ихъ земледѣліе. А сотни тысячъ десятинъ земли у нихъ гуляютъ, и на

нихъ пасется скотъ, для котораго опять-таки тамъ и сямъ засѣяны небольшіе участки альфальфой (люцерна) или клеверомъ.

Они занимаются скотоводствомъ, которое въ этой странѣ даетъ не такой баснословный доходъ, какъ высчитываютъ сторонники земледѣлія, но за то ужъ самый вѣрный и безобманный. И садовъ ихъ не трогаетъ лангоста, потому что въ нихъ ей дѣлать нечего. Она не станетъ останавливаться на этихъ маленькихъ, ничтожныхъ пространствахъ, когда знаетъ, что въ другомъ мѣстѣ она можетъ найти тысячи десятинъ, спеціально для нея приготовленныхъ.

Но, говорятъ, для скотоводства нужно гораздо больше земли. Какъ мы видимъ, земли и сейчасъ немало въ Энтреріосѣ у евреевъ. Земля ежегодно прикупается. Но пусть нужно земли еще вдвое, втрое, вчетверо больше. Не выгоды ли купить много земли и пасти на ней скотъ, чѣмъ держать на своей шеѣ 5.000 душъ человѣкъ, изнывающихъ отъ постоянныхъ неудачъ, разочарованій и безмысленнаго труда?

Тогда вамъ начинаютъ высчитывать, какъ скотоводство даетъ мало, и какъ земледѣліе, при одномъ только урожаѣ, можетъ дать много. На первый взглядъ всѣ эти высчитыванія кажутся очень логичными, но въ 1893 году былъ урожай въ Энтреріосѣ и во всей Аргентинѣ, кое-кто, дѣйствительно, успѣлъ разбогатѣть, а очень многіе пострадали отъ этого урожая еще больше, чѣмъ отъ неурожая.

— Помилуйте, — говорилъ мнѣ одинъ итальянецъ, — рабочихъ рукъ у насъ нѣтъ, климатъ такой, что въ день — два, хочешь-не хочешь, убри поле. Ну, положимъ, вы убрали все, пеонамъ платили, сколько они хотѣли. Четвертной мѣшокъ стоитъ у насъ 50 копеекъ, доставка на рынокъ мнѣ обошлась песо съ куля. Ну, думаю, все равно, барыши будутъ огромные. И что же вы думаете? Мнѣ мой мѣшокъ маиса стоитъ восемь песо, а рыночная цѣна ему три песо. И хлѣбъ лежитъ, некому покупать. Навезли отовсюду столько, что дѣвать некуда. Заговорили тогда о томъ, что хлѣбъ можно продать за-границу, во Францію, въ Россію, гдѣ люди умираютъ, будто бы, съ голода. Да вѣдь отъ насъ до Франціи и до Россіи не ближній конецъ. Пока говорили, время прошло. А между тѣмъ въ городѣ нужно ѣсть, пить. Такъ и разѣхались ни съ чѣмъ. Засѣялъ я этимъ маисомъ поле. Ну, думаю, какъ будетъ такой же урожай, какъ въ прошломъ году, куда я столько зерна дѣну. Однако прилетѣла лангоста и все сожрала.

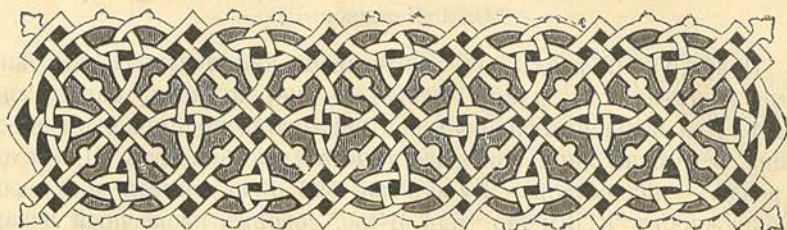
Многіе изъ колонистовъ сами догадались, что скотоводство обѣщаетъ такіе выгоды, какихъ они никогда не увидятъ съ земледѣліемъ. Но заниматься скотоводствомъ они не могутъ. Въ контрактѣ совершенно ясно сказано, что евреи должны пахать и сѣять. И евреи пашутъ и сѣютъ изъ-подъ палки, боясь администраціи, контракта, гаучо, чужой страны, возможности потерять субсидію, а пуще всего, привыкнувъ ходить на помочахъ, боятся остаться безъ няньки.

Но если положеніе евреевъ не улучшится, можно съ увѣренностью сказать, что они, наконецъ, потеряютъ терпѣніе, бросятъ землю, какъ бросила ее почти половина колонистовъ, и уйдутъ въ городъ, гдѣ займутся тѣми дѣлами, какими занимались всегда и заведутъ всевозможные гешефты и хандлунги.

И столь ретивая теперь молодежь тоже уйдетъ изъ колоній, какъ только ей надобѣтъ носить воду рѣшетомъ.

Маркъ Басанинъ.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ.

I.

Городъ Вей-ха-вей.

НАКОМСТВО мое съ Китаемъ началось съ посѣщенія маленькаго приморскаго городка, о которомъ въ то время (лѣтъ тринадцать назадъ) никто не зналъ, не вѣдалъ, которымъ и на Дальнемъ-то Востокѣ интересовались лишь нѣсколько лицъ, близко стоявшихъ къ тамошнимъ дипломатическимъ канцеляріямъ, да немногіе моряки. Имя городка, — Вей-ха-вей, — ничего еще тогда не говорило намъ, и старый сибирскій «Моржъ», получившій въ октябрѣ 1885-го года предписаніе зайти сюда по дорогѣ въ Чифу, явился, сколько я знаю, первымъ русскимъ военнымъ кораблемъ, посѣтившимъ этотъ портъ.

Раннимъ утромъ, 15-го октября 1885 года, «Моржъ» входилъ на Вей-ха-вейскій рейдъ. Былъ ясный, солнечный день, дулъ свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ, и въ сухомъ, прозрачномъ воздухѣ рѣзко рисовались остроконечныя вершины окрестныхъ горъ и глубокія борозды и морщины ихъ крутыхъ скатовъ. Скучная растительность, лишенная въ эту пору года почти всѣхъ своихъ живыхъ красокъ, придавала еще болѣе унылый видъ этимъ невеселымъ горамъ. Въ глубинѣ огромнаго залива, ближе къ западному краю его, сѣрѣла куча какихъ-то строеній; а далѣе виднѣлись очертанія стѣнъ въ видѣ правильнаго пятиугольника, острая вершина котораго упиралась въ скатъ одного изъ холмовъ. Это и былъ городъ Вей-ха

вей. Полукруглый рейдъ его, охваченный амфитеатромъ высокихъ холмовъ, имѣетъ въ длину шесть, въ ширину безъ малаго пять верстъ. Два большихъ полуострова образуютъ крайнія оконечности залива, береговая линія котораго тянется на 25 верстъ. При входѣ на рейдъ — два острова: Лиу-кун-тао, 500 футъ высоты и 8 верстъ въ окружности, и Жи-тао, или Я-тао, совсѣмъ крошечный издали. Большимъ островомъ естественно образуются два прохода; изъ нихъ восточный гораздо шире и имѣетъ въ центрѣ островокъ Жи. Бухта вообще мелководна, особенно въ восточной своей части; но близъ западнаго угла острова Лиу-кун-тао имѣется превосходное якорное мѣсто. Мы здѣсь и отдали якорь. На островѣ ютилось нѣсколько поселковъ; здѣсь же раскинулся небольшой механическій заводъ, устроенный китайскимъ правительствомъ для починокъ и исправленій своихъ военныхъ судовъ. Завѣдывалъ имъ англичанинъ Кирквудъ. Мистеръ Кирквудъ тотчасъ же нанесъ намъ визитъ и не замедлилъ сообщить рядъ весьма интересныхъ подробностей о своемъ житиѣ-бытиѣ въ этой китайской глуши, гдѣ онъ являлся единственнымъ европейцемъ «на 30 миль кругомъ» (ближайшая европейская колонія, городъ Чифу, лежитъ въ 30 миляхъ отсюда). Отъ него-то я узналъ впервые, что такое Вей-ха-вей, или, вѣрнѣе, чѣмъ долженъ быть и чѣмъ въ послѣдствіи дѣйствительно сталъ этотъ невѣдомый тогда міру уголокъ.

Вей-ха-вей лежитъ при входѣ въ Печилійскій заливъ, имѣющій громадную важность для Китая: онъ — кратчайшій путь къ столицѣ имперіи, и на Вей-ха-вей возлагается задача стать стражемъ по одну сторону воротъ этого пути; по другой сторонѣ, въ 70 миляхъ отсюда, стоитъ уже такой стражъ — портъ Артуръ; и портъ Артуръ, и Вей-ха-вей должны представить надежную защиту и опорный базисъ для китайскаго флота, оперирующаго противъ непріятеля, если бы тотъ вздумалъ высадить войска гдѣ нибудь близъ Шаньгайгуана, лежащаго тамъ, гдѣ знаменитая Великая Стѣна упирается въ Печилійскій заливъ и гдѣ, какъ говорятъ, самый удобный пунктъ для десанта арміи, идущей на Пекинъ; съ весны 1886-го года въ Вей-ха-веѣ должны были начаться работы по углубленію и очисткѣ бухты; для защиты отъ морскихъ волнъ проектированъ длинный молъ; проходы между островами и материкомъ будутъ обстрѣливаются фортами, которые выстроитъ на обоихъ островахъ, и сильными береговыми батареями; зданіе минной мастерской уже выстроено вчернѣ близъ города; сюда ожидается офицеръ англійскаго флота, минеръ, которому и будетъ поручена эта мастерская. Вотъ суть тѣхъ любопытныхъ свѣдѣній, какія сообщилъ намъ тогда мистеръ Кирквудъ.

Въ Вей-ха-веѣ «Моржъ» простоялъ нѣсколько дней, и мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы познакомиться съ городомъ и его окрестностями.

Городъ расположенъ приблизительно въ полутора верстахъ отъ песчаного и отлогого берега моря; обнесенъ онъ каменною стѣной, вышиною сажени четыре, шириною до $1\frac{1}{2}$ сажень, съ нѣсколькими воротами и башнями по угламъ. Улицы вымощены камнемъ. Дома небольшіе, одноэтажные, сложенные изъ камня или сбитые изъ глины. Кое-гдѣ попадаются лавки съ разными предметами туземнаго, домашняго обихода. Народа, очевидно, немного здѣсь: говорятъ, всего двадцать тысячъ. Появленіе наше на улицахъ заставляеть женщинъ поспѣшно прятаться въ жилище и собираеть толпы любопытныхъ ребятъ и мужчинъ. Враждебности, впрочемъ, ни въ комъ не замѣтно; напротивъ, масса настроена добродушно и весело. За нами идутъ всюду, куда мы хотимъ идти, и никто нигдѣ не останавливаетъ насъ. За городомъ тянутся поля, вѣрнѣе — огороды, окруженные канавами; между ними, въ разбросъ, одиноко стоящіе домики; деревьевъ очень мало; горизонтъ не великъ: его заслоняють вездѣ хребты возвышенностей, выступающихъ съ той рѣзкой отчетливостію, какая свойственна первозданнымъ породамъ. Неподалеку отъ западнаго угла городской стѣны стоитъ на холмѣ каменный памятникъ, на которомъ написано, что Вей-ха-вей былъ выстроенъ въ эпоху Минской династіи для защиты отъ набѣговъ японскихъ пиратовъ, составившихъ въ 16-мъ вѣкѣ ужасъ всего восточнаго побережья Китая. Островъ Ліу-кун-тао находился нѣкогда во власти этихъ морскихъ разбойниковъ и нынѣшнее свое имя получилъ отъ имени того китайскаго военначальника, который палъ во время геройскихъ усилій прогнать отсюда непрощенныхъ гостей. Верстахъ въ двухъ къ востоку отъ города, неподалеку отъ бухты, лежатъ остатки стариннаго укрѣпленія въ видѣ высокаго землянаго вала, охватывающаго квадратомъ довольно большое пространство земли. Дорогъ, въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ. Есть болѣе или менѣе широкія тропинки между полями да пересохшія русла ручьевъ. Идти тяжело и неудобно: надо постоянно смотрѣть себѣ подъ ноги, чтобы не оступиться въ рывину или не споткнуться о камень, котораго вездѣ изобиліе. Въ поляхъ копошится народъ, занятый добычаніемъ изъ земли овощей и кореньевъ. Мужчины созерцають насъ съ неописаннымъ изумленіемъ, а на прекрасную половину мѣстнаго чело-вѣчества нападаетъ настоящая паника: завидѣвъ странные костюмы европейцевъ, женщины бросаютъ всякое дѣло, сбиваются въ кучки, точно испуганное стадо, и торопливо начинаютъ уходить, странно покачиваясь изъ стороны въ сторону на своихъ маленькихъ ногахъ. Лица ихъ, съ европейской точки зрѣнія, не представляютъ, конечно, ничего особенно привлекательнаго: желтый цвѣтъ кожи, узенькіе глазки, плоскій носъ — данныя на красоту, очевидно, скорѣ отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства; но все это выкупается, особенно у молодыхъ, изяществомъ формъ и гибкостью движеній. Мы не встрѣтили ни одной рослой китаянки. Эта миниатюрность,

въ соединеніи съ тонкостью формъ и странной волнуемой походкой, дѣлала ихъ на взглядъ такими безпомощными и хрупкими созданіями, что, казалось, исключала самую мысль о возможности тяжелаго труда. А между тѣмъ работаютъ онѣ, говорятъ, хорошо. Малорослость сѣверныхъ китайнокъ зависитъ, вѣроятно, отъ распристраненной здѣсь моды уродованія ногъ,—операциі, начинающейся въ раннемъ дѣтствѣ и задерживающей не только развитіе ступни, но послѣдовательно и всей ноги. Мы пугаемъ здѣсь не только человѣческія существа: возлѣ одной деревни мы набрали какъ-то разъ на осла, смирно стоявшаго на привязи; едва онъ замѣтилъ насъ, какъ поднялъ такой дикій ревъ и всей своей фигурой обнаружилъ такой глубокий ужасъ, точно передъ нимъ явились какіе-то невѣдомые могучіе, хищные звѣри. Другой оселъ, на которомъ ѣхала китайка съ ребятами въ мѣшкахъ, перекинутыхъ черезъ сѣдло, бросился при нашемъ появленіи въ сторону, и, если бы не хозяинъ, ведшій его въ поводу, онъ, вѣроятно, разбилъ бы своихъ сѣдоконь. Даже собаки, очевидно, терялись и съ жалобнымъ визгомъ убѣгали отъ насъ въ дома. Ничто здѣсь не пропадаетъ даромъ. Бродя по полямъ и холмамъ, можно на каждомъ шагу наблюдать, какъ заботливо собирается то, на что у насъ и вниманія никто не обратилъ бы: сухіе стебли травъ, сухія вѣтки, скотскій и человѣческій пометъ,—все идетъ въ корзины, которыя таскаютъ на своихъ плечахъ ребята съ голыми ногами и непокрытой головой, снующіе всюду по тропинкамъ: лѣсовъ въ окрестностяхъ нѣтъ и хворостъ—единственный матеріалъ для топлива, а пометъ идетъ на удобреніе.

Мистеръ Кирквудъ, сдѣлавшійся завсегдатаемъ нашей каютъ-компаніи, гдѣ онъ отводилъ душу отъ окружавшей его китайщины и, вѣроятно, немножко шпионилъ за нами, указалъ намъ, между прочимъ, одинъ пунктъ на материкѣ, гдѣ будто бы водится много зайцевъ. Это—высокія, скалистыя горы въ разстояніи часа ходьбы отъ города. Въ одинъ прекрасный, теплый день мы отправились туда цѣлой компаніей. Зайцевъ, дѣйствительно, видѣли много, палили по нимъ усердно, однако ни одной заячьей души не загубили. Карабкаясь по утесамъ, мы на каждомъ шагу поражались этимъ удивительнымъ умѣньемъ китайцевъ пользоваться малѣйшимъ клочкомъ земли для обработки его подъ рисовое поле или огородъ. Упорство, настойчивость въ трудѣ здѣсь, дѣйствительно, громадны, и каждый клочекъ воздѣланной земли носить на себѣ слѣды все побѣждающей энергіи человѣка. Никакое описаніе, впрочемъ, какъ бы краснорѣчиво оно ни было, не въ состояніи передать того смѣшаннаго чувства глубокаго удивленія и уваженія, какое возникаетъ въ душѣ при видѣ этой грандіозной картины человѣческаго труда, при видѣ этого отношенія къ землѣ, проникнутаго такою любовью и заботливостью.

Съ высотъ каменистыхъ громадъ, на которыя мы, наконецъ,

взобрались, развѣтывалась предъ нами широкая панорама, гдѣ деревни, поля и купы деревьевъ чередовались другъ съ другомъ въ живописномъ разнообразіи, и на всемъ лежала печать глубокаго мира и тишины невозмутимой: вѣяло чѣмъ-то прочно сложившимся, устойчивымъ, увѣренно-спокойнымъ, какъ сама природа...

Прошло шесть лѣтъ. Судьба опять забросила меня въ Вей-ха-вей, и я не узналъ стараго знакомаго: изъ скромнаго, безвѣстнаго китайскаго мѣстечка онъ обратился въ грозную, первоклассную крѣпость, неприступную, какъ тогда казалось, ни съ суши, ни съ моря. На обоихъ полуостровахъ, окаймляющихъ рейдъ съ востока и запада, выросли 12 сильныхъ фортовъ; крошечный островокъ преобразился тоже въ фортъ. На островѣ Ліу-кунъ-тао—три форта, представляющихъ послѣднее слово инженернаго и артиллерійскаго искусства. Здѣсь же госпиталь, угольные склады, обширныя мастерскія. 57 орудій Крупна и Армстронга (отъ 12 до 28 сантим. калибра), между которыми было много скорострѣльныхъ пушекъ, составляли вооруженіе всѣхъ этихъ укрѣпленій. И на материковомъ побережьи, и на островахъ—электрическіе фонари для освѣщенія гавани и входовъ на рейдъ. Надъ сооруженіемъ грозныхъ фортовъ Вей-ха-вея много потрудился тотъ самый фонъ-Ганнекенъ, майоръ германской службы, имя котораго такъ гремѣло недавно на Дальнемъ Востокѣ.

Твердыни Вей-ха-вея и укрѣпленія Портъ-Артура должны были охранять Печилійскій заливъ главнымъ образомъ отъ насъ. Никому и въ голову тогда не приходило, что срокъ для испытанія ихъ мощи такъ близокъ, что пробовать эту мощь прійдется другимъ, и что мы очутимся такъ скоро въ роли сперва защитника, а потомъ союзника того самаго Китая, котораго на всѣ лады вооружали противъ насъ: Англія—открыто, Германія—исподтишка. Одни только японцы, въ глубокой тайнѣ отъ остальнаго міра, дѣлали обширныя приготовленія къ давно задуманной войнѣ съ Китаемъ, и черезъ своихъ шпионовъ, которыми являлись переодѣтые офицеры ихъ генеральнаго штаба, изучали всѣ дорожки и пути въ Корей, Манчуріи, Ліаотунѣ и Шантунѣ, всѣ подступы къ Портъ-Артуру и Вей-ха-вею. 5-го (17-го) февраля 1895 года, Вей-ха-вей, какъ извѣстно, былъ взятъ японцами. Нѣкоторыя подробности паденія этой твердыни такъ характерны, а обстоятельства гибели здѣсь для Китая всего его флота полны такого глубокаго трагизма, что я позволю себѣ привести наиболѣе выдающіеся моменты этой драмы, явившейся, несомнѣнно, самымъ интереснымъ эпизодомъ послѣдней войны, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати о Вей-ха-веѣ не было почти ни слова.

Послѣ битвы при устьѣ рѣки Ялу, 5 сентября 1894-го года, стоившей Китаю четырехъ кораблей, адмиралъ Тингъ съ остальною эскадрой ушелъ подъ защиту фортовъ Вей-ха-вея, гдѣ и устроилъ самъ себѣ блокаду на все остальное время военныхъ дѣйствій.

Японцы перевозили войска въ Корею, Манчжурію, на Шантунскій полуостровъ, не тревожимые рѣшительно никѣмъ. Тингъ засѣлъ въ Вей-ха-вей и рѣшилъ, что отсюда онъ не двинется ни на шагъ, будь что будетъ, — все равно. Бѣдный старый китайскій адмиралъ слишкомъ хорошо зналъ духъ своей эскадры послѣ страшнаго урока при Ялу, чтобы отважиться еще разъ испытать военное счастье въ морскомъ сраженіи. Онъ думалъ, что единственной его задачей теперь сохранить своей странѣ ея флотъ впредь до лучшихъ временъ, не рискуя больше ни однимъ кораблемъ, а для этой цѣли — лучше всего сидѣть смирно въ Вей-ха-вей и ждать, пока война не кончится.

Между тѣмъ японцы, укрѣпившись прочно на Лиаотунскомъ полуостровѣ и будучи задержаны въ Манчжуріи суровою зимою, рѣшили покончить съ Вей-ха-веемъ и попытаться взять вмѣстѣ съ послѣдней приморской крѣпостью сѣвернаго Китая и флотъ его, здѣсь укрывшійся. Этотъ флотъ былъ все еще достаточно грозенъ, и японцы не могли чувствовать себя свободно въ китайскихъ водахъ, пока онъ не взятъ, или не уничтоженъ. Только тогда они являлись бы полными господами на морѣ.

Крайне интересна и поучительна быстрота, съ какою были закончены всѣ приготовленія къ новой кампаніи. 10-го января 1895 года (по новому стилю), въ японскомъ портовомъ городѣ Ужина началась посадка на транспортныя суда войскъ, предназначенныхъ для похода на Вей-ха-вей; черезъ недѣлю всѣ эти войска (въ составѣ одной дивизіи и одной бригады) были въ Талиенванѣ. 19-го января, первый отрядъ транспортовъ, подъ конвоемъ 20-ти военныхъ кораблей, уже шелъ къ берегамъ Шантунскаго полуострова; три дня спустя, на 38 транспортахъ, пошли къ мѣсту высадки остальные части десанта, и 26-го армія въ полномъ составѣ уже двигалась двумя колоннами по двумъ дорогамъ въ Вей-ха-вей. 18.000 солдатъ и 10.000 военныхъ кули представляли численность этой арміи¹⁾.

Въ то время, какъ часть японскихъ военныхъ кораблей конвоировала свои транспорты, другая наблюдала за Вей-ха-веемъ съ моря; остальные корабли крейсировали близъ пункта высадки, которымъ оказался Люнгушай, или Люн-чу-тао, — на крайней юго-восточной оконечности Шантунскаго полуострова. Этотъ выборъ былъ въ высшей степени удаченъ: закрытая отъ господствующихъ здѣсь зимою сѣверо-западныхъ вѣтровъ, бухта Люн-чу-тао являлась превосходнымъ якорнымъ мѣстомъ: глубина позволяла транспортамъ останавливаться въ какихъ нибудь 200 саженьяхъ отъ берега; а самый этотъ берегъ, отлогій и песчаный, представлялъ обширную площадь, гдѣ различныя части десанта имѣли достаточно мѣста развернуться. Высадка арміи не стоила ей ни одного человѣка.

¹⁾ Отъ Ужины до Талиенвана около 1.200 верстъ моремъ, конечно; отъ Талиенвана до мѣста высадки 200 верстъ.

Планъ японскаго главнокомандующаго, какъ выяснилось впоследствии, состоялъ въ слѣдующемъ:

Оборона Вей-ха-вея дѣлилась на три участка: первый изъ нихъ образовывалъ восточный полуостровъ — Онсенто; вторымъ являлся западный полуостровъ, или собственно Вей-ха-вей; третьимъ — острова Лиу-кун-тао и Жи-тао; флотъ адмирала Тинга составлялъ могучую поддержку крѣпостнымъ фортамъ и самъ укрывался подъ ихъ защитѣю. Японцы поэтому рѣшили, что прежде всего необходимо взять восточный полуостровъ, занятіе котораго отдалъ имъ одну изъ оконечностей большаго фарватера; затѣмъ въ ихъ руки долженъ перейти западный полуостровъ, обойденный также съ тыла. Тогда эскадра адмирала Тинга, подвергнутая сосредоточенному огню фортовъ, занятыхъ японцами на сушѣ, принуждена будетъ или сдаться, или искать спасенія въ бѣгствѣ. Во избѣжаніе возможности успѣха подобной попытки, флотъ адмирала Ито долженъ все время наблюдать за выходами съ рейда, днемъ крейсируя въ виду крѣпости, на ночь уступая мѣсто миноносцамъ. Якорной стоянкой для него была выбрана одна изъ ближайшихъ бухтъ — Инзанко.

Отъ Люн-чу-тао до Вей-ха-вея сухимъ путемъ около 75 верстъ. 29-го января, передовой отрядъ правой колонны японской арміи пришелъ уже на видъ восточныхъ фортовъ крѣпости. 30-го, безумнодерзкая атака генерала Одера отдала въ руки японцевъ полуостровъ Онсенто, замыкающій рейдъ Вей-ха-вея съ востока, и орудія китайскихъ фортовъ этого полуострова направились теперь на самихъ же китайцевъ: на укрѣпленія острова Лиу-кун-тао и на корабли китайской эскадры. Послѣдняя состояла изъ двухъ большихъ броненосцевъ, въ 7.000 тоннъ каждый, пяти хорошихъ крейсеровъ, шести канонерскихъ лодокъ и 15 миноносцевъ и миноносекъ. Съ такими силами китайцы могли еще обороняться; но о прорывѣ блокады, объ уходѣ въ открытое море думать было поздно, да адмиралъ Тингъ и не думалъ объ этомъ.

Интересный фактъ, между прочимъ: еще 25-го января въ Вей-ха-вей явился британскій военный корабль «Severn» съ письмомъ къ Тингу отъ японскаго адмирала Ито. Приводимъ это въ высшей степени характерное письмо цѣликомъ:

«Превратности времени, — писалъ Ито, — сдѣлали насъ врагами. Это — несчастье. Но, вѣдь, въ войнѣ находятся только наши страны; отдѣльныя личности не должны питать другъ къ другу вражды. Дружба, существовавшая раньше между вами и мною, также горяча теперь, какъ и прежде. Не думайте, что я пишу это письмо, руководствуясь только побужденіемъ убѣдить васъ сдаться. Главныя дѣйствующія лица въ великихъ событіяхъ часто заблуждаются; постороннимъ зрителямъ истина виднѣе. Вмѣсто спокойнаго обсужденія, какой путь лучше всего соотвѣтствуетъ интересамъ его страны и его собственнымъ, человѣкъ иногда позволяетъ себѣ быть увле-

ченнимъ дѣломъ, въ которомъ онъ принимаетъ активное участіе и усвоиваетъ себѣ ложный взглядъ на него. Не долгъ ли его друзей тогда обратиться къ нему съ совѣтомъ и повернуть его мысли на вѣрный путь? Пишу вамъ, руководимый мотивами истинной дружбы, и прошу васъ должнымъ образомъ оцѣнить ихъ. Откуда берутъ начало тѣ повторныя несчастія, которыя постигли китайское оружіе? Я думаю, не трудно найти истинную причину ихъ, если только искать спокойно и разумно. Ваша проницательность несомнѣнно уже открыла вамъ ее. Не ошибкой одного человѣка Китай доведенъ до своего теперешняго положенія; позоръ лежитъ на всемъ правительствѣ этой страны. Она выбираетъ своихъ слугъ путемъ конкурсныхъ экзаменовъ, и литературныя достоинства сочиненій являются единственнымъ мѣриломъ годности кандидатовъ. Въ результатѣ всѣ чиновники страны, все ея правительство—ученые литераторы, и древняя литература почитается превыше всего. Въ этомъ отношеніи все осталось такимъ, какъ было тысячу лѣтъ тому назадъ. Отсюда не слѣдуетъ, что эта система—непремѣнно дурная система, и что она должна неизбѣжно порождать дурное правительство. Но страна никогда не можетъ сохранить свою независимость при помощи такихъ средствъ. Вамъ хорошо извѣстно, съ какими смутами пришлось бороться Японіи 30 лѣтъ назадъ, какія опасности ей нужно было преодолѣть. Своей нынѣшней сохранностью и цѣлостью она обязана вполне тому, что отбросила тогда прочь старину и примкнула къ новизнѣ. И ваша страна должна теперь пойти по тому же пути. Если вы послѣдуете имъ, вы спасены, если отвергнете новый путь,—вамъ не избѣжать гибели. Давно было предопредѣлено, что въ войнѣ съ Японіей вы узрите то, что теперь предъ вашими глазами. Можетъ ли быть долгомъ вѣрноподданныхъ имперіи, людей, дѣйствительно заботящихся о ея благѣ, плыть вмѣстѣ съ теченіемъ, проносящимся нынѣ надъ страной по велѣніямъ древней судьбы, не дѣлая усилий остановить его. Государство съ исторіей, насчитывающей тысячи лѣтъ, и съ территоріей, обнимающей десятки тысячъ миль, древнѣйшая имперія въ свѣтѣ, развѣ можетъ она легко совершить дѣло возрожденія путемъ замѣны старыхъ основъ новыми, прочными основаніями. Одинъ столбъ не въ силахъ удержать все великое зданіе отъ паденія. Развѣ въ такомъ случаѣ существуетъ выборъ между невозможнымъ и невыгоднымъ? Сдать флотъ врагу, сдать ему всю армію это—пустяки въ сравненіи съ судьбами страны. Всей славой, какою японскій солдатъ пользуется въ глазахъ всего свѣта, клянусь вамъ, что я считаю самымъ мудрымъ шагомъ съ вашей стороны пріѣздъ теперь въ Японію, гдѣ вы сможете ждать, пока судьбы вашей страны не измѣнятся, и пока не прійдетъ время, когда ваши услуги снова понадобятся ей. Послушайте этихъ словъ вашего вѣрнаго друга. Нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что лѣтописи исторіи содержатъ немало именъ людей, сумѣвшихъ потомъ снять съ себя

подобное пятно и живших для выполнения великихъ дѣлъ. Макъ-Магонъ, сдавшійся въ плѣнъ непріятелю, вернулся спустя нѣкоторое время въ свою страну, принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ реформахъ, и французы не только забыли его позоръ, но и возвели на постъ президента. Османъ-паша потерялъ Плевну, былъ взятъ въ плѣнъ и, вернувшись потомъ въ Турцію, достигъ званія военнаго министра и приобрѣлъ большую славу своими военными реформами. Если вы явитесь въ Японію, я могу завѣрить, что вы встрѣтите хорошее обращеніе и милость императора. Его величество не только простилъ своихъ собственныхъ подданныхъ, которые поднимали противъ него знамя возстанія, но вознаградилъ ихъ таланты, возвысивши ихъ до постовъ лицъ, облеченныхъ его высокими довѣріемъ, какъ это было, напримѣръ, въ случаѣ адмирала Еномото, нынѣ члена кабинета, и Отори Кейсукэ, нынѣ члена государственнаго совѣта. Такихъ примѣровъ много. Тамъ, гдѣ извѣстные люди не являются подданными его величества, его великодушное обращеніе выразится, конечно, еще болѣе рѣзко. Вамъ предстоитъ теперь рѣшить великій вопросъ: свяжете ли вы свой жребій съ страной, которую вы видите гибнущею, и будете нести на себѣ всѣ послѣдствія, неизбежныя при теперешней системѣ управленія, или же вы сохраните ваши силы и осуществите потомъ другіе планы? Воины вашей страны вообще привыкли употреблять надменный и грубый языкъ, обращаясь къ своимъ врагамъ. Я пишу вамъ изъ побужденій истинной дружбы и прошу васъ вѣрить моей искренности».

Курьезное письмо своего «друга» адмиралъ Тингъ оставилъ безъ отвѣта.

30-го января, какъ мы сказали, японцы овладѣли полуостровомъ Онсенто; форты его доставили имъ тѣ пушки, въ которыхъ они такъ нуждались здѣсь, за неимѣніемъ при арміи осаднаго парка (положеніе окрестныхъ дорогъ таково, что перевозка большихъ орудій заняла бы слишкомъ много времени): на Онсенто они нашли 12 вполне исправныхъ круповскихъ орудій, которыми, конечно, тотчасъ же и воспользовались.

Въ ночь на 31-е, разразился жестокий снѣжный штормъ, при сильномъ морозѣ, продолжавшійся весь слѣдующій день и ночь. Японцы принуждены были приостановить свои операціи. Адмиралъ Тингъ воспользовался этой передышкой и, зная по опыту ненадежность крѣпостнаго гарнизона, высадился 1-го февраля съ отрядомъ своихъ моряковъ на берегъ и разрушилъ всѣ орудія западныхъ фортовъ. Если бы онъ не сдѣлалъ этого, японцы, овладѣвши ими, могли бы обстрѣливать китайскій флотъ и островъ Ліу-Кун-тао съ гораздо болѣе близкаго разстоянія, и сдача китайцевъ сдѣлалась бы неизбежною. Тингъ уничтожилъ также всѣ джонки и китайскія шлюпки въ гавани.

2-го февраля японцы вступили въ г. Вей-ха-вей; а на слѣдующій день были взяты форты сѣверо-западнаго берега бухты.

Положеніе воюющихъ сторонъ было теперь въ высшей степени оригинальное. Японцы кольцомъ охватили китайцевъ: въ морѣ сильный флотъ адмирала Ито сторожилъ всѣ выходы, а берегъ былъ занятъ японской арміей. У Тинга оставались только его корабли, островные форты, минныя загражденія и боны, защищавшіе входы на рейдъ. Эти боны сдѣланы были изъ крѣпкихъ дубовыхъ досокъ и толстыхъ стальныхъ канатовъ, укрѣпленныхъ цѣпами и якорями между островами съ одной стороны и материкомъ съ другой; они предназначались для огражденія эскадры отъ нападеній японскихъ миноносцевъ и являлись, дѣйствительно, весьма надежной преградой. Островъ Ліу-Кун-тао, почти перпендикулярно подымавшійся на своей сторонѣ, обращенной къ морю, дѣлалъ высадку совершенно невозможной. Форты его были слишкомъ сильны и слишкомъ хорошо защищены, чтобы японскій флотъ могъ заставить ихъ замолчать, тѣмъ болѣе, что японцы не имѣли тогда ни одного броненосца, который могъ бы попытаться на такой рискъ; форты Онсенто находились слишкомъ далеко, чтобы нанести какое либо серьезное поврежденіе Ліу-Кун-тао и флоту, который онъ прикрывалъ. Суда же самага флота, обильно снабженные всѣми запасами и хорошо вооруженныя, могли еще долго защищаться. Такимъ образомъ даже въ этомъ критическомъ положеніи Тингъ имѣлъ надежду продержаться до тѣхъ поръ, пока не подоспѣтъ помощь съ суши или не прійдетъ желанный миръ.

До сихъ поръ первенствующую роль въ дѣлѣ паденія Вей-ха-вея играла сухопутная армія; теперь на сцену выступаетъ японскій флотъ въ лицѣ тѣхъ маленькихъ своихъ представителей, какіе зовутся миноносцами и миноносками. Попытки японскихъ минныхъ отрядовъ прорваться на Вей-ха-вейскій рейдъ были сдѣланы уже 30-го января, но кончились тогда ничѣмъ. Снѣжная буря двухъ послѣдующихъ дней задержала дальнѣйшія дѣйствія ихъ въ этомъ направленіи. Наконецъ, японцамъ удалось расширить тотъ промежутокъ, который отдѣлялъ крайній восточный конецъ бона отъ соедѣнныхъ скалъ. Пока часть минеровъ работала надъ брешью въ бонѣ, другая успѣла выловить китайскія мины, составлявшія здѣсь линію миннаго загражденія рейда, и въ ночь на 4-е февраля два минныхъ отряда, въ количествѣ 10 судовъ, прошли черезъ узкую брешь на самый рейдъ. Однако, только четыремъ изъ нихъ удалось выпустить 8 минъ по непріятельскимъ судамъ. Результатомъ этого ночного дѣла была гибель одного изъ двухъ самыхъ большихъ китайскихъ броненосцевъ — Тин-юэна; броненосецъ, получивъ три пробоины отъ удара японскихъ минъ, затонулъ черезъ нѣсколько часовъ.

5-го февраля, рѣшено было повторить ночную атаку миноносцами. Въ дѣло на этотъ разъ долженъ былъ пойти третій минный

отрядъ изъ пяти судовъ. Начальникъ маленькой флотилии распорядился, между прочимъ, передъ атакой отправить на одинъ изъ остающихся кораблей всѣ карты, приказы, вахтенные журналы и сигнальныя книжки изъ опасенія, чтобы какой нибудь изъ этихъ документовъ не попалъ въ руки непріятеля. Въ атаку пошли только три миноносца. Они выпустили семь минъ, которыми и были потоплены два китайскихъ крейсера и одна канонерская лодка.

Гибель четырехъ военныхъ кораблей должна была произвести, конечно, самое удручающее впечатлѣніе на команды остальныхъ судовъ китайской эскадры и на обывателей острова Ліу-Кун-тао. Жители этого острова, собравшись у пристаней, громко вопили къ властямъ, моля ихъ о спасеніи. Дѣйствительно, сопротивление теперь являлось бесполезнымъ. Впечатлѣнія послѣднихъ дней осады были таковы, что могли надорвать нервы самыхъ крѣпкихъ войскъ. Мачты потонувшихъ кораблей являлись грознымъ memento mori для командъ остававшихся еще цѣлыми китайскихъ военныхъ судовъ, постоянно напоминая людямъ, что такая же участь можетъ постигнуть и ихъ каждую ночь. Одно ожиданіе подобной катастрофы должно было дѣйствовать сильнѣе самихъ атакъ. Въ фортахъ Ліу-кун-тао убитые и раненные ежедневно насчитывались цѣлыми сотнями. Тутъ же на островѣ толпилась масса беззащитныхъ жителей, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, о которыхъ никто не заботился и которымъ предоставлена была полная свобода умирать отъ голода, ранъ и болѣзней. Всѣ эти ужасы совершались на маленькомъ клочкѣ земли, отрѣзанномъ отъ остальнаго міра волнами залива, что еще болѣе отгѣняло безнадежность положенія его обитателей.

7-го февраля японцы взорвали фортъ маленькаго островка Джи-тао. Во время оживленной перестрѣлки между непріятельскими фортами и судами, часть китайской эскадры, въ составѣ 11 миноносцевъ и двухъ авизо, пользуясь пороховымъ дымомъ, застилавшимъ рейдъ и его окрестности, бросилась черезъ западный проходъ, намѣреваясь скрыться въ Чифу. Одни говорятъ, будто бы это было сдѣлано по приказу адмирала Тинга; другіе увѣряютъ, что командиры бѣглыхъ судовъ на свой страхъ и рискъ рѣшились на такой поступокъ. Нѣсколько японскихъ быстроходныхъ крейсеровъ пустились въ погоню за бѣглецами и всѣхъ ихъ переловили.

Наступила еще одна томительно-страшная ночь. Гарнизонъ Ліу-Кун-тао обратился къ своимъ начальникамъ съ мольбой о спасеніи. Адмиралъ Тингъ и генералъ Чангъ успокоили ихъ, какъ могли.

На слѣдующій день, во время перестрѣлки, одинъ изъ японскихъ снарядовъ разорвался на китайскомъ броненосцѣ Чин-юэнь, убивши и ранивши 40 матросовъ. Команда корабля обратилась къ адмиралу Тингу, моля его прекратить борьбу. Адмиралъ отвѣтилъ, что долѣе матросовъ и солдатъ биться до конца, прибавивъ, однако, что если онъ не получитъ подкрѣпленій до 11-го февраля, то онъ приметъ

мѣры къ ихъ спасенію. Эти повторныя просьбы командъ китайскихъ судовъ и сухопутнаго гарнизона крайне характерны: ни въ какой другой арміи онѣ совершенно немыслимы. Японцы между тѣмъ продолжали по ночамъ свою работу разрушенія бона. Визгъ перепиливаемыхъ цѣпей и стальныхъ канатовъ громко раздавался въ ночной тишинѣ, далеко разносясь по рейду, отчетливо доходя до слуха осажденныхъ.

Къ 9-му февраля, около 200 сажень бона были уничтожены, и 9-го японцы начали усиленную пальбу съ моря и съ суши; они громили теперь китайцевъ и съ фортовъ западнаго полуострова, гдѣ имъ удалось поставить мортирные баттарен. Броненосецъ Чин-юэнъ, снявшись съ якоря, пошелъ къ одному изъ этихъ фортовъ, чтобы заставить его замолчать. Но два снаряда изъ 28 сантим. орудій, пущенные японцами, попали въ броненосецъ близъ его ватеръ-линіи такъ удачно, что онъ тотчасъ же пошелъ ко дну.

Артиллерійскій бой продолжался весь слѣдующій день.

Въ ночь на 11-е февраля, Тингъ получилъ телеграмму отъ Лихун-чана, гдѣ вице-король извѣщалъ адмирала, что подкрѣпленія не могутъ быть ему посланы, и совѣтовалъ уйти съ флотомъ въ какойнибудь другой портъ. Солдаты, матросы и жители Ліу-кун-тао молили о сдачѣ, говоря, что назначенный срокъ прошелъ, а подкрѣпленія не прибыли. Тингъ рѣшилъ сдаться. 12-го, вѣстовое китайское судно, подъ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ, повезло къ адмиралу Ито слѣдующее письмо отъ адмирала Тинга: «получивъ ваше первое письмо, я не отвѣчалъ на него тогда, потому что наши страны находились въ войнѣ. Теперь, послѣ рѣшительнаго сопротивленія, когда мои суда потоплены и люди истреблены, я рѣшилъ оставить борьбу и просить о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій, чтобы спасти жизнь остальныхъ моихъ подчиненныхъ. Я сдамъ Японіи военные корабли, нынѣ находящіеся на рейдѣ Вей-хавей, вмѣстѣ съ фортами острова Ліу-кун-тао и военными запасами, на одномъ только условіи: чтобы жизнь всѣхъ лицъ моей арміи и флота, какъ китайцевъ, такъ и иностранцевъ, была пощажена, и чтобы имъ позволено было разойтись по домамъ. Если на это будетъ выражено согласіе, пусть главнокомандующій британскими морскими силами въ здѣшнихъ водахъ явится посредникомъ и поручителемъ въ данномъ дѣлѣ».

Въ тотъ же день адмиралъ Ито отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ.

«Я готовъ завтра принять корабли, форты и военные матеріалы, которыми вы нынѣ владѣете.... Смѣю думать, что для вашей собственной безопасности и въ интересахъ вашей страны лучше будетъ вамъ отправиться теперь въ Японію и оставаться тамъ, пока война не кончится. Если вы рѣшитесь на этотъ шагъ, я даю вамъ самое торжественное увѣреніе, что вы встрѣтите пріемъ полный уваженія и будете состоять подъ особымъ покровительствомъ. Но

если вы предпочтете остаться въ своей странѣ, ваше желаніе будетъ исполнено. Относительно того, чтобы британскій адмиралъ явился поручителемъ и посредникомъ въ улаженіи подробностей настоящаго дѣла, я считаю совершенно излишней такую предосторожность: я вполне полагаюсь на ваши увѣренія, какъ офицера».

Въ второмъ и послѣднемъ своемъ письмѣ адмиралъ Тингъ, поблагодаривъ адмирала Ито за дарованіе жизни и свободы его подчиненнымъ, просилъ только отложить сдачу острова Ліу-кун-тао и кораблей до 16-го февраля. Затѣмъ старый Тингъ послалъ телеграмму Ли-Хун-Чану, заперся въ своей каютѣ и отравился опиумъ. Его примѣру послѣдовали: командиръ броненосца Тин-Юэнь и начальникъ сухопутныхъ войскъ гарнизона Ліу-Ку-Тао генералъ Чангъ.

Смерть этихъ китайскихъ военачальниковъ поставила въ большое затрудненіе японцевъ, не знавшихъ, съ кѣмъ теперь продолжать переговоры о сдачѣ. Наконецъ, было рѣшено, что губернаторъ города Вей-ха-вея, какъ высшее должностное лицо въ данный моментъ, долженъ явиться главно-уполномоченнымъ съ китайской стороны. Съ этимъ губернаторомъ и заключенъ окончательный договоръ о сдачѣ фортовъ, судовъ, военныхъ матеріаловъ и объ отправкѣ на всѣ четыре стороны китайскихъ солдатъ и матросовъ. Въ руки японцевъ перешли слѣдующіе военные корабли: одинъ большой броненосецъ, три крейсера, 6 канонерскихъ лодокъ, 7 миноносцевъ, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми затонувшими судами, въ послѣдствіи ими поднятыми и исправленными, составляло военную добычу стоимостью въ 30 милліоновъ рублей.

Для отправки тѣлъ адмирала Тинга и командира броненосца Тин-Юэнь было назначено одно изъ небольшихъ китайскихъ военныхъ судовъ, которое японцы отпустили по этому случаю изъ плѣна.

На немъ же отплыли въ Чифу иностранцы, служившіе на китайскихъ военныхъ судахъ, всего 10 человекъ; между ними оказался одинъ вице-адмиралъ Мак-Клоръ, одинъ докторъ Киркъ, остальные были инженеры-механики флота. Всѣхъ иностранцевъ отпустили на честное слово, что они не будутъ больше принимать участія въ войнѣ Китая противъ Японіи.

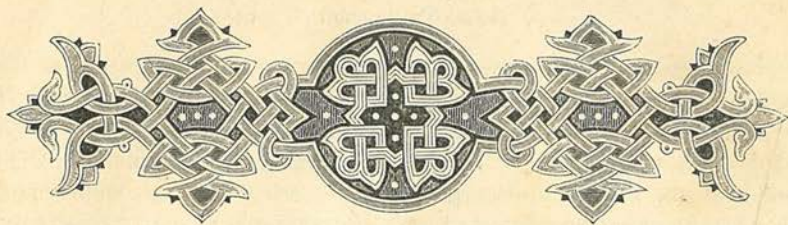
Когда военное китайское судно съ останками Тинга выходило изъ Вей-ха-вея, всѣ японскіе военные корабли приспустили свои флаги и салютовали изъ орудій тѣлу покойнаго адмирала установленнымъ числомъ выстрѣловъ.

Китайскіе солдаты, частные жители, женщины и дѣти были немедленно перевезены съ Ліу-кун-тао на материкъ. Японцы затѣмъ разрушили всѣ форты на материкѣ, снявъ съ нихъ все, что только было годно по части артиллеріи и военныхъ запасовъ. Сильный японскій гарнизонъ занялъ островъ Ліу-кун-тао, а остальныя войска были перевезены обратно въ Талиенванъ.

Японцы, какъ извѣстно, до сихъ поръ держать въ своихъ рукахъ Вей-ха-вей и будутъ держать впредь до уплаты Китаемъ полностью всей суммы военной контрибуціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, было обусловлено Симоносексимъ договоромъ. Но теперь, въ виду занятія Германіей Кіао-чау, Россіей Портъ-Артура и Талиенвана, — трудно сказать, что станетъ съ Вей-ха-веемъ. Говорятъ, будто бы Японія и не думаетъ возвращать его Китаю; говорятъ, будто Англія займетъ его. Кто знаетъ? Дальній Востокъ полонъ теперь грозныхъ неожиданностей!

В. Черевковъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ ХVІІІ СТОЛѢТІЯ ВЪ АНГЛІИ.

РУССКАЯ дипломатія долго оставалась невѣдомой, недоступной областью для историковъ, и только въ послѣдніе годы стали появляться драгоцѣнные матеріалы для ея изученія: сборники архивныхъ документовъ, біографіи дипломатическихъ дѣятелей и ихъ письма, наконецъ, воспоминанія современниковъ о международныхъ сношеніяхъ петербургскаго кабинета. Среди этихъ международныхъ сношеній, быть можетъ, наиболѣе интересныя и важныя по результатамъ были съ Англіей; они, какъ

извѣстно, начались съ половины ХVІ столѣтія, именно, съ отправки въ 1556 г. первого посла въ Лондонъ, Осипа Григорьевича Непея, но до Петра Великаго имѣли характеръ случайный, такъ какъ чрезвычайныя посольства отправлялись въ необходимыхъ случаяхъ и, по окончаніи возложеннаго на представителей Россіи порученія, они возвращались на родину. Только Петръ назначилъ Андрея Артамоновича Матвѣева первымъ постояннымъ посломъ при англійскомъ дворѣ въ 1707 году; поэтому черезъ девять лѣтъ наступитъ двухвѣковой юбилей правильныхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей. Хотя нѣтъ еще полной общей исторіи двухсотлѣтней русской дипломатической дѣятельности въ Англіи, но недавно вышла обширная монографія В. Н. Александренко «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ ХVІІІ вѣкѣ», а относительно ХІХ вѣка, можно почерпнуть основательныя свѣдѣнія изъ ХІ тома «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», издаваемого Ф. Мартенсомъ, который связываетъ текстъ трактатовъ мастерскими историческими очерками,

основанными на неизданныхъ архивныхъ данныхъ, изъ его же статей объ отношеніяхъ между Россіей и Англіей при Николаѣ I, напечатанныхъ въ «Космополисѣ» за прошедшій годъ и въ «Вѣстникѣ Европы», за 1896 и 1898 г., а также изъ переписки гр. К. В. Несельроде съ кн. М. С. Воронцовымъ, помѣщенной въ сороковомъ томѣ «Архива кн. Воронцова», и къ которой приложены депеши русскаго посла въ Лондонѣ, барона Брунова. Такимъ образомъ, съ помощью этихъ почтенныхъ трудовъ, легко составить себѣ ясное понятіе о представителяхъ Россіи въ Лондонѣ отъ Петра Великаго до Николая I, объ ихъ разнообразной дѣятельности, ихъ отношеніяхъ къ англійскимъ государственнымъ людямъ, ихъ роли въ англійской общественной жизни и вліяніи Англіи на нихъ, а потому мы и постараемся набросать картинку того, чѣмъ были и что дѣлали въ Лондонѣ русскіе дипломаты, но теперь ограничимся XVIII вѣкомъ, такъ какъ главные матеріалы объ эпохѣ Николая I еще вполне не напечатаны, именно, «Сборникъ трактатовъ» профессора Мартенса остановился на 1831 г., и обширная статья того же Мартенса «Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I», начатая печатаніемъ съ январьской книжки «Вѣстника Европы» за настоящій годъ, еще не окончена. Что же касается, перваго столѣтія дѣятельности въ Лондонѣ русскихъ дипломатовъ, то, кромѣ книги профессора В. Н. Александренко, существуетъ немало другихъ цѣнныхъ матеріаловъ, преимущественно въ реляціяхъ кн. А. Д. Кантемира, изданныхъ тѣмъ же В. Н. Александренко, въ архивахъ кн. Куракина и кн. Воронцова, въ X т. «Собранія трактатовъ» Мартенса и въ различныхъ томахъ «Сборника» имп. русс. ист. общества, а потому очеркъ этой дѣятельности можетъ отличаться бѣльшей полнотой и живостью.

Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о трудѣ В. Н. Александренко ¹⁾, которымъ наиболѣе всего руководствовался составитель этого очерка. Занимая кафедру въ Варшавскомъ университетѣ и уже десять лѣтъ знакомя публику съ своими работами по изученію вопросовъ, касающихся русской дипломатіи и англійской администраціи, профессоръ Александренко какъ нельзя болѣе компетентенъ для составленія обстоятельной монографіи о русскихъ дипломатахъ въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. Предыдущія его сочиненія, съ одной стороны: «Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона», которыя будутъ состоять изъ трехъ томовъ, хотя вышелъ еще только одинъ, «Русская посольская церковь въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ», брошюра, вошедшая цѣликомъ въ новую его книгу «Къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», также брошюра по случаю недавняго юбилея знаменитаго дипломата и сатирика, съ перечнемъ

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII столѣтіи», В. Н. Александренко. Варшава. 1897. 2 тома.

трехсотъ книгъ его бібліотеки, два письма изъ Лондона, помѣщенныя въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1889 г., о найденной имъ въ англійскихъ архивахъ перепискѣ кн. А. Кантемира и небольшой брошюрѣ «Изъ переписки княгини Ливенъ съ графомъ Греемъ», а съ другой: «Англійскій тайный совѣтъ и его исторія», въ 2 томахъ, «Новая реформа мѣстнаго управленія въ Англіи» и «О правахъ и преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ», — вполнѣ подготавливали почву для настоящаго труда. Поставивъ себѣ теперь дѣлюю представить полную картину дѣятельности русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи и освѣтитъ ее теоретическимъ обсужденіемъ всѣхъ вопросовъ посольскаго права, [почти у насъ не разработаннаго, авторъ старательно изучилъ подлинныя документы по избранному имъ предмету въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ лондонскомъ государственномъ архивѣ, въ рукописномъ отдѣленіи Британскаго музея въ Лондонѣ, въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ архивѣ Бастиліи въ Парижѣ, въ с.-петербургскомъ государственномъ архивѣ и въ архивѣ таможеннаго департамента, бывшей комерцъ-коллегіи, уже не говоря о печатныхъ матеріалахъ. Въ результатѣ получилось основательное и добросовѣстное изслѣдованіе въ двухъ томахъ. Первый изъ нихъ посвященъ исторіи русскихъ посольствъ въ Англіи съ Петра Великаго до Александра I, причемъ изложенъ въ первыхъ четырехъ главахъ общій очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей въ прошедшемъ вѣкѣ, съ характеристикой всѣхъ ея дипломатическихъ агентовъ въ Лондонѣ, а въ остальныхъ главахъ рассмотрѣны съ теоретической и исторической точки зрѣнія всѣ разнообразные вопросы дипломатической службы: назначеніе дипломатическихъ агентовъ, ихъ прибытіе на мѣсто, права ихъ и преимущества, функціи ихъ дѣятельности, порядокъ ихъ сношеній, лица и учрежденія, имъ подчиненныя, и высшіе органы международныхъ сношеній. Во второмъ томѣ помѣщены матеріалы: выписки изъ статейныхъ списковъ, рескрипты, инструкціи, реляціи, депеши и письма, относящіеся до различныхъ посольствъ и расположенныя хронологически. Заключеніемъ почтеннаго и въ высшей степени полезнаго труда профессора Александренко служатъ выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ послѣдней главѣ перваго тома. По его словамъ, «дипломатическія сношенія Россіи съ Англіей, сдѣлавшись постоянными и правильно-организованными въ XVIII вѣкѣ, приобрѣли важное значеніе вслѣдствіе первенствующаго положенія Англіи на морѣ, ея культурно-политическаго вліянія и обширныхъ торговыхъ связей съ Россіей. Въ области этихъ сношеній зарождаются идеи (вооруженный нейтралитетъ), имѣющія міровое значеніе, и назрѣвали вопросы (восточный и среднеазиатскій), разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ будущему, и изученіе

которыхъ на долгое время сохранить свой интересъ. Функции политическія постоянно являются важнѣйшими у русскихъ дипломатическихъ агентовъ, а задачи мирнаго характера играютъ второстепенное значеніе, хоть тѣ и другія обширны». Права и преимущества этихъ агентовъ были окончательно обезпечены еще въ началѣ прошедшаго столѣтія, а если коллегія иностранныхъ дѣлъ не вполнѣ отвѣчала своей задачѣ руководить посольскими дѣлами, то при учрежденіи министерства иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе Александра I самостоятельность дипломатическихъ агентовъ уменьшилась, и самая жизнеспособность дипломатическаго представительства стала подвергаться сомнѣнію.

Конечно, для общаго читателя книга Александренко покажется слишкомъ спеціальной, сухой и скучной, но для всѣхъ интересующихся вопросами иностранной политики она не только представляетъ цѣнное пособіе, но и можетъ служить для справокъ по различнымъ дипломатическимъ вопросамъ, постоянно возникающимъ при чтеніи газетъ. Кромѣ того, въ ней встрѣчаются очень интересныя и новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ къ англійскому обществу и печати, о культурно-политическомъ вліяніи на нихъ Англіи и о положеніи русскихъ учащихся молодыхъ людей, состоявшихъ подъ покровительствомъ посольства. Этими вопросамъ и вообще всему, что имѣетъ общій интересъ въ русской дипломатической дѣятельности въ Англіи прошедшаго столѣтія, преимущественно посвященъ настоящій очеркъ, изъ котораго старательно устранены спеціальныя вопросы политики и дипломатической техники.

I.

7-го мая 1707 года, прибылъ въ Англію первый постоянный русскій посолъ, ближній окольничій, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, котораго Петръ Великій отправилъ «въ взаимное благодареніе» за присылку чрезвычайнаго англійскаго посланника въ Петербургъ, Карла Витворта, королевой Анной. Трудно было выбрать лучшаго человѣка для начала дипломатической дѣятельности въ новой странѣ, такъ какъ Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича, былъ ранѣе посломъ въ Голландію, ѣздилъ съ секретной миссіей въ Парижъ и считался однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Д'Ибервиль писалъ Кольберу: «Я нашелъ въ этомъ посланникѣ гораздо болѣе ума, болѣе свѣдѣній объ европейскихъ дѣлахъ и болѣе обходительности, нежели сколько могъ ожидать отъ русскаго» ¹⁾. Въ Лондонѣ его встрѣ-

¹⁾ «Обозрѣніе современныхъ извѣстій о замѣчательныхъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины I», А. И. Тургенева. Журналъ министерства народного просвѣщенія, 1844 года. Т. ХLI, стр. 117—118.

тили очень хорошо и отвели ему даровую квартиру въ домѣ герцога Нортумберланда, и на десятый день послѣ его пріѣзда онъ былъ принятъ королевой въ «приватной аудіенціи, въ домѣ, называемомъ Сентджемсъ». Вотъ какъ графически описывается это представленіе въ статейномъ спискѣ Матвѣева ¹⁾. «Присланъ былъ по него, посла, церемоніймейстеръ господинъ Шевалье Катерель съ товарищемъ своимъ, съ господиномъ Энгитсомъ, и провожали его, посла, черезъ весь тотъ королевинъ домъ, гдѣ стояла гвардія и честь ему, послу, отдавала. Немного послѣ того, вышедши изъ королевина кабинета, статскій секретарь сѣверныхъ иностранныхъ дѣлъ, господинъ Гарлей, объявилъ ему, послу, что ея королевино величество готова есть

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.

его видѣть, чтобъ онъ, посолъ, шелъ, котораго онъ провожалъ, вмѣстѣ и вышеупомянутые церемонимейстеры, до кабинета, а въ кабинетъ тотъ ввелъ токмо онъ, господинъ Гарлей, а тѣ церемонимейстеры остались у дверей. Вшедши, онъ, посолъ, въ тотъ кабинетъ и увидѣвъ, что ея королевино величество стояла при своемъ ледикантѣ, или кровати, по обычаю, въ уборѣ изрядномъ, учинилъ ей обыкновенные три поклона; насупротивъ того, и ея величество, стоя на мѣстѣ своемъ, учтиво уклоняться ему изволила; при томъ онъ, посолъ, по-французски въ пристойныхъ изъясненіяхъ отправя ея величеству приличную рѣчь, вручилъ ей, королевѣ самой, его царскаго величества присланную съ нимъ, посломъ, грамоту, которую она, съ лю-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», В. Н. Александренко. Томъ II, стр. 2—3.

бовнымъ почтеніемъ сама принявъ, отдала тому вышеупомянутому статскому секретарю, и послѣ того ея величество на французскомъ языкѣ въ словахъ зѣло склонныхъ отвѣтствовала ему, послу, съ обнадеживаніемъ доброжелательной своей нынѣ и впредь съ его царскимъ величествомъ дружбы и пріятельской пересылки, и что за пересылку въ его посольской особѣ ея величеству пріятна есть. Потомъ окончивъ вышеупомянутую церемонію, онъ, посолъ, отдавъ по обыкновенному чину поклоны свои, въ пополненіе получилъ еще отъ ея величества отвѣтъ, что о наказанныхъ ему, послу, дѣлахъ прикажетъ она немедленно назначить своихъ министровъ къ выслушанію оныхъ».

Дѣйствительно, между Матвѣевымъ и Гарлеемъ начались переговоры, и первый представлялъ записки, въ которыхъ подробно излагалъ намѣренія Петра, который предписывалъ ему въ инструкціи, данной при отъѣздѣ: 1) предложить заключеніе союза ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ и ихъ подданныхъ, 2) напомнить о посредничествѣ въ войнѣ съ Швеціей, которое предлагалъ Витвортъ, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, 3) заявить о готовности царя вступить въ «великую аліанцію» и послать войска союзникамъ туда, гдѣ это окажется нужнымъ, и 4) заключить торговый трактатъ, который могъ бы дать прочную гарантію интересамъ англичанъ и большія выгоды изъ прямыхъ сношеній съ приставами Балтійскаго моря ¹⁾. Но англійское правительство долго не давало рѣшительнаго отвѣта и все медлило, ссылаясь на отсутствіе всемогущаго тогда герцога Марльборо, который воевалъ съ Франціей на континентѣ. Въ сущности, этотъ искусный полководецъ и опытный дипломатъ былъ рѣшительнымъ противникомъ завоевательной политики Россіи и вовсе не желалъ союза съ ней, а потому писалъ первому министру Годольфину изъ Гаги до прибытія Матвѣева въ Лондонъ: «конечно, вы не будете въ состояніи удовлетворить его въ какой либо части переговоровъ съ нимъ». Вернувшись, наконецъ, 9 ноября въ Англію, онъ также рѣзко сказалъ министрамъ: «Старайтесь замять дѣло, не оскорбляя царя, но не подлежатъ допустить его въ великій союзъ» ²⁾. Но, несмотря на постоянныя увертки, проволочки и смутныя обѣщанія англійскаго правительства, Матвѣевъ узналъ, что Англія, по наущенію прусскаго и ганноверскаго дворовъ, боявшихся усиленія Россіи, тайно поддерживала Швецію въ продолженіе военныхъ дѣйствій противъ Россіи, вмѣсто предложеннаго посредничества о мирѣ, и сообщилъ объ этомъ Петру, а когда еще, вопреки настояніямъ царя, Англія признала его врага Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ, то онъ пересталъ являться ко двору Анны, и въ виду полной неудачи

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты». Т. I, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

дипломатическаго порученія, «не отъ произвола королевы, но отъ тѣхъ, которые здѣсь ея мочь и силу превосходятъ», по собственному его выраженію, въ письмѣ къ канцлеру графу Головкину отъ 29 іюля 1708 года ¹⁾, онъ былъ отозванъ изъ Лондона, гдѣ пробылъ всего четырнадцать мѣсяцевъ. Онъ отклонялся въ Виндзорѣ Аннѣ, которая повторила ему увѣренія въ дружбѣ къ русскому государю, а затѣмъ его «почтили столомъ статскій секретарь Боель и милордъ дукъ Дармондъ, капитанъ въ конной гвардіи королевной, гдѣ былъ принятъ съ неописанной честью и съ такой учтивостью и любительствомъ, какого во всю бытность въ Англіи не видаль» ²⁾.

Но эти любезности не могли позолотить для него горькой пилули, тѣмъ болѣе, что, кромѣ политической неудачи, онъ потерпѣлъ еще фіаско въ борьбѣ съ враждебными Россіи выходками англійской прессы и, наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ, подвергся личному оскорбленію, именно, аресту за долги. Что касается первой непріятности, то она заключалась въ слѣдующемъ. Англійская печать уже въ то время пользовалась почти совершенной свободой, и правительство потеряло право опеки надъ нею путемъ административныхъ мѣръ, а потому, когда Матвѣевъ, прочитавъ въ либеральной газетѣ «*Elvig Post*», въ февралѣ 1708 года, извѣстіе о томъ, что «король шведскій намѣренъ низложить съ престола русскаго царя», просилъ въ письмѣ къ Бойлю о наказаніи «сочинителя этого извѣстія, типографика и издателя», то получилъ неудовлетворительный отвѣтъ. Но Матвѣевъ не унялся, такъ какъ онъ, несмотря на свое европейское образованіе, не терпѣлъ журналистовъ и, еще будучи посломъ въ Гагъ, напалъ на одного тамошняго журналиста за то, что онъ въ своей статьѣ поставилъ имя русскаго послѣ шведа ³⁾. Спустя два мѣсяца, въ апрѣлѣ, офиціозный органъ *London Gazette* сообщилъ, что Карлъ XII рѣшился отнять русскій престолъ у Петра и сдѣлать его преемникомъ царевича Алексѣя, обязавъ его ввести конституцію; тотчасъ Матвѣевъ вторично пожаловался министру на «безстыдство газетчиковъ, надѣясь, что оно будетъ наказано за прошлое и предотвращено на будущее время» ⁴⁾. Но, по справедливому замѣчанію В. Н. Александренко, англійскій министръ не могъ сдѣлать ни одного, ни другого, такъ какъ жалоба Матвѣева носила голословный характеръ и не подкрѣплялась доказательствами, при наличности которыхъ могло бы быть возбуждено преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ; къ тому же, скандалъ, лично приключившійся съ нимъ, и его отъѣздъ заглушили возбужденный имъ вопросъ, объ

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты»; т. II, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

³⁾ «Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году», Пекарскаго. Современникъ, 1856, № 6. стр. 4—6.

⁴⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты»; т. I, стр. 282.

оскорбительныхъ для его правительства газетныхъ извѣстiяхъ, который однако возобновился при его преемникахъ.

Дѣло объ оскорбленіи русскаго посла надѣлало въ свое время много шума, едва не возбудило разрыва между Россіей и Англіей, причинило продолжительную дипломатическую переписку и послужило поводомъ къ принятію парламентомъ новаго закона о привилегіяхъ дипломатическихъ агентовъ. Самое происшествіе очень драматически разсказано въ указанномъ уже письмѣ Матвѣева. «Въ 21 день іюня,—говоритъ онъ;—въ 9 часу вечера я поѣхалъ для свиданія съ чужестранными министрами, которымъ привычно есть по средамъ собираться на дворъ, Сомерсетъ Гаусъ названный, чтобъ увѣдать мнѣ о новинахъ, понеже того дня двѣ почты изъ Фляндріи чрезъ Остенду сюды прибыли. Когда я изъ Сенджемской къ улицѣ отъ двора дука Болтона съ каретой переѣзжалъ, необычайной ночью три человѣка напали на меня, съ свирѣпымъ видомъ и звѣрообразнымъ озлобленіемъ, и не показавъ мнѣ никакихъ указовъ, не объявя причины, карету мою задержавъ и лакеевъ въ либереѣ моей разбивъ, вошли двое въ карету мою, а третій сталъ козлахъ на сторонѣ и велѣли кучеру, какъ наискорѣе, мчать меня невѣдомо куды. Несмотря, я, что тѣ люди разбойнически нападши на меня внѣ всякой наименьшей причины отъ меня имъ, и которыхъ я николи зналъ, а особливо же, что меня въ каретѣ стали бить, шпагу и трость, и шляпу отбили, уразумѣлъ, что злой и наглой мнѣ смерти отъ нихъ конецъ будетъ послѣдовать. Чрезъ всѣ силы мои сталъ я кричать воплемъ великимъ, въ которое время всѣ въ каретѣ тѣ плуты меня также били и держали за воротъ, и платье изодрали съ такимъ барбарствомъ, какъ описать не могу. На тотъ крикъ мой на улицѣ, Шарлестритъ названной, близъ оперы собравшійся народъ, услыша таковое неслыханное въ свѣтѣ не только послушно и меньшаго градуса публичному министру оскорбленіе, насилу мою карету, овладѣнную отъ тѣхъ плутовъ, удержали и вывели меня изъ кареты, безобразно разбитаго въ таверну, или домъ, гдѣ сходятся ѣсть, Олеу Постъ называемый. Тѣ плуты, увидя свое злочинство, избоаяся отъ народа себѣ великой бѣды, объявили причину, что я будто по причинѣ и по письму, имъ данному отъ правительства купеческаго, шерифа именуемаго, за долгъ двумъ купцамъ, угольному и кружевному въ 50 фунтовъ, они меня взяли за арестъ. Съ того кабарета, т. е. таверны, они, взявъ меня по расходѣ людей и кинувъ въ извозчичью карету, повезли въ домъ, гдѣ въ великихъ долгахъ арестуютъ людей, и еслибъ одинъ лекарь, французанинъ, прозвищемъ Лафашъ, не случился при томъ и въ карету со мною не сѣлъ, я чаю, что тѣ плуты-балы своими бы людьми умертвили меня или куда безвѣстно завезли» ¹⁾. Еще изъ

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. II, стр. 9—11.

таверны перепуганный и взбѣшенный Матвѣевъ увѣдомилъ своихъ товарищей пословъ о случившемся и вызвалъ знакомаго купца, Стельси, чтобъ онъ взялъ его на поруки. Немедленно явились къ нему посланники флорентинскій, кавалеръ Жиральди, и португальскій, Данлукъ, два лорда, Лафордъ и Февершалъ, а также приказчикъ Стельса, Робинсонъ, такъ какъ его хозяина не оказалось дома. Первые четыре выказали усердную дружбу Матвѣеву и остались съ нимъ до 2 часовъ ночи, когда его высвободили изъ «того мерзостей исполненнаго дому тиранскаго», такъ какъ «Робинсонъ взялъ на свое имя ту раздѣлку», а затѣмъ всѣ проводили до дому оскорбленнаго посла.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Хотя Матвѣевъ и признавалъ, что онъ долженъ означеннымъ купцамъ 50 фунтовъ, явиться за которыми назначилъ имъ 23-го числа, но пришелъ въ ярость отъ подобнаго «аффронта» и заподозрѣлъ въ этомъ тайные ковы враждебнаго Россіи шведскаго посла. Все это онъ объяснилъ на словахъ, посѣтившему его на другой день, Бойлю и въ поданномъ меморіалѣ, требуя удовлетворенія за оскорбленіе священной чести русскаго государя. Его жалобу поддерживали всѣ остальные послы въ Лондонѣ. Не получая рѣшительнаго отвѣта, Матвѣевъ еще два раза писалъ Бойлю, настаивая на своемъ требованіи и, наконецъ, не взявъ, установленныхъ по случаю отъѣзда посла, подарковъ, уѣхалъ 20 іюля въ Гагу, откуда продол-

жалъ бомбардировать по своему дѣлу англійскаго министра, уже прямо заявляя, что царь требуетъ смертной казни для всѣхъ, нанесшихъ ему оскорбленіе. При такомъ оборотѣ дѣла, въ Англіи стали бояться, чтобы Петръ не вымѣстилъ своей злобы на англійскихъ купцахъ, находившихся въ Россіи, и поручено было послу Витворту, не жалѣя «ни усилій, и расходовъ» ¹⁾ предотвратить грозу; при этомъ было сообщено, что по этому дѣлу арестовано 17 человекъ, которые ждутъ суда, и что королева готова выразить свое сожалѣніе и неудовольствіе по поводу «недостойнаго оскорбленія, нанесеннаго русскому послу, посылкой чрезвычайнаго посольства, которое вручить царю самое любезное письмо королевы». Витвортъ старался успокоить свое правительство и писалъ въ своей депешѣ отъ 1 сентября 1708 года: «Я надѣюсь, что это происшествіе не повлечетъ за собою никакихъ печальныхъ послѣдствій, особенно, если русскіе вспомнятъ, сколько я здѣсь перенесъ непріятностей, совершенно незаслуженныхъ, и какъ я былъ мало требователенъ въ своихъ притязаніяхъ на удовлетвореніе. Короче, къ вопросамъ чести здѣсь относятся не очень строго, и царскій гнѣвъ будетъ незначителенъ, развѣ Матвѣевъ представитъ очень страстный отчетъ, или послѣдній попадетъ царю въ недобрый часъ» ²⁾. Когда же Петръ потребовалъ смертной казни оскорбителей своей чести, въ лицѣ его посла, то Витвортъ такъ объясняетъ это требованіе, въ депешѣ отъ 8 декабря: «не думаю, чтобы казнь оскорбителей доставила удовольствіе царю, но онъ желалъ бы смертнаго надъ ними приговора, для устрашенія другихъ, а также, чтобы ему предоставлено было право помилованія ради поддержанія достоинства Россіи и его представителей въ прочихъ государствахъ; такой порядокъ обыченъ въ Германіи при подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и ему слѣдовали и здѣсь въ Россіи» ³⁾. Однако смертная казнь была несогласна въ этомъ случаѣ съ англійскими законами и судопроизводствомъ, а потому Байль отвѣчалъ Витворту: «нельзя ожидать, чтобы мы нарушили конституцію, извративъ основныя начала государственнаго управленія ради удовлетворенія подобнаго требованія» ⁴⁾. А такъ какъ все-таки надо было найти средство поладить съ Петромъ, то былъ придуманъ очень искусный и ловкій выходъ изъ затруднительнаго положенія.

Парламенту былъ предложенъ новый билль о сохраненіи привилегій пословъ и публичныхъ министровъ отъ иностранныхъ государей и чиновъ, мотивомъ котораго приведено «грубое безчестье, нанесенное возмутительными и безпорядочными людьми особѣ чрез-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», I т., 216 стр.

²⁾ Сборникъ имп. р. ист. об., т. 50, стр. 46—47.

³⁾ Тамъ же, стр. 116—117.

⁴⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 218.

вычайнаго посла, императора всероссійскаго, добраго пріятеля и союзника великобританской королевы, чѣмъ умалена и поругана ея королевскимъ величествомъ дарованная защита, вопреки междунароудному праву и къ ущербу правъ и привилегій, которые посламъ и инымъ дипломатическимъ агентамъ, какъ таковымъ назначеннымъ и принятымъ, всегда принадлежать и свято ненарушимо подобаютъ быть соблюдаемы» ¹⁾. Самый актъ состоялъ изъ двухъ частей: въ первой уничтожались и признавались недѣйствительными всѣ существующіе по дѣлу Матвѣева иски, жалобы, указы, поруки и т. д., а вторая устанавливала, съ одной стороны, недѣйствительность впредь подобныхъ дѣйствій противъ пословъ и дипломатическихъ агентовъ, а равно ихъ служителей и слугъ, имена которыхъ внесены въ списки, вывѣшанные у мѣстныхъ шерифовъ, за исключеніемъ купцовъ, подлежащихъ статутамъ о банкротствѣ и вступившихъ на посольскую службу, а съ другой, уголовную отвѣтственность нарушителей этого закона, которые, какъ возмутители общественнаго спокойствія, подвергались работамъ, штрафамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ по опредѣленію лорда-канцлера, лорда хранителя печати, или предсѣдателей судовъ общихъ тяжбъ и королевской скамьи. Такъ какъ этотъ билъ имѣлъ международный характеръ, то онъ былъ сообщенъ всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса, но ихъ замѣчанія насчетъ большаго расширенія ихъ привилегій не были уважены, и билъ, принятый парламентомъ, сохранилъ до сихъ поръ свою силу. Такимъ образомъ, непріятный случай съ Матвѣевымъ породилъ парламентскій актъ, который урегулировалъ положеніе въ Англіи дипломатическихъ агентовъ всѣхъ странъ и даже послужилъ впослѣдствіи образцомъ для таковой же законодательной мѣры въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ.

Въ виду этого билъ, могущаго считаться удовлетвореніемъ Россіи, и на томъ основаніи, что не только смертный приговоръ оскорбителей Матвѣева былъ немыслимъ, но при независимости судей нельзя было поручиться за исходъ процесса, министерство прекратило злополучное дѣло весной 1709 года, а Витворта возвелъ въ званіе чрезвычайнаго посла и поручило ему прикончить «скучное дѣло». Однако долго пришлось Витворту ждать царя, воевавшаго съ шведами; его торжественная аудіенція состоялась лишь въ февралѣ 1710 года. Вернувшись въ столицу послѣ полтавской побѣды, Петръ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и на англійскую рѣчь Витворта, въ которой онъ изложилъ все, что сдѣлано англійскимъ правительствомъ, дабы дать должное удовлетвореніе царю, и просилъ отъ имени королевы этотъ несчастный случай «ея королевскому величеству и народу британскому не ставить въ вину, но всеконечному забвенію предать», отвѣчалъ порусски, что «надлежало было ея

¹⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. II, стр. 14—18.

королевскому величеству дать сатисфакцію и, по желанію его, тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать»¹⁾, но коль скоро это невозможно за неполнотой конституціи, государь, принимая на видъ вниманіе націи, выраженное въ парламентскомъ актѣ, а также честь, оказанную ея величествомъ королевой настоящимъ посольствомъ, то согласенъ принять предлагаемое удовлетвореніе и прикажетъ министрамъ обсудить остальные статьи въ особомъ совѣщаніи. «Это совѣщанье состоялось въ тотъ же день; графъ Головкинъ и другіе министры только повторили Витворту увѣреніе его величества въ совершенномъ уваженіи и дружественномъ расположеніи къ королевѣ, а Витвортъ поблагодарилъ ихъ за то, что они содѣйствовали соглашенію. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ подарокъ въ 400 фун. ст. Шафирову, который заявилъ, что впредь готовъ служить Англіи. Такъ кончилось пресловутое дѣло Матвѣева, и чтобы окончательно похоронить его, Бойль написалъ любезное письмо Матвѣеву и просилъ принять 3,000 ф. ст. и цѣнныхъ вещей на 500 ф. ст. для «его сожительницы», но Матвѣевъ отвѣтилъ отказомъ. Кто была эта «сожительница», не разъясняется ни В. Александренко, ни А. Тургеневымъ, который говоритъ о «Лаурѣ, любимицѣ Матвѣева, писавшей письма въ Римъ, заботясь о привлеченіи тамошнихъ грековъ въ союзъ съ русскими»²⁾, ни Пекарскій, рассказывающій о красивой молодой женѣ Матвѣева, который такъ ее ревновалъ, что однажды набросился на башмачника, потому что тотъ, ему показалось, снимая мѣрку, пожалъ маленькую ножку его жены. Во всякомъ случаѣ, что Матвѣевъ не взялъ взятки, дѣлаетъ ему честь, такъ какъ въ тѣ времена подобные подарки не считались позорными, что доказываетъ примѣръ Шафирова. Дальнѣйшая жизнь Андрея Артамановича протекла мирно, спокойно; въ Гагѣ онъ оставался до 1712 г., потомъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ произведенъ въ графы Римской имперіи, въ 1819 назначенъ сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, а въ 1827 году уволенъ отъ дѣлъ и спустя годъ умеръ, на 62 году жизни.

II.

Болѣе двухъ лѣтъ длилось «досадительное дѣло» Матвѣева, и только по его окончаніи былъ назначенъ новый представитель Россіи въ Англіи—князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Хотя онъ былъ гвардейскимъ подполковникомъ и участвовалъ во взятіи Азова, но въ 1697 г. отправленъ въ Венецію «для изученія европейскихъ языковъ, математики, мореплаванія, равно какъ для примѣчанія чуже-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 222.

²⁾ «Журналъ министерства народнаго просв.», 1844, т. XIII, стр. 120.

³⁾ Современникъ, 1856 г., № 6, стр. 46.

странныхъ нравовъ и поведенія», а въ 1707 году велъ съ папой переговоры о непризнаніи Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ. Вообще, это былъ также, какъ Матвѣевъ, человѣкъ образованный, но отличался большимъ тактомъ и наблюдательностью. Онъ прибылъ въ Лондонъ въ октябрѣ 1710 г. съ чиномъ полномочнаго министра, оставался тамъ 10 мѣсяцевъ и очень характеристично

Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

резюмировалъ свою тогдашнюю дѣятельность въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1712 г. «Въ это время,—говоритъ онъ,—я прожилъ государевыхъ 6.000 ефимковъ, да своихъ 10.000 со всякою магнифиценціею, что и министровъ и другихъ всѣхъ трактовалъ. То правда, что по се число такъ регольно и пространно нигдѣ домомъ своимъ такъ не жилъ, какъ уже мнѣ была сія четвертая комиссія. Теперь о дѣлахъ своихъ кратко объявлю. По инструкціямъ, мнѣ

даннымъ, что по желанію его царскаго величества, все то исправилъ... Что же было непорядочное аффронту господина посла Матвѣева, и то заглажено. На остатокъ объявляю, что отъѣхалъ безъ долгу и со всякимъ отъ всѣхъ почтеніемъ и великою эстимою, какъ уже и публичныя газеты о томъ объявляютъ. Особливо жъ себѣ кредитъ великой тѣмъ учинилъ, какъ мой гофмейстеръ наплутавъ многіе долги учинилъ, за котораго съ полтреди тысячи ефимковъ заплатилъ. И прежде своего отъѣзду за 8 дней чрезъ газету публиковалъ, ежели кто имѣетъ долги, чтобъ приходили для того, что вскорѣ буду отъѣзжать, и тѣмъ великую себѣ славу приобрѣлъ. Окончивъ эту комиссію аглинскую и получа отвѣтствованную на вѣрющую, съ великою похвалою себѣ отъѣхалъ до Голландіи» ¹⁾. Дѣйствительно, хотя сначала въ Лондонѣ кн. Куракина принимали холодно и сдержанно, но его быстро оцѣнили, и статсъ-секретарь, герцогъ Куинсбурри, писалъ Витворту послѣ его отъѣзда: «Очень сожалѣю, что приходится разстаться съ нимъ такъ неожиданно, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя здѣсь прекрасно; врядъ ли при замѣнѣ можно ожидать чего нибудь лучшаго» ²⁾.

Предчувствіе англійскаго государственнаго человѣка оправдалось. На мѣсто кн. Куракина, отозваннаго Петромъ въ армію, назначенъ надворный совѣтникъ фонъ-деръ-Лить, бывший при прусскомъ дворѣ чрезвычайнымъ посланникомъ, но онъ прибылъ въ Лондонъ только два года, и его дѣятельность была самая блѣдная, безцвѣтная; онъ не заботился объ интересахъ Россіи и даже молчалъ, когда при немъ бранили его родину. Въ послѣднемъ отношеніи очень знаменательно его письмо къ гр. Головкину отъ 30 декабря 1712 г.: «Мнѣ самому,—пишетъ онъ,—учинена обида, что одинъ изъ моихъ заимодавцевъ о заплатѣ долгу съ великой грубостью мнѣ напоминалъ и черезъ сей случай російскую націю бранными словами поносилъ; я принужденъ былъ въ томъ ему смолчать, понеже его претензія справедлива, а я оной заплатить не въ состояніи былъ» ³⁾. Относительно его политической дѣятельности извѣстно только изъ письма къ нему статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Болинброка отъ того же дня, что онъ жаловался на оскорбительное выраженіе въ газетѣ «Post-Boy» о Петрѣ, и что королева приказала генеральному прокурору преслѣдовать автора судебнымъ порядкомъ, но какія изъ этого были послѣдствія неизвѣстно, а, по всей вѣроятности, это дѣло окончилось также неудовлетворительно, какъ жалобы Матвѣева на англійскую прессу ⁴⁾. О замѣнившемъ Лита въ 1713 году баронѣ Шакѣ, датскомъ камергерѣ, принятомъ на русскую службу, существуетъ еще менѣе

¹⁾ «Архивъ кн. Куракина», т. III, стр. 302—303.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 24.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 9.

свѣдѣній, и заслуживаетъ вниманія лишь, что въ данной ему инструкціи гр. Головкина сказано, что «по невозможности дать напередъ инструкціи, государь полагается на доброе искусство посла». «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ В. Александренко,—эта инструкція устанавливала принципъ, въ послѣдствіи принятый въ теоріи и въ практикѣ, по которому способный дипломатическій агентъ не нуждается въ подробной инструкціи, которая давалась прежнимъ представителямъ Московскаго государства». Но «доброе искусство» датскаго камергера не удовлетворяло Петра, и хотя баронъ Шаакъ былъ отозванъ официально съ увольненіемъ отъ русской службы, но въ этотъ промежутокъ времени, отъ 2 октября 1714 г. по 2 іюль 1715 года, снова находился въ Лондонѣ съ титуломъ посла князь Б. И. Куракинъ, который до тѣхъ поръ былъ посломъ въ Голландіи и представителемъ Россіи на Утрехтскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ, онъ принялъ отъ Шака и сдалъ ему свою должность да, кромѣ того, еще временно оставлялъ его за себя въ Лондонѣ, когда онъ ѣздилъ на Брауншвейгскій конгрессъ, но онъ несочувственно относился къ нему и писалъ графу Головкину въ декабрѣ 1714 г.: «По должности своей доношу, что здѣсь лучше быть министру изъ русскихъ, и потому что теперь къ интересамъ царскаго величества присоединились дѣла имперскія, причемъ иностранцы имѣютъ свои собственные интересы, и потому что англичанамъ министръ изъ русскихъ пріятнѣе, чѣмъ изъ нѣмцевъ»¹⁾.

Однако, несмотря на популярность князя Куракина въ Лондонѣ, его второе посольство не было такъ удачно, какъ первое, и данное ему порученіе заключить съ Англіей оборонительный союзъ и торговый трактатъ не увѣчалось успѣхомъ. Покинувъ еще разъ Лондонъ, онъ былъ посломъ въ Гагѣ, Ганноверѣ и Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1727 году. Послѣ его кратковременнаго двойного посольства въ Англію осталось много любопытныхъ бумагъ: мемуаровъ, записокъ, реляцій, писемъ, которыя напечатаны въ архивѣ князя Куракина. Онъ первый изъ русскихъ дипломатовъ сталъ обращать вниманіе на особенности государственнаго строя Англіи, на внѣшнюю политику страны и на внутреннее ея положеніе. Это тѣмъ болѣе можетъ быть поставлено ему въ заслугу, что не только дипломатическіе представители Московскаго государства, какъ Ховралевъ въ 1582 г., Григорій Микулинъ въ 1600 и Дохтуровъ въ 1646 г., упоминали въ своихъ реляціяхъ только о встрѣчахъ и переговорахъ съ членами англійскаго правительства, а не заботились знакомить своихъ царей съ особенностями англійскаго государственнаго и общественнаго строя, но и большинство дипломатическихъ агентовъ XVIII вѣка заботились лишь объ узкихъ дипломатическихъ дѣлахъ, о которыхъ и писали исключительно въ своихъ депешахъ, не обращая внима-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 10.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

нія на интересы общечеловѣческіе. Поэтому, замѣчаетъ Г. Александренко, и встрѣчается такой странный фактъ, что въ 8.000 реляціяхъ, написанныхъ этими агентами, нѣтъ ни одной обстоятельной характеристики англійскихъ судовъ, мировыхъ учреждений и института присяжныхъ. Хотя князь Куракинъ не обращалъ вниманія на эту сторону судопроизводства въ Англіи, но онъ изучалъ и общалъ въ Петербургѣ свѣдѣнія объ англійскомъ военно-морскомъ правѣ и гражданскомъ, въ особенности, по наслѣдственнымъ законамъ. Но наибольшій интересъ представляютъ его оцѣнка англійскихъ партій, характеристика главныхъ государственныхъ дѣятелей, очерки парламентскаго устройства и состава кабинета, описаніе Итонской школы и Оксфордскаго университета, наконецъ, разумный взглядъ на значеніе всѣхъ сословій, хотя, конечно, онъ остается аристократомъ, по складу мысли и убѣжденій. Тѣмъ любопытнѣе его размышленія, въ родѣ слѣдующаго: «въ нынѣшній нашъ вѣкъ изъ европейскихъ который народъ, или область, видимъ въ славѣ, и въ силѣ, и въ почитаніи, то-есть Англія и Голландія, одна—корона, а другая—республика, отъ всѣхъ не только европейскихъ и другихъ частей свѣта отъ потентатовъ и республикъ въ почтеніи и славѣ, но уже яко бы въ силу древнихъ римлянъ пришли, хотя другимъ образомъ, токмо всѣмъ европейскимъ князьямъ повелѣваютъ, а другихъ отъ ихъ желанія въ дѣлѣхъ, противныхъ общимъ интересамъ европейскимъ, удерживаютъ, или воспрещаютъ. Но сія слава, честь и сила онымъ народамъ пришла отъ богатства, а богатство отъ ремесленныхъ и купечества»¹⁾.

Петръ послѣдовалъ совѣту князя Куракина и назначилъ преемникомъ Шаку русскаго, впрочемъ, еврейскаго происхожденія, Теодора Павловича Веселовскаго, который былъ дьякомъ посольскаго приказа и состоялъ въ Гагѣ и Лондонѣ секретаремъ посольства при Куракинѣ, отзывавшемся въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его «умномъ поведеніи» и «прилежности въ дѣлахъ». Но этого оказалось недостаточно, и во время его четырехлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ, въ качествѣ резидента, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своихъ сношеніяхъ съ англійскими государственными людьми, которые даже надъ нимъ издѣвались, и однажды лордъ Стангопъ, по словамъ французскаго резидента Шамореля, разсердившись на ироническое выраженіе Веселовскаго относительно любезности англійскаго правительства къ русскому царю, гнѣвно воскликнулъ: «Да, съ вами были слишкомъ, слишкомъ любезны», и, хлопнувъ его нѣсколько разъ по животу, обернулся къ нему спиной и вышелъ изъ комнаты²⁾. Правда, и положеніе въ то время представителя Россіи въ Лондонѣ было очень тяжелое и затруднительное, такъ какъ, съ

¹⁾ «Архивъ князя Куракина», т. III, стр. 207.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 74.

одной стороны, Петръ сердился на Англію за ея интриги противъ него въ Швеціи, Франціи, Польшѣ, Пруссіи и Голландіи, а Георгъ I опасался сношеній Петра съ претендентомъ черезъ преданнаго партіи стюартовъ доктора Роберта Эрскина, принятаго въ русскую службу и состоявшаго при Петрѣ въ качествѣ лейбъ-медика. Недоразумѣнія и столкновенія между двумя дворами доходили до того, что Петръ предписалъ Веселовскому внушать парламенту, предостерегать англійскій народъ и протестовать на словѣ и на письмѣ относительно интригъ короля и его министровъ, дружественныхъ съ Швеціей, и декларировать, что если они окажутъ помощь Швеціи, то царь зѣло имъ отомститъ, пресѣчетъ всю коммерцію съ Англіей, арестуетъ всѣхъ англійскихъ купцовъ въ Россіи и конфискуетъ ихъ имущество¹⁾. Слѣдую приказамъ царя, русскій резидентъ подавалъ англійскому правительству мемуары, въ которыхъ отрицалъ сношенія Россіи съ претендентомъ и жаловался на дѣйствія англійскаго правительства противъ русскихъ интересовъ; мало того, онъ печаталъ свои объясненія, желая подѣйствовать на общественное мнѣніе, что было совершенной новостью въ русской дипломатіи. Кромѣ того, видя бесполезность жалобъ на враждебныя Россіи газетныя статьи, онъ по приказанію Петра, изложенному въ указѣ отъ 21 марта 1720 г., сталъ опровергать подобныя статьи такъ же въ газетахъ, для чего ему посылались изъ Петербурга печатныя вѣдомости. Все это только подливало масло къ огню, и отношенія между представителемъ Россіи и англійскимъ правительствомъ все болѣе и болѣе обострялись, но разрывъ произошелъ при преемникѣ Веселовскаго. Что же касается до его посольства, то оно окончилось самымъ печальнымъ для него образомъ. Недовольный дѣятельностью Веселовскаго, Петръ замѣнилъ его въ Лондонѣ М. Бестужевымъ, а когда его братъ, Аврамъ, заподозрѣнный въ участіи въ дѣлѣ царевича Алексѣя, бѣжалъ въ Швейцарію, то Бестужеву было приказано арестовать и Ѳедора Веселовскаго для отправки въ Россію. Это, конечно, не удалось, и затѣмъ началась травля обоихъ братьевъ, скрывавшихся долго въ Англіи. На всѣ требованія Петра о выдачѣ ихъ получался одинъ отвѣтъ: «англійскій король не можетъ исполнить просьбы царя, не нарушая права убѣжища, которое должно оставаться неприкосновеннымъ у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что лица, о выдачѣ которыхъ требуетъ царь, не были ни судимы, ни приговорены къ наказанію»²⁾. Но когда Аврамъ Веселовскій подалъ въ нижнюю палату прошеніе о натурализаціи, то по ходатайству русскаго правительства въ этомъ было отказано. Что же касается до Ѳедора Веселовскаго, то много лѣтъ спустя онъ вернулся

¹⁾ «Архивъ кн. Куракина», т. III, стр. 58,

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. II, стр. 34.

въ Россію, былъ кураторомъ Московскаго университета и умеръ въ отставку, но когда неизвѣстно ¹⁾).

Естественно, что исторія Веселовскаго еще болѣе раздражила Петра, и дипломатическія сношенія съ Англіей стали невозможными, и новый резидентъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ, служившій прежде секретаремъ въ Копенгагенѣ, провелъ тамъ только пять мѣсяцевъ. Прибывъ въ Лондонъ, Бестужевъ представилъ англійскимъ министрамъ еще болѣе рѣзкій меморіаль, чѣмъ всѣ записки Веселовскаго, прямо называя отвѣты англійскаго правительства лживыми и несостоятельными, а ихъ предположенія о сношеніяхъ Петра съ претендентомъ ни на чемъ не основанными. Печальный результатъ этого рѣшительнаго шага очень типично разсказанъ въ реляціи Бестужева отъ 7-го октября 1720 г.: «Принявъ отъ меня меморіаль, статсъ-секретарь Крексъ не сказалъ мнѣ ничего и пошелъ въ тотъ апартаментъ, гдѣ регенты сидятъ (король находился въ Ганноверѣ), а я пошелъ домой, и не бывъ съ часъ дома, какъ Крексъ по меня прислалъ и велѣлъ меня просить, дабы я пакъ къ нему въ канцелярію возвратился. Когда я туда пошелъ, то Крексъ, вышедъ изъ поманутаго апартаментъ, сказалъ мнѣ, что господа регенты мой поданный меморіаль нашли зѣло въ крѣпкихъ и не въ обыкновенныхъ терминахъ, который есть зѣло предосудителенъ чести королевской, и что регенты заблагоразсудили тогожъ дня курьера съ онымъ меморіаломъ къ королю отправить. И я началъ было ему на то отвѣтствовать, что ихъ отвѣтъ на поданный Веселовскимъ меморіаль достоинъ такой реплики, и что ихъ отвѣтъ паче не въ обыкновенныхъ терминахъ написанъ и болѣе предосудителенъ для чести моего всемилостивѣйшаго монарха. Но онъ, не выслушавъ моего отвѣта, съ сердцемъ возвратился къ регентамъ, а я пошелъ домой». Спустя мѣсяцъ полученъ отвѣтъ короля, и Бестужеву заявлено безъ объясненія причинъ, чтобъ онъ въ восемь дней выѣхалъ изъ Англіи. Русскому резиденту оставалось только повиноваться, а въ началѣ декабря и англійскій резидентъ, Джефризъ, покинулъ Петербургъ. Всякія дипломатическія сношенія между Россіей и Англіей были прекращены и возобновились только при Аннѣ Иоанновнѣ. Что же касается до М. Бестужева-Рюмина, то онъ впослѣдствіи былъ посломъ въ Гагъ, Стокгольмъ, Варшавъ, Берлинъ, Вѣнъ и Парижъ. Вообще онъ провелъ сорокъ лѣтъ при европейскихъ дворахъ и умеръ въ 1760 г. Графъ А. Р. Воронцовъ видѣлъ его въ Парижѣ, когда ему было 70 лѣтъ, и отзывается о немъ очень сочувственно, какъ о человѣкѣ прекраснаго тона, очень любезномъ, глубоко знавшемъ свѣтъ, пользовавшемся повсюду общимъ уваженіемъ, жившемъ на широкую ногу и плѣнявшемъ всѣхъ своей пріятной, назидательной бесѣдой.

¹⁾ «Реляціи кн. Кантемира», В. Александренко, т. I (1732—1733), стр. 120, Москва. 1892 г.

Подводя итоги дѣятельности русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Англіи при Петрѣ, Г. Александренко указываетъ, что хотя они впервые были постоянными представителями своей родины и впервые стали членами дипломатическаго корпуса, но ихъ положеніе по различнымъ причинамъ не вполне опредѣлилось, и Россія все еще являлась державой второго ранга, конечно, уже съ авторитетнымъ голосомъ въ европейскихъ дѣлахъ, и только во второй половинѣ царствованія Екатерины II она достигла положенія одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ.

III.

Послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Россіей и Англіей, они возстановлены стараніями графа Остермана, съ одной стороны, и англійскаго правительства, съ другой, въ 1732 г. Прежде всего явился въ Петербургъ англійскій резидентъ Рондо, а затѣмъ былъ посланъ въ Лондонъ также въ качествѣ резидента поручикъ гвардіи, князь Антиохъ Димитріевичъ Кантемиръ. Сынъ молдавскаго господаря, получившій прекрасное образованіе подъ руководствомъ Байера, Бернули и другихъ академиковъ, будущій сатирикъ, несмотря на свою молодость, именно 22 года, получилъ этотъ высокій, отвѣтственный постъ, благодаря своимъ свѣтскимъ связямъ, участію въ переворотѣ, доставившемъ Аннѣ Иоанновнѣ побѣду надъ верховниками и, главное, протекціи Остермана и Бирона. Объ его назначеніи въ слѣдующихъ словахъ извѣщаль свое правительство Рондо: «Князь молдавскій, назначенный въ Англію, обѣдалъ у меня нѣсколько дней тому назадъ съ графомъ Остерманомъ и многими знатными особами здѣшняго двора. Князь кажется очень молодымъ, но онъ человѣкъ здраво-мыслящій, говоритъ пофранцузски и на нѣсколькихъ языкахъ. На мое замѣчаніе по поводу его молодости графъ Остерманъ отвѣчалъ, что ему 28 лѣтъ, что онъ человѣкъ весьма достойный, что молодость его во всякомъ случаѣ не помѣшаетъ веденію дѣлъ между дворами русскимъ и великобританскимъ, такъ какъ эти дѣла мы здѣсь можемъ вести» ¹⁾. Прибывъ въ Лондонъ 10 марта, новый представитель Россіи былъ принятъ очень любезно и произвелъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе; такъ министръ Гаррингтонъ тотчасъ сообщилъ Рондо въ депешѣ отъ 7 апрѣля: «Антиохъ Кантемиръ прибылъ сюда на прошлой недѣлѣ въ качествѣ резидента и черезъ день или два милостиво и любезно принятъ королемъ въ аудіенціи; что касается до личности князя, прибывшаго сюда, можете сообщить, что онъ производитъ на всѣхъ самое благоприятное впечатлѣніе, и что мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы пре-

¹⁾ «Новыя данныя къ біографіи кн. А. Кантемира», И. И. Шимко. Петербургъ. 1891 г., стр. 74—75.

бываніе въ Англіи было ему пріятно» ¹⁾... Несмотря на свою молодость, Кантемиръ энергично принялся за исполненіе данныхъ ему порученій русскимъ правительствомъ, и нельзя не сказать, что его посольство, продолжавшееся шесть лѣтъ, надо отнести къ удачнымъ. Хотя его старанія о заключеніи союза съ Англіей и признаніи императорскаго титула за русской государыней не привели къ успѣшному результату, но за то онъ много способствовалъ къ заключенію англо-русскаго торговаго трактата 1714 г., провелъ мысль о назначеніи русскаго консула въ Лондонъ, причемъ вполне основательно указывалъ на неудобство назначенія въ эту должность природнаго англичанина, убѣдилъ англійское правительство послать въ Петербургъ новаго представителя съ титуломъ полномочнаго министра, что имѣло послѣдствіемъ и возведеніе его въ соотвѣтственное званіе, настоялъ на отозваніи Англіей изъ Константинополя ея посла, лорда Кинуля, враждебнаго Россіи, и вообще поддерживалъ дружественныя сношенія Россіи съ Англіей, которая подъ управленіемъ виговъ, съ Вальполемъ во главѣ, если не оказывала Россіи активной помощи, то не противодѣйствовала русской политикѣ въ Польшѣ и Турціи. Подробный отчетъ объ его официальной дѣятельности и о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго въ Англіи, можно найти въ еженедѣльныхъ реляціяхъ, которыя аккуратно отправлялись имъ съ перваго до послѣдняго дня пребыванія въ Лондонѣ, и которыя, по справедливому замѣчанію анонимнаго автора первой его біографіи на французскомъ языкѣ, въ которомъ одни изслѣдователи, какъ Стоюнинъ и Шимко, видятъ аббата Венути, и другіе, въ томъ числѣ Бантышъ-Каменскій и Александренко, съ большимъ основаніемъ друга Кантемира, аббата Гваско, «все написано хорошо, тогда какъ многія изъ нихъ верхъ искусства» ²⁾. Характеризуя эти реляціи, издатель ихъ В. Александренко, обѣщающій докончить ихъ изданіе въ настоящемъ году выпускомъ остальныхъ двухъ томовъ, замѣчаетъ, что онѣ важны по уму и наблюдательности автора, по его недовѣрію къ себѣ и сознанію шаткости своего положенія, а также по литературнымъ достоинствамъ и богатству содержанія, которое, кромѣ дипломатическихъ вопросовъ, обнимаетъ политическую и общественную жизнь тогдашней Англіи съ ея внутренними интересами и партіями, о чемъ онъ говоритъ вѣрно и безпристрастно, по мнѣнію современниковъ англичанъ: Гарвея, Честерфильда, Вальполя и др.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ чертъ этихъ реляцій—выписки изъ англійскихъ газетъ, за которыми постоянно слѣдилъ кн. Кан-

¹⁾ «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества», т. LXVI, стр. 443—444.

²⁾ «Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», И. И. Шимко, стр. 23. «Къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», В. Александренко, Варшава, 1896 г., стр. 10—13.

темиръ, и, согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ часто печаталъ въ нихъ опроверженія враждебныхъ Россіи статей, хотя самъ считалъ подобныя мѣры бесполезными. Въ своей депешѣ отъ 11 декабря 1733 года онъ очень разумно писалъ: «сколько турецкихъ, персидскихъ и польскихъ дѣлъ касается, здѣсь многія ложныя вѣдомости въ разныя числа изданы, которыя я опровергалъ экстрактами изъ писемъ г. Неплюева и г. Эрдмана, а печатниковъ здѣшнихъ отъ того унять никоимъ образомъ невозможно, понеже свободное печатаніе за основаніе аглицкой вольности почитаютъ, и оный привилегіумъ противъ самого своего короля и министровъ повседневно употребляютъ, къ тому же всѣ здѣшнихъ газетъеровъ вѣдомости списаны слово отъ слова съ голландскихъ и парижскихъ, такъ что они свободно извинить себя могутъ, еслибы можно и суда на нихъ найти» ¹⁾. Князь Кантемиръ считалъ безуспѣшной и безцѣльной борьбу не только съ газетами, но и съ книгами, путемъ репрессивныхъ мѣръ и прямыхъ опроверженій, хотя былъ вынужденъ, по предписанію, полученному изъ Петербурга, вступить на эту двойную почву относительно появленія на французскомъ и англійскомъ языкахъ пресловутыхъ «Московскихъ писемъ» Ф. Локателли, который былъ задержанъ въ Россіи и отомстил за это обличеніемъ мрачнаго господства нѣмцевъ въ Россіи и характеристикой современнаго положенія этой страны въ неприглядномъ видѣ. Русская коллегія иностранныхъ дѣлъ требовала, чтобы эта книга была конфискована и запрещена какъ въ Англіи, такъ и во Франціи; относительно послѣдней страны князь Кантемиръ вступилъ въ переговоры, хотя неизвѣстно, съ какимъ результатомъ, съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ, Шавиньи, о наказаніи издателя и сожженіи книги черезъ палача, но съ подобнымъ требованіемъ онъ не могъ обратиться къ англійскому правительству, и въ реляціи отъ 23-го января 1736 г. онъ писалъ: «Сколько касается книги «Лѣтръ московить», то я отъ друзей старался узнать, можно ли здѣсь конфисковать, и всѣ согласно признаютъ, что того чинить законы здѣшніе не позволяютъ, такъ что, если я о томъ министрамъ здѣшнимъ говорить стану, то принужу ихъ противно воли въ томъ мнѣ отказать» ²⁾. Поэтому Кантемиръ предложилъ написать и напечатать возраженіе на «Московскія письма» въ формѣ также писемъ, на что и согласились въ Петербургѣ. Но пока готовился этотъ трудъ, бывший не по душѣ кн. Кантемиру, который хотѣлъ вести борьбу съ печатнымъ словомъ совершенно иначе и болѣе достойнымъ образомъ, написалъ въ своей депешѣ отъ 13-го февраля 1736 г. ³⁾: «ваше императорское величество не соизволитъ ли удер-

¹⁾ «Реляціи кн. Кантемира», т. I, стр. 221.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 293.

³⁾ Тамъ же, стр. 295.

жаться на оную книгу формально отвѣтствовать, но токмо повелѣтъ издать совершенное описаніе какъ географическое, такъ и политическое Россійской имперіи, каковыя имѣются о всѣхъ знатныхъ государствахъ подъ титуломъ «ета презантъ» (etat present), въ которомъ описаніи, изъяснивъ прямое состояніе вашего императорскаго величества имперіи, вашего мудраго правленія и народныхъ обычаевъ, тѣмъ самымъ опровержены будутъ Локателивы злобныя басни, и поводъ не подается къ чтенію его книги». Но его совѣта не послушались, и «Московскія письма» вмѣстѣ съ возраженіями были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ Франкфуртѣ въ 1738 г.

Что касается до жизни князя Кантемира въ Лондонѣ, то онъ, по недостатку средствъ, не могъ такъ широко жить, поддерживая связи съ богатыми и знатными лордами, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ. Онъ даже чуждался свѣтскаго общества, а составилъ себѣ тѣсный кружокъ и даже особый клубъ изъ людей скромныхъ, но интересныхъ, какъ поэта Ролли, философа Альгаротти, ученаго аббата Гваско, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бюсси, и представителей второстепенныхъ государствъ: Гессена, Тосканы, Португаліи и Польши. Придерживаясь правила, изложеннаго имъ въ своей сатирѣ «Объ истинномъ блаженствѣ»:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаешь прожить, отъ суетныхъ волень
Мыслей, что мучать другихъ...

Князь Кантемиръ спокойно проводилъ жизнь среди этихъ друзей, интересуясь болѣе, чѣмъ политикой, вопросами науки, литературы и искусства, преимущественно, театра, музыки и живописи. Естественно, что на человѣка съ такими наклонностями, такого образа жизни, Англія повліяла культурно, воспитательно, а не политически, какъ въ послѣдствіи на графа С. Р. Воронцова. Князь Кантемиръ смотрѣлъ на дипломатію, только какъ на средство служить наукѣ и литературѣ въ тиши своего кабинета. Ему тѣсно было въ Россіи, гдѣ наука послѣ Петра, по его выраженію въ одной изъ сатиръ, была «ободрана и въ лоскутахъ обшита», а писатель не имѣлъ права гражданства. Воспитанный реформой Петра, Кантемиръ жаждалъ просвѣщенія и нашелъ полную возможность утолить свою жажду въ Англіи, а потому, какъ онъ ни удивлялся внутреннему строю этого государства, гдѣ, по словамъ его перваго біографа, «его плѣняло, что парламентъ держитъ верховную власть въ справедливыхъ границахъ, не дозволяя ей возвыситься надъ законами», но не изучалъ ея государственныхъ и общественныхъ учреждений, а углублялся во внутренній міръ человѣка, занимаясь главнымъ образомъ философскими вопросами, въ чемъ ему помогало знаніе не только французскаго и итальянскаго языка, но также латинскаго и греческаго. Что касается англійскаго, то онъ самъ созна-

вался, что «поанглійски мало понимаю», но это не мѣшало ему находиться подъ вліяніемъ Локка, въ особенности, книги этого знаменитаго философа о воспитаніи, и слѣдить за всѣми новыми явленіями англійской литературы, даже во время его послѣдующаго пребыванія въ Парижѣ.

Переводъ туда князя Кантемира въ качествѣ полномочнаго министра состоялся въ 1738 году, и тамъ онъ умеръ спустя 6 лѣтъ, на тридцать шестомъ году своей жизни. Во Франціи онъ расширилъ свои литературныя знакомства, зналъ Вольтера, Мопертюи, Реомюра, Монтескье, который очень цѣнилъ его, и другихъ, но не могъ свыкнуться съ тамошней жизнью. Послѣ Англіи ему было душно въ Парижѣ, онъ нисколько не скрывалъ этого отъ французскихъ государственныхъ людей, которые его не любили и считали англоманомъ. Такъ, министръ Амело писалъ Шетарди, по поводу его смерти. «Его слѣдуетъ сожалѣть скорѣе за мягкость его характера и умственныя способности, чѣмъ за его дружбу къ намъ, такъ какъ онъ былъ болѣе англичаниномъ, чѣмъ еслибъ родился въ Лондонѣ, и всегда старался распространять въ Россіи самыя дурныя мнѣнія о Франціи»¹⁾.

Новымъ представителемъ Россіи въ Англіи былъ назначенъ также очень образованный человѣкъ, князь Н. Щербатовъ, авторъ книги «Вѣдѣніе о торговлѣ россійской», и посолъ въ Испаніи и Константинополѣ, наконецъ, президентъ юстицъ-коллегіи. Онъ поддѣрживалъ дружественныя сношенія между обѣими странами, и при немъ, хотя не въ Лондонѣ, а въ Петербургѣ, былъ подписанъ 3-го апрѣля 1741 года трактатъ мира, дружбы и оборонительнаго союза, но въ концѣ года взошла на престолъ Елисавета, и англійское вліяніе въ Петербургѣ смѣнилось французскимъ, трактатъ съ Англіей объявленъ недѣйствительнымъ, и Щербатова замѣнилъ Сементъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Это былъ, по словамъ В. Александренко, представитель стараго барства, первый щеголь своего времени, но прекрасно воспитанный; онъ занимался литературой, отлично зналъ французскій языкъ и очень любилъ Францію, считая, что тамъ жить лучше человѣку, привыкшему къ монархическому государству, чѣмъ въ Англіи, хотя и достойной всякаго вниманія, но похожей на республику. Однако онъ былъ доволенъ своимъ назначеніемъ въ Лондонъ и писалъ императрицѣ: «теперь жизнь моя мнѣ пріятна». Англичане его встрѣтили очень любезно, но министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Картеретъ, прямо сказалъ ему: «хотя вашъ пріѣздъ сюда пріятенъ, только король былъ очень доволенъ княземъ Щербатовымъ». Поэтому, когда черезъ годъ и семь мѣсяцевъ Нарышкинъ былъ отозванъ, то снова въ Англію перевели Щербатова, «яко тамъ

¹⁾ «Къ біографіи кн. Кантемира», стр. 6.

уже лучше всякаго другаго знакомаго и у милорда Картерета въ конфиденціи находящагося». Эта «persona grata» оставалась въ Англіи пять лѣтъ, и при немъ былъ заключенъ новый оборонительный союзъ между Россіей и Англіей стараніями Лестока, которому была заплачена англійскимъ правительствомъ значительная сумма денегъ и назначена пенсія въ 600 ф. ст. Хотя князь Шерботовъ былъ удаленъ, благодаря доносамъ, но это ему, однако, не помѣшало въ 1748 году попасть въ сенаторы.

Полномочнымъ министромъ въ Лондонъ аккредитованъ былъ генералъ-поручикъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, который прежде занималъ такой же постъ въ Берлинѣ, и несмотря на то, что онъ провелъ тамъ девять лѣтъ, объ его дѣятельности сохранился слѣдъ лишь въ подробномъ описаніи церемоніала великобританскаго двора, гдѣ, между прочимъ, набросана картина придворныхъ баловъ, и также въ замѣчаніи, сдѣланномъ ему изъ Петербурга, что «въ его реляціяхъ ни явственнаго сепсе (т.-е. смысла), ниже склада, и стилия не находится, и нужнѣйшіе пассажи въ оныхъ прямо не вразумительны» ¹⁾. Чернышева замѣнилъ въ 1755 году Александръ Михайловичъ Голицынъ, о которомъ также нечего сказать, кромѣ того, что послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Лондонѣ онъ назначенъ вице-канцлеромъ, слѣдовательно, имъ были довольны въ Петербургѣ. При его преемникѣ графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, котораго назначилъ Петръ III, началось царствованіе Екатерины II, и наступила новая эра въ русской дипломатіи.

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 344.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

ОБШИРНАЯ работа В. И. Шенрока по собиранію матеріаловъ для біографіи Гоголя закончена—имъ выпущенъ уже IV-й томъ этихъ «Матеріаловъ», превосходящій по своимъ размѣрамъ чуть ли не вдвое и втрое предшествовавшіе томы той же работы. Кромѣ того, почтеннымъ ученымъ закончено редактированіе полнаго собранія сочиненій автора «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», начатое въ свое время покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ и доведенное послѣднимъ лишь до пятаго тома включительно. Свѣрка текста, сводка вариантовъ, примѣчанія къ

послѣдующимъ томамъ, шестому и седьмому, сдѣланы именно В. И. Шенрокомъ, какъ равно имъ же составленъ и указатель къ «Сочиненіямъ» Гоголя, хотя по плану, выработанному Тихонравовымъ, но нѣсколько видоизмѣненному редакторомъ послѣднихъ двухъ томовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время передъ нами два обширныхъ труда, посвященныхъ литературной дѣятельности и біографіи одного изъ величайшихъ русскихъ писателей, являющагося настоящей гордостью нашей литературы и вызывающаго передъ собою удивленіе и поклоненіе даже иностранцевъ, которымъ такъ трудно оцѣнить именно Гоголя по типическимъ особенностямъ его своеобразнаго языка и складу малороссійскаго юмора, мало поддающагося передачѣ на иностранномъ языкѣ. Такъ, Е. Дюрингъ, этотъ строгій и безпощадный критикъ, въ своей работѣ «Великіе люди въ литературѣ», о коемъ я давалъ отзывъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Историч. Вѣстника», ставитъ Гоголя въ ряду другихъ представителей европейской изящной словесности чрезвычайно

высоко, несмотря на «невидимыя міру слезы» въ произведеніяхъ этого писателя, слезы, которыя въ сущности не должны бы были вызывать сочувствія жизнерадостнаго нѣмецкаго мыслителя. И вотъ, когда безсмертный авторъ «Тараса Бульбы» дождался своей оцѣнки даже у чужеземцевъ, наконецъ-то появляются первые настоящіе труды, посвященные критикѣ текста его произведеній и составленію его біографіи и на русскомъ языкѣ. Если мы, его соотечественники, не сумѣли собраться съ силами и средствами, чтобы воздвигнуть ему памятникъ, на подобіе памятника Пушкину въ Москвѣ, то хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ намъ можетъ послужить то, что нашлся среди насъ человѣкъ, который пожертвовалъ нѣсколькими годами упорнаго и громаднаго труда, чтобы создать безсмертному писателю заслуженный имъ литературный памятникъ. Человѣкъ этотъ—В. И. Шенрокъ, работы котораго, посвященные Гоголю и его произведеніямъ, мнѣ и предстоитъ вкратцѣ обозрѣть на сегодняшній разъ. Я сказалъ—вкратцѣ потому, что «Историческій Вѣстникъ» внимательно уже слѣдилъ за ходомъ изданія «Матеріаловъ», давая, по мѣрѣ выхода каждаго тома, посильные о нихъ отзывы, писанные разными лицами, подходившими къ автору съ различныхъ точекъ зрѣнія. На страницахъ же нашего журнала нѣсколько лѣтъ тому назадъ было дано мѣсто отвѣту г. Шенрока по адресу одного изъ рецензентовъ, гдѣ редація предоставила отвѣчающему, по законамъ литературнаго гостепріимства и изъ желанія объективнаго разслѣдованія вопроса, право свободной защиты своихъ положеній. Полагая, что всѣ эти недавнія обстоятельства еще свѣжи въ памяти всегдашнихъ читателей журнала, я и не считаю нужнымъ повторять еще разъ однажды уже сказаннаго и ограничусь общимъ обзоромъ того, что сдѣлано г. Шенрокомъ въ совокупности его трудовъ для выясненія характера Гоголя, его сложной духовной личности и созданія его полной біографіи.

Авторъ въ первомъ томѣ обрисовалъ намъ родню Гоголя, его ученическіе годы, первое время жизни въ Петербургѣ (1829—1830 гг.) и начало его литературной карьеры; во второмъ—онъ представилъ Гоголя въ періодъ «Арабесокъ» и «Миргорода» и его же, какъ историка и педагога, а также далъ разборъ и исторію его драматическихъ произведеній. Третій томъ обнимаетъ собою пять лѣтъ (1836—1841 гг.) пребыванія Гоголя за границей, его бытность въ Москвѣ (1841—1842 гг.), его хлопоты о напечатаніи «Мертвыхъ душъ», испытанныя имъ цензурныя затрудненія и его литературную дѣятельность въ 1836—1842 годахъ. Наконецъ, нововышедшій IV томъ посвященъ десяти послѣднимъ, наиболѣе сложнымъ въ психологическомъ отношеніи, годамъ жизни автора «Ревизора» и «Переписки съ друзьями». Таково внѣшнее обозрѣніе содержанія всѣхъ томовъ «Матеріаловъ».

Г. Шенрокъ не считаетъ своей работы собственно законченной

и ставить эпиграфомъ IV тому «Матеріаловъ» перифразъ извѣстной латинской цитаты въ слѣдующей формѣ: *feci, quod potui; meliora facturus sum*. Это обѣщаніе, поставленное категорически въ будущемъ времени—«*facturus sum*», показываетъ, что нашъ изслѣдователь имѣетъ намѣреніе вернуться къ занимающей его столько лѣтъ темѣ и обработать ее еще разъ и притомъ обработать лучше, нежели это ему удалось сдѣлать до сихъ поръ. Въ предисловіи къ этому тому онъ говоритъ по настоящему предмету... «Мы предполагаемъ современемъ вернуться (къ настоящему труду), чтобы обработать его въ окончательной формѣ (т. е. въ видѣ уже не «матеріаловъ», а самой біографіи). Мы предполагаемъ не столько расширить размѣры его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ томѣ. Въ слѣдующей обработкѣ нашего труда, послѣ того, какъ теперь готовы и собраны всѣ данныя, было бы очень легко достигнуть безусловно строгаго распредѣленія матеріала, какъ по отдѣльнымъ томамъ, такъ и вообще, также явилась бы возможность опустить нѣкоторые напечатанныя нынѣ письма, мелкія бібліографическія поясненія... полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній и т. п.».

Этимъ обѣщаніемъ новаго будущаго труда о Гоголѣ, а также косвеннымъ признаніемъ изъясновъ въ настоящемъ, г. Шенрокъ ставитъ рецензентовъ и критиковъ въ довольно затруднительное положеніе. Однажды самъ человѣкъ сознаетъ недостатки своей работы, утверждаетъ, что ее нужно передѣлать, то остается только терпѣливо ожидать, когда все это будетъ сдѣлано и тогда только уже произнести свое окончательное слово и приговоръ надъ его трудами. Мы сдаемся только, что г. Шенроку не такъ-то легко будетъ выполнить свои обѣщанія, если онъ подъ словомъ «біографія» разумѣетъ художественную обрисовку Гоголя, воспроизведеніе его рельефнаго портрета. Весьма вѣроятно и это вполне осуществимо, ему удастся внѣшне упорядочить свои «Матеріалы», выкинувъ изъ нихъ все то, что не идетъ непосредственно къ Гоголю, удастся установить въ точности хронологическую канву, къ которой въ свое время придиралась такъ усердно критика, удастся освободиться отъ повтореній и детальной кропотливости; вѣроятно, почтенный изслѣдователь со всѣмъ этимъ справится и современемъ представитъ намъ свои «Матеріалы» въ новой исправленной редакціи. Но это все же не будетъ та настоящая истинная біографія, тотъ литературный портретъ, о которомъ какъ будто мечтаетъ самъ г. Шенрокъ и который дѣйствительно такъ желательно имѣть. Я даже думаю, что не только это не удастся сдѣлать г. Шенроку, но и никому, кто будетъ

подходить къ великому писателю съ желаніемъ втиснуть въ его біографію весь его житейскій багажъ съ оцѣнкой и критикой этого багажа, а также съ оцѣнкой и критикой его литературной дѣятельности. Слишкомъ все въ Гоголѣ и у Гоголя было сложно, необыкновенно, неуловимо и непонятно даже людямъ, его нѣкогда близко знавшимъ, съ нимъ жившимъ, а тѣмъ болѣе нынѣ судящимъ о немъ по оставшимся отъ него литературнымъ матеріаламъ, его письмамъ и воспоминаніямъ о немъ.

Понять настоящаго Гоголя, возсоздать его художественный портретъ будетъ въ состояніи развѣ только такой же художникъ, какимъ былъ авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», тотъ, которому дано будетъ постигнуть весь ходъ мыслей, всѣ движенія души покойнаго писателя. Весьма возможно, что этотъ художникъ-портретистъ воспользуется изъ «Матеріаловъ» г. Шенрока многими цѣнными страницами, а, можетъ быть, онъ изъ нихъ возьметъ лишь очень ограниченную долю и на основаніи ихъ однихъ, по нѣсколькимъ черточкамъ, которыя дано прозрѣть и оцѣнить лишь таинственному дару творчества, возсоздастъ и освѣтитъ намъ истиннымъ свѣтомъ того, которому посвящается сейчасъ столько трудовъ и кропотливой работы. Пушкинскій Пугачевъ въ «Капитанской дочкѣ» рельефнѣе и понятнѣе намъ Пугачева въ «Матеріалахъ для исторіи Пугачевскаго бунта» того же Пушкина, Наполеонъ I, фельдмаршалъ Кутузовъ въ «Войнѣ и Мирѣ» графа Л. Толстаго куда жизненнѣе всего того, что писалось о тѣхъ же дѣятеляхъ приснопамятной эпохи учеными изслѣдователями и завзятыми историками. И если эти историческія личности подъ перомъ художниковъ слова вышли болѣе людьми съ настоящей ихъ плотью и кровью, которую мы видимъ и осязаемъ, нежели на страницахъ многотомныхъ изслѣдованій, то что же говорить о такой сложной психической организаціи, какою былъ Гоголь и которая осталась въ сущности невыясненной и у г. Шенрока, того самаго его біографа, который потратилъ на разгадку характера автора «Мертвыхъ душъ» и «Переписки съ друзьями» столько времени и труда.

Вѣдь самъ г. Шенрокъ съ первой же страницы своего послѣдняго тома «Матеріаловъ» впадаетъ въ явные противорѣчія, то отвергая «нелѣпую легенду о сумасшествіи Гоголя», то утверждая происшедшее въ немъ нарушеніе «душевнаго равновѣсія» и признавая у него «больныя мысли», а его самого за «явно больного человѣка». Тутъ что-то неладное, происходящее отъ нерѣшительности г. Шенрока, когда онъ, признавая себя за неспециалиста по психологіи, возлагаетъ надежды на разрѣшеніе противорѣчій въ дѣятельности Гоголя за послѣднія 10 лѣтъ его жизни на врачебную науку, на психіатровъ, а также на богословіе и представителей церкви. Мнѣ кажется, что если г. Шенрокъ изъ личнаго документальнаго изученія въ теченіе многихъ лѣтъ не пришелъ въ настоящемъ вопросѣ къ опре-

дѣленнымъ выводамъ, то врядъ ли тѣ специалисты, на коихъ онъ возлагаетъ надежды, много ему помогутъ. Во-первыхъ, обѣ категоріи названныхъ специалистовъ, по всей вѣроятности, скажутъ нѣчто разное и, пожалуй, явно противорѣчивое, а, во-вторыхъ, одна изъ этихъ категорій будетъ въ высшей степени затруднена постановкой правильного діагноза. Я разумѣю, конечно, представителей медицинской науки, лишенныхъ въ данномъ случаѣ возможности личнаго эксперимента и наблюденія, безъ которыхъ по большей части діагнозъ правильно поставленъ быть не можетъ. Наконецъ, если бы даже этотъ діагнозъ и былъ поставленъ, и при томъ въ направленіи, неблагопріятномъ для умственныхъ способностей Гоголя, то опять таки г. Шенрокъ при современномъ положеніи руесскаго печатнаго слова снова очутился бы въ безвыходномъ положеніи: съ чѣмъ и съ кѣмъ согласиться — съ мнѣніемъ ли представителей опытнаго знанія, или съ представителями знанія, основаннаго на вѣрѣ? Если онъ ихъ призвалъ къ суду и отвѣтственности, то оба показанія придется обсудить, сравнить и дать предпочтеніе одному передъ другимъ. А это будетъ дѣломъ нелегкимъ и щекотливымъ.

Такимъ образомъ, однажды у самого г. Шенрока по настоящему существенному вопросу въ жизни и дѣятельности Гоголя не составилось до сихъ поръ еще опредѣленнаго рѣшенія, то врядъ ли такое рѣшеніе состоится у него и въ дальнѣйшемъ. Онъ будетъ постоянно колебаться въ своей ученой щепетильности и не будетъ въ состояніи отрѣшиться отъ давящаго его матеріала, почерпнутаго изъ показаній «свѣдущихъ людей»; а при такомъ положеніи не можетъ быть и рѣчи о настоящей біографіи Гоголя въ полномъ ея объемѣ и при непремѣнномъ условіи ея художественнаго освѣщенія, требуемаго для изображенія живого человѣка. Къ тому же мнѣ сдается, что г. Шенрокъ, потратившій столько силъ на собираніе самаго детальнаго и дробнаго матеріала для біографіи Гоголя, какъ всякій завзятый собиратель и коллекціонеръ, слишкомъ уже привязался ко всѣмъ этимъ деталямъ и подробностямъ, отъ коихъ ему отказаться, какъ это и всегда случается съ архивными работниками, будетъ трудно. Онъ сжилъ уже съ ними, они его благопріобрѣтенныя долгимъ трудомъ и многими годами дѣтища, и они всегда его будутъ всюду преслѣдовать. Если бы онъ, еще до напечатанія своихъ «Матеріаловъ» составилъ себѣ опредѣленный планъ біографической работы, гдѣ бы точно былъ разграниченъ матеріалъ, съ одной стороны, входящій въ біографію и, съ другой, подлежащій выноскѣ въ примѣчанія и приложения, тогда другое дѣло — переработка не была бы такъ затруднительна, а теперь, при настоящемъ его отношеніи къ дѣлу, уже ясно обнаружившемся въ изданіи «Матеріаловъ», врядъ ли легко будетъ освободиться отъ давящихъ его умъ и чувство накопленныхъ богатствъ. Да и кому изъ русскихъ ученыхъ и писателей удавалось кореннымъ образомъ перерабатывать свои труды,

особенно имѣя въ виду ихъ художественныя цѣли? Лучшая иллюстрація тому самъ Гоголь, такъ мало успѣвшій въ своей работѣ, относящейся ко второй части «Мертвыхъ душъ», въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла.

Всѣмъ выпесказаннымъ я имѣю въ виду утвердить то мое положеніе, что г. Шенроку нечего преслѣдовать пока инныя цѣли, какъ только нѣкоторой систематизаціи уже опубликованныхъ имъ матеріаловъ, упорядоченія ихъ состава и редактированія тѣхъ или иныхъ частей, которыя, можетъ быть, даже не по его винѣ, вышли не совсѣмъ гладкими. Уже то, что имъ сдѣлано, является, какъ я уже заявилъ въ началѣ статьи, пока единственнымъ цѣннымъ литературнымъ памятникомъ Гоголю; пусть только онъ освободитъ этотъ памятникъ отъ давящихъ его, а потому и портящихъ его внѣшній видъ, излишнихъ лѣсовъ, почиститъ его и приведетъ въ такое состояніе, при которомъ не приходилось бы, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, въ чемъ-то извиняться передъ публикою и сулить ей нѣчто лучшее въ будущемъ. Если ему удастся сдѣлать это (а его трудолюбіе, съ одной стороны, и любовь къ писателю, съ другой, вполне гарантируютъ такую возможность), то мы будемъ имѣть для изученія Гоголя и знакомства съ нимъ такой трудъ, котораго удостоился изъ нашихъ писателей пока только Державинъ въ извѣстной академической работѣ покойнаго Я. К. Грота. Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ, не говоря уже про позднѣйшихъ писателей, — кто изъ нихъ въ настоящее время имѣетъ для ихъ изученія хоть половину столь хорошо систематизированныхъ и полно собранныхъ матеріаловъ, какъ Гоголь, благодаря работамъ г. Шенрока? Въ этомъ неотъемлемая и воистину громадная заслуга послѣдняго передъ отечествомъ и современниками, заслуга, къ сожалѣнію, пока еще недостаточно оцѣненная.

Да, недостаточно оцѣненная, принимая въ расчетъ, что, если Я. К. Гроту удалась его работа о Державинѣ, то при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, относящихся лично къ ученому академику, онъ былъ во всякомъ случаѣ неодинокъ, и въ его распоряженіи были средства Академіи; г. Шенрокъ же велъ все дѣло исключительно за свой страхъ и рискъ, экскурсируя для этого не только по разнымъ угламъ нашего отечества, но и за границу, тратя на это личныя средства, съ очень слабою надеждою когда либо возмѣститъ свои расходы, а подчасъ съ рискомъ прогуляться напрасно. Собираніе свѣдѣній и біографическаго матеріала въ Россіи дѣло далеко нелегкое, а иногда и совсѣмъ невозможное. Мы или слишкомъ дорожимъ крупницами, оставшимися послѣ нашихъ «великихъ людей», дорожимъ въ томъ смыслѣ, что неохотно (по скупости ли, по конфузливости ли или еще почему либо, ужъ не берусь точно опредѣлить) дѣлимся ими съ тѣми, передъ которыми по законамъ нравственнаго долга въ сущности всѣ карты должны бы были быть открыты, или,

наоборотъ, оказываемся на дѣлѣ столь легкомысленными передъ памятью славныхъ покойниковъ, что въ нужныя минуты общественной жизни ничего не можемъ представить суду потомства: все куда-то у насъ исчезло, затерялось, точно и самая память о нихъ никогда не была намъ дорога. Отсюда все то малое и въ жизненной области и въ книжныхъ сокровищницахъ, что нами сдѣлано по части увѣковѣчиванья своихъ отечественныхъ героевъ—забвеніе ихъ могилъ, разрушеніе обстановки, въ которой они когда-то жили, отсутствіе сносныхъ ихъ жизнеописаній. Въ исключительномъ положеніи за послѣднее время оказался лишь біографъ Погодина, и то лишь благодаря тому, что самъ покойный историкъ какъ бы тщательно сохранилъ въ цѣлости и невредимости все относящееся къ собственной жизни: дневники, клочки записокъ, письма и знаменитое древнехранилище, которыми такъ удачно и воспользовался г. Барсуковъ.

При иныхъ условіяхъ работалъ г. Шенрокъ—ему именно приходилось возстановлять и созидать то, что старательно было уничтожено въ припадкѣ умственного аффекта самимъ безсмертнымъ авторомъ «Ревизора». Кромѣ того, трудность положенія г. Шенрока усугублялась еще тѣмъ, что собраніе свѣдѣній именно о Гоголѣ у лицъ, съ кѣмъ онъ когда-то былъ близокъ, болѣе чѣмъ относительно кого либо дѣло щекотливое. Его отношенія къ окружающимъ всегда отличались удивительною экспансивностью, той душевной интимностью, обнажать которую и посвящать въ которую постороннихъ русскіе люди обыкновенно неохочи, такъ какъ тутъ приходится выводить и себя на сцену, чего большая часть насъ не любитъ и избѣгаетъ.

И тѣмъ не менѣе, г. Шенроку, повидимому, въ тѣ 15 лѣтъ, что онъ работалъ надъ Гоголемъ, удалось справиться со всѣми трудностями и представить читателямъ обширнѣйшій матеріалъ, вполне исчерпывающій внѣшнія, а отчасти и внутреннія обстоятельства жизни нашего писателя, нарисовать въ достодолжной полнотѣ и въ правильномъ освѣщеніи его взаимоотношенія къ окружающимъ и опредѣлить ту роль, которую среда и ея представители сыграли въ его жизни и литературной дѣятельности. Такъ широко поставленная задача въ трудахъ г. Шенрока выдѣляетъ ихъ въ исторіи нашей литературы на особое мѣсто: передъ нами протекаетъ здѣсь не только жизнь одного опредѣленнаго лица, одной центральной фигуры, но тутъ же мы получаемъ возможность близко и интимно познакомиться съ цѣлымъ рядомъ характерныхъ портретовъ, его современниковъ, его знакомыхъ и пріятелей. Какъ живые, встаютъ передъ нами здѣсь мать Гоголя, Вельгорскіе, Аксаковы, Ивановъ, Шереметевъ, Погодинъ, Данилевскій и множество другихъ лицъ, которыхъ по тому или иному поводу приходилось біографу выводить на сцену; встаютъ они передъ нами не изолированными, не, какъ хотя удачно, но случайно набросанные эскизы портретовъ,

но именно въ ихъ интимныхъ отношеніяхъ къ безсмертному сатирику, съ ихъ чувствами къ нему, съ ихъ запросами по отношенію его, какъ человѣка и писателя.

Изображая такимъ образомъ жизнь въ ея движеніи и пестрой смѣнѣ событій, г. Шенрокъ всегда старается быть совершенно объективнымъ, деликатно и осторожно произнося свой судъ и осужденіе надъ средою, окружавшею Гоголя, и не его вина поэтому, если не всѣ дѣйствующія лица (напр., Погодинъ) выходятъ симпатичными и привлекательными. Объясненій этому нужно искать въ фактахъ жизни, въ психологическихъ особенностяхъ этихъ самыхъ лицъ; біографъ не считъ себя вправѣ, повидимому, ничего скрашивать и ничего замалчивать. Поэтому «Матеріалы для біографіи Гоголя», помимо ихъ ближайшей удачно выполненной задачи, имѣютъ и еще то достоинство, что рисуютъ намъ настроеніе современнаго Гоголю общества, идеалы и стремленія этого общества, а также позволяютъ судить, поскольку эти идеалы и стремленія отразились на творчествѣ автора «Мертвыхъ душъ», поскольку среда вліяла на складъ его убѣжденій и его мучительныхъ поисковъ вѣчной правды и абсолютной истины.

Намъ уже давно извѣстно, еще со школьной скамьи, чѣмъ закончились эти поиски. Апофеозомъ ихъ явилась знаменитая «Переписка съ друзьями» и сожженіе литературныхъ рукописей. Если въ объясненіи послѣдняго изъ двухъ названныхъ моментовъ жизни писателя, какъ я уже отмѣтилъ выше, г. Шенрокъ не оказался достаточно твердымъ и еще находится въ ожиданіи мнѣнія свѣдущихъ людей, то гораздо удачнѣе и счастливѣе вышелъ онъ изъ другого затрудненія. Онъ не побоялся открыто стать въ отрицательное отношеніе къ панегиристамъ «Переписки», столь усердно за послѣднее время рекламировавшимъ это произведеніе и старавшимся убѣдить читателей, что здѣсь-то именно и открывается все величіе души Гоголя, высшій подъѣмъ его мысли и чувства. Авторъ «Матеріаловъ» во всеоружіи знанія предмета, отмечая изъ своей работы шумиху трескучихъ фразъ, праздныхъ домысловъ и ни на чемъ неоснованныхъ метафизическихъ гаданій, сливается въ своей оцѣнкѣ «Переписки» въ значительной мѣрѣ съ лучшимъ представителемъ русской критической мысли—съ В. Г. Бѣлинскимъ, и тѣмъ самымъ кладетъ правильный конецъ вреднымъ толкамъ послѣдняго времени. Въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ проявилъ настоящее гражданское мужество, такъ какъ для него, какъ для біографа Гоголя, могло явиться чрезвычайно соблазнительнымъ, по человѣческой общей слабости, воспользоваться цвѣтами краснорѣчія панегиристовъ «Переписки», чтобъ вложить въ свой памятникъ великому писателю лишній красиво облицованный камень, придѣлать къ нему лишнее украшеніе и тѣмъ самымъ пріобрѣсти расположеніе и заслужить хвалы еще лишняго десятка людей. Но чувство эстетической мѣры, требованія исторической и психологической правды удержали его отъ

ложного и соблазнительного шага и побудили сказать строгое слово тамъ, гдѣ нѣкогда разразилась грозная рѣчь величайшаго въ свое время почитателя автора «Мертвыхъ душъ».

Указанныя мною бѣгло достоинства работы г. Шенрока и по собиранію «Матеріаловъ» и по редактированію VI и VII томовъ «Сочиненій» Гоголя въ роскошномъ изданіи г. Маркса создаютъ этимъ работамъ великое историческое значеніе единственного пока въ настоящее время достойнаго литературнаго памятника Гоголю, памятника, который еще не суждено видѣть другому колоссу русской изящной литературы—А. С. Пушкину. Въ силу этого, если въ настоящемъ памятникѣ и замѣчаются нѣкоторые недочеты и неполадокъ, мы не должны и не имѣемъ права слишкомъ строго ихъ ставить въ укоръ творцу памятника: онъ дѣлалъ свое большое дѣло при очень слабой поддержкѣ русскаго общества, а горькихъ минутъ ему суждено было видѣть за время работы слишкомъ достаточно. Можетъ быть, единственнымъ утѣшеніемъ для него было признаніе по крайней мѣрѣ Академіей Наукъ достоинствъ его работы. Академія, какъ извѣстно, присудила ему за редактированіе VI и VII томовъ «Сочиненій» Гоголя пушкинскую премію, но и тутъ дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно: обнаружился недостатокъ денежныхъ средствъ, и премія была замѣнена почетнымъ отзывомъ. Это ужъ въ истинномъ смыслѣ слова, что называется, — «не повезло». Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ высшее наше ученое учрежденіе все-таки сумѣло оцѣнить труды г. Шенрока, какъ смѣю надѣяться, настанетъ время, когда всѣ подходящія учрежденія оцѣнятъ и остальные его работы, направленные къ увѣковѣчанью имени того писателя, коему вся Россія, во всей совокупности своихъ словесій, все еще никакъ не можетъ собраться съ средствами, чтобъ соорудить рукотворный памятникъ изъ камня, бронзы и гранита. Памятникъ литературный въ видѣ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Шенрокомъ, опередилъ такимъ образомъ памятникъ матеріальный, вещественный. Это твердо надо помнить и за это чувствовать глубокую признательность къ автору «Матеріаловъ». Онъ былъ одинъ въ свое время и одинъ опередилъ всѣхъ остальныхъ.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898.

Б КАЖДЫМЪ годомъ вырастаетъ громадный трудъ не-утомимаго біографа Погодина, и уже въ настоящемъ году мы имѣемъ двѣнадцатый томъ его прекрасной работы, обнимающій собою 1852 и 1853 годы жизни русскаго и преимущественно московскаго общества. Въ прошедшемъ году, воспользовавшись выходомъ XI книги г. Барсукова, я, основываясь на ней, помѣстилъ въ «Истор. Вѣстникъ» очеркъ «Раздвоившаяся редакция Москвитянина»; въ настоящее время мнѣ приходится нѣсколько пожалѣть о своей торопливости: лучше было бы, если бы означенный мой очеркъ появился въ текущемъ году, такъ какъ въ ново-вышедшей книгѣ г. Барсуковъ, на основаніи новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ Погодинскаго архива, сообщаетъ немало любопытныхъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ жизни «молодой редакціи Москвитянина» и о ея разрывѣ съ издателемъ этого журнала.

Читатели «Историческаго Вѣстника» благоволятъ припомнить, какъ не прочтенъ былъ союзъ Островскаго, Григорьева, Алмазова и др. съ ворчливымъ, скупымъ и несуразнымъ Погодинымъ. Кто знаетъ литературный міръ, кто знакомъ съ закулисами русской журнальной жизни, тотъ при первомъ и даже поверхностномъ наблюденіи могъ безошибочно предсказать, что союзъ этотъ не долговѣченъ, и что краснымъ днемъ его скоро долженъ наступить конецъ. Такъ оно и случилось уже въ началѣ 1852 года. Въ апрѣлѣ Погодинъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Нелѣпости сотрудиновъ. Ужасно ограни-

ченъ... Думаль о сдачѣ журнала». Разрывъ состоялся, однако, не сразу, и выходъ изъ журнала литературной молодежи сопровождался попытками съ ихъ стороны захватить въ свои руки издательскія и редакторскія бразды правленія. Но мы уже достаточно знаемъ, какъ Погодинъ любилъ мучить всѣхъ обращающихся къ нему безконечными переговорами, и какъ эти переговоры еще ни разу въ жизни не приходили къ благополучному концу. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, старанія молодой редакціи не привели къ желаннымъ результатамъ, и Т. И. Филипповъ въ одномъ изъ своихъ писемъ извѣщалъ Погодина: «Молодая редакція разлетѣлась по разнымъ сторонамъ: Островскій у себя въ деревнѣ, поѣхалъ къ больному отцу, но не засталъ его въ живыхъ; Борисъ (Алмазовъ) поѣхалъ къ здоровому отцу, и неизвѣстно, какъ нашелъ его, и съ чѣмъ пріѣдетъ назадъ; мы сходимся, то-есть Эдельсонъ, Григорьевъ и я, рѣдко и грустно. Я постоянно боленъ; жду тепла». Но, кромѣ продленія времени въ переговорахъ съ своими молодыми бывшими сотрудниками, Погодинъ тогда же бралъ изморомъ по тому же предмету и Каткова, рѣшившагося обзавестись собственнымъ литературнымъ органомъ. Какъ ни расписывалъ послѣдній свою литературную порядочность и свѣтлыя перспективы для «Москвитянина» въ будущемъ, кремень-Погодинъ выставлялъ одно препятствіе для передачи за другимъ, и дѣло не подвигалось ни на шагъ. Утомленный всѣми этими переговорами, Катковъ, наконецъ, писалъ несговорчивому издателю: «Всѣ эти колебанія и сомнѣнія меня истомили. Едва, повидимому, уладится дѣло въ одномъ пунктѣ, какъ вдругъ начнетъ разстраиваться въ другомъ. Съ самаго начала я предложилъ вамъ мои условія касательно «Москвитянина». Нѣсколько разъ вызывалъ я васъ на объясненія по этому пункту, и каждый разъ вы отвѣчали мнѣ, что матеріальныя условія—дѣло второстепенное, что, по вашему теперешнему состоянію, вамъ затрудняться ими не должно, что мы можемъ считать дѣло въ этомъ отношеніи поконченнымъ. Я имѣлъ, послѣ всего этого, полное право ожидать, что вы, по крайней мѣрѣ, удовлетворитесь сдѣланными мною предложеніями, и старался исполнить всѣ ваши желанія по другимъ пунктамъ. Но, къ сожалѣнію, нынѣшній разговоръ заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ дѣла. Вы вдругъ какъ будто забыли то, что было предлагаемо вамъ прежде, и почти, по всѣмъ признакамъ, вы уже соглашались, и заговорили о такихъ условіяхъ, которыя намъ и въ голову не приходили. Увѣряю васъ, что дальнѣйшая проволочка дѣла не только тяжела, но и невозможна для меня. Я долженъ непремѣнно знать ваше окончательное рѣшеніе завтра, т.-е. въ пятницу или, по крайней мѣрѣ, въ субботу. Вотъ мои условія: 1.500 р. с. въ годъ до 400 подписчиковъ, а начиная съ этой цифры 2.000 р. с. Деньги впередъ, въ началѣ года. Если вы непремѣнно хотите получать съ каждаго подписчика, то я могу назначить никакъ не болѣе 50 к. с. Разсудите сами, что будетъ вамъ выгоднѣе; я же не могу ни на шагъ отступить отъ этихъ условій. Всякое измѣненіе въ нихъ, съ вашей стороны, я приму за отвѣтъ отрицательный. Контрактъ заключимъ мы на десять лѣтъ, съ предоставленіемъ мнѣ права возобновить оный, по истеченіи этого срока, на тѣхъ же условіяхъ. Умоляю васъ быть ко мнѣ снисходительнѣе и не медлить отвѣтомъ. Или да, или нѣтъ.

Если я въ субботу не получу отъ васъ рѣшительнаго отвѣта, то буду считать дѣло оконченнымъ неблагопріятно и буду принужденъ приняться за другое, отъ чего былъ отвлеченъ переговорами съ вами». Конечно, по обыкновенію, Погодинъ къ сроку рѣшительнаго отвѣта не далъ, опять затянулъ дѣло, такъ что въ концѣ концовъ оно разстроилось. Виною же сего были славянофилы, — говоритъ г. Барсуковъ. — 20-го января 1854 года С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: «Если хотите, чтобъ направленіе осталось прежнее, никому не отдавайте журнала. Катковъ человекъ очень хорошій, но направленіе будетъ особенное и крайне одностороннее».

Какъ извѣстно, Каткову въслѣдствіи удалось обзавестись своимъ ежемѣсячнымъ органомъ, который онъ и редактировалъ въ первые годы въ направленіи, далеко противоположномъ «Москвитяину». Его журналъ «Русскій Вѣстникъ» издавался на первыхъ порахъ въ либерально-конституціонномъ направленіи англійскаго пошиба. Такимъ образомъ, старикъ Погодинъ, дорожившій вынужденнымъ имъ литературнымъ дѣтищемъ и его природной фізіономіей, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, сначала колебался въ своихъ переговорахъ съ Катковымъ, а потомъ и окончательно ихъ прервалъ. Славянофилы, въ лицѣ старшаго Аксакова, съ которыми онъ сходилъ лишь на почвѣ личныхъ дружескихъ отношеній и расходился по вопросамъ политическимъ и общественнымъ, сыграли въ настоящемъ его жизненномъ случаѣ рѣшающую роль. Они удержали въ Москвѣ органъ русско-консервативной окраски, несмотря на то, что имъ-то самимъ, съ ихъ тоже національнымъ направленіемъ иной лишь фракціи, приходилось жутко отъ преслѣдованій и стѣсненій со стороны полицейско-консервативныхъ инстанцій сѣверной столицы.

Г. Барсуковъ, въ добавленіе къ тому, что извѣстно по настоящему предмету изъ работъ М. И. Сухомлинова, чрезвычайно обстоятельно повѣствуетъ о разгромѣ, учиненномъ надъ славянофилами, какъ лицами неблагонамѣреннаго направленія, министромъ народнаго просвѣщенія Ширинскимъ-Шихматовымъ и предсѣдателемъ негласнаго комитета, генераломъ Анненковымъ. По поводу впечатлѣнія, произведеннаго 1-мъ т. «Московского Сборника», въ изданіи Ив. Аксакова, авторъ «Погодина» сообщаетъ нѣкоторые любопытные документы, изъ коихъ одинъ, почерпнутый изъ Михайловскаго архива гр. С. Д. Шереметева, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ цѣнный документъ для исторіи нашей цензуры и для исторіи умственныхъ общественныхъ теченій первой половины столѣтія. Документъ этотъ — мнѣніе Ширинскаго-Шихматова о 1-мъ т. «Московского Сборника». Министръ писалъ въ своемъ донесеніи: «Когда я кончилъ разсмотрѣніе цѣлой книги, мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія на неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Объ этомъ подробно разсуждаетъ Кирѣевскій и повторяетъ К. Аксаковъ; о томъ же говоритъ Кошелевъ и упоминаетъ Хомяковъ. Эта, такъ сказать, господствующая мысль въ «Московскомъ Сборникѣ» едва ли можетъ быть признана дѣломъ случайнымъ и невольно приводитъ къ вѣроятности предположенія, что она не чужда цѣли изданія. Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ

главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятій о ней не должно быть односторонне и безусловно; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ. Повергая все сіе на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, считаю долгомъ всеподданнѣйше донести, что мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) цензору статскому совѣтнику князю Львову, разсматривавшему первый томъ «Московского Сборника», за необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ; причѣмъ я внушилъ ему лично, что за подобную впредь неосмотрительность онъ будетъ подвергнутъ строжайшему по законамъ взысканію; цензоръ князь Львовъ принялъ такое внушеніе съ искреннимъ признаніемъ вины своей и съ изъявленіемъ полной готовности загладить ее усерднымъ и точнымъ исполненіемъ своей обязанности; 2) я обратилъ вниманіе московскаго цензурнаго комитета на собранія сочиненій разныхъ писателей, извѣстныя у насъ подъ названіемъ сборниковъ; эти изданія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ журналъ, представляютъ ту же удобность развивать и распространять между читателями одну или нѣсколько главныхъ идей, съ сохраненіемъ, при видимомъ разнообразіи статей своего содержанія, постоянного направленія къ одной и той же цѣли, особливо, если такія изданія будутъ появляться послѣдовательными томами и переходить изъ года въ годъ; возможность злоупотребленія со стороны неблагонамѣренныхъ издателей здѣсь очевидна, и потому цензурное разсмотрѣніе сборниковъ требуетъ всей возможной осмотрительности, чтобъ они не сдѣлались отголосками какого либо политическаго мнѣнія, несогласнаго съ видами правительства; 3) признавая необходимымъ и съ своей стороны имѣть за сборниками самый бдительный надзоръ, я предложилъ попечителю Московскаго учебнаго округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію остальныхъ трехъ томовъ «Московского Сборника», представить ихъ въ рукописяхъ въ главное управленіе цензуры, съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома по позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности».

Это рѣшеніе министра, «роковое для русской литературы», еще не задѣвало непосредственно славянофиловъ. Какъ литературно-общественную группу, ихъ доканала участь 2-го т. «Сборника», который, наперекоръ превратностямъ 1-го т., все же былъ представленъ Ив. Аксаковымъ въ рукописяхъ цензурному комитету. Тутъ уже рѣшающую роль въ судьбѣ славянофиловъ сыгралъ начальникъ Третьяго Отдѣленія, Л. В. Дубельтъ, который произнесъ жестокий приговоръ, обрекавшій, по словамъ г. Барсукова, «нашихъ лучшихъ писателей на безмолвіе».

23-го января 1853 года, Л. В. Дубельтъ доводилъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія слѣдующее: «Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенные во второмъ томѣ «Московского Сборника», я нахожу, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ, безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равно-

апостольнаго князя Владимира, что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то, Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало, а первый изъ нихъ такое сочиненіе, которое правительствомъ признано неумѣстнымъ, не только дополнилъ, но и напечаталъ; что вообще они, даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію такого вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1) второй томъ «Московского Сборника» исполнѣ запретить, 2) равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого Сборника, 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія, 5) всѣхъ сихъ, какъ людей открыто неблагонамѣренныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору».

Въ этомъ спискѣ опальныхъ славянофиловъ, хотя мы и не встрѣчаемъ имени старика Аксакова, однако на дѣлѣ оказалось, что и онъ былъ записанъ у Дубельта въ скрижали неблагонамѣренныхъ, несмотря на свой глубокій возрастъ и самый миролюбивый образъ мыслей. Такъ, когда онъ задумалъ изданіе своего «Охотничьяго Сборника», куда казалось бы ничто нецензурное попасть не могло, оно ему разрѣшено не было.

Вообще цензурныя строгости послѣ 1848 г. наступили жестокія, и съ ними пришлось считаться даже издателю «Москвитянина». Такъ, когда онъ въ объявленіи о подпискѣ на 1852 г. упомянулъ, что журналъ его устанавливается, «не смотря на всѣ препятствія», то эти слова были истолкованы «комитетомъ», какъ слова подозрительныя. «Не приписывая, — писалъ по этому поводу Н. Анненковъ князю Ширинскому, — онымъ никакого предосудительнаго значенія, по извѣстной благонамѣренности главнаго редактора «Москвитянина» дѣйствительнаго статскаго совѣтника Погодина, оказавшаго несомнѣнныя услуги отечественной литературѣ, въ особенности, изысканіемъ по части русскихъ древностей, комитетъ счелъ однако же долгомъ замѣтить, что вышеприведенныя слова, въ мнѣніи нѣкоторой части публики, могутъ быть отнесены къ препятствіямъ со стороны правительства и въ особенности цензуры, а потому лучше было бы оныя вовсе не помѣщать; если же они относятся къ препятствіямъ со стороны литературныхъ партій или завистниковъ заслуженнаго успѣха «Москвитянина», то оговорить ихъ такъ, чтобы смыслъ былъ исполнѣ опредѣленъ». Не довольствуясь этимъ, комитетъ испрашивалъ высочайшее соизволеніе предоставить князю Ширинскому «сообщить о вышеизложенномъ замѣчаніи, конфиденціально, дѣйствительному статскому совѣтнику Погодину, не давая ему дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій».

Правда, этотъ эпизодъ доставилъ даже удовольствіе Погодину, увидѣвшему въ приведенныхъ словахъ лестное о немъ мнѣніе правительства; но важно не это, а то, какъ правительство въ лицѣ «комитета» зорко слѣдило тогда за

настроєнієм умовъ, и какъ всякая мелочь вызывала опасенія и мѣры предосторожности.

Помимо фактовъ, относящихся непосредственно къ исторіи литературы, въ 12-й книгѣ г. Барсукова собрано немало любопытнаго матеріала, касающагося какъ личной жизни самого Погодина, такъ и исторіи русскаго просвѣщенія вообще за тотъ періодъ.

Б. Глинскій.

А. Сорель. Монтескье. Переводъ М. Г. Васильевского, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣва. Спб. 1898.

Эта небольшая, увлекательно написанная, книжка принадлежит перу одного изъ талантливейшихъ французскихъ историковъ и первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, Сорелю. Онъ извѣстенъ, не только какъ историкъ, написавшій превосходное сочиненіе «Европа и французская революція», но и какъ знатокъ международнаго права, профессоромъ котораго онъ состоитъ въ «Ecole libre des sciences politiques». Названная книга о Монтескье написана имъ для извѣстнаго изданія «Les grands écrivains français», гдѣ работаютъ видные специалисты, и переводъ этого сочиненія на русскій языкъ пополняетъ замѣтный пробѣлъ въ нашей литературѣ. У насъ есть книги о Вольтерѣ, Руссо, Дидро, но до сихъ поръ мы не имѣли обстоятельнаго сочиненія, посвященнаго жизни, сочиненіямъ и идеямъ Монтескье. (Біографія А. Н. Никонова, вышедшая въ 1893 г. въ біографической бібліотекѣ Д. Павленкова, единственная до появленія разбираемаго труда книжка на русскомъ языкѣ даетъ очень немного). Имя Монтескье одно изъ крупнѣйшихъ въ боевой литературѣ XVIII в. Его книга «Духъ законовъ» облетѣла весь міръ. «Это мой молитвенникъ», говорила о ней Екатерина Вторая. Въ книжкѣ Сореля дана блестящая тонкая характеристика великаго гасконца, любившаго свѣтъ и удовольствія, уравновѣшеннаго и глубокаго, какимъ былъ Монтескье въ пору своей зрѣлости, около 1720 г. Не останавливаясь подробно на біографическихъ данныхъ Монтескье, такъ какъ его частная жизнь не представляетъ интереса и не освѣщаетъ его трудовъ, Сорель переходитъ къ «Персидскимъ письмамъ», поразившимъ, какъ громъ, общество въ 1721 г. «Письма» Монтескье—ѣдкая сатира на современное общество. Въ нѣсколькихъ словахъ Сорель развернулъ яркую картину людей и событій регентства, того общества, которое «такъ охотно показывалось нагимъ и вызывало такъ нагло сатиру». Персидскія письма—«настоящій потокъ французскаго ума, направляющагося къ Вольтеру и Бомарше». Въ появленіи этой замѣчательной сатиры слышится глубокое разочарованіе въ «старомъ порядкѣ». Другимъ крупнымъ произведеніемъ Монтескье было «Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ», написанное съ точки зрѣнія политика, гдѣ онъ стремится дать «нить всѣхъ событій.» Въ этомъ сочиненіи Монтескье совершенство стиля особенно ярко. Сжатая образность и строго формулированная программа философскаго изученія исторіи—таково значеніе, по справедливому замѣчанію Сореля, книги Монтескье. Однако, слава Монтескье снизидется не на этихъ трудахъ: они были только подготовительными моментами его кашталь-

наго произведенія «*L'esprit des lois*». Сорель подробно разсматриваетъ планъ и композицію этого труда и касается отдѣльныхъ вопросовъ, трактуемыхъ въ монументальномъ сочиненіи Монтескье. Онъ останавливается на политическихъ законахъ и формахъ правленія, климатахъ, гражданскихъ законахъ, международномъ правѣ, экономическихъ законахъ и теоріи феодальныхъ законовъ. Замѣчательно умѣло, съ чутьемъ историка — юриста и психолога, Сорель разбирается въ той отрывочности, въ тѣхъ паузахъ, которыми переполнена книга Монтескье. Онъ невольно сравниваетъ произведеніе Монтескье и «Демократію въ Америкѣ» Токвиля, гдѣ тотъ же приподнятый тонъ, но гдѣ, вмѣсто веселости и пріятливости, сквозить суровость и меланхолія. Монтескье зналъ, для кого онъ пишетъ; вотъ причина его тумана, которымъ онъ окуталъ свое произведеніе. Сорель удачно подмѣтилъ, какъ Монтескье старается «заманивать» читателя, того свѣтскаго читателя, которыхъ отлично зналъ Монтескье: «ихъ нетерпѣливую любознательность, несистематичность ихъ чтеній, страхъ, который они чувствуютъ предъ усталостью, ихъ желаніе добратъ поскорѣе до цѣли, ихъ постоянную готовность прервать чтеніе и вѣчную разсѣянность». Монтескье обобщающій гений; въ этомъ его величіе и недостатокъ, говоритъ Сорель. Онъ изображалъ монархію или республику, какъ Мольеръ — скупого. Натяжки и парадоксы въ трудѣ Монтескье Сорель объективно отмѣтилъ, но преклоняется предъ великой заслугой Монтескье: онъ положилъ начало историческому методу, чѣмъ опередилъ свой вѣкъ — эпоху раціонализма. Сорель подчеркиваетъ послѣднія 4 главы сочиненія Монтескье, разсматривающія происхожденіе феодальныхъ повинностей и оставляемая обыкновенно въ тѣни вслѣдствіе ихъ нѣкоторой безпорядочности. Заслуга Монтескье въ этихъ главахъ сводится, по вѣрному замѣчанію Сореля, къ возбужденному имъ интересу къ среднимъ вѣкамъ, изученію которыхъ онъ положилъ прочную основу. Послѣднія 3 главы книжки Сореля — VIII, IX и X разсматриваютъ вліяніе Монтескье на Европу при старомъ порядкѣ, взгляды его на французское правительство, отношеніе его къ революціи и отношеніе къ Монтескье критики.

Въ общемъ, переводъ — довольно удачный, хотя красивый и оригинальный языкъ Сореля трудно поддается переводу. Къ большимъ достоинствамъ книжки, очень опрятно изданной, служатъ приложенія, гдѣ представлены: 1) важнѣйшіе отрывки изъ «Духа законовъ», главнымъ образомъ, изъ XI книги — сердцевины всего труда, и XII, и 2) перечень сочиненій Монтескье, съ указаніемъ датъ появленія его разныхъ сочиненій. Въ ряду другихъ немногихъ сочиненій по исторіи идей XVIII вѣка, книжка Сореля, по своей сжатости, рельефности и научности, должна занять видное мѣсто.

Е — ий.

Ө. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897.

«Поэты и художники, историки и моралисты двѣсти лѣтъ разрабатываютъ эту тему. Но коренное противорѣчіе взглядовъ на весь предметъ, поразительная неясность даже главныхъ обстоятельствъ, странное умолчаніе о многомъ и не менѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ, показываетъ, что въ этой трагедіи еще много непонятаго и загадочнаго». Во многомъ разойдясь съ своими

предшественниками, г. Уманецъ поставленъ былъ въ необходимость еще разъ пересмотрѣть старое забытое дѣло. Отсюда — очеркъ жизни знаменитаго гетмана.

Книга г. Уманца — оригинальна и интересна. Если судить только по ней, то трудно будетъ подыскать для ея автора такую историческую школу, къ которой онъ могъ бы пристроиться: г. Уманецъ просто щеголяетъ независимостью и оригинальностью своихъ сужденій. Интересъ ихъ — въ новомъ освѣщеніи дѣятельности Мазепы; новаго фактического матеріала дано очень мало. Увлекательное и остроумное изложеніе поддерживаетъ этотъ интересъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что большая часть изслѣдованій о Мазепѣ написана безъ соблюденія исторической перспективы, безъ перемѣны красокъ. Въ нихъ гетманъ представляется театральнымъ злодѣемъ, съ головы до ногъ, какимъ-то Францомъ Моромъ или Яго, все свое время проводящимъ въ злыхъ козняхъ на друга и недруга. «Онъ измѣнилъ Польшѣ, когда пребываніе въ Варшавѣ сдѣлалось для него невыгоднымъ; — измѣнилъ Петру, когда шведская сторона казалась сильнѣй; — измѣнилъ Дорошенку, когда отъ него нечего было ожидать; — измѣнилъ Самойловичу, когда представилась возможность захватить гетманство»... Таковъ традиціонный взглядъ. Г. Уманецъ противъ такого односторонняго изображенія личности гетмана, и его изслѣдованіе должно разсвѣять тѣ ложныя представленія, которыя навѣяны его измѣной и поддерживаются церковнымъ проклятіемъ. Жизни и дѣятельности Мазепы придается г. Уманцемъ своеобразный характеръ, дающій право уважать гетмана-патріота и борца за счастье родины. Мы иллюстрируемъ это общее положеніе автора небольшимъ очеркомъ не жизни гетмана, а только тѣхъ ея эпизодовъ, которые создали изъ имени Мазепы оскорбительное прозвище.

Семья Мазепы была не только глубоко религіозна, но и православна. Принадлежа къ среднему кругу малороссійскаго дворянства, она выдѣлялась изъ массы тѣмъ, что осталась православною и продолжала дружить съ казачествомъ, послѣ того, какъ большая часть малороссійской аристократіи измѣнила вѣрѣ и народности предковъ. Отецъ гетмана, Адамъ Степанъ Мазепа, находился на службѣ у польскаго короля Яна Казимира и пользовался его расположеніемъ. Своего сына онъ пустилъ по своей дорогѣ. «Пусть лучше сынъ мой научится обращенію съ людьми вблизи королевской особы, а не гдѣ вибудь въ корчмахъ, предаваясь всякимъ безобразіямъ», — говорилъ Адамъ Мазепа. Пропедевшій риторическую школу въ Кіевѣ, Иванъ Мазепа былъ взятъ ко двору короля. (Кстати, годъ рожденія гетмана — 1629, или немного позднѣе. Эту дату можно считать установленной послѣ розысканій г. Уманца). Янъ Казимиръ подарилъ свое расположеніе и сыну Адама Мазепы. Иванъ Степановичъ нѣсколько разъ исполнялъ важныя порученія короля. Но, несмотря на его довѣріе, положеніе Мазепы было непрочно среди непривѣтливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты, для которой онъ былъ только не dawno nobilitowany. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности онъ могъ добиться лишь ничтожнаго мѣста, чтобы, подъ командой Чернецкаго или короннаго канцлера, терзая свою родину и ежедневно слышать ея проклятія. Мазепа извѣрился въ Польшу и пересталъ надѣяться устроить въ ней свое личное положеніе и счастье родины. Поэтому онъ

уходитъ оттуда, но онъ еще не выбралъ направленія. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ тиши уединенія, присматриваясь къ лицамъ и событіямъ. Въ 1665 г. былъ избранъ гетманомъ Дорошенко, объявившій себя за «Рѣчь Посполитую Украинскую», т. е. за Малороссію обѣихъ сторонъ Днѣпра, подъ властью одного гетмана, независимую какъ отъ Москвы, такъ и Польши. На сторонѣ Дорошенка былъ престижъ таланта, патріотизмъ и увлекательная для малороссянъ идея. Мазепа не могъ колебаться въ выборѣ направленія своей дѣятельности и въ 1669 г. вступилъ на службу къ Дорошенку, не преслѣдуя никакихъ личныхъ выгодъ. Черезъ пять лѣтъ вполне выяснилась неспособность Дорошенка осуществить свои цѣли, ошибочность его расчетовъ. Какъ всѣ въ то время, Мазепа рѣшилъ отстать отъ своего патрона. «Факты говорятъ, что Мазепа оставилъ его не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, а вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ». Съ этого времени до 1687 г. мы находимъ будущаго гетмана на службѣ у Самойловича, съ 1687 г. первый становится на мѣсто послѣдняго. Все время службы у Самойловича и первые годы своего гетманства Мазепа искренно и безкорыстно служитъ Москвѣ. Гарантій вѣрности гетмана служила, во-первыхъ, невозможность вѣрить въ самостоятельность Малороссіи и, во-вторыхъ, чувство самохраненія: измѣни Мазепа Москвѣ, его предадутъ старшина. Прогрессивныя теченія въ Московскомъ государствѣ скрашивали вѣрнопопданническія обязанности. Поднимая Москву на высоту тогдашняго прогресса, Петръ долженъ былъ поднять и Малороссію. Вѣра въ Петра отразилась во многихъ дѣлахъ гетмана, во взглядахъ на войну съ турками и татарами. Эпоха, послѣдовавшая за возвращеніемъ Петра изъ-за границы, разрушила иллюзіи Мазепы: рѣзкій переломъ сказался въ дѣятельности царя, круты стали реформы. Способъ проведенія ихъ никому не понравился. Малороссія, не испытывая на себѣ благъ прогресса, несла всѣ его тяжести. Стала ясна невозможность ожидать чего либо хорошаго отъ Петра, здѣсь начало измѣны, зародившейся въ головѣ не одного Мазепы, а цѣлой націи. Мазепа взялъ на себя только руководство. Очагъ измѣны образовался самъ собою, независимо отъ вліянія гетмана. Умри онъ въ Батуринѣ въ августъ или сентябрѣ 1708 г., вмѣсто того, чтобы годомъ позднѣе погибнуть при Бендерахъ, ходъ дѣлъ въ Малороссіи измѣнился бы очень мало. Необходимость измѣны понятна: колоссальная энергія, выдвинувшая Хмельницкаго и едва не основавшая государство, не могла разомъ сойти на нѣтъ. Измѣняя, Мазепа хотѣлъ лишь одного — полной независимости Украины.

Довольно этихъ выписокъ, чтобы выяснитъ взгляды г. Уманца на личность Мазепы. Мазепа является ужъ не измѣнникомъ, а однимъ изъ величайшихъ мужей Украины, работавшимъ для ея независимости. Въ каждомъ его поступкѣ сознательное стремленіе къ благу родины. Намъ кажется, что, если прежніе историки грѣшили противъ истины, изображая гетмана злодѣемъ, то г. Уманецъ впадаетъ въ противоположный грѣхъ: слишкомъ много благородства въ его портретѣ Мазепы. Значеніе труда г. Уманца въ томъ, что онъ ставитъ своего героя въ условія времени и пространства, помѣщаетъ его среди живыхъ людей. Но толкованія отношеній Мазепы къ средѣ не всегда отличаются основательностью, оставаясь на почвѣ болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ. Въ концѣ

концовъ, остается темнымъ вопросъ: почему же измѣна не имѣла успѣха? Вся Украина, какъ оказывается изъ изслѣдованія г. Уманца, была охвачена измѣной, которая была даже необходима... и вдругъ за Мазепою идетъ только ничтожное количество! Г. Уманецъ объясняетъ это тѣмъ, что «хоть движеніе къ революціи было всеобщимъ, но въ каждомъ оно слишкомъ слабо, чтобы на самомъ дѣлѣ произвести революцію». Но тогда совершенно непонятно, почему же Мазепа не предвидѣлъ этого. Вѣдь г. Уманецъ невозможность существованія многихъ положеній и мнѣній у гетмана доказываетъ именно тѣмъ, что не могъ же думать такъ такой умный человѣкъ, какъ Мазепа. Очевидно, этотъ приемъ доказательствъ нельзя назвать удачнымъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Уманцемъ въ общемъ взглядѣ на Мазепу, но значеніе книги именно въ противоположности воззрѣній автора взглядамъ его предшественниковъ: имѣя два противоположныхъ сужденія, легче получить истину.

Недостатокъ труда, какъ мы указали выше, въ невыработанности метода. Напримѣръ, доказывая принадлежность «Думы» Мазепѣ, г. Уманецъ ссылается на сходство выраженій «Думы» и мемуара Орлика, передающаго смыслъ письма Мазепы. Если даже допустить достовѣрность передачи Орлика, то вѣдь сходство, несомнѣнно принадлежащаго Мазепѣ, документа съ другимъ сомнительнымъ, можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что Мазепѣ извѣстенъ послѣдній, — и только. Далѣе, врядъ ли можно пользоваться въ научномъ изслѣдованіи такими эмпирическими обобщеніями, какъ «жизненный опытъ говоритъ, что человѣкъ съ феноменальной способностью располагать хотя бы отдѣльными единицы не можетъ быть абсолютно дурнымъ человѣкомъ».

Мы коснулись лишь одной части изслѣдованія г. Уманца. Оно не исчерпывается общими соображеніями о дѣятельности Мазепы. Въ немъ есть, между прочимъ, экскурсъ въ исторію крестьянскаго дѣла при Мазепѣ. Къ сожалѣнію, украинофильскія тенденціи автора ярко сказались въ этомъ очеркѣ. Любители романическаго найдутъ въ книгѣ г. Уманца цѣлую главу о «поздней любви» гетмана, геройски поступившаго въ дѣлѣ Матрены Кочубей. Послѣдній отдѣлъ посвященъ исторіи изображеній Мазепы.

Въ разбираемой нами книгѣ много отступленій въ область великорусской исторіи, изъ нихъ самое значительное—это страницы, посвященные характеристикѣ реформаторской дѣятельности Петра. По заявленію автора, въ этихъ страницахъ онъ «во имя истины, вопреки господствующему ученію, взглянулъ на дѣятельность царя нѣсколько иначе, чѣмъ смотрятъ обыкновенно». Впрочемъ, взгляды г. Уманца совсѣмъ не новы: Петръ сдѣлалъ никому и ни для чего ненужную ломку; особенность его реформъ — страшная, обыкновенно ничѣмъ не оправдываемая расточительность народныхъ силъ; онъ не выдумалъ тому, а только варьировалъ ее по своему, и притомъ въ чрезвычайно грубой формѣ и т. д. Въ настоящее время странно встрѣчать въ ученой монографіи такіе выходы: онѣ оправдывались въ ту пору, когда исторія народа была исторіей личностей. Самъ же г. Уманецъ вставляетъ въ рамки исторію своего героя, а для Петра ихъ не существуетъ. Повидимому, г. Уманецъ остался въ сторонѣ отъ новѣйшихъ историческихъ работъ, выясняющихъ степень личнаго участія Петра въ реформахъ. Не знакомы г. Уманцу выводы капитальнаго изслѣдова-

нія о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ В., выводы по вопросу о томъ, насколько спѣшность и напряженность реформъ обуславливались необходимостями военнаго положенія страны.

Но эти неудачныя отступленія являются мелочами для главной темы труда г. Уманца; въ области малороссійской исторіи онъ, безъ сомнѣнія, станетъ цѣннымъ вкладомъ по новому освѣщенію стараго предмета, по постановкѣ новыхъ вопросовъ. Щ.

А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898.

Передъ нами книжка, опрятно напечатанная, чистенькая, снабженная иллюстраціями, довольно аккуратно исполненными, цѣна ея не высока — 1 р. 50 к. Задача и намѣренія автора — «въ бѣгломъ очеркѣ... представить на судъ читателей исторію шутства, начиная съ грековъ и римлянъ».

«Удовольствіе, доставляемое смѣхомъ, представляетъ одну изъ существенныхъ потребностей человѣка», — говоритъ учитель Вольтера, знаменитый въ XVIII вѣкѣ профессоръ Горэй, мнѣніе котораго цитируется въ предисловіи къ названной книгѣ. Но, кажется, въ наше время можно задать себѣ вопросъ, безразлично ли то, какъ смѣется человѣкъ и надъ кѣмъ, надъ чѣмъ? Едва ли мы станемъ смѣяться и забавляться надъ тѣмъ, что приводило въ самое беззаботно-веселое настроеніе духа людей хотя бы XVII в., не говоря уже о среднихъ вѣкахъ. Всепутѣйшіе соборы, издѣвательства надъ личностью, самое существованіе шутовъ, — этихъ общепризнанныхъ мишеней для всеобщихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, уже настолько отжили свои вѣкъ, что вызываютъ въ интеллигентномъ человѣкѣ нашего времени порою даже недоумѣніе: «да что же здѣсь, въ сущности, смѣшного?»

Постепенная эволюція въ жизни шута и шутства, постепенно мѣняющаяся картина предметовъ, вызывающихъ смѣхъ человѣчества, одно изъ непринужденныхъ выраженій его настроеній, способностей, степени умственнаго и нравственнаго развитія, — вотъ что, собственно, кажется намъ важнымъ и интереснымъ въ исторіи шутства. Это-то обстоятельство и даетъ основаніе историку культуры съ интересомъ заняться исторіей скоморошества, не исключая прибаутокъ раешниковъ и балаганныхъ дѣдовъ. Заслуга и историческое значеніе шута въ томъ, что онъ безсознательно является неподкупнымъ свидѣтелемъ развитія и настроенія массъ народныхъ, въ извѣстную современную ему эпоху.

Нѣсколько иначе понимаетъ историческое значеніе шутовъ авторъ (или переводчица?): «они, — читаемъ въ заключеніи, — забавляя и развлекая людей, отрывали ихъ отъ грустныхъ мыслей, заставляли на время забывать и нужду, и горе, и вселяли въ ихъ сердца хотя и мимолетную, но все же радость, влияя на ихъ хорошее расположеніе духа. Шуты всякаго рода и всякаго происхожденія порождали и возбуждали въ людяхъ благотворный смѣхъ, который необходимъ человѣчеству. Они поддерживали черезъ цѣлый рядъ вѣковъ сча-

стливый даръ смѣха. Благодаря этимъ шутамъ, человѣческія поколѣнія передавали одно другому свѣтильникъ веселья (?!). Вотъ въ чемъ заключается заслуга шутовъ, и этого имъ было совершенно достаточно» (стр. 310).

Оставляя въ сторонѣ эту точку зрѣнія на значеніе шутовъ, обратимся къ тому матеріалу, какой даетъ намъ книга Газо съ дополненіями г-жи Федоровой. Первая часть (стр. 1—118) рассказываетъ о придворныхъ шутахъ и скоморохахъ, вѣрнѣе, о такихъ шутахъ, которые кормились отъ своихъ покровителей, а не зарабатывали свой хлѣбъ, паясничая для толпы. Болѣе всего удѣлено вниманія шутамъ въ средніе вѣка, когда они были почти повсюду: и при дворахъ владѣтельныхъ особъ и даже у лицъ духовныхъ, которые также любили поглумиться надъ «образомъ и подобіемъ» шутовъ. Авторъ рассказываетъ о шутахъ на королевской службѣ и даетъ характеристики цѣлаго ряда шутовъ— во Франціи; шутовству Англіи, Германіи, Италіи и «нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ» удѣлено 16 стр. Вторая часть посвящена судьбамъ народныхъ и городскихъ шутовъ, состоявшихъ какъ бы на службѣ у городовъ и городскихъ корпорацій и получавшихъ отъ нихъ жалованье. Здѣсь также главный матеріалъ французскій, хотя, между прочимъ, читаемъ и о народныхъ шутахъ на Востокѣ. Третья часть «скоморохи и шуты въ Россіи» (стр. 205—307) представляетъ собою компіляцію изъ изслѣдованія Ал. С. Фаминцына «Скоморохи на Руси», статьи «Историческаго Вѣстника», за 1888 годъ, и сборника Кирши Данилова, какъ говоритъ самъ авторъ, и компіляцію довольно неискусную, какъ скажемъ мы. Г-жа Федорова почему-то не ограничивается сокращеніемъ изслѣдованія г. Фаминцына, а переписываетъ порою чуть ли не цѣликомъ былинны то изъ сборника Кирши, то изъ вторыхъ рукъ—изъ указанной статьи «Шуты и скоморохи» «Историческаго Вѣстника» 1888 года (см. стр. 231). Ссылаясь на «Равинскаго» (то-есть, вѣроятно, Д. А. Ровинскаго), авторъ дополненій могъ бы непосредственно позаимствовать у него хотя бы въ извлеченіи болѣе обстоятельную картину шутовства въ XVIII вѣкѣ въ Россіи и свѣдѣнія о Еремѣ и Оомѣ и другихъ дурацкихъ персонахъ могъ бы изложить такъ, какъ этого требовалъ самый интересъ темы. Вообще, въ этой части матеріалъ расположенъ удивительно хаотично и бессистемно: не успѣвъ охарактеризовать допетровскихъ скомороховъ, авторъ переходитъ къ XVIII вѣку, затѣмъ возвращается къ Петру Великому и его любимому шуту Балакиреву. Относительно послѣдняго, замѣтимъ, авторъ могъ бы ограничиться характеристикой и привести два-три дѣйствительно остроумныхъ анекдота объ этомъ представителѣ шутовства эпохи реформъ. Но г-жа Федорова перепечатываетъ едва ли не весь матеріалъ, какой находитъ въ лубочныхъ народныхъ книжкахъ подъ заглавіемъ: «Анекдоты Балакирева», и тѣмъ непомѣрно растягиваетъ и безъ того весьма водянистую 3-ю часть книги, мало прибавляя дѣйствительно интереснаго.

Книга такимъ образомъ дополнена не совсѣмъ удачно. Что до перевода этой, такъ сказать, внѣшней стороны разбираемой книги,— то онъ сдѣланъ довольно небрежно: встрѣчаются такіе стилистическіе перлы: «Петръ Великій, бывшій очень хорошій хирургъ» (260 стр.), «этотъ типъ взятъ съ итальянскаго

шута Gian Farina» (228), «Бризисъ (Бризейда), дочь Бризеса, жреца Лирнеса въ Силиціи» (129); на второй же страницѣ наталкиваемся на «Тертульена»: что должно обозначать Тертуліана. На стр. 218 почему-то отождествляются бахари (сказочники) и шуты. Опечатокъ—также немало.

Не смотря на все вышесказанное, книга Газа въ переводѣ и съ дополненіями г-жи Федоровой, вѣроятно, найдетъ широкій сбытъ въ публикѣ: подобныя компіляціи, безъ глубокой мысли, хотя порой не совсѣмъ грамотныя, но написанныя нѣсколько риторическимъ и приподнятымъ языкомъ, нравятся и «идутъ», дѣлаясь любимымъ чтеніемъ нетребовательнаго, сѣраго читателя.

В. П.

У Синя моря. Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Спб. 1898.

Кн. Дм. Голицынъ извѣстенъ въ литературѣ болѣе, какъ романистъ. Его первый романъ «Теноръ» написанъ такъ талантливо, что создалъ автору сразу почетное имя въ ряду молодыхъ беллетристовъ. Критика провидѣла въ немъ второго Флобера и т. д. Послѣдующія произведенія, однако, были слабѣе («Баба», «Князья», «Около любви», «Мракъ» и т. д.), благодаря повторенію описанія однихъ и тѣхъ же пустотъ большого свѣта, нейрастеніи, адюльтера, самоубійствъ и воспроизведенію «правды» въ отрицательныхъ краскахъ неизвѣстно для какой цѣли или во имя затасканныхъ идеаловъ. Такой авторъ не воспитываетъ публику, и она скоро охладѣваетъ къ нему.

Новую книгу кн. Голицына «У Синя моря» слѣдуетъ разсматривать, не только какъ самое позднѣйшее описаніе Черногоріи, но и какъ политическій трактатъ по славянскому вопросу. Эта книга рпеуетъ намъ и общественные идеалы кн. Голицына, немало влияющіе на судьбу его, какъ беллетриста. По славянскому вопросу онъ является патріотомъ, съ преувеличеннымъ понятіемъ о политическомъ значеніи православія и съ запаматованіемъ его незначительнаго «творчества» въ судьбахъ нашего собственнаго отечества (см. о «церкви» въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», ч. II, П. Милюковъ), съ презрѣніемъ къ федераціи славянъ съ Россіей, такъ какъ «создавать новыя Финляндіи для насъ нѣтъ никакого основанія», и такимъ же недоувѣріемъ къ самостоятельности Босніи, Герцеговины и Черногоріи, если «совокупная Сербія» будетъ соприкасаться съ «куцыми идеалами Запада» и «вывѣтривать свою религіозную сплоченность». «Но,—говоритъ онъ,—надо надѣяться, что указанія, щедро расточаемыя исторіей послѣднихъ лѣтъ, приведутъ ее къ самодержавію, какъ къ формѣ правленія, отвѣчающей исконнымъ идеаламъ православнаго славянства».

Намъ кажется, что такое предсказаніе, конечно, гораздо болѣе благопріятно для южныхъ славянъ, чѣмъ то, «что трясины дипломатической лжи окончательно засосетъ Боснію и Герцеговину, что Далмація мало-по-малу опшвабится,—что Черногорія затрется соединенными усиліями Австріи и Турціи, и что звоницы черногорскихъ церквей познаютъ ритмъ католическаго колокольнаго боя». При такой, конечно, дилемѣ князя Голицына,—считая въ томъ

числѣ невозможнымъ федерацію славянскихъ земель съ Россіей и даже Австро-Венгріей съ сохраненіемъ автономій, — самодержавіе возрожденной Сербіи, съ династіей черногорскаго князя Михаила, явится наилучшимъ разрѣшеніемъ славянскаго вопроса. Въ этомъ смыслѣ книгу г. Голицына надо разсматривать, какъ политическій трактатъ, и не удивляться его постояннымъ восторгамъ отъ монастырей, отъ духовныхъ владыкъ, которымъ болѣе къ лицу носить турецкіе ятаганы, его снисходительности къ духовному управленію владыкъ, простирающейся до того, что избіеніе владыкою Даниломъ, въ 1702 году, своихъ же подданныхъ черногорцевъ, перешедшихъ въ исламъ, онъ оправдываетъ тѣмъ, что варооломеевская ночь во Франціи была еще хуже и т. д. Подобные взгляды автора на историческія событія характерны для оцѣнки общаго міросозѣрцанія писателя; но они являются совершенно вводными, и книга его мало отъ нихъ страдаетъ. Даже самый идеалъ его о новой монархіи «у Синяго моря» обоснованъ весьма серьезно историческими фактами и не только «гораздо болѣе соотвѣтствуютъ его желаніямъ», но находится, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ европейской политикой. Къ разрѣшенію славянскаго вопроса, не менѣе оригинальнымъ является указаніе кн. Голицына на то, что изъ своихъ наблюденій онъ вынесъ впечатлѣнія, подсказывающія ему, что ключъ къ разрѣшенію балканскаго вопроса находится не въ узкомъ Босфорѣ, а на славянскомъ побережьи Адриатическаго моря. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что лишь въ маленькой Черногоріи, къ которой тяготѣютъ милліоны славянъ, возможно развязать петли гордіева узла. Судьба же Босніи и Герцеговины тѣсно связана съ судьбой Черногоріи, этого цвѣта южнаго славянства, этой небольшой по своей территоріи и громадной по значенію своему въ сознаніи южнаго славянства странѣ».

Очень возможно, что образованіе изъ сербскихъ земель новой монархіи и новаго самодержца въ Европѣ и оправдается въ ближайшемъ будущемъ. Книга кн. Голицына написана съ цѣлью привлечь вниманіе нашей публики на Черногорію, какъ на родственную намъ страну по идеаламъ, и возстановитъ забытую нами духовную связь съ княжествомъ. Въ книгѣ впервые обрисовывается, въ общихъ чертахъ, не только будущность славянскихъ княжествъ, но и современное положеніе Босніи и Герцеговины подъ австрійскимъ управленіемъ. Авторъ говоритъ: «война 1877—1878 гг., поведшая къ созданію двухъ самостоятельныхъ славянскихъ небольшихъ державъ, оказалась, разумѣется, существеннымъ благодѣяніемъ для Болгаріи, которая втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумѣла какъ бы заслонить собой на политическомъ горизонтѣ интересы сербскаго народа. Объ этомъ надо глубоко пожалѣть, потому что, благодаря такому положенію дѣла, въ глазахъ нашего общества болгаре явились какъ бы представителями южнаго славянства и его выразителями. Шайка управлявшихъ Болгаріей убійць и лгуновъ вызвала въ насъ отвращеніе къ болгарамъ, которые, къ тому же, значительно ассимилировавшись съ турками, повидимому, никогда не ощущали большой преданности къ Россіи. Въ свое время, имъ Россія была необходима, какъ избавительница отъ турецкаго ига. Добившись освобожденія, они поспѣшили доказать, что, по ихъ понятіямъ,

«братушекъ» и, заодно, отвернулось отъ всего Балканскаго полуострова. Слабѣло въ насъ сознаніе нашего родства съ сербами, и мы возложили на нихъ какъ бы отвѣтственность за свое разочарованіе, вызванное поведеніемъ болгаръ. Между тѣмъ, сербы Герцеговины и Босніи перешли изъ-подъ турецкаго ярма подъ иго австрійское, отъ мусульманъ освободились и подпали власти воинствующихъ католиковъ, избавились отъ султана, но стали рабами Австріи. Воспользовавшись безсрочностью своихъ временныхъ полномочій, Австрія сумѣла укрѣпиться въ Сараевѣ и Мостарѣ, внѣдриться туда съ арміей чиновниковъ и обиліемъ гарнизона. Съ перваго же дня она рѣшила, что оккупация должна быть превращена въ захватъ, а захватъ въ окончательное завладѣніе. Между тѣмъ населеніе Босніи и Герцеговины сожалѣть о прошломъ, находя теперешній режимъ превосходящимъ суровостью прежній. И, въ концѣ концовъ, австро-венгерская внутренняя политика достигаетъ только того, что славяне, населяющіе южную часть имперіи, закаленные въ политической борьбѣ, никогда не ассимилируются съ господствующимъ германскимъ племенемъ и всею силой своихъ чувствъ и мышленія тяготеютъ къ Россіи. Эту любовь къ Россіи и русскимъ можетъ понять только тотъ, кто побывалъ въ австрійскихъ славянскихъ странахъ. Много разъ мнѣ случалось видѣть, — говоритъ Голицынъ, — въ хижинахъ самыхъ глухихъ деревень портреты нашихъ государей, портретовъ австрійскаго императора я въ этихъ хижинахъ не видѣлъ. Крестьянинъ, горецъ, рыбакъ, узнавъ въ вась русскаго, искренно радуется и засыпаетъ вась вопросами о царѣ, о Россіи. Къ счастью, элементъ постоянного возрожденія сербскаго національнаго духа являетъ собою Черногорія, значеніе которой громаднo въ психологін южнаго славянства, и, если когда нибудь балканское славянство воспрянетъ и завоюетъ снова свою независимость, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что краеугольнымъ камнемъ движенія окажется Черногорія.

Не только какъ политическій трактатъ, но и какъ описаніе путешествія, книга кн. Голицына обращаетъ вниманіе читателя на Черногорію, какъ на красивѣйшую и удобопосѣщаемую страну, съ точнымъ описаніемъ Цетиньи, Подгорицы, Никшича, Острожскаго монастыря и Которской Бокки, съ фотографическими снимками съ этихъ мѣстъ. Цѣль этой книги, говоритъ авторъ, «дать общую картину условій, которыми сопровождается путешествіе по Далмаціи и Черногоріи, и, по возможности, доказать русскому читателю, что посѣщеніе этихъ родственныхъ намъ странъ вовсе не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Намѣреннo я даю свѣдѣнія только о тѣхъ мѣстностяхъ, куда поѣхать легко, гдѣ туристу не приходится видѣть себя лишеннымъ привычныхъ путевыхъ удобствъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой примѣръ увлекъ другихъ и чтобы возможно большее число моихъ соотечественниковъ посѣтило Черногорію. Иллюстраціи, которыми снабжена моя книга, гораздо лучше и полнѣе, нежели текстъ, выяснятъ прелесть описываемыхъ краевъ. Довелось мнѣ видѣть Кавказъ, Крымъ, Швейцарію, Ривьеру, Тироль, Сирію, горы Атласа, Восторъ, Корфу и почти всю Италію, и я нахожу, что вышшимъ проявленіемъ красоты въ природѣ любовался я на Черной Горѣ. Свообразныя черты патриархальнаго быта княжества придають путешествію особенную

наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ самостоятельности должна почитаться неблагодарность. Справедливо возмущенное общество наше вознегодовало на привлекательность. А тому, кто любитъ славянство, знакомство съ Далмаціею и Черногоріею дастъ много драгоценныхъ свѣдѣній».

А. Фаресовъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности въ Возѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами. Составилъ генераль-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Спб. 1898.

Первый царственный генераль-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, 1798—1898 г. Біографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Составилъ И. Н. Вожеряновъ. Спб. 1898.

28-го января настоящаго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія великаго князя Михаила Павловича, и по этому случаю М. С. Лалаевъ составилъ краткій біографическій очеркъ, въ которомъ сжато изложилъ всѣ событія какъ жизни великаго князя, такъ и его дѣятельности, въ качествѣ начальника артиллерійскаго, инженернаго и военно-учебнаго вѣдомствъ, а также главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами. Первую должность генераль-фельдцейхмейстера онъ получилъ въ день своего рожденія, по указу императора Павла, хотя до него ее исполняли со времени создавшаго ее Петра, преимущественно, люди знающіе, опытные и не царской крови, какъ, напримѣръ, Я. В. Брюсъ, Б. Х. Минихъ, Н. П. Вильбоа. Воспитаніе великій князь получилъ очень старательное, сначала подъ руководствомъ вдовы генерала, впоследствии княгини, Ш. К. Ливенъ, а потомъ генерала М. И. Ламздорфа. «По сохранившимся преданіямъ, — говоритъ г. Лалаевъ, — императрица Марія Феодоровна была довольно холодна и суха съ своими дѣтьми, такъ что, въ ранніе годы Михаила Павловича, отношенія его къ августѣйшей родительницѣ носили характеръ лишь строгой почиттельности и даже боязни; впоследствии же, оставшись вдовою, императрица-мать съ чувствомъ сердечной заботливости вполне отдалась дѣлу воспитанія двухъ младшихъ сыновей, которые по ея волѣ велись большею частью вдали отъ двора, въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины». Императоръ Александръ мало входилъ въ дѣло обученія своихъ братьевъ, но, предпочитая общественную систему воспитанія домашней, намѣревался отдать ихъ въ Царскосельскій лицей, открытый въ концѣ 1811 года, но отечественная война помѣшала осуществленію этого плана. Впрочемъ, великія князья Николай и Михаилъ были вызваны въ армію лишь въ февралѣ 1814 года и провели полгода во Франціи, Нидерландахъ и Германіи, гдѣ подъ руководствомъ генерала графа П. П. Коновницына, осматривали всѣ достопримѣчательности, особенно по военному дѣлу. Въ 1815 году, великій князь Михаилъ вторично посѣтилъ Парижъ и на смотру подъ Вертю впервые командовалъ конно-артиллерійскою бригадою. Затѣмъ, возвратившись въ Россію, онъ продолжалъ два года учебныя занятія и, наконецъ, покончилъ дѣло своего

образованія продолжительнымъ четырнадцатимѣсячнымъ путешествіемъ по Россіи и Европѣ, причеиъ Италію онъ посѣтилъ въ сопровожденіи стараго воспитателя Александра, знаменитаго Лагарпа. По возвращеніи въ Петербургъ началась его служебная дѣятельность, которая не прерывалась до самой его смерти въ 1849 году отъ тяжелаго недуга, усилившагося благодаря тому, что великій князь, женатый на принцессѣ виртембергской Еленѣ Павловнѣ, потерялъ въ теченіе одного года двухъ любимыхъ дочерей. Такъ какъ біографическій очеркъ г. Лалаева отличается строгого официальнымъ характеромъ и, въ сущности, представляетъ только пространный послужной списокъ, то въ немъ встрѣчается мало данныхъ, а тѣмъ болѣе новыхъ, о великомъ князѣ, какъ человѣкѣ, и почти не затронута анекдотическая сторона его жизни, столь характеристическая и любопытная. Только въ послѣдней главѣ приведено нѣсколько фактовъ изъ воспоминаній служившихъ при немъ лицъ, которые доказываютъ, что, не смотря на вишнюю его суровость и взыскательность по службѣ, доходившую до строгаго соблюденія самыхъ мелочей, онъ отличался добротой, теплымъ сочувствіемъ къ чужому горю и справедливостью. Такъ, однажды, узнавъ о томъ, что у одного гвардейскаго офицера оказался значительный недочетъ по казенной кассѣ, онъ наканунѣ ревизіи послалъ ему необходимыя деньги съ адъютантомъ, которому сказалъ: «Отдай ему и не смѣй мнѣ никогда называть его, а то я, какъ корпусный командиръ, отдамъ его подъ судъ; скажи, что я помогаю ему, какъ частный человѣкъ». Въ другой разъ, на смотрѣ верховой ѣзды, великій князь сдѣлалъ проницательное замѣчаніе о посадкѣ одного изъ юнкеровъ гвардейской юнкерской школы, но тутъ же замѣтилъ командиру школы: «Не обидѣлъ ли я этого толстяка? Распечъ за дѣло или для острастки по службѣ, это я понимаю; но оскорблять ради краснаго словца, это не въ моей натурѣ». Наконецъ, въ искреннемъ разговорѣ съ К. Ф. Коссаковскимъ, онъ однажды сказалъ: «Такъ я пугало и страшилище всѣхъ гвардейскихъ господчиковъ. Изъ меня хотять сдѣлать человѣка безъ сердца и утробы, который любить потѣшать себя зрѣлищемъ несчастныхъ... Но меня напрасно бояться; я исполняю свой долгъ и ничего не боюсь, но я никому не желаю зла». Справедливость этого отзыва великаго князя о самомъ себѣ вполне подтверждаетъ въ своихъ запискахъ князь Н. К. Имеретинскій, состоявшій при немъ камеръ-пажемъ: «Великій князь неусыпно, энергично и неослабно поддерживалъ дисциплину въ войскахъ, безпощадно каралъ малѣйшее ея нарушеніе, неуклонно выполняя общепринятую крутую программу военнаго обученія. Но суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и распекаеть и неумѣренная строгость взысканій даже за сравнительно маловажные проступки,— все это было вынужденно, ненормально и свойственно только видимому, но не настоящему характеру Михаила Павловича. По природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человекомъ, имѣлъ мягкое сердце, дѣлалъ много добра, не превозносился благодарностями, и только послѣ кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ».

Во второй юбилейной брошюрѣ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, составленной И. Н. Вожеяновымъ, обращено болѣе вниманія на внутреннюю и анекдотическую сторону его жизни, а потому, изобилуя ссылками на воспоми-

нанія сучасників, вона возбуждає болѣе общій інтересъ, чѣмъ офіціальна реляція М. С. Лалаева. О дѣтствѣ великаго князя авторъ, наприкладъ, приводить свідѣтельство партизана Сеславина о младенцѣ-фельдцейхмейстерѣ: «На маневрахъ я пришелъ въ палатку его величества съ рапортомъ къ фельдцейхмейстеру. Увидавъ меня, мой шефъ спряталъ личико на груди августѣйшей своей матери. Много труда стоило августѣйшему родителю уговорить упрямаго фельдцейхмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ, и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я вложилъ рапортъ». Воспитаніе двухъ младшихъ сыновей императора Павла было самое строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неосновательное; хотя, поручая ихъ попеченіямъ генерала Ламздорфа, императоръ сказалъ ему: «одного только требую, чтобы ты не сдѣлалъ изъ мальчиговъ шелопаевъ, каковы нѣмецкіе принцы»; но почтенный наставникъ исполнялъ это требованіе очень оригинально. Не имѣя никакого понятія о педагогії, онъ видѣлъ все спасеніе въ строгости, билъ своихъ воспитанниковъ линейкой и ружейнымъ шомполомъ, а розги у него были въ такомъ ходу, что сѣченіе заносилось въ ежедневныхъ журналахъ, въ которыхъ, между прочимъ, записано отъ 19-го апрѣля 1804 года, что Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей своей нянѣ и самъ просилъ, чтобы она его высѣкла, полагая, что послѣ этой операціи, сравнительно легкой, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія генераломъ Ламздорфомъ. «Дядька, къ намъ приставленный,—говорилъ въ послѣдствіи императоръ Николай графу Киселеву,—не умѣлъ ни руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ; онъ вѣчно ворчалъ, подчасъ раздражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ тычками и щипками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ, при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ, лучше уживался съ этимъ неспокойнымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное». Когда Михаилъ Павловичъ и его братъ достигли юношескихъ лѣтъ, то получили лучшаго руководителя, въ лицѣ генерала П. П. Коновницина, живой, нравственный обликъ котораго нарисованъ графомъ Л. Н. Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», но все-таки, поступивъ на дѣйствительную военную службу, имъ обоимъ приходилось часто многое терпѣть отъ Аракчеева. Такъ, Ю. К. Арнольдъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «всѣ хвалили скромность великихъ князей и привѣтливость, отзываясь о нихъ, какъ объ образцовыхъ молодыхъ офицерахъ-служакахъ, и искренно негодовали на то, что имъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всемогущаго временщика, графа Аракчеева». Наконецъ, послѣднимъ руководителемъ Михаила Павловича былъ Паскевичъ, который сопровождалъ его въ обширныхъ путешествіяхъ по Россіи и за границей, предпринятыхъ съ образовательною цѣлью. Хотя императрица Марія Теодоровна и говорила Паскевичу, поручая его попеченію своего младшаго сына: «я знаю, что у него есть особое расположеніе къ фрунту, но ты старайся ему внушить, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать бытъ государства», однако, Паскевичъ доносилъ ей съ дороги: «страсть къ экзерцирмейстерству неизлѣчима, а самъ государь предоставляетъ всѣ спо-

собы развивать ее». Такимъ страстнымъ фронтовикомъ Михайлъ Павловичъ и остался на всю жизнь, отчего происходила его послѣдующая суровая взыскательность по службѣ. Впрочемъ, Фридрихъ Гагенъ, бывшій въ Россіи въ 1839 году съ принцемъ Нидерландскимъ, говоритъ о немъ: «въ великомъ князѣ Михайлѣ Павловичѣ есть что-то мрачное и суровое, но, въ сущности, его можно назвать *«le bon et bienfaisant»*, и о немъ разсказываютъ случаи, гдѣ онъ проявилъ прекрасныя черты великодушія». На нѣкоторыя изъ этихъ чертъ указываетъ И. Н. Божеряновъ, именно: на спасеніе отъ смертной казни декабриста В. Кюхельбекера, прицѣпившагося въ него изъ пистолета, 14-го декабря, на Сенатской площади, на освобожденіе изъ Петропавловской крѣпости Фролова, привлеченнаго къ дѣлу декабристовъ, на избавленіе отъ ответственности бѣднаго пьянаго солдата, который, упавъ въ лужу, все-таки, лежа, снялъ фуражку, при видѣ великаго князя, и т. д. Что касается до анекдотовъ о Михайлѣ Павловичѣ и объ его остроумныхъ шуткахъ, то И. Н. Божеряновъ приводитъ ихъ немало. Отмѣтимъ два, три. Однажды, встрѣтивъ извѣстнаго остряка, Булгакова, одѣтаго не по формѣ, великій князь приказалъ ему сѣсть къ себѣ въ сани, а когда Булгаковъ отвѣчалъ: «извините, ваше высочество, никакъ не могу, русская пословица говоритъ: «не въ свои сани не садись», то Михайлъ Павловичъ разсмѣялся и не подвергъ его никакому взысканію. Самъ великій князь очень любилъ шутить, и его остроты ходили по городу. Однажды, указывая на лицо, назначенное въ Америку съ дипломатическимъ порученіемъ, онъ сказалъ: «никогда графъ Несельроде не выказалъ столько такта и проницательности, какъ въ этомъ назначеніи; дѣйствительно, у этого дипломата лицо съ того свѣта (*de l'autre monde*). Въ другой разъ, при представленіи государю астронома Струве, которому только-что пожаловали звѣзду, Михайлъ Павловичъ замѣтилъ, указывая на неловкость ученаго: «*Il n'y a rien d'étonnant, — il voit tant d'étoiles déplacées qu'il a perdu son compte*».

А. Н. Неустроевъ. Литературные дѣятели XVIII вѣка. І. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898.

Періодъ царствованія императрицы Екатерины II, и вообще вторая половина XVIII вѣка, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Вліяніе французскаго ложноклассицизма, составлявшее основную черту предшествовавшего ломоносовскаго періода нашей литературы, смѣняется теперь вліяніемъ общеевропейской литературы «просвѣщенія». Потокъ новыхъ идей, хлынувшій въ нашу литературу вмѣстѣ съ «Наказомъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія», разомъ поднялъ и литературу, и всю общественную мысль. Въ литературѣ начинается новое теченіе, во главѣ котораго становится сама императрица. Вниманіе ея къ печатному слову, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, вызываетъ быстрое и широкое развитіе литературы, не только собственно поэтической, но и научной, особенно, исторіографіи, исторической пу-

блистистики; разомъ принимаєть довольно разнообразное развитіе журналистики, почти не существовавшая до того времени; сравнительно съ прежнимъ ломоносовскимъ періодомъ, постепенно преобразується весь характеръ нашей литературы; въ литературу какъ-то незамѣтно пробивается все сильнѣе струя народности, дѣлаются изученія народнаго быта, собираются памятники народной поэзіи и т. д.... И въ литературѣ, и въ обществѣ замѣчается общій духовный подъемъ; во всѣхъ сферахъ литературы и науки видимъ необычную работу мысли, стремленіе къ дѣятельности... Все это вызываетъ, помимо главныхъ наиболѣе выдающихся представителей литературы и общественной мысли, цѣлый рядъ писателей и общественныхъ дѣятелей, второстепенныхъ, мелкихъ, не выступающихъ на первый планъ, дѣятельность которыхъ не всегда бывала замѣтной для общества, но которые самой многочисленностью своей, часто самой массой своихъ разнообразныхъ полуученыхъ, полупопулярныхъ литературныхъ трудовъ могущественно способствовали развитію и духовному росту этого общества, увеличивали кругъ читателей, способствовали развитію и поднятію въ нихъ болѣе духовныхъ интересовъ и стремленій.

Къ числу такихъ дѣятелей безспорно долженъ быть причисленъ В. Г. Рубанъ (1739—1795).

Разнообразные литературные отчасти ученые труды Рубана, конечно, заслуживали бы болѣе обстоятельной и подробной характеристики, чѣмъ та, которую мы находимъ въ брошюрѣ г. Неустроева, заглавіе которой выписано нами выше; но и за эту сравнительно небольшую работу нельзя не быть благодарнымъ автору: она все же вызываетъ память о писателѣ, о которомъ мы совсѣмъ забыли... Прекрасная статья Н. С. Тихонравова, нѣкогда начатая имъ и теперь вошедшая въ собраніе его сочиненій, къ сожалѣнію, осталась неоконченной.

Брошюра г. Неустроева состоитъ изъ двухъ частей: на первыхъ своихъ страницахъ она даетъ краткую біографію Рубана; на дальнѣйшихъ — бібліографическій перечень его сочиненій, переводовъ и изданій въ хронологическомъ порядкѣ. Перечень составленъ очень обстоятельно; но біографическій очеркъ заставляетъ желать очень многого... Онъ недалеко уходитъ отъ простаго формулярнаго списка... Статья Тихонравова, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ она осталась и теперь, даетъ несравненно больше для пониманія и оцѣнки и самой личности Рубана, и всей его научно-литературной дѣятельности.

В. Г. Рубанъ былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ писателей своего времени. Родомъ онъ былъ изъ Малороссіи и родился невдалекѣ отъ Кіева, въ 1739 году. Семья, къ которой онъ принадлежалъ, неизвѣстна; но учился онъ сначала въ Кіевской духовной академіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Повидимому, Рубанъ былъ однимъ изъ способныхъ и прилежныхъ воспитанниковъ, такъ какъ, по сообщенію его современника, Новикова, за свои успѣхи въ наукахъ «получилъ медали золотыя и серебряныя» («Опытъ историческаго словаря»). Рубанъ отличался знаніемъ иностранныхъ языковъ: кромѣ греческаго и латинскаго, зналъ французскій, нѣмецкій и турецкій. Какъ всѣ наши писатели XVIII вѣка, Рубанъ, конечно, «служилъ» сначала

переводчикомъ въ сенатѣ, потомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; митрополитъ Евгеній называетъ Рубана «директоромъ екатеринославскихъ училищъ». Болѣе подробныхъ извѣстій объ его службѣ, повидимому, не имѣется.

Литературная дѣятельность Рубана началась еще въ студенческіе годы, въ бытность его въ Московскомъ университетѣ, и вообще въ журналахъ, издававшихся при университетѣ. Въ «Полезномъ Увеселеніи» (1761) Хераскова и «Добротѣ Намѣреній» (1764) Сенковского Рубанъ помѣщаетъ рядъ различныхъ переводовъ отчасти правоучительнаго, отчасти болѣе свободнаго содержанія. Широкая и разнообразная литературная дѣятельность Рубана начинается съ переѣздомъ его изъ Москвы въ Петербургъ, куда онъ переселяется въ 60-хъ годахъ, вскорѣ по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ.

Въ нашей начальной литературѣ XVIII вѣка особенно видное мѣсто занимаетъ панегирическое направленіе, цѣликомъ перенесенное изъ кievской литературы XVII вѣка и нашедшее для себя выраженіе сначала въ тѣхъ же силлабическихъ виршахъ, а вскорѣ затѣмъ въ такъ называемыхъ «надписяхъ» — произведеніяхъ совершенно особаго рода, намъ теперь мало понятныхъ, наконецъ, въ безчисленныхъ одахъ... «Оды», «надписи», различные «стихи» занимаютъ главное мѣсто и въ длинномъ спискѣ сочиненій Рубана, приложенномъ къ брошюрѣ Неустроева. Это были наиболѣе обычныя, самыя модныя, современныя литературныя формы, и Рубанъ, вмѣстѣ съ другими своими современниками-піитами, здѣсь особенно потрудился. И на какіе только случаи не писалъ своихъ одъ Рубанъ!.. Такъ одними изъ болѣе раннихъ были «Ода на день всерадостнѣйшаго торжества за предпріятый и благополучно совершившійся, къ неопisanному счастью всея Россіи, ея императорскаго величества и его императорскаго высочества въ привитіи оспы подвигъ, 22 ноября 1768 г.» (Спб., 1768), «Стихи на великолѣпное зданіе соборной Исакиевской церкви съ придѣломъ храма святыхъ Кира и Іоанна, сооружаемое въ Санктъ-Петербургѣ» (Спб., 1770), за которыми слѣдовали «Ода его свѣтлости князю Г. А. Потемкину, въ которой приносится благодареніе за оказанныя благодѣянія сочинителю сего, въ окончаніи 1777 года» (Спб., 1778), «Надпись на новостроящейся ея императорскаго величества дворецъ, близъ Невскихъ пороговъ, въ 30 верстахъ отъ С.-Петербурга по Шлиссельбургской дорогѣ при мызѣ Пеллѣ» (1785), «Пукъ цвѣтовъ парнаескихъ, принесенный въ даръ его высокопревосходительству, Ів. Ів. Вецкому (s. a.)», «Россійской музы объ учрежденіи и открытіи Вознесенской губерніи, въ южной полосѣ Россійской имперіи, посланіе къ Овидію» (Спб., 1795) и т. д., и т. д. Рубанъ не былъ поэтомъ и въ этомъ отношеніи нисколько не выдѣлялся изъ большинства современныхъ ему кропателей-стихоплетовъ, наводнявшихъ въ то время нашу литературу безчисленными «одами», «диамирамбами», «пеанами или пѣснями на побѣды», разными «эпикидіонами», «пуками цвѣтовъ парнаескихъ» и т. д., и т. д., не особенно гонявшихся ни за содержаніемъ своихъ произведеній, ни даже за приемами, и высокія стремленія которыхъ часто были просто

«награда перстенькомъ,

«Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,

«Иль похвала своихъ пріятелей...

Рубанъ, можетъ быть, былъ лучшимъ въ рядахъ этихъ стихотворцевъ, но и его поэтическіе приемы были не сложны. Въ своихъ одахъ онъ чаще всего ограничивается риторическими сравненіями, въ подборѣ которыхъ не мудрствуетъ лукаво; такъ, въ одѣ на привітіе оспы императрицѣ онъ сравниваетъ Екатерину... съ змѣемъ, котораго Моисей вознесъ на древо для спасенія своего народа... Содержаніе одъ Рубана вообще бѣдно; они почти лишены всякаго искренняго чувства, котораго «поэтъ» не проявляетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «приноситъ благодареніе» за оказанный ему самому «благодѣянiя»... Иногда Рубанъ прямо подражаетъ, чуть не буквально, Ломоносову... Впрочемъ, не надо забывать, что все это имѣло совсѣмъ другое значеніе для современника, и въ этомъ заслуга нашей часто весьма незатѣйливой «оды» XVIII вѣка. Она нравилась современникамъ, была для нихъ поэтическимъ произведеніемъ... О стихотворныхъ произведеніяхъ Рубана даже такіе люди, какъ Новиковъ, прямо заявляли, что они «заслуживаютъ похвалу»; въ своемъ «Опытѣ словаря» онъ цѣликомъ приводитъ одну «надпись» Рубана, замѣчая, что она «особливо» заслужила отъ всѣхъ знающихъ людей похвалу... Хотя, надо прибавить, что и отъ современниковъ Рубану доставалось немало, и за свои стихи онъ нерѣдко подвергался насмѣшкамъ.

Наиболѣе важное значеніе Рубана было однако не здѣсь. Это былъ вообще человѣкъ просвѣщенный, горячій приверженецъ науки, образованія, любилъ русскую старину, имѣлъ вкусъ къ классикамъ и вообще къ древности. Этими вкусами опредѣлялась болѣе существенная и важная сторона его научно-литературной дѣятельности, на которую, однако, онъ выступилъ не вдругъ.

Рядомъ съ лирикой, Рубанъ принимаетъ живое участіе въ журналистикѣ. Въ моментъ разцвѣта у насъ сатирическихъ журналовъ, Рубанъ выступаетъ съ журналомъ «Ни то, ни се» (1769), позднѣе въ 70-хъ годахъ издаетъ «Трудолюбивый Муравей» (1771) и «Старину и Новизну» (1772 — 1773). Дѣятельность Рубана, какъ журналиста, тоже была не вполнѣ удачной; отчасти онъ и самъ это признавалъ, замѣчая въ одномъ мѣстѣ, что пустился на журнальное поприще, «очертя голову»... Первые два журнала, повидимому, должны были носить сатирическій характеръ; но къ легкой, живой сатирѣ Рубанъ совсѣмъ не былъ способенъ. Да и вообще онъ не признавалъ, повидимому, ясно цѣли и назначенія своихъ журналовъ; издателемъ иногда руководятъ просто «охота показаться грамотнымъ и желаніе услужить публикѣ»... Если журналъ не будетъ ни полезенъ, ни бесполезенъ для общества, «то мы, — замѣчаетъ по поводу своего перваго журнала издатель, — будемъ не первые отягощать свѣтъ бесполезными сочиненіями; между множествомъ ословъ и мы выслухими быть не покраснѣемъ»... Конечно, въ этихъ выраженіяхъ нельзя не видѣть и обычной тогдашней манеры вообще слишкомъ своеобразно-скромно говорить о своей дѣятельности; но въ отношеніи къ журналамъ Рубана это была и не одна скромность. Журналы его, особенно два первые, были также безцвѣтны и безсодержательны, какъ и его «оды». Нѣсколько лучше

былъ третій журналъ «Старина и Новизна» внесенными въ него матеріалами и статьями по русской исторіи, къ которой все чаще и чаще сталъ обращаться теперь издатель. Впрочемъ, при всемъ небогатствѣ содержанія, и журналы Рубана находили для себя читателей и, какъ вся наша тогдашняя сатирическая журналистика, очевидно, «попадали на вкусъ мѣщанъ, простыхъ людей»; въ 1771 г. «Ни то, ни се» вышло вторымъ изданіемъ... Прекративши свой третій журналъ, Рубанъ окончательно нашелъ здѣсь въ сферѣ популярно-научныхъ своихъ работъ и изданій свое призваніе. При своей любви къ наукѣ, просвѣщенію, при своемъ трудолюбіи, Рубанъ болѣе всего склоненъ былъ къ кропотливымъ, ученымъ занятіямъ, и, будучи весьма плохимъ стихотворцемъ, очень посредственнымъ журналистомъ, онъ является весьма виднымъ и почетнымъ дѣятелемъ въ сферѣ научнаго изученія и обработки матеріаловъ русской исторіи, исторической и современной топографіи, вообще русской старины, древностей, придавая всему этому нерѣдко популярный характеръ, ставя главной своей задачей распространеніе подобныхъ знаній въ читающемъ большинствѣ...

Труды Рубана по изданію матеріаловъ русской исторіи начинаются въ 1772 году и, повидимому, стояли въ связи съ общимъ возбужденіемъ интересовъ къ старинѣ, къ собиранію и обнародованію историческихъ памятниковъ, вызваннымъ Татищевымъ, Новиковымъ и др. Рубанъ былъ также довольно близокъ съ извѣстнымъ Хлѣбниковымъ. Рубану принадлежитъ изданіе цѣлаго ряда различныхъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, относящихся преимущественно къ XVII в., отчасти къ началу XVIII-го. Слѣдующія его слова показываютъ, какъ смотрѣлъ Рубанъ на изданіе историческихъ памятниковъ: «Чтеніе древнихъ преданій, — говоритъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ изданій, — наилучше изъясняетъ дѣянія тогдашнихъ временъ, представляетъ образъ мыслей и жизни предшественниковъ нашихъ. Изданіе старинныхъ російскихъ лѣтописей, изъ челюстей ѣдкія древности психищаемыхъ, нарочито умножаетъ знаніе отечественной исторіи и обогащаетъ природный языкъ, отъ многого чужеземныхъ нарѣчій введенія оскудѣвать начавшій». Въ издаваемыхъ памятникахъ, впрочемъ, Рубанъ не всегда придерживается подлинника со всею строгостью; онъ позволяетъ себѣ дѣлать въ немъ при печатаніи нѣкоторыя поправки «погрѣшностей», и не всегда удачно. Но это былъ общій господствовавшій тогда пріемъ изданія старыхъ памятниковъ. Болѣе важными изданіями Рубана научнаго характера были «Походъ боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина къ Азову» (Сиб., 1773) «Уставъ ратныхъ, пшечныхъ и другихъ дѣлъ, переведенный при Василии Шуйскомъ и Михаилѣ Теодоровичѣ» (Сиб., 1777—1781) «Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки-Албова. путешествіе къ св. мѣстамъ» (Сиб., 1778), — въ 1819 г. вышедшее шестымъ изданіемъ «Землеописаніе Малыя Россіи» (Сиб., 1777), «Краткая лѣтопись, Малыя Россіи» (Сиб., 1777), «Начертаніе, подающее понятіе о достохвальномъ царствованіи Петра Великаго» (Сиб., 1778), писанное неизвѣстнымъ авторомъ, но современникомъ и встрѣчающееся очень часто въ рукописяхъ, и др. Немало историческихъ и топографическихъ свѣдѣній разбросано въ издававшихся Рубаномъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ «Любопытныхъ

Мѣсяцесловахъ» (на 1775, 1776, 1778, 1779 гг.), имѣвшихъ большой успѣхъ и отличавшихся вообще разнообразіемъ и содержательностью. Особенно большую популярность имени Рубана далъ изданный имъ въ 1783 году «Россійскій царскій памятникъ, содержащій по азбучному порядку краткое описаніе жизни руссійскихъ государей, ихъ супруговъ и чадъ», въ теченіе двухъ лѣтъ выдержавшій шесть изданій. Книга имѣла практическое назначеніе и предназначалась главнымъ образомъ для православнаго духовенства; но въ ней было собрано множество историческихъ свѣдѣній, которыя могли интересовать и всякаго вообще средняго читателя. Помимо краткихъ справочныхъ свѣдѣній о жизни русскихъ государей, великихъ князей, ихъ женъ и дѣтей, свѣдѣній о времени и мѣстѣ ихъ рожденія, пребыванія, кончины и погребенія, въ книжкѣ находились особыя краткія «росписи» русскихъ губерній, намѣстничествъ, областей, епархій, времени ихъ учрежденія, монастырей и т. п. Особое, чисто практическое значеніе имѣлъ также издаваемый Рубаномъ «Дорожникъ чужеземный и руссійскій» (Спб., 1777), издававшійся имъ неоднократно.

В. Г. Рубанъ былъ, наконецъ, усерднымъ переводчикомъ. Его трудолюбію русская литература второй пол. XVIII в. обязана пріобрѣтеніемъ цѣлаго ряда иностранныхъ произведеній, преимущественно, классическихъ писателей, также нѣкоторыхъ западноевропейскихъ и древнихъ, духовнаго, общеморальнаго характера. Такими были «Омброва Ватрахомиомахія, то есть война мышей и лягушекъ, забавная поэма» (Спб., 1772), «Двѣ Пронды, или два письма древнихъ героинь, Публия Овидія Насона» (Спб., 1774), «Публия Virgilія Марона Еніиды» (Спб., 1775), «Virgilія Марона Георгини» (Спб., 1777), «Настоятель Килеринскій, нравоучительная исторія, сочиненная изъ записокъ одной знатной прландской фамиліи и снабженная всѣмъ тѣмъ, что можетъ учинить чтеніе ея полезнымъ и пріятнымъ, d'Аржанса» (Спб., 1765—1781), «Мурета отроческое наставленіе» (Спб., 1770), «Царскій свитокъ, посвященный греческому императору Іустину, діакономъ Агапітомъ», извѣстное духовно-нравоучительное произведеніе византійской литературы, бывшее весьма извѣстнымъ въ старой русской письменности, и нѣкот. др.

Вся эта столь обширная и разносторонняя литературная дѣятельность Рубана не проходила, конечно, для современниковъ безслѣдно, — она «плодила читателей», и въ этомъ заключается почетное значеніе такихъ дѣятелей, какъ Рубанъ, въ исторіи народнаго образованія и просвѣщенія.

Проф. А. Архангельскій.

Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897.

Авторъ настоящаго интереснаго изслѣдованія уже давно извѣстенъ въ нашей ежемѣсячной печати своими серьезными, обстоятельными и полными любви къ предмету статьями по крестьянскому вопросу. Онъ принадлежитъ къ числу немногихъ, тѣхъ которые, еще задолго до выраженного земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ намѣренія о пересмотрѣ положенія о

крестьянахъ громко выступили въ журналахъ съ цѣлымъ рядомъ очерковъ, разъясняющихъ ненормальное юридическое положеніе крестьянъ, съ указа-ніями въ ихъ историческомъ освѣщеніи, откуда и отчего эта аномальность проистекла и что слѣдуетъ предпринять для уврачеванія обнаружившихся въ практикѣ изъяновъ крестьянской жизни. Книга, заглавіе которой приведено выше, является именно собраніемъ статей г. Дружинина, помѣщенныхъ въ «Наблюдатель», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и «Журналѣ юридическаго общества» и посвященныхъ разнымъ сторонамъ внутренней и виѣшней исторіи крестьянскаго права. По этому въ настоящее время, когда вопросъ о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ поставленъ на очередь, и на эту сторону нашей жизни обращено особенное вниманіе правительства, общества и печати, книга г. Дружинина является какъ нельзя кстати и можетъ сослужить добрую и полезную службу. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ критики реформы 19 февраля 1861 г. и подчеркиваетъ въ этой реформѣ слѣдующіе недостатки: 1) въ поземельномъ отношеніи на крестьянъ было возложено непосильное истощившее ихъ бремя—земля досталась слишкомъ дорого; 2) устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ было предоставлено почти исключительно мѣстнымъ представителямъ того самого сословія, изъ подъ зависимости котораго они только что вышли, и 3) вообще крѣпостнымъ крестьянамъ, дотолѣ безправнымъ, жившимъ вѣѣ закона, и послѣ освобожденія не было дано прочнаго юридическаго положенія.

«И законоположенія 19 февраля не установили ихъ правъ и обязанностей вполнѣ твердо, ясно и опредѣленно,—говоритъ г. Дружининъ.—Крѣпостные крестьяне не подпали съ этого момента дѣйствію закона, и только закона, да и съ теченіемъ времени ихъ юридическое положеніе, какъ и прочихъ разрядовъ крестьянъ, не получало этой необходимой опредѣленности и не подчинилось единственно строгому, ясному и точному закону, этому дѣйствительно прочному условію. Въ этомъ отношеніи положеніе вещей осталось совершенно неудовлетворительнымъ какъ съ точки зрѣнія самыхъ насущныхъ потребностей, такъ и съ точки зрѣнія историческихъ стремленій крестьянъ и юридической сущности русскаго государственнаго устройства и управленія».

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей работы г. Дружининъ сжато, но и отчетливо рисуетъ исторію крестьянскаго права за послѣднія 35 лѣтъ, опредѣляетъ основныя начала и важнѣйшія стороны обширнаго пореформеннаго законодательства о крестьянахъ и выясняетъ, наконецъ, главнѣйшую и общую потребность сельскаго населенія въ юридическомъ обезпеченіи. Дабы осуществить свою задачу въ полномъ ея объемѣ авторъ къ основной части своей книги, посвященной непосредственно изслѣдованію юридическаго положенія крестьянъ, присоединяетъ нѣкоторыя дополнительные главы, имѣющія существенныя точки соприкосновенія съ первой частью. Къ таковымъ главамъ относятся—опытъ изслѣдованія положенія крестьянской женщины, разработка вопроса объ употребленіи «ты» вмѣсто «вы» земскими начальниками въ ихъ сношеніяхъ съ крестьянами, о наказаніи безъ суда и т. п.

Обращаясь къ практическому разрѣшенію г. Дружининымъ трудныхъ вопросовъ нынѣшней крестьянской жизни, вносящихъ сюда неурядицу и до-

ставляючих немало хлопотъ, какъ самимъ крестьянамъ, такъ и администраціи, мы видимъ слѣдующіи одиннадцать проектируемыхъ имъ мѣропріятій, при помощи которыхъ онъ полагаетъ привести современную жизнь деревни къ нормѣ и порядку. Мѣры эти: 1) распространеніе обязательнаго выкупа надѣловъ на крестьянъ закавказскихъ губерній, съ пониженіемъ для всѣхъ состоящихъ на выкупѣ крестьянъ платежей, равно роста на капитальный долгъ, до размѣровъ, допускаемыхъ настоящимъ состояніемъ денежнаго рынка; 2) отмена круговой поруки и всѣхъ тѣхъ мѣръ взысканія платежей съ крестьянъ, которыя падаютъ на самую личность плательщика (арестъ, наложеніе опеки, отдача въ заработки, лишеніе права передвиженія и пр.); 3) отмена тѣлеснаго наказанія; 4) преобразование волостнаго суда на началѣ всесословности; 5) скорѣйшее отдѣленіе вообще въ области сельскаго правосудія власти судебной отъ административной, въ интересахъ законности; 6) замѣщеніе должностей земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, безотносительно къ ихъ происхожденію, и вообще устраненіе сословно-дворянскаго начала изъ области управленія крестьянскими дѣлами; 7) учрежденіе крестьянскихъ повѣренныхъ изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, — обязанностями по изслѣдованію на мѣстахъ юридическаго быта крестьянъ; 8) ревизія дѣятельности всѣхъ нынѣшнихъ административно-судебныхъ установленій; 9) приданіе значенія юридическаго лица каждому селенію, несоставляющему отдѣльнаго сельскаго общества, — съ образованіемъ въ его средѣ особаго деревенскаго схода, вѣдающаго дѣла, исключительно до этого селенія относящіяся; 10) допущеніе въ составъ крестьянскихъ сходовъ, — деревенскихъ, сельскихъ и волостныхъ, — лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ околоткѣ, но пока лишь съ совѣщательнымъ голосомъ (впредь до окончательнаго преобразования крестьянскаго общественнаго управленія на началѣ всесословности, безусловно требующей здѣсь широкаго примѣненія); 11) принятіе на счетъ государственнаго казначейства мірскихъ расходовъ на содержаніе общественнаго крестьянскаго управленія, какъ получившаго уже и имѣющаго получить въ еще большей мѣрѣ общегосударственное значеніе, и — увеличеніе общегосударственныхъ средствъ на народное образованіе.

Такова практическая программа г. Дружинина по крестьянскому вопросу, программа, въ общихъ своихъ началахъ сходящаяся съ мнѣніями тѣхъ нашихъ представителей прогрессивнаго направленія, о которыхъ было достаточно говорено въ статьѣ «Реформа на очереди» («Историч. Вѣстн.» 1897 г.). Только тѣ лица по большей части касались принциповъ желательной реформы, авторъ же «Юридическаго положенія крестьянъ» далъ себѣ трудъ приложить эти принципы къ многочисленнымъ конкретнымъ явленіямъ жизни, чѣмъ и придалъ своей работѣ характеръ практической дѣловитости, столь именно необходимой въ настоящіе дни. Поэтому читателямъ, и въ особенности, провинціальнымъ, соприкасающимся по своему общественному, либо служебному положенію, съ крестьянскою средою, книга г. Дружинина можетъ быть особенно усердно рекомендована. Остается пожалѣть, что она нѣсколько запоздала выходомъ и поступила въ продажу тогда, когда мѣстныя учрежденія ужъ успѣли выска-

заться и отвѣтитъ на вопросы, предложенные земскимъ отдѣломъ. Остается также пожалѣть, что издатель, г. Мартыновъ, не нашелъ возможнымъ назначить ей цѣну пониже: 2 р. 50 к., по нынѣшнимъ временамъ, когда дѣло идетъ о пониженіи цѣнъ на книги, слишкомъ высока для подобнаго изданія, небольшого по объему и изданнаго, хоть прилично, но далеко не роскошно, по сравненію съ цѣною.

Б. Г.

На сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Н. Латкинъ. Спб. 1898.

Книга г. Латкина заключаетъ въ себѣ его воспоминанія о сибирской золотопромышленности, которая рисуется имъ въ цѣломъ рядъ картинъ мало художественныхъ, но всегда вѣрныхъ. Особый мірокъ искателей золотого руна какъ въ лицѣ пріисковыхъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, представленъ имъ въ темномъ и мало симпатичномъ видѣ. Золотопромышленная дѣятельность капиталиста вполне зависитъ отъ таежныхъ развѣдчиковъ, которые находятъ золотовосныя площади, ставятъ на нихъ явочные столбы и подаютъ о неприкосновенности этихъ площадей заявку административнымъ властямъ. Часто развѣдчики отъ разныхъ хозяевъ нападаютъ на одну и ту же мѣстность и между ними происходятъ ссоры, драки или обманы своихъ довѣрителей: промываетъ развѣдчикъ въ тайгѣ бадей съ десятью песку и скажетъ, что промылъ 2—3 бады. Пробы будутъ богаты золотомъ, но при дальнѣйшей разработкѣ, послѣ покупки пріиска, послѣдній окажется пустымъ и безвыгоднымъ. Требуется много опытности, чтобы развѣдчики пріисковыхъ мѣстъ не обманули покупателя. Много предприимчивыхъ людей разорилось на ложныхъ развѣдкахъ. «Въ сибирской тайгѣ, — говоритъ г. Латкинъ, — чуть гдѣ появлялось какое нибудь открытіе золота, часто даже фиктивное, какъ все разомъ бросаются къ этому мѣсту и начинаютъ неистово заявлять направо и налѣво все горы и доли, о которыхъ раньше никто не думалъ. Еще не такъ давно, когда была открыта въ К. округъ, по р. Осиновой, хорошаго содержанія россыпь, то десятки поисковыхъ партій бросились искать золото въ его окрестности; чуть не весь городъ К. принялся бредить золотыми богатствами, и, какъ говорится, старъ и младъ, чиновникъ и мѣщанинъ, чуть ли даже кухарки и горничныя не составляли компанію для поисковъ; сотни площадей было заявлено, но путнаго ничего не вышло. Одна казна отъ марокъ на прошенія, да рабочіе, или, скорѣе, кабаки, были въ барышахъ. Горячечный бредъ этой золотой лихорадки разрылся для многихъ разореніями и всеобщимъ разочарованіемъ». Не менѣе грустную картину рисуетъ г-нъ Латкинъ и жизни пріисковыхъ рабочихъ, особенно, до 60-хъ годовъ: законтрактованные и замученные непосильными работами, они бѣжали съ пріисковъ и подвергались преслѣдованіямъ пріисковой администраціи и «таежныхъ волковъ» (якутовъ съ винтовкой). А тѣ, которые оставались на пріискахъ до окончанія работъ и зарабатывали хорошія деньги, употребляли послѣднія на кутежи и развратъ. «Идетъ это, бывало, — пишетъ г. Латкинъ, — богачь-работій по улицѣ, весь въ бархатѣ или въ шелковой рубашкѣ, шляпа съ павлиньимъ перомъ на головѣ на бекрень надѣта, въ одной рукѣ шелковый платокъ держитъ, да его по грязи

волочить, въ другой пачка рублевокъ, которыя онъ впереди себя въ грязь швыряетъ и по нимъ выступаетъ, впереди его какой нибудь молодець на гармоникѣ наигрываетъ, а сзади его свита — полуныяныя дѣвки да бабы молодыя пѣсни визжать, а тутъ, какъ пройдетъ эта процессія, на брошенные въ грязь ассигнаціи накидывается толпа прокутившихся оборванцевъ, и начинается отыскиваніе затонутыхъ бумажекъ, и, конечно, подымается между ними ругань и драка». Авторъ, во многихъ мѣстахъ своей книги, пытается показать деморализующее вліяніе пріискового пролетаріата на коренное населеніе Сибири, бросившее и звѣроловство и иные промыслы, въ ожиданіи выходовъ съ пріисковъ, послѣ расчета, рабочихъ.

Въ виду ожидаемой въ Сибири реформы питейной торговли, особенный интересъ въ книгѣ г. Латкина представляютъ тѣ страницы, гдѣ онъ рисуетъ свободную продажу крѣпкихъ напитковъ, развившую и «спиртоношество» и такъ называемую промывку золота «на деревянной бочкѣ», когда какой нибудь аферистъ поселяется около чужого пріиска, покупаетъ рядомъ за безцѣнокъ бездоходный пріискъ и торгуетъ водкой на краденое золото съ сосѣдняго пріиска... Что касается специально «спиртоносовъ», то, по словамъ г. Латкина, «въ настоящее время хищничество и дерзость этихъ контрабандистовъ дошли до того, что они организуются въ вооруженныя скорострѣльнымъ оружіемъ шайки и оказываютъ сопротивленіе высылаемымъ для поимки ихъ казакамъ. Впрочемъ, наши енисейскіе спиртоносы далеко скромнѣе своихъ олекминскихъ и особенно приамурскихъ собратьевъ. Случившееся два года тому назадъ и встревожившее всю тайгу нападеніе на караванъ съ 17 пудами золота (Ниманской комп.) было дѣломъ приамурскихъ спиртоносовъ». Съ введеніемъ въ Сибирь казенной продажи питей, надо думать, значительно сократится выгода тайной торговли виномъ, которая теперь, при отсутствіи крупнымъ сибирскимъ винокуреннымъ фирмамъ конкуренціи и высокихъ цѣвъ на вино, приносятъ отличные барыши и спиртоносамъ, и содержателямъ золотыхъ пріисковъ, расплачивающимся съ рабочими порціями водки, и аферистамъ, которые моютъ золото тоже «на деревянной бочкѣ»... А. Фаресовъ.

И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ пословицы. Онѣ выражаютъ міровоззрѣніе народа, его религіозныя, нравственныя и юридическо-бытовыя понятія, служатъ живыми памятниками народнаго духа и представляютъ народный характеръ въ его первоначальномъ, естественномъ видѣ, свободномъ отъ вліянія вѣишней культуры. Будучи выразительницами народнаго характера, пословицы, однако, не имѣютъ безусловно самобытнаго происхожденія и заключаютъ въ себѣ и элементы, привнесенные извнѣ. Выдѣленіе этихъ элементовъ и вообще указаніе и объясненіе тождественныхъ, или даже только сходныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ пословицахъ разныхъ народовъ, представляетъ для историка большой интересъ, такъ какъ можетъ пролить новый свѣтъ на международныя сношенія, о которыхъ исторія имѣетъ неясныя или недостаточ-

ныя свѣдѣнія. При этомъ особенно важное значеніе имѣетъ тожество содержанія пословицъ вмѣстѣ со сходствомъ ихъ формы или способа выраженія, потому что такое двойное сходство—и формы, и содержанія—не можетъ быть объяснено случайнымъ совпаденіемъ, но имѣетъ свое основаніе въ международныхъ сношеніяхъ, въ культурныхъ вліяніяхъ и въ литературныхъ связяхъ, и для его толкованія необходимо обращаться къ исторіи и литературѣ. Изученіе русскихъ пословицъ съ культурно-исторической точки зрѣнія едва лишь начато (Снегиревъ, отчасти Буслаевъ), и книга г. Тимошенка представляетъ первый серьезный опытъ такого изученія.

Сочиненіе г. Тимошенка предваряется краткимъ предисловіемъ (стр. XI—XII) и введеніемъ (стр. XIII—XXV), гдѣ рѣчь идетъ о задачѣ труда, его методѣ и источникахъ. Г. Тимошенко задался цѣлью сравнить въ своемъ трудѣ русскія и отчасти славянскія пословицы съ древнѣйшими ихъ образцами или прототипами, находящимися въ греческой и римской литературѣ, надѣясь установить одинъ малопзвѣстный, но не подлежащій сомнѣнію фактъ, что многія русскія пословицы и поговорки представляютъ или буквальный переводъ или передѣлку греческихъ и латинскихъ изреченій. Какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной передачи, или литературной,—отвѣтовъ на это въ книгѣ нѣтъ, да и трудно указать такой путь по отношенію къ каждой пословицѣ, въ виду многочисленныхъ и многообразныхъ связей Россіи съ Востокомъ и Западомъ. Авторъ не воспользовался въ своемъ изслѣдованіи и тѣмъ обширнымъ и весьма важнымъ для выясненія литературной исторіи русскихъ пословицъ матеріаломъ, который находится въ различныхъ памятникахъ древне-русской письменности: онъ ограничивается лишь сравненіемъ русскихъ пословицъ съ соответствующими мѣстами изъ сочиненій греческихъ и римскихъ писателей, а изслѣдованіемъ посредствующихъ формъ, встрѣчающихся въ древне-русской письменности, онъ не занимается. Въ изложеніи своего предмета онъ держится хронологическаго порядка, наиболѣе удобнаго въ книгѣ, посвященной исторіи русскихъ пословицъ. Во введеніи содержатся также краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографѣхъ—составителяхъ пословицъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая новѣйшими трудами (Куртца, Крумбахера) изъ этой области.

Самое изслѣдованіе исторіи русскихъ пословицъ (стр. 1—170) состоитъ въ сравненіи ихъ съ образцами и прототипами, находящимися въ греческой и римской литературѣ. Авторъ беретъ русскія пословицы изъ собранія Даля и сопоставляетъ ихъ съ соответствующими греческими и римскими литературными изреченіями. Такіе первоисточники русскихъ пословицъ онъ находитъ у Гомера, Гезіода, Солона, Езопа, Пивагора, Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Геродота, Фукидида, Аристофана, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Менандра, Теокрита, Плавта, Теренція, Цидерона, Виргилія, Горация, Овидія, Сенеки, Лукіана, Діогена Лаертскаго, Зеновія, бл. Іеронима, бл. Августина, Глики, Никиты Акомина, Плануда, Ѳомы Кемпійскаго, Еразма Роттердамскаго и у многихъ другихъ греческихъ и римскихъ писателей, не только классическихъ, но и христіанскихъ, вплоть до среднихъ вѣковъ. Въ общемъ, г. Тимошенко представилъ исторію трехсотъ русскихъ пословицъ, воспользовавшись для ихъ объясненія 82-мя источниками.

Трудъ г. Тимошенка представляетъ первую попытку изученія русскихъ пословицъ съ культурно-исторической точки зрѣнія и по одному этому заслуживаетъ вниманія. Конечно, въ немъ неизбежно должны быть промахи и недочеты, касающіеся полноты греческихъ и латинскихъ первоисточниковъ для русскихъ пословицъ и цѣлесообразности ихъ сопоставленія, но они не могутъ значительно понижать цѣнность работы, еще разъ прекрасно доказывающей тѣсную культурно-историческую связь Россіи съ Западомъ, а главнымъ образомъ съ Византіей, которая вліяла на славянскій и въ частности на русскій міръ въ области религіи, духовной литературы и искусства, отразилась и на произведеніяхъ народнаго духа—на народныхъ сказаніяхъ, пѣсняхъ и, наконецъ, на пословицахъ, какъ показываетъ г. Тимошенко. Его книга должна имѣть особый интересъ для интересующихся культурно-историческою связью Россіи съ Византіей.

Очерки современной Японіи. Женщины-врача А. А. Черевковой. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898.

Еще недавно никто у насъ и не думалъ объ Японіи. Кромѣ немногихъ специалистовъ, ею интересовался лишь тѣсный кружокъ лицъ, которыхъ служба или случай забрасывали на крайній азіатскій востокъ, и которымъ приходилось не въ книгѣ, а въявь столкнуться со сказочной «страной восходящаго солнца». Путешествіе на востокъ государя наслѣдника цесаревича пробудило въ нашемъ обществѣ стремленія поближе ознакомиться съ дальнимъ востокомъ вообще; а извѣстное покушеніе на жизнь цесаревича, совершенное въ самомъ сердцѣ Японіи самымъ чистокровнымъ японцемъ, вызвало у насъ, какъ и вездѣ, вслѣдъ за понятнымъ недоумѣніемъ, желаніе разобраться, наконецъ, въ хаосѣ нашихъ смутныхъ представленій объ Японіи. Дальнѣйшія событія на востокѣ—война Японіи съ Китаемъ, вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи, борьба изъ-за Кореи, наконецъ, послѣдніе шаги Германіи и Англіи въ связи съ толками о раздѣлѣ Китая,—все это очень сильно повысило интересъ читающей публики къ тому, что такъ или иначе затрогивало огромный, но, въ сущности, совершенно невѣдомый ей, міръ загадочнаго востока. На встрѣчу возникшему спросу не замедлило, конечно, явиться предложеніе: въ газетахъ, журналахъ и, наконецъ, отдѣльными изданіями стали все чаще и чаще появляться замѣтки, статьи, изслѣдованія, посвященные, конечно, главнымъ образомъ Японіи, представляющей весьма крупную фигуру въ сложной драмѣ неожиданно выступившаго и очень грознаго новаго восточнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, весьма немногія изъ такихъ произведеній имѣютъ какую либо научную или литературную цѣнность: это—частью плохія компіляціи, составленныя на основаніи такого же плохого или стараго книжнаго матеріала, частью—крайне поверхностныя замѣтки туристовъ, являвшихся на востокъ безъ всякой солидной подготовки и остававшихся тамъ слишкомъ короткое время для того, чтобы имѣть возможность разобраться въ пестромъ калейдоскопѣ сильныхъ впечатлѣній и совершенно чуждой и чрезвычайно своеобразной жизни.

Исключеніе изъ этой груды накопившагося у насъ за послѣднее время печатнаго матеріала объ Японіи представляютъ только-что вышедшіе въ свѣтъ «Очерки современной Японіи» женщины-врача А. А. Черевковой.

Авторъ прожилъ въ странѣ нѣсколько лѣтъ. За это время ему удалось посѣтить самыя интересныя мѣстности Японіи, подолгу оставаться въ каждой изъ нихъ, присматриваясь внимательно къ различнымъ подробностямъ жизни, столь отличной отъ нашей. Особенную цѣнность здѣсь имѣетъ еще то обстоятельство, что автору приходилось не разъ и не при одинаковыхъ условіяхъ провѣрять свои впечатлѣнія тамъ же, на мѣстѣ.

Написанныя прекраснымъ литературнымъ языкомъ «Очерки современной Японіи» представляютъ рядъ яркихъ, картинныхъ описаній нравовъ, природы, жизни и искусства крайне любопытной страны. Живость, ясность, отчетливость всѣхъ подробностей каждаго явленія, каждой изображаемой сцены составляютъ отличительныя черты «Очерковъ», чрезвычайно выгодно выдѣляя ихъ изъ многихъ другихъ сочиненій, касающихся Японіи.

Книга издана изящно и снабжена двѣнадцатю художественно-исполненными гравюрами.

Л. Ж.

Альбомъ картинъ и рисунковъ И. Е. Рѣпина. Изданіе В. В. Матѣ. Выпускъ первый. Спб. 1898.

И. Е. Рѣпинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся современныхъ художниковъ нашихъ; но большинство публики знакомо съ замѣчательными произведеніями его кисти преимущественно по многочисленнымъ, но, болѣею частью, весьма неудовлетворительнымъ цинкографіямъ, помѣщаемымъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Профессору В. В. Матѣ пришла прекрасная мысль воспроизвести картины и рисунки Рѣпина офортomъ, фототипіей и гравюрой на деревѣ. Поступившій недавно въ продажу первый выпускъ этого изящнаго изданія заключаетъ въ себѣ кони съ 16 произведеній художника, разнообразнаго содержанія. Между прочимъ, здѣсь находятся извѣстныя картины: «Бурлаки на Волгѣ», «Король Лиръ», «Кончина сына Іоанна Грознаго», портреты графа Л. Н. Толстого, Гоголя, Пирогова, Стасова, Третьякова и др. Три рисунка превосходно исполнены красками въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Мы увѣрены, что всѣ любители отечественнаго искусства будутъ благодарны г. Матѣ за изданный имъ альбомъ и, вмѣстѣ съ нами, пожелаютъ скорѣйшаго появленія слѣдующихъ выпусковъ.

О. Ш.

Гаспарі Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

По поводу появленія I тома Гаспарі мы уже говорили въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о чрезвычайной важности этой высоконаучной и вполне самостоятельной исторіи итальянской литературы, а также и о несомнѣнныхъ до-

стоинствахъ перевода, предпринятаго г. Бальмонтомъ. Лежащій передъ нами томъ заключаетъ въ себѣ 16 главъ: Боккаччіо (стр. 1—60), Эпигоны великихъ флорентійцевъ (стр. 60—89; разумѣются: авторъ Пекороне, Серкамби, Саккетти, Пуччи, Джіованни изъ Прато, Федерико Фреucci, Зеноне Зенони и др.), Гуманисты XV вѣка (стр. 89—161), Народный языкъ въ XV столѣтіи (стр. 161—198), Полициано и Лоренцо де Медичи (стр. 198—231), Рыцарская поэзія. Пульчи и Бойардо (стр. 231—266), Неаполь, Понтано и Саннацаро (стр. 266—310), Макіавелли и Гвиччардини (стр. 310—357), Бембо (стр. 357—375), Аріосто (стр. 375—403), Кастильоне (стр. 403—412), Пьетро Аретино (стр. 412—435), Лирика въ XVI столѣтіи (стр. 135—475; здѣсь говорится о Бернардо Капелло, Франческо Маріи Мольца, Джіованни делла Каза, Луиджи Трансилло, Микель Анджело Буанаротти, о Витторіи Колоннѣ и друг. поэтесахъ, о Франческо Берни, о такъ называемой Ласкѣ и др.), Героическая поэма въ XVI столѣтіи (стр. 475—507; рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Триссино, Аламани и Бернардо Тассо), Трагедія (стр. 507—530; Триссино, Ручеллаи, Лодовико Дольче и многіе другіе), Комедія (стр. 530—580; Аріосто, Макіавелли, Пьетро Аретино и пр.).

Въ изложеніи литературы эпохи Возрожденія Гаспари, какъ и всякій историкъ итальянской литературы, не могъ не оказаться въ затрудненіи относительно того, говорить ли ему о дѣятельности итальянскихъ гуманистовъ (черезъ что итальянская литература обращается въ исторію просвѣщенія и латинскую литературу въ Италіи), или оставить ее въ сторонѣ (отъ чего литература интереснѣйшей эпохи оказалась бы бѣдною и неполною). Онъ выпелъ изъ этого затрудненія съ честію, но не безъ нарушенія послѣдовательности: въ главѣ XV о Боккаччіо (подобно тому, какъ и въ послѣдней главѣ I-го тома о Петраркѣ) онъ занимается почти исключительно итальянскими произведеніями автора Декамерона, о латинскихъ же его трудахъ и о вліяніи на развитіе новой науки говоритъ только вскользь, будто онъ намѣренъ игнорировать участіе Италіи въ развитіи гуманизма; но за тѣмъ, посвятивъ три десятка страницъ подражателямъ Данта, Петрарки и Боккаччіо, онъ даетъ обширную и прекрасную главу о гуманистахъ—она такъ умѣло и красиво написана, что можетъ замѣнить три-четыре недурныхъ монографій на эту тему—и въ изложеніи послѣдующаго, отдавая первое мѣсто произведеніямъ итальянскимъ, параллельно разбираетъ и вліятельныя произведенія латинской литературы въ Италіи.

Всѣ отдѣлы настоящаго тома хорошо составлены и интересно изложены, но по новости матеріала и выводовъ мы особенно рекомендуемъ главу XVIII-ю, гдѣ содержится много любопытнаго для исторіи ранняго итальянскаго театра, которая представляетъ не лишеныя поучительности параллели и для русской духовной драмы. А въ качествѣ образчика научной объективности и удивительной ясности въ изложеніи спорнаго (хотя и донельзя истертаго) вопроса мы можемъ указать характеристику политическихъ взглядовъ Макіавелли, начиная съ 321 страницы русскаго перевода.

Переводъ этотъ въ общемъ также вполне удовлетворителенъ, какъ и переводъ I тома. Не можемъ только не пожалѣть, что г. Бальмонтъ на этотъ разъ

будто совсѣмъ забылъ, что такъ хорошо владѣеть стихомъ, и не перевелъ ни одной изъ многочисленныхъ стихотворныхъ цитатъ; для вѣщаго неудобства многихъ читателей, эти итальянскія (равно какъ и латинскія) цитаты остались и безъ всякаго перевода.

Переводчикъ очень хорошо сдѣлалъ, что на стр. I Приложеній указалъ на прекрасную монографію академика А. Н. Веселовскаго о Боккаччіо; но было бы еще лучше, еслибъ онъ внесъ изъ нея, въ видѣ примѣчаній, какъ къ тексту, такъ и къ Приложеніямъ хотя бы важнѣйшіе изъ выводовъ русскаго изслѣдователя. На стр. XIII этихъ Приложеній слѣдовало бы указать русское изданіе (магистерскую диссертацию) изслѣдованія того же А. Н. Веселовскаго о Виллѣ Альберти.

Мелкихъ недосмотровъ больше въ Приложеніяхъ, нежели въ текстѣ. Отмѣтимъ на случай 2-го изданія: Бенуа де Сенъ Морё (чит. Моръ), Геваиде Стація (чит. Тебаида), «греческое обозначительное имя» (стр. VI), «встрѣча съ Петраркой въ Падуѣ слѣдуетъ изъ словъ Петрарки (стр. IX) и т. д. Что касается до текста, то мы не встрѣтили такихъ неловкостей и недосмотровъ (на стр. 191, безъ сомнѣнія, вмѣсто «сюжеты, взятые изъ латинской исторіи», надо читать изъ итальянской или изъ современной исторіи; но это простой lapsus calami, только не отмѣченный въ печаткахъ); иной сочтетъ дѣломъ вкуса, писать ли: по-латински, дантевскій, Кризолора и пр., какъ пишетъ переводчикъ, или по-латыни, дантовскій, Хризолоръ и пр. но мы предпочли бы способъ болѣе обычный.

Когда выйдетъ окончаніе труда Гаспари въ переводѣ г. Бальмонта, итальянская литература будетъ въ Россіи поставлена лучше, нежели какая либо другая.

А. Б.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Выпускъ второй (отъ Дністра до Москвы). Москва. 1897.

«Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ XVII вѣкѣ», описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ произведеній арабской литературы и имѣетъ весьма важное значеніе и для исторіи Россіи. О первомъ выпускѣ этого памятника, переведеннаго г. Муркосомъ на русскій языкъ, въ свое время у насъ было дано сообщеніе («Историческій Вѣстникъ» за 1897 г., май, стр. 616—617). Теперь предъ нами второй выпускъ того же произведенія въ рускомъ изданіи, содержащій въ себѣ четвертую, пятую и шестую книги «Путешествія». Книга четвертая (стр. 1—80) описываетъ путь патріарха Макарія по Украинѣ до Кіева и содержитъ немало любопытныхъ историческихъ данныхъ. Здѣсь разсказывается, между прочимъ, о войнѣ казаковъ съ ляхами, описывается казацкій бытъ и административный строй въ казацкой землѣ, характеризуется гетманъ Хмельницкій, съ которымъ патріархъ имѣлъ свиданіе, а главное, описывается

Кіево-Печерскій монастирь съ его святынями, богослуженіемъ, монашескимъ строемъ, наконецъ, рассказывается и о другихъ достопримѣчательностяхъ (храмахъ и монастыряхъ) города Кіева. Описаніе Кіево-Печерской лавры съ ея великою церковію, сдѣланное арабскимъ авторомъ, въ настоящее время особенно важно потому, что является единственнымъ ея описаніемъ до пожара 1718 года, который испепелилъ весь Печерскій монастирь, истребивъ въ немъ всѣ остатки древности, еще видѣнные Павломъ Алеппскимъ. Книга пятая (стр. 81—144) рассказываетъ о путешествіи патріарха Макарія отъ Кіева до Коломны. И здѣсь имѣется немало интересныхъ свѣдѣній касательно русской жизни и быта. Архидіаконъ Павелъ заносилъ въ свое описаніе путешествія все, что видѣлъ и слышалъ. Здѣсь рассказывается о церквахъ и монастыряхъ Украйны и Московской земли, лежавшихъ на пути арабскихъ путешественниковъ, описываются города и крѣпости, сообщаются наблюденія надъ бытомъ простого русскаго народа и духовенства, изображается отношеніе русскихъ къ иностранцамъ, и т. п. Въ шестой книгѣ (стр. 145—199) рассказывается о пребываніи патріарха Макарія въ Коломнѣ. По обычаю арабскій авторъ подробно описываетъ городъ и его достопримѣчательности, говоритъ о богослуженіи и духовенствѣ, о религіозныхъ процессіяхъ, совершенныхъ по случаю моровой язвы и въ праздникъ Крещенія Господня, повѣствуетъ о набожности русскихъ и т. п. Кромѣ того, въ этой книгѣ рѣчь идетъ о страшной моровой язвѣ, постигшей Русь во время пребыванія въ Коломнѣ арабскихъ полонниковъ, и о походѣ царя Алексѣя Михайловича подъ Смоленскъ. Наконецъ, есть небольшое сообщеніе о коломенскомъ епископѣ Павлѣ, ставшемъ въ оппозицію въ отношеніи къ патріарху Никону по случаю исправленія богослужебныхъ книгъ и за это подвергшемуся ссылкѣ въ Сибирь. Книга заканчивается замѣткою о прибытіи арабскихъ путешественниковъ въ Москву, о пребываніи въ которой рѣчь будетъ въ слѣдующихъ книгахъ.

И второй выпускъ «Путешествія» антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію представляетъ интересъ съ исторической стороны и содержитъ немало такихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ аналогичныхъ произведеніяхъ иностранной литературы и которыя любопытны, какъ сообщенія современника, не всегда, быть можетъ, достовѣрнаго, но, несомнѣнно, наблюдательнаго, воспріимчиваго и усердно заносившаго въ свой трудъ свои впечатлѣнія и впечатлѣнія своего авторитетнаго отца, патріарха Макарія. Г. Муркосъ своимъ переводомъ на русскій языкъ выдающагося арабскаго произведенія оказываетъ безспорную услугу русской исторической наукѣ. С.

ЗАГРАНИЧНІ ІСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ І МЕЛОЧИ.

ВОВАЯ монографія о Платонѣ. Хотя авторъ почтеннаго труда о происхожденіи и развитіи логики Платона, Викентій Лютославскій, полякъ и ученикъ Дерптскаго профессора Тейхмюллера, но его объемистая книга появилась на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ ¹⁾. Главное достоинство этой ученой монографіи, по словамъ компетентныхъ критиковъ, заключается въ подробномъ изслѣдованіи платоновской литературы, изученной авторомъ въ главнѣйшихъ европейскихъ бібліотекахъ, въ новой хронологической классификаціи сочиненій Платона, на основаніи стилистическихъ ихъ особенностей, и въ уясненіи нѣкоторыхъ спорныхъ фактовъ жизни великаго философа. Въ послѣднемъ отношеніи, Лютославскій опровергаетъ вѣскими аргументами признаваемое большинствомъ комментаторовъ Платона пребываніе его въ Мегарѣ, гдѣ онъ будто бы написалъ вскорѣ послѣ смерти Сократа свою трилогію: «Theaetetus», «Sophist» и «Politicus». По словамъ польскаго ученаго, единственнымъ авторитетомъ, подтверждающимъ эту легенду, представляется Діогенъ Лаэртій, который ссылается на Гермadora, но его свидѣтельство не внушаетъ никакого довѣрія, тогда какъ достоинъ полнаго вниманія тотъ фактъ, что Цицеронъ ни словомъ не упоминаетъ о Мегарѣ, говоря о странствіяхъ Платона. «Поэтому, какъ ни искусна гипотеза о вліянніи Мегары для выясненія нѣкоторыхъ изъ самыхъ своеобразныхъ сочиненій Платона, замѣчаетъ Лютославскій, но проще и справедливѣе заключить, хотя это какъ бы не согласуется съ безграничнымъ культомъ платоновскаго совершенства, исповѣдуемаго его

¹⁾ The origin and Growth of Plato's Style and of the chronology of his writings, by Wincenty Lutoslavsky. London. 1898.

поклонниками, что под старость въ мнѣніяхъ великаго философа произошла радикальная перемѣна, благодаря которой проявляются въ его послѣднихъ произведеніяхъ слѣды будущихъ теорій Декарта, Канта и Лейбница». Всѣ ученые изслѣдованія почтеннаго автора приводятъ его къ заключенію, что платоновская философія не была теоріей объективнаго идеализма, которой отличаются лишь три, или четыре діалога, представляющіе переходную фазу его умственного развитія, а, конечная форма платонизма составляетъ не систему идей, а систему душъ, или постепеннаго развивающагося совершенства.

— Легенда о Тангейзерѣ. Ученый изслѣдователь литературы и народной поэзіи среднихъ вѣковъ, французскій академикъ, Гастонъ Пари, помѣстилъ во второй мартовской книжкѣ *Revue de Paris* любопытный очеркъ происхожденія легенды, вдохновившей Вагнера и послужившей сюжетомъ его оперы «Тангейзеръ»¹⁾. По странной ироніи судьбы, Вагнеръ, воскрешая въ своихъ поэтическихъ музыкальныхъ произведеніяхъ средневѣковыя легенды, преимущественно потому что онѣ были германскія, черпалъ не разъ свое вдохновеніе изъ поэмъ, хотя и нѣмецкихъ, но заимствованныхъ изъ французскихъ подлинниковъ, кельтическаго происхожденія, таково происхожденіе «Тристана и Изольды», «Парсеваля» и, по всей вѣроятности, «Лоенгринъ». Указавъ на этотъ странный фактъ, Гастонъ Пари подробно рассказываетъ аналогичную исторію легенды о Тангейзерѣ, которая, однако, хотя также кельтическаго происхожденія, но прошла чрезъ горнило итальянской народной поэзіи, а не французской, прежде чѣмъ достигнуть Германіи. Въ послѣдней странѣ эта легенда впервые появляется въ половинѣ XV столѣтія въ поэмѣ Германа фонъ Саксенгейма, но только въ слѣдующемъ вѣкѣ она воплотилась въ удивительную народную пѣснь, различные варианты которой существуютъ на верхне-нѣмецкомъ и нижне-нѣмецкомъ нарѣчіяхъ, на голландскомъ и датскомъ языкахъ, въ рукописяхъ и книгахъ XVI и XVII вѣковъ, а также въ найденныхъ недавно устныхъ пересказахъ въ Швейцаріи и Австріи. Гастонъ Пари приводитъ самый древній текстъ этой народной пѣсни, которую Гейне сравнивалъ съ «Пѣснью пѣсней» Соломона и называлъ «самымъ пламеннымъ на свѣтѣ гимномъ любви, окрашенномъ красной кровью сердца». Такъ какъ это произведеніе народной музы отличается не только поэзіей, но философскою, гуманною глубиной, и очень кратко, то мы приводимъ его цѣликомъ: «Тангейзеръ былъ добрый рыцарь, желалъ видѣть всѣ чудеса и посѣтилъ гору Венеры, гдѣ она жила съ другими красавицами. Прошелъ годъ, грѣхи стали его печалить: «Венера, благородная и утонченная дама, я хочу съ вами разстаться». — «Рыцарь Тангейзеръ, я люблю васъ, не забывайте, что вы клялись не разставаться со мною». «Дама Венера, я не клялся въ этомъ, я отрицаю это и, вѣроятно, клялся кто нибудь другой, видите Богъ». — «Рыцарь Тангейзеръ, что вы говорите? Вы должны остаться съ нами, я дамъ вамъ въ жены одну изъ моихъ подругъ». — «Если-бъ я думалъ о другой женщинѣ, кромѣ той, которая всегда въ моихъ мысляхъ, то я былъ бы достоинъ вѣчнаго сожженія адскимъ огнемъ». — «Вы говорите объ адскомъ огнѣ, но вы его никогда не чувствовали; развѣ вы думаете о моихъ

¹⁾ La legende du Tannhäuser, par Gaston Paris. *Revue de Paris*. 15 mars, 1898.

красныхъ губахъ, которыя вѣчно смѣются?»—«Что мнѣ ваши красныя губы? мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ. Отпустите меня, благородная дама, и разлучите со своимъ гордымъ тѣломъ»—«Тангейзеръ не говорите такъ, вернитесь къ другимъ мыслямъ, пойдемте ко мнѣ и насладимся благородной игрою въ любовь».—«Ваша любовь мнѣ стала противна; я отгадываю въ васъ дурныя мысли, а по огню вашихъ глазъ я вижу, что вы чертовка». И онъ удалился изъ горы съ тревогой и раскаяніемъ.—«Я пойду въ Римъ и исповѣдаюсь папѣ. Да сопутствуетъ мнѣ Господь, я пойду къ папѣ Урбану и увижу, можетъ ли онъ меня спасти». И увидѣвъ онъ папу и сказалъ ему: «О папа, сладчайшій повелитель сердца моего, сознаюсь тебѣ въ смертельномъ грѣхѣ. Я цѣлый годъ пробылъ у дамы, называемой Венерой, я хочу исповѣдываться тебѣ во всемъ, получить епитимью и узнать, могу ли я когда лицезрѣть Бога?» Папа держалъ въ рукахъ трость и, воткнувъ ее въ землю, сказалъ: «Эта трость не можетъ цвѣсти, такъ и ты не можешь получить прощенья Божья». Тангейзеръ ушелъ въ смущеніи и горѣ. «О Марія, Пречистая Дѣва, мнѣ надо проститься съ тобою!» И онъ вернулся въ гору навсегда: «Я пришелъ къ вамъ, дама-Венера, потому, что Богъ вернулъ меня сюда».—«Милости просимъ, Тангейзеръ. Я васъ давно ждала, привѣтствую васъ, благородный рыцарь, котораго я люблю болѣе всѣхъ». На третій день, трость папы начала цвѣсти, и папа послалъ во всѣ страны, чтобы узнать, гдѣ Тангейзеръ. Онъ скрылся въ горѣ и предался своей любви, а потому четвертый папа Урбанъ не видалъ вѣчной жизни. Ни одинъ папа, ни одинъ кардиналъ не долженъ проклясть грѣшника, какъ бы великъ ни былъ его грѣхъ. Богъ всегда можетъ его простить». Какъ извѣстно, Вагнеръ не удовольствовался этой прекрасной народной пѣснью и совершенно измѣнилъ ее въ своей оперѣ, примѣшавъ къ ней другую легенду, о поэтической борьбѣ въ Вартбургѣ, идеальную любовь къ Елисаветѣ и спасеніе души Тангейзера, вмѣсто его возвращенія въ гору Венеры. Что касается до итальянскаго прототипа Тангейзера, то легенда о Сибиллѣ и ея горѣ встрѣчается въ одномъ тосканскомъ романѣ XIV столѣтія, значить задолго до первыхъ намековъ о Тангейзерѣ въ Германіи; она изложена совершенно также, какъ въ германской народной пѣснѣ, но только въ ней папа сначала хотѣлъ простить раскаявшагося рыцаря, но рыцаря подвелъ его конюхъ, благодаря хитрости котораго онъ подумалъ, что папа его проклялъ. Конечно, имя рыцаря уже въ Германіи преобразилось въ Тангейзера, и Гастонъ Пари полагаетъ, что это имя было дано герою легенды, потому что, дѣйствительно, существовалъ въ XIII вѣкѣ минезингеръ Тангейзеръ, который писалъ стихи, полные то порочной страстью, то раскаяніемъ. Наконецъ, по словамъ Гастона Пари, даже итальянская легенда о «Monte dello-Sibillo» не была первобытная, а въ свою очередь имѣла древнее языческое, кельтическое происхожденіе, но у кельтовъ, въ основѣ легенды, лежала мысль болѣе глубокая, болѣе человѣчная, чѣмъ борьба между плотской и духовной любовью, а именно сознаніе человѣка, что онъ призванъ на свѣтъ къ борьбѣ за человѣческіе интересы, а потому онъ, среди всѣхъ прелестей райскаго блаженства, ощущаетъ потребность въ борьбѣ, въ живой дѣятельности, въ трудѣ.

— Іоанна д'Аркъ и ея сподвижники. Культъ Орлеанской дѣвственницы, какъ высшаго олицетворенія во Франціи патріотизма, растетъ съ каж-

дымъ днемъ, и 8 мая настоящаго года въ парижскомъ учебномъ округѣ произойдетъ первый въ ея честь школьный праздникъ, программа котораго съ подробно изложенными инспекторомъ Парижской академіи, Евелиномъ, мотивами напечатана въ «Revue Bleue» ¹⁾. Что же касается до книгъ и статей о національной французской героинѣ, то онѣ появляются чуть не каждый день. Въ послѣднее время особенно обращаетъ на себя вниманіе статья въ первой мартовской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» генерала Драгомирова подъ заглавіемъ «Боевые шаги Іоанны д'Аркъ» (24 февраля 1428—30 мая 1431)²⁾ и обширная монографія Генри Шапуа объ ея сподвижникахъ³⁾. Краткій очеркъ русскаго генерала представляетъ характеристику военныхъ дѣйствій Орлеанской дѣвы и хотя не сообщаетъ ничего новаго, но нѣкоторыя изъ его замѣчаній любопытны, особенно тѣ изъ нихъ, которыя касаются сверхъестественной стороны ея подвиговъ. По его словамъ, главными элементами ея благородной натуры были пламенная вѣра и культъ чудеснаго, благодаря вліянію на нее въ дѣтствѣ очень религіозной матери и кельтическихъ мѣоувъ, сохранявшихся тогда съ жизненной силой въ Лотарингіи. «Для лицъ, любящихъ объяснять необыкновенныя явленія естественными причинами, — замѣчаетъ авторъ, — этихъ указаній было бы достаточно для объясненія умственного и нравственнаго состоянія Іоанны, но если, дѣйствительно, этого достаточно, то много было бы Іоаннъ, такъ какъ условія ея жизни были тѣ же, которыя окружали всѣхъ ея современницъ. И, однако, извѣстна только одна Іоанна, съ которой не можетъ сравниться никто въ исторіи, и она представляется настолько сверхъестественнымъ существомъ, что еслибъ о ней не существовали достовѣрные свѣдѣнія, въ особенности, протоколы Руанскаго процесса, то ее слѣдовало бы отнести къ числу мѣоувъ. Нѣкоторые серьезные писатели, какъ Мишлэ, составляютъ себѣ о ней слишкомъ простое представленіе и стараются видѣть всю ея силу не въ ея энергіи и въ ея видѣніяхъ, а въ ея здоровомъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, здравый смыслъ внушилъ ей мысль попытать счастья съ войсками, вѣчно разбиваемыми, противъ побѣдоносной втеченіе столѣтія англійской арміи. Въ сущности, здравый смыслъ совѣтовалъ бы ей скорѣе противоположное, именно, то, что онъ совѣтовалъ любимцамъ Карла VII и его опытнымъ полководцамъ даже послѣ того, какъ Іоанна обнаружила всему міру возможность побѣждать англичанъ. Умные люди всегда одни. Встрѣчая фактъ, не подходящий подъ скудный запасъ ихъ понятій о причинахъ явленій, они замалчиваютъ этотъ фактъ, или объясняютъ его такъ неудовлетворительно, что недостаточность объясненія сразу бросается въ глаза человѣку безъ предвзятыхъ мнѣній. Эти интеллектуальные люди говорятъ что все на свѣтѣ естественно, но не все извѣстно, и что, наталкиваясь на непонятное можетъ быть невѣдомое до сихъ поръ, а, быть можетъ, и навсегда, лучше признать это явленіе непонятнымъ, чѣмъ стараться его ступсвать или объяснить простыми, невѣроятными причинами. При этомъ,

¹⁾ Une Fête scolaire en l'honneur de Jeanne d'Arc, par M. Evelin. Revue Bleue. 5 fevrier.

²⁾ Les etapes de Jeanne d'Arc (24 fevrier 1428—30 mai 1431), par le general Dragomirof.—Revue des Deux Mondes. 1 mars.

³⁾ Les compagnons de Jeanne d'Arc, par Henri Chapois.—Paris. 1898.

ошибочность объясненія внутренней силы, одушевлявшей Іоанну, однимъ здравымъ смысломъ, тѣмъ непростительнѣе Мишлэ, что онъ самъ принадлежалъ къ расѣ вдохновенныхъ душъ. Къ тому же, какъ можно объяснить, не извращая истины, однимъ здравымъ смысломъ такіе факты, какъ утверждение Іоанной еще въ Вокулерѣ, что она сниметъ осаду Орлеана и поведетъ дофина въ Реймсъ для коронованія, какъ указанье ею въ толпѣ царедворцевъ дофина, предсказанье своей раны, дѣйствительно случившейся, спустя двѣ недѣли, или, наконецъ, чуда изъ чудесъ, командованія простой, молодой поселянкой арміей и одержанія побѣды, во главѣ ея?» Такимъ образомъ Драгомировъ склоняется въ пользу чудеснаго, сверхъестественнаго объясненія геройскихъ подвиговъ этой дочери народа, просто спасшей свою страну внушеніемъ ей энергіи и патріотизма, тогда какъ аристократы и военачальники, окружавшіе короля губили ее своими эгоистичными и корыстными интригами; даже онъ ставитъ подвиги Орлеанской дѣвы въ одну категорію явленій съ гипнотизмомъ, внушеніемъ, раздвоеніемъ личности и т. д. Переходя отъ этихъ болѣе чѣмъ странныхъ идей, особенно, когда онѣ проповѣдуются боевымъ генераломъ, къ его характеристикѣ военнаго поприща Іоанны д'Аркъ, начавшагося ровно 470 лѣтъ тому назадъ и продолжавшагося только три года, до ея мученической смерти, мы видимъ, что особый восторгъ въ немъ возбуждаетъ ясное понятіе, которое она имѣла объ основахъ военнаго дѣла, заключающихся, по его словамъ, «въ томъ, что надо всегда идти прямо къ цѣли, что, ударивъ на врага, необходимо продолжать нападеніе до конца, не давъ врагу опомниться, что натискъ хороши въ началѣ дѣла, а потомъ обязательно упорство, что потеря времени иногда приводитъ къ потери сраженія». Когда ей не мѣшали и не связывали ей рукъ, замѣчаетъ онъ, то она совершала чудеса во главѣ арміи; такъ, въ пять дней она взяла два города приступомъ и одержала побѣду въ открытомъ бою, что было достойно самого Наполеона. Мимоходомъ Драгомировъ справедливо указываетъ, что «Іоанну д'Аркъ нельзя было обмануть насчетъ происходившаго въ душѣ народной массы и въ сердцѣ простолюдина», что, «какъ дочь народа, она одна понимала народныя чувства среди развращеннаго двора», и что, наконецъ, «народъ громко обвинялъ богачей-вельможъ и военачальниковъ въ предательствѣ святой дѣвы, защищавшей смиренныхъ и возстававшей противъ пороковъ сильныхъ міра сего». Къ сожалѣнію, эти мысли не развиты въ очеркѣ Драгомирова, а именно, въ народномъ элементѣ и кроется разгадка будто бы сверхъестественныхъ подвиговъ простой поселанки, которая спасла свою родину отъ чужеземнаго ига силой любви и подъема народнаго духа. Что касается до книги Шапуа о сподвижникахъ Іоанны д'Аркъ, то она представляетъ много любопытныхъ свѣдѣній о лицахъ, окружавшихъ народную героиню, въ первые дни ея военнаго поприща, въ минуты торжества, и въ горькіе пять мѣсяцевъ ея мученичества. Передъ читателемъ проходятъ интересныя фигуры Ла-Гира, Ксантраля, герцога Алансонскаго, аббата Фронтэ, Ройэ, Пуланжи, Кузино, Іоана Д'Олина и двадцати другихъ скромныхъ дѣятелей, а чтобы рельефнѣе обрисовать ихъ, авторъ графически рисуетъ картины выхода арміи, съ Жанной д'Аркъ во главѣ, изъ Блуа, вступленія въ Орлеанъ, сраженія при Патэ и коронаціи Карла VII. При этомъ все, что рассказываетъ Шапуа въ своемъ добросовѣст-

номъ трудѣ, основано на подлинныхъ документахъ и достовѣрныхъ матеріалахъ, такъ что можно вполне положиться на вѣрность изображаемыхъ имъ сценъ сельской, городской и бивачной жизни, какъ фона, на которомъ ярко выдѣляются всѣ эпизоды геройской дѣятельности Орлеанской дѣвственницы и ея сподвижниковъ.

— Былъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ? Извѣстный французскій художественный критикъ, академикъ Еженъ Мюнцъ, посвящаетъ нѣсколько страницъ во второй мартовской книжкѣ «Revue des Revues»¹⁾ выясненію вопроса о томъ, занимался ли великій живописецъ окултизмомъ, какъ это увѣряютъ нѣкоторые ученые и романисты, между прочимъ, Симондсъ и Д'Анунціо. Какъ извѣстно, въ этомъ итальянскомъ Фаустѣ соединялись художникъ и ученый, мало того, онъ любилъ общество мистиковъ, иллюминатовъ, астрологовъ, алхимиковъ и тому подобныхъ темныхъ личностей, но, какъ доказываетъ Мюнцъ, ни одинъ ученый его времени не возставалъ такъ рѣзко, какъ Да-Винчи, противъ всякой ложной науки. Какъ могъ онъ быть адептомъ окултизма и магіи, когда онъ прямо говорилъ: «многіе торгуютъ псевдо-чудесами и обманываютъ глупую толпу», или, «среди человѣческихъ заблужденій, нѣтъ глупѣе вѣры въ некромантію, сестру алхиміи». Наконецъ, задавшись вопросомъ, могутъ ли говорить духи, онъ отвѣчаетъ отрицательно и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія аргументы, достойные современнаго ученаго. «Его магія, — замѣчаетъ Мюнцъ, — заключалась въ томъ, что онъ изслѣдовалъ глубже и смѣлѣе тайны природы, чѣмъ это дѣлали до него. Поэтому заявимъ во всеуслышаніе, что если любознательность влекла его къ окултизму, то удивительный здравый смыслъ постоянно удерживалъ его на краю; если онъ любилъ играть съ огнемъ, то умѣлъ во время отдернуть руку отъ огня, чтобы не обжечься». Его пламенная натура не довольствовалась искусствомъ и тогдашней наукой, а потому онъ старался похитить у природы ея тайны, но путемъ не магіи, а положительнаго, строго-научнаго анализа; онъ производилъ химическіе опыты, гналъ духи, очищалъ масла, составлялъ краски и лаки, приготавливалъ сложныя горючія вещества для фейерверковъ и т. д., но никогда не занимался хиромантіей, некромантіей, алхиміей и тому подобнымъ, хотя любилъ окружать себя таинственностью, писалъ всегда справа налево, рисовалъ всюду головы медузъ и оставилъ среди своихъ эскизовъ, хранящихся въ виндзорской бібліотекѣ и ея Оксфордѣ, немало рисунковъ, изображающихъ сцены волшебства и кудесничества. Насколько Да-Винчи опередилъ въ этомъ отношеніи своихъ современниковъ, доказываетъ тотъ фактъ, что послѣ его смерти Карданъ, Парацельсъ и Компанелла были настоящими адептами окултизма и магіи, послѣдователями Пифагора и Аполлонія Тіянскаго, а также провозвѣстниками Сень-Жермена, Каліостро и новѣйшихъ маговъ конца нашего вѣка.

— Мазаньелло. Въ прошедшемъ году минуло 250 лѣтъ народному движенію въ Неаполѣ 1647 г., которое сдѣлало изъ простаго рыбака Мазаньелло втеченіе недѣли трибуна, короля, мученика и народнаго кумира. Но этотъ юбилей прошелъ незамѣченнымъ, и только недавно председатель общества

¹⁾ Leonard de-Vinci était il mage, par E. Müntz. — «Revue des Revues». 15 mars.

патріотической исторіи въ Неаполѣ, В. Капассо, помѣстилъ въ «Историческомъ архивѣ неаполитанской провинціи» замѣчательное изслѣдованіе о своемъ знаменитомъ соотечественникѣ, по новымъ и невѣдомымъ доселѣ рукописнымъ воспоминаніямъ современниковъ: Делла-Порте, Делла-Манека, Кампаниле, Малини, Себастьяно и пр., хранившимся въ частныхъ архивахъ, а также по очень рѣдкимъ теперь книгамъ: Липонари, Делла-Торе, Бираго, Бураньи и т. д. ¹⁾ Этотъ важный историческій трудъ снабженъ драгоценными, никогда еще не напечатанными портретами Мазаньелло, XVII столѣтія, находящимися въ библіотекѣ Болоньскаго университета, въ національномъ неаполитанскомъ музеѣ, и въ коллекціяхъ кн. Гаспильязи, герцога Мартина и т. д. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ Капассо, можно вполне возстановить правду о благородномъ народномъ героѣ, память котораго испанское правительство въ Неаполѣ, послѣ его мученической смерти, всячески старалось очернить, уничтожая всѣ документы, касавшіяся его девятидневнаго господства, и создавая, на основаніи подложныхъ данныхъ, легенду о томъ, что онъ былъ бичемъ Божиимъ, возбуждающимъ только ужасъ и проклятія. По слѣдамъ официальныхъ фальсификаторовъ исторіи пошло большинство историковъ, которые, вѣря этой легендѣ, рассказываютъ до сихъ поръ, что Мазаньелло былъ вредный честолюбецъ и демагогъ, захватившій обманомъ власть и предававшій Неаполь грабежу и кровопролитію, пока порядокъ не былъ возстановленъ, и онъ не получилъ заслуженной кары. Даже тѣ, которые относятся къ нему наиболѣе сочувственно, представляютъ его преступнымъ матгондомъ, который въ припадкахъ сумасшествія совершалъ такіе ужасы, что пришлось искать средства къ спасенію отъ него въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы отдѣлаться отъ бѣшеныхъ собакъ. Теперь оказывается напротивъ, что никогда не было болѣе достойной уваженія жертвы, искупившей мученичествомъ свою любовь къ народной свободѣ, какъ этотъ рыбакъ изъ Амальфи, котораго Капассо справедливо называетъ неаполитанскимъ Гракхомъ. Такъ какъ его неожиданное возвышеніе, торжество и паденіе, заняли всего девять дней, то и рассказъ о нихъ очень кратокъ и несложенъ. Въ 1647 году Неаполь, находившійся подъ властью испанскихъ вице-королей, можно было сравнить съ боченкомъ пороха, къ которому все болѣе и болѣе приближалась искра, отъ которой онъ долженъ былъ вспыхнуть. Послѣ цѣлаго ряда тирановъ, вице-королемъ былъ слабохарактерный герцогъ Аркосъ, который возстановилъ противъ своего двоедущія и налагаемыхъ имъ тяжелыхъ налоговъ пламенное населеніе Неаполя, ожидавшее только предлога къ возстанію. 7 іюля, этотъ предлогъ нашелся въ маловажномъ столкновеніи одного поселянина съ испанскимъ сборщикомъ податей, за его отказъ уплатить требуемую пошлину; его схватили и хотѣли увести въ тюрьму, но толпа заступилась, произошла свалка, принявшая серьезный характеръ. Во главѣ народа всталъ очень популярный въ городѣ рыбакъ, Томассо Аньелло, имя котораго было сокращено въ Мазаньелло. Онъ былъ родомъ изъ Амальфи, имѣя не болѣе 25 лѣтъ, торговалъ

¹⁾ Masaniello, di B. Capasso — Archivio storico per la province napoletane; anno XXII, fascicolo I.

рыбой и перенеся много преслѣдованій испанскихъ властей, постоянно проповѣдывалъ сопротивленіе правительственнымъ злоупотребленіямъ. Принявъ предводительство надъ толпой, Мазаньелло повелъ ее ко дворцу герцога Аркоса при крикахъ: «да здравствуетъ король! Долой дурное правительство!» Такимъ образомъ, народное возстаніе съ самаго начала было не мятежемъ противъ королевской власти, а движеніемъ противъ несправедливыхъ администраторовъ, злоупотреблявшихъ данными имъ королемъ уполномочіями. Этотъ характеръ народныхъ демонстрацій ясно указанъ самимъ Мазаньелло во всѣхъ его рѣчахъ, а если они приняли буйный характеръ, то это зависѣло отъ неаполитанскаго нрава, но въ основѣ ихъ лежало требованіе законнаго уничтоженія злоупотребленій. Вице-король сначала прибѣгъ къ силѣ и заперся въ Castello Nuovo, но толпа осадила эту твердыню, и ему пришлось пойти на сдѣлки. Онъ вступилъ въ переговоры съ Мазаньелло, и, по требованію послѣдняго, былъ отмѣненъ налогъ на хлѣбъ, и объявлена общая амністія всѣмъ политическимъ узникамъ. Мазаньелло, провозглашенный capo del popolo, царилъ семь дней въ Неаполѣ и всячески старался поддержать порядокъ, не дозволяя грабежа частнаго имущества, и если производились нѣкоторыя буйства, то въ этомъ виноваты были не сторонники Мазаньелло, а воры и мошенники, немѣвшіе ничего общаго съ народнымъ движеніемъ. Этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ самимъ вице-королемъ, который былъ пораженъ честностью рыбака, отвѣтившаго на его предложеніе отъ имени короля крупной пенсіи за усмиреніе возстанія: «Нѣтъ другой власти, какъ власть народа; я отвергаю вагъ подкупъ, какъ недостойную измѣну интересамъ народа». Видя, что Мазаньелло приобретаетъ все большее и большее могущество, вооружаетъ своихъ приверженцевъ, отмѣняетъ несправедливые налоги, освобождаетъ незаконно заключенныхъ гражданъ, издаетъ таксу на хлѣбъ, понижая его цѣнность, и вообще распоряжается въ городѣ въ пользу народа, но именемъ короля, портретъ котораго онъ велитъ носить по городу съ криками: «да здравствуетъ король», герцогъ Аркосъ прибѣгаетъ къ вѣроломству. Прежде всего онъ подкупаетъ наемныхъ убійцъ, чтобъ зарѣзать Мазаньелло, а когда это не удается, и народъ, растерзавъ убійцъ, приходитъ въ ярость, то онъ съ помощію также подкупленнаго имъ друга Мазаньелло, Джуліо Дженовино, устраиваетъ народному трибуну западню. Онъ приглашаетъ его во дворецъ для переговоровъ объ исполненіи народной воли, и довѣрчивый Мазаньелло, собравъ толпу, объявляетъ ей, что отправится къ вице-королю для доставленія торжества народнымъ требованіямъ, а совершивъ это великое дѣло, сдѣлается по прежнему рыбакомъ. Народъ рукоплещетъ и провожаетъ своего вождя ко дворцу; герцогъ Аркосъ торжественно принимаетъ его и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ соглашается на все, чего требуетъ народный трибунъ, который, выйдя на балконъ, объявляетъ объ этомъ толпѣ и, въ виду удовлетворенія правительствомъ всѣхъ народныхъ желаній, проситъ разойтись и сложить оружіе. Ему безпрекословно повинуются, а вице-король, въ доказательство полнаго примиренія правительства съ народомъ, даетъ въ честь трибуна блестящій банкетъ, на который приглашаетъ и его жену. Но во время пиршества бѣдному рыбаку подносятъ кубокъ отравленнаго вина и, выпивъ

его, Мазаньелло мгновенно измѣняется. Имъ овладѣваетъ безумная ярость, онъ выбѣгаетъ изъ дворца, бьетъ кого ни попало, собираетъ на площади толпу, кричить, неистовствуетъ, чинить судъ и расправу, наконецъ, скрывается въ сосѣднемъ монастырѣ. Между тѣмъ, вице-король съ помощью Дженовино распространяетъ въ народѣ клевету, что ихъ вождь проданъ правительству, собираетъ поддонки черни и посылаетъ въ монастырь подкупленныхъ убійцъ. Вѣрные Мазаньелло, лаццарони толпой устремляются туда, но уже поздно, бѣдный трибунъ обезглавленъ, и разъяренная чернь, которую, по справедливому замѣчанію Капассо, не слѣдуетъ смѣшивать съ народомъ, волочить его тѣло по улицамъ. Вице-король торжествуетъ; тяжелыя налоги восстановлены, цѣна на хлѣбъ возвышена, и прежнія злоупотребленія царятъ съ новой силой. Но неаполитанскій народъ на слѣдующій день устраиваетъ королевскія похороны своему мученическому вождю и заставляетъ принять въ нихъ участіе самого герцога Аркоса съ испанской арміей и многочисленнымъ духовенствомъ.

— Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ. Францъ Функъ-Брентано, разбирая архивъ Бастиліи, нашелъ въ спискахъ заключенныхъ новыя свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ уже прежде высказанную имъ теорію, что пресловутой Желѣзной Маской былъ не братъ Людовика XIV, какъ увѣряли многіе, на основаніи легендъ, а графъ Матиоли, секретарь герцога мантуанскаго, схваченный по приказанію Людовика XIV на итальянской территоріи за его предательство во время переговоровъ относительно приобрѣтенія Франціей Казалья. Въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ *Revue Bleue*¹⁾, ученый изслѣдователь говоритъ, что со времени напечатанія имъ своей теоріи въ *Revue Historique*, не появилось ни одного опроверженія, и всѣ критики единогласно признали, что вопросъ о Желѣзной Маскѣ окончательно разрѣшенъ. Если могла оставаться еще тѣнь сомнѣнія, основанная на томъ, что если Желѣзной Маской былъ Матиоли, то къ чему французское правительство столь таинственно обставляло заключеніе такого незначительнаго человѣка. Но теперь обнаруженные документы вполне выясняютъ и этотъ второстепенный вопросъ. Оказывается, что эта таинственность обращенія съ Желѣзной Маской также легендарна, какъ и всѣ остальные о немъ рассказы. Въ списокъ узниковъ, который велся комендантомъ Бастиліи, по имени Дю-Юнка, имѣется запись отъ 30-го апрѣля 1701 года, въ которой говорится о томъ, что Моранвиль, заключенный въ Бастилію за преступныя рѣчи, былъ посаженъ во вторую комнату Бретодьерской башни, гдѣ уже сидѣли старый узникъ и бывшій слуга, Доминикъ Тюльмонъ, попавшій въ Бастилію за противурелигіозныя занятія магіей. Какъ уже извѣстно изъ прежде напечатанныхъ достовѣрныхъ документовъ, старымъ узникомъ назывался, именно, тотъ человѣкъ, который знаменитъ подъ названіемъ Желѣзной Маски. Такимъ образомъ личность, которая была окружена, по словамъ легендъ, такой таинственностью, и которой даже интересовались короли: Людовикъ XV и Людовикъ XVI, обращала на себя такъ мало вниманія коменданта, что онъ сажалъ этого человѣка въ одну комнату съ

1) Nouveaux documents sur la Bastille: Le masque de fer. Par F. Funck-Brentano. *Revue Bleue*, 26 mars 1898.

уличнымъ сплетникомъ и лакеемъ. Если прибавить это новое свѣдѣніе къ тѣмъ документамъ, которые прежде нашель Функъ-Брентано, а въ особенности, къ акту объ его смерти, гдѣ Желѣзная Маска прямо названа графомъ Матиоли, то нельзя не согласиться съ почтеннымъ ученымъ, что врядъ ли найдется какое нибудь основаніе признавать серьезными легенды объ этой таинственной исторической личности, и однако въ концѣ своей статьи Функъ-Брентано указываетъ, что въ настоящемъ году появилась книга, въ двухъ томахъ, редактора Бордоской академіи, Анатолія Локена, подъ заглавіемъ: «Мольеръ въ Бордо», въ которой авторъ серьезно доказываетъ, что Желѣзной Маской былъ не кто иной, какъ Мольеръ.

— Воспоминанія герцогини Деказь о княгинѣ Д. Х. Ливенъ. Очень любопытнымъ добавленіемъ къ напечатанному въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» біографическому очерку княгини Д. Х. Ливенъ служатъ отрывки изъ мемуаровъ герцогини Деказь, помѣщенные въ парижской газетѣ «Temps»¹⁾ Эрнестомъ Додэ. Эти мемуары и вообще всѣ бумаги, принадлежавшія герцогу Деказу, любимому министру Людовика XVIII и его женѣ, переданы ихъ внукомъ автору этой статьи, и онъ, на основаніи этихъ драгоценныхъ документовъ, составляетъ обширную монографію объ эпохѣ реставраціи; но, до появленія этого труда, онъ, время отъ времени, помѣщаетъ въ газетахъ любопытные отрывки изъ находящихся въ его рукахъ матеріаловъ. Воспоминанія герцогини Деказь о княгинѣ Ливенъ относятся къ двумъ эпохамъ въ жизни послѣдней, именно, къ ея пребыванію въ Лондонѣ съ мужемъ, русскимъ посланникомъ, и ея долговременному проживанію въ Парижѣ. «Вотъ уже тридцать шесть лѣтъ,—писала въ 1857 году герцогиня,—какъ я знала только-что умершую княгиню Ливенъ. Когда я прибыла въ Англію со своимъ мужемъ, французскимъ посланникомъ, то она уже находилась тамъ десять лѣтъ, въ томъ же качествѣ посланницы. Она мнѣ казалась старухой, потому что мнѣ было семнадцать лѣтъ, а въ сущности ей было только тридцать шесть. Невысокаго роста, она казалась очень рослой, благодаря тому, что всегда держалась очень прямо. Ея маленькая голова на длинной шеѣ, тонкій носъ, большой ротъ, короткій подбородокъ и прекрасные русые волосы дѣлали ее похожей на нѣкоторыхъ аристократическихъ героинь Балзака, а по своему холодному достоинству и гордой граціи, она напоминала великосвѣтскихъ героинь фронды». Отъ физическаго портрета княгини, герцогиня Деказь переходитъ къ нравственному: «ея умъ отличался снисходительностью и любезностью, такъ что она всегда умѣла выставить умственные способности другихъ лицъ. Я слыхала не разъ, что многіе сомнѣвались въ ея умѣ, но это не справедливо, и хотя ея умъ не отличался оригинальностью, но она обладала въ высшей степени способностью ассимилировать себѣ чужой умъ, поэтому, когда Губернь въ 1854 году доказывалъ, что она не умна, потому что не поняла восточнаго вопроса; то онъ самъ ошибался, и заблужденіе княгини Ливенъ происходило не отъ недостаточности ея ума, а потому, что она смотрѣла на австрійскую политику глазами Метерниха. Точно также и ея доброта была относительная, т.-е.

¹⁾ La princesse de Liven, par E. Daudet. «Temps» 10—20 Janvier 1898.

просто она не была зла. Но главное ея достоинство заключалось въ сильно развитомъ чувствѣ дружбы, хотя, сама преданная друзьямъ, она требовала отъ нихъ преданности. Княгиня Ливенъ была переполнена предразсудками, но скорѣе неаристократическими, а буржуазными, такъ какъ ей все равно было, какого происхожденія были ея друзья, только бы они имѣли крупное положеніе въ свѣтѣ. Она всегда сохраняла серьезный тонъ и рѣдко улыбалась, но я никогда не слыхала ея смѣха. Въ гостиныхъ, пока другіе шутили и хохотали, она вполголоса разговаривала съ излюбленными лицами и вообще предпочитала бесѣды вдвоемъ общему разговору. Въ ея собственномъ салонѣ, въ Лондонѣ и Парижѣ, политическія разсужденія служили единственнымъ развлеченіемъ. Изъ дальнѣйшихъ воспоминаній герцогини Деказь видно, что княгиня Ливенъ вела въ Лондонѣ очень дѣятельную жизнь, такъ какъ, въ сущности, она исполняла обязанности посла, не отличавшагося большими умственными способностями. Кромѣ того, она очень часто руководила и другимъ посольствомъ, именно, австрійскимъ, гдѣ его глава, князь Эстергази, занимался только свѣтскими интрижками, а Метернихъ, по старой дружбѣ къ княгинѣ Ливенъ, прямо велъ дѣла съ ней. Такимъ образомъ она постоянно переписывалась не только съ Петербургомъ, но и съ Вѣной, а въ числѣ ея петербургскихъ корреспондентовъ находилась императрица, которой она сообщала по нѣскольку разъ въ недѣлю лондонскія новости, извѣстія о модахъ, свѣтскіе скандалы и т. д. Естественно, что имѣя такого мужа и находясь въ самой блестящей свѣтской средѣ, княгиня Ливенъ, по замѣчанію Додэ, пользовалась репутаціей легкомысленной женщины, и ей приписывали близкія отношенія къ нѣкоторымъ изъ виднѣйшихъ европейскихъ дипломатовъ, именно, съ Метернихомъ, которому она безусловно вскружила голову на Вѣнскомъ конгрессѣ, съ лордами Aberдиномъ и Пальмерстономъ, наконецъ, съ Гизо, относительно котораго она многіе годы исполняла преданную роль Эгеріи. Этимъ отношеніямъ къ Гизо посвящена наибольшая часть статьи Додэ, и хотя онъ приводитъ мало отрывковъ изъ мемуаровъ герцогини Деказь о парижской жизни княгини Ливенъ, но очевидно, что онъ изъ нихъ почерпаетъ свои свѣдѣнія. Какъ извѣстно, Гизо впервые увидалъ своего будущаго друга у герцога Броули, въ 1837 году. Несмотря на то, что ей было тогда пятьдесятъ три года, но, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ сначала пораженъ ея умомъ и гордымъ достоинствомъ, а потомъ красотой. Ему самому было тогда пятьдесятъ лѣтъ, и онъ недавно потерялъ свою вторую жену, а потому легко поддавалъ подъ вліяніе княгини Ливенъ. Съ перваго дня ихъ знакомства и до смерти княгини, они не разставались. Она для него жила въ Парижѣ, для него переехала въ Лондонъ, когда онъ былъ назначенъ туда посломъ, и для него провела свои остальные дни во Франціи, во время его могущества и въ печальную для него эпоху февральской революціи и декабрьской имперіи. Если же она не вышла за него замужъ, то въ этомъ она сама была виновата, а не онъ, такъ какъ Гизо предложилъ ей обвиняться, но она поставила непременнымъ условіемъ сохранить свой княжескій титулъ, на что, конечно, онъ не согласился. Это обстоятельство не помѣшало ихъ тѣсной дружбѣ, и хотя они жили разнo, но Гизо посѣщалъ княгиню. Ливенъ ежедневно, по два раза, причемъ, во время дневного его визита, посто-

роннія лица всегда ступевывались. Хотя княгиня Ливенъ въ эту эпоху своей жизни не имѣла officialнаго положенія, но она сохранила свой дипломатическій престижъ, собирала въ своемъ салонѣ всѣхъ дипломатовъ и продолжала переписываться съ императоромъ Николаемъ и Метернихомъ. Несмотря на то, что она умерла въ 1857 году, на шестьдесятъ девятомъ году жизни, она до послѣдняго дня сохранила свой рѣдкій умъ, занималась политикой и въ отношеніи Гизо обнаруживала юношескій пылъ. За нѣсколько минутъ до смерти она написала ему: «благодарю за двадцать лѣтъ привязанности и счастья. Прощай! Прощай! Доротея Ливенъ». Въ постскриптѣ она прибавила: «не откажите принять на память мою карету».

— Новая біографія Гладстона. Хотя о великомъ старикѣ писано немало, и существуетъ нѣсколько хорошихъ и подробныхъ его біографій, но вышедшій только что трудъ ирландскаго депутата и англійскаго романиста, Джюстина Маккарти, подъ заглавіемъ «Исторія жизни Гладстона», является далеко нелишнимъ, такъ какъ въ немъ отражается, такъ сказать, взглядъ англійской палаты общинъ на одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ членовъ, съ самаго основанія парламента до настоящей минуты¹⁾. Конечно, новый біографъ не рисуетъ только картины парламентской дѣятельности своего героя, но она служитъ центромъ его разсказа, а никто изъ современныхъ писателей не знаетъ такъ хорошо Гладстона въ качествѣ парламентскаго бойца, какъ этотъ литераторъ-депутатъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ на парламентской скамьѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Большею частію онъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно, поддерживая великія реформы народнаго Вильяма, а потому естественно онъ отзывается о немъ съ глубокимъ сочувствіемъ. По словамъ Маккарти, лучшей характеристикой Гладстона служатъ слова Брайта, что онъ всегда стремился къ свѣту. Дѣйствительно, этотъ первый государственный человѣкъ нашего времени всегда учился, всегда развивался, всегда измѣнялъ свои мнѣнія, когда къ тому являлся уважительный поводъ. «Умъ Гладстона, по словамъ Маккарти, всегда жаждалъ правды, но для измѣненія своихъ убѣжденій всегда требовалъ вѣскіе аргументы. Конечно, онъ иногда ошибался, но всегда руководствовался самыми чистыми, самыми возвышенными чувствами. Никакой человѣческій интересъ не былъ ему чуждъ, и какъ крупное, такъ и мелкое зло одинаково возбуждали въ немъ желаніе устранить это зло. Я сталкивался почти со всѣми современниками Гладстона, какъ его друзьями, такъ и врагами, но никогда не слышалъ ни отъ кого даже намека на какой нибудь серьезный недостатокъ его характера, или на недостойный мотивъ того, или другого поступка въ его общественной, или частной жизни. Прозвище, данное ему неизвѣстно кѣмъ и когда, останется за нимъ на вѣчныя времена, и доколѣ исторія царствованія Викторіи сохранится въ памяти человѣчества, онъ будетъ извѣстенъ какъ великій старикъ». Эта симпатичная, справедливая и прекрасно написанная біографія Гладстона появляется какъ нельзя болѣе кстати въ печальные дни, когда вся Англія, а за нею весь свѣтъ, слѣдятъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и неподдѣльнымъ сочувствіемъ за медленной агоніей великаго старика.

¹⁾ The story of Gladstone's Life. By J. Macarthy. London. 1898.

— Портной-радикалъ. На дняхъ вышла въ Лондонѣ обширная біографія замѣчательной, хотя совершенно невѣдомой личности, Франсиса Плэса, который, по словамъ Роберта Овена, былъ «настоящимъ вожакомъ партіи виговъ» въ первой половинѣ XIX столѣтія. Эта любопытная книга написана Грэмомъ Воллесомъ и составляетъ первый литературный опытъ этого передового муниципальнаго администратора и ревностнаго изслѣдователя социальныхъ и экономическихъ вопросовъ¹⁾. Если можно въ чемъ упрекнуть автора, то въ излишнихъ подробностяхъ и длиннотахъ, которыя, впрочемъ, очень понятны, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ громаднымъ рукописнымъ матеріаломъ, состоящимъ изъ семидесяти томовъ автобіографіи Плэса, его переписки, записныхъ книгъ, вырѣзокъ изъ газетъ и т. д. Но благодаря этому недостатку въ литературномъ отношеніи, увеличилась историческая цѣнность труда Воллеса, который въ его теперешнемъ видѣ представляется не только біографіей его героя, но и картиной его времени, въ которой рельефно выступаетъ вся подноготная радикальнаго движенія въ Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Юность Плэса, по словамъ Воллеса, могла бы послужить достойнымъ предметомъ для пера Смайльса, такъ какъ онъ является героемъ самопомощи. Онъ взросъ въ одной изъ лондонскихъ трущобъ, среди всякаго рода разврата и преступленій; обучившись портняжному ремеслу, онъ долго велъ полубродяжную жизнь поденщика и большую часть своего времени проводилъ въ уличныхъ играхъ, дракахъ, попойкахъ и греблѣ на восьмивесельномъ катерѣ, изъ другихъ гребцовъ котораго одного повѣсили за убійство, а другого посадили въ тюрьму за воровство. Наконецъ, онъ женился и сталъ вести скромную, степенную и трезвую жизнь, такъ что онъ и его жена заслужили въ околоткѣ прозвища «джентельмена и лэди». Открытая имъ маленькая мастерская пошла хорошо, и черезъ нѣсколько времени онъ завелъ большой магазинъ на Черингъ-Кроссѣ, въ которомъ и нажилъ себѣ состояніе. Впрочемъ, ремесло портного было для него только средствомъ къ жизни, и онъ самъ часто говаривалъ, что «человѣкъ, желающій быть хорошимъ портнымъ, долженъ или быть философомъ, или низкопоклоннымъ рабомъ». Онъ избралъ первое и даже пошелъ еще далѣе, такъ какъ, въ сущности, проводилъ свою жизнь ни въ мастерской, ни въ магазинѣ, а въ маленькой внутренней комнатѣ, куда допускались только друзья. Онъ съ юности отличался жаждой къ чтенію, а когда состояніе ему позволило, то онъ собралъ себѣ порядочную бібліотеку, преимущественно, по политическимъ и экономическимъ предметамъ. Мало-по-малу его магазинъ сдѣлался центромъ радикальнаго движенія въ Лондонѣ, а онъ самъ его вожакомъ, благодаря своимъ замѣчательнымъ организаторскимъ способностямъ. Къ этому портному радикалу часто обращались за совѣтомъ такіе люди, какъ сэръ Франсисъ Бурдетъ, а съ 1808 году онъ вступилъ въ кружокъ Бентама. Объ этомъ кружкѣ сохранились любопытныя письма Плэса. Такъ, посѣтивъ Фордское аббатство, гдѣ въ то время жилъ Бентамъ вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ, онъ описалъ знаменитое воспитаніе будущаго великаго мыслителя Джона Стюарта Милля. «Педагогическій методъ Джемса Милля, — говоритъ онъ, — лучший изъ всѣхъ ме-

¹⁾ The life of Francis Place, 1771 — 1854, by Graham Wollas.—London. 1898.

тодовъ, видѣнныхъ мною, но онъ очень строгъ. Ни одна ошибка, какъ бы она не была маловажна, не ускользнетъ отъ его вниманія и тотчасъ исправляется, и карается тѣмъ или другимъ путемъ. Такъ, сегодня утромъ, Вилли и Клара не знали одного слова въ своемъ урокъ, и ихъ оставили вмѣстѣ съ ихъ репетиторомъ Джономъ безъ обѣда и за книгами до 6 часовъ, тогда какъ мы отобѣдали въ часъ. Конечно, я не могъ бы обнаруживать такой строгости, но эти дѣти такъ учены и такъ здраво разсуждаютъ, какъ никто на свѣтѣ въ ихъ года. Джонъ просто чудесное, необыкновенное явленіе; когда онъ прибавитъ къ своему знанію языковъ, логики, математики и философіи знакомство съ жизнью и людьми, то онъ сдѣлается удивительнымъ человѣкомъ, но, вѣроятно, онъ будетъ отличаться меланхоліей и эгоизмомъ. Я, на сколько могу, стараюсь побороть въ немъ эти склонности». Подъ влияніемъ Бентама, Плэсъ, принявъ участіе въ литературной пропагандѣ утилитаріанизма, но безъ большого успѣха, такъ какъ его статьи писаны невозможно тяжелымъ языкомъ. Но его дѣятельность, какъ тайнаго руководителя лондонскимъ радикализмомъ, была очень успѣшна. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ открытіи народныхъ школъ, въ неомальтусовскомъ движеніи, въ агитаціи въ пользу избирательной реформы, приведшей къ парламентскому биллю 1830 года, и написалъ «Народную Хартію», положившую начало чартизма. Онъ рѣдко появлялся на публичныхъ митингахъ, но передовые радикалы того времени всегда прибѣгали къ его совѣту, и хотя Плэсъ не славился ни какъ мыслитель, ни какъ ораторъ, но онъ имѣлъ больше влиянія на своихъ современниковъ, чѣмъ люди гораздо его талантливые.

— Столѣтній юбилей «*Algemeine Zeitung*». Одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Германіи, «*Algemeine Zeitung*», надняхъ вступила во второй вѣкъ своего существованія, и по этому случаю Е. Гейкъ написалъ очеркъ ея столѣтней дѣятельности¹⁾. Исторія этой газеты очень любопытна, такъ какъ она служитъ отраженіемъ исторіи всей интеллектуальной Германіи, которая начала этотъ вѣкъ съ Шиллера и Гете, съ горячаго сочувствія къ французской революціи, а окончила его Бисмаркомъ и милитаризмомъ. Подобное же превращеніе пережила «*Algemeine Zeitung*», основанная въ 1798 году извѣстнымъ издателемъ Коттой, который хотѣлъ поставить во главѣ своей редакціи Гете и Шиллера, съ цѣлью проповѣдывать гуманныя идеи, навѣянные революціей. Но Гете прямо отказался отъ всякаго сотрудничества, а Шиллеръ хотя общалъ много, но далъ этой газетѣ только пять строкъ о томъ, что король шведскій пожаловалъ ему брилліантовый перстень. Разочарованный издатель обратился къ помощи Поссельта, умнаго и ученаго юриста изъ Вадена, который съ успѣхомъ руководилъ «*Algemeine Zeitung*» въ продолженіе многихъ лѣтъ. Хотя онъ жилъ въ Тюбингенѣ, гдѣ и начала издаваться эта газета, но онъ душой виталъ въ древнемъ Римѣ и въ революціонной Франціи, о которой всегда отзывался съ самымъ горячимъ энтузіазмомъ. Его либеральное направленіе вполне соответствовало настроенію общественнаго мнѣнія въ тогдашней Германіи, и предпріятіе Котты вскорѣ достигло значительнаго успѣха. Съ теченіемъ времени, газета переходила постепенно изъ

¹⁾ «*Die Algemeine Zeitung*», von E. Heyck. München, 1898.

Тюбингена въ Штутгартѣ, Ульмѣ, Аугсбургѣ и, наконецъ, въ Мюнхенѣ, гдѣ она и выходитъ въ настоящее время; но втеченіе этого вѣкового существованія, она оставалась и остается въ рукахъ фирмы Котта. Двумя характеристичными чертами «*Algemeine Zeitung*» всегда были ея замѣчательныя литературныя прибавленія, которыя даютъ обстоятельное понятіе объ интеллектуальномъ движеніи въ Германіи, и заграничныя корреспонденціи, особенно, парижскія, которыя велись Тьеромъ, Луи-Бонапартомъ (будущимъ Наполеономъ III) и Генрихомъ Гейне. Письма послѣдняго въ тридцатыхъ годахъ составляли приманку для всѣхъ передовыхъ умовъ, но отпугивали старыхъ подписчиковъ, которые грозили прекратить подписку, если будутъ продолжаться скандальныя статьи, въ которыхъ проповѣдывалось, что Наполеонъ палъ подъ ударами коалиціи европейской глупости, что французскій народъ—избранный, что Парижъ—новый Иерусалимъ и т. д. Но если эти старые подписчики дожили бы до эпохи Бисмарка, то какъ ихъ сердца должны были бы пріятно биться, видя, что ихъ излюбленная газета сдѣлалась рьянымъ защитникомъ милитаризма и бисмарковского единства Германіи, причемъ Бисмаркъ и Мольтке не разъ удостоивали ее своимъ сотрудничествомъ.

— Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента. 18 мая 1848 года, былъ открытъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ протестантской церквѣ св. Павла, первый германскій парламентъ, и по случаю наступающей полулѣтней годовщины этого историческаго событія, одинъ изъ немногихъ его свидѣтелей, оставшихся въ живыхъ, Карлъ Видерманъ, помѣстилъ въ январьской и февральской книжкахъ «*Nord und Süd*» свои интересныя личныя воспоминанія¹⁾. Дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ учредителей извѣстной партіи «*Erbkaiser*», состоявшей, преимущественно, изъ молодыхъ людей, хотя ихъ вожакомъ былъ семидесяти-восьми-лѣтній патріотическій поэтъ Арндтъ, и изъ членовъ которой теперь на лицо только 8 человекъ, въ томъ числѣ докторъ Симсонъ, предѣлатель франкфуртскаго парламента, а потомъ рейхсрата. Не успѣла встать революція 1848 года въ Парижѣ, какъ ея отголоски проявились въ Германіи. 27 марта состоялось большое народное собраніе въ Оффенбургѣ, въ Ваденѣ, на которомъ заявлено было требованіе о новой конституціи, свободѣ печати и другихъ либеральныхъ реформахъ. Движеніе быстро распространилось, но нигдѣ не произошло ни одного столкновенія между народомъ и войсками, за исключеніемъ Берлина; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно нисколько не походило на революціи въ Англіи и Франціи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, а было просто протестомъ противъ правительственныхъ злоупотребленій, не отличалось республиканскимъ характеромъ и просто имѣло цѣлью придать строго конституціонный характеръ существовавшимъ монархіямъ. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ образовалась умѣренная либеральная партія, стремившаяся къ объединенію Германіи; въ числѣ ея видныхъ членовъ были Дальманъ, братья Вулеры и Генрихъ фонъ Гагернъ, а ихъ органомъ была газета «*Deutsche Zeitung*», издававшаяся Гервинусомъ и Гейзеромъ. Но только въ 1847 г. эта партія созвала первое публич-

¹⁾ Der erste deutsche parlament, von K. Biedermann. Nord und Süd.—Januar und februar.

ное собраніе въ Геппенгеймѣ для обсужденія тогдашняго положенія родины. Второе собраніе произошло 5 марта слѣдующаго года въ Гейдельбергѣ, на которомъ была выработана программа необходимыхъ коренныхъ реформъ. Затѣмъ, и состоялось собраніе представителей Германіи въ Франкфуртѣ. Это такъ называемый *Vorparlament* или предварительный парламентъ, а настоящій конституціонный съѣздъ, или національное собраніе создано было въ томъ же городѣ 18 мая. На бумагахъ этотъ первый германскій парламентъ состоялъ изъ 649 представителей (по одному на 70.000 жителей), но въ нихъ дѣйствительно засѣдало отъ 500 до 600 депутатовъ. Въ голосованіи формы правленія даже участвовало только 474 члена, изъ которыхъ 277 подало за конституціонную монархію, 107 за монархію на широкой демократической основѣ и 90 за республику. Подробно разсказавъ дѣятельность франкфуртскаго парламента въ 1848 г., Карль Видерманъ продолжаетъ его исторію и въ слѣдующемъ году, характеризуя пересмотръ конституціи 27 марта 1849 г. и рельефно изображая голосованье въ пользу наслѣдственной Германской имперіи, въ пользу которой высказалось незначительное большинство въ 4 голоса.

— Новооткрытыя сокровища Ватиканской бібліотеки. По сообщенію польскихъ газетъ, проф. Львовскаго университета д-ръ Владиславъ Абрагамъ (Abraham) открылъ въ пыли Ватиканскаго архива цѣлый рядъ интересныхъ документовъ по средневѣковой исторіи Польши, остававшихся доселѣ неизвѣстными. Среди находокъ этого ученаго особый интересъ представляютъ слѣдующія: актъ тяжбы между гнѣзненской архіепископіей и кафедрой краковскаго епископа, бросающій новый свѣтъ на эпоху Владислава Локетка, большое количество документовъ, касающихся краковскаго университета, переписка объ организаціи римской церкви на Руси, причемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ актъ номинаціи перваго епископа холмскаго діоцеза (1358 г.), источники для біографіи знаменитаго польскаго хрониста, очевидца событій XIV в., Яна Чарнковскаго и т. д. Новооткрытые документы будутъ изданы краковскою академіей наукъ особой книгой, которая явится превосходнымъ дополненіемъ къ извѣстному изданію польскихъ актовъ Тейнера (*Theiner, Vetera monumenta Poloniae Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, Roma, 1860*). Пока же академія рѣшила обнародовать важнѣйшіе документы въ своихъ ученыхъ изданіяхъ въ видѣ приложенія къ отчету Абрагама объ его занятіяхъ въ ватиканскомъ архивѣ.

— Платоническая любовь графини Христины Фонтанъ къ Александру I. Въ послѣднихъ книжкахъ «Correspondant» напечатанъ цѣлый рядъ статей о Жубертѣ, педагогѣ, моралистѣ, салонномъ философѣ и критикѣ первой четверти XIX вѣка. Причиной и основой этого неожиданнаго вниманія, обращеннаго на малозвѣстнаго, забытаго, и въ сущности, второкласснаго сентиментальнаго писателя, служитъ находка его громадной переписки съ друзьями, до сихъ поръ не напечатанной, а теперь впервые обнародованной въ отрывкахъ двумя авторами: Адольфомъ Лэромъ ¹⁾ и Жоржемъ Пальесомъ ²⁾. Въ

¹⁾ La jeunesse et la mort de Joubert, par A. Lair.—Correspondant. 10 janvier—25 janvier. 1898.

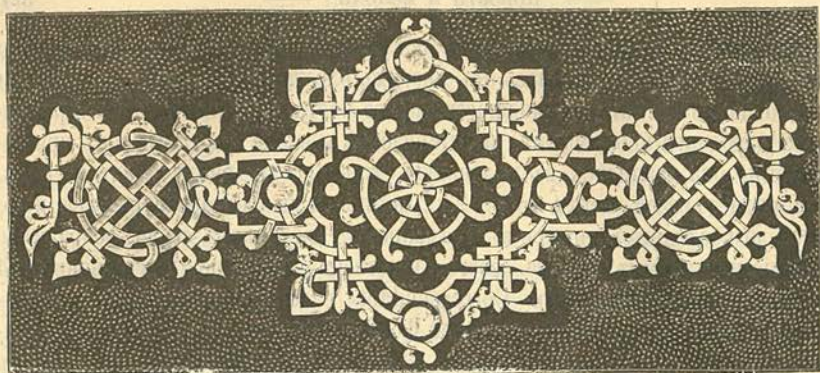
²⁾ Joubert. Le conseiller et le moraliste, par G. Pailhes. — Correspondant. 10—25 février.

очеркъ послѣдняго, подъ заглавіемъ «Жуберъ, какъ совѣтчикъ и моралистъ», приведены многія письма Жубера къ дочери его друга гр. Фонтанъ, Христинѣ, и сдѣланъ намекъ на любопытный романъ ея жизни, именно, на платоническую любовь къ императору Александру I. Этотъ намекъ заключается въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Въ письмахъ Жубера къ графинѣ Фонтанъ не упоминается объ ея удивительно романтической страсти, кромѣ, быть можетъ, въ словахъ «я не имѣю въ виду вашего долга». Дѣло въ томъ, что, по примѣру многихъ другихъ женщинъ, эта пятнадцатилѣтняя дѣвушка потеряла голову и сердце въ 1814 г. Безумно влюбившись въ царя Александра I, этого рыцарскаго побѣдителя, она готова была бросить все ради него и слѣдовать за нимъ на край свѣта. Фактъ этотъ несомнѣненъ: онъ переданъ мнѣ ближайшимъ другомъ гр. Фонтанъ, г-жеи Ленорманъ и его подтверждаютъ два письма аббата Николя». Означенныя два, еще нигдѣ непечатанныя, письма аббата Николя, друга герцога Ришелье, долго проживавшаго въ Россіи, гдѣ онъ содержалъ въ Петербургѣ великосвѣтскій пансіонъ, а потомъ былъ директоромъ Ришельевского лицея въ Одессѣ, заключаютъ въ себѣ не прямое упоминаніе о романтической любви графини, а лишь намеки на варшавскія событія конца 1815 г. и на смерть Александра I, а также совѣты «исполнять свой долгъ, нарушеніемъ котораго молодая дѣвушка пойдетъ противъ воли Божіей» и пожеланія ей «душевнаго спокойствія, что ей всего полезнѣе». Возбудивъ такимъ образомъ любопытство читателей хотя и мимоходомъ къ неизвѣстному эпизоду изъ исторіи многочисленныхъ романовъ, героемъ которыхъ вольно, или невольно, былъ Александръ I, редакція «Correspondant» помѣстила въ своей книжкѣ отъ 25-го марта, хотя не большую, но фактическую статейку объ этомъ предметѣ лица, знавшаго лично графиню Фонтанъ, но скрывшаго свое настоящее имя подъ псевдонимомъ «Fraser»¹⁾. Благодаря свѣдѣніямъ, сообщаемымъ имъ и основаннымъ на собственныхъ словахъ графини Фонтанъ, а также на томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время личнаго знакомства съ нею въ ея старости, можно составить себѣ понятіе объ этой странной романтической любви. «Любовь графини Фонтанъ къ русскому императору, — говоритъ «Фразеръ», — была столь же неожиданна, сколько романтична. Родившись въ 1801 г., Христина была еще ребенкомъ, когда, увидѣвъ во время пребыванія союзниковъ въ Парижѣ въ 1814 году въ группѣ офицеровъ одного красавца, она сказала своей любимой подругѣ, Матильдѣ: «Вотъ единственный человекъ, котораго я буду любить въ своей жизни и никогда не выйду замужъ ни за кого другаго». Спустя нѣсколько дней, присутствуя на балѣ, данномъ въ честь иностранныхъ государей, она узнала героя своихъ мечтаній въ русскомъ императорѣ и упала въ обморокъ. Прошло много лѣтъ, и при полученіи извѣстія о смерти Александра, объ подруги бросились со слезами въ объятія другъ друга, а Матильда созналась впервые, что и она «любила его». Все это мнѣ рассказывала сама графиня Фонтанъ въ старости и съ такимъ искреннимъ чувствомъ, что никому не могла прійти мысль о насмѣшкѣ надъ такой поэтической, чистой, безумной любовью». Этой любви сентиментальная, экзальтированная, но умная

¹⁾ Le roman de la comtesse de Fontanes, par Fraser. — Correspondant. 25 mars.

и прекрасно образованная, женщина оставалась вѣрна во всю свою долгую жизнь; ради нея она отказалась отъ многихъ блестящихъ партій, а по смерти своего отца, извѣстнаго псевдо-классическаго поэта, напыщеннаго оратора, министра народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ и члена палаты пэровъ при реставраціи, она удалилась въ маленькую, живописную виллу близъ Женевы, гдѣ и жила до своей смерти въ 1872 г., занимаясь благотворительностью и сохраняя до послѣднихъ минутъ въ пламенномъ, преданномъ сердцѣ юношеское увлеченіе идеальнымъ героемъ своего единственнаго романа. Такъ анонимный авторъ ея характеристики въ «Correspondant» рассказываетъ: «Одно изъ моихъ послѣднихъ свиданій съ графиней Фонтанъ произошло у ея старой пріятельницѣ г-жѣ Анжервилъ въ Фернеѣ. Это было въ 1855 году, при самомъ началѣ крымской войны. Обѣ дамы высказывали противоположныя политическія мнѣнія и такъ горячились, что не обращали вниманія на постороннихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Г-жа Анжервилъ была ярая легитимистка и ненавидѣла вторую имперію, но изъ патріотизма она желала побѣды французскому оружію и говорила съ жаромъ: «Первый выстрѣлъ французскихъ пушекъ долженъ прекратить всѣ ненависти партій». Напротивъ, Христина Фонтанъ съ крайней запальчивостью отстаивала ту мысль, что право было на сторонѣ Россіи. Искерпавъ всѣ аргументы и придя въ неописанную ярость, г-жа Анжервилъ, наконецъ, воскликнула: «Милая моя, у всѣхъ такія причины, какъ у васъ, для защиты Россіи, не всѣ не любили безумно, какъ вы, русскаго императора». Пораженная этимъ неожиданнымъ ударомъ, бѣдная Христина вскочила съ кресла блѣдная, взволнованная, дрожащая всѣмъ тѣломъ и гнѣвно объявила, что она порываетъ всѣ отношенія съ своей старой подругой, не желая больше видѣть женщины, которая рѣшилась растравить старую рану ея сердца. Много стоило хлопотъ свидѣтелямъ этой траги-комической сцены, чтобъ помирить расходившихся старухъ, но, наконецъ, это удалось, и онѣ обнялись со слезами и нѣжными поцѣлуями».

ІЗЪ ПРОШЛАГО.

Великопостное посланіе.

В ДВАДЦАТЫХЪ годахъ текущаго столѣтія, на русской петербургской драматической сценѣ дебютировалъ молодой актеръ, П. И. Григорьевъ, сперва готовившійся въ музыканты, но направленный на актерскую карьеру тогдашнимъ начальникомъ труппы, княземъ Шаховскимъ. Первые годы артистической карьеры Григорьева прошли незамѣтно, и болѣе видное положеніе на сценѣ онъ получилъ послѣ того, какъ началъ (въ 1830 г.) писать водевили и небольшія пьесы, конкурируя съ Каратыгинымъ и Ленскимъ. Въ 1839 году Григорьевъ въ свой бенефисъ сыграть роль солдата, въ пьесѣ ветерана 1812 года, Скобелева, подъ заглавіемъ «Кремневъ, русскій солдатъ». Въ этой роли артистъ имѣлъ настолько успѣхъ, что съ той поры роли солдатъ и военныхъ стали его достояніемъ. Впослѣдствіи къ этой специальности прибавилась еще и другая—роли купцовъ; причемъ, однако, онъ игралъ всякаго рода другія роли черезчуръ пестраго репертуара того времени. Среди тогдашней богатой труппы, Григорьевъ никогда не поднимался выше значенія полезности; но (особенно подъ конецъ жизни) на сценѣ занималъ почетное мѣсто, благодаря добросовѣстному отношенію къ своему дѣлу, маленькой извѣстности литератора-водевилиста, а также и скромной, солидной семейной жизни. Многія изъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ Григорьева не только въ свое время имѣли

успѣхъ, но даже и до нашихъ временъ сохранились въ репертуарѣ провинціальныхъ сценъ («Жена кавалериста», «Комедія съ дядюшкой», «Губкинъ», «Бука», «Разлука тоже наука» и мн. др.).

Великимъ постомъ 1857 года Григорьевъ написалъ своему пріятелю, главному жеппе преміеръ тогдашней сцены А. А. Максиму, назидательное посланіе въ стихахъ, характеризующее какъ обоихъ пріятелей, такъ отчасти и бытъ актеровъ конца пятидесятихъ годовъ. Максимовъ былъ значительно моложе Григорьева; послѣдній игралъ уже добрый десятокъ лѣтъ на сценѣ и началъ свою литературную карьеру, когда Максимовъ только дебютировалъ 19-ти лѣтъ (въ 1832 г.). Горячимъ темпераментомъ, прекраснымъ чтеніемъ и умѣньемъ держаться на сценѣ Максимовъ скорѣ завоевалъ большую любовь публики, хотя съ годами нажилъ такую худобу, что она дѣлала лицо его прямо некрасивымъ и уже никакъ не отвѣчающимъ ролямъ молодыхъ обольстителей. Къ тому же и органъ Максимова, съ сильнымъ отгѣнкомъ носовыхъ звуковъ, былъ довольно непріятенъ. Но всѣ эти недостатки выкупались воодушевленіемъ, гдѣ веселостью, гдѣ искреннимъ драматизмомъ. Послѣ Дюра, Максимовъ занялъ исполнѣ его мѣсто и, за свою недолголѣтнюю карьеру (26 лѣтъ), переигралъ огромный репертуаръ ролей, начиная отъ водеvilныхъ волокитъ и до Хлестакова, Чацкаго, Фигаро, Меркуціо (Ромео и Юлія), Яго (Отелло), маркиза Поза (Донъ Карлосъ) и Гамлета. Максимовъ, хотя и былъ женатъ, но любилъ жить внѣ семьи, среди богатыхъ купеческихъ сынковъ, въ кутежахъ и попойкахъ. Такимъ поведеніемъ артистъ скоро разстроилъ свое здоровье, развилъ въ себѣ чахотку, отъ которой и умеръ, не доживъ и до 50 лѣтъ отъ роду, въ 1861 году.

Печатаемое ниже стихотворное посланіе Григорьева, написанное за три года до смерти Максимова, подъ шутовской внѣшностью, скрываетъ искреннее сочувствіе, сожалѣніе и дружескую угрозу. Солидный Григорьевъ, хотя былъ значительно старше Максимова, пережилъ его на 10 лѣтъ, онъ умеръ лѣтомъ 1871 года, въ Пятигорскѣ.

Посланіе это доставлено въ редакцію «Историческаго Вѣстника» Н. А. Поповымъ. Мы его печатаемъ съ пояснительными примѣчаніями, написанными А. А. Яблочкинмъ, нѣкогда главнымъ режиссеромъ русской драматической труппы въ С.-Петербургѣ.

Великопостное посланіе Алексѣю Михайловичу Максиму.

Ну, что, товарищъ забубенный?

Вотъ, наконецъ, насталъ великій постъ для насъ!

Скажи же мнѣ, усталый, истомленный,

Насталъ ли твой покоя часть,

Утихли ли волненія и страсти,

Отмыта-ль грѣшная тѣлесъ нечистота,

И въ храмѣ Божіемъ, спасаясь отъ напасти,

Ты поклоняешься ль Владыкѣ живота,

Ты просишь ли себѣ и силы, и здоровья,
Иль такъ, какъ въ мясоѣдѣ, разгула жизнь полна,
Ужель духъ праздности, унынья, празднословья
Поддерживаешь ты бутылкою вина,
Ужель, невольный ты поклонникъ злого хмеля,

Земныхъ поклоновъ не творишь,

А все попрежнему, у бестіи Бореля,
Иль въ Арендаторской ¹⁾ гостиницѣ кутишь,
Куда, какъ слышалъ я, въ посту на поклоненье
Отправиться съ компаніей хотѣлъ?..

Признаться, о тебѣ въ душѣ я пожалѣлъ

И пожелалъ не впасть во искушеніе!

Тамъ нѣсть спасенія, по правдѣ говоря!

Тамъ только лишь кутили городскіе,

Усердьемъ будто бы горя,

Нанявши тройки удалыя,

Спѣшать проказничать вблизи монастыря,

Гдѣ, позабывъ и постъ, и все святое въ мірѣ,

Толкуютъ только лишь о томъ,

«Какъ хорошо, удобно имъ въ трактирѣ,

«Какія порціи, или вино почему,

«Какъ комнаты устроены опрятно,

«Какой порядокъ, чистота,

«Какъ прокатиться весело, пріятно,

А въ церкви быть нельзя, такая тѣснота!»—

Поклонникамъ такимъ, чай, очень радъ лукавый!

Тамъ наши женщины, молясь, толкуютъ въ ладъ,

Какой монахъ хорошъ собой на взглядъ;

Мужчины-жъ тѣшатся охриплою октавой!

Такъ если, другъ, и ты съ компаніей тамъ былъ,

И если не пришлось тебѣ пораскутиться,

То Сергій, пастырь душъ, твой вѣрно грѣхъ простилъ;

Межъ тѣмъ за мясоѣд ты, чай, не позабылъ,

Что долгъ велить серьезно попоститься?

Стряхнувъ житейскихъ дѣлъ нечистоту,

Пора забыть, что ты актеръ, потѣшникъ.

Иди, иди во храмъ съ молитвой ко Христу!

Во прахъ, какъ кающійся грѣшникъ!

Подумай, какъ нашъ кратокъ вѣкъ!

На жизненномъ пути, какъ здѣсь грязна дорога...

Подумай, Алексѣй, ты—Божій человекъ!

За что же чорту все... и ничего для Бога?

¹⁾ По Петергофской дорогѣ, подлѣ монастыря св. Сергія.

Къ раскаянью, для всѣхъ открыта дверь:
 Во храмъ сѣшать—здоровый и калѣка!..
 Гордоны-жъ ¹⁾, Палкины, Борели, мнѣ повѣрь,
 Все это демоны подъ видомъ челоуѣка!
 Бѣги отъ нихъ! и будешь цѣль и здоровъ!
 Эхъ, Алексѣй, досадно, да и скверно,
 Что весь гортанный твой рукавъ
 Такъ умѣстителенъ чрезмѣрно!
 Ты, вѣрно, какъ вино передъ тобой стоитъ,
 Твердишь себѣ: Богъ милостивъ! простить!..
 Конечно, многихъ насъ Онъ милуетъ, прощаетъ,
 Но многихъ п... безжалостно караетъ!
 Хоть Богу отъ души ты благодаренъ; такъ
 За то, что, ты, во-первыхъ,—не дуракъ,
 И прочая... такъ ты и не дурачься жъ, милый!
 Разсудокъ, вышій даръ, поберегай,
 Своей природы не насилуй,
 И въ годъ одинъ трехъ лѣтъ не проживай;
 Не лучше-ль быть всегда здорову,
 Поукротивъ земную страсть,
 Чѣмъ вновь въ безуміи понасть
 На Выборгскую сторону къ Орлову ²⁾?
 Да и не вѣчно же вылѣчивать ему
 Твою старинную болячку;
 Подумай же: къ чему пороть горячку
 И ночевать не въ Жуковомъ дому ³⁾?
 Не лучше-ль у себя, въ бесѣдѣ ежедневной,
 Поѣсть, и выпить, поболтать...
 Или съ своей Натальею Сергѣевной ⁴⁾
 На черный день кой-что съ умомъ приготовить?
 Вѣдь старость намъ какъ разъ укоротитъ дорогу!

¹⁾ Англійскій погребъ Лаутона, подъ фирмою «Карлъ Гордонъ», на углу Невскаго и Михайловской улицы.

²⁾ Извѣстный въ то время докторъ, переводчикъ комедій Мольера «Скупой» и авторъ нѣсколькихъ водевилей, въ томъ числѣ водевиля «Гусарская стоянка», имѣвшаго въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ колоссальный успѣхъ. Въ клиникѣ на Выборгской, въ отдѣленіи Орлова, Максимова четыре раза вылѣчивали отъ бѣлой горячки.

³⁾ На Фонтанкѣ, на углу Лештукова переулка, въ домѣ извѣстнаго табачнаго фабриканта, коммерціи совѣтника Василя Жукова, бывшаго прежде плотникомъ въ Большомъ театрѣ.—Плотникъ Василій приготовлялъ особеннымъ, ему одному извѣстнымъ способомъ нюхательный табакъ, настолько хорошо, что за кулисами, во время антрактовъ, актеры, музыканты и всѣ служащіе поминутно обращались къ дядѣ Василю за понюшками «отмѣннаго Жуковского».

⁴⁾ Жена А. М. Максимова, урожденная Аполонская, балетная танцовщица, играла роль «Фенеллы» въ оперѣ того же названія, отличалась классическою красотою.

Такъ лучше тише жить; кому-жъ,
И мозгъ свой сберегать должны мы понемногу,
А то вѣдь, какъ опять ты попадешь подъ душъ,
Такъ душу-то отдашь Орлову, а не Богу!
Вдругъ, глядь, протянешься переважно во весь ростъ,
Съ гримасой кислою валяясь на койкѣ...
Фи! гадко! глупо!.. нѣтъ, теперь великій постъ,
Такъ надо мысль изгнать о всяческой попойкѣ!

Чортъ знает! странно, первый трагикъ шутъ¹⁾,

Ну, словомъ, первые актеры,
А жизнь какую-то послѣднюю ведутъ!

Имъ чертики грезятся тамъ и тутъ,

Иль пикой въ носъ имъ колятъ командоры²⁾,

Ну, словомъ, разныхъ видовъ и сортовъ

Всѣ дьяволы въ мозгу, въ крови и... нѣтъ спасенья!

Ничуть! актеръ очнулся и готовъ

Предъ публикой читать переважно наставленья!

И тутъ, очнувшійся старается весьма,

Чтобъ публику свести рѣшительно съ ума;

Она же, какъ ни своенравна,

Смѣется вмѣстѣ съ нимъ и плачетъ за свой грошъ...

Да!.. какъ подумаешь, посмотришь, разберешь,

Жизнь—поучительна глубоко... и забавна!

Ты, впрочемъ, счастливъ тѣмъ, что ты не семьянинъ,

Что нѣтъ вокругъ тебя дѣвчонокъ и мальчишекъ,

Ты дерзко тратишь жизнь и жизненный излишекъ

И за себя отвечаешь одинъ;

Но тѣ изъ насъ, которые, къ несчастью,

Окружены толпой ребятъ³⁾,

¹⁾ Послѣ смерти знаменитаго трагика В. А. Каратыгина, Максимовъ, игравшій до тѣхъ поръ драматическія и комическія роли любовниковъ и повѣсь, сыгралъ нѣсколько трагическихъ ролей, въ томъ числѣ «Гамлета» и въ «Заколдованномъ домѣ»—Людовика XI.

²⁾ Какъ только начиналась бѣлая горячка, Максимовъ запирался въ своемъ кабинетѣ. Ему казалось, что статуя командора, изъ оперы «Донъ-Жуанъ», просовывая въ замочную скважину дверей длинную соломинку, въ видѣ пикки, старается попасть этой пикой въ носъ Максиму. «Я,—разсказывалъ Максимовъ,—сперва долго-долго молюсь передъ иконами; потомъ сяду за письменный столъ и начинаю прилежно учить, попросту сказать, зубрить какую нибудь новую роль (которыми къ слову сказать, онъ былъ всегда заваленъ), и хотя стараюсь не смотрѣть на дверь, но чувствую, что чортъ, переодѣтый командоромъ, просовываетъ въ замочную скважину тонкую и длинную соломенную пикку. Я долблю роль, а самъ дрожу и невольно скашиваю глаза въ сторону, къ дверямъ. Какъ только чертъ размахнется, чтобы ударить меня въ носъ пикой, я быстро прячу голову подъ столъ. Чертъ промахнулся и, сконфуженный, тащитъ соломинку назадъ. Черезъ минуту та же исторія начинается вновь».

³⁾ Намекъ на знаменитаго комика А. Е. Мартынова.

И, зараженные неизлечимой страстью,
 Не думая о будущемъ, кутятъ,
 Забывъ священный долгъ отца и мужа!
 Что Богъ хоть милосердъ, заблудшаго падить,
 Но послѣ, силы въ насъ и умъ обезаружа,
 Онъ взыщетъ за дѣтей и грозно поразить!
 Вино! вино! что дѣлаешь ты съ нами?
 Какъ пораздумаешь, невольно страхъ беретъ!..
 Мы отъ вина не можемъ быть отцами,
 Умъ, мысли, все вверхъ дномъ идетъ!
 Въ бѣды и глупости, и въ ссору,
 Въ болѣзни тяжкія, во все влечетъ оно!
 И кажется, самъ Богъ всѣхъ болѣе актеру
 Далъ средства — погибать черезъ вино!

* *

Не смѣйся надъ моею ты постной небылицей:
 Писалъ тебѣ я такъ, какъ чувствовать умѣлъ,
 Я, братъ, воспользуясь сей первою седмицей,
 Свободно, скромно отговѣлъ,
 Какъ могъ, за всѣхъ усердно помолился,
 Когда же тайнъ Христовыхъ причастился,
 То пожелалъ, чтобъ всѣ товарищи, друзья
 Спокойно также отговѣли,
 Покаялись, забывши хмель,
 И не дурачились на тройкахъ, не пьянѣли,
 По крайней мѣрѣ, семь недѣль!

* *

Такъ не по-розамъ, а по тернію
 И ты теперь ходи, молись,
 А въ Новгородскую губернію ¹⁾
 Молиться ѣздить не трудись;
 Пошли туда твое усердіе,
 Свой даръ и въ деньгахъ, и въ вещахъ,
 И вѣрь, что Божье милосердіе
 Тебя помилуетъ въ грѣхахъ!
 Теперь, всякъ въ грѣшныхъ мысляхъ кается, —
 А кто, чтобъ въ жизни не страдать,
 Контрактъ свой всячески старается
 Повыгоднѣе заключить ²⁾,

¹⁾ Въ новгородскій Деревяницкій монастырь, куда Максимовъ дѣлать большіе вклады и гдѣ постоянно говѣлъ, исповѣдывался и приобщался.

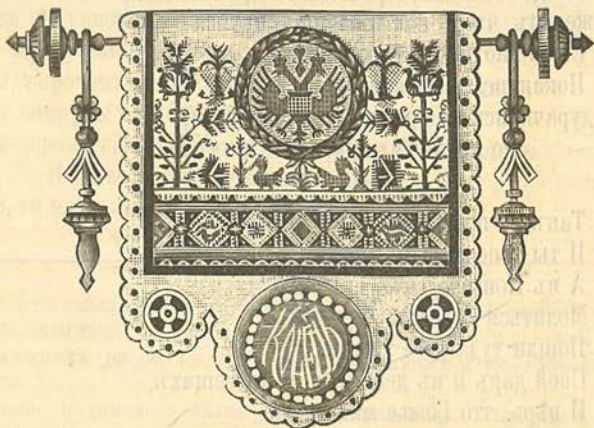
²⁾ Въ 1857 году В. В. Самойловъ заключилъ съ дирекціею императорскихъ театровъ очень выгодный контрактъ, гораздо лучше контрактовъ Мартыновскаго и Максимовскаго.

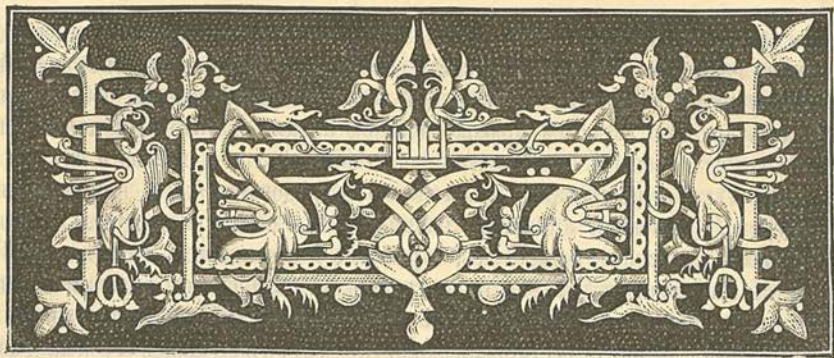
Самойлова многохвалимаго
Вознаградили важно, братья!
Посмотримъ, что-то у Максимова,
Такой ли выйдетъ результатъ?
Дай Богъ, тебѣ нажить имѣніе,
Здоровымъ невредимымъ быть...

За симъ, мое тебѣ почтеніе;
Прощу посланье сохранить
И въ немъ кой-что позаучить
О томъ, что «Быть? или не быть?»
Иль — только пить???

П. Григорьевъ.

2-я седмица поста.
Февраля 25-го 1857 г.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ общество въ Москвѣ. Въ годичномъ собраніи, состоявшемся 24-го февраля, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, который навсегда останется памятнымъ въ исторіи русской археологіи. 13-го апрѣля 1897 года, государь императоръ соизволилъ на ежегодный отпускъ, начиная съ 1897 года, въ распоряженіе общества, на нужды сѣздовъ и подготовительныя работы, а также изданія трудовъ, по 5,000 рублей. Это упрочило навсегда осуществленіе сѣздовъ и обезпечило ихъ изданія. Въ истекшемъ году обществомъ были организованы 7 экспедицій для изученія древностей на Кавказѣ, по бассейну р. Оки, въ мѣстности, прилегающія къ р. Камѣ; раскопаны были курганы въ Московской, Калужской и другихъ губерніяхъ. За границей, по порученію общества, продолжались работы въ Бейрутѣ и Марокко. Въ теченіе отчетнаго года общество имѣло 16 засѣданій: 1 годичное, 1 посвященное памяти академика Ѳ. И. Буслая и В. С. Румянцева, 7 обыкновенныхъ, 6 распорядительныхъ и 1 редакціоннаго комитета. Въ засѣданіяхъ доложено было 27 рефератовъ. Въ истекшемъ году исполнилось 10 лѣтъ существованія состоящей при обществѣ восточной комиссіи, которая имѣла 6 засѣданій, гдѣ прочитаны были 18 докладовъ. Къ учрежденію комиссіи мотивами были: необходимость имѣть кружокъ лицъ для изслѣдованія восточныхъ памятниковъ, поступающихъ въ общество; задачи русской археологіи въ Средней Азіи и на Кавказѣ, требующія систематическихъ и совмѣстныхъ занятій археологовъ съ оріенталистами; обширность

и важность для науки памятниковъ архаическаго Востока и обязанность для нашей науки включить ихъ въ среду своего изслѣдованія; лингвистическій по преимуществу характеръ изслѣдованій по восточной археологiи, обособляющій ее отъ другихъ отраслей археологической науки; достаточный контингентъ московскихъ ученыхъ силъ по востоконвѣдѣнiю, внутри общества и внѣ его. За десять лѣтъ существованія комиссiи ею изслѣдованы были: клинообразныя надписи Закавказья, армянскія надписи Юга Россiи, рядъ мусульманскихъ надписей: арабскихъ татарскихъ, турецкихъ и персидскихъ изъ Средней Россiи, съ Кавказа и изъ Туркестана; грузинскія надписи Гелатскаго монастыря и другихъ древнихъ грузинскихъ храмовъ, сирскія и несторiанскія надписи Семирѣченской области, осетинская надпись — *u n i s u t*, надписи еврейскія, палмирскія и многія другія. Кромѣ того, комиссiей за время ея существованія были рассмотрѣны, описаны и изслѣдованы рукописи и акты на 7 различныхъ языкахъ Востока. Членами комиссiи совершены были 4 экспедиции на Кавказъ. Труды комиссiи печатались въ основанныхъ для нея обществомъ «Древностяхъ Восточныхъ», которыхъ съ 1889 года вышло четыре обширные выпуска. Состоящая при обществѣ славянская комиссiя въ отчетномъ году имѣла 5 засѣданiй, и печатался 2-й томъ трудовъ комиссiи. Археографическая комиссiя въ теченiе отчетнаго года имѣла 11 засѣданiй, въ которыхъ доложены были 26 рефератовъ. Въ теченiе года обществомъ были изданы: II т. трудовъ Виленскаго съѣзда и III т. трудовъ Московскаго съѣзда. Въ настоящее время печатается VI и VII вып. матеріаловъ по археологiи Кавказа, IV т. Московскаго и I т. Рижскаго съѣздовъ и XVI т. Древностей и др. Общество продолжало печатать «Археологическія Извѣстія и Замѣтки». По прочтенiи отчета о дѣятельности общества доложены были: отчетъ комиссiи по сохраненiю древнихъ памятниковъ, отчетъ по библиотекѣ общества, казначея и ревизiонной комиссiи. Изъ доклада, доставленнаго въ общество А. А. Тихомировымъ, производившимъ въ прошломъ году раскопки близъ Ярославля, сообщены были выдержки. Референтомъ раскопанъ былъ могильникъ, расположенный вблизи с. Михайловскаго, Ярославской губерніи и уѣзда. Иллюстраціей сообщенія г. Тихомирова служили фотографическіе снимки съ предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ древнихъ могилъ, причемъ референтомъ предоставлено обществу право воспользоваться этими предметами. Въ заключенiе произведены были выборы на должность секретаря общества. Большинствомъ голосовъ избранъ былъ В. К. Трутовскій, занимавшій означенную должность въ теченiе десяти лѣтъ, причемъ вновь избранному секретарю общество выразило благодарность за его прошлую дѣятельность.

Кіевское общество Нестора лѣтописца. Въ собранiи по поводу 25-ти лѣтiя общества, проф. В. В. Антоновичъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которую мы сообщаемъ въ краткомъ извлеченiи. Ораторъ отмѣтилъ, что празднованiе двадцатицятилѣтiя общества совпадаетъ съ другою знаменательною годовщиною. Въ первыхъ числахъ января исполнилось 250 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Запорожской Сѣчи впервые появились изъ Чигирина, спасаясь отъ преслѣдованiй, Богданъ Хмѣльницкій и, заручившись поддержкой Сѣчи, отправился въ Крымъ просить у хана помощи. Богданъ является типичнымъ выразителемъ идеи и

пожеланій Малорусскаго народа своей эпохи; онъ лучше чѣмъ кто либо изъ современниковъ понялъ и сумѣлъ формулировать желанія и стремленія своего народа. Въ этомъ заключается и главная причина успѣха возстанія, иниціаторомъ котораго явился Хмѣльницькій. Нѣкоторые упрекають его — и совершенно напрасно — въ томъ что онъ, будучи побѣдителемъ въ полномъ смыслѣ слова, не основалъ обособленнаго малороссійскаго государства. Подобнаго рода заявленія отличаются крайне поверхностнымъ взглядомъ. Южнорусская народность обладаетъ такими этнографическими особенностями, которыя не позволяютъ ей создать самостоятельное государство: въ ней отсутствуетъ то самообладаніе, воздержность въ дѣйствіяхъ, вызываемыхъ впечатлѣніемъ минуты, которыя необходимы для обоснованія крѣпкаго государственнаго порядка. Существовали неоднократныя попытки, начиная съ Данила Галицкаго и кончая Мазепою, создать самостоятельное малорусское государство, но всѣ эти попытки закончились неудачей, такъ какъ народъ относился къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ или даже протестовалъ противъ этихъ попытокъ, понимая, что онъ не годится для самостоятельной жизни. Ставъ частью государства, не признававшего основныхъ принциповъ общественной жизни Малороссіи, украинскій народъ протестуетъ противъ порядковъ, установившихся на Украинѣ. За полтора вѣка до возстанія Хмельницкаго казаки протестуютъ противъ порядковъ, введенныхъ Польшею, но эти протесты направлены не противъ государственной власти, а противъ шляхетства и его своеволія. Казаки не только признають авторитетъ короля, но даже взываютъ къ его власти, просятъ о томъ, чтобъ онъ употребилъ свою силу для обузданія шляхетства и учиненія справедливости. Но казакамъ на этотъ разъ пришлось столкнуться съ такимъ представителемъ власти, который являлся блѣдною, почти ничтожною фигурой, не имѣвшею возможности принять какихъ бы то ни было мѣръ къ водворенію порядка. Одинъ только Владиславъ IV былъ близокъ къ цѣли — низложенія съ себя ига дворянства. Осуществить это онъ замышлялъ при посредствѣ учрежденія въ Польшѣ контингента иностранныхъ войскъ, частью при помощи казаковъ. Казачимъ старшинамъ король выдалъ документальныя обѣщанія экономическихъ и политическихъ реформъ въ случаѣ успѣха, котораго онъ, однако, не достигъ. Извѣстно, что Хмѣльницькій въ самомъ началѣ возстанія постарался, прежде всего, выманить хранившіяся у одного изъ казачьихъ старшинъ королевскія грамоты, послужившія, такъ сказать, юридическимъ основаніемъ для возстанія. Хмѣльницькій впоследствии самъ разорвалъ ту связь, какая существовала между Украиной и Польшею, но на первыхъ порахъ онъ искренно вѣрилъ, что призванъ исполнить волю короля, и не возставалъ противъ власти. Это доказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Послѣ удачныхъ побѣдъ при Корсунѣ и Пилявцахъ, Хмѣльницькій разбилъ польскія арміи и, побѣдоносно двигаясь внутрь Польши, безъ всякаго труда могъ взять самую столицу. Въ это время король Владиславъ IV умеръ, наступило междуцарствіе, новаго короля не было, арміи не существовало, шляхта, собравшаяся на сеймъ для избранія новаго короля, предполагала уже перенести сеймъ въ Данцигъ; но Хмѣльницькій медлитъ и не подступаетъ къ Варшавѣ, ведетъ переговоры съ кандидатомъ на польскій престолъ, братомъ покойнаго

короля, Яномъ-Казимиромъ. Послы кандидата убѣдили Хмѣльницкаго, что Янъ-Казимиръ будетъ продолжать политику Владислава IV, въ виду этого Хмѣльницкій снимаетъ осаду Замостья и уходитъ изъ Польши, ожидая послѣдовъ короля. Но преемникъ Владислава IV слѣдуетъ совершенно другой политикѣ, и война вновь загорается. Послѣ неудачной битвы Зборажской половина польской арміи разбита, вторая половина подъ начальствомъ самого короля окружена со всѣхъ сторонъ Хмѣльницкимъ, и онъ имѣетъ полную возможность уничтожить ее; но начинаются переговоры съ королемъ, и Хмѣльницкій, побѣдитель, не только идетъ охотно на уступки, но при свиданіи съ королемъ падаетъ на колѣни, проситъ прощенія за бунтъ и предъявляетъ покорность. Тѣмъ не менѣе успѣхъ возстанія казаковъ, инициаторомъ котораго является Хмѣльницкій, несомнѣненъ. Объясняется это тѣмъ, что послѣдній являлся положительнымъ носителемъ и выразителемъ идеаловъ и настроенія, охватывавшаго въ ту пору народныя массы. Чего добивался народъ? Вольности казацкой, то есть равноправности передъ закономъ, уничтоженія крѣпостнаго права, равномернаго распредѣленія поземельной собственности и свободы православной вѣры. Съ этимъ слово въ слово совпадала программа Хмѣльницкаго, объявленная имъ въ универсалѣ, данномъ подъ Бѣлою Церковью. Эту же программу Хмѣльницкій формулировалъ въ двухъ словахъ, объѣзжая ряды войскъ передъ каждою битвой: «за вольность и віру». Наряду съ этимъ большой успѣхъ возстанія его объясняется несомнѣнными врожденными дарованіями. Управление арміей въ 200—300 тысячъ человекъ является вообще дѣломъ труднымъ и сложнымъ. Армія Хмѣльницкаго, если не считать шести тысячъ нестроевыхъ казаковъ, представляла собой вооруженный косами, вилами, дубинами сбродъ, не имѣвшій никакого понятія о военной дисциплинѣ и только что оторванный отъ сохи. Подобной арміи, представлявшей собою въ полномъ смыслѣ слова то, что извѣстно въ наше время подъ названіемъ пушечнаго мяса, пришлось имѣть дѣло съ одною изъ лучшихъ въ то время среди Европы армій, во главѣ которой стояли талантливые руководители арміи Вишневецкій, Пржіемскій и Убальдъ. Хмѣльницкій одерживалъ побѣды и надъ этою арміей. Дарованія его выражались не только въ умѣнии составить хорошій планъ битвы, но и организовать свою армію. У него постепенно появляются пушки, оружіе, нѣтъ недостатка въ порохѣ. Какимъ образомъ Хмѣльницкому удавалось приобрѣтать вооруженіе для своихъ войскъ—установить трудно: извѣстно что посылались эмиссары въ Турцію, Валахію, Молдавію для закупки оружія. Какъ администраторъ, Хмѣльницкій умѣлъ прекрасно справляться со столь трудною задачей, какъ расположеніе военныхъ отрядовъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, причемъ связь между отрядами не нарушалась; провіантская часть у казаковъ была всегда хорошо организована. Въ то время, какъ польскія войска часто страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, войска Хмѣльницкаго, расположенныя всего только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ врага, не терпѣли нужды, и если полякамъ случалось разбивать казацкіе отряды, то они поражались обиліемъ запасовъ, заготовленныхъ казаками. Хмѣльницкій всегда умѣлъ организовать дѣльную армію лазутчиковъ, которые доносили ему о всѣхъ передвиженіяхъ польскихъ войскъ, въ то время какъ польскіе военачальники

часто даже не знали, гдѣ именно находится Хмѣльницкій. Гетманъ отличался большими финансовыми способностями. Въ возставшей странѣ населеніе не было переписано, земля не была оцѣнена, никакихъ основаній для установленія правильной податной системы не было,— и тѣмъ не менѣе Хмѣльницкій никогда не нуждался въ деньгахъ, платилъ наемнымъ войскамъ огромныя средства, не заставляя никого жаловаться на поборы и контрибуціи. Разочаровавшись въ своихъ силахъ, убѣдившись, что онъ не можетъ исполнить справедливыхъ требованій малорусскаго народа, Богданъ Хмѣльницкій замыслилъ присоединеніе Малороссіи къ другому государству, и результатомъ его намѣреній является Переяславльскій договоръ 1654 года. Но и въ эту пору подъ московскимъ владычествомъ, связанный договорами, Хмѣльницкій разными ухищреніями старается пробить дорогу основнымъ желаніямъ народа. Такъ, напри- мѣръ, было съ вольными казаками, которыхъ Хмѣльницкій обязанъ былъ имѣть не свыше 40 тысячъ, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ окодо 150 тысячъ. Такова кипучая и разносторонняя дѣятельность Богдана Хмѣльницкаго, закончившаяся смертію отъ того недуга который въ наше время носить названіе переутомленія. Зная ее, упрекать Хмѣльницкаго смѣшно. Говорятъ, что, воплощая въ себѣ народныя идеалы, онъ долженъ былъ развить ихъ и закрѣпить въ учрежденіяхъ и статутахъ. Но ставить это въ вину энергичному дѣятелю, по мнѣнію В. Б. Антоновича,— значить обвинять его, что онъ не переросъ самого себя на 2^{1/2} столѣтія. («Моск. Вѣд.» № 35).

Общество любителей древней письменности. I. 30-го января, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго члена Д. Θ. Кобеко, состоялось общее собраніе. Первое сообщеніе — о нѣкоторыхъ египетскихъ рукописяхъ — было сдѣлано В. А. Тураевымъ. Докладчикъ остановился прежде всего на египетской рукописи, принадлежащей обществу. Въ основѣ эта рукопись—довольно обычный текстъ Псалтири; но ея особенность составляютъ приписки послѣ каждого псалма (добавленіе въ честь Богоматери), календарныя вычисленія и двѣ магическія молитвы—заговоры противъ раны въ правомъ боку и противъ трудныхъ родовъ. По поводу этихъ молитвъ В. А. Тураевъ коснулся вообще вопроса объ абиссинскихъ заговорахъ и, указавъ на то, что они подобны этому виду литературы у другихъ народовъ (нагроможденіе таинственныхъ именъ божествъ, ссылки на прецеденты изъ религіозныхъ сказаній), привелъ рядъ заговоровъ въ переводѣ изъ различныхъ египетскихъ рукописей: заговоръ противъ болѣзни печени, заговоръ противъ болѣзни глазъ, молитву для избавленія отъ всѣхъ бѣдъ, влагаемую въ уста Спасителя, который сообщаетъ ее двѣнадцати апостоламъ; молитву, полученную монахомъ съ неба отъ ангела (чтеніе ея спасаетъ отъ смерти безъ покаянія) и др. Наконецъ, докладчикъ указалъ на рукопись Н. П. Лихачева, въ которой имѣется такъ называемое «разрѣшеніе заговоровъ». Здѣсь находятся формулы, разрѣшающія всевозможные заговоры, при чемъ они перечисляются по областямъ Абиссиніи и народностямъ, живущимъ вокругъ ея; разрѣшаются даже заговоры турецкіе, франкскіе и германскіе. По поводу этого сообщенія С. О. Долговъ указалъ на паралели египетскимъ заговорамъ въ древне-русской письменности. Второе сообщеніе было сдѣлано А. И. Никольскимъ и состояло изъ двухъ частей: 1) докладчикъ ознакомилъ собраніе со

статтей XVI вѣка (изъ сборника С.-Петербургской бібліотеки святѣйшаго синода), въ которой не только перечисляются, но и распредѣляются по семи соборамъ церкви Великаго Новгорода, и подводятся итогъ всѣмъ новгородскимъ церквамъ, придѣламъ и службамъ. Огмѣтивъ, что списокъ этой статьи, имѣющейся въ Румянцовскомъ музеѣ, представляетъ копію, сдѣланную въ XIX вѣкѣ съ синодальнаго списка, А. И. Никольскій указалъ на значеніе найденнаго имъ текста для исторіи новгородской церкви и для топографіи древняго Новгорода; 2) докладчикъ сообщилъ неизвѣстный въ печати рассказъ (по рукоп. XVII в. императорской публичной бібліотеки) о чудѣ, совершенномъ Варлаамомъ Хутынскимъ въ 1663 г. Варлаамъ явился въ часовнѣ близъ Хутынскаго монастыря нѣкому земледѣльцу Ивану и повелѣлъ ему идти въ монастырь и сказать тамъ, что онъ, преподобный, вслѣдствіе беззаконій братіи, ушелъ изъ монастыря и живетъ въ часовнѣ, и что, если братія не покается, монастырь сгоритъ и кони «изомрутъ». Братія не повѣрила Ивану, а новгородцы даже посадили его въ темницу. За невѣріе князь Иванъ Репнинъ, «градоначальникъ» Новгорода, былъ наказанъ разслабленіемъ тѣлеснымъ, и тогда земледѣлецъ Иванъ съ посланіемъ отъ князя Репнина былъ отправленъ къ царю Алексѣю Михайловичу, который одарилъ его и отпустилъ. Монастырь въ томъ же году сгорѣлъ, и кони измерли. Сказаніе это записано въ 1663 г. въ Соловецкомъ монастырѣ, со словъ служебника новгородской соборной церкви Льва. II. 20-го февраля, состоялось подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева общее собраніе. Первое сообщеніе: «Два коментарія къ лѣтописному сказанію о происхожденіи славянской грамоты», было прочитано А. Н. Петровымъ. Лѣтописное сказаніе находится въ связи съ исторіей расселенія славянъ; изъ нея взяты перечень славянскихъ племенъ, для которыхъ книги были переведены въ Моравіи и заключеніе о племенномъ единствѣ славянъ. Сказаніе оказало вліяніе на статью толстовскаго хронографа о времени преложенія книгъ, главная цѣль которой сказать, что переведенныя свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ книги предназначались и для сербовъ съ албанцами и босняками, «вси бо сїи глаголаху однимъ языкомъ словенскимъ». Связь статьи хронографа и лѣтописнаго сказанія несомнѣнно доказывается и буквальными выписками изъ лѣтописи. Грамота называется въ лѣтописномъ сказаніи словенской въ томъ смыслѣ, что она предназначена для племенъ, которые говорятъ однимъ языкомъ словенскимъ. Подъ 6406 годомъ помѣщено это сказаніе въ лѣтописи вслѣдствіе смѣшенія книгъ, переведенныхъ св. Кирилломъ для славянъ, съ учительнымъ евангеліемъ Константина Болгарскаго, составленнымъ, какъ можно догадываться, въ 12-й годъ царствованія Льва Философа. т. е. въ 6406 году. Затѣмъ А. В. Башкировъ сдѣлалъ критическій обзоръ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ XIII томѣ Сборника болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь отмѣчены референтомъ интересныя статьи Кончева и Каранова. Первый сообщаетъ текстъ пяти апокрифическихъ молитвъ-заговоровъ, второй даетъ описаніе памятниковъ и изданіе текстовъ хожденія Богородицы по мукамъ, житіе Агапія, апокрифъ, какъ Христа въ попы ставили, причеми эти тексты даютъ небезынтересныя разночтенія къ доселѣ изданнымъ. Любопытныя новыя свѣдѣнія читаемъ въ статьѣ Милетича о дако-славянахъ; авторъ

посѣтилъ селенія въ Трансильваніи, въ которыхъ живутъ славяне (Czerged, Baumgarten и др.) и на основаніи данныхъ языка и указаній документовъ утверждаетъ, что это болгары, еще въ средніе вѣка переселившіеся сюда. Въ статьѣ Златарскаго сообщены письма византійскаго императора Комина Лаканена къ Симеону, царю болгарскому, извлеченныя изъ Патмосской бібліотеки и представляющія значительный историческій интересъ. Въ общемъ сборникъ заключаетъ много интереснаго матеріала — историческаго и литературнаго, но памятники описываются (и, вѣроятно, издаются также) довольно небрежно, порой при описываемой рукописи даже приблизительно не обозначается время написанія. Третій докладчикъ, П. Н. Шефферъ, указалъ на существованіе лицевого списка повѣсти XVII вѣка о Саввѣ Грудстынѣ — одной изъ интереснейшихъ древне-русскихъ повѣстей. До сихъ поръ списки съ миниатюрами были чрезвычайно рѣдки. Интересный списокъ графа Толстого пропалъ изъ императорской публичной бібліотеки. Въ лицевомъ списокѣ 1794 года, сохранившемся въ бібліотекѣ кн. Долгорукова въ Тульской губ. — тамъ же, гдѣ нашелся въ прошломъ году сборникъ Кирши Данилова — имѣется 22 миниатюры къ повѣсти; референту удалось сдѣлать 2 фотографическихъ снимка; первый: Савва, повидимому, бесѣдуетъ съ Божиномъ и его женой; второй — Савва даетъ рукописание на свою душу дьяволу, съ цѣлью приобрести любовь жены купца Божена.

Собраніе общества ревнителей русскаго просвѣщенія. 26-го февраля, въ 3 часа дня, происходило торжественное собраніе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Передъ началомъ засѣданія въ залѣ была совершена панихида по императорѣ Александрѣ III. Пѣлъ хоръ графа С. Д. Шереметева, подъ управленіемъ г. Архангельскаго. Послѣ панихиды открылось засѣданіе. Товарищъ предсѣдателя графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ стихотвореніе, которое сложилось у него въ прошломъ году, навѣянное ощущеніями при посѣщеніи въ Ливадіи комнаты, гдѣ окончилъ жизнь императоръ Александръ III и гдѣ графу довелось присутствовать на панихидѣ по царѣ миротворцѣ. Затѣмъ оркестръ и хоръ графовъ Шереметевыхъ исполнили кантату, Чайковскаго (слова А. Майкова); дирижировалъ графъ А. Д. Шереметевъ. Послѣ кантаты прочтены были воспоминанія харьковскаго профессора Грубе объ императорѣ Александрѣ III, начиная съ катастрофы въ Боркахъ, въ 1888 году, при крушеніи императорскаго поѣзда, когда профессоръ Грубе былъ вызванъ изъ Харькова и вмѣстѣ съ врачами и студентами прибылъ оказывать помощь раненымъ. Профессоръ Грубе рассказываетъ подробно объ ужасномъ положеніи потерпѣвшихъ при проливномъ дождѣ, холодномъ вѣтрѣ и о томъ вниманіи къ раненымъ, которое проявилъ почившій императоръ къ пострадавшимъ, о его заботахъ объ нихъ. Императоръ не хотѣлъ уѣхать раньше, чѣмъ будутъ отправлены раненые. И въ Харьковѣ государь посѣтилъ съ августѣйшею семьею больницы, гдѣ лежали пострадавшіе. Обаятельная простота, ласковость взгляда и задушевный голосъ царя дѣйствовали на всѣхъ неотразимо; всѣ оживали. По прибытіи государя въ Петербургъ, ежедневно по телеграфу спрашивалось о здоровьи раненыхъ. Впослѣдствіи, когда въ 1889 г. профессоръ Грубе представлялся императору въ Петербургѣ, государь разспрашивалъ его о здоровьи пострадавшихъ,

благодарить за заботы и лѣченіе и, между прочимъ, въ разговорѣ о томъ, что желѣзнодорожныя раны и ушибы исцѣляются медленно и долго чувствуются, высказалъ, что и онъ, государь, до сихъ поръ ощущаетъ нѣкоторую боль въ правомъ бедрѣ, поясицѣ и въ другихъ мѣстахъ. Далѣе Грубе рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ при слѣдующихъ встрѣчахъ, о вниманіи царя къ нему, когда государь узналъ о его тяжелой болѣзни (отъ зараженія при операциі). Говоря о высокимиъ душевныхъ качествахъ почившаго монарха, профессоръ высказывалъ, что государь былъ внимательнымъ паціентомъ, отличаясь выдающимся терпѣніемъ, и выразилъ увѣренность, что тяжелая неизлѣчимая болѣзнь почекъ у государя, охватившая его могучій организмъ, явилась и развилась вслѣдствіе полученныхъ имъ ушибовъ и сотрясенія въ 1888 году. Собраніе закончилось исполненіемъ хоромъ и оркестромъ гимна «Боже, царя храни».

Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. I. Въ засѣданіи 20-го января В. В. Водовозовъ прочелъ докладъ объ исторіи антисемитической партіи въ Германіи. Пространный докладъ имѣлъ цѣлью показать, что эта партія представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ политической случайности, будучи неспособной къ устойчивой организаціи и развитію. Всѣ представители антисемитизма оказались у докладчика людьми невѣжественными, совершенно некультурными и въ значительной части просто мазуриками. Отмѣчая постоянный приростъ партіи, докладчикъ успѣшилъ однако же разъяснить, что этотъ несомнѣнный ростъ въ сущности оказывается только убылью въ пользу консерватизма и социаль-демократіи; впрочемъ, въ концѣ доклада находилось также и утвержденіе, что антисемитизмъ растетъ всегда на счетъ консерватизма. Наряду съ этимъ докладчикъ находилъ, что чѣмъ менѣе въ данной мѣстности евреевъ, чѣмъ ихъ вліяніе на народную жизнь ничтожнѣе, тѣмъ сильнѣе ростъ антисемитизма и обратно. Изъ этого положенія авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ окончательнаго вывода—именно, что антисемитизмъ всего слабѣе тамъ, гдѣ евреи составляютъ большинство, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ евреевъ; хотя, конечно, его ребяческія сужденія едва ли нуждались и въ такомъ самоубійственномъ опроверженіи. Въ продолжительныхъ преніяхъ приняли участіе гг. Лесевичъ и Струве. II. 18-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Карѣва, торжественное собраніе, посвященное памяти Огюста Конта, по случаю исполнявшагося столѣтія со дня его рожденія. Первый докладчикъ, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій подробно ознакомилъ слушателей съ историческими условіями возникновенія позитивизма О. Конта и преимущественно его социологическихъ воззрѣній и обстоятельно выяснилъ характерныя особенности его философіи. Слѣдовавшій затѣмъ докладъ В. В. Лесевича касался спеціально философскихъ воззрѣній Конта. Назначенный къ чтенію третій докладъ профессора Н. И. Карѣва о Контѣ, какъ основателѣ социологіи, за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія. III. Въ годовомъ общемъ собраніи, бывшемъ 25-го февраля, проф. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ рефератъ о Контѣ, какъ основателѣ социологіи. Докладчикъ весьма подробно выяснилъ значеніе О. Конта въ этой «наукѣ». Въ настоящее время, однако, его курсъ положительной философіи, по мнѣнію докладчика, представляетъ уже только чисто историческій интересъ и на его со-

ціологію слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ лишь на памятникъ человѣческой мысли, такъ какъ за послѣднія 50 лѣтъ, со времени появленія «курса» Конта, явились новыя положенія, новыя точки зрѣнія, да и сама жизнь создала много новыхъ общественныхъ явленій, сравнительно съ его временемъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Н. И. Карѣева, и теперь дальнѣйшее развитіе науки продолжается совершаться въ томъ же направленіи господства научнаго духа, которое рекомендовано Контомъ. Докладчикъ закончилъ свой рефератъ опредѣленіемъ значенія О. Конта въ исторіи нашей русской мысли. Въ Россіи впервые стали интересоваться Контомъ въ серединѣ 60-хъ годовъ, въ особенности же начали изучать съ конца 60-хъ годовъ, и четверть вѣка назадъ у насъ философія Конта была очень популярна. Затѣмъ явилось стремленіе отбросить въ ученіи Конта все, что было неосновательно и ложно, и прочее соединить съ другими науками въ одномъ общемъ направленіи. Въ общемъ, по мнѣнію лектора, значеніе Конта въ развитіи русской мысли было очень велико. Затѣмъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій 1897 годъ. Въ отчетномъ году всего было 8 общихъ собраній. Научная дѣятельность общества, между прочимъ, выразилась въ выпускѣ 9-го тома «Историческаго Обзорѣнія» и въ подготовленіи матеріаловъ для 10-го тома. Всѣхъ членовъ въ обществѣ въ настоящее время числится: 279 дѣйствительныхъ и 1 членъ-сопоставитель. Библіотека общества заключаетъ въ себѣ 542 названія, составляющія 762 тома. Въ приходѣ общества въ теченіе года было 1.188 р., а израсходовано 120 р., такимъ образомъ имѣется въ остаткѣ 1.068 р. По смѣтѣ на 1898 годъ приходъ исчисленъ въ суммѣ 1.687 р., а расходъ въ 693 р.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія, 16-го января, В. И. Іохельсонъ сдѣлалъ сообщеніе о древнемъ и современномъ бытѣ юкагировъ, инородцевъ сѣвернаго округа Якутской области, обитающихъ по рр. Ласчовой и Коркодону. Докладчикъ путешествовалъ для изученія ихъ по порученію восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Начавъ путешествіе съ Якутска, онъ посѣтилъ область р. Колымы, доходя на сѣверо-востокъ до Ангойской пристани по р. Малой Ангоѣ и на юго-востокъ до р. Разсоха. Обратный путь изъ Колымскаго округа совершенъ по тундрѣ черезъ устья рр. Индигирки, Ялы и Лелы и по р. Ленѣ въ Якутскъ. Юкагиры (тунгусское слово юка—далеко) не знаютъ, кто и почему окрестилъ ихъ этимъ именемъ и сами себя называютъ одулами. Соціальныи строй юкагировъ былъ первобытенъ. Общественныя отношенія древнихъ юкагировъ не только не носили характера политической группы, но исключали всякаго рода власть. Нынѣшніе выборные старосты, имѣющіе, правда, очень малое значеніе, привиты русскими. Типичнымъ является для древняго строя юкагировъ рѣзкое противоположеніе между собой, какъ двухъ отдѣльныхъ группъ, мужчинъ и женщинъ. На женщинъ, какъ хранительницъ домашняго очага, возложены рѣшительно всѣ работы по дому и хозяйству; мужчины же занимаются охотой и войнами. По распространенному у нихъ повѣрью, между охотникомъ и животнымъ существуетъ таинственная связь, и если животное не любитъ охотника, то послѣднему никогда не удастся его убить. Убитымъ животнымъ оказываютъ знаки почтенія, и существующій у юкагировъ культъ животнаго не

обходится безъ человѣческихъ жертвъ. Однимъ изъ ужасныхъ бичей для юкагировъ являются посѣщающія ихъ часто сильныя голодовки, во время которыхъ матери нерѣдко убиваютъ своихъ дѣтей. Въ общемъ, однако, это удивительно жизнерадостный полярный народъ, любящій проводить время въ пѣніи, пляскахъ, играхъ и состязаніяхъ. Что касается современнаго быта юкагировъ, то матеріальныя условія ихъ жизни остались во многихъ отношеніяхъ такими же, какими были 250 лѣтъ тому назадъ, до столкновенія ихъ съ русскими. Желѣзныя орудія замѣнили каменныя и костяныя, хотя и теперь еще встрѣчаются пережитки каменнаго вѣка. Формы быта остались прежнія, условія же питанія скорѣе ухудшились — пищей являются исключительно рыба и оленье мясо, добыча которыхъ подвержена различнымъ случайностямъ, и болѣе жалкой жизни трудно представить. Русскіе купцы вымѣниваютъ у нихъ въ Верхне-Колымскѣ за безцѣнокъ добытые ими продукты на чай, табакъ, ситцы и пр. Докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы приняты были какія либо мѣры къ огражденію юкагировъ отъ голодовокъ, ставшихъ почти нормальнымъ явленіемъ, а также и отъ производимыхъ нерѣдко неправильныхъ обложеній. Докладъ иллюстрированъ былъ фотографическими снимками съ различныхъ мѣстностей и типовъ инородцевъ. Демонстрировались также предметы инородческой одежды и образцы картинныхъ изображеній писменъ на берестѣ.

II. 21 января 52-я годовщина общества была ознаменована торжественнымъ засѣданіемъ, подъ предѣлательствомъ сенатора П. П. Семенова. Секретаремъ общества г. Григорьевымъ былъ прочитанъ годовой отчетъ. Были помянуты словомъ благодарности имена почившихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества, между которыми были названы генер. І. Е. Стебницкій, К. К. Гротъ, гр. П. Д. Деляновъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ Ѳ. А. Слудскій и много другихъ. Въ теченіе года было 1.128 членовъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ, русскихъ и иностранныхъ. На научныя предпріятія затрачено свыше 25 тыс. рублей. Предпріятія были слѣдующія: экспедиція Ѳ. Ѳ. Анерта и В. Л. Комарова въ Манчжурію и Сѣверную Корею; экспедиція академиковъ С. И. Коржинскаго и К. Г. Залемана, при участіи Д. В. Иванова и А. Н. Кознакова, — въ Рошанъ и Шугнанъ; экспедиція В. А. Федченка и инженера Леонова — въ окрестности Туркестана и г. Островскихъ — въ страну шамановъ и тоджинцевъ; поѣздка г. Вардена по Енисейской и Томской губ. и Н. А. Буша и Н. Н. Щукина по тѣмъ же мѣстамъ; экспедиція гг. Некрасова и Истомина по инициативѣ пѣсенной комисіи, предѣлательствуемой государственнымъ контролеромъ Т. И. Филипповымъ, — въ губерніи: Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую. Ею собрано 90 пѣсенъ. Далѣе были перечислены экспедиціи М. Ѳ. Кривошапкина и Ѳ. Е. Лейста для изслѣдованія магнитной аномаліи въ Курской губ. на площади 1.300 кв. верстъ, въ 370 точкахъ. Общество положило начало изученію Ладожскаго и Онежскаго озеръ, и на этомъ поприщѣ трудились гг. Звѣринцевъ и Совѣтовъ. Совѣтъ общества примкнулъ къ международному изученію высшихъ слоевъ атмосферы и приобрѣлъ аэростатъ; но полетъ не состоялся за позднимъ прибытіемъ инструментовъ. На изданіе своихъ трудовъ и иныхъ сочиненій затрачено 42 т. руб. Выпущены въ свѣтъ: отчетъ за 1896 г., 4 выпуска «Извѣстій», 1 томъ «Живой Старины»,

отчетъ г. Шпиндера, «Всемирная торговля» и др. изданія. Капиталы общества составляютъ 120.400 р.; общіе расходы—50.500 р. Поступило отъ В. Ф. Голубева пожертвованіе въ 5.000 р. Въ виду исполнявшагося 17-го января 25-ти-лѣтія служенія обществу сенатора П. П. Семенова, по ходатайству общества, Высочайше разрѣшено открыть по всей имперіи подписку для учрежденія медали его имени. Затѣмъ были провозглашены награды: высшая и чрезвычайная награда—Константиновская медаль Нансену—за его полярныя экспедиціи; Константиновская же медаль В. И. Роборовскому—за труды по географическому изслѣдованію Средней Азіи; медаль графа Ѳ. П. Литке—И. И. Стрѣльбицкому за путешествіе по Персіи и Манчжуріи (1891—1896); медаль имени П. П. Семенова—С. Л. Гедину—за трехлѣтнее путешествіе по Центральной Азіи; большая золотая медаль—И. Н. Жданову—за совокупность трудовъ по этнографіи вообще и за сочиненіе «Русскій эпосъ» въ частности; малыя золотыя: Ѳ. Ѳ. Витраму—за изслѣдованіе силы тяжести на крайнемъ востокѣ Азіи; Ф. Ф. Шперку—за обширный трудъ «Климатъ Астраханскаго края»; С. Г. Рыбакову—за труды по собиранію памятниковъ музыкальнаго теорчества среди приуральскихъ инородцевъ; С. О. Гулишамбарову за его трудъ «Всемирная торговля XIX вѣка и участіе въ ней Россіи»; серебряныя медали: А. В. Пастухову, Г. Ѳ. Альбесу, В. А. Федченку, В. Е. Тимонову, В. В. Сапожникову, А. М. Кованько, В. А. Семковскому, кн. Оболенскому, Томиловскому и Утѣшеву; бронзовыя медали: В. Р. Кроткову и Б. А. Федченку. Кромѣ того, медали отъ совѣта общества, бронзовыя: бухарскому чиновнику Мирзѣ-Насрѣ-Эдину-Хаджи—за содѣйствіе В. И. Лисскому во время путешествія его по Гисарайскому хребту и проводникамъ Н. А. Буша во время экскурсій его по верховьямъ Кубани—Рамазану Кимчаеву и Чомаю Семенову и подарокъ Ахтѣ Семенову. Собраніе закончилось выборами. III. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія, 6-го февраля, П. Е. Островскій сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ, совершенной минувшимъ лѣтомъ, въ Тоджинскій хошунъ Урянхайской земли (хошунъ—знамя; монголы раздѣляютъ весь урянхайскій народъ на пять знаменъ). До сихъ поръ въ этой мѣстности были только въ качествѣ путешественниковъ: полковникъ иркутскаго штаба Вобырь и ботаникъ Томскаго университета Крыловъ, и собственно о тоджинцахъ въ литературѣ почти не имѣется свѣдѣній. Докладчикъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ М. И. Райковымъ, отправился изъ Минусинска на с. Кужебары, затѣмъ вверхъ по р. Амылу, откуда, переваливъ Саянскій хребетъ и перейдя границу, направился по р. Алгайкѣ, впадающей въ р. Систикемъ, и прибылъ къ устью его. Далѣе отъ Систикема вверхъ по р. Пэгъ-Кэмъ до р. Тора-Кэмъ и отсюда до озера Тоджи-Куль, бывшаго крайнимъ восточнымъ пунктомъ его путешествія. Тоджинскій хошунъ составляетъ сѣверо-восточную часть Урянхайской земли и на сѣверо-востокъ соприкасается къ корачассами, съ которыми имѣетъ, повидимому, много общаго. Населеніе здѣсь довольно густое, и главное занятіе его составляетъ скотоводство. Въ то время какъ западные обитатели Урянхайской земли славятся прославленными ворами, тоджинцы чрезвычайно честный и прямодушный народъ. Они отличаются также смѣтливостью, веселостью и большимъ юморомъ; но напѣвы у нихъ преимущественно своеобразно грустные, бьющіе по нервамъ. Костюмъ ихъ,

остаючийся неизвѣстнымъ на западѣ, отличается тщательностью работы. Пищей ихъ является мясо и главнымъ образомъ коренья; много потребляется ими также чая. Весь счетъ у нихъ ведется на бѣлку (лошадь, напимѣръ, стоитъ 200—300 бѣлокъ, фунтъ пороху 25 бѣлокъ и т. д.). Подать тоджинцы платятъ монголамъ также пушшиной, по три соболя съ души или по 120 бѣлокъ. Основные товары, сбываемые русскими тоджинцамъ: порохъ, свинець, затѣмъ миткаль, плисъ и пр. Вкусъ относительно одежды у нихъ очень развитъ. По религіи всѣ они по преимуществу шаманисты. Гостепріимство, которое у нихъ развито, не считается какою либо добродѣтелью. При разспросахъ и особенно при производствѣ фотографическихъ снимковъ, докладчику пришлось испытать не мало затрудненій, вслѣдствіе возникавшихъ по этому поводу подозрѣній, разныхъ кривотолковъ и пр., причемъ главными противниками являлось духовенство-ламы, опасующееся, какъ бы не было нашествія съ сѣвера русскихъ миссіонеровъ. Докладъ былъ иллюстрированъ разнообразными этнографическими коллекціями, вывезенными съ мѣста и множествомъ фотографическихъ снимковъ. Докладчикъ былъ награжденъ шумными аплодисментами. IV. 11 февраля, состоялся докладъ академика С. И. Коржинскаго о совершенной имъ лѣтомъ минувшаго года экспедиціи въ провинціи Рошанъ и Шугнанъ, лежація на западномъ склонѣ Памира. Экспедиція была организована на средства географическаго общества и состояла изъ докладчика, взявшаго на себя естественно-историческую часть изслѣдованій, академика К. Г. Залемана—этнографа и горнаго инженера г. Иванова—специалиста по геологіи. Кромѣ того, къ экспедиціи присоединился, въ качествѣ добровольнаго спутника, поручикъ кавалергардскаго полка А. Н. Казнаковъ, взявшій на себя составленіе зоологическихъ коллекцій. Провинціи Рошанъ и Шугнанъ до сихъ поръ, по политическимъ условіямъ, оставались почти совершенно недоступными для путешественниковъ и только лишь въ прошломъ году, когда, въ силу извѣстнаго англо-русскаго соглашенія, онѣ отошли къ бухарскимъ владѣніямъ, въ нихъ открылся доступъ для ученыхъ изслѣдователей. Исходнымъ пунктомъ экспедиціи, продолжавшейся болѣе четырехъ мѣсяцевъ, былъ Самаркандъ, откуда члены экспедиціи, раздѣлившись, направились каждый разными путями, сообразно своимъ цѣлямъ. Экспедиція С. И. Коржинскаго направилась къ югу черезъ Шахрисябскій хребетъ на Китабъ, Шааръ, Ширабадъ къ р. Аму-Дарьѣ, откуда, повернувъ къ сѣверу, сдѣлала экскурсію на непосѣщенный еще никѣмъ изъ европейцевъ хребетъ Баба-Тау, съ которымъ у мѣстнаго населенія соединяется не мало различныхъ повѣрій и разсказовъ про водящихся тамъ въ изобиліи гигантскихъ змѣй, львовъ, тигровъ и т. п., оказавшихся совершенно фантастическими. Отсюда экспедиція пошла далѣе къ сѣверу въ Гиссаръ и затѣмъ на востокъ въ Кала-и-хумъ, откуда вдоль по р. Пэнджу дошла до Ванча. Здѣсь въ дальнѣйшемъ движеніи встрѣтилось препятствіе, оказавшееся непреодолимымъ. Перевалъ Гушхонъ, черезъ который предстояло перебираться въ долину Язгулеша, былъ заваленъ массой снѣга еще отъ прошлаго года, и, не смотря на работу спеціально высланныхъ для расчистки пути болѣе ста чело-вѣкъ, проходъ оказался невозможнымъ. Пришлось идти обратно прямымъ путемъ, черезъ Алай и Памиръ. Въ Алаѣ, однако, недостатокъ въ припасахъ

заставилъ экспедицію, прежде чѣмъ направиться на Памиръ, идти въ Маргеланъ, гдѣ между прочимъ были оставлены собранныя коллекціи. Съ Памира, куда затѣмъ прибыла экспедиція, она направилась къ озеру Кара-куль и, спустившись черезъ переваль Кизиль-Джикъ въ весьма богатыхъ въ ботаническомъ отношеніи окрестности озера Ракъ-куль, достигла Памирскаго поста, а затѣмъ, пройдя къ юго-западу, къ верховьямъ рѣки Шахъ-Дары, и предѣловъ Шугнана. Выйдя отсюда въ Хорогъ, гдѣ находится смѣнный памирскій отрядъ, экспедиція совершала двѣ экскурсіи въ стороны: къ сѣверу—въ Рошанъ до Кала-и-Вамарта и къ югу—въ Вазанъ до Андыроба. Обратный путь былъ совершенъ черезъ мало-извѣстный переваль Лянгаръ къ Тапшъ-Кургану, затѣмъ по Кударъ на Кокъ-джаръ, и черезъ долину Алая въ Ферганы и Маргеланъ. Путешествіе вышло богатымъ въ научномъ отношеніи. Докладчикъ собралъ множество свѣдѣній ботаническихъ, этнографическихъ и пр. Между прочимъ, имъ было сообщено много интересныхъ данныхъ о наблюдавшихся имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ различныхъ аномаліяхъ въ природѣ и среди населенія. Такъ, напр., встрѣчались горныя рѣки, текуція только днемъ при солнцѣ, съ закатомъ же его прекращающія свое теченіе. Среди жстелей Кала-и-Рахаръ встрѣчено было множество пораженныхъ огромными зобами (до двухъ третей населенія), причиной чего, — по словамъ жителей, — является мѣстный ключъ, по мнѣнію же докладчика — всего вѣроятнѣе, замкнутый и неподвижный образъ жизни. Явленій кретинизма, обычнаго спутника зобастости, однако, не было замѣчено. Докладъ былъ иллюстрированъ множествомъ фотографическихъ снимковъ съ различныхъ мѣстностей и типовъ населенія. Затѣмъ сдѣлано было сообщеніе другимъ членомъ экспедиціи, академикомъ К. Р. Залеманомъ, касавшееся результатовъ изученія языка живущихъ въ Рошанъ и Шуганъ народовъ.

Философское общество. I. 31-го января, состоялось открытіе и первое публичное собраніе философскаго общества. Въ началѣ засѣданія председатель, Э. Л. Радловъ, обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой указалъ, что еще 18 лѣтъ тому назадъ среди лицъ, интересующихся философіей, явилась мысль о желательности болѣе постоянной и прочной связи философскихъ работъ и интересовъ въ Россіи, въ формѣ особаго общества, но попытка 1879 года не имѣла успѣха. За послѣднія 18 лѣтъ интересъ къ философіи въ русскомъ обществѣ замѣтно возросъ и явился побужденіемъ къ возобновленію попытки основать философское общество въ Петербургѣ. Но дѣло, вѣроятно, и на этотъ разъ не имѣло бы желательнаго результата, еслибъ не встрѣтило содѣйствія со стороны профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго, который, такимъ образомъ, и является главнымъ организаторомъ этого дѣла. Послѣ этого на каѳедру взошелъ А. И. Введенскій. Въ началѣ своей рѣчи онъ поставилъ вопросъ, можетъ ли философія принести въ Россіи такую же пользу, какъ и въ другихъ странахъ, и является ли у насъ занятіе ею результатомъ дѣйствительной потребности, или есть дѣло совершенно наносное? Для рѣшенія этого вопроса недостаточно обратить вниманіе только на то, въ какой мѣрѣ наши философы оказывались оригинальными, но необходимо также припомнить, какъ распространялись и развива-

лись у насъ философскія знанія. Все время до начала настоящаго столѣтія можно считать только подготовительнымъ періодомъ въ исторіи русской философіи. До этого времени, несмотря на сильное распространеніе «вольтерьянства» въ концѣ XVIII в., философія, какъ наука, еще не пустила глубокихъ корней въ русскомъ обществѣ. Настоящій серьезный интересъ къ философіи, какъ наукѣ, пробудился у насъ, главнымъ образомъ, съ того времени, какъ мы познакомились съ ученіемъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Это знакомство началось въ первой половинѣ царствованія императора Александра I, когда, какъ извѣстно, былъ совершенъ цѣлый рядъ преобразованій на пользу просвѣщенія. Между прочимъ, въ это время преподаванію философіи было отведено почетное мѣсто въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Въ программы среднихъ учебныхъ заведеній также вводились философскіе предметы. Не говоря уже о духовныхъ семинаріяхъ, даже въ гимназіяхъ было удѣлено 18-недѣльныхъ уроковъ на философскія науки. Такое положеніе дѣла замѣтно оживило интересы къ знанію, но, къ сожалѣнію, продолжалось недолго. Въ концѣ царствованія Александра I былъ созданъ цѣлый рядъ препятствій къ распространенію у насъ философскихъ знаній. Преподаваніе философіи въ гимназіяхъ было запрещено. Гимназистамъ позволялось изучать одну только логику. Университетская философія тоже была стѣснена. Тогдашній попечитель Казанскаго округа, Магницкій, прямо заявлялъ, что сущность философіи Шеллинга составляютъ «вольнодумство и развратъ». Однако, несмотря на такое печальное положеніе университетскаго преподаванія, философскія знанія продолжали распространяться въ русскомъ обществѣ и университетахъ. Ихъ распространителями прежде всего явились профессора естественныхъ наукъ, придававшіе своимъ специальнымъ лекціямъ философскій характеръ, а также извѣстные философскіе кружки—Станкевича, Аксаковыхъ и проч. Подъ вліяніемъ философскаго образованія, въ лицѣ славянофиловъ и западниковъ, у насъ сталъ вырабатываться философскій взглядъ на прошлое и будущее русскаго народа. Знакомство съ теоріей познанія способствовало у насъ развитію и нѣкоторыхъ специальныхъ наукъ. Влестящимъ примѣромъ этого служить знаменитый Лобачевскій. Въ 1850 году противъ философіи у насъ были приняты чрезвычайныя мѣры. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шихматовъ, стоявшій на той точкѣ зрѣнія, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ», позаботился о томъ, чтобы вовсе изгнать ее изъ университетовъ. И дѣйствительно, каѳедры философіи были закрыты. Изъ философскихъ наукъ въ университетахъ оставлены были только логика и психологія, преподаваніе которыхъ обязательно поручалось духовнымъ лицамъ. Такъ дѣло продолжалось до 1863 года, когда въ университетахъ снова была восстановлена каѳедра философіи. Обзоръвая общій ходъ распространенія философіи въ Россіи, профессоръ Введенскій пришелъ къ заключенію, что занятіе философіей у насъ вызывалось дѣйствительною, серьезною потребностью. Сочиненія славянофиловъ и западниковъ обнаружили способность русскихъ самостоятелно пользоваться философскими трудами чужихъ мыслителей, а примѣръ Лобачевского показываетъ, что, получая много знаній отъ западныхъ мыслителей, мы и сами далеко не всегда остаемся передъ ними въ долгу. Въ

заключеніе, указавъ на замѣтный подъемъ интереса къ философіи въ настоящее время, А. И. Введенскій выразилъ увѣренность, что вновь открытое философское общество принесетъ много пользы русскому просвѣщенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому народу. II. Въ засѣданіи 17-го февраля, В. С. Соловьевъ прочелъ часть доклада на тему «Жизненная драма Платона». Въ прочитанной части рѣчи о Платонѣ, собственно, было сказано очень мало, такъ какъ она была посвящена, главнымъ образомъ, судьбѣ Сократа. Когда же докладчикъ, послѣ продолжительнаго вступленія, приступилъ, наконецъ, къ своему предмету, то, послѣ первыхъ же словъ о Платонѣ, ссылаясь на крайнее утомленіе, прекратилъ чтеніе.

Археологическій институтъ. 29-го января, въ археологическомъ институтѣ состоялось засѣданіе, въ которомъ А. Θ. Селивановъ сдѣлалъ сообщеніе «Историческія изслѣдованія о Подолиі и труды подольскаго епархіальнаго комитета по историческому изученію Подольской епархіи». На засѣданіи былъ преосвященный Димитрій, епископъ тверской и кашинскій, бывшій съ 1887 г. по 1897 г. на епископской кафедрѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Докладчикъ остановился подробно на трудахъ подольскаго епархіальнаго комитета. Имъ издано 8 томовъ, въ которыхъ помѣщено много интересныхъ изслѣдованій и напечатано значительное количество актовъ. По мысли преосвященнаго Димитрія, приступлено къ изданію «Историко-статистическаго описанія епархіи». Преосвященный Димитрій, послѣ доклада, сдѣлалъ интересное сообщеніе объ открытомъ во время управленія имъ Подольской епархіей древняго монастыря въ м. Багатѣ (прежняя столица Понизья) и монастыря при рѣкѣ Днѣстрѣ. Преосвященный сообщилъ также интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ памятникахъ на Подолиі и о храмѣ въ честь Бориса и Глѣба въ Тверской епархіи.

Чествованіе памяти Θ. И. Буслаева. 22-го января, въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній засѣданіе отдѣла Коменскаго было посвящено памяти Θ. И. Буслаева. А. А. Шахматовъ выяснилъ заслуги Буслаева въ историческомъ изученіи русскаго языка. Послѣдователь Востокова и Гримма, Θ. И. явился не только вполне самостоятельнымъ въ своихъ трудахъ, но и истиннымъ основателемъ несуществовавшей дотолѣ исторической науки о русскомъ языкѣ. Его «Историческая грамматика», «Матеріалы для русской грамматики и стилистики», «Историческая хрестоматія древне-русскаго и церковно-славянскаго языковъ» послужили широкимъ фундаментомъ для этой науки. Имъ установлена связь русскаго языка съ группою индо-европейскихъ, связя нашей живой, разговорной рѣчи съ языкомъ древнихъ памятниковъ. Внесъ новыя начала въ изслѣдованіе языка и въ дѣло преподаванія его, Θ. И. первый внесъ раздѣленіе грамматики на элементарную и научную, далъ для первой методъ и руководство. Его «Краткій курсъ къ первоначальному преподаванію русскаго языка», безъ правилъ, безъ примѣровъ, безъ исключеній—стоитъ въ безусловномъ противорѣчіи со всѣми существовавшими и существующими руководствами этого рода. Къ сожалѣнію, покойный не нашелъ послѣдователей въ средѣ молодыхъ филологовъ,—его цѣнныя указанія почти забыты, а, между тѣмъ, дѣло первоначальнаго преподаванія языка у насъ не

можетъ считаться блестяще поставленнымъ, оно не развилось, не пошло впередъ; самое лучшее, самое полезное для него—возвратиться назадъ, къ методу Буслаева. Не менѣ замѣчательны и труды Ѳ. И. въ области исторіи русской словесности, значеніе которыхъ въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ проф. И. И. Ждановъ. Памятники нашей старины, нашъ народный эпосъ впервые получили отъ Буслаева должную оцѣнку, впервые была найдена поэзія тамъ, гдѣ ее всего менѣ ожидали найти. Ѳ. И. указалъ первый на несомнѣнные достоинства нашей народной поэзіи: на ея естественность, цѣльность, общенародность. Народная поэзія, по словамъ покойнаго, это народный бытъ, облеченный въ пѣсню, сама жизнь въ пѣснѣ. Съ негодованіемъ относился онъ къ пренебрежительному отношенію высшихъ классовъ къ народной поэзіи, доказывая, что языкъ ея—языкъ нашихъ предковъ; презирая его, они презираютъ этимъ послѣднихъ. Извѣстности трудовъ Буслаева, печатавшихся въ обще-литературныхъ журналахъ, не мало способствовало и изложеніе послѣднихъ живымъ, блестящимъ языкомъ, несмотря на научность излагаемаго. Вниманіе, привязанность, любовь ко всему, что онъ изслѣдовалъ и излагалъ, были такъ велики, что заставляли и его послѣдователей не только изучать, но и всю душою любить народную словесность. Новаторъ во всемъ, Буслаевъ явился таковымъ и въ университетѣ, гдѣ читалъ лекціи по французской системѣ, гдѣ официальному курсу вовсе не соответствовали тѣ широкія рамки, въ какія ставилъ онъ преподаваніе «исторіи русскаго языка». Нѣсколько словъ о дѣятельности Буслаева въ этой области, краткая характеристика его, какъ товарища и собесѣдника, нашли себѣ выразителя въ лицѣ ученика покойнаго—проф. А. И. Соболевскаго, закончившаго этимъ сообщеніемъ засѣданіе.

† П. А. Безсоновъ. 22-го февраля, въ Харьковѣ, скончался заслуженный профессоръ мѣстнаго университета Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ. Имя покойнаго дѣятеля науки давно извѣстно всей образованной Россіи и среди славянскихъ земель. П. А. Безсоновъ родился въ 1828 году, въ семьѣ московскаго священника Алексѣя Терентьевича Безсонова, состоявшаго законоучителемъ университетскаго пансіона. Свое начальное образованіе онъ получилъ въ московской духовной семинаріи, откуда въ 1846 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ Буслаева, Каткова, Шевырева и, особенно, Бодянскаго, онъ еще студентомъ втораго курса обратилъ на себя вниманіе гр. С. С. Уварова, тогда обозрѣвавшаго университетъ, своимъ прочтеннымъ сочиненіемъ «о современномъ состояніи психологіи»: по словамъ М. П. Погодина, «ясностью, обдуманностію, внутреннимъ сильнымъ убѣжденіемъ въ своихъ мысляхъ, которое слышно было въ самомъ ихъ выраженіи, зрѣлостію—отличалось разсужденіе г. Безсонова; слушая его, забывалось, что это студентъ, дающій отчетъ; онъ казался уже преподавателемъ». По окончаніи курса въ 1851 году первымъ кандидатомъ, Безсоновъ, продолжая усовершенствоваться въ славянскихъ нарѣчійхъ, древнихъ языкахъ и санскритѣ, началъ свою службу: съ 1855 года онъ состоялъ чиновникомъ въ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ; съ августа 1857 года—старшимъ совѣтникомъ Московской Синодальной типографіи; съ 1864 года—директоромъ Вѣденскаго раввинскаго учи-

лица и мѣстной гимназіи, завѣдующимъ тамошнимъ музеемъ, публичною бібліотекою и предсѣдателемъ археографической комиссіи, а съ 1867 по 1879 г. — бібліотекаремъ Московскаго университета. Эта почти двадцатипятилѣтняя служба соединялась съ обширною учено-литературною дѣятельностью, выразившеюся во многочисленныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, по исторіи русской и славянской литературы. Сверхъ того, съ 50-хъ же годовъ, въ Московскомъ университетѣ П. А. читалъ для желающихъ славянскія нарѣчія, языки чешскій, польскій и въ особенности сербскій и болгарскій, по памятникамъ, съ объясненіями историческими, этнографическими и филологическими. Свою литературную дѣятельность онъ сосредоточилъ въ «Русской Бесѣдѣ», примкнувъ къ славянофильскому кругу. Труды его были направлены на изслѣдованіе русской старины, народной поэзіи и русской и славянской біографіи. Одной изъ первыхъ его работъ была біографія Калайдовича, затѣмъ имъ были отысканы и по частямъ издаваемы (въ «Русской Бесѣдѣ» и потомъ отдѣльно) сочиненія тогда еще мало извѣстнаго Крижанича и изданъ сборникъ болгарскихъ пѣсень. Особенно же покойный былъ извѣстенъ своими изданіями по народной словесности, какъ, напримѣръ: «Болгарскія пѣсни» (М., 1855 г., два тома), «Пѣсни П. В. Кирѣевскаго» (М., 1860—1874 гг., десять выпусковъ), «Калѣки переходжіе», сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ, съ рисунками и нотами (М., 1861—1864 гдахъ, шесть выпусковъ), «Дѣтскія пѣсни» (М., 1868 г.) и «Бѣлорусскія пѣсни» (М., 1871 г.). Названныя изданія сопровождались подробными объясненіями народнаго творчества и языка, очерками обрядовъ, обычаевъ и воззрѣній русскаго народа и славянскихъ племенъ, такъ что представлялись не простыми «сборниками матеріаловъ», а «собраніями памятниковъ народнаго пѣснотворчества» съ изслѣдованіями и примѣчаніями издателя. Они были оцѣнены Казанскимъ университетомъ, который въ 1878 году поднесъ П. А. Безсонову почетный дипломъ на званіе доктора славянской филологіи. Благодаря этому, покойный занялъ кафедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ (съ 23 ноября 1878 года) и почти двадцать лѣтъ состоялъ тамъ профессоромъ, продолжая до кончины заниматься излюбленнымъ предметомъ — народною русскою и славянскою литературой. Помимо отдѣльно выпущенныхъ сочиненій, перу П. А. Безсонова принадлежитъ рядъ статей, разбросанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русской Бесѣдѣ», «Молвѣ», «Днѣ» Аксакова, «Православномъ Собесѣдникѣ», «Русскомъ Архивѣ» и «Современной Лѣтописи». Изъ этихъ статей назовемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», «Книга Пчела», «Стоглавъ», «Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго русскаго пѣснопѣнія» (1872 г.), «Мнимый туранизмъ русскихъ» (1885 г.) и др. Еще полтора года тому назадъ онъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» подробно описывалъ свое богатое собраніе произведеній народной поэзіи. «Со смертію П. А. Безсонова, говорить «Московскія Вѣдомости», прекращается дѣятельность одного изъ старѣйшихъ питомцевъ нашего университета, неутомимаго собирателя и издателя произведеній народнаго творчества, ревностнаго члена общества любителей Россійской словесности, гдѣ онъ долгое время слу-

жилъ секретаремъ, и — наконецъ — человѣка, котораго труды, по словамъ М. Н. Каткова, — какъ посвященные нашему народному самопознанію, заслуживаютъ всякой хвалы и признанія». («Моск. Вѣд.» № 54; «Нов. Вр.» № 7902; «Нов.» № 55).

† Г. П. Смирновъ-Платоновъ. 16-го февраля, скончался въ Москвѣ протоіерей Григорій Петровичъ Смирновъ-Платоновъ. Покойный родился въ 1825 году въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Здѣсь же, въ духовной семинаріи, онъ началъ свое образованіе, которое съ 1846 года продолжалъ въ Московской духовной академіи. По окончаніи въ 1850 году курса въ академіи Г. П. оставленъ былъ при ней бакалавромъ и получилъ кафедру библейской исторіи. Въ слѣдующемъ году за сочиненіе «О литургіи преждеосвященныхъ даровъ» получилъ степень магистра богословія. Названная дисертация была напечатана по настоянію митрополита Филарета. Послѣ двухъ лѣтъ академической службы Г. П. въ награду былъ перемѣщенъ на кафедру патрологіи. Въ 1853 году была образована особая комиссія для разбора и описанія рукописей бібліотеки бывшаго печатнаго двора, нынѣ при Московской Синодальной типографіи. Въ эту комиссію вошелъ Г. П., много и съ пользою въ ней поработавшій. Съ осени 1850 года покойный, сверхъ того, поступилъ слушателемъ въ Московскій университетъ, въ которомъ сосредоточилъ вниманіе на курсахъ профессоровъ Ѳ. И. Буслаева и П. М. Леонтьева. Затѣмъ Г. П. поступилъ на службу въ духовную семинарію. Въ 1856 году покойный получилъ мѣсто приходскаго священника въ церкви Воскресенія, что на Остоженкѣ, гдѣ священствовалъ болѣе 35 лѣтъ до перемѣщенія къ Николо-Явленской, что на Арбатѣ, церкви, послѣдовавшаго въ 1892 году. Вскорѣ послѣ того, въ 1859 году, Г. П. выступилъ на поприще общественнаго дѣятеля и журнальнаго работника. Онъ состоялъ гласнымъ городской думы, былъ дѣятельнымъ членомъ общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ членомъ московскаго комитета грамотности и одно время былъ въ немъ товарищемъ предсѣдателя, основалъ первый въ Москвѣ пріютъ для дѣтей — «ясли», принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ извѣстномъ журналѣ професора Сергіевскаго «Православное Обзорѣніе», а съ 1869 г. года сдѣлался его редакторомъ. Въ 1885 году онъ основалъ журналъ «Дѣтская Помощь», который долженъ былъ служить органомъ упомянутаго общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Въ дѣйствительности «Дѣтская Помощь» была болѣе нежели органомъ общества, она вообще была шире своего названія: это былъ журналъ, касавшійся всѣхъ вопросовъ общественной благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ. Г. П. ясно сознавалъ, что помощь бѣднымъ — дѣло не одной только филантропіи, что здѣсь необходима дѣятельность государственныхъ и общественныхъ органовъ, почему онъ и удѣлялъ въ своемъ журналѣ немало мѣста вопросамъ законодательства о бѣдныхъ. Только благодаря «Дѣтской Помощи», читающая публика могла, наприимѣръ, имѣть свѣдѣнія о трудахъ комиссіи покойнаго статсъ-секретаря К. К. Грота, имѣвшей свою цѣлью реформу нашего законодательства объ общественномъ призрѣніи. Г. П. умѣлъ сплотить около себя кружокъ молодежи, горячо отдававшей свои силы и свой безвозмездный трудъ редактируемому имъ

журналу, который не уступалъ по своимъ достоинствамъ лучшимъ заграничнымъ изданіямъ этого рода. Журналъ никогда не имѣлъ широкаго распространенія, но это не ослабляло энергіи неутомимаго Г. П. Вѣра въ плодотворность работы, онъ въ теченіе десяти лѣтъ не покидалъ начатаго имъ дѣла, и только недостатокъ матеріальныхъ средствъ на изданіе, ежегодно приносившее редактору довольно крупный дефицитъ, заставилъ Г. П. въ 1895 году прекратить «Дѣтскую Помощь», которая по богатству собраннаго ею матеріала, твердости и опредѣленности руководящихъ статей долго еще будетъ составлять необходимое пособіе для всякаго работающаго въ области вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ. Будучи вынужденъ закрыть «Дѣтскую Помощь», Г. П. не переставалъ мечтать объ ея возобновленіи, и въ 1896 году велъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ однимъ изъ официальныхъ вѣдомствъ въ Петербургѣ, причемъ даже предлагалъ, если это окажется нужнымъ для изданія, оставить Москву и просить о переводѣ въ одинъ изъ петербургскихъ приходовъ. До самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни Г. П. не покидалъ пера, и не далѣе какъ въ 9-мъ номерѣ «Русскаго Архива» за 1897 годъ были напечатаны имъ воспоминанія объ А. П. Протасовѣ. Въ послѣднее время Г. П. работалъ въ московскомъ отдѣленіи попечительства о слѣпыхъ, гдѣ былъ товарищемъ предѣдателя. Лѣтомъ и осенью 1897 года онъ устроилъ глазную амбулаторію въ Сергіевскомъ посадѣ. Общество любителей духовнаго просвѣщенія лишилось въ немъ одного изъ видныхъ своихъ членовъ. При содѣйствіи покойнаго общество обогатилось значительною богословскою библіотекою протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Со времени перемѣщенія къ церкви св. Николая Явленскаго, Г. П. стоялъ во главѣ братства св. Николая въ память цесаревича Николая и много способствовалъ упроченію и развитію его дѣятельности. При своей разнообразной общественной и литературной дѣятельности покойный находилъ время для занятія законоучительствомъ. Такъ, между прочимъ, онъ преподавалъ законъ Божій въ Александро-Маріинскомъ училищѣ, Елисаветинской гимназіи и др. Въ послѣднее время почившій протоіерей много потрудился по устройству публичныхъ богословскихъ чтеній, которые возникли по его иниціативѣ и ближайшемъ участіи. Успѣхъ перваго опыта этихъ чтеній доставилъ большое нравственное удовлетвореніе усопшему. «Почившій былъ выдающейся и крайне разностороннею личностью, говорятъ «Русскія Вѣдомости». Талантливость и глубина ума соединились въ немъ съ широкимъ философскимъ образованіемъ, съ одной стороны, и рѣдкою любовью и способностью къ общественной дѣятельности—съ другой. Это былъ энергическій, живой общественный дѣятель, всегда отзывчивый на все доброе, всегда готовый всякому помочь словомъ и дѣломъ, всегда смѣлый и правдивый». («Русск. Вѣд.» № 50; «Моск. Вѣд.» № 48; «Нов. Вр.» № 7899).

† Я. О. Березинъ-Ширяевъ. 23-го января, въ С.-Петербургѣ, скончался Яковъ Ѳедуловичъ Березинъ-Ширяевъ, библіографъ и библіофилъ. Сынъ купца, онъ родился 20 октября 1824 года, еще въ молодости приистрастился къ чтенію и началъ приобрѣтать книги самаго разнороднаго содержанія, преимущественно касающіяся исторіи и древностей Россіи, литературы, искусствъ и художествъ. Съ теченіемъ времени онъ составилъ себѣ замѣчательную библіотеку,

заключающую до 14.000 сочиненій въ 80.000 томахъ, въ томъ числѣ много цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій. Кромѣ бібліотеки, покойный составилъ богатую нумизматическую коллекцію и собраніе гравюръ. Главная заслуга Я. Θ. заключается въ томъ, что онъ не только собиралъ книги, но и занимался ихъ описаніемъ, издавъ нѣсколько сочиненій, имѣющихъ большую бібліографическую цѣнность. Такъ, ему принадлежатъ «Матеріалы для бібліографіи или описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ бібліотекѣ любителя историческихъ наукъ» (8 книжекъ); «Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, или дополнительные матеріалы для бібліографіи»; «Послѣдніе матеріалы для бібліографіи или описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, гравюръ и портретовъ, русскихъ и иностранныхъ»; «Обозрѣніе книгъ, гравюръ и монетъ временъ царствованія Петра Великаго и Екатерины Первой»; «Описаніе книгъ, брошюръ, указовъ и эстамповъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго и императрицы Екатерины I Алексѣевны». Кромѣ того, имъ помѣщено много статей и замѣтокъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

† В. Н. Чиколевъ. 22-го февраля, въ С.-Петербургѣ, скончался извѣстный русскій электротехникъ Владиміръ Николаевичъ Чиколевъ. Покойный родился въ 1845 году, образованіе получилъ въ Александровскомъ сиротскомъ военномъ училищѣ въ Москвѣ. Своими обширными спеціальными знаніями В. Н. обязанъ главнымъ образомъ самообразованію. Онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, усердно занимался физикой и былъ приглашенъ скорѣе ассистентомъ въ физическій кабинетъ профессора Цвѣткова. Затѣмъ онъ занимался нѣкоторое время въ лабораторіи Московскаго технического общества, посвятивъ свои работы преимущественно электротехникѣ и электричеству, мало еще въ то время разработанному. Въ 1869 году онъ работалъ уже надъ примѣненіемъ дифференціального принципа къ электрическимъ дуговымъ лампамъ, въ 1874 году устроилъ первую въ мірѣ дифференціальную лампу. Въ 80-хъ годахъ покойный принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ технического общества и явился инициаторомъ-устроителемъ первой въ мірѣ электрической выставки, бывшей въ Петербургѣ въ 1881 году, и редакторомъ перваго русскаго электрическаго журнала «Электричество», возникшаго также по его инициативѣ. Техническое общество отплатило полезные труды покойнаго по электричеству медалью, присужденною преимущественно за примѣненіе электричества къ практическимъ цѣлямъ. Съ 1876 года В. Н. служилъ дѣлопроизводителемъ артилерійскаго комитета по электротехническому отдѣлу. Его стараніями открыта въ артилерійскомъ вѣдомствѣ электрическая лабораторія, и электричество стало примѣняться къ многимъ военнымъ цѣлямъ, наиримѣръ, къ стрѣльбѣ и пр. Въ 1892 году покойный изобрѣлъ способъ проверки рефлекторовъ фотографированіемъ и изложилъ теорію электрическихъ прожекторовъ. Помимо изобрѣній В. Н. Чиколевъ извѣстенъ своими многочисленными литературными работами и популярными публичными лекціями объ электричествѣ, прочитанными въ Солянномъ Городкѣ. Изъ его трудовъ назовемъ: «Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи къ военнымъ цѣлямъ», «Справочная книжка по электротехникѣ», «Повѣрка рефлекторовъ», «Освѣтительная способность прожекторовъ электрическаго свѣта», «Электротехническія измѣренія и по-

вѣрки», «Математическія таблицы» и мн. др. сочиненія, между прочимъ, «Пиротехнику» — первую популярную книгу о приготовленіи фейерверковъ. («Нов. Вр.» № 7902).

† **А. Борковская.** 23-го февраля, въ Варшавѣ, скончалась одна изъ виднѣйшихъ работницъ мѣстной польской прессы Александра Борковская (рожд. Хоментовская). Воспитанная въ традиціяхъ благочестивой старо-польской семьи, Борковская послѣ смерти мужа (подляскаго помѣщика) поселилась съ 1856 года въ Варшавѣ и отдалась литературной дѣятельности. Счастливый случай помогъ ей занять видное положеніе въ избранномъ родѣ дѣятельности. Въ 1868 году началъ издаваться въ Варшавѣ на средства графа Влад. Красинскаго журналъ «Kronika rodzinna», редакторомъ котораго назначенъ былъ Влад. Хоментовскій, бібліотекарь ординаціи Красинскихъ, родной братъ Борковской. Последняя издававшая уже въ 1861 году журналъ «Kółko domowe», выходившій два раза въ мѣсяцъ, стала постоянной сотрудницей ново-основаннаго журнала, а съ 1878 года (послѣ смерти брата) получила журналъ въ свое полное завѣдываніе. Въ 1889 году она стала во главѣ второго журнала «Wieczory Rodzinne» (еженедѣльный иллюстрированный). Задачей своей журнальной дѣятельности Борковская считала поддержаніе и защиту традиціонныхъ основъ какъ семейной, такъ и общественной жизни, опирающихся на началахъ клерикально-консервативнаго характера. Играя замѣтную роль въ общественной жизни города Варшавы, Борковская являлась центромъ цѣлага кружка съ ясно-опредѣленной консервативной тенденціей: собранія ея (носившія названія «сессій семейной хроники») пользовались значительной извѣстностью въ польскомъ обществѣ. Независимо журнальной дѣятельности, Борковской напечатаны слѣдующія книжки: «Obrazki z życia świętobliwych Polaków i Polek» (1859 г.), «Wspomnienia z przeszłości, poświęcone młodemu wiekowi» (1 изд. — 1860 г., 2 изд. — 1877 г.), «Marja Klementyna» (1861 г.), «Powieści i opowiadania dla młodego wieku» (1874 г.) и мн. др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго».

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья г. Николаевскаго, подъ заглавіемъ «Товарищи Достоевскаго».

Приложенный къ замѣткѣ статейный списокъ политическихъ и государственныхъ преступниковъ, снабженный выдержками изъ «Записокъ изъ мертваго дома», представляетъ несомнѣнный интересъ; но жаль, что въ заключеніи замѣтки Г. Николаевскій сдѣлалъ ошибку, которую я и хочу исправить.

Г. Николаевскій пишетъ: «въ настоящее время Омской каторжной крѣпости уже не существуетъ, но самое зданіе острога еще цѣлѣ

Это три деревянных корпуса, въ которыхъ живутъ музыканты и солдаты мѣстнаго гарнизона».

Все это невѣрно. Во-первыхъ, «каторжной крѣпости» въ Омскѣ никогда не существовало, да врядъ ли и вообще гдѣ нибудь были такія крѣпости, а, во-вторыхъ, крѣпость эта хотя и упразднена, но до сихъ поръ стоитъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ была во времена Достоевскаго. Затѣмъ меня удивляетъ, что г. Николаевскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Омскѣ и, вѣроятно, здѣсь у насъ добывшій статейный списокъ, не поинтересовался даже справиться, гдѣ былъ острогъ, и осталось ли отъ него что нибудь.

Омскій острогъ находился на сѣверо-восточномъ бастіонѣ бывшей крѣпости и существовалъ до 1877 года, а затѣмъ лѣтомъ въ этомъ году валъ былъ срытъ, «пали», окружавшія острогъ, уничтожены, и остались только четыре острожныхъ корпуса: двѣ казармы, кухня и амбары, да знаменитая кордегардія, въ которую не менѣе знаменитый своимъ звѣрствомъ, угреватый маіоръ отправлялъ арестантовъ для наказанія розгами. Вотъ что говоритъ Достоевскій объ этой кордегардіи.

«Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ, онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшенными, злыми поступками, и если-бъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ онъ могъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя, впрочемъ, и былъ отданъ подъ судъ.

«Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его крикнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ впрочемъ поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокія, но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что нибудь спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски они не переводились. А если и отбирались, то заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели

паль. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришелъ конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ маіоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошелъ съ отъѣздомъ маіора».

Вообще, по описаніямъ Достоевскаго, кордегардія въ жизни каторжныхъ играла большую роль. У кордегардіи билъ барабанъ утреннюю и вечернюю зорю, что было сигналомъ отпирать или запираť казармы; предъ кордегардіей арестанты строились по утрамъ и ихъ распредѣляли на работы; къ кордегардіи въ праздничные дни со всѣхъ концовъ города приносили подаваніе; но преимущественно съ воспоминаніями о кордегардіи связаны фатальный маіоръ, а главнымъ образомъ, розги. А чтобы наказать арестанта, нужно было немного: нужна была злая воля начальника.

Вотъ что рассказываетъ, напримѣръ, Достоевскій о наказаніи старика Ж—скаго, бывшаго профессора математики:

«Въ дорогѣ отъ У—горска до нашей крѣпости, ихъ (поляковъ) не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ привели къ плацъ-маіору, то онъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ, впрочемъ, они вовсе не были виноваты.

— «Въ какомъ они видѣ!—заревѣлъ онъ,—это бродяги, разбойники.

«Ж—скій, тогда еще плохо понимавшій порусски и подумавши, что ихъ спрашиваютъ, кто они такіе,—бродяги или разбойники, отвѣчалъ:

— «Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— «Ка-а-акъ! Ты грубить! грубить!—заревѣлъ маіоръ.—Въ кордегардію! Сто розогъ сейчасъ же, сію же минуту!

«Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безирекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стога, не шевелясь».

Зданіе острога мнѣ какъ омскому старожилу тѣмъ болѣе памятно, что въ одной изъ каторжныхъ казармъ я прожилъ цѣлое лѣто 1878 года. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ 1876 году я былъ призванъ для отбыванія воинской повинности и зачисленъ въ строй, въ 1-ю роту Омскаго мѣстнаго баталіона. Какъ имѣющій льготу по образованію, я черезъ годъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и назначенъ старшимъ писарскаго класса. Команда писарскаго класса помѣщалась въ бывшей артиллерійской кордегардіи около Тарскихъ крѣпостныхъ воротъ, не болѣе какъ саженьяхъ въ 60 — 70 отъ острога.

Когда каторга была упразднена, острожныя пали срубили, оставшіяся зданія кое-какъ отремонтировали, соединили невысокими заборчиками и вотъ лѣтомъ въ 1878 году, по причинѣ ремонта зданія около Тарскихъ воротъ, меня съ командой перевели въ одну изъ бывшихъ каторжныхъ казармъ.

Живо интересуясь острогомъ, памятнымъ мнѣ по «Запискамъ изъ мертваго дома», я обошелъ обѣ казармы и кухню, думая найти какіе нибудь слѣды бывшей каторги: надписи на стѣнахъ или что нибудь въ этомъ родѣ; но стѣны

казармъ были забѣлены, нары сняты, и ничто уже не напоминало о «мертвомъ домѣ», домѣ ужасовъ и гражданской смерти многихъ людей.

Надѣюсь, всего сказаннаго достаточно для того, чтобы судить, знаю ли я, гдѣ былъ Омскій острогъ.

Въ 1880 году я уѣхалъ въ Томскъ и зданія бывшаго острога были тогда еще цѣлы; но когда я пріѣхалъ обратно въ Омскъ въ 1886 году, объ острогѣ не было уже и помину.

«Свѣтлый вольный міръ» не только подошелъ къ окнамъ казармъ, — какъ пишетъ Г. Николаевскій; — а ворвался въ эти казармы, уничтожилъ ихъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣ бродили угрюмые каторжные, позвякивая кандалами, въ настоящее время идетъ широкая улица, находящаяся между казармой 5-ой роты резервнаго баталіона и заборомъ классической гимназій.

Впрочемъ памятникомъ тѣхъ печальныхъ временъ, о которыхъ «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», осталась во всей своей неприглядности знаменитая острожная кордегардія, которая какъ-то совсѣмъ нелѣпо пріютилась въ углу двора при казармѣ 5-ой роты и до сихъ поръ стоитъ такая же мрачная, какою была и ранѣе.

Что же касается зданій, которые г. Николаевскій называетъ въ своей замѣткѣ бывшимъ острогомъ; то зданія эти находятся какъ разъ въ противоположной сторонѣ крѣпости и тоже могутъ назваться знаменитостью: это бывшія спальни и классы баталіона военныхъ кантонистовъ или «палочной академіи» какъ прозвали омскіе обыватели печальной памяти аракчеевскую школу.

По упраздненіи баталіона военныхъ кантонистовъ (что случилось значительно ранѣе упраздненія острога) вмѣсто него учреждена была школа военного вѣдомства, переименованная впоследствии въ военную прогимназію. Съ тѣхъ поръ же какъ упразднили и военную прогимназію, въ зданіяхъ этихъ дѣйствительно живутъ музыканты и солдаты резервнаго баталіона.

М. Базановъ.

II.

Отвѣтъ проф. Д. В. Цвѣтаеву.

Извѣстный защитникъ и даже едва ли не проповѣдникъ теорій, будто сооруженная королемъ Сигизмундомъ III надъ гробами Шуйскихъ въ Варшавѣ «московская часовня» стояла на мѣстѣ теперешней 1-й варшавской мужской гимназій, проф. Варшавскаго университета г. Цвѣтаевъ выступилъ съ возраженіемъ противъ нашей замѣтки «Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ» («Историч. Вѣстн.» 1897 г., кн. 12).

Возраженіе г. Цвѣтаева, облеченное въ форму двухъ статей, аналогичныхъ по своему содержанію, появилось въ «Варшавскомъ Дневникѣ» (№ 338, отъ 20 декабря 1897 г., «Сообщеніе по вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ») и на стр. «Историч. Вѣстн.» (1898 г., кн. II, «Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ»). Авторъ ихъ (выражаясь его же словами) «трактуетъ о предметѣ безъ должныхъ; розысканій», заявляетъ,

что «здание, стоящее за первой гимназіей, въ саду ея... никогда не было усыпальницей Шуйскихъ, или московской капицей, и связи съ нею не имѣетъ», что «капицы не существуетъ уже давно», и что «на землѣ ея стоятъ теперь памятники Коперника и главное переднее здание гимназіи, въ которомъ сооружается церковь»... («Истор. Вѣстн.», стр. 663).

Вмѣсто того, чтобы подкрѣпить свои столь категорическіе выводы ссылками на планы и документы, г. профессоръ рассказываетъ исторію костѣла Пресв. Дѣвы (при монастырѣ доминикановъ-обсервантовъ), стоявшаго на мѣстѣ быв. «палаца Сташица» (теперь 1-я гимназія), передаетъ ни для кого неинтересный рассказъ о самоубійствѣ на altarѣ этого костѣла кс. каноника Іос. Даниковскаго, пускается въ описаніе строящейся въ 1-й гимназіи церкви, наконецъ, договаривается до того, что «настойчивые рассказы, будто ксендзъ Сташицъ приобрѣлъ или купилъ себѣ подоминиканскія зданія и землю, выстроилъ домъ и подарилъ все это обществу любителей (?) наукъ, — неточная легенда; ни площадь (?), ни домъ никогда не были собственностью Сташица, и таковыми не считали и не называли ихъ ни общество, ни Сташицъ» (665), а «зданіице, имѣющееся въ саду гимназіи», — бесѣдка на земельномъ участкѣ, принадлежавшемъ въ концѣ XVII столѣтія женѣ виленскаго каштеляна Служко (665 — 666). Въ заключеніе, г. Цвѣтаевъ обобщаетъ «собственно о бесѣдкѣ» сказать подробнѣе «въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ, въ изложеніи о времени, когда начали признавать ее за царско-княжескую усыпальницу» (666).

Ожидая съ понятнымъ нетерпѣніемъ общаемыхъ «розысканій» и въ интересахъ почтеннаго автора, позволимъ себѣ порекомендовать ему обратиться къ одному официальному документу (который, строго говоря, долженъ былъ бы давнымъ-давно быть извѣстенъ г. Цвѣтаеву, какъ профессору Варшавскаго университета). Это «Циркуляръ по Варшавскому учебному округу», іюнь 1893 г., № 6. Здѣсь, на стр. 33—37, помѣщены «Свѣдѣнія о временномъ погребеніи тѣла царя Василія Іоанновича Шуйскаго на мѣстности, нынѣ занимаемой варшавскою 1-ю мужскою гимназіею. Изъ представленія директора гимназіи г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа»¹⁾. Въ этихъ «Свѣдѣніяхъ» (и при томъ свѣдѣніяхъ официальныхъ) г. Цвѣтаевъ найдетъ для себя полезныя указанія, касающіяся исторіи бывшаго палаца Сташица, а относительно «цвѣтаевской» бесѣдки узнаетъ слѣдующее: «...Бесѣдка находится въ саду очень далеко отъ всякаго жилого помѣщенія, и устроенный подъ нею погребъ не могъ быть полезенъ ни для какихъ хозяйственныхъ надобностей и вообще странно видѣть погребъ подъ бесѣдкою. Самая бесѣдка нисколько не похожа на обыкновенныя садовыя постройки; съ перваго же взгляда на это зданіице, въ немъ видится строеніе церковное, съ католическимъ характеромъ; задняя стѣна ея представляетъ какъ бы нишу, очевидно, для большаго образа и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ для католическаго алтаря. Въ текущемъ (т.-е. 1893) году я (т.-е. директоръ гимназіи) показалъ бесѣдку профессору университета св. Владимира А. В. Прахову, и онъ полагаетъ, что не только погребъ, находящійся подъ бесѣдкою, есть погребальный склепъ, въ

¹⁾ Копія этого циркуляра сообщена нами редакціи «Истор. Вѣстн.».—Г. В.

которомъ помѣщался гробъ царя Василя Іоанновича Шуйскаго, но что и самая бесѣдка, судя по кирпичамъ и по характеру постройки, есть часовня, построенная Сигизмундомъ III надъ могилою царя Василя Шуйскаго, знаменитая *Kaplica Moskiewska*» (37).

Нельзя не пожалѣть, что мнѣніе извѣстнаго ученаго и знатока древностей, къ которому обращалось за совѣтомъ варшавское учебное вѣдомство въ 1893 году, черезъ два года было совсѣмъ игнорировано тѣмъ же самымъ вѣдомствомъ...

Г. А. Воробьевъ.

тинъ и рисунокъ П. Е. Рѣпина. Изданіе В. В. Матѣ. Выпускъ первый. Спб. 1898. с. ш.—13) Гаспари Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. А. н.—14) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго, г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Дибстера до Москвы). Москва. 1897. с.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 310

1) Новая монографія о Платонѣ. — 2) Легенда о Тангейзерѣ. — 3) Іоанна д'Аркъ и ея сподвижники. — 4) Былъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ? — 5) Мазаньелло. — 6) Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ. — 7) Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Д. Х. Ливентъ. — 8) Новая біографія Гладстона. — 9) Портной-радикалъ. — 10) Столѣтній юбилей «*Allgemeine Zeitung*». — 11) Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента. — 12) Новооткрытыя сокровища Ватиканской бібліотеки. — 13) Платоническая любовь графини Христины Фонтанъ къ Александру I.

XV. Изъ прошлаго. 238

Великопостное посланіе. П. И. Григорьева.

XVI. Смѣсь 335

1) Археологическое общество въ Москвѣ. — 2) Кіевское общество Нестора лѣтописца. — 3) Общество любителей древней письменности. — 4) Собраніе общества ревнителей русскаго просвѣщенія. — 5) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. — 6) Географическое общество. — 7) Философское общество. — 8) Археологическій институтъ. — 9) Чествованіе памяти Ф. П. Буслаева. — 10) Некрологи: П. А. Безсоновъ; Г. П. Смирновъ-Платоновъ; Я. Ф. Верезинъ-Ширяевъ; В. Н. Чиколевъ; А. Ворковская.

XVII. Замѣтки и поправки 355

1) Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго». М. Базанова. — 2) Отвѣтъ проф. Д. В. Цѣтаеву. Г. А. Воробьева.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Остенъ-Сакена. — 2) Невѣста короля. А. Fountain Seale). Романъ. Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго. Прологъ. Гл. I—V.

ОПЕЧАТКА въ № 3 «Историческаго Вѣстника».

Въ статьѣ «М. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири» на стр. 1-й, строка 7-я (снизу) напечатано «неумнаго» вмѣсто «неугомоннаго».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергія Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА, ВРГЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

